УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Друзей медлительный уход ...
Памяти Олега Шарова

Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой

Библиотека stratum

КИШИНЕВ
2022

Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!

«Беовульф»

902/904(092)(082)
Д 762

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М.М. Казанский, А.В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referinţe bibliogr. la sfârşitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).
902/904(092)(082)
Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М.М. Казанский, А.В. Мастыкова, 2022.
© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.
© Обложка: Д.А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина
Технический координатор: Ж.Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник
Редактор карт: Л.А. Мосионжник
Корректор: С.Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ...
AD MEMORIAM OLEG SHAROV

Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova

stratum Library

KISHINEV
2022

Памяти

Олега Васильевича Шарова

посвящается

In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Ткачук (*Кишинёв, Молдова*). Мой друг — Олег Шаров 11

А. В. Энговатова (*Москва, Россия*). О. В. Шаров в Институте археологии РАН 15

ПАМЯТЬ

Г. В. Шарова (*Санкт-Петербург, Россия*). Про Олега 19

Е. Ю. Гиря (*Санкт-Петербург, Россия*). Черты к портрету археолога нашего времени 29

И. Л. Тихонов (*Санкт-Петербург, Россия*). Полевые сезоны Олега Шарова . . 35

М. Ю. Афанасьев (*Санкт-Петербург, Россия*). Осененные «Фарном» 45

Фотоальбом 49

НАСЛЕДИЕ

О. В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . . 71

О. В. Шаров (†), Д. А. Костромичев (*Севастополь, Крым*), Н. Ю. Новоселова (*Санкт-Петербург, Россия*). Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года 87

HOMMAGE

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова (*Москва, Россия*), А. А. Канапин, А. А. Самсонова (*Санкт-Петербург, Россия*), М. Б. Медникова (*Москва, Россия*). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника 115

К. В. Чугунов (*Санкт-Петербург, Россия*). Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы 129

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (*Краснодар, Россия*). Меотское погребение с «очковидными» псалиями 143

А. М. Обломский (*Москва, Россия*). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н. э. — II в. н. э. . . . 153

А. И. Дробушевский (*Санкт-Петербург, Россия***). Зарубинецкая культура и бастарны 171**

П. В. Шувалов (*Санкт-Петербург, Россия***). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе 191**

В. В. Приймак (*Сумы, Украина***). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.) 221**

М. М. Казанский (*Париж, Франция***), А. В. Мастыкова (***Москва, Россия***). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников 235**

Я. Е. Беспальчикова (*Санкт-Петербург, Россия***). Готский шаманизм как исследовательская проблема 247**

М. В. Любичев (*Харьков, Украина***), Э. Шультце (***Берлин, Германия***). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш . . . 253**

Б. В. Магомедов (*Киев, Украина***). Гребни черняховской культуры: магическая функция 281**

Э. Иштванович (*Ньиредьхаза, Венгрия***), В. Кульчар (***Сегед, Венгрия***), А. А. Стоянова (***Симферополь, Крым***). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда 295**

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (*Симферополь, Крым***). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму 323**

Ж. Пинар Жиль (*Градец-Кралове, Чехия***). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на анг. яз.). 335**

Список сокращений 345

CONTENTS

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). My Friend Oleg Sharov 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences 15

MEMORY

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). About Oleg 19

E. Yu. Girya (*Saint Petersburg, Russian Federation*). A few details to the portrait of a modern archaeologist 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Field seasons of Oleg Sharov 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Overshadowed by "Farn" 45

Album of Photos 49

HERITAGE

O. V. Sharov (†). Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea 71

O. V. Sharov (†), D. A. Kostromichyov (*Sevastopol, Crimea*), N. Yu. Novoselova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020 . . . 87

HOMMAGE

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al'borova (*Moscow, Russian Federation*), A. A. Kanapin, A. A. Samsonova (*Saint Petersburg, Russian Federation*), M. B. Mednikova (*Moscow, Russian Federation*). New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). Maeotian Burial with the "Eye-glass"-shaped Cheek-pieces 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD 153

A. I. Drobushevski (*Saint Petersburg, Russian Federation***). Zarubintsy Culture and Bastarnae 171**

P. V. Shuvalov (*Saint Petersburg, Russian Federation***). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe 191**

V. V. Priymak (*Sumy, Ukraine***). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD) 221**

M. M. Kazanski (*Paris, France***), A. V. Mastykova (***Moscow, Russian Federation***). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources 235**

Ya. E. Bespalchikova (*Saint Petersburg, Russian Federation***). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue 247**

M. V. Lyubichev (*Kharkiv, Ukraine***), E. Schultze (***Berlin, Germany***). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . . 253**

B. V. Magomedov (*Kyiv, Ukraine***). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function 281**

E. Istvánovits (*Nyíregyháza, Hungary***), V Kulcsár (***Szeged, Hungary***), A. A. Stoianova (***Simferopol, Crimea***). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . . 295**

A. I. Aibabin, E. A. Khairedinova (*Simferopol, Crimea***). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea 323**

J. Pinar Gil (*Hradec Králové, Czech Republic***). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . . 335**

Abbreviations 345

М. Е. Ткачук

Мой друг — Олег Шаров

Питер учит дружить иначе, чем дружат в других местах. Это одна из самых главных вещей, которой он учит. Особенно в академической среде, где как бы принято учиться совсем другому. Теплое, сердечное и беззаботное слово «дружба» тут расшифровывается через целый список холодных, бездушных почти канцелярских категорий — квалификация, компетентность, принципиальность, точность, организованность, бескомпромиссность. Все эти слова — требовательные условия, чтобы дружба состоялась. Именно поэтому долгие-долгие годы питерские ученые, в том числе и археологи, дружили скорее научными школами, чем экспедиционными застольями. Домашними семинарами, а не днями рождения. Добрая попойка с однокашниками тут ни к чему не обязывает, а вот принадлежность к научному направлению обязывает ко всему, в том числе к принятию самых непростых нравственных решений, к риску и испытаниям на прочность. Питерская дружба требует собранности и внимательности. Она всегда повод для того, чтобы вместе нечто обдумать и придумать, вместе создать, вместе открыть, поделиться созданным и открытым, но только не убить время вместе.

Олег Шаров обладал уникальным даром. Шаров давал шанс, он умел дружить по-своему. В чрезвычайно взыскательной питерской археологической среде для очень многих он был тем самым волшебным помощником, который помогал пройти, продраться сквозь неприступный и сказочно-беспощадный лес изощренных интеллектуальных испытаний.

Когда в самом начале 90-го года я оказался в семинаре Марка Борисовича Щукина, ничего, кроме ощущения собственного ничтожества и невежества, я не испытал. Раз за разом, встреча за встречей становилось только хуже. Меня окружали колдуны, волшебники, говорившие на каком-то неведомом мне языке. Один их мимолетный взгляд на графический профиль какой-нибудь фибулы рождал поток слов, напоминавших заклинание друидов — Амброз, Альмгрен, Годловский, Костшевский, Манхинг, Карабурма. Они искреннее смеялись и радовались чему-то своему, над кем-то потешались, яростно спорили. Я очень хотел разобраться во всем этом, хотел тоже уметь слету безошибочно приговорить какой-нибудь бронзовый котел из толстой немецкой книжки — «ха, так это же Эггерс-4» и посетовать на то, что незадачливый автор не знает элементарных вещей.

Но — увы. Штудирование латенской и римской хронологии лишь погружало меня в хаос бесполезных знаний. Шел семинар за семинаром и, наконец, случилось самое страшное. Марк Борисович Щукин под занавес очередного заседания едко и немного раздраженно сказал: «Ну а Вы что молчите? Вопросов не задаете? Надеюсь, мы скоро услышим и Ваше выступление…». Мне хотелось провалиться сквозь землю. За несколько месяцев питерской научной жизни я лишь разочаровался во всех своих, как мне еще недавно казалось, оригинальных гипотезах, а новых идей мозг не рождал.

Расходились, как всегда поздно. К метро мы шли вдвоем с Олегом Шаровым. Неожиданно он хлопнул меня по плечу и, рассмеявшись, сказал: «Не переживай. Так всегда в начале». Узнав, что я собираюсь в Москву на несколько дней, Олег достал пухлую рукопись и попросил ее передать по адресу. Уже прощаясь, он мимоходом заметил:

© М. Е. Ткачук, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL221113

Последняя встреча. Библиотека Цивилизаций имени Марка Блока. Кишинёв, октябрь 2018 г.

«Знаешь, почитай её в поезде. Времени же навалом».

На перрон Ленинградского вокзала в Москве я выходил человеком, родившимся заново. Рукопись оказалось тем самым легендарным началом Петербургского археологического вестника, который вышел, спустя год, в виде сборника статей, посвященных хронологии латенского и римского времени. Статьи Еременко, Щукина, самого Олега взорвали мое воображение. Непроницаемая пелена собственной ограниченности куда-то девалась. Наконец, я все понял. Всю эту увлекательную увертюру соотношений относительных и абсолютных хронологий, их региональных проекций, несовпадений, ритмов, узких и широких дат, типологий и корреляций. Я получил волшебное средство — ключ, который, как мне казалось, безошибочно и точно открывал множество запечатанных дверей.

Вернувшись в Питер, я подкарауливал Олега в Библиотеке Института Истории материальной культуры. Мне хотелось поговорить, задать дюжину вопросов. Наконец, это случилось.

— Я заеду в общагу сегодня вечером, — широко улыбаясь, пообещал он. — Там и поговорим.

Собралось все обитавшее в аспирантской общаге бессарабское археологическое землячество. Роман Рабинович, Василий Гукин, Василий Хахеу, Александр Левинский, Сергей Травкин. Все они теперь состоявшиеся, маститые ученые. А тогда — юные, безалаберные фрондеры. Это был долгий-предолгий питерский вечер. Олег рассказывал об идее совершенно нового археологического журнала. Это должен быть журнал идей, — страстно говорил он. — Без черных рецензентов. Без казенщины.

Эти планы казались сколь невероятными, столь и искушающими. К утру мы с Олегом уже делились друг с другом своими секретами особых гитарных аккордов и осоловело слушали Гребенщикова.

Все следующие тридцать лет ничего принципиально не менялось. Созданный Олегом Шаровым Петербургский археологический вестник незаметно превратился в международный журнал *Stratum*. Олег Шаров все годы оставался редактором каж-

дого четвертого тома этого журнала, посвященного исключительно проблемам римского времени и эпохе переселения народов. Мы вместе копали в Молдавии и Крыму. Вместе писали статьи. Пели песни. Пили вино. Придумывали проекты и проводили конференции. Мне приходилось еще много раз тупить и пасовать, отчаиваться и опускать руки. Но очень часто рядом оказывался Олег. Он неизменно сходу обескураживал своей бесконечно щедрой улыбкой: «Не переживай. Так всегда в начале».

Казалось, что рисковать, начинать все заново, с нуля, задумывая нечто невозможное, опровергать свой возраст и свои силы мы будем еще долго-долго. Порознь и вместе. Но нет. Теперь только порознь. Спасибо тебе за все, мой друг — Олег Шаров.

Mark Tkaciuc (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University [1].
Ткачук Марк Евгеньевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».
E-mail: m66.tkachuk@gmail.com

Address: [1] N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova

А. В. Энговатова

О. В. Шаров в Институте археологии РАН

Олег Васильевич стал сотрудником Института археологии РАН в ноябре 2018 г. В должности ведущего научного сотрудника отдела эпохи Великого переселения народов он работал до своей скоропостижной кончины. Придя в институт, Олег со всей неуемной энергией и темпераментом включился в спасательные археологические работы.

Олег Васильевич начал своё сотрудничество с Институтом археологии РАН еще в 2015 г. на известном «Городище и поселении Ильичёвка» в рамках работ по проекту «Сооружение электросетевого энергомоста Российская Федерация — полуостров Крым». Благодаря его кропотливой работе на памятнике римского — раннесредневекового времени впервые были выявлены и изучены комплексы эпохи бронзы и раннего железного века, свидетельствующие о заселённости побережья пролива до начала греческой колонизации.

Потом были раскопки по линии строительства Крымского моста и трассы «Таврида». Ситуация складывалась достаточно напряженная. Огромные объемы работ, разновременные памятники, более чем сжатые сроки и разношерстные экспедиционные отряды. Здесь проявился природный организационный талант Олега как заместителя начальника Крымской экспедиции Института археологии РАН. Научные результаты этих грандиозных работ еще предстоит осмыслить. Однако Олег не был бы Олегом, если бы не понимал необходимости скорейшего введения этих материалов в научный оборот, хотя бы в предварительной форме. Итогом стал двухтомник «Крым–Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг. », одним из ответственных редакторов которого он был.

Затем последовал Херсонес. В 2020 г. для обследования территории, выделенной для строительства новых зданий проектируемого «Историко-археологического парка «Херсонес Таврический», была организована комплексная Херсонесская археологическая экспедиция под руководством Олега Васильевича. Экспедиция была создана Институтом археологии РАН совместно с Государственным Эрмитажем и Музеем–заповедником «Херсонес Таврический», при содействии Патриаршего совета по культуре и фонда поддержки гуманитарных наук «Моя история». Исследовался участок, примыкающий с юга к древнему городу, расположенный непосредственно за пределами городских стен. Результатом стало открытие и постановка на учет нового объекта культурного наследия «Южный пригород древнего города «Херсонес Таврический». Была составлена карта-схема и зонирование территории с выделением участков «красной зоны», где по предложению Олега Васильевича строительные работы должны быть исключены.

Вышло так, что работа по стратиграфии этого участка Херсонеса, выполненная Олегом Васильевичем в соавторстве с Н. Ю. Новоселовой и Д. А. Костромичевым, стала его последним исследованием. Тем важнее выводы, к которым пришел ученый. Он установил, что практически все шурфы содержат культурный слой античного, средневекового и нового времени. Культурный слой, образовавшийся в северо-восточной части Херсонесской балки, а также выявленные археологические объекты могут датироваться в пределах IV в. до н. э. — X в. н. э.

Часть внимания и заботы Олега Васильевича в последний год жизни были уделены редакции коллективной монографии «Курган Госпитальный». Как мудрый коллега и товарищ, он внимательно изучил материалы исследования и приложил большие усилия, чтобы книга состоялась.

© А. В. Энговатова, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL221516

Научная истина была для Олега Васильевича абсолютным приоритетом. Это проявлялось в статьях и многочисленных устных дискуссиях в стенах института, зачастую, в силу регламента конференций, продолжавшихся в кулуарах. Олег щедро делился своими знаниями и идеями, часто неожиданными, которые трудно было оценить «с налета». Конечно, спорить с Олегом Васильевичем было непросто. Будучи уверен в правильности своей точки зрения, он отстаивал её до конца. Тем не менее, в спорах рождается истина. Олег понимал это как никто другой. В самых эмоциональных проявлениях он никогда не переходил на личность оппонента.

Олег Васильевич очень любил молодежь, и это было взаимно. При раскопках могильника римского времени Киль-Дере 1, Олег передавал свои знания из рук в руки младшим товарищам, собирая их на раскопе и рассказывая о работах на могильнике Чатыр-даг. Всегда готовый помочь делом и советом, он мог в любое время приехать на раскоп и обсудить любой, самый, казалось бы, незначительный вопрос. Яркие воспоминания о работе под его руководством остались и в памяти молодых археологов, участников реставрационного проекта «У подножия Барбакана 2.0» на территории музея-заповедника «Судакская крепость». Открытие нетронутых погребений в склепе X—XII в. сопровождалось интереснейшими комментариями Олега Васильевича, вызывавшими у молодых специалистов удивление и одновременно восхищение эрудированностью руководителя.

Олег Васильевич останется в нашей памяти как большой ученый и яркий, талантливый человек, добрый наставник молодежи.

Asya Engovatova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Энговатова Ася Викторовна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: engov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3109-2764

Address: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

Память

Memory

Г. В. Шарова

Про Олега

Очень странно — создать файл «про Олега». Думала, что за полгода понимание, что его нет, пришло, но это не так… Надо написать, как получится сейчас. Уверена, что через некоторое время совсем другое захочется сказать, но будет ли такая возможность… Надеюсь, что воспоминания о нем еще всплывут и будут написаны и теми, кто по разным причинам не смог сейчас. И если их напечатают в будущем, возможно, тогда мы увидим и удивимся, каким он был «на самом деле».

Про него — все на контрасте: разный и цельный одновременно. Граней будет столько, сколько людей, которые его помнят и любят, или не любят, но точно помнят. И поэтому, чтобы получить реальное представление об Олеге, надо спросить ну очень многих людей. Каждый расскажет то, о чем другие не догадываются. Свое постоянное изумление «а что — так можно??!» — я помню отчетливо.

Встречаться и знакомиться он любил, дружился быстро и легко, расставался бурно, но не навсегда. Он нуждался в людях, в большом количестве людей, а они — в нем. Игнорировать эту потребность и отжимать свое было невозможно. У нас много и часто бывали люди. Человека он увлекал в воронку потока речи, чувств, движения мысли, да и тела, если на ходу.

Помню такой динамичный сон, времен маленькой Ани. Ночью мы идем по берегу залива: Олег впереди метра на 2—3 (он по молодости всегда с нами так ходил, не рядом), за ним, увязая в песке, я с трехлетней Анюшей и его бабушка Дуня из Йошкар-Олы. Далеко впереди цепочка ярких огней по берегу. Мы не поспеваем за ним, бабушка ругается: «Да чтоб этому Эрмитажу провалиться, ребенок-то как…!». Ага, ясно, мы идем туда!

Эрмитаж

Он долго верил, что станет научным сотрудником Эрмитажа, и это будет признаком достижения профессиональной зрелости и признания. Потом ушла не без сожаления фантазия о письменном столе с видом на Петропавловскую крепость. Пришло понимание своей настоящей профессиональной состоятельности, которая всегда внутри и в бескрайнем археологическом поле, его настоящей стихии. А в годы нашей жизни это переживалось болезненно, от надежды до отчаяния. Думаю, его жизнь действительно может быть хрестоматийным примером того, как можно состояться, благодаря и вопреки всему, в деле, которое ты выбрал или которое выбрало тебя.

Для любой структуры и иерархии Олег был довольно хаотичным элементом. При этом скрупулезность, с которой он работал, была связана с большой внутренней организованностью и порядком. Становясь начальником, он оставался неформальным, как для своих сотрудников, так и для вышестоящих. С ним дружили и те, и другие, его уважали за его достоинства: верности, ума, надежности, энергии, юмора. Любой чувствовал его силу влияния на людей.

По молодости Олег упорно доказывал свою правоту, долго, иногда и гневно. Часто люди сдавались, устав сопротивляться. Напор ломал все преграды. Для семейной жизни это было нелегко. Он всегда хорошо знал, чего хочет, и делал это. Было много трудных лет, он честно и много работал и становился постепенно тем, кем стал, набирал свою профессиональную мощь, и формировался как ученый.

Сначала после расставания была только усталость и боль. Радость, которая тоже была, постепенно проступала, с годами. И, слава Богу, продолжает проступать и сей-

© Г. В. Шарова, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL221928

час, когда его не стало, а внутри так много памяти: доброй и злой, очень смешной и горькой, очень живой памяти, как сам человек. По факту, очень масштабный человек, успевший всколыхнуть эту жизнь по полной.

«Шаров»

Друзья часто называли не по имени, а «Шаров», немного с юмором, немного оценочно отстраненно, как бы предполагая «ну это же Шаров…». И сразу чувство в ответ возникало: то смешно, то грустно, то злость и что-то теплое трогательное при этом, будто — «ну да, Шаров, а что вы хотите…». Это, конечно, не к Олегу-ученому относилось, а к Олегу-человеку в отношении к чему-то или кому-то. «Шаров» будет долго отзываться внутри у тех, кто его знал, вызывать живые чувства, потому что человек состоялся, Был!

Олега нельзя было присвоить. Он — это люди. Очень дороги были те, кто ездил с ним постоянно и делил тяготы и радости полевых будней: МихМих, Гена и Аня Ивановы, Сергей Дмитриев, Миша Афанасьев, Людмила Соколова, Света Островик, Сергей и Володя Смирновы и другие, не все из них археологи, но все — друзья. Для многих не так важна была археология, мне кажется, как важен был сам Олег и экспедиционная жизнь. Здесь очень хочется, но невозможно перечислить всех его любимых друзей, которые были частью его жизни.

Ценил, конечно, он научный круг, в котором развивалась и оттачивалась мысль ученого, и глубоко уважал с юности такое общение, его искал и с благодарностью хранил. Счастье, что Олег встретил Марка Борисовича и нашел в нем и учителя и дорогого для себя человека. Коллеги и ровесники археологи Марк Ткачук, Игорь Бажан, Оля Щеглова, Володя Еременко, Андрей Мултанен, Володя Бейлегчи, Женя Гороховский и, конечно, все однокурсники часто бывали у нас, их ночные увлеченные разговоры хорошо помню. Жизнь прямо плескалась через край, когда ее наполняло такое общение. На его научное становление большое влияние имел Михаил Казанский и тот круг зарубежных коллег, который стал доступен ему, благодаря Марку и Михаилу. Он мечтал познакомиться с зарубежными коллегами, занимающимися его темой, работать непосредственно с материалом в музеях Европы, и постепенно многое становилось все доступней. А еще он был везунчик! Как-то раз Олег проспал самолет в Париж. Это были 90-е годы — нищета и отсутствие всяческих возможностей. Сказать, что это было отчаянье, — мало, был шок. Соседка тетя Зоя, увидев его на кухне в таком состоянии, дала ему номер своего всемогущего зятя, к которому никогда сама не обращалась с просьбами. Через полчаса, ему был дан четкий план действии в аэропорту, и в Париже Олег оказался. К счастью это было единственное обращение за такой помощью.

Приезжая домой, он радовался, обязательно раздавал подарки, вечер рассказывал взахлеб, наутро брал свой кофр и на этом часто все наши планы и мечты о том, что мы будем все вместе делать, заканчивались. Сейчас-то понятно, сколько людей его ждали, со всеми надо было успеть встретиться, «посидеть», поддержать отношения и двинуть дальше главные темы жизни. А тогда — поди-объясни это себе и детям… С годами Олег многое переоценил, наверное, созрел больше для младшего сына. Но тогда это было невозможно. Тогда любил он песню Матвеевой про след от гвоздя, и все мне ее включал. Иначе это был бы не он. Про семью была такая идея, что нужно быстро что-то сделать, чтобы мы могли лучше дальше жить сами. Если он не мог сделать лучше глобально, то что-нибудь все равно старался успеть. И все были довольны, потому что он был доволен. Вопрос по телефону обычно звучал: «Ну у вас как, все хорошо?» На это невозможно ответить, что не совсем. Дальше все равно будет: «Ну слава богу!» Так что у нас все было хорошо! Да нет, он, конечно, переживал за нас, просто часто сделать ничего не мог.

К счастью для этого брака меня воспитали по-советски, что общественное важнее личного. К Олегу приходилось относиться как к общественному достоянию. Однажды в начале 90-х к нам, еще в коммуналку на Обуховской Обороне, пришел американец Маршалл Розенберг, создатель направления ненасильственной коммуникации, у которого я в то время училась. Через полчаса общения, он, почувствовав характер Олега, сказал мне очень серьезно: «Если хочешь жить с ним долго, никогда не пытайся отговорить его делать то, что он хочет». Уж я не стала ему рассказывать, что за полчаса до его прихода Олег решил вымыть подъезд, и отговорить его я не смогла, он считал, что это как-то сгладит впечатления гостя. Мне было понятно, что с Олегом возможны только просьбы и терпение, я и сама такая. Но для меня дети были очень важны, и время на них всегда было вне очереди. На мой упрек Олег отреагировал как-то: «Одна моя минута, проведенная с детьми, равноценна твоему месяцу, при том, что мне ничего делать для этого не надо!» Сама я росла без отца и радовалась, что у моих ребят он был. Возможно так

и было, дети его искренне любили, мне это было важно. А он чувствовал себя человеком масштаба и значения. Тоже здорово.

Чуть-чуть про детство

Про своего отца Олег рассказывал, что, когда он был маленький, Василий Петрович часто брал его в лес, и они много ходили, но он не справлялся с такой нагрузкой. В какой-то момент у него очень заболели ноги, и он отказался ходить. Положили в больницу, потом в санаторий. Вылечили, но этим он объяснял свою особенную походку и вечно стоптанные на одну сторону ботинки. К отцу Олег относился с уважением за его честность и знания, сетовал на его скромность, говорил, что она помешала ему реализоваться в карьере. Он был сначала преподавателем в техникуме, где познакомился с мамой Олега, Ириной Николаевной. А потом — наладчиком какой-то сложной техники, ездил по командировкам, иногда его вызывали на Байконур. Был он сдержанным человеком, не хвалил, не передавал особо своих умений. Но явно передал свое серьезное отношение к работе. Олег все свободное время предпочитал читать. Учился хорошо и рано понял, что уедет из Йошкар-Олы в большой город.

Родители много и долго помогали ему. Олег очень любил бабушку Дуню, маму отца, скучал по ней, она его много нянчила в детстве, характер у нее был сильный, непростой, но она была прямой, честной и доброй. Над ее кроватью висел портрет деда Петра в буденовке, он воевал в Гражданскую. Бабушка поднимала сыновей одна, потом помогала всем с внуками. Мама Олега, Ирина Николаевна, ухаживала за ней в старости, как и за своей мамой, бабушкой Натальей. К ней мы тоже ездили на Вятку в деревню Коврово. Я очень запомнила это путешествие из Йошкар-Олы через Яранск, Котельнич, со штурмом автобуса, с деревянными тротуарами, вид с высокого берега Вятки на реку и на лог, по которому зимой по рассказам Олега, к дому подходили волки. И очень маленького роста старенькую бабушку Наташу, управлявшуюся самостоятельно с огромным домом, где выросло когда-то много детей и внуков. Дедушку Николая я уже не застала. В семье Олега соблюдалась традиция поминания родных. Он придавал значение походу на кладбище, ухаживал за могилами, вспоминал, участвовал в застольях памяти ушедшего близкого. На кладбище он убирал сразу не только ту могилу, ради которой пришли, но и соседние, если видел, что они заброшены. Меня это очень трогало. У нас в семье не было такого трепетного отношения к захоронениям.

Появление в Ленинграде

В Ленинграде Олег жил сначала у дальней родственницы, старушки Веры Давыдовны, недалеко от Никольского собора, где она служила. Олег, мне помнится, называл ее тоже бабушкой, ему очень нравился ее живой характер и активный в старости образ жизни. А ее сын — отец Вячеслав — был священником, настоятелем храма святой Екатерины великомученицы в поселке Динамо под Павловском. Отец Вячеслав возил Олега в первый год его жизни в Ленинграде в Троице-Сергиеву Лавру, знакомил там с церковной и монастырской жизнью, говорил с ним о поступлении в Духовную Академию. Олег обдумал и отказался, не почувствовав в себе настоящей веры, а частичные знания о церковной службе у него тогда появились. Поступил он сначала в Ленинградский Политехнический институт, который тоже оказался совсем не его, и потом — в столярное училище. Окончил его, но не работал совсем по этой специальности. Сразу стал поступать в университет на истфак. Зато книжные полки до потолка, когда переехал к нам, сделал сам.

Какое-то время он снимал комнату в квартире в Купчино, там подружился с Андреем Виноградовым, писавшим песни. Некоторые посвящены были Олегу и вошли в его репертуар, особенно «Как всегда наша дружба верна и крепка… Так терпенье ж, товарищ, терпенье…».

Немного о двух экспедициях

Мы познакомились в Днепровской Левобережной экспедиции в 1981 году. После внезапной смерти Евгения Горюнова летом срочно собирала народ в его экспедицию Галя Романова, ей помогал Игорь Бажан. Благодаря им в тот год экспедиция состоялась, копали средневековые славянские памятники, был найден клад. Жили мы в деревне Деркачовка Сумской области на берегу реки Терн. Там я увидела, что такое майдан. Олег пел Никитиных и много кого еще. Отличных певцов в той экспедиции было много, каждый в своем стиле и особым репертуаром. Олег больше всего любил Окуджаву, Бачурина, Дольского, Никитиных, Суханова. Много ярких молодых ребят и Галя, не давящая своим авторитетом начальника. Игорь Бажан сколько-то выполнял функцию «построения», но сейчас кажется, что это не требовалось, так как всем было

и весело, и очень интересно вместе работать всерьез.

Симпатии у нас с Олегом были там у каждого свои. Но нас поставили в паре дежурить. Не могу сказать, что мы сразу подружились, скорее наоборот — не понравились друг другу. Слаженности не было никакой, сплошные подколки, споры…, я уже собиралась попросить поменяться с кем-то. Но вдруг Олег зовет меня с таинственным видом в хозяйственную палатку и предлагает банку казенной сгущенки разъесть на двоих. Я в потрясении от такого заманчивого, но аморального предложения, застываю, но ненадолго. И вот — да! Правильный Шаров и я — сама святость (в собственных глазах) — съели банку ворованной сгущенки и не поперхнулись. С этого момента, стали чувствовать себя соучастниками, споры прекратились, сблизились на грехе. Страшно стыдно даже сейчас писать, никогда никому, кроме детей, не рассказывала. Потом я узнала, как он любит сладкое: мама ему присылала с проводниками банки клубничного и малинового варенья, а сгущенка — это был деликатес!

Были мы потом и снова в Левобережной в Будках, и в Керчи, и в Херсонесе, и в Алуште, про эти экспедиции многие говорят, но есть одна, про которую никто не вспоминает. Летом, наверное, 1983 года Олег с однокурсником Андреем Мултаненом собрались в экспедицию в Белгород-Днестровский, копать древнюю Тиру. Руководил ею античник И. Б. Клейман из Одесского археологического музея. Захватили и меня с собой. Это была для меня, наверное, самая красивая экспедиция, наряду с Херсонесом. Жили прямо на территории крепости, внизу лиман, там же, за стеной и раскопы. Первые ночи ночевали в генуэзской башне, под звездами, потом переселились в палатки, чтобы не провалиться сквозь дыры в перекрытиях. Ребятам было невероятно интересно из-за разнообразия материала, античного и средневекового, очень много исторических хозяев было у этого места. Им довольно быстро поручили руководить участками раскопов. Экспедиция была большая: много киевлян, москвичей, одесские студенты, из Ленинграда были только мы. Вечерами собирались у костра, каждая компания удивляла чем-то своим. Некоторые песни перекочевали к Олегу оттуда, например, такая бомба как «История одной одесской свадьбы». А что-то ребята сочиняли прямо на ходу. В тот год на все лады импровизировали под итальянскую серенаду «уно-уно-уно ун моменто..!»: «Исаако экспедито скрупулезно собирато, подбирато кандидато, чтоб не было плоховато, рано-ранто экспедито вылезанто из палато, белло домо посещанто, материто аспиранто…».

Ездили в Одессу в археологический музей, гуляли по улицам, заглядывали в Гамбринус. Олег хотел познакомился с А. В. Гудковой. Она приняла нас и долго беседовала с четверокурсником Шаровым о памятниках римского времени в Северо-Западном Причерноморье. В первые же две недели мы лихо потратили все свои запасы и дальше жили под строгим контролем и руководством Андрюхи-Финна: варили ведро абрикосового джема из опавших жерделей и довольно быстро с ним расправлялись прямо ложками из ведра.

Женитьба

Поженились мы 4 марта 1984 года, Олег заканчивал университет, я уже работала. На меня явно повлиял совет уважаемого мною взрослого человека, увидевшего Олега мельком пару лет назад. В 1981 или 82 г. мы отмечали Старый Новый год по традиции у меня большой компанией психологов и археологов. В это время я много общалась с Александром Житинским, и он тоже присоединился к нам. Посмотрев на всех, послушав, как Олег поет, он зачем-то меня вызвал в коридор и сказал: «Вот за того выходи, с гитарой». Я только фыркнула тогда, потому что пока не собиралась, но явно не забыла.

Мои родители считали, что человек, который работает хорошо и увлеченно, — хороший человек, а если еще и бессребреник — совсем крутой! По этому критерию в экспедиции сразу видно было, что свой. И когда пел, то прямо душу свою выпевал, очень искренне. Вне этих двух состояний — видно было, что, как и все мы, — с недостатками и достоинствами, которые проявляются постепенно, поживешь — узнаешь. Когда Олег пришел свататься к моим маме и бабушке, он потряс знакомых, которые были в гостях: почему-то выяснилось, что он знает цены в магазине на макароны и сахар. Решили, что это редкий мужчина, наверное, основательный. Сомнения в этом у меня были, но в любом случае нам оказались нужны дальнейшие девятнадцать совместных лет.

Дома он, конечно, ожидал от женского состава более правильного ведения хозяйства, и думаю, что разочаровывался постоянно, что этого не может быть, как надо… Временами мрачнел или посмеивался. Вот соседка тетя Зоя его понимала и поддерживала и угощениями, и репликами из домостроя.

Когда мы куда-то ехали в поезде, он становился сразу другим, очень ответственным, всю заботу брал на себя. Я спросила: «Почему так? Почему ты дома совсем не такой?» Он ответил: «Не знаю, но я чувствую, что в экспедиции моя настоящая жизнь, а дома будто временная». В экспедициях Олег, действительно, как вспоминают многие, создавал семейную атмосферу со всем запасом своей любви и заботы о людях, с которыми он работал, это всегда ощущал исключительно своей ответственностью. Сейчас кажется, что это было правильно, он и здесь сумел убедить, что был прав: так и для этого был создан, для такой семьи.

В нашей семье

Переехал к нам он с огромной подушкой от любимой бабушки Дуни и большим количеством книг. Это сразу вызвало понимание — «наш человек». В семье, где три поколения подряд начинали свою трудовую биографию в библиотеках, было важно видеть, как заботливо и уважительно он устроил книжки. Ему тогда хотелось узнать все сразу и во все стороны. Там было много, например, о балете и кино, любимая художественная литература, от которой в те годы — восьмидесятые — уже начинали разбегаться глаза, все очень хотелось. Любимая классика, которую привез из Йошкар-Олы, — Гончарова «Обрыв», «Тиль Уленшпигель», один из романов Гамсахурдии. Мы с ним читали с наслаждением лучшую прозу, издававшуюся в 70—80-е, и самиздат, Окуджаву, Конецкого, Житинского, Довлатова etc. Иногда вслух, перехватывая друг у друга повести и рассказы Валерия Попова, когда один уже не мог совсем от смеха произнести ни слова, только размазывал слезы по лицу. Долго собирали и наслаждались винилом, очень разной музыкой. Бардов Олег слушал больше, чем джаз, джаз — больше, чем рок. Особо всегда стояли Гребенщиков и Армстронг. Одно из первых Сашиных слов, которое мы долго не могли разобрать, было «Навуходоармстронг».

В коммуналке

В нашей квартире на проспекте Обуховской Обороны, кроме нас, было еще три семьи. В каждой — либо кто-то сидел, либо уже вышел. Отношения были разные. Одного соседа я боялась, он вел себя отвратительно. Когда Олег уезжал, то распоясывался в конец, орал, любил поиграть ножом, скатывался в «белку» постепенно, а когда Олег был дома — сама скромность. Как-то повод

1984 г.

нашелся, и Олег зашел к нему ночью предложить выключить громкое радио и перестать орать. Выйдя оттуда, он сказал: «Понимаешь, я зашел, взял его за шиворот, и он пукнул. Мне так и противно, и жалко его стало — ну что с ним дальше делать…» И опять уехал в свою археологию. Там, по крайней мере было яснее, что нужно делать. А здесь вообще не понятно, как изменить что-то в лучшую сторону. Он встал на кооперативную очередь, но она была на долгие годы, без перспектив.

Я не помню, чтобы он когда-то рассказывал про драки, он совсем не любил драться и угрожать. Хотя вид часто бывал грозный, предпочитал договариваться или делать по-своему. Он и сам знал, что недовольного вида часто достаточно. На вопрос, так ли было всегда, ответил: «Знаешь, я крупный был, ко мне не приставали». Зато фильмы с драками как раз обожал. Из телевизора над кроваткой маленького Саши неслись дикие вопли, и мне казалось, что лучше бы что-то потише, но Олег ничего ужасного в этом не видел и смеялся как ребенок. Уже в больнице, собирая силы, он попросил прислать ему «Астерикс и Обеликс», жалуясь, что интеллектуальное сейчас не заходит.

По-моему, все, кто его знал, связывали с ним надежду на перемены к лучшему. Иногда он мог обещать непосильное и невыполнимое, потому что сам очень хотел и ис-

кренне верил. Добивался того, что было реально, старался — большего.

Дети росли, болели, учились, знали, что у них есть героический любимый папа, и всегда ждали его с надеждой. Я про них писать не буду, они сами когда-нибудь напишут, надеюсь, про отца.

Отдельную квартиру мы получили по болезни сына, благодаря трехлетнему мотанию по чиновничьим коридорам. Это казалось и было, конечно, чудом, без единой копейки. Ни Олег, ни мама не верили в успех, но это получилось! Началась наша новая жизнь в новом пространстве, но долго еще оно не осознавалось как свое.

Армия

Особая и отдельная эпоха — жизнь в армии. Еще когда он был на сборах, я приехала его навестить на присягу, наверное. Помню свой испуг, когда увидела так много людей в форме и они все мне показались одинаковыми, стало страшно, что я его не узнаю. Он, к счастью меня увидел сам. Как стал подходить — по походке, ясно, узнала, такое не спутаешь. Лицо суровое, напряженное, чужое. И я понимаю, что он стесняется! Я была поражена, мне тоже неловко как-то стало и жалко его. Когда забрали в армию младшим лейтенантом в артиллерийскую часть в Выборг, он вызвал меня показать, как там живут офицеры. Привел в ресторан привокзальный вечером, показал, как они напиваются, спросил, ну как? Мы решили, что я перееду к нему в поселок Гвардейский, так будет легче. Друзья дразнили декабристкой, потому что я тогда начинала работать на факультете, и непонятно было, как можно сменить это на поселковую библиотеку. Но мне-то был ясен этот выбор. Постепенно я научилась различать лица и судьбы людей в форме. Там он не оброс большим количеством новых друзей. Появился один приятель-кадровый лейтенант, но быстро уехал в Афганистан, объяснив, что иначе здесь сопьется без всякого смысла, так и исчез, Олег потом не смог о нем что-либо узнать.

Жизнь офицерская была безрадостной, удерживались от пьянства немногие, и в основном, действительно, семейные люди. Самым тяжелым в армии для Олега была дедовщина. Мириться с этой системой он не мог, бороться тоже было бесполезно. Над ним смеялись старослужащие, на которых опирался офицерский состав. Олег говорил, что понимает, зачем все это нужно, периодически мне пытался объяснять, что с некоторыми солдатами по-другому, наверное, и не выйдет, но сам же не мирился с насилием и отчаивался, когда издевались наглые деды, а офицеры не поддерживали его. Всех их до сих пор помню по фамилиям. Там случались свои маленькие победы, которые были тогда очень важны для него, для его человеческого достоинства, которое подвергалось постоянному испытанию. В такие моменты я чувствовала, что действительно нужна там, для поддержки. К счастью его непосредственный командир был нормальным человеком.

Армия, 1985 г.

Армию потом он практически не вспоминал. Зима 85 года показалась сверх-суровой, временами там подползало почти к 40°, даже дышать было трудно, пока идешь на работу, а вода промерзла полностью, было не набрать. Топили две печки одновременно: плиту и голландку, но к утру выстывало совсем. Все умения деревенской жизни тут пришлось освоить. Зато на второй год мы перебрались в Выборг на Крепостную улицу и жили рядом с замком. Однажды Олега ненадолго по-

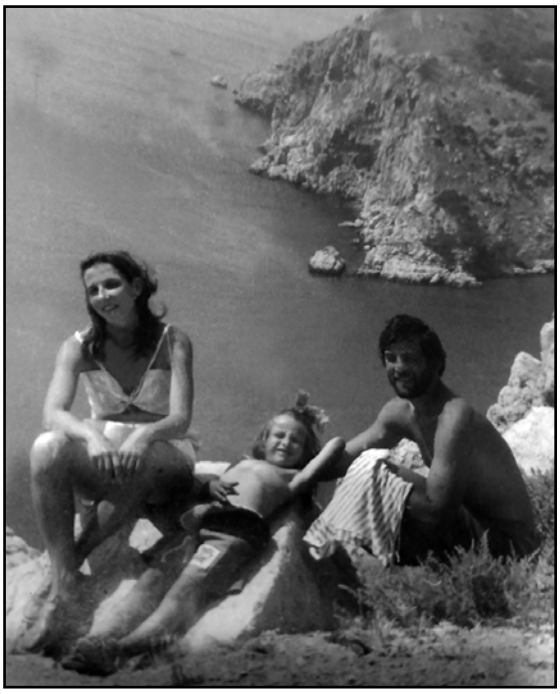
ложили в больницу, это была радость, потому что он оттуда сбегал ловить рыбу в Монрепо, щуки попадались, он ведь вырос на Вятке и рыбачил с пеленок. В деревне Ковроово его бабушка Наташа закладывала в тесто целую рыбину и пекла в печке. Такой пирог ели, не откусывая, а разбирая. Олегу очень понравилась карельская природа, и он сначала строил планы остаться здесь после армии. Думал работать у В. А. Тюленева, мне нашлось место психолога в детском театре. Потом вдруг резко передумал, объяснив, что будут дети (Аню мы уже ждали) и когда они вырастут, то им надо будет учиться всерьез, а здесь не та среда. Что-то ему не понравилось тогда, а я жалела потом не раз. После армии.

Кружок

Мы вернулись в нашу большую коммуналку, работы не было. Олег начал говорить: «Наверно, надо идти на завод, там деньги по крайней мере будут…» Это было невозможно слушать, он был очень мрачный и переставал верить, что сможет найти работу по специальности. Против завода я восстала всерьез. И вдруг появился кружок археологии в Доме пионеров Василеостровского района. Как-то без восторга, с большим сомнением он взялся за это, совершенно не чувствуя в себе педагогического призвания. И как ошибся! Это были его будущие первые ученики и друзья впоследствии на долгие годы. Он много рассказывал про ребят, ворчал на них дома часто, строгий был, а они его полюбили сразу, хоть и дали прозвище Олег Насилыч. Думаю, что именно эта работа и возродила его к жизни: с детьми, хоть и сложно, но энергия здоровая идет, если правильно к ним относишься. Он смог именно так, как им было надо. Было, помню, страшно, когда он повез их зимой в Крым с планом идти где-то с ночевками через перевал и пропал из связи надолго. Может быть это было и пару дней, но помню, как боялась и была счастлива, когда позвонил. Приехав, опять ворчал, что надо их воспитывать, а то не умеют преодолевать трудности, девочки крепче мальчишек… И так и начал возить их потом повсюду за собой в экспедиции. Никаких сантиментов, только любовь по-шаровски.

Про нашу жизнь

Вообще в первые десять лет брака, когда полевой сезон заканчивался и Олег возвращался домой, он мог взяться за любую работу. Понимал, что тяжело, но надо как-то кормить семью… В начале 90-х он как-то устроился грузить ночью хлеб в булочной, а когда Саша родился, то — убирать вечером в ресторане после закрытия. Он рассказывал, что там остается много еды, которую работники несут сумками домой, а ему стыдно. Из булочной как-то принес батон — не кондицию — на батоне был отчетливый отпечаток ботинка. «Можно помыть — говорит, — я решил, что это можно взять». Мы помыли и съели. А из ресторана так и не стали, ему там все было противно. Рассказывал про посетителей, про музыкантов со смехом, но когда я предложила с ним сходить помочь, категорически отказался: «Не надо тебе на все это смотреть, тем более убирать за ними!» Еще помню, как принес мне уже из нормальной столовой, зимой, тарелку гречневой каши, потому что гречи не было, были талоны, а очень хотелось. Нес почему-то прямо в руках перед собой, чуть ли ни со снегом пополам. Но это было круто.

Экспедиция Херсонес, хора. 1991 г.
Выходной в Балаклаве с дочкой Аней.

Еще он любил дарить цветы, если покупал без повода, даже извинялся: «Прости, я не удержался». Денег он не жалел и не считал, они появлялись, и сразу их просто не было, и все. Многое не продумывал, а чувствовал, что нужно. Одежду в магазине выби-

рал тщательно. Не часто наряжался, но выглядел всегда стильно, был какой-то внутренний образ себя, которому он следовал. Меня поражал момент, когда мы двигали мебель в комнате. Я пыталась все измерить, иногда рисовала и вырезала бумажки по размерам, чтобы все прикинуть. А он, не дожидаясь, брал шкаф и двигал, говоря: «Слишком долго, мне так легче померить».

В семейных беседах исторический контекст ему создавала моя мама — Кира Владимировна Кауфман — востоковед по образованию, иранистка, ученица А. А. Фреймана. Ей не довелось состояться в своей специальности, о чем Олег часто горько сожалел, зная и ценя ее первые научные работы. Но среда востоковедов была ей близка по-прежнему. Это и годы учебы в университете с В. А. Лифшицем, И. М. Оранским, И. М. Дьяконовым, А. Д. Столяром, и личная долгая дружба с некоторыми из них. Они с Олегом очень радовались, находя общие темы. Тещу любил, уважал и подсмеивался одновременно, она не обижалась, была готова выполнить любую его просьбу. Впрочем, большинство женщин так на него реагировали. Шарм, моментальное чувство доверия и интерес — в самом сложном контакте он мог договориться обо всем.

С мужчинами часто договаривался известным в России способом. «Посидеть надо обязательно!» Довольно быстро я с отчаяньем поняла, что это неизбежно. Это часть делового общения и огромная беда для здоровья, но подругому не будет. Надо сказать, что способность оставаться трезвым и уходить на своих ногах там, где других уже надо было уносить, оставалась очень долго. Это мало утешало домашних, но остальным казалось достоинством. В памяти у всех Шаров и застолья, также как он же и песни, душа компании.

Конечно, про «посидеть», каждому есть, что вспомнить. Эти минуты или часы были для него, может быть, главными в жизни, так же как любимая работа. Нарушать его сценарий было кощунственно, как ребенка обидеть, это же — уют, тепло, радость от общения, здесь он делился с другими всем, что наполняло жизнь. Завораживал рассказами. Не всегда слушал, но с годами, наверное, больше и глубже.

В особо сложных случаях, где было сложно договориться, а это связано с самыми близкими, женами, например, — он сбегал в поля. Ну конечно не сбегал, а просто освобождался для жизни своей археологической, полевой, научной, родной, настоящей. Мне он как-то сказал, когда мы ссорились из-за домашних сложностей: «Ты вообще не представляешь, кто я такой, как много делаю и как меня уважают!» Я это прекрасно понимала, что нельзя удерживать и нужно справляться самой, семья-то необычная. В детстве, когда меня спрашивали, кем я буду, когда вырасту, я с уверенностью говорила — буду цыганкой! Люди смеялись, и когда я поняла над чем, то решила: раз это невозможно, то выйду замуж за цыгана. По Бессарабии мне не удалось покочевать, с Сашей уже трудновато получалось, и вообще ездила с Олегом редко, не так, как ему хотелось. Все же у меня была своя, совсем далекая от полевой жизни специальность. Но задачу супружескую видела очень простой: чтобы у него был дом, место, куда он может вернуться и где его любят и ждут. Я запомнила его просьбу: «Думай обо мне хорошо, пожалуйста». Необычная такая просьба, но до чего же непростая иногда и до чего верная! Ссорились — мирились, учили многому друг друга, скучали, радовались и по кругу… А когда поняли, что уже не вместе, а только иногда рядом, то расстались, и правильно сделали.

Аня и Саша встречают папу, 1997 г.

С сыном Сашей, январь 2001 г.

Какой был в поездках

Три раза мы путешествовали вместе. Первый — романтическое свадебное путешествие в Юрмалу, второй — как можно дальше и дольше в отпуск в Среднюю Азию, потому что в армии дни дороги не засчитывались, третий — автостопом в Киев за 3 дня, переночевали в Гидропарке в палатке и обратно, с заездом в Чернигов к Мултанену. В любой поездке, он был в своей тарелке, очень заботился, быстро ориентировался, уверенно принимал решения, но иногда что-то шло не так, и это его обескураживало и бесило.

Помню, как в Москве, закупившись мясом и колбасой, мы отправились ночью в Йошкар-Олу на поезде «Москва-Казань». Через 3 часа случайно узнали, что по маршруту Йошкар-Олы не будет. Как это вышло?! Его возмущению не было предела. Он бегал по разным окошкам узловой станции, потом Казанского вокзала и ругался, а я сидела всю ночь с таявшим мясом и беседовала с собаками. Тогда собаки могли спокойно заходить в зал ожидания, и они тоже волновались, чуя запах. Можно было не сомневаться в его способности убедить любого в своей правоте, билеты были заменены. Мы доехали к родителям, погостили денек и отправились в город Волжск, познакомить меня с семьей дяди Олега и Волгу показать. Олег не был там лет 10 и очень удивлялся, как все изменилось. Пришли по адресу, а дома нет. Улица типа Ленина, как водится. Он стал пробовать разные комбинации номеров дома и квартиры, мы безрезультатно зашли в 2—3 места. Потом ему пришла в голову блестящая мысль: тетя Клава — большой начальник в аптечной сети, нужно в любой аптеке спросить и подскажут и телефон ее, и адрес! Так и сделали. Но имя тети никак не отозвалось у провизора. Мы пошли к выходу, но что-то меня остановило, чтобы спросить: «Простите, а какой это город?». Оказалось — Зеленодольск. Меня смех душил. Олег страшно расстроился и опять негодовал. Родственники волновались и недоумевали…

Семья и свобода

Как только солнышко поворачивало на весну, мы понимали, что снова надолго останемся без него. По его состоянию можно было измерять природные циклы, будто пробуждался инстинкт. Для меня в нем воплощалась идея вольности и свободы семейной жизни, которой я сама не обладала. Иногда до такой степени, что могло быть очень больно. Но тут уж либо-либо. Если ему надо было уезжать, он уезжал, каковы бы ни были обстоятельства. И это надо было принять, такова натура. Его настоящая жизнь — не дом, не семья — без ограничений и рамок. При этом поддержка дома и семьи все равно очень важна этому человеку. На нее требовались силы. Радость накануне его приезда всегда была, и надежда, что будет что-то хорошее совместное, но и напряжение: весь ритм привычной жизни полностью исчезал. А когда уезжал — очень грустно, скучали, трудно было расставаться, начинали ждать.

Конец

Боюсь, что начало медленной гибели было давно им отчасти осознано, уверена, что в чем-то он был готов. Конечно, не знал, как и когда, и надеялся, но. Наукой и полем, встречами и застольем спасался и отодвигал конец. Что здоровья не поправить, видел, кардинально же меняться, без потери главного, не мог. За последние годы он не раз и сам отчаивался и пугал близких опасными состояниями, тяже-

ло перебаливая. Но, чуть вынырнув, двигался дальше, упорно игнорируя все зашкаливающие сигналы организма. Близкие это видели, другие, может, и не замечали, а может, смирились, как я когда-то. Хор с воодушевлением всегда подхватывал: «Но, как и прежде, аккуратно…», и он был счастлив в этот момент. Бороться всерьез за его здоровье, видимо, пыталась только одна Татьяна (Татьяна Анатольевна Самарина, вторая жена Олега) вместе с докторами, и немного дети, если оказывались в экспедиции рядом, через его яростное сопротивление, которое не оставляло возможности помочь полноценно.

В последние две недели сражался за жизнь до последнего. Просьбам и постам последних дней неизбежно — уже после — особое внимание. В больнице собирал энергию всем, чем мог: работой, перепиской, молитвой, с персоналом сражался, Обеликса вспоминал. Перепостил статью Тамары Жегловой в защиту Охтинского мыса с комментарием «полностью поддерживаю, каждое слово». Это про отношение к борьбе за историю и культуру. Сложная ситуация с Херсонесом, думаю, немало его здоровья забрала, уверена, что он делал все, что мог.

20-го ноября вечером написал: «Спасибо ищу силы почти кончились».

Мы подарили друг другу долгую часть своей жизни и яркую, конечно, потому что это была молодость. Все тяготы и лишения в конечном итоге прошли, а добрая память осталась и живет во мне и детях. Слава Богу, что сумели проститься и поблагодарить друг друга!

Как жаль, что нет возможности услышать разом всех, кто его знал. Даже близкие могут не знать, со сколькими людьми Олег был знаком и дружен, со своей стремительностью и охватом. Невозможно ограничиться кругом друзей и коллег любого из периодов его жизни, и решить, что все сказано. Это будет не про него. Он нес и вбирал, как-то устраивал внутри своего объема, противоположное — и это особый талант! Мне кажется, что он был рожден, чтобы объединять людей. О противоречивости человеческой натуры, включая себя, в последние годы размышлял, а людей любил, самых разных. И внутри у всех этих разных людей больно перевернулось что-то, когда его не стало. Провожали его все вместе, он собрал людей с, казалось бы, несовместимыми позициями. И будто уверенно обещал каждому: мы с тобой это обязательно сделаем, и это будет хорошо!

Значит, есть что-то настоящее, больше разногласий, и это — про него.

Galina Sharova (Saint Petersburg, Russian Federation).
Шарова Галина Владимировна (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: 5670187@mail.ru

Е. Ю. Гиря

Черты к портрету археолога нашего времени

Keywords: to the memory of my friend

Ключевые слова: памяти друга

E. Yu. Girya

A few details to the portrait of a modern archaeologist

More than six months have passed since that tragic day when an insidious disease snatched our dear friend Oleg Vasilyevich Sharov, our wonderful Shary, from our ranks. Many times I took up writing these lines, and every time I gave up — I didn't have the strength to accept his departure. I have a lump in my throat as I am writing this.

I do not consider myself entitled to write about Oleg as an archaeologist, a specialist in his field of science. The realities of modern archaeology have long been such that, being an inveterate Stone Age man, I can only imagine in the most general terms what and how is happening in the archaeology of later epochs. My competence rarely extends beyond the times when material culture was still connected with stone, that is, no later than the Bronze Age.

Oleg's scientific works will undoubtedly be far better evaluated by those who are familiar with the matter. Therefore, I will write about him as a friend, as a comrade and colleague, with whom the brightest pages of my life are inextricably linked. On the other hand, at the same time, I also do not intend to pretend to create a portrait of Oleg. I have neither the strength nor the ability to do this. This is just a short essay about Oleg, written in the non-existent genre of 'grief'. Sketchily, I will try to note certain features that, in my opinion, were typical of him and especially dear to me.

Е. Ю. Гиря

Черты к портрету археолога нашего времени

Прошло более полугода с того трагического дня, когда коварная болезнь вырвала из наших рядов дорогого нашего друга Олега Васильевича Шарова, нашего замечательного Шария. Много раз я брался за написание этих строк, и всякий раз опускались руки — не было сил смириться с его уходом. Вот и сейчас ком подступает к горлу.

Я не считаю себя вправе писать об Олеге как об учёном-археологе, о специалисте в своей области науки. Реалии современной археологии давно уже таковы, что, будучи закоренелым каменщиком, я лишь в самых общих чертах представляю, что и как происходит в археологии более поздних эпох. Моя компетенция редко простирается далее тех времен, когда материальная культура всё ещё была связана с камнем, то есть — не позднее бронзового века.

Оценку научных трудов Олега, несомненно, дадут те, кто «в теме». Поэтому, я буду писать о нём как о друге, как о товарище и коллеге, с которым неразрывно связаны самые яркие страницы моей жизни. С другой стороны, при этом, я также не намерен претендовать на создание портрета Олега. Нет у меня для этого ни сил, ни способностей. Это лишь небольшой очерк об Олеге, написанный в несуществующем жанре «скорбь». Эскизно постараюсь отметить отдельные черты, которые, по моему мнению, были свойственны ему и особенно дороги мне.

Светлой памяти Олега Васильевича Шарова —
Человека-Солнце, Пантагрюэля и шаровиптерикса

Прошло более полугода с того трагического дня, когда коварная болезнь вырвала из наших рядов дорогого нашего друга Олега Васильевича Шарова, нашего замечательного Шария. Много раз я брался за написание этих строк, и всякий раз опускались руки — не было сил смириться с его уходом. Вот и сейчас ком подступает к горлу.

Я не считаю себя вправе писать об Олеге как об учёном, о специалисте в его области археологии. Реалии современной науки давно уже таковы, что, будучи закоренелым «каменщиком», я лишь в самых общих чертах представляю, что и как происходит в археологии более поздних эпох. За редкими исключениями, пределы моей компетенции заканчиваются на эпохе бронзы — именно там, где начиналась компетенция Олега.

Профессиональную оценку научных поисков и достижений Олега, несомненно, дадут те, кто «в теме». Я же буду писать о нём как о друге, как о товарище и коллеге, с которым неразрывно связаны и светлые, и тёмные, но всегда и неизменно яркие страницы моей

© Е. Ю. Гиря, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL222934

жизни. Буду писать сугубо субъективно, только «от себя», не претендуя на создание «объективного» портрета Олега. Нет у меня для этого ни сил, ни способностей. Насколько смогу, я постараюсь хотя бы эскизно наметить отдельные черты, которые, по моему мнению, были свойственны ему и особенно дороги мне. Таким образом, это лишь небольшой очерк об Олеге, написанный в несовременном жанре «скорбь и горечь утраты», это отдельные штрихи, зарисовки к целостному образу, к портрету Олега, создать который нужно и должно именно нам — всем близким к нему людям.

Олег появился в нашей группе на кафедре археологии не сразу, не с первого курса. Он перевёлся к нам с вечернего отделения, тогда ещё относительно недавно созданного. В те времена это отделение ещё существовало. Оно служило желанным и надёжным спасательным кругом для всех нуждающихся, не попавших на дневное по тем или иным причинам. Однако, и туда (на вечернее) не всякий мог попасть. Светлейшей памяти доцент нашей кафедры Василий Александрович Булкин изобрёл и активно пропагандировал среди абитуриентов, не поступивших на дневное обучение, особую технологию, алгоритм достижения вожделенного места на кафедре хотя бы на вечернем отделении. Главным кунштюком, основной «хитростью» метода Василия Александровича было поступление в корабельное училище на Васильевском острове, где постоянно был недобор слушателей. Учёба там приравнивалась к работе на производстве. Поэтому, при условии отличной успеваемости в этой корабельной бурсе, любой «понаехавший» иногородний без ленинградской прописки, кроме стипендии, жилья и даже какого-то обмундирования и льготной кормёжки, имел право на посещение вечерних курсов в университете. Всё это я очень хорошо помню, так как сам, провалив в очередной раз вступительные экзамены, по совету Василия Александровича, пытался «ухватиться за эту соломинку». В своё время я, увы, опоздал на один день с подачей документов в это корабельное. А вот тремя годами позже Олегу это удалось и, в итоге, он попал на кафедру!

Было это всё очень много лет назад. Посчитал и сам не поверил, что так давно. Не отличаясь математическими способностями, проверил в интернете с помощью календарного калькулятора — так и есть. Было это уже сорок «с небольшим» лет назад, то есть, чуть ли не половина века прошла с тех пор. Ну надо же!

На вечернем отделении Олег не задержался и уже на втором курсе он учился с нами на дневном. Группа наша была большая — двенадцать человек, что в то время было редкостью. Олег всегда был открыт к общению. Человек-Солнце, он настолько органично вписался в наш коллектив, что до сих пор, кажется, будто он всегда был с нами, изначально, с самого первого курса.

Группа была дружная, сплочённая. Возможно, из-за этого в деканате к нам относились с некоторым недоверием и какой-то предупредительной насторожённостью. Мы, в свою очередь, это чувствовали, но не обижались. Напротив, мы чуть ли не гордились этой, не нами придуманной традиционной оппозиционностью, и с подчёркнутым цинизмом горланили строчки из кафедрального гимна: «В деканат, в партбюро, в деканат, археологи тащатся в ряд. Это кто-то из наших, наверно, языком трепанул *через*мерно». Во всём этом, конечно же, была доля фронды, модного в те времена напускного диссидентства, но эта оппозиционность никогда не была для нас ни целью, ни чем-то действительно значимым. Значимой была археология. Недавно Л. Б. Вишняцкий напомнил мне, что тогда мы вполне осознанно гордились тем, что на нашей кафедре, в отличие от многих других на истфаке, можно было по крайней мере не врать. Скорее всего, так оно и было.

В целом, компания нашего курса мало чем отличалась от компаний иных выпусков и до, и после нас. То есть, как и все представители четвёртой группы истфака ЛГУ (археологи, этнографы и искусствоведы), мы интенсивно учились, работали и «нарушали безобразия». И, хотя в те времена ещё не существовало лозунга «пей, пой, копай!», дух кафедры оставался неизменным. Мы вполне сознательно принимали традиционные кафедральные ценности такими, какими они были. Во всём здравом и во многом сомнительном (увы и ах!), мы равнялись на старших товарищей и коллег, давая далеко не всегда положительный пример младшим.

Главными застрельщиками всех совместных предприятий археологов нашего курса были наши Гаргантюа — Игорь Бажан и Пантагрюэль — Олег Шаров. Понятное дело, что Игорь и Олег не были отцом и сыном, и никто никогда их так не называл, но безудержная любовь к жизни при полном пренебрежении к границам разумного, безусловно, приближала их обоих к хрестоматийным образам великого Рабле. Краёв в жизнелюбии они оба не знали и не желали знать. Если,

иногда, они и признавали необходимость таковых хотя бы в чем-то, то лишь под сильным давлением обстоятельств. Для них не существовало понятий «плохое вино» или «скудный стол». Любители шашлыка из осетрины у камина под шампанское, волшебной силой своего безудержного оптимизма они любую трапезу превращали в праздник, любое пристанище — в уютный уголок, и в столицах, и в полях, и в степях, и в тундрах.

Учились мы все старательно (ну очень старались!). Как могли, так и старались. Всегда помогали друг другу. Я, к примеру, до сих пор уверен, что без Олега не сдать бы мне Глебу Сергеевичу Лебедеву экзамен по археологии железного века. Основными камнями преткновения на пути к получению диплома для нас являлись почти все *НЕ* археологические предметы. Особо опасными для выживания на факультете в те времена считались иностранные языки и физкультура, за ними шли история КПСС, политэкономия социализма и история стран Азии и Африки. Всё остальное можно было достаточно просто заучить «стремительным наскоком», быстро (пока знания не утекли) «сдать» и забыть.

Самой страшной отметкой были 3 балла — это была трагедия. «Трояк» лишал человека его кровной стипендии на целый семестр, поскольку пересдать его было практически невозможно. Иное дело — честная «двойка». Она символизировала собой великодушие экзаменатора, проявление снисходительности, понимания и даже любви к нам — молодым балбесам. Я не помню, чтобы у Олега были «трояки». Он умел поладить с экзаменаторами, учился на «4» и «5», преподаватели его любили.

Летом мы работали в самых разных (обязательных и нет) экспедициях и редко возвращались на кафедру из полей ранее октября. И никто нас за это не корил! Напротив, в случае если кто-то появлялся на факультете в середине или (не дай бог!) к первому сентября, о таком человеке начинали беспокоиться: здоров ли он, не случилось ли чего с его родными и близкими?

Прибыв в Город по окончании полевого сезона, параллельно учёбе, мы работали кто где мог. Чаще всего — дворниками и сторожами. Работа дворником могла обеспечить бесплатное жильё, пусть даже плохонькое, в аварийном состоянии. Часто, официально устраивался один человек, а проживали и делали дневную норму работы несколько. Такие квартиры автоматически превращались в места сбора, а иногда и проживания, многих наших одногруппников. В них устраивались совместные занятия, обработка коллекций, написание отчётов и подготовка к особо сложным экзаменам, а между ними — самые разнообразные сборища и вечеринки по любому поводу. Впрочем, то же самое мы учиняли и в общежитиях, и в камералках (включая даже святая-святых — Эрмитаж!). Я почти не помню таких компаний без участия Олега.

Все мы регулярно посещали «Петрополь» — культовый, в то время, пив-бар на Среднем проспекте В.О. Гуляли в Центральном парке культуры и отдыха, где любили кататься на лодках и водных велосипедах. Однажды поздней осенью, по неосторожности, уронили с лодки в озеро своего товарища, студентку-этнографиню. Сушили мы её на истфаке, прямо на нашей кафедре, где нас приняли как родных, без малейшей тени упрёка или удивления.

Благодаря стараниям того же Василия Александровича Булкина, всей нашей неуёмной группе удалось съездить в Киев на практику, где мы, воодушевлённые и восхищённые совместным путешествием, занимались тем же что и в Питере: учились, работали и безобразили. Это была фееричная, незабываемая поездка. В отличие от предшествовавшего нашему заезда, нам всем удалось вернуться оттуда почти без потерь и в назначенный срок. Что было, то было. Мы всегда гордились дружбой со студентами параллельного нам курса кафедры археологии Киевского университета.

При этом, мы всегда пели песни. Олег был единственным в нашей группе, кто играл на гитаре. Он знал несчётное количество песен *нашего* репертуара. Мне нравились многие песни в его исполнении, а некоторые я *не* в его исполнении до сих пор не воспринимаю. Помнится, мы любили несколько изменять слова известных песен. Так мы изменяли стихи Ильи Эренбурга и пели: «Все ждать и ждать, как неуклюже зашевелится невский лёд» (в оригинале — «грузный»).

А чего стоило его исполнение песни «я сушу свои носки над тарелкой супа»! И в этой песне мы слегка изменяли авторский текст, но не особо переживали из-за этого. О многих-многих иных, заглавных-забойных археологических студенческих песнях-кричалках «про скифов» и, конечно же, про «Орла», про кафедральную «мы по речке по Каспле» — и речи нет. Тут Олег был и остаётся для нас непревзойдённым. В вагонах поездов, в полях, в квартирах, камералках и общагах мы пели хором. Пели при

любой возможности, пели с упоением, громко, от сердца и от души. Нет сомнений, что со стороны наше пение звучало и воспринималось иначе. До сих пор не перестаю удивляться терпению слушавших нас вольно или не вольно.

В целом, наш курс был таким же, как и все иные курсы на кафедре археологии. Хотя, пожалуй, одно отличие всё-таки было — по окончании университета, не сразу, но в итоге, почти все из наших одногруппников нашли возможность работать по специальности. Говорят, что в сравнении с иными выпусками ЛГУ, в ЛОИА–ИИМК РАН наших работало больше всех.

После окончания университета Олег попал («загремел») в армию офицером на два года. Потом он вернулся в археологию и почти сразу организовал археологическое издание «Фарн». Из всех членов нашей университетской группы на работу в ИИМК он поступил последним.

Мне посчастливилось работать с Олегом в нескольких экспедициях на реке Яне. Это были очень непростые «поля», со множеством самых разнообразных сложностей и весьма острых, неприятных конфликтных моментов. Следует пояснить, что для Олега это были «не профильные» поездки. Попросту говоря, необходимо было зарабатывать деньги. То есть, в данном случае, он вполне мог бы уклониться от излишних орг. -нагрузок (от ненужного ему «геморроя») и не проявлять никаких инициатив. Но не таков был Олег. В экстремальных ситуациях он не дрефил, друзей не предавал, не бросал, всегда был спокоен и рассудителен. Однажды в глухой тундре нам удалось добиться отмены ареста экспедиционного оборудования. На это ушло почти двое суток дневных и ночных переговоров с представителями местных силовых органов (госбезопасности и транспортной милиции). Тогда Олег показал себя по-настоящему эффективным дипломатом, способным идти на компромисс в мелочах, не уступая при этом ни на йоту от основных позиций.

Чаще всего, Олегу приходилось самому организовывать и возглавлять экспедиции. При этом, все как один участники его отрядов (исключений я не знаю) вспоминают его как очень предупредительного и заботливого начальника, умелого организатора быта и, главное, здоровых дружеских и рабочих отношений в полевом лагере. Он умел создавать и поддерживать на должном уровне и то, и другое. В отличие от многих иных начальников, каким-то, иногда до наивности простым и естественным образом, он формировал вокруг себя очень доброжелательную атмосферу, которая, как говорится, «строить и жить помогает». Даже люди с большим полевым стажем вспоминают его экспедиции как лучшие в их жизни. Такие признания услышишь не часто, они дорогого стоят.

Как-то на Яне мы сменяли группу, готовившую лагерь для работ основного отряда. Подготовительными работами руководил Олег, часть людей уезжала, часть оставалась. Все были счастливы, несмотря на мириады комаров, сквозь тучи которых можно было без боли в глазах смотреть на солнце (это не метафора). А вечером я узнал от Олега, что отнюдь не комары доставляют ему неудобство. Оказалось, что он никак не может толком выспаться из-за ночного холода. Мы сделали ему дополнительный спальник-кулёк из привезённой мною мягкой кошмы. Проснувшись утром, он сказал, что выспался впервые за все полтора месяца экспедиции. Обеспечив отряд всем необходимым, он просто не нашёл времени позаботиться о себе.

Среди многих позитивных качеств Олега, на мой взгляд, особенно ценными были его неувядаемый оптимизм и организационный талант, который он проявлял не только в ходе своих собственных работ. Однажды он навестил нас в экспедиции Сергея Кулакова в Адлере. Мы с Сергеем к тому времени уже весьма подустали, так как долго «сидели» — работали в глубине Ахштырской пещеры. Вечерами мы едва находили силы для организации пристойного ужина. С приездом Олега всё изменилось, он умудрился в первый же вечер из ничего сделать какое-то пристойное блюдо (на крепком вине!), а уже через несколько дней нашёл нам гораздо более удобное жильё за меньшие деньги. Отдельная история — походы Олега на Адлерский рынок, они вошли в легенду. Я свидетель того, что именно после него картошку «для варки» и «для жарки» в Адлере стали продавать раздельно.

Обычай выпивать и общаться дистанционно («он-лайн») появился в нашем кругу задолго до ковидных ограничений. Нам и без того не всегда удавалось собраться. Поэтому, в карантинном 2020 году, мы отмечали 60-летие Олега неоднократно и онлайн, и при личных встречах. Большое официальное празднование несколько раз откладывалось, что провоцировало множество спонтанных «отмечаний» в небольших компаниях.

На одной из таких постюбилейных встреч, произошедшей уже в 2021 году в «Багателе» на Большой Конюшенной, я поделился с дру-

зьями неожиданным открытием. Оказывается, что немногим более 200 миллионов лет назад, в триасовом периоде существовал шаровиптерикс — летающий протозавр, открытый и описанный однофамильцем Олега, палеонтологом Александром Григорьевичем Шаровым. Поскольку в тот вечер юбиляру моя шутка понравилась, я позволю себе коротко изложить её здесь.

Это было единственное в своём роде летающее существо, не имевшее средств для спокойного, ленивого и плавного парения над просторами нынешней Средней Азии (он был найден в Ферганской долине), поскольку крылья его никак не были связаны с плечевым поясом. Шаровиптерикс был уникален именно тем, что крылья у него росли из другого места (пониже). То есть, его перепончатое крыло было приурочено к тазовому поясу, благодаря чему ящер умел лишь стремительно планировать на достаточно больших скоростях, ведь для уверенного контролируемого полёта необходимы либо широкое крыло, либо мощная сила тяги. Следует иметь в виду, что такую же, как у шаровиптерикса, форму крыла планера имеют все современные истребители, которые, без мощной тяги, на малых скоростях не летают — падают. Как бывший механик МИГ-21, я вправе судить об этом.

На долю нашего поколения археологов позднего СССР и ранней России выпало нелёгкое время. Мы оказались лишены всех условий, которые ранее обеспечивали нормально функционировавшие научные институции. И в этом аспекте, мы все вполне подобны шаровиптериксу. Для реализации своих научных планов без широких крыльев и/или без дополнительной тяги нам поневоле приходилось забираться на какие-то высоты и нырять оттуда в пропасти в надежде удачно поймать восходящий поток.

Времена не выбирают. Всё относительно и не нам судить, свезло нам или не свезло. На мой взгляд, особо удачными для жизни в науке наши годы не назовёшь. К несчастью, к тому времени, когда мы уже достигли своих целей, обосновались кто-где и «твёрдо стали на крыло», ни академические институты, ни университет были уже не в состоянии обеспечить нам условия, достаточные для полнокровной научной деятельности.

В этом смысле, возможно, было бы здорово, если бы Олегу удалось стать научным сотрудником Эрмитажа, к чему он так стремился всю жизнь. Ему, правда, удавалось подрабатывать в экскурсионном отделе. Для этого Олег даже разработал авторскую экскурсию по «Золотой кладовой». Экскурсия была эксклюзивная, не ординарная. Судя по отзывам, она действительно пользовалась неизменным успехом и у дилетантов, и у знатоков. Жаль, что не сохранилось ни аудио, ни видео записей. Без сомнений, она была одним из лучших его произведений. А вот стать научным сотрудником Эрмитажа, со своей тематикой и своими экспедициями, Олегу не посчастливилось. Жаль.

Мало кто из нашего поколения археологов оставит после себя тяжёлые фолианты собраний сочинений. Капитальные исследования требуют и времени, и отсутствия суеты. Графоманом Олег не был и к «хиршам» наукометрии (к *наукомертвию*) относился так же, как и большинство из нас — как к неизбежному злу: терпеливо, с вынужденным и нескрываемым раздражением. Насколько мне известно, он успел написать и издать несколько монографий и более сотни статей. Кроме того, он осилил защиту докторской, гордился этим званием и возлагал на него немало надежд, которые, увы, почти ни в чём не оправдались. Может быть, не успели оправдаться. В наши дни «докторская» имеет научное и, лишь совсем немного — символически-престижное значение. Она как мёд у Винни Пуха — «очень уж странный предмет».

Олег принимал активное участие в знаменитом домашнем семинаре Марка Борисовича Щукина, который он возглавил после ухода учителя. Заседания Щукинского семинара он перенёс в ИИМК, где они продолжались вплоть до последнего года работы Олега в нашем институте. Как мог он продолжал, а по сути дела — спасал, научную традицию, школу, берущую начало ещё от М. И. Артамонова.

Вместе с этим, он каким-то образом находил время, силы и средства заботиться о благополучии семьи. Неутомимый предприниматель, Олег был бесспорным чемпионом по количеству переездов и иных (нередко авантюрных) сделок, связанных с арендой, приобретением и/или обменом недвижимости в Ленинграде — Санкт-Петербурге и его окрестностях. По-видимому, его в одинаковой мере увлекали и сам процесс смены жилья, и желание получше устроить близких, ведь самого Олега никак нельзя было назвать домоседом. Он буквально жил путешествиями, любил новые места и легко сходился с новыми людьми.

Лёгким и гладким жизненный путь Олега не назовёшь. Не таковы были обстоятельства его жизни, а, главное, — не такова была его

натура. Он неоднократно взлетал и неоднократно бесстрашно, порой очертя голову, бросался в пропасти. Иногда удачно ловил волну, планировал и взлетал на новые высоты. Иногда — нет.

Беда была в том, что при этом он почти не думал о себе и слишком мало заботился о своём здоровье. Надеясь на авось, он считал, что организм все сдюжит. В его жизни не счесть случаев, когда всё могло закончиться печально. Неоднократно его выручали только чудо и счастливое стечение обстоятельств. Промёрзнув на Яне, он простудил зуб. С большим трудом удалось его эвакуировать вертолётом в Тикси, а оттуда в Питер, где врач констатировал, что ещё бы день-два и сепсиса было бы не избежать. При всём при этом, совершенно непонятно, каким образом он, практически постоянно пребывавший под наблюдением врачей, лечивший глаза, суставы и прочее, и прочее… умудрялся обходиться без элементарного медицинского полиса страхования? Оказывается, некогда было оформить!

Такие вот мои несколько черт к портрету Олега, нашего Шария, Человека-Солнце, Пантагрюэля и шаровиптерикса.

P. S.

Младшему сыну Олега — Филиппу сказали, что папа уехал в длительную экспедицию. Вначале я отнёсся к этому невинному «обману» с горькой иронией, а теперь вот обнаружил, что и сам так думаю. В командировке он, в экспедиции… пока мы живы.

Evgeny Girya (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences[1].

Гиря Евгений Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: kostionki@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2037-9826

Address: [1] Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

И. Л. Тихонов

Полевые сезоны Олега Шарова

Keywords: Crimea, Moldova, Roman period, archaeology, O.V. Sharov

Ключевые слова: Крым, Молдова, римское время, археология, О. В. Шаров

I. L. Tikhonov

Field seasons of Oleg Sharov

The article tells about the field activity of the famous St. Petersburg archaeologist, a major specialist in the antiquities of the Roman period of Eastern Europe and the Northern Black Sea region, Dr. of archaelogy Oleg Vasilyevich Sharov (1960—2021). Starting in 1978 in Polotsk, his field activities took place in the Crimea, Moldova, on Taman and the Kola Peninsula, in Siberia. The main objects of his study were the Chernyakhov culture settlements and other "barbarian" cultures of the first centuries AD in the Northern Black Sea region. Together with M. B. Shchukin, his teacher, he supervised the excavation of the cemetery and the settlement of Chatyr-Dag in the mountainous Crimea in 1994—1996, and the settlement of Taraktash near Sudak in 2002—2008. There were found sanctuaries with extensive ceramics and anthropomorphic idols. In 2013—2021, O. V. Sharov was an active participant in large-scale rescue archaeological research that unfolded in Taman and in the Crimea.

И. Л. Тихонов

Полевые сезоны Олега Шарова

Статья рассказывает о полевой деятельности известного петербургского археолога, крупного специалиста по древностям римского времени Восточной Европы и Северного Причерноморья, доктора исторических наук Олега Васильевича Шарова (1960—2021). Начавшись в 1978 г. в Полоцке, она проходила в Крыму, Молдавии, на Тамани и Кольском полуострове, в Сибири. Основными объектами его изучения являлись памятники черняховской культуры и других «варварских» культур первых веков новой эры в Северном Причерноморье. Вместе со своим учителем — М.Б. Щукиным он руководил раскопками могильника и поселения Чатыр-Даг в горном Крыму в 1994—1996 гг., и поселения Таракташ рядом с Судаком в 2002—2008 гг., на котором были выявлены святилища с большими керамическими наборами и антропоморфными идолами. В 2013—2021 гг. О.В. Шаров был активным участником масштабных новостроечных исследований, развернувшихся на Тамани и в Крыму.

Интерес к археологии у Олега Шарова появился еще в школьные годы, и к моменту окончания школы он уже точно знал, что хочет быть только археологом. Летом 1977 г. после окончания средней школы в Йошкар-Оле он приехал в Ленинград поступать на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского университета. Даже хорошо сдав экзамены, поступить с первого раза не удалось, поскольку конкурс был очень большой и проходной бал максимально высоким. Во время собеседования с абитуриентами Олег познакомился с преподавателями кафедры Л. С. Клейном и В. А. Булкиным, которые, увидев энтузиазм юноши, посоветовали ему на следующий год непременно побывать в археологической экспедиции. Чтобы остаться в Ленинграде, Олегу пришлось устроиться работать на судостроительный завод. Летом 1978 г. он поехал в свою первую экспедицию в Полоцк — один из древнейших городов Руси, упоминание о котором есть на первых страницах «Повести временных лет» (рис. 1). Эту экспедицию, ведущую раскопки вокруг и внутри Софийского собора, возглавляли братья Валентин Александрович и Василий Александрович Булкины. Василий Александрович и стал первым учителем Олега Шарова. Через сорок лет в статье памяти своего первого наставника Олег вспоминал многие курьезные эпизоды своего первого опыта в поле (Шаров 2018: 24—25). Уже тогда ему улыбнулась удача — Олег нашел золотое кольцо, единственную находку из драгоценных металлов в том сезоне. В экспедиции шутили, что это массивное кольцо явно принадлежало знаменитому полоцкому князю Всеславу.

В августе 1978 г. вновь сдав экзамены, Олег сумел пройти на вечернее отделение, начал за-

© И. Л. Тихонов, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL223544

ниматься в семинарах по славяно-русской археологии В. А. Булкина и Г. С. Лебедева, еще два сезона ездил в Полоцк. В начале 1981 г. он перевелся на второй курс дневного отделения. Там мы и познакомились. Мне уже доводилось писать о наших студенческих годах и учивших нас прекрасных преподавателях (Тихонов 2015: 371—381; 2020: 1—4). По окончании второго курса нам предстояла «пионерская практика» вожатыми в пионерлагере, но мы стремились как можно больше времени провести в поле. Олег договорился, что нам с ним зачтут участие в экспедиции Ленинградского дворца пионеров, которой руководила Н. И. Платонова. Выезжать в Лужский район, в окрестности деревни Малая Удрая надо было уже в начале июня, поэтому часть экзаменов сдавали досрочно, а на другие приходилось ездить из экспедиции. Основным объектом раскопок была большая насыпь с мощным каменным панцирем из довольно крупных валунов (Платонова-Залевская 1983; Платонова 2017). Вот тут-то два здоровых студента очень пригодились, поскольку экспедиция состояла из школьников и четырех молодых дам, включая руководительницу. Под конец пошли погребения с богатым инвентарем, и работать приходилось часов по двенадцать, а то и более, благо в июне светло. Небольшие воспоминания об этом опубликовала Тамара Жеглова, которая, несмотря на юный возраст, была сотрудником Дворца пионеров и числилась руководителем группы школьников (Жеглова 2002: 307).

В том же 1981 г. Олег принял участие в работах Днепровской Левобережной экспедиции ЛО ИА АН СССР, которая проводила раскопки поселения колочинской культуры Великие Будки в Сумской области. Сложно сказать, связано это было с появлением там Олега или нет, но на поселении был обнаружен клад так называемых древностей антов, содержащий пальчатые фибулы, бляшки, украшения из серебра и оловянисто-свинцового сплава (Горюнова, Родинкова 1999: 172—176).

С осени 1982 г. начал работать домашний семинар Марка Борисовича Щукина, постоянным участником которого стал Олег Шаров, обретший своего основного Учителя. Тогда же определилась и эпоха его основных научных интересов — черняховская культура и в целом, «варварский мир» Восточной Европы первых веков новой эры. Славяно-Сарматская экспедиция Государственного Эрмитажа, возглавляемая М. Б. Щукиным, в это время вела исследования могильника в Ивановцах на востоке Черновицкой области и городища у с. Мощенка на севере Черниговской области (Щукин 1989).

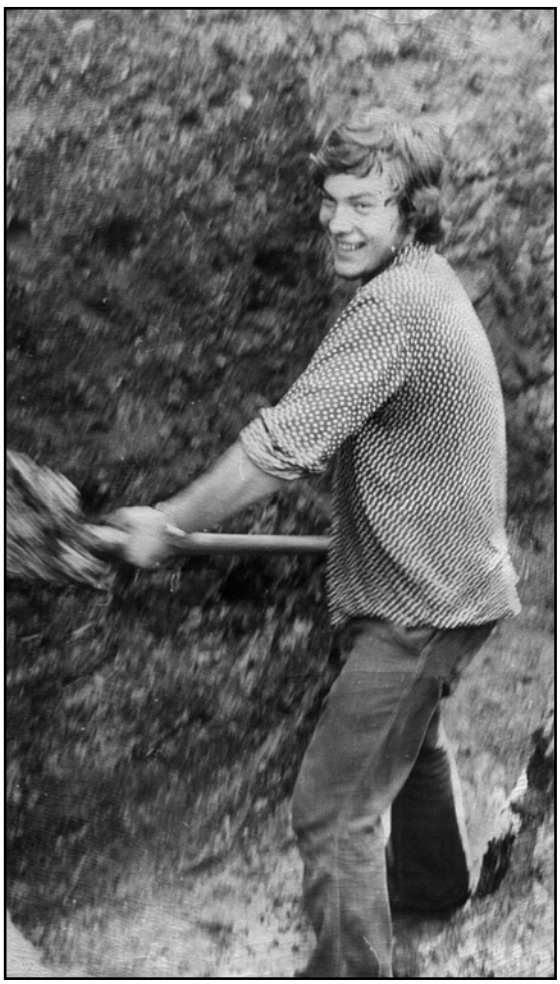

Рис. 1. Первая экспедиция. Полоцк, 1978.

Fig. 1. First expedition. Polotsk, 1978.

В 1984 г. после окончания университета Олегу пришлось временно прервать полевую деятельность, поскольку он был призван в армию и служил лейтенантом-артиллеристом под Выборгом в Ленинградской области. С работой по специальности у археологов тогда были большие проблемы и, демобилизовавшись из армии, он устроился руководителем археологического кружка в Василеостровский дом пионеров и школьников. Помимо занятий в городе, в каникулярное время стал вывозить подопечных ребят в экспедиции и экскурсионные поездки. В одной из таких поездок в Крым мне довелось поучаствовать. Мы посетили Старый Крым, Феодосию, Судак, Кара-Даг, Бахчисарай. Пешком за один день посмотрели пещерные города Эски-Кермен и Мангуп. Несколько девочек к концу маршрута еле ноги передвигали, но трудности их не испуга-

Рис. 2. Начало раскопок на Таракташе, 2002.

Fig. 2. Beginning of excavations at Taraktash, 2002.

ли, и некоторые из них потом много лет ездили к Олегу в экспедиции.

В эти годы он участвовал в раскопках могильника Красный Маяк в Херсонской области и впервые побывал в Крыму в экспедиции А. Н. Щеглова, ведущей исследование городища Панское в Северо-западной части полуострова. С 1988 по 1990 гг. Славяно-Сарматская экспедиция вела раскопки черняховского поселения у хутора Одая Шолданештского района Молдавии. Олег становится ближайшим помощником Марка Борисовича в экспедиции, а со временем берет на себя практически все основные полевые и административные заботы, освободив время Марку Борисовичу для сугубо научных занятий и созданию новых книг и статей, что вполне устраивало начальника экспедиции.

В начале 1990-х гг. Олег Шаров проводит самостоятельные исследования в Крыму. На ближней хоре Херсонеса в составе Гераклейской экспедиции музея-заповедника «Херсонес Таврический» он вел раскопки земельных наделов с плантажными стенками, античной дороги и усадьбы. В Керчи на северном склоне горы Митридат вместе с В. Н. Зинько исследовал участок некрополя Пантикапея площадью в 1,5 тысячи кв. метров, где были открыты 32 погребения, относящиеся к I — середине II вв. н. э. (Зинько, Шаров 2021). В 1993 г. провел раскопки кургана у Вокзального шоссе в Керчи, в котором были обнаружены три погребения различных эпох: основное — древнеямное, поздней бронзы и IV—VI вв. н. э. (Шаров 1994).

В 1994 г. Славяно-Сарматская экспедиция начала раскопки грунтового могильника и поселения конца III—IV вв. н. э. у подножия горы Чатыр-Даг в окрестностях Алушты. Первоначально, в 1980-е гг. могильник изучался Горно-Крымской экспедицией отдела археологии Крыма под руководством В. Л. Мыца. В 1994—1996 гг. раскопки продолжились на новом участке широкой площадью (более 400 кв. м.) и привели к открытию еще 33 погребений, среди которых оказалось погребение №55 — одно из самых интересных, с кремацией в амфоре, помещенной в каменный ящик, с копьем и серпом и керамическим набором. В этом погребальном обряде и инвентаре явно прослеживались традиции германских племен, появившихся в Крыму в то время. По итогам этих исследований была выпущена коллективная монография, в ко-

Рис. 3. Таракташ. 2006.

Fig. 3. Taraktash. 2006.

торой Шаров принял непосредственное участие (Мыц и др. 2006). Помимо этого он выпустил отдельной книгой анализ керамических находок Чатыр-Дага, рассмотрев хронологию всех комплексов, содержащих римские импорты — краснолаковую керамику (Шаров 2007). Исследователь предложил некоторые методологические подходы к построению хронологии «варварских культур» первых веков новой эры, позволяющие связать артефакты с конкретными поколениями людей той эпохи. Новыми выводами стали возможности связать производство некоторых форм сигиляты с местными центрами, в частности, с Херсонесом времен появления в нем римлян. На располагающемся рядом с могильником поселении были выявлены остатки двух построек, погибших в результате землетрясения и камнепада, и многочисленные фрагменты желто- и красноглиняных амфор, а также лепной керамики (Щукин и др. 1997: 14).

В 1997—2001 гг. Славяно-Сарматская экспедиция во главе с М. Б. Щукиным и О. В. Шаровым провела исследования на городище Рудь и черняховском поселении у с. Покровка в Молдавии. На городище было обнаружено святилище или культовый объект I в. н. э., содержащий горелый слой с различными вещевыми находками, костями животных и человеческими черепами. На поселении благодаря применяемой методике тонких зачисток были открыты углубленные постройки, перекрывающие друг дуга, наземное сооружение со столбовыми конструкциями, остатки сырцовых стен, возможный погреб-ледник (Щукин и др. 2000; 2002).

В 2002 г. начались исследования поселения Таракташ в 3 км к северу от г. Судак, на Юго-восточном побережье Крыма (рис. 2—4). Оно располагалось на Юго-западном склоне одноименного хребта, фланкирующего вход с Севера в Судакскую долину. Еще в 1995 г. Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством В. Л. Мыца на месте грабительской ямы рядом с этим поселением были открыты остатки культовых сооружений первой половины II — первой половины IV вв. н. э., содержащие фрагменты 270 сосудов и три антропоморфные статуэтки.

В 2003 г. О. В. Шаров был принят в отдел истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН и создал

Рис. 4. Олег Шаров пишет полевой дневник.

Fig. 4. Oleg Sharov writes a field diary.

там Таракташскую экспедицию. В ходе работ Славяно-Сарматской экспедиции ГЭ и Таракташской экспедиции ИИМК РАН, продолживших исследования до 2008 г., были обнаружены еще два святилища и изучено поселение римского времени. Святилище Таракташ-II находилось прямо под гребнем одноименной горы на подрубленной площадке прямоугольной формы, на которой были остатки фундамента с алтарем в центре. Антропоморфные идолы лежали в одном метре к югу от южной стены святилища. Третье культовое сооружение было открыто в 2006 г. в центре поселения на второй террасе, созданной искусственно на крутом склоне горы. Его стены, образующие помещение размером 2,2 на 1,5 м., находились прямо под стенами жилого помещения постройки №6 первой половины III в. н. э. Там были найдены 55 краснолаковых, 5 лепных сосудов, кости жертвенных животных и еще две глиняные антропоморфные статуэтки.

О. В. Шарову на основе анализа керамического материала удалось уточнить абсолютную и относительную хронологию этих трех культовых комплексов. Святилище 1 было построено в середине I в. н. э и функционировало вплоть до середины III в. н. э., святилище 2 было построено позднее: на рубеже I—II вв. н. э. и также функционировало вплоть до середины III в. н. э. Видимо, почти одновременно с ним на крутом западном склоне в центре поселения, возникает третье святилище (КСТ-III) в конце I — первой половине II вв. н. э., но по каким-то причинам перестает функционировать еще в конце II в. н. э. В конце II в. появляется новое население, которое строит каменные постройки прямо на культурном слое предшествующего времени и, видимо, основывает новое святилище — КСТ-II под гребнем горы Таракташ (Шаров 2009: 459—464). Поселение и святилища КСТ-I и КСТ-II окончательно были разрушены и покинуты в середине III в. н. э. В середине IV в. н. э., на южных склонах Таракташа опять появляется новое население и возобновляется культ поклонения предкам только в святилище 1 «КСТ-I».

Относительно антропоморфных статуэток (рис 5), исследователь первоначально склонялся в сторону их среднеазиатского происхождения (Шаров 2013), но после открытия близких им по морфологическим признакам

Рис. 5. Таракташский идол.

Fig. 5. Taraktash idol.

артефактов в могильнике Кара-Тау более раннего времени, предлагал искать параллели как в антропоморфной пластике, так и культовых сосудах на позднескифских памятниках римской эпохи горного Крыма.

Полевые работы Олега Шарова не ограничивались только Крымом и Молдавией. В 2004 г. он принимал участие в экспедиции Института истории материальной культуры РАН, ведущей раскопки верхнепалеолитической стоянки на р. Яне в Северной Якутии (рис. 6). Это труднодоступная территория полярной тундры, значительно удаленная от ближайших населенных пунктов. Там с ним произошел характерный эпизод. Не желая доставлять никому хлопот, Олег в течение многих дней мужественно терпел сильную зубную боль, никому ничего не говоря о ней. В итоге пришлось его срочно эвакуировать на вертолете в больницу, так как возникала опасность сепсиса.

В 2005 г. вместе с С. А. Кулаковым он участвовал в изучении палеолитического слоя Ахштырской пещеры в окрестностях Сочи, а в 2016 г. в раскопках стоянки Богатыри на Тамани, являющейся одним из самых древних мест обитания человека на территории современной России. В 2010—2013 гг. он также принял участие в работах Кольской экспедиции ИИМК РАН на поселении эпохи неолита-бронзы Завалишина 5 на севере Кольского полуострова, на петроглифах Канозера и острове Колгуев в Баренцовом море. В 2012 г. руководил отрядом Саяно-Тувинской экспедиции, раскапывающим курганный могильник VIII—III вв. до н. э. Белое Озеро 4 в Республике Тыва. Эти работы были частью масштабного новостроечного археологического исследования по трассе строящейся железной дороги Кызил — Курагино.

С 2013 г. начинаются охранные исследования О. В. Шарова на Таманском полуострове. Он ведет раскопки поселения Волна 12 на юго-западном берегу полуострова, в 8 км от ст. Тамань в урочище Холодная долина. Там были открыты постройки пастушеского населения нового времени, относящиеся к XVI — началу XIX вв. (Белов и др. 2016; Горошников, Шаров 2017). В 2015—1016 гг. исследует поселение Ильич 1 рядом с Ильичевским городищем, находящимся в основании косы Чушка. Наиболее интересным открытием там стали большие ямы в материке, оказавшиеся протомеотскими комплексами VIII—VII вв. до н. э. (Шаров 2016; Шаров, Соколова 2017).

В 2018 г. О. В. Шаров перешел на работу в Институт археологии РАН в Москве. С этого времени его полевые исследования сосредотачиваются в Крыму на памятниках, попадающих в зону строительства федеральной автотрассы «Таврида». В качестве заместителя начальника Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН он непосредственно провел серию работ на таких интересных памятниках разных эпох, как поселения Фронтовое и Дездар-Дере 3, могильник Киль-Дере 1 (Шаров, Юрочкин 2018; Шаров 2019). Помимо собственных полевых исследований Олег выступил одним из двух ответственных редакторов двухтомного издания «Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг. », представившего первые результаты этих масштабных работ (Внуков, Шаров 2019: 6—11).

В 2020 г. О. В. Шаров возглавил комплексную Херсонесскую экспедицию, созданную Институтом археологии РАН, Государственным Эрмитажем и Музеем-заповедником

Рис. 6. На раскопках паллеолитической стоянки на р. Яне. Северная Якутия, 2004.

Fig. 6. At the excavations of the Palleolithic site on the river Yana. Northern Yakutia, 2004.

«Херсонес Таврический» при поддержке Патриаршего совета по культуре и фонда «Моя история». Экспедиция начала археологическое исследование территории Южного пригорода Херсонеса для предполагаемого строительства археологического парка. Фактически он открыл и зарегистрировал памятник, на территории которого в настоящее время ведутся одни из наиболее масштабных полевых археологических исследований в Российской Федерации. С 2016 г. он также оказывал научные консультации во время археологических исследований на территории Судакской крепости: на цитадели, на западном склоне Крепостной горы, при консервации фундамента мечети «Хаджи-Бей». В июле 2021 г. выступил научным руководителем Первой Школы археологии «У подножия Барбакана 2.0», прошедшей в Судаке.

Все полевые работы Олега Шарова всегда отличала особенная тщательность и аккуратность, точнейшая фиксация открытых объектов и материала. Если считал что-нибудь недостаточно почищенным — мог сам взяться за метелку или флейцы. При проведении охранных новостроечных работ ему, несмотря на серьезное давление, нередко приходилось проявлять твердую принципиальность и сдавать участки строителям только после полного завершения исследования. Обладая большой работоспособностью, огромным и разнообразным опытом и знаниями, физической силой и выносливостью, общительным дружелюбным характером и веселым неунывающим нравом, Олег был желанным гостем в любой экспедиции.

Мало кому из археологов удалось поучаствовать в раскопках и изучении памятников столь разных эпох: от нижнего палеолита до нового времени. География его полевых маршрутов оказалась также столь обширна — от Южного Крыма до Кольского полуострова на Севере, от сердцевины Центральной Азии до побережья моря Лаптевых на Северо-Востоке Сибири.

Уже заболев коронавирусом в начале ноября 2021 г., Олег продолжал заниматься делами, строить новые планы. В больницу взял с собой ноутбук, намереваясь и там продолжить работу. Без работы, без археоло-

гии, без поля он не мыслил себя. Сделав свой выбор еще в юношеские годы, он всегда целеустремленно шел вперед, став одним из ведущих российских специалистов по римскому времени Восточной Европы и Северного Причерноморья. При этом он оказывал немалое влияние на окружающих его людей, особенно на молодежь. Люди видели в нем энергичного лидера, стремящегося не приспосабливаться к действительности, а скорее приспосабливать ее под себя. Никогда не боялся брать на себя ответственность за любое дело и отстаивать свои принципы, невзирая ни на какие обстоятельства. Покладистым характером Олег не отличался, поэтому у него были не только друзья… Но все, с кем ему довелось встречаться на жизненном пути, вряд ли смогут забыть этого яркого, незаурядного человека, бесконечно преданного археологии, которой он отдал всю свою жизнь.

Литература

Белов и др. 2016: Белов М. А., Горошников А. В., Раев Б. А., Шаров О. В. 2016. Опыт комплексного исследования пастушеских поселений Нового времени на Таманском полуострове. В: Волкодав Н. В. (отв. ред.). *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов*. Материалы археологической научной конференции. Краснодар: ЗАО «Таманьнефтегаз», 16—31.

Внуков С. Ю., Шаров О. В. 2019. Исследования Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017—2018 гг. В: Внуков С. Ю., Шаров О. В. (отв. ред.). *Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг*. Т. 1. Москва: ИА РАН, 6—11.

Горошников А. А., Шаров О. В. 2017. Исследования поселения Волна 12 в 2013—2015 гг. В: Шевченко Н. П. (отв. ред.). *Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов*. Краснодар: ООО Ирида, 87—89.

Горюнова В. М., Родинкова В. Е. 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор). *Stratum plus* (4), 167—219.

Жеглова Т. А. 2002. Вспоминает Т. А. Жеглова. В: Васильев С. Г., Виноградов А. В., Иконников-Галицкий А. А. (сост. и ред.). *Археология и не только… К тридцатилетию Сибирской экспедиции Ленинградского дворца пионеров*. Санкт-Петербург: АОС. http://sae-spb.narod.ru/5-2.htm (дата обращения: 25.06.2022 г.).

Зинько В. Н., Шаров О. В. 2021. *Грунтовый некрополь Пантикапея (исследования 1990 г.)*. Симферополь; Керчь: НИЦИАК КФУ; ЦАИ БФ «Деметра».

Мыц и др. 2006: Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Платонова-Залевская Н. И. 1983. Исследования в Верхнем Полужье. *АО 1981 года*. Москва: Наука, 33.

Платонова Н. И. 2017. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса). В: Платонова Н. И. (ред.). *ÉLITE OU ÉGALITÉ… Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII—XIII вв*. Санкт-Петербург: Бранко, 124—146.

Тихонов И. Л. 2015. Исторический факультет и кафедра археологии рубежа 1970-х — 1980-х годов. В: Михайлова И. Б. (отв. ред.). *Наш дом на Менделеевской, 5: Воспоминания универсантов-историков*. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 371—381.

Тихонов И. Л. 2020. Историографический мемуар о Другe. *Stratum plus* (4), 1—6.

Шаров О. В. 1994. О раскопках в районе Вокзального шоссе в Керчи. *Археологические исследования в Керчи. 1993 год*. Симферополь: Таврия, 272—276.

Шаров О. В. 2007. *Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Шаров О. В. 2009. Святилища на склонах горы Таракташ в Восточном Крыму. В: Вахтина М. Ю. и др. (ред.). *Боспорский феномен*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 459—464.

Шаров О. В. 2013. Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму. В: Вахтина М. Ю. и др. (ред.). *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке*, Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19—22 ноября 2013 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 313—319.

Шаров О. В. 2016. Новый комплекс протомеотской эпохи на Тамани. В: Мамаев Х. М. (отв. ред.). *Международная научная конференция «XXIX Крупновские чтения». Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа*. Грозный, 18—21 апреля 2016 г. Грозный: Чеченский гос. университет, 127—130.

Шаров О. В., Соколова Л. А. 2017. Предварительные итоги работ на поселении Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015—2016 гг. *Таврические студии* 12, 167—175.

Шаров О. В. 2018. Вспоминая первого Учителя. *Stratum plus* (5), 23—26.

Шаров О. В. 2019. Исследования позднескифского поселения «Фронтовое 2» (Республика Крым, г. Севастополь, Нахимовский район) в 2018 г. В: Костромичев Д. А. (отв. ред.). *Античные реликвии Херсонеса*. Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 331—335.

Шаров О. В., Юрочкин В. Ю. 2018. Раскопки поселения «Биоцентр» на землях бывшего совхоза «Севастопольский». *История и археология Крыма* 8, 167—170.

Щукин М. Б. 1989. Семь сезонов Славяно-Сарматской экспедиции. В: Смирнова Г. И. (научн. ред.). *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: ГЭ, 103—114.

Щукин и др. 1997: Щукин М. Б., Шаров О. В., Рус-

сев Н.Д., Фокеев М.М., Бейлекчи В.В., Ткачук М.Е. 1997. Работы Славяно-Сарматской экспедиции в 1996 году (Чатыр-Даг — Суворово — Рудь). *Отчетная археологическая сессия за 1996 год*. Санкт-Петербург: ГЭ, 14—15.

Щукин и др. 2000: Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В. 2000. Работы Славяно-Сарматской экспедиции в 1999 году (Раскопки поселения Покровка 5 в Молдове). *Отчетная археологическая сессия за 1999 год*. Санкт-Петербург: ГЭ, 12—15.

Щукин и др. 2002: Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Дмитриева Л.С., Лысенко А.В. 2002. О работах Славяно-Сарматской экспедиции в 2001 г. *Отчетная археологическая сессия за 2001 год*. Санкт-Петербург: ГЭ, 72—78.

References

Belov, M.A., Goroshnikov, A.V., Raev, B.A., Sharov, O.V. 2016. In Volkodav, N.V. (ed.). *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov (Protection and Preservation of the Archaeological Heritage of Taman during the Implementation of the Construction of the Taman Terminal of Liquefied Hydrocarbon Gases and Oil Products)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 16—31 (in Russian).

Vnukov, S. Yu., Sharov, O.V. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O.V. (eds.). *Krym — Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017—2018 gg. (Crimea — Taurida: Archaeological Investigations in Crimea in 2017—2018)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 6—11 (in Russian).

Goroshnikov, A.A., Sharov, O.V. 2017. In Shevchenko, N.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov (Archaeological Research on the Constructing Area of the Taman Terminal of Liquefied Hydrocarbon Gases and Oil Products)*. Krasnodar: "Irida" Ltd, 87—89 (in Russian).

Goriunova, V.M., Rodinkova, V.E. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 167—219 (in Russian).

Zheglova, T.A. 2002. In Vasil'ev, S.G., Vinogradov, A.V., Ikonnikov-Galitskii, A.A. (eds., comp.). *Arkheologiia i ne tol'ko… K tridtsatiletiiu Sibirskoi ekspeditsii Leningradskogo dvortsa pionerov (Archeology and not only… On the Thirtieth Anniversary of the Siberian Expedition of the Leningrad Palace of Pioneers)*. Saint Petersburg: "AOS" Publ. URL: http://sae-spb.narod.ru/5-2.htm (accessed 25.06.2022) (in Russian).

Zin'ko, V.N., Sharov, O.V. 2021. *Gruntovyi nekropol' Pantikapeia (issledovaniia 1990 g.) (Flat Necropolis of Panticapaeum: Research of 1990)*. Simferopol; Kerch: Research Center for the History and Archaeology of the Crimea, Crimean Federal University; "Demetra" Publ. (in Russian).

Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoi epokhi v Krymu (Chatyr-Dag — The Necropolis of the Roman Age in the Crimea)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Platonova-Zalevskaia, N.I. 1983. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda (Archaeological Discoveries in 1981)*. Moscow: "Nauka" Publ., 33 (in Russian).

Platonova, N.I. 2017. In Platonova, N.I. (ed.). *Élite ou Égalité Severnaia Rus' i kul'turnye transformatsii v Evrope VII—XII vv. (Élite ou Égalité Northern Rus and Cultural Transformations in Europe in 7th—12th Centuries)*. Saint Petersburg: "Branko" Publ., 124—146 (in Russian).

Tikhonov, I.L. 2015. In Mikhailova, I.B. (ed.). *Nash dom na Mendeleevskoi, 5: Vospominaniia universantov-istorikov (Our House on the Mendeleevskaya Street* 5: *Memoirs of Historians)*. Saint Petersburg: "Skifiia-print" Publ., 371—381 (in Russian).

Tikhonov, I.L. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 1—6 (in Russian).

Sharov, O.V. 1994. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Kerchi. 1993 god (Archaeological Investigations in Kerch: 1993)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 272—276 (in Russian).

Sharov, O.V. 2007. *Keramicheskii kompleks nekropolia Chatyr-Dag. Khronologiia kompleksov s rimskimi importami (krasnolakovaia keramika) (Ceramic Complex of Chatyr-Dag Necropolis. The Chronology of Complexes with Roman Imports (Red-Glazed Ware))*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Sharov, O.V. 2009. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Art at the Periphery of Classical World)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 459—464 (in Russian).

Sharov, O.V. 2013. In Vakhtina, M. Yu., Gritsik, E.V., Zhizhina, N.K., Kashaev, S.V., Pavlichenko, N.A., Sokolova, O. Yu., Khrshanovskii, V.A. (eds.). *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke (The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 313—319 (in Russian).

Sharov, O.V. 2016. In Mamaev, Kh.M. (ed.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie Chteniia (Studying and Conservation of Archaeological Heritage of the Caucasian Peoples: 29th Krupnov Readings)*. Grozny: The Chechen State University, 127—130 (in Russian).

Sharov, O.V., Sokolova, L.A. 2017. In *Tavricheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies: Historical Sciences)* 12, 167—175 (in Russian).

Sharov, O.V. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 23—26 (in Russian).

Sharov, O.V. 2019. In Kostromichev, D.A. (ed.). *Antichnye relikvii Khersonesa (Classical Relics of Chersonese)*. Sevastopol: State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", 331—335 (in Russian).

Sharov, O.V., Iurochkin, V. Yu. 2018. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 8, 167—170 (in Russian).

Shchukin, M.B. 1989. In Smirnova, G.I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Works of Archaeological Expeditions of the State Hermitage Museum)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 103—114 (in Russian).

Shchukin, M.B., Sharov, O.V., Russev, N.D., Fokeev, M.M., Beilekchi, V.V., Tkachuk, M.E. 1997. In *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia za 1996 god (Reporting Archaeological Session for 1996)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 14—15 (in Russian).

Shchukin, M.B., Sharov, O.V., Shuvalov, P.V. 2000. In *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia za 1999 god (Reporting Archaeological Session for 1999)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 12—15 (in Russian).

Shchukin, M.B., Sharov, O.V., Shuvalov, P.V., Dmitrieva, L.S., Lysenko, A.V. 2002. In *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia za 2001 god (Reporting Archaeological Session for 2001)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 72—78 (in Russian).

Статья поступила в борник 25 июня 2022 г.

Igor Tikhonov (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Saint Petersburg State University[1].

Тихонов Игорь Львович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: iltikhonov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8489-7772

Address: [1] Universitetskaya Emb., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

М. Ю. Афанасьев

Осененные «Фарном»

Keywords: St. Petersburg, the 90s of the twentieth century, memoirs, archeology, publishing house

Ключевые слова: Санкт-Петербург, 90-е годы XX века, воспоминания, археология, издательство

M. Yu. Afanasjew

Overshadowed by "Farn"

The article is based on the author's memories of his joint activities with O. V. Sharov in the commercial organization "Farn" in the '90s of the last century. It tells about the peculiarities of the time in which the events described by the author took place, about the understanding of what is happening and the plans for the future of their participants, about the relations within St. Petersburg archaeological community. It was then that Oleg's bright personal sides as an archaeologist, a leader and just a wonderful friend were clearly manifested, and the author of the text recalls him with pleasure, friendly warmth and light sadness, inviting those readers who personally knew Oleg Sharov, to share his feelings.

М. Ю. Афанасьев

Осененные «Фарном»

Статья написана на основе воспоминаний автора о его совместной деятельности с О. В. Шаровым в коммерческой организации «Фарн» в 90-х годах прошлого века. Она повествует об особенностях того времени, в котором происходили описываемые автором события, о понимании происходящего и планах на будущее их участников, об отношениях внутри петербургского археологического сообщества. Именно тогда со всей отчетливостью проявились яркие личностные стороны Олега как археолога, руководителя и просто замечательного товарища, о чем с удовольствием, дружеским теплом и легкой грустью вспоминает автор текста, приглашая разделить свои чувства с тем читателем, кто был непосредственно знаком с Олегом Шаровым.

Все завертелось и закрутилось в начале «лихих» девяностых, когда многие вчерашние советские граждане бросились с головой в мутный поток новых рыночных отношений, сулящих им неограниченные возможности для реализации их до сих пор дремавшего предпринимательского таланта. Вырвавшись на свободу постсоветского капиталистического пространства, сей талант, без всяких сомнений, должен был широко распахнуть перед его счастливым обладателем двери в мир богатства и благополучия. Желание не остаться в стороне от новых веяний времени охватило и научно-интеллигентские слои общества, наиболее активная часть которого внимательно и ревностно следила за стремительно развивающимися общественными процессами и экономическими достижениями своих товарищей и сограждан.

Именно тогда, в конце 1991 года, мой приятель Игорь Бажан предложил мне примкнуть к перспективному, с его точки зрения, проекту по созданию коммерческой организации, которая включила бы в себя группу молодых петербургских археологов, преимущественно участников научного семинара, руководимого профессором М. Б. Щукиным и заседавшего у него на квартире в Поварском переулке. Многие читатели наверняка хорошо помнят гостеприимный дом Марка Борисовича, одно из любимых мест сбора питерской археологической тусовки. Затея организоваться в некое юридическое лицо предполагала расширение возможностей его участников для их всесторонней деловой самореализации в духе того времени. В ходе развернувшейся дискуссии о формах и содержании деятельности создаваемой фирмы, вплоть до дележа шкуры еще не убитого медведя (имеются в виду рассуждения некоторых новоиспеченных коллег по бизнесу о том, как следует распорядиться огромной прибылью, в получении которой в то время мало кто сомневался), мы и подружились с Олегом Шаровым. Он был наиболее активным участником этих заседаний и, благодаря своей энергии и харизме, при полном всеобщем одобрении, стал бесспорным лидером и руководителем всей нашей компании.

© М. Ю. Афанасьев, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL224548

Наконец, определившись, что будем существовать в форме Товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО), получившего название «Фарн»[1] по предложению М. Б. Щукина, его удалось зарегистрировать в Выборгском районе СПб. по адресу пр. Шверника (сегодня 2-й Муринский), д. 29. Устав «Фарна» предусматривал весьма широкий спектр деятельности: разработку, консервацию и музеефикацию археологических объектов, организацию и проведение научных конференций и симпозиумов, организацию археологического туризма, издательскую работу и т. д., включая «прочую деятельность, направленную на извлечение дохода товарищества».

Вот так, движимый деловым энтузиазмом и благими намерениями его участников, осененный божественной благодатью, исходящей из самого его названия, «Фарн» в 1992 году отправился в свой бизнес-путь «извлекать доходы товариществу». Активные, но хаотичные поиски разумных проектов, которые действительно могли быть реализованы, заходили в тупик и, как правило, отклонялись на стадии их шумного обсуждения на встречах фарновцев в их бессменном штабе — за столом у Марка Борисовича. (Вышеназванный юридический адрес на пр. Шверника, увы, значился только на бумаге). Помнятся бурные дебаты по поводу предложенного практичным и подначальным в коммерческих делах И. Бажаном «беспроигрышного варианта» заняться мелкооптовой торговлей алкоголем, с благородным возмущением и пафосом отвергнутый большинством членов нашего «бизнес сообщества».

На этом сложном стартовом этапе со всей отчетливостью и проявилась роль О. В. Шарова, взявшего на себя ответственность за выбор сферы нашей деятельности и взвалившего на себя практически всю основную работу по ее осуществлению. Таковой стала издательская деятельность, изначально рассматриваемая как одна из основных задач «Фарна». Издание научных трудов авторитетных ученых, а также публикации работ молодых археологов стали важнейшим и доминирующим видом работы «Фарна», превратившегося при этом в одноименное издательство, быстро получившее признание и горячую поддержку археологического сообщества. Особое значение придавалось выпуску «Петербургского археологического вестника», ставшего визитной карточкой издательства и важной платформой для поддержки молодых авторов, публиковавших свои статьи на его страницах и с нетерпением ожидавших выпуска каждого очередного номера ПАВ. Многие, ныне уже маститые петербургские археологи и сегодня с теплом и благодарностью вспоминают это неказистое издание, насчитывавшее всего около десятка выпусков, вышедших в свет сравнительно небольшим тиражом.

Издание трудов классиков археологии и «отцов-учителей» участников товарищества также являлось крайне важным объектом внимания «Фарна». С ним активно сотрудничали и всемерно поддерживали его деятельность М. Б. Щукин, Л. С. Клейн, Д. А. Мачинский и др. ученые с мировым именем. Несомненной заслугой издательства, на мой взгляд, стали публикации таких книг как: «На рубеже эр» М. Б. Щукина, «Перевернутый мир», «Феномен советской археологии», «Археологические источники», «Бесплотные герои. Происхождение образов Илиады» Л. С. Клейна и др.

Не имея возможности «заработать» на издании научных трудов (увы, как показывает опыт, это было во все времена неприбыльным делом), «Фарн» время от времени обращался к выпуску «красивых коммерческих» подарочных изданий. В период с 1993 по 1996 гг. в издательстве вышли книги Е. Н. Шевелевой «Нагрудные знаки русской армии» и «Ордена Александра I», В. Д. Доценко и А. Д. Бойновича «Знаки и жетоны Российского Императорского флота», В. А. Борисова «Нагрудные знаки Советских вооруженных сил» и некоторые другие, как популярные работы, так и рассчитанные на специалистов в определенных областях исторических знаний. Нельзя сказать, что эти книги принесли нам вожделенную прибыль, в итоге все свелось лишь к покрытию затрат на их выпуск и частичному погашению долгов — наших постоянных спутников, но на имидже «Фарна» их появление отразилось крайне позитивно, сделав издательство достаточно популярным и широко известным.

Фактически наша организация состояла из двух постоянно действующих, так сказать «штатных сотрудников»: Олега Шарова — директора, и меня — его заместителя. Объемная работа по технической и художественной подготовке новых изданий, обстоятельные, подчас эмоциональные переговоры и подписание договоров с авторами и типографиями,

[1] Фарн — абстрактное божество в древнеиранской мифологии, связанное с огнем, светом и теплом. Трактуется как материальное воплощение животворящей силы Солнца, божественного огня, а также как божественная сущность, приносящая богатство, власть и могущество (Википедия).

разрешение сложных задач по приобретению и доставке бумаги для печати (напоминаю, это были 1990-е гг.), бесконечное перемещение с места на место готовых тиражей и поиски подходящих складских помещений для их размещения, постоянные хлопоты по реализации издательской и иной продукции, т. е. вся издательская деятельность товарищества — все это лежало на нас, занимая практически все наше время. При этом львиную долю забот и ответственности всегда брал на себя в соответствии со своим статусом Олег Шаров, с энтузиазмом вписываясь во все новые проекты и начинания. Иногда, явно переоценив свои временные и физические возможности, ведь помимо «Фарна» он занимался экспедиционной и научной деятельностью, готовился к защите кандидатской диссертации, не говоря уже о постоянно висящем на нем ворохе бытовой хозяйственной суеты в рамках его семейных обязанностей, Олег подавал сигнал бедствия, осознав невозможность далее тащить взваленный на себя груз. Тогда наступал очередной аврал, во время которого мобилизовывались все резервы фарновских сподвижников для экстренного решения создавшихся проблем. Тут же включался режим экстремального лавирования между авторами готовящихся к выпуску изданий, имевшими с нами дело различными контрагентами, наконец, налоговой инспекцией — все требовали соблюдения сроков и условий договоров, оплаты своих услуг или предоставления необходимой отчетности. Помимо всего прочего, чего только стоили памятные многим кампании по перетаскиванию на себе книг и иных тяжестей во время срочного освобождения очередного склада.

Предаваясь воспоминаниям о работе в «Фарне», не покидает мысль о том, что это была своего рода увлекательная игра, в которую мы охотно включились, следуя нашим представлениям о ней. Это касалось как самого выбора названия («как вы судно назовете, так оно и поплывет») и эмблемы — логотипа фирмы и издательства, чему изначально придавалось очень большое значение, так и желанием обзавестись всеми неотъемлемыми атрибутами «солидного учреждения». На начальном этапе нашей деятельности Олег грезил о фешенебельном офисе, оборудованном по самым передовым стандартам и с роскошной секретаршей, широком штате сотрудников и входящих в моду шикарных корпоративах, собственном автомобильном парке и прочих показателях своей респектабельности. Нельзя сказать, что всему этому не суждено было сбыться! Некоторое время мы снимали под офис большую квартиру на пятом этаже дома на улице профессора Качалова, запомнившуюся лишь тем, что ее очень долго приводили в мало-мальски приличное санитарное состояние, а потом складировали там пару готовых тиражей наших изданий. Кстати, складские помещения «Фарна» возникали и существовали, как правило, очень недолго, в самых различных, подчас неожиданных местах: от подсобного помещения Института истории материальной культуры до огромного подвала городской поликлиники на проспекте Космонавтов. Развозя по разным местам фарновские издания, мы пользовались весьма впечатляющим автомобильным парком — от пойманных на улице самосвалов и грузовых фургонов до «зафрахтованной» на недолгое время «Победы» вместе с ее очаровательной владелицей, лихо управлявшей столь приметным на дороге транспортным средством. Более трех лет в «Фарне» по знакомству была пристроена трудовая книжка некоего загадочного персонажа с высшим медицинским образованием, оформленного на должность «врача товарищества», а ведь далеко не каждая, даже очень солидная фирма могла похвастаться наличием собственного врача в ее штате! Ну и, наконец, «корпоративы» по разным поводам и без них, при постоянно меняющихся местах их проведения, количестве и составе участников, проходили чуть ли не ежедневно.

В завершение всей картины вырисовывается и такой еще незабываемый яркий штрих, когда Олег увенчивал печатью «Фарна» какой-либо из многочисленных официальных документов. Память запечатлела воистину сакральное священнодействие, производимое им каждый раз, когда он извлекал из коричневого кожаного портфеля, носимого на ремне через плечо, и с которым они были неразлучны, покоящуюся на самом его дне круглую печать, причем иногда в коробочке для ее хранения, но чаще без нее. При этом сначала доставались лежащие сверху вещи и предметы, разные и подчас самые неожиданные, например, завернутые в газету домашние тапочки, банка варенья (Олег был всем известным сладкоежкой), связка сушек или вяленой рыбы, и, наконец, неизменная мочалка, свидетельствовавшие о том, что их обладатель находился в постоянной готовности к разным вариантам завершения трудового дня. Эти артефакты часто приводили в изумление наших контрагентов, невольно вынужденных наблюдать за процессом их извлечения из портфеля.

Конечно же, любой бизнес требует самого серьезного к нему отношения, полной сосредоточенности и самоотдачи, без чего невозможны его существование и развитие, достижение какого-либо значимого результата. «Фарн» же рассматривался практически всеми его участниками как некое приложение к их основной деятельности, как своего рода хобби, которое не может быть уж слишком обременительным. Для Олега Шарова, как археолога, со всей очевидностью на переднем плане выступала его работа по руководству подготовкой и проведению экспедиций, составлением отчетов по их результатам, что требовало огромного количества времени и усилий, не давая возможности равнозначно посвящать себя иного рода занятиям, тем более такому хлопотному, как издательство. Так, по истечении пяти лет своего существования с попеременными интенсивностью и результатами, деятельность «Фарна» как-то сама собой сошла на нет. Его участники, удовлетворив в разной степени свои амбиции и ожидания, сосредоточили усилия на своих профессиональных поприщах, сохранив к «Фарну» смешанную гамму чувств, в основном добрых и теплых. И, когда мы сегодня вспоминаем «Фарн», прежде всего, думаем о его олицетворении — нашем дорогом друге Олеге Васильевиче Шарове. Все, что удалось тогда сделать «Фарну», наравне со многим другим, по праву может считаться одним из нерукотворных памятников Олегу.

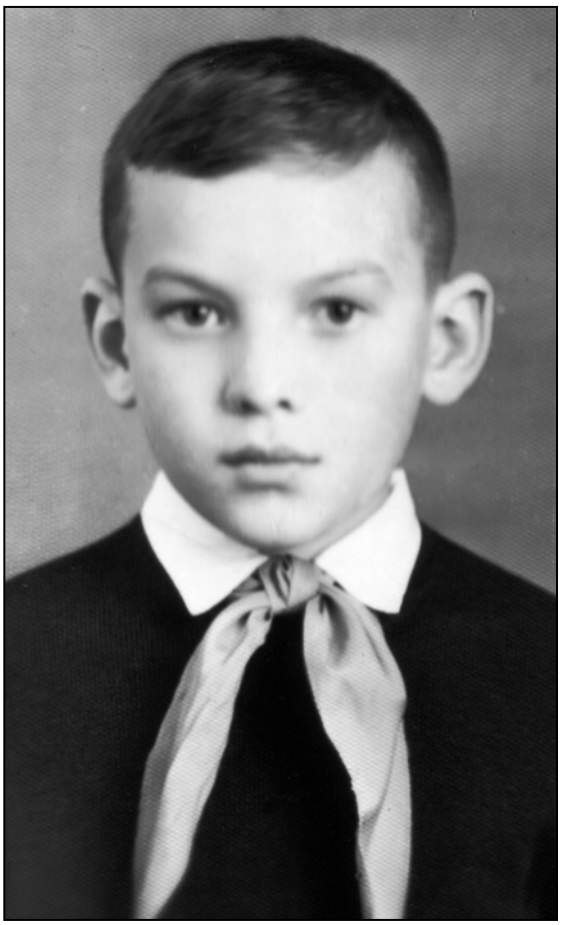
Michail Afanasjew (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences.
Афанасьев Михаил Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук.
E-mail: afanasjewmihail@yandex.ru

Фотоальбом

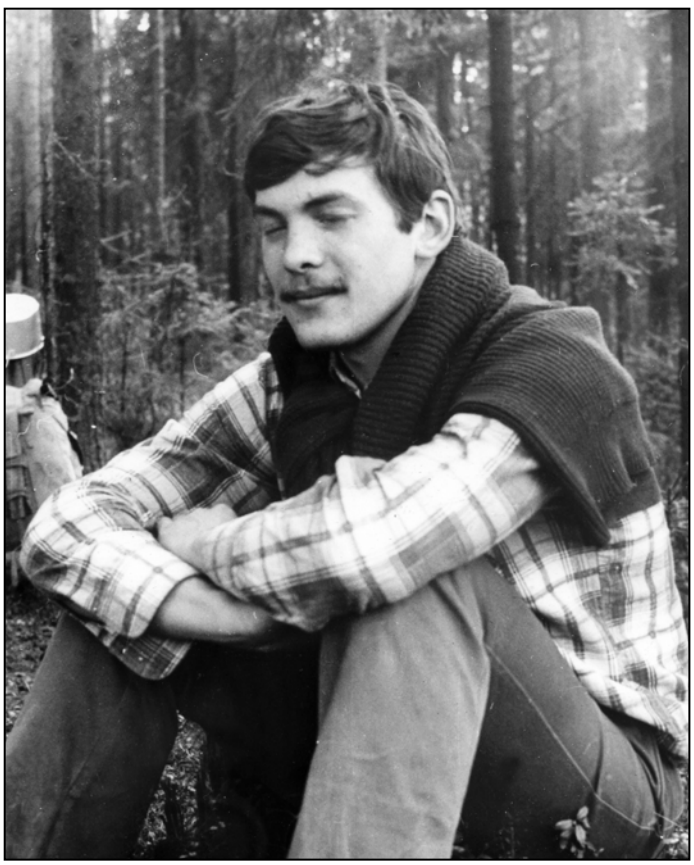
Album of Photos

1960е г. Олег Шаров.

1970е г. Олег Шаров пионер.

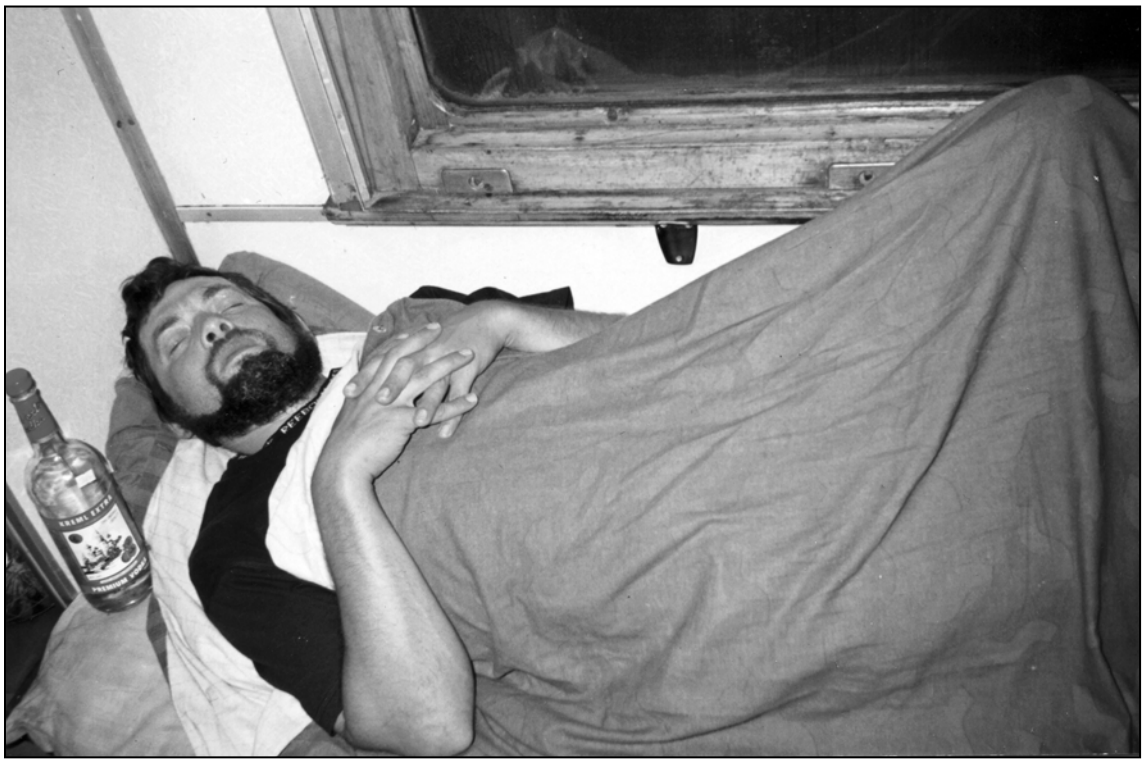

1983 г.

Олег Шаров студент.

1985 г.
Олег Шаров гвардейский офицер.

Лихие 1990е г.
Олег Шаров на гражданке.

1993 г. Сен-Жермен-ан-Лэ. На конференции «Римская знать и варварские вожди, III—VII века».
Слева направо: Олег Шаров, Магдалена Мончиньска, Казимеж Годловский, Ярослав Тейрал, Александр Айбабин, Борис Магомедов, Анджей Коковский.

1997 г. Херсонес.
Олег Шаров с Марком Борисовичем Щукиным и Игорем Гавритухиным.

2008 г. Вторая Абхазская конференция. Сухумская крепость.
Денис Журавлев и Олег Шаров.

2000е г.
Олег Шаров в типичной полевой обстановке.

2008 г. Вторая Абхазская конференция. Анакопия.
Олег Шаров и Борис Раев.

2010е г.
Олег Шаров с сыном Филиппком.

2008 г. Вторая Абхазская конференция. Сухум.
Археологам не хаватило закуски — Олег Шаров и Борис Раев с помощью Анны Мастыковой, обдирают фруктовое дерево.

2011 г. Калиниград. Конференция по археологии Балтийского региона.
Олег Шаров, Юрий Лесман и Михаил Казанский.

2011 г. Третья Абхазская конференция, заключительный банкет. Веселье в разгаре.
Слева направо: Борис Раев, Наталья Волкодав, Анна Мастыкова, Фатима Джигунова, Ирина Ксенофонтова, Олег Шаров, Александр Скаков.

2011 г. Третья Абхазская конференция. Сухум, памятник Чику не набережной.
Олег Шаров и Борис Раев.

2013 г. с. Бедия . Четвертая Абхазская конференция, у храма Влахернской Богоматери.
Сурам Саканиа, Олег Шаров и Дмитрий Василиненко.

2013 г. Абхазия, село Моква.
Олег Шаров и Михаил Казанский среди козлов.

2000е г.
Олег Шаров находит общий язык с местным населением.

2013 г. Четвертая Абхазская конференция, село Моква, у храма Успения Пресвятой Богородицы.
Олег Шаров с лошадью.

2013 г.
Олег Шаров в мечети Дербента.

2013 г. Под Мангупом, экскурсия во время конференции «Inter Ambo Maria».
Игорь Гавритухин, Олег Шаров, Борис Раев.

2016 г.

Олег Шаров на раскопе.

2016 г.

Олег Шаров в Новом Афоне.

2016 г.
Олег Шаров на раскопках в пещерах Абхазии.

2016 г. Сухум.
В гостях у Аркадия Джопуа.

2017 г. Мирмекий. Боспорские чтения. У памятного камня.

2017 г. Мирмекий. Боспорские чтения.
Олег Шаров и Игорь Тихонов.

2017 г. Керченский пролив.
Олег Шаров.

2017 г. Керченский пролив.
Наталья Молева, Олег Шаров и Анна Мастыкова.

2018 г. Никитский ботанический сад.
Михаил Казанский и Олег Шаров.

Олег Шаров читает доклад. Как всегда, решительно и неопровержимо.

Олег Шаров на раскопках в Якутии. Туда можно добраться только вертолетом.

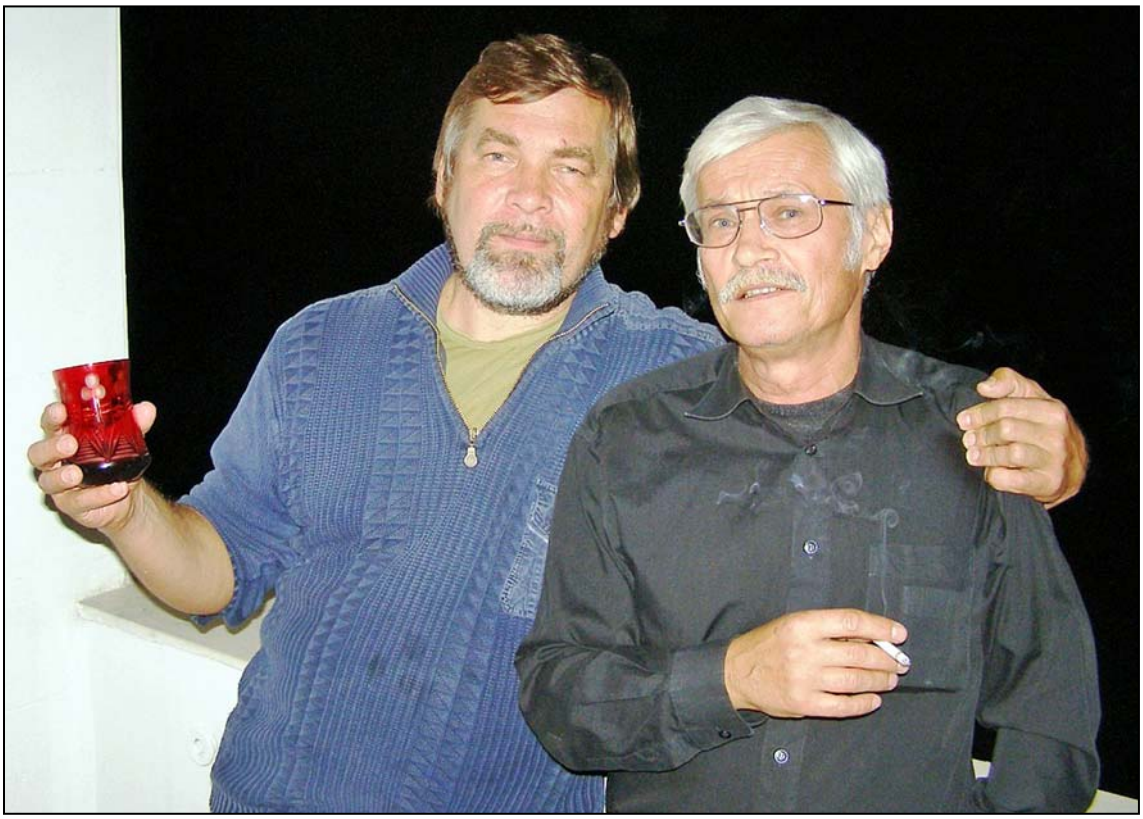
Олег Шаров на раскопках в Якутии. Работа для настоящих археологов.

Сергей Кулаков и Олег Шаров в стенах родного ИИМКа.

Олег Шаров, Сергей Кулаков и Павел Нехорошев.

Олег Шаров и Борис Магомедов.

Олег Шаров в Риме.

Долгожданная поездка в столицу древнего мира.

Лето 2021 г.
Олег Шаров на раскопках в Херсонесе.

Наследие

Heritage

О. В. Шаров

Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму

Keywords: Eastern Crimea, Roman Time, hieratic complex, mountain shrines, red-lacquer ceramics, household amphorae

Ключевые слова: Восточный Крым, римское время, культовый комплекс, горные святилища, краснолаковая керамика, амфорная тара

O. V. Sharov

Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea

The hieratic complex Taraktash is located on the slopes of a mountain ridge with the same name, 3 km north to Sudak on the South-Eastern shore of the Crimea. The dig conducted in 1995 and in 2002—2008 on the slopes of Taraktash Mountain uncovered three shrines. Several complexes of adobe buildings were revealed and studied in the vicinity, resting on stone foundations (Taraktash-1 settlement) on the western and southern slopes of the Taraktash. The hieratic structure Taraktash-I is dated within 50s — turn of 4th—5th centuries AD; the hieratic structure Taraktash-II is dated within 150s— 250s AD, with some individual finds from the 4th century AD; the hieratic structure Taraktash-III is dated within a short interval in the 2nd century AD. In 2020, the author analyzed the ceramic finds from the digs of 2002—2008 and, based on chronologies of some types of amphorae and red-lacquered vessels, provided more precise dates for emergence and disappearance of the hieratic structures in Sudak valley during the Roman Time and the Great Migrations.

О. В. Шаров

Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму

Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноимённого горного хребта в 3 км к северу от г. Судак, на юго-восточном побережье Крыма. В ходе раскопок, проведенных в 1995, 2002—2008 гг. на склонах г. Таракташ, были открыты три святилища. Вблизи них были выявлены и исследованы комплексы саманных построек на каменных фундаментах (поселение Таракташ-1), которые занимают западный и южный склоны г. Таракташ. Культовое сооружение Таракташ-I датируется в рамках второй половины I в. н. э. — рубежа IV—V вв. н. э., культовое сооружение Таракташ II датируется в рамках второй половины II — первой половины III вв. н. э., при наличии отдельных находок IV вв. н. э.; культовое сооружение Таракташ-III датируется узким периодом: II в. н. э. В 2020 г. автор провел аналитическую обработку керамических материалов из раскопок 2002—2008 гг. и уточнил, на основании хронологии отдельных типов амфор и краснолаковой посуды, даты появления и исчезновения культовых построек в Судакской долине в римское время и эпоху Великого переселения народов.

Археологические исследования в любом регионе не могут быть успешными без построения культурно-хронологической колонки местных древностей. Для древностей восточного Крыма римского времени и эпохи Великого переселения народов эта задача решена не до конца: многие территории исследованы слабо, отсутствуют общие своды памятников римской эпохи (I—IV вв.). Культурные группы этого периода имеют непосредственное отношение к проблеме генезиса позднескифской культуры Крыма и к проблеме проникновения сарматов из Центральной Азии в Северное Причерноморье. До сего времени остается открытым вопрос о том, кто и когда возводил культовые сооружения на крутых склонах горного массива Таракташ. Предлагались разные версии: переселенцы с Боспора для охраны западных рубежей Боспорского царства, «поздние скифы», осваивавшие горную часть Крымского полуострова в I в. до н. э. — I в. н. э., переселенцы из регионов Центральной Азии. Амфорный материал поселения говорит о несомненных связях с Боспором (амфоры типов Зеест-72, 73, 75). Лепные горшки с ручками упорами и ряд типов курильниц указывают на связи с позднескифской культурой. Лепные сосуды с антропоморфными налепами, курильницы с выступами по сторонам квадратных резервуаров, ряд антропоморфных статуэток говорят о связях с регионом Центральной Азии. Разработ-

* Редколлегия благодарит Татьяну Анатольевну Самарину, вдову О. В. Шарова, за любезно предоставленную рукопись данной работы.

© О. В. Шаров, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL227185

ка типологии и хронологии краснолаковой посуды и амфорного материала, нацеленная на установление узких и точных дат функционирования культовых комплексов поможет ответить на вопросы времени появления и исчезновения населения, жившего в восточном Крыму в римскую эпоху и эпоху Великого переселения народов, и даст новый материал к решению проблемы формирования позднескифской культуры Восточного Крыма.

Краткая история открытий культовых сооружений у с. Таракташ

Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноимённого горного хребта в 3 км к северу от г. Судак, на юго-восточном побережье Крыма. Место у подножия западной вершины Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины — Бакаташ (тюрк. «Гора-лягушка») и Таракташ (тюрк. «Гора-зуб»). Отсюда полностью просматривается Судакская бухта и контролируется главная дорога, ведущая вглубь Крымского полуострова (Шаров 2009: 459—460) (рис. 1; 2).

В 1995, 2002—2008 гг. на Таракташе были открыты 3 культовых комплекса и поселение римской эпохи (рис. 2).

В 1995 году на южном склоне Таракташской гряды Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ было открыто и исследовано святилище римского времени, получившее название Таракташ-I. В пределах раскопа были изучены остатки двух храмовых построек (святилище №1 и №2) и погребение, составляющие единый культовый комплекс (Мыц и др. 2001: 96—100).

В 2002 году прямо под гребнем горы Таракташ Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано еще одно святилище римского времени, получившее название Таракташ-II. (Щукин, Шаров и др. 2003: 54—60). Оно расположено в 140 м к северу и выше на 60 м святилища 1995 года. К западу от основания гребня скалы, на крутом склоне, была сделана подрубка, и на образовавшейся прямоугольной площадке был заложен фундамент подпрямоугольного сооружения (рис. 2).

В 2006 году Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто третье культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, западнее и ниже святилища 2002 года на 60 м, которое получило название Таракташ-III (далее: КСТ-III) (рис. 2). Оно было открыто в центре поселения римской эпохи на второй террасе, созданной искусственно на крутом склоне горы. Стены культового сооружения Таракташ- III находились прямо под стенами жилого помещения постройки №6 первой половины III в. н. э.

Анализ керамического материала культового комплекса Таракташ

Культовое сооружение Таракташ-I (далее: «КСТ-I») датировалось авторами раскопок (Мыц, Лысенко 2001) в широких рамках второй половины I в. н. э.— IV в. н. э. Рассмотрим и проанализируем керамический материал, чтобы уточнить хронологию функционирования двух святилищ КСТ-I.

Святилище 1. Большинство из 270-и краснолаковых сосудов из святилища №1 КСТ-I представлены также мисками с загнутым внутрь краем форм 14 и 17 «Понтийской сигилляты А» по Д. В. Журавлеву и могут датироваться концом I — первой половиной III в. н. э. (рис. 3). Помимо этого массового материала в заполнении святилища 1 присутствуют и редкие формы поздней понтийской краснолаковой керамики «Pontic Red Slip Ware», представленные фрагментами трех тарелок с отогнутым наружу венчиком, украшенных линейно-волнистым декором «Медуза» в центре дна в виде «пятнадцатилучевой звезды» и вписанной в него розеттой (рис. 4). Подобные блюда из Танаиса относятся по К. Домжальскому и Т. М. Арсеньевой к форме 3 «понтийской краснолаковой» керамики и датируются концом IV — середины V вв. н. э. (Arsen'eva, Domżalski 2002: 426—427). Такие сосуды были найдены повсеместно в Крыму практически на всех позднеантичных памятниках. Также в заполнении святилища 1 присутствовали фрагменты 3 блюд формы 1 группы «Pontic Red Slip Ware». Эта форма сосудов была выделена по тесту и лаковому покрытию К. Домжальским и ее ранее часто путали по близости морфологических признаков с формой 62B африканской сигилляты (*African Red Slip Ware: ARSW*) Дж. Хейса (Сазанов 2012:135). К Домжальский и Т. М. Арсеньева на основании материала из Танаиса датируют такие блюда второй половиной IV —серединой V вв. н. э. (Arsen'eva, Domżalski 2002: 425—426).

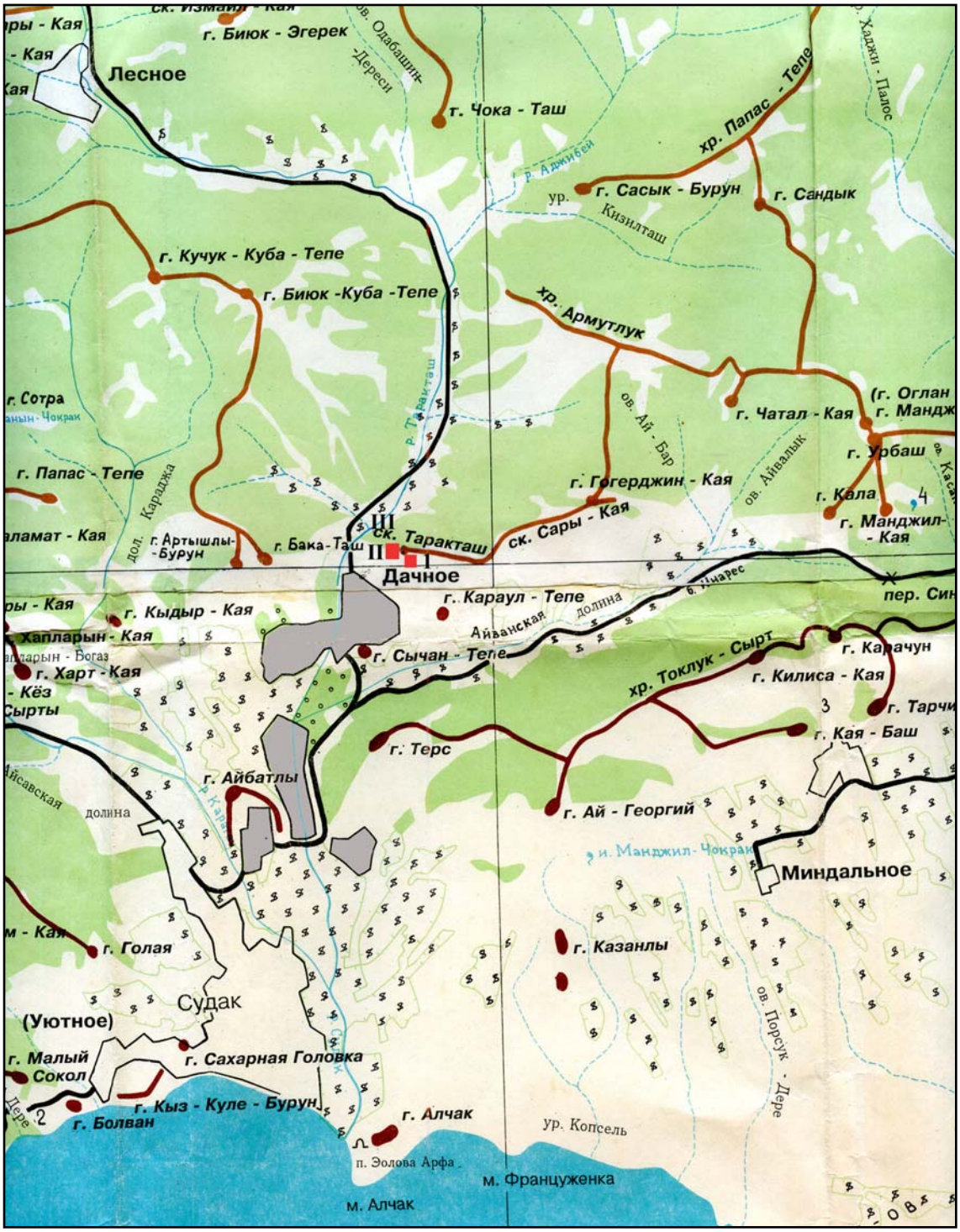

Рис. 1. Местонахождение культовых комплексов Таракташ в восточном Крыму. Судакский район, Крым.

Fig. 1. Location of Taraktash hieratic complexes in Eastern Crimea. Sudak, Crimea.

Также в заполнении слоя III постройки 1 встречены высокие чашки, с вертикальными или прямыми бортиками, иногда украшенные по бортику загзагом. Они являются позднейшим развитием форм V и VI понтийской сигилляты по Дж. Хейсу (Шаров 2007: рис. 41, 78). Такие сосуды были встречены в целом ряде позднеантичных комплексов и исследователями были предложены даты их бытования. А.И. Айбабин, на основании находок в чернореченском погребении №19 (38), в керамическом комплексе «послеготского дома» из Тиры и в погребении №8 (19) из Тиритаки, отнёс эти комплексы к

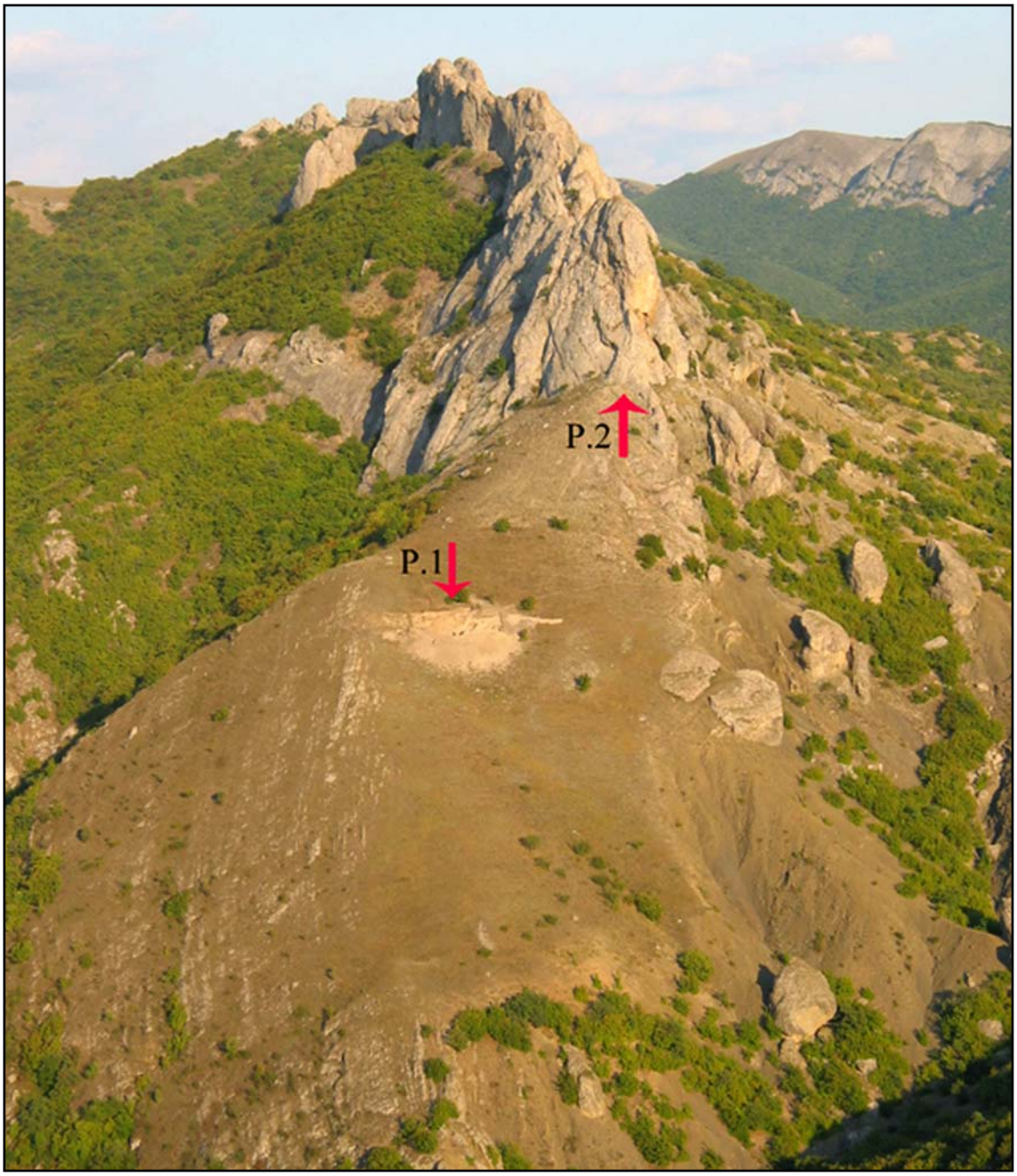

Рис. 2. Вид на горный хребет Таракташ: P.1 — местонахождение поселения римской эпохи и культового сооружения Таракташ-III; P.2 — местонахождение культового сооружения Таракташ-II.

Fig. 2. View of the Taraktash mountain ridge: P.1 — location of the Roman Time settlement and Taraktash-III hieratic structure; P.2 — location of Taraktash-II hieratic structure.

IV—V векам н. э. (Айбабин 1990: 17, рис. 5: 13). В керамическом комплексе «послеготского дома» из Тиры присутствует целая амфора типа «F», которая по типологии А. В. Сазанова относится к подтипу 2 типа 1 и датируется не позднее середины V века, хотя в тексте именно этот комплекс А. В. Сазанов относит ко второй половине IV века (Сазанов 1993: 17, 18). А. И. Айбабин относит данный комплекс к концу IV—V вв., а на хронологической таблице к первой половине V века (Айбабин 1990: 17). В. В. Кропотов отнес амфору типа «F» из тирского комплекса к варианту 3 своей классификации и датировал ее концом IV — началом V в. н. э. (Кропотов 1998: 129—131). Я полагаю, что амфоры и чашки с прямым бортиком датируются на основании закрытых комплексов второй половиной IV — первой половиной V вв. н. э. (Шаров 2007: 170). О. С. Иванова выделила на основа-

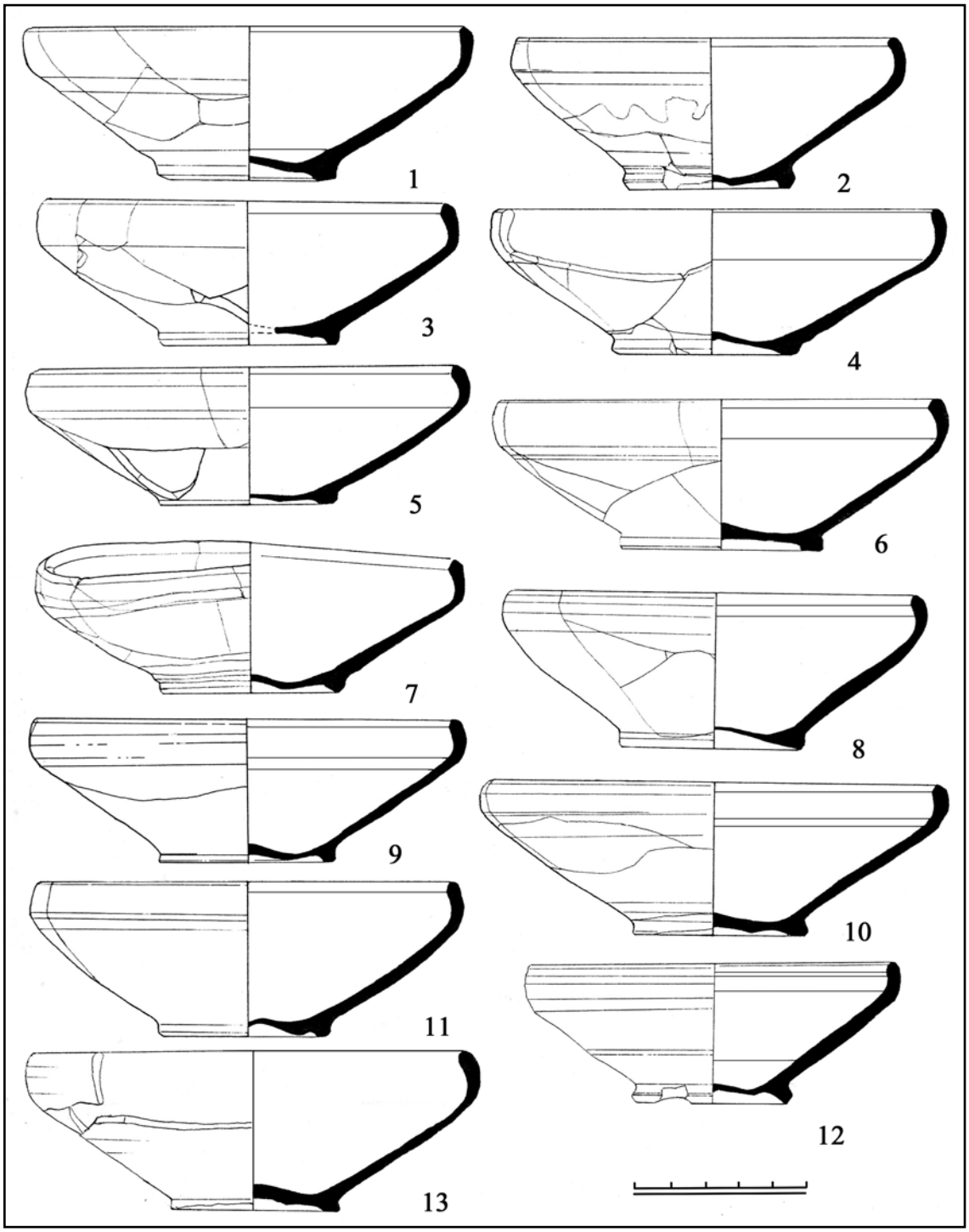

Рис. 3. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Таракташ-I.

Fig. 3. Red-lacquered ceramics from Taraktash-I hieratic structure.

нии материалов из Алмалык-Дере ряд новых форм группы «понтийской краснолаковой» и учла подобного рода сосуды в своей классификации. Это кубки с вертикальным округлым венчиком формы 14 по О.С. Ивановой на высоком кольцевом поддоне (рис. 5). Дата для них предложена достаточно широкая: IV—V вв., в склепе №184 кубок формы 14 датируется по сопутствующему материалу 430/440—470/480 гг. (Иванова 2009: 49—50, рис. 13: 77).

Святилище 2. В заполнении святилища 2 был найден следующий керамический материал. Краснолаковые сосуды представлены формами высоких мисок с загнутым внутрь венчиком, которые относятся к группе «Пон-

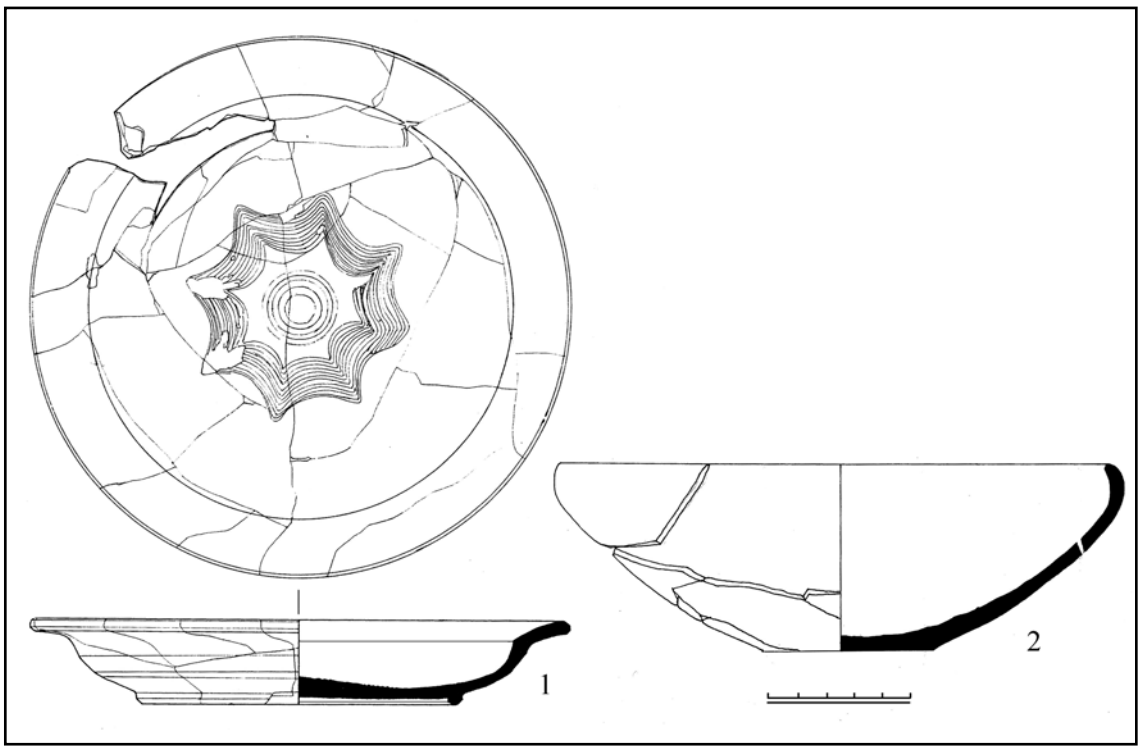

Рис. 4. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Тараташ-I.

Fig. 4. Red-lacquered ceramics from Taraktash-I hieratic structure.

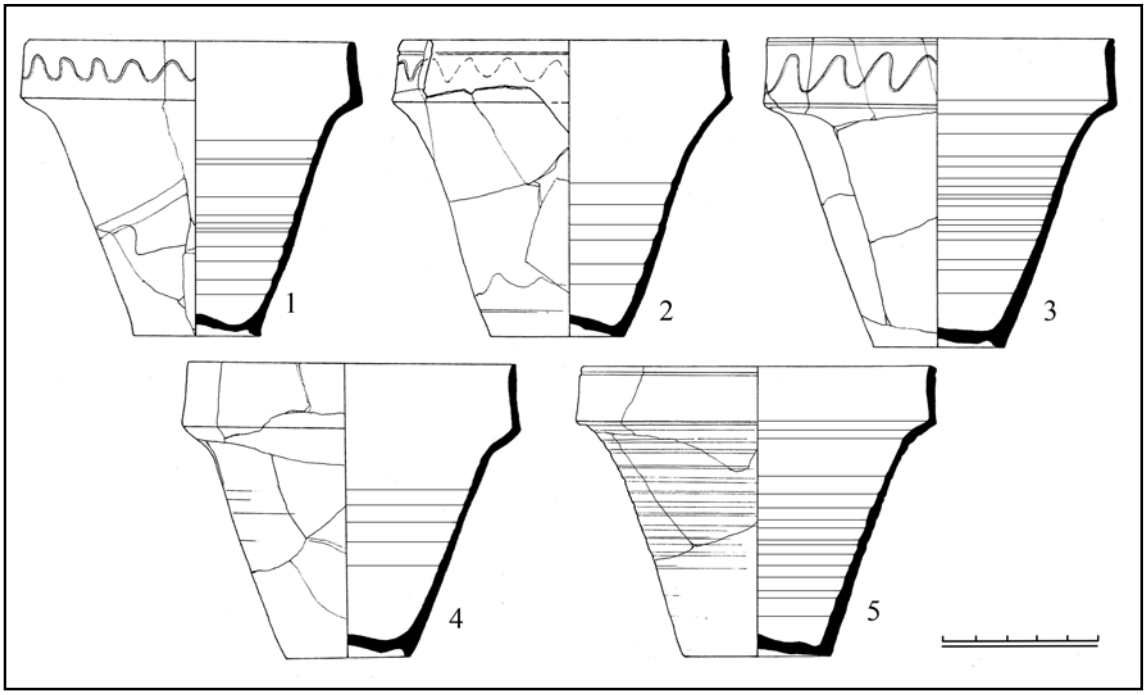

Рис. 5. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Тараташ-I.

Fig. 5. Red-lacquered ceramics from Taraktash-I hieratic structure.

тийской сигилляты А». По классификации Дж. Хейса — это форма IV, которая имеет массу разнообразных вариантов и датируется обобщенно в широких рамках I—III вв. н. э. (Hayes 1985: Tav. XXII,4). Используя типологию Д. В. Журавлева, можно эту дату уточнить. Краснолаковые сосуды, происходящие из заполнения культовой постройки 2, отно-

сятся по своей морфологии к формам. 14.3, 14.4 и 17.1 по Д.В. Журавлеву (рис. 3) и могут датироваться в целом концом I — первой половиной III в. н.э. (Журавлев 2010: 54—55, табл. 23, 24, №155—157, 166, 170).

Таким образом, на основании анализа хронологии ряда форм керамики следует выделить два периода функционирования КСТ-I: **1 период:** середина I — середина III в. н.э. — период строительства и активного функционирования культовых построек 1 и 2; **2 период**: вторая половина IV — первая половина V вв. н.э, период функционирования только культовой постройки 1, а культовая постройка 2, где были спрятаны антропоморфные идолы, была оставлена и законсервирована не позднее середины III в. н.э.

Культовое сооружение Таракташ II. Представленный на культовом сооружении Таракташ-II (далее: «КСТ-II») керамический материал относится, главным образом, к концу II — первой половине III вв. н.э., в основном, это понтийская сигиллята, форм I, IV, V, VI по Дж. Хейсу (Hayes 1985: Tav. XXII; 5, Рис. 18). Отдельные типы сосудов, имитирующие форму V понтийской сигилляты по Дж. Хейсу, могут относиться и к IV в. н.э. и имеют аналогии в керамике из погребений №№18, 58 некрополя Дружное (Шаров 2007: рис. 41, 78). Также типы краснолаковых высоких мисок, напоминающих форму VI понтийской сигилляты по Дж. Хейсу, со слегка отогнутым наружу венчиком и двумя прорезными линиями на нем (рис. 6: 1), не характерны для комплексов конца II — первой половины III века и морфологически больше напоминают керамику херсонесского производства второй половины III—IV вв. н.э., выделенную С.В. Ушаковым (Ушаков 2010: рис. 1—2; Журавлев, Ломтадзе 1999: рис. 27; Arsen'eva, Domżalski 2002: Fig. 11: 1,6,8). Таким образом, материал КСТ-II дает нам, при преобладании материалов конца II — первой половины III вв. н.э., также находки, которые можно отнести к IV в. н.э. Это поздние типы краснолаковой керамики, возможно, херсонесского производства, и стеклянные стаканы. Вероятно, перерыв все же был, так как керамики и находок второй половины III в. н.э. в комплексе святилища не представлено. Поэтому можно говорить также о двух периодах функционирования святилища КСТ-II: 1 период: конец II — первая половина III в. н.э.; 2 период: IV в. н.э.

Культовое сооружение Таракташ-III (далее: «КСТ-III») я датировал ранее на основании находок краснолаковой керамики достаточно узким периодом первой половины — середины II в. н.э. (Шаров 2013; 2014). На основании более тщательного рассмотрения керамического материала, я предлагаю дату бытования КСТ-III несколько расширить. Краснолаковая керамика данного комплекса. представлена в подавляющем большинстве керамикой группы «Понтийская сигиллята А». Это тарелки формы 4.1 и 4.2 по Д.В. Журавлеву (2010: 46, 47, табл. 18), миски типов 14.1—14.3, 16.1 и 19 по Д.В. Журавлеву (2010: 54—56, табл. 23—25), чаши типа 30 по Д.В. Журавлеву (2010: 60, 61, табл. 27), кубки типов 31 и 33 (рис. 7) (Журавлев

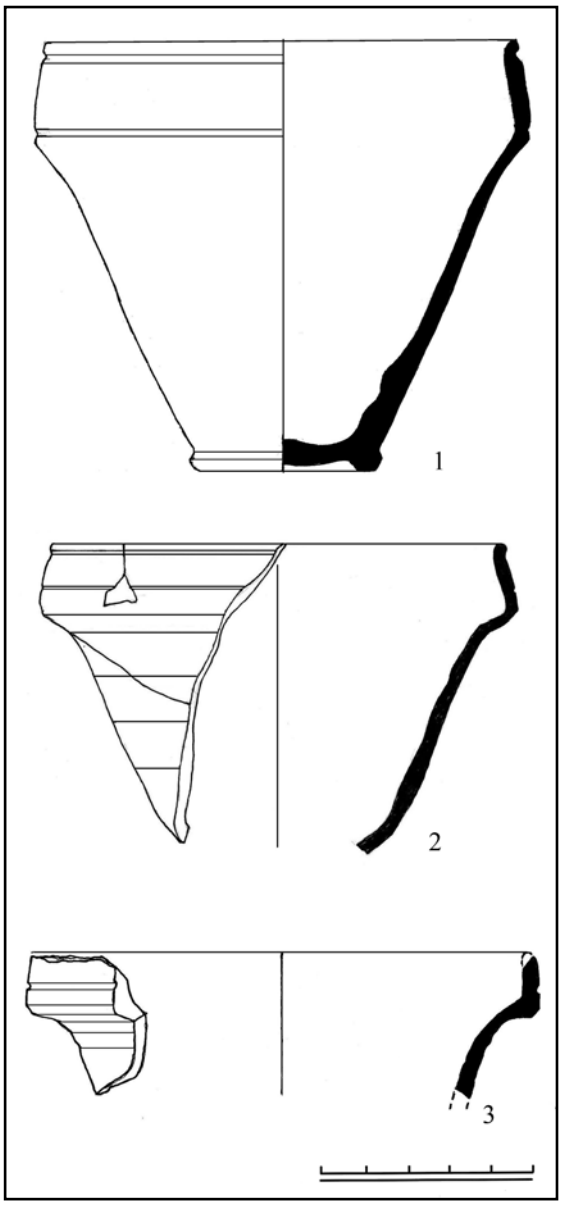

Рис. 6. Краснолаковая керамика из раскопок поселения Таракташ-I.

Fig. 6. Red-lacquered ceramics from Taraktash-1 settlement.

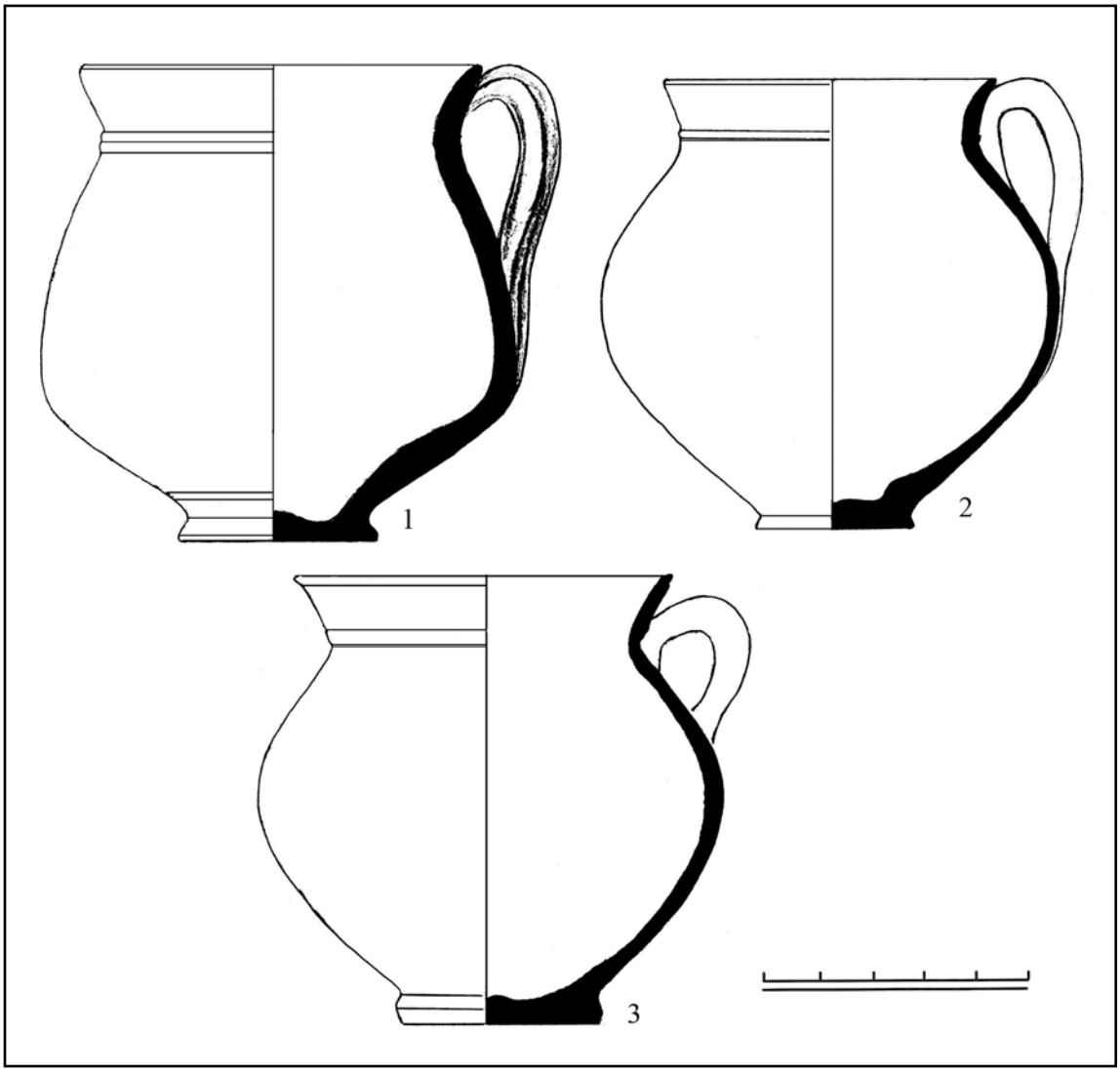

Рис. 7. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Таракташ-III.

Fig. 7. Red-lacquered ceramics from Taraktash-III hieratic structure.

2010: 61—63, табл. 28—31) и канфары типа 34 (Журавлев 2010: 64, 65, табл. 32, 33). Все представленные типы посуды характерны в основном для конца I — первой половины II в. н. э., но ряд типов, таких как тарелки тип 4.3, миски типа 16.1, чаши типа 30, канфары типа 34 могут бытовать до конца II в. н. э. На дне постройки лежала миска группы «Восточная сигиллята С», формы Чандарли 2 по Дж. Хейсу (Hayes 1972: 318—319) или форма «Loeschke 26B» (рис. 8), которая датируется в основном концом I — первой половиной II в. н. э., но в ряде случаев бытует до конца II в. н. э. (Журавлев 2010: 32, 33, табл. 4). Эту более позднюю дату подтверждают также ряд сосудов из КСТ-III, которые относятся также к группе «Понтийская сигиллята А», но к форме VI по Дж. Хейсу (Hayes 1972: Tav. XXII: VI). Это миски с высоким бортиком, украшенные псевдоручками, которые относятся к форме S-5a по Э. Кюнельт и датируются второй половиной II в. н. э., а без декора в виде псевдоручек (рис. 9), но украшенные прорезными линиями появляются не ранее последней четверти II в. н. э и бытуют вплоть до середины III в. н. э., и, возможно, позднее (Kühnelt 2008: 235, №245, 246; Журавлев, Ломтадзе 1999: 77). Я не принял более позднюю дату вплоть до середины III в. н. э. по причине того, что данное святилище было перекрыто жилой постройкой №6, каменные стены которой стояли прямо на каменных стенах КСТ-III. Постройка №6 по амфорному и керамическому материалу относится к концу II — первой половине III в. н. э. Поэтому, можно считать, что КСТ-III появилось в конце I — первой половине II вв. н. э. и перестало функционировать

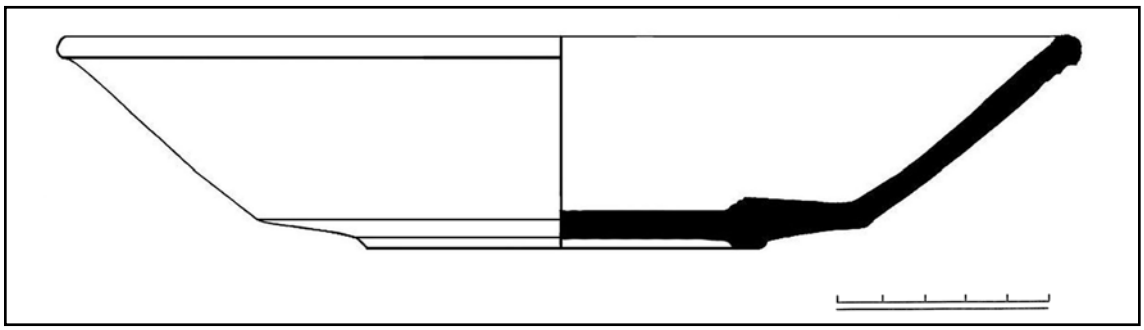

Рис. 8. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Таракташ-III.

Fig. 8. Red-lacquered ceramics from Taraktash-III hieratic structure.

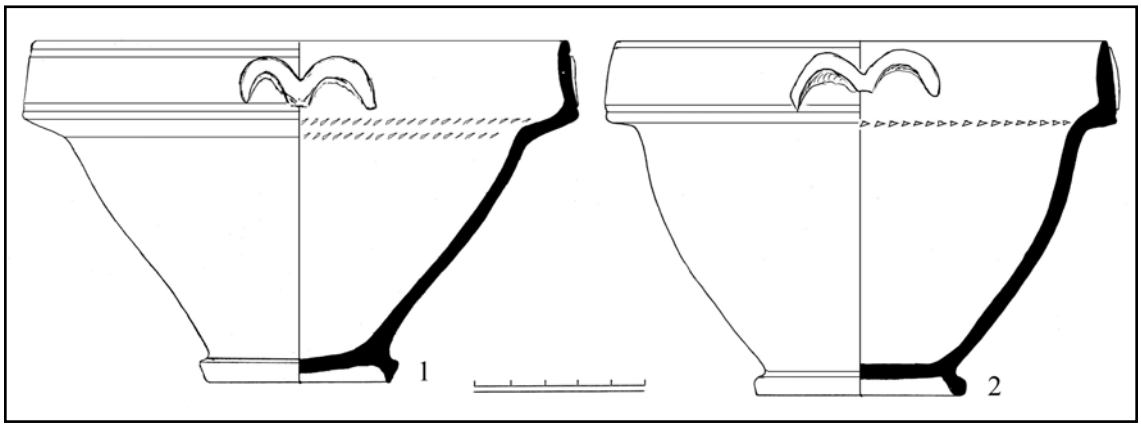

Рис. 9. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Таракташ-III.

Fig. 9. Red-lacquered ceramics from Taraktash-III hieratic structure.

в конце II в. н. э., когда, появилось новое население, которое построило другое святилище уже высоко в горах (КСТ-II), под гребнем горы Таракташ, а на месте более раннего поселения и святилища были построены прямо на культурном слое новые жилые постройки.

Керамический материал поселения Таракташ 1

Необходимо остановиться на характеристике основных категорий керамического комплекса (амфоры, красный лак), которые являются четкими хроноиндикаторами для построения хронологической шкалы для горного поселения Таракташ I.

Краснолаковая керамика поселения Таракташ 1. По сочетанию цвета лака и особенностям глины визуально различаются пять групп сосудов.

Тип 1. Лак оранжевый, блестящий, с темно-оранжевыми подтеками. Глина светло-оранжевая, средней плотности, с известковыми включениями.

Тип 2. Лак от оранжево-красного до коричневого, с темными подтеками, блестящий. Глина красно-оранжевая различных оттенков, средней плотности, с известковыми включениями и черными частицами.

Тип 3. Лак такой же, как у типа 2. Глина бледно-коричневая, плотная. Вероятно, данная посуда изготовлена из той же глины, что и тип 2, но подверглась более интенсивной термической обработке.

Тип 4. Лак-обмазка от оранжево-коричневого до темно-красного, матовый. На многих фрагментах сохранился частично или отсутствует. Глина красно-коричневая, иногда с серой прослойкой в изломе, пористая, с известковыми включениями, с редкими мелкими блестками и черными частицами.

Тип 5. Лак-обмазка от красно-коричневого до серо-коричневого, с темными подтеками, матовый, поверхность шероховатая. Глина красно-коричневая, пористая, с известковыми включениями и черными частицами.

В краснолаковой керамике поселения Таракташ 1 можно выделить следующие основные типы посуды.

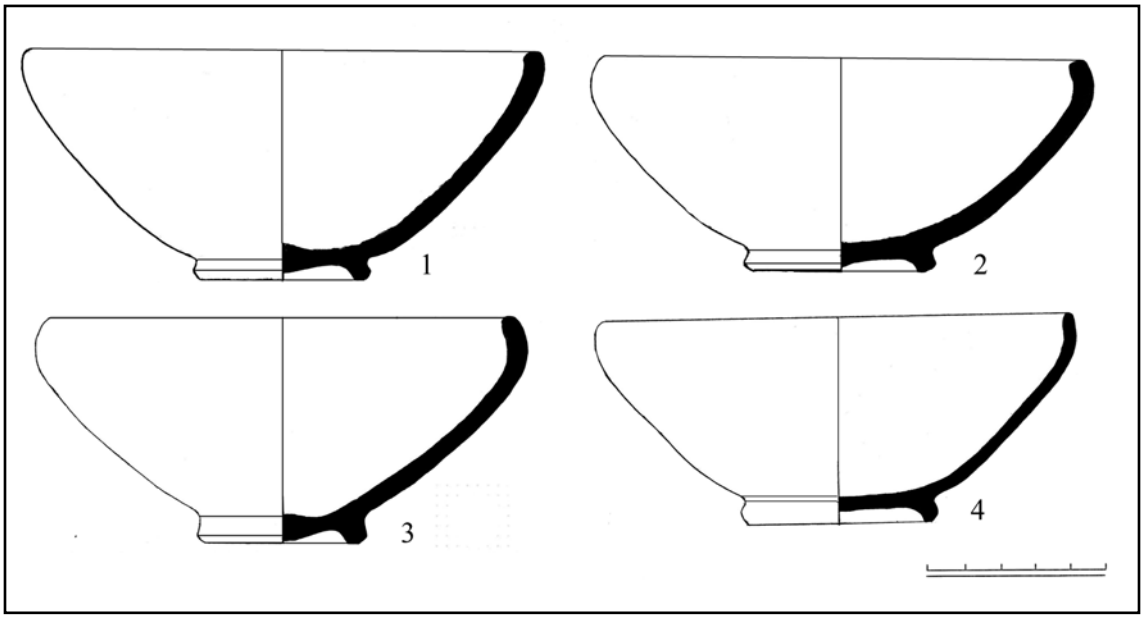

Рис. 10. Краснолаковая керамика из раскопок культового сооружения Таракташ-II.

Fig. 10. Red-lacquered ceramics from Taraktash-II hieratic structure.

Форма Хейс IV. Чашки усеченно-конические и полусферические с плавно загнутым венчиком (рис. 10). Универсальной типологии и хронологии данной формы сосудов пока не существует, хотя разработки в данном направлении велись. Соответствуют мискам типа I в типологии И. С. Каменецкого (Каменецкий 1993: 45), типов 1—2 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993: 107, 108), типа 1 по Е. Ю. Клениной (Кленина 2004: 39—42). Наиболее подробной на данный момент является типология, разработанная Д. В. Журавлевым на основе сосудов из могильников Бельбек III и IV (Журавлев 2007). Но поскольку сосудами этих могильников не исчерпывается многообразие форм подобных сосудов, то, учитывая данную работу и принимая ее за основу, пока все-таки приходится прибегать к самостоятельному группированию, исходя из материалов отдельного памятника. В типологии Д. В. Журавлева открытые сосуды с плавно загнутым венчиком названы мисками и составляют формы с 10 по 21, из которых формы 10—12 представлены приземистыми, уплощенными сосудами с клеймами, не имеющими аналогий с таракташскими. Поэтому далее в представленном ниже каталоге таракташской керамики используются соответствия лишь с формами 13—21 типологии Д. В. Журавлева.

Чашки с резко отогнутым венчиком. Похожие сосуды из Ольвии объединены в тип 4г (Крапивина 1993: 108, рис. 46: 6). Соответствуют мискам типа 4 в классификации посуды из поселения в Барабановской балке, авторы которой датируют такие сосуды III—IV вв. н. э. (Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев 2009: 20—21, рис. 52: 3—6).

Форма Хейс V. Плоскодонные или на кольцевом поддоне чашки с массивным вертикальным бортиком. (рис. 11). Соответствуют сосудам формы 30.3 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2007: 385). Такие чашки характерны для крымских комплексов 125/150 гг. н. э.— конца II в. н. э. (Труфанов 2009: 159).

Форма Хейс VI. Чашки с вертикальным бортиком и резким перегибом стенки, на кольцевом поддоне, с двумя псевдоручками в виде прилепов, с одним-двумя желобками в верхней части бортика, на кольцевом поддоне. Это форма VI по Дж. Хейсу (Hayes 1985), тип II по И. С. Каменецкому (Каменецкий 1993: 87), тип 1 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993: 113, 114, рис. 54: 1—8), тип 2 (вариант 1) по А. А. Труфанову (Труфанов 2009: 154, 159) (рис. 6).

Имеют соответствия среди некоторых сосудов формы 28 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2007: 383, рис. 8: 65). Такие чашки обычно датируются II в. н. э., «скорее всего, его первой половиной» (Журавлев, Ломтадзе 1999: 100, рис. 3: 26). Наиболее ранняя находка встречена с дисковидным зеркалом в могиле 3 (Казан-Таш), датированной автором публикации

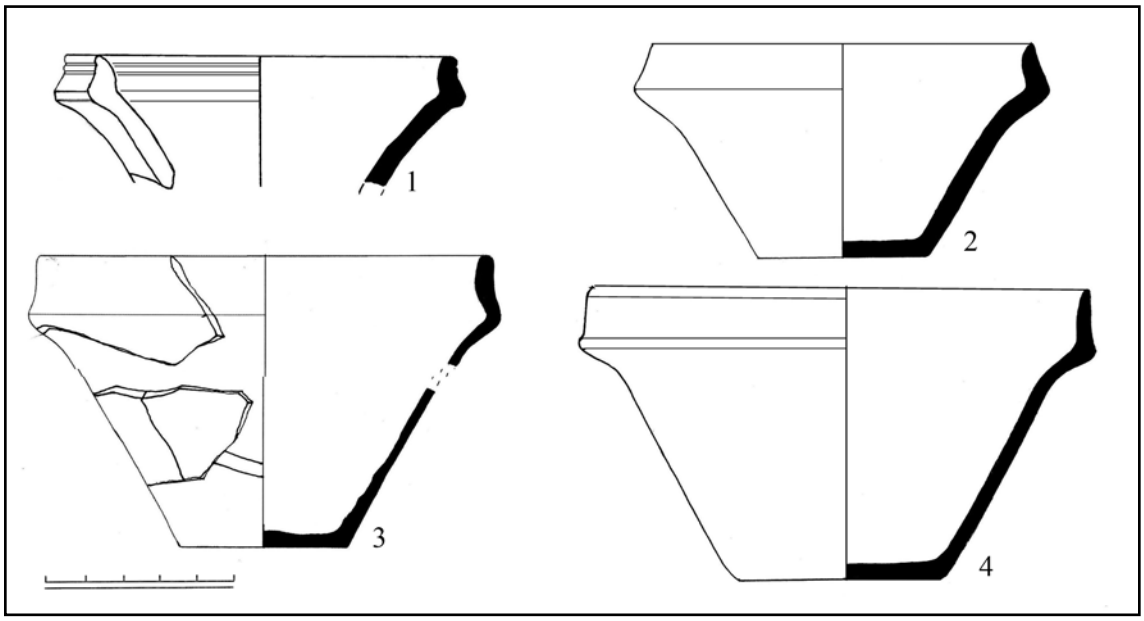

Рис. 11. Краснолаковая керамика из раскопок поселения Таракташ-1.

Fig. 11. Red-lacquered ceramics from Taraktash-1 settlement.

серединой — второй половиной I в. н. э. (Зайцев 1997: 116, рис. 65). Прочие комплексы относятся к развитому II в. н. э.

Кубок со сферическим корпусом, украшенным поясом «насечек», с вертикальным венчиком и кольцевидной ручкой. Это тип 4 по А. Труфанову (Труфанов 2009: 162, 167). Такие сосуды являются индикаторами погребений II в. н. э. (Труфанов 2009: 162). В ряде случаев они встречены с находками, указывающими на время до середины II в. н. э.: посудой группы ES-B-2, тарелками группы PS с клеймами *planta pedis*. Но при этом в одних с ними комплексах находятся вещи, датируемые не ранее рубежа I—II вв. н. э. Ряд погребений с кубками содержит орнаментированные зеркала-подвески, определяющие их хронологическую позицию как совершенных после рубежа I—II вв. н. э. (рис. 7).

Полусферические широкогорлые, приземистые канфары (двуручные чашки) с отогнутым венчиком и кольцевидными ручками, на кольцевом поддоне**.** Это форма 33 по Д. В. Журавлеву, который датировал ее второй половиной I — первой четвертью II в. н. э., отметив, что, по его мнению, большинство могил некрополя Бельбек II с такими сосудами относится к «последней четверти/концу I — началу/первой четверти II вв. н. э.» (Журавлев 2007: 390). Это тип 5 по А. А. Труфанову, датировавшему погребения с канфарами рассматриваемого типа в основном последней третью I — началом II в. н.

Верхняя часть сферического канфара с вертикальным венчиком и двумя кольцевидными ручками. На тулове пояс насечек. Склеена из фрагментов. D = 11 см, реконструируемая H = 10 см. Это форма 31 по Д. В. Журавлеву, датировавшему распространение таких сосудов концом I — первой половиной II в. н. э. (Журавлев 2007: 386, 387). По мнению А. А. Труфанова, такие канфары (тип 8, вариант 1) появляются в погребениях последней трети I и продолжают встречаться на протяжении первой трети (или первой половины) II в. н. э. (Труфанов 2009: 162).

Амфорный материал из раскопок поселения Таракташ 1

Самые распространённые находки относятся к группе амфор с воронковидным горлом (тип 90 по И. Б. Зеест) (рис. 12). Они отличаются высоким коническим горлом, завершающимся воронкой, вертикальными, овальными в сечении ручками и яйцевидным туловом с конической ножкой в виде шипа. Глина амфор плотная, черепок в изломе красного цвета, содержание примесей в тесте незначительное. Внешняя поверхность изделий часто покрыта ангобом хорошего качества. Подразделяются на три варианта, датируются от конца I до начала IV вв. н. э. (Уженцев, Юрочкин 1998: 100). Характерной особенностью воронковидных амфор варианта III по классификации В. Уженцева и В. Юрочкина являются клей-

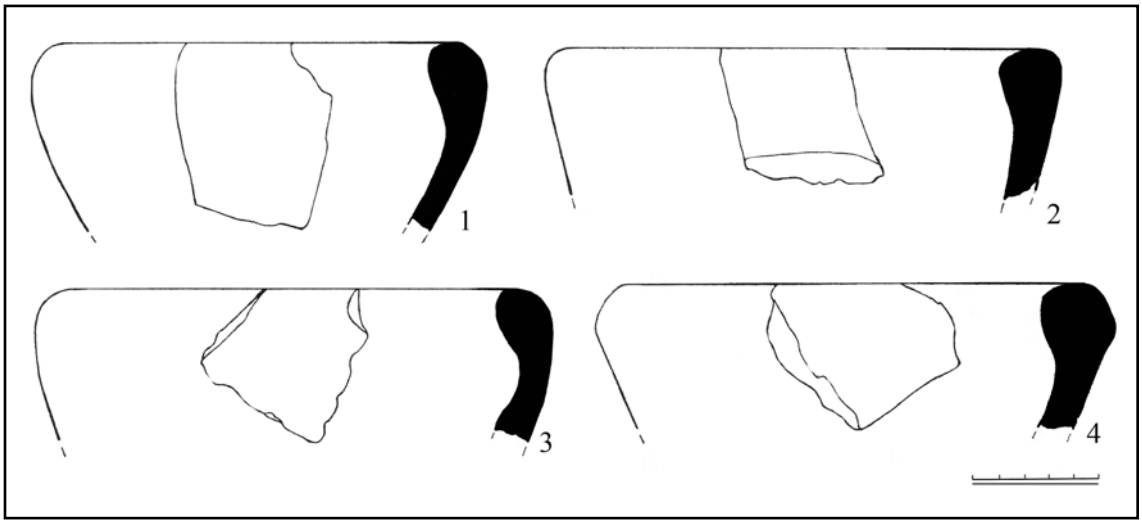

Рис. 12. Фрагменты амфор типа Зеест-90 из раскопок поселения Таракташ-1.

Fig. 12. Sherds of type Зеест-90 amphorae from Taraktash-1 settlement.

ма. Амфорные клейма для позднеримского времени находки несомненно уникальные, кроме обнаруженного нами фрагмента ручки амфоры с ретроградным греческим клеймом «ЕЛЕVAMTNWA» (находка №36), известны лишь 4 греческих клейма во всем Дунайско-Понтийском регионе: из раскопок Танаиса «АПОЛЛ» и «МЕ» и на могильнике у совхоза «Севастопольский» оттиски «НРАКЛА» и «ЕЛЕУТЕРОУ». Из Калос Лимена происходит обломок ручки амфоры I в. н. э. с латинским клеймом «CAESARIS» (Уженцев, Юрочкин 1998: 105). В специально посвящённом исследовании В. Б. Уженцев и В. Ю. Юрочкин выдвинули идею об их причерноморском производстве по ранним «италийским» образцам (Уженцев, Юрочкин 1998: 105). Несомненно, эти амфоры относятся к нескольким типам и изготовлялись в различных местах (Внуков 2003: 128). Интересно, что они не вошли в сводку И. Б. Зеест, а приведённый у неё тип 90 относится к редкому виду светлоглиняной тары с воронковидным венчиком. С. Ю. Внуков предлагает выделять их в отдельный тип позднегераклейской тары — С V (Внуков 2003: 128, рис. 50).

Кроме воронковидных амфор, красноглиняная тара на поселении обильно представлена фрагментами разнообразных «боспорских» амфор II—III вв. н. э. (Зеест 1960: табл. XXX—XXXII). Прежде всего, это типы 72, 73, 75, 76 по И. Б. Зеест (Зеест 1960) (рис. 13).

Подобные сосуды, как правило, большого размера, выполненные из красновато — оранжевой боспорской глины, венчик имеет различные валикообразные или клювовидные формы, ручки профилированы пятью бороздками с углублённой продольной выемкой с тыльной стороны, или массивные с гладкой поверхностью и глубокой бороздкой несимметричной формы (Зеест 1960: 34).

Что касается светлоглиняной амфорной тары, то она представлена редкими экземплярами светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками, среди которых известно 6 типов, датирующихся концом I — началом V вв. н. э. (Шелов 1978; Внуков 2003; 2006). На поселении преобладают фрагменты самой распространенной в Северном Причерноморье группы узкогорлых амфор — типа D по Шелову или типа CIVD по С. Ю. Внукову. Они датируются концом II — первой половиной III вв. н. э. (Шелов 1978: 18, 19, рис. 7; Абрамов 1993: 46, 47, рис. 6: 10; Внуков 2003).

Самыми ранними находками являются фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками. Они относятся к типу псевдокосской тары — С I по Внукову и датируются в пределах середины I в. до н. э. — первой четверти I в. н. э. (Внуков 1999: 43; 2003: 202). Они представляют собой крупные сосуды высотой 0,8—1,18 м, двуствольные ручки имеют резкий перегиб и крепятся непосредственно под валикообразным венчиком, горло широкое, припухлое, тулово вытянутое, сигарообразное или веретенообразное, ножка желудевидная (Внуков 2003: 28).

В результате анализа амфорного комплекса поселения Таракташ удалось выявить несколько хорошо определяемых типов

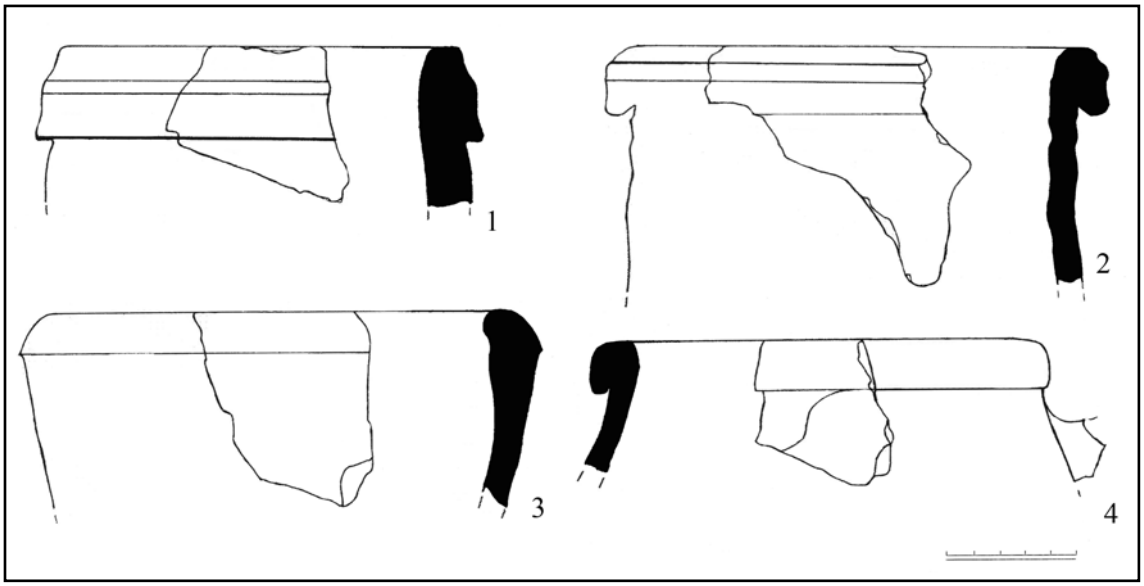

Рис. 13. Фрагменты амфор типа Зеест-72, 73, 90 из раскопок поселения Таракташ-1.

Fig. 13. Sherds of type Зеест-72, 73, 90 amphorae from Taraktash-1 settlement.

тары и проследить распределение датированного материала по условным уровням фиксации, между которыми, однако, не всегда удаётся провести чёткие стратиграфические границы (Гарбуз 2008). Первому уровню фиксации соответствует граница слоёв дёрна и серой рыхлой супеси, четвёртому и пятому уровням — слой пожара к западу от постройки №1, на седьмом уровне было закончено исследование первой террасы, на десятом — начато изучение второй террасы поселения.

Распределение материала выглядит следующим образом:

1 уровень — тип 72, 73, 76, 77 по Зеест (II—III вв. н.э.), тип CIVD по С.Ю. Внукову (конец II — первая половина III вв. н.э.), тип воронковидных амфор (конец I — начало IV вв. н.э.).

5 уровень — тип С IA по Внукову (50-е гг. I в. до н.э. — первая треть I в. н.э.), тип Син III по С.Ю. Внукову (20—15 гг. I в. до н.э. — первая треть I в. н.э.).

Краткая сводка распространения амфорного материала в комплексе позволяет выделить **пятый уровень фиксации** как некий рубеж, начиная с которого прекращаются массовые находки различных типов боспорской тары и преобладают крупные экземпляры ранних псевдокосских амфор, являющиеся на сегодняшний момент самыми ранними находками на поселении.

В итоге, амфорный комплекс поселения Таракташ может быть разделён на две основных категории: раннюю, куда входят позднегераклейские светлоглиняные и позднесинопские красноглиняные псевдокосские амфоры с двуствольными ручками (тип С I и тип Син III по Внукову), и позднюю, к которой относятся позднегераклейские светлоглиняные узкогорлые с профилированными ручками (тип CIVD по С.Ю. Внукову), позднегераклейские светлоглиняные с воронковидной верхней частью горла (тип С V по С.Ю. Внукову), боспорские красноглиняные амфоры (тип 72, 73, 76, 77 по И.Б. Зеест), красноглиняные амфоры с желобчатыми венцами и профилированными ручками (тип 80 по И.Б. Зеест) и красноглиняные амфоры с воронковидной верхней частью горла (Варианты 1—3 по В.Б. Уженцеву, В.Ю. Юрочкину).

Заключение

Подведем некоторые итоги. Анализ керамического материала культовых комплексов показал, что Таракташский культовый комплекс КСТ-I на южном склоне хребта Таракташ является самым ранним: святилище 1 было построено в середине I в. н.э. и функционировало на первом этапе вплоть до середины III в. н.э., святилище 2 было построено позднее — на рубеже I—II вв. н.э. и также функционировало вплоть до середины III в. н.э. Одновременно с культовыми комплексами возникает обширное горное поселение на склонах горы Таракташ, в центре которого возникает КСТ-III в конце I — на-

чале II вв. н. э., которое перестает функционировать еще в конце II в. н. э. В конце II появляется новое население, которое строит на горных склонах каменные постройки прямо на культурном слое предшествующего времени и основывает новое святилище — КСТ-II прямо под гребнем горы Таракташ.

Поселение и святилища КСТ-I и КСТ- II были разрушены и покинуты в середине III в. н. э. В середине IV в. н. э., на южных склонах Таракташа появляется новое население и возобновляется культ поклонения предкам только в святилище 1 «КСТ-I». Поселение времени эпохи Великого переселения народов уже находится далеко на востоке от святилища, укрытое в труднопроходимых скалах горного массива Сары-Кая.

Литература

Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 4—87, 175—241.

Гарбуз И. А. 2008. Керамический комплекс поселения римского времени Таракташ в Юго-Восточном Крыму. В: Куковальская Н. М. и др. (ред.). *Сугдейский сборник*. Киев; Судак: Академпериодика, 385—418.

Журавлев Д. В. 2007. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *Боспорские исследования* XVI, 366—448.

Журавлев Д. В. 2010. *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. н. э.* МАИЭТ, Suppl. 9. Симферополь: Благотворительный фонт Деметра.

Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 1999. Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея. *Древности Боспора* 2, 98—113.

Зайцев Ю. П. 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Крымский филиал ИА НАНУ, 102—116.

Зеест И. Б. 1960. *Керамическая тара Боспора.* МИА 83. Москва: АН СССР.

Иванова О. С. 2009. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп). *МАИЭТ* XV, 26—88.

Каменецкий И. С. 1993. *Городища донских меотов: Вопросы датировки*. Москва: ИА РАН.

Кропотов В. В. 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «инкерманського» типу. *Археологія* (4), 128—134.

Кленина Е. Ю. 2004. *Керамические сосуды II—III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического)*. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. A. Mickiewicza.

Крапивина В. В. 1993. *Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Мыц В. Л., Лысенко А. В. 2001. Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму. В: Вахтина М. Ю. и др. (ред.). *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. Санкт-Петербург: ГЭ, 96—100.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Сазанов А. В. 1993. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: типология и хронология. *Петербургский археологический вестник* 2, 100—112.

Сазанов А. В. 2012. Азиатский Боспор в позднеримское время. В: *ĪSĒUM. Сборник статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира*. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 120—181.

Труфанов А. А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. *Stratum plus* (4), 117—328.

Храпунов И. Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры)*. Lublin: Wydawnictvo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В., Шапцев М. С. 2009. *Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.)*. Симферополь: Доля.

Ушаков С. В. 2010. Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г»). *МАИАСП* 2, 7—26.

Шаров О. В. 2009. Святилище на склонах горы Таракташ в восточном Крыму. В: Вахтина М. Ю. и др. (ред.). *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 459—464.

Шаров О. В. 2007. *Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Шаров О. В. 2013. Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму. В: Вахтина М. Ю. и др. (ред.). *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 313—319.

Шаров О. В. 2014. Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму. В: Ситдиков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (отв. ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. II. Казань: Отечество, 184—187

Шаров О. В., Щукин М. Б., Палагута И. В. 2007. *Отчет о раскопках поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района, АР Крым Украины в 2006 году*. Рукописный архив ИА НАНУ.

Щукин М. Б., Шаров О. В., Шувалов П. В., Соколова Л. А., Гарбуз И. А. 2003. Исследования поселения и святилища Таракташ 1 у с. Дачное Судакского района. В: *Отчётная археологическая сессия за 2002 год*. Санкт-Петербург: ГЭ, 54—60.

Arsen'eva T. M., Domżalski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

Ajbabin A. 1995. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècle. In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 207—216.

Hayes J. W. 1985. Sigillate Orientali. In: *Ceramica Romana nel Baciono Meditteraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1—96.

Hayes J. W. 1972. *Late Roman Pottery*. London: The British School at Rome.

Kühnelt E. 2008. *Terra sigillta aus Alma-Kermen. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata*. Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin. URL: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/handle/fub188/13807/Kuehnelt_1-167_Text.pdf?sequence=1 (accessed 23.03.2022).

References

Aibabin, A.I. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* I, 4—87, 175—241 (in Russian).

Garbuz, I.A. 2008. In Kukoval'skaia, N.M., et al. (eds.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)*. Kyiv; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 385—418 (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2007. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporos Studies)* XVI, 366—448 (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I—III vv.n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny) (Red Glazed Ceramics of the Southwestern Crimea of the 1st—3rd Centuries AD: Based on the Materials from the Late Scythian Necropolises in the Belbek River Valley)*. Series: Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria), Suppl. 9. Simferopol: "Demetra" Publ. (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 1999. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 2, 98—113 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 1997. In Kutaisov, V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological Research in the Crimea in 1994)*. Simferopol: Crimean Branch, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 102—116 (in Russian).

Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaia tara Bospora (Bosporan Ceramic Ware)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 83. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ivanova, O.S. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XV, 26—88 (in Russian).

Kamenetskii, I.S. 1993. *Gorodishcha donskikh meotov: Voprosy. datirovki (Hillforts of Maeotians in the Don Basin: Chronological Issues)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kropotov, V.V. 1998. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 128—134 (in Ukrainian).

Klenina, E. Yu. 2004. *Keramicheskie sosudy II—III v. n. e. iz usad'by «Bliznetsy» (khora Khersonesa Tavricheskogo) (Ceramic Vessels of the 2nd—3rd Centuries AD from the „Bliznetsy" Farmstead (Chora of the Chersonessos Taurica))*. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im.A. Mickiewicza (in Russian).

Krapivina, V.V. 1993. *Ol'viia. Material'naia kul'tura I—IV vv.n. e. (Olbia. Material Culture of 1st — 4th Centuries AD)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Myts, V.L., Lysenko, A.V. 2001. In Vakhtina, M. Yu. et al. (ed.). *Bosporskii fenomen: kolonizatsiia regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: The Colonization of the Region, Formation of Polices, Emergence of the State)* 2. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 96—100 (in Russian).

Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoi epokhi v Krymu (Chatyr-Dag — The Necropolis of the Roman Age in the Crimea)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Sazanov, A.V. 1993. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Saint Petersburg Archaeological Bulletin)* 2, 100—112 (in Russian).

Sazanov, A.V. 2012. In *ĪSĒUM. Sbornik statei, posviashchennykh istorii, religii i kul'ture Drevnego mira (ĪSĒUM: Collected Papers on History, Religion, and Culture of the Ancient World)*. Moscow: State Public Historical Library of Russia, 120—181 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 117—328 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv.n. e.) (Druzhnoe Burial Ground (3rd — 4th Centuries AD))*. Series: Kokowski, A. (ed.). Monumenta Studia Gothica II. Lublin: Wydawnictvo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).

Khrapunov, I.N., Vlasov, V.P., Smokotina, A.V., Shaptsev, M.S. 2009. *Poselenie v Barabanovskoi balke (po rezul'tatam raskopok 2007 i 2008 gg.) (Barabanovskaya Balka Settlement: Excavations Data of 2007 and 2008)*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Ushakov, S.V. 2010. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 2, 7—26 (in Russian).

Sharov, O.V. 2009. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Art at the Periphery of Classical World)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 459—464 (in Russian).

Sharov, O.V. 2007. *Keramicheskii kompleks nekropolia Chatyr-Dag. Khronologiia kompleksov s rimskimi importami (krasnolakovaia keramika) (Ceramic Complex of Chatyr-Dag Necropolis. The Chronology of Complexes with Roman Imports (Red-Glazed Ware))*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Sharov, O.V. 2013. In Vakhtina, M. Yu., Gritsik, E.V., Zhizhina, N.K., Kashaev, S.V., Pavlichenko, N.A., Sokolova, O. Yu., Khrshanovskii, V.A. (eds.). *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke (The Phenomenon of Bosporan Kingdom. Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 313—319 (in Russian).

Sharov, O.V. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 184—187 (in Russian).

Sharov, O.V., Shchukin, M.B., Palaguta, I.V. 2007. Otchet o raskopkakh poseleniia Taraktash u s. Dachnoe Sudakskogo raiona, AR Krym Ukrainy v 2006 godu (Report on Excavations of the Taraktash Settlement near the Dachnoe Village, Sudak District, Autonomous Republic of the Crimea, Ukraine, in 2006). Rukopisnyi arkhiv Archive of Manuscripts, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Shchukin, M.B., Sharov, O.V., Shuvalov, P.V., Sokolova, L.A., Garbuz, I.A. 2003. In *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia za 2002 god (Reporting Archaeological Session for 2002)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 54—60 (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Domżalski, K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

Ajbabin, A. 1995. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècle. In Vallet, F., Kazanski, M. (dir.). *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 207—216.

Hayes, J.W. 1985. Sigillate Orientali. In *Ceramica Romana nel Baciono Meditteraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1—96.

Hayes, J.W. 1972. *Late Roman Pottery*. London: The British School at Rome.

Kühnelt, E. 2008. *Terra sigillta aus Alma-Kermen. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata*. Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin. URL: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/handle/fub188/13807/Kuehnelt_1-167_Text.pdf?sequence=1 (accessed 23.03.2022).

Статья поступила в сборник 19 июня 2022 г.

Oleg Sharov. Doctor of Historical Sciences.

Шаров Олег Васильевич. Доктор исторических наук.

О. В. Шаров, Д. А. Костромичев, Н. Ю. Новоселова

Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года

Keywords: Chersonesus, necropolis, southern suburb of Chersonesus, K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich, crypt, jewelry, red-slip pottery, epigraphics

Ключевые слова: Херсонес, некрополь, Южный пригород Херсонеса, К. К. Косцюшко-Валюжинич, склепы, ювелирные украшения, краснолаковая керамика, эпиграфика

O. V. Sharov, D. A. Kostromichyov, N. Yu. Novoselova

The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020

The article analyzes materials from the excavations of crypt 23 of the Chersonesus necropolis. The crypt was explored in 1891 by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich. The crypt was found again in 2020 during exploration of the southern necropolis of Chersonesus. Establishing the exact location of the crypt makes it possible to significantly correct the location of the excavations of the southern necropolis of Chersonesus in 1891—1893. In the process of working on the materials of the crypt in the museum collections of the State Hermitage Museum and the SMP "Tauric Chersonesus", it was possible to discover some items from his excavations of this crypt in 1891. Previously, some of the items were considered lost. Items have been re-attributed. An analysis of the grave goods made it possible to clarify the conclusions about the circumstances and time of the burials in the crypt. The inscriptions on the objects make it possible to identify those buried in the crypt with representatives of the urban nobility of Chersonesus in the 2nd — early 3rd centuries AD.

О. В. Шаров, Д. А. Костромичев, Н. Ю. Новоселова

Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года

В статье анализируются материалы из раскопок склепа 23 херсонесского некрополя. Склеп был исследован в 1891 году К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Повторно склеп был найден в 2020 году в ходе разведок южного некрополя Херсонеса. Установление точного местоположения склепа позволяет существенно скорректировать места расположения раскопов южного некрополя Херсонеса в 1891—1893 гг. В процессе работы над материалами склепа в музейных собраниях Государственного Эрмитажа и ГИАМЗ «Херсонес Таврический» удалось обнаружить некоторые предметы из его раскопок этого склепа в 1891 году. Ранее часть предметов считалась утраченной. Предметы были вновь атрибутированы. Анализ погребального инвентаря позволил уточнить выводы об обстоятельствах и времени совершения погребений в склепе. Надписи на предметах позволяют отождествить погребенных в склепе с представителями городской знати Херсонеса II — начала III веков нашей эры.

В 2020 году Комплексная Херсонесская археологическая экспедиция Института Археологии РАН, Государственного Эрмитажа и музея-заповедника «Херсонес Таврический» проводила исследования за стенами древнего Херсонеса, на участке западного и восточного склонов Херсонесской балки. Археологическое изучение данной территории было предпринято в рамках создания будущего «Историко-археологического парка «Херсонес Таврический», включающего в себя строительство новых объектов инфраструктуры, культурных и музейных центров. По итогам проведенных исследований на данной территории в 2020 году[1] был выявлен и поставлен на учет в Управлении Охраны объектов культурного наследия г. Севастополя новый объект культурного наследия «Южный пригород древнего города «Херсонес Таврический» (рис. 1).

При проведении археологических работ особое внимание было уделено локализации погребальных памятников античного некро-

[1] Предварительные выводы о погребальном сооружении были озвучены на конференции «XXII Боспорские чтения» в г. Керчь в мае 2021 года (Шаров и др. 2021).

© О. В. Шаров, Д. А. Костромичев, Н. Ю. Новоселова, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL2287111

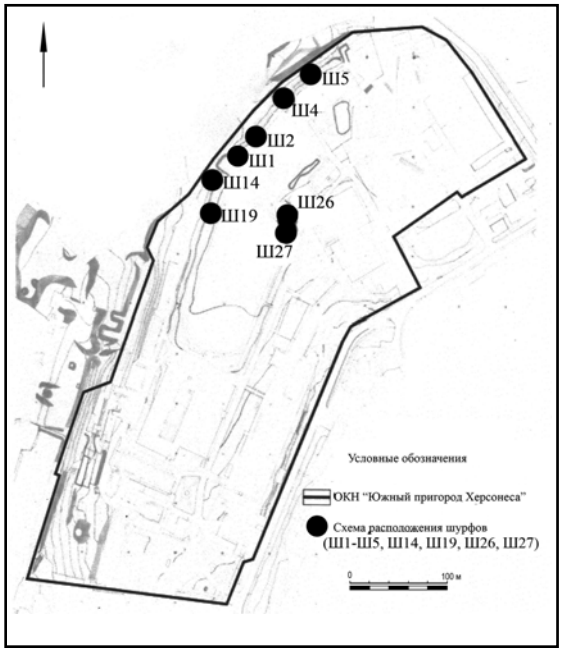

Рис. 1. Схема расположение археологических шурфов ОКН «Южный пригород Херсонеса».

Fig. 1. Scheme of the location of the archaeological pits of the OKN "Southern Suburb of Chersonese".

поля Херсонеса, частично исследованного здесь в конце XIX — начале XX вв.

Первые раскопки южного некрополя за оборонительными стенами Херсонеса провел К. К. Косцюшко-Валюжинич в 1891 году (рис. 2). В 1891—1893 годах им было открыто 428 погребальных сооружения (ОАК за 1891: 2—20, 137—150; ОАК за 1892: 13—27, 101—123; ОАК за 1893: 51—75), однако идентифицировать их расположение на местности до 2020 года не было возможно, поскольку в Отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича были приведены схематичные планы раскопок без топографической привязки к местности. Попытки привязать схемы раскопок, составленные К. К. Косцюшко-Валюжиничем, к реальной местности предпринимались не раз.

Первый план с раскопанными К. К. Косцюшко-Валюжиничем погребениями на территории южного некрополя, был опубликован в 1905 году Д. В. Айналовым (Айналов 1905: рис. 1). Этот план был выполнен помощником К. К. Косцюшко-Валюжинича М. И. Скубетовым. Художник херсонесского музея Н. М. Янышев составил в 1936 году ещё один сводный и подробный план некрополя Херсонеса, основанный на материалах отчетов К. К. Косцюшко-Валюжинича (Янышев 1936: 1—12).

В марте 2020 года была начата работа по выявлению объектов некрополя, исследованных К. К. Косцюшко-Валюжиничем, на местности. Для этого были сведены планы М. И. Скубетова и Н. М. Янышева с современной топографической картой. Сразу стало видно, что при наложении чертежей друг на друга имеется разброс в расположении погребальных комплексов относительно крепостной стены Херсонеса и неточное нанесение линии самой крепостной стены.

На планах М. И. Скубетова и Н. М. Янышева были отмечены опорные точки привязки планов, расположенные на городище (Четырехапсидный храм, Пятиапсидный храм), линия городских оборонительных стен и башня Зенона. Совмещая старые планы по трем оптимальным точкам с современной топоосновой было выявлено, что наиболее вероятное местоположение раскопов 1891—1893 гг. находится ниже XI—XII башен оборонительных стен Херсонеса. Для локализации погребальных объектов, исследованных К. К. Косцюшко-Валюжиничем, на западном склоне Херсонесской балки напротив XI и XII башен было заложено несколько разведочных шурфов[2]. Однако, проведенные здесь работы не принесли ожидаемых результатов (Шурфы № 1—5, 19, 26, 27, рис. 1).

Исключением стал шурф № 14. Он был заложен ниже X башни оборонительной стены Херсонеса (рис. 1). Шурф № 14 первоначально имел размеры 4 × 4 м. Шурф был исследован на глубину 2,05—2,89 м от современной дневной поверхности. Выход скальной породы был зафиксирован на отметках 7,09—7,62 м по Балтийской системе высот. В процессе раскопок было осуществлено 8 зачисток. При разборке слоев серого суглинка было выявлено 5939 керамических находок, изделий из металла и костей животных. Материал, обнаруженный на всех уровнях фиксации, разновременный. Зафиксированы материалы от эпохи эллинизма (IV—II вв. до н. э.) до средневекового времени (IX—X вв.). По мере понижения культурного слоя хронологической стратификации керамического материала не наблюдалось, материал в культурном слое оставался перемешанным. В стратиграфии бортов шурфа наблюдались ярко выраженные прослойки, различающиеся оттенками цвета, что характерно для перемещенного грунта, в частности, для отвалов археологических раскопок.

В юго-западном углу Шурфа № 14 была обнаружена входная яма в вырубленный в скальном массиве склеп (рис. 3—7), ориентирован-

[2] Работы проводились по Открытому листу О. В. Шарова № 004-2020 от 09.01.2020.

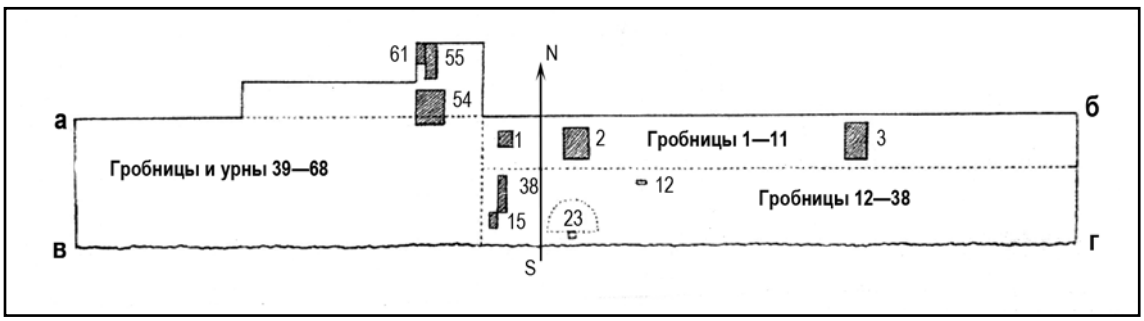

Рис. 2. Схема расположения погребальных сооружений, обнаруженных в 1891 году (ОАК за 1891: рис. 139).

Fig. 2. Scheme of the location of the burial structures discovered in 1891 (OAK for 1891: Fig. 139).

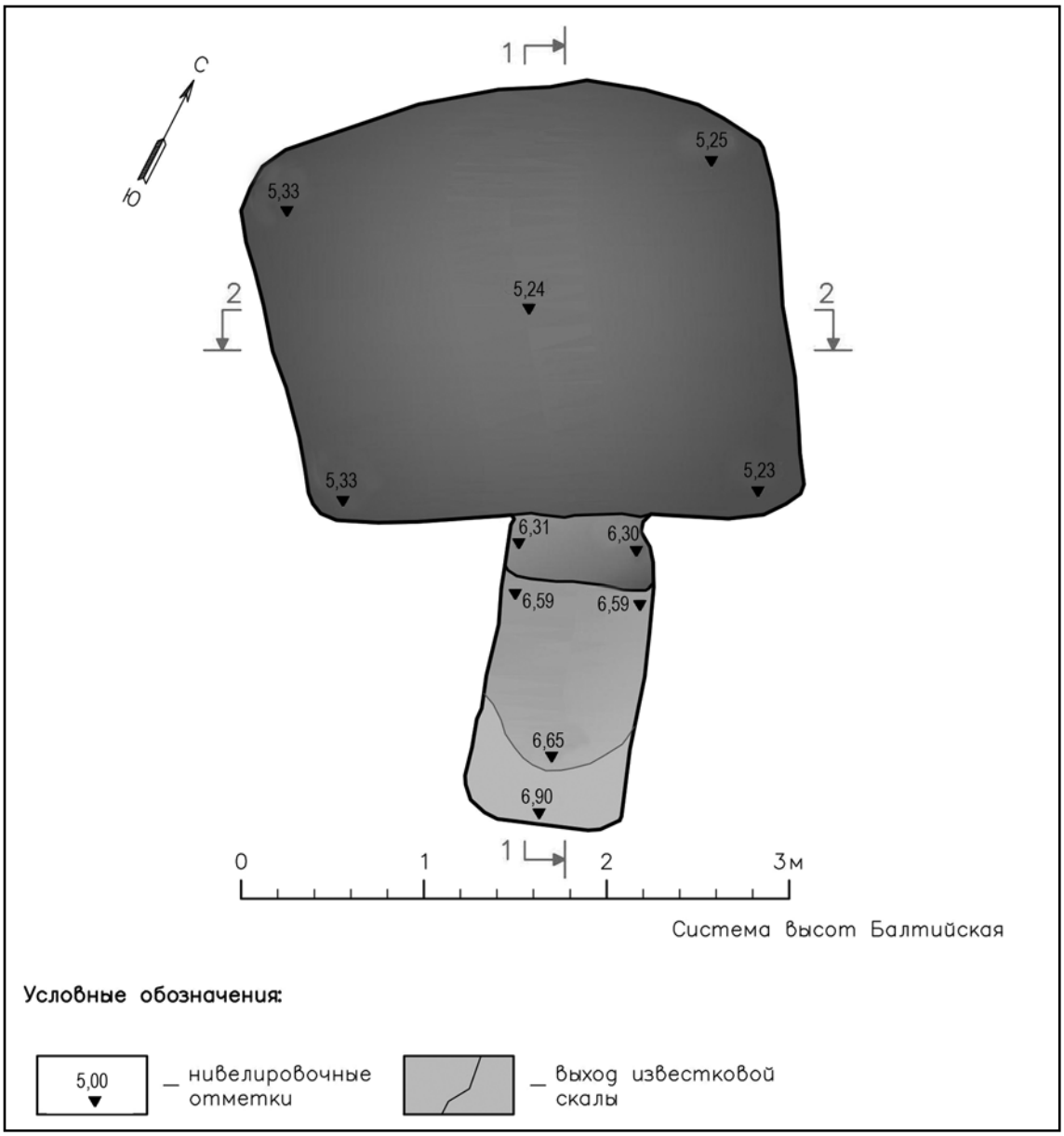

Рис. 3. Катакомба 23/1891 по К. К. Косцюшко-Валюжиничу. План катакомбы. Археологические исследования 2020 года.

Fig. 3. Crypt 23/1891 after K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich. Crypt plan. Archaeological research 2020.

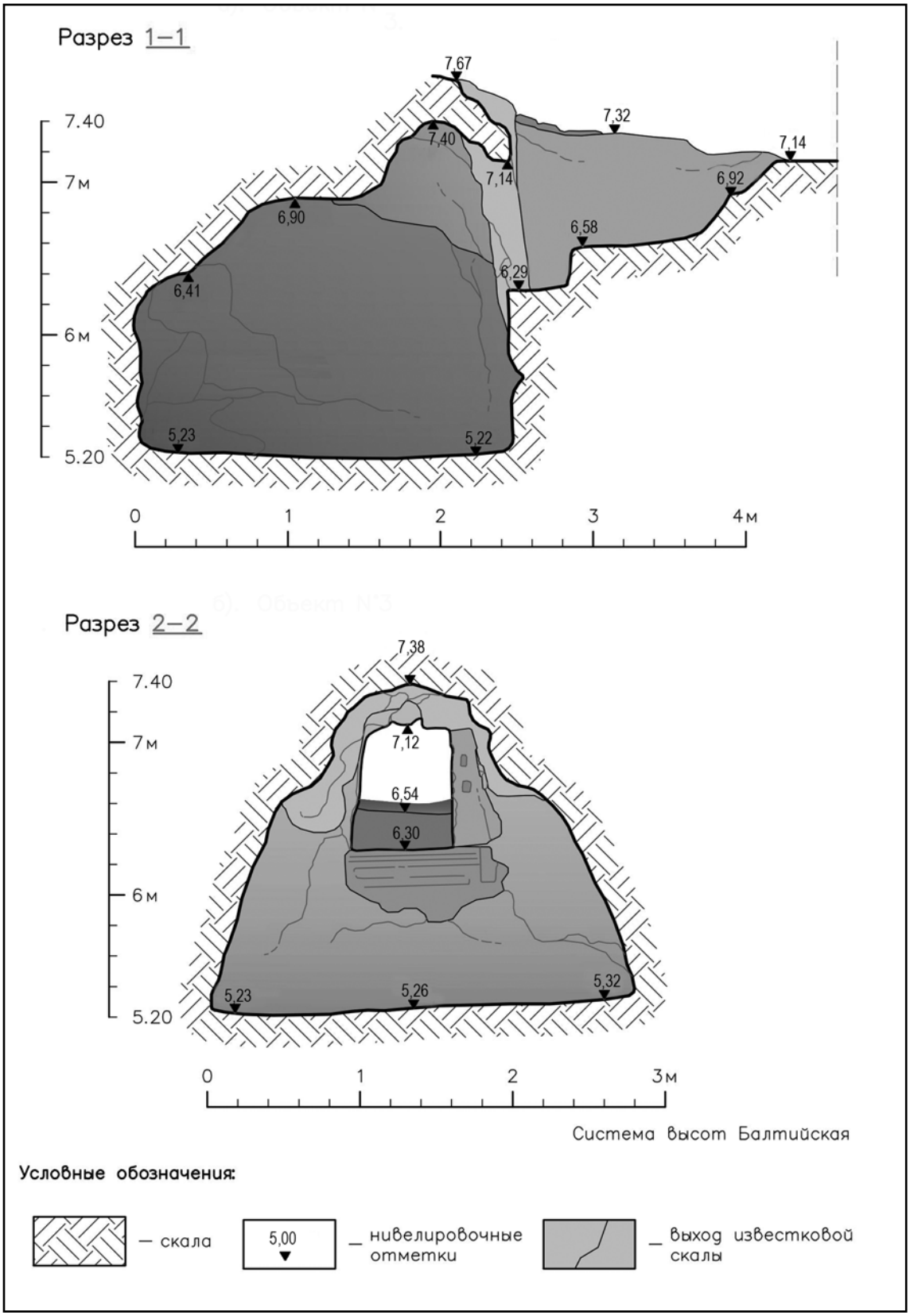

Рис. 4. Разрез катакомбы. Археологические исследования 2020 года.

Fig. 4. Section of the crypt. Archaeological research in 2020.

ный по оси СЗ-ЮВ. Для исследования склепа к юго-западному борту была сделана прирезка размерами 2,5×2 м. После снятия грунта на глубине 7,10—7,20 м по БС обнаружился полный контур входной ямы.

Входная яма размерами 0,82×1,60 м имеет невысокий (до 0,13 м) бортик у юго-западной стороны. Дно входной ямы неровное и спускается к дромосу на глубину 0,52 м от поверхности скалы. Дромос был прикрыт каменной (0,90×0,75×0,18 м) монолитной тесанной плитой, поставленной под небольшим углом (рис. 6—7). Камера склепа лежит ниже дромоса на 0,87 м и имеет по уровню пола в плане трапециевидную форму с выгнутой задней стенкой (рис. 3, 5). Размеры камеры 2,21×2,34 м. Высота свода в самой верхней части — 2,02 м, а в самой низкой точке — 1,77 м (рис. 4). Ниши-лежанки отсутствовали. На стенах камеры сохранились следы от камнетесных инструментов. На противоположной от входа стене, на высоте 1,47 м от пола камеры высечена ниша высотой 0,42, длиной 0,52 и глубиной 0,30 м (рис. 5). Склеп оказался пустым, что могло быть результатом исследований К.К. Косцюшко-Валюжинича на склоне Херсонеской балки в 1890-е годы.

Полевой сезон 1891 года был первым годом раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича на Херсонесском некрополе. Единственным найденным в том году склепом была описанная в Отчете Императорской Археологической Комиссии катакомба № 23. Процитируем описание погребального сооружения: «Катакомба, высеченная в скалистой подошве, слева от гробницы № 16. Вход (2' шир. и 2' 6» выс.[3]), был плотно заложен плитой. Основание катакомбы представляло следующий вид (см. рис. № 159). Вверху она подымалась полукуполом, высота которого 5' 6"… Против входа в катакомбу, несколько влево, было прорублено в скале четырехугольное углубление, в котором стоял гробик из песчаного камня, следующего вида (см. рис. № 160). Катакомба высечена грубо, без ниш и лежанок; слой щебня и земли над ней в 8'. Несомненно, что с момента последнего погребения никто не проникал в эту катакомбу» (ОАК за 1891: 142). Здесь следует отметить, что в научно-архивном отделе Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранится рукописный неопубликованный «Отчет заведующего археологическими раскопками Херсонеса и окрестностей за 1891 год»[4], составленный К.К. Косцюшко-Валюжиничем по результатам работ 1891 года (НАО ГМЗ ХТ.Ф. 1. Д. 2. Л. 15, 15 об., 16, 17, 17 об., 18, 18 об.). Печатный текст, изданный в Отчете Императорской Археологической Комиссии и рукописный вариант в некоторых деталях отличаются друг от друга, об этом будет сказано ниже. В виду интересных разночтений в рукописном и печатном вариантах отчетов приводим фрагмент рукописи с описанием раскопок катакомбы полностью в качестве приложения к статье (НАО ГМЗ ХТ.Ф. 1. Д. 2. 17, 17 об., 18, 18 об.) (рис. 21—24).

Склеп, обнаруженный в Шурфе 14, по размерам совпадает с описанной катакомбой 23, обнаруженной К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1891 году. Также обращает на себя внимание форма сооружения. На рисунке-схеме, опубликованной в отчете К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1891 год (рис. 8), камера склепа изображена полукруглой. В рукописном варианте отчета план погребальной камеры изображен более растянутым по оси северо-восток — юго-запад (НАО ГМЗ ХТ.Ф. 1. Д. 2. 17) (рис. 21). Точный план, снятый в 2020 году, показывает несколько иную форму. При сравнении двух планов следует учитывать то обстоятельство, что планы, сделанные в 1891 году, явно носят схематичный характер. При визуальном осмотре склепа бросается в глаза изогнутость задней стенки камеры. Этот изгиб, подчеркнутый плавно скругленными углами, нивелирует прямолинейность боковых стен камеры (рис. 5). В результате, схема склепа, выполненная без точных промеров, оказалась полукруглой.

Два других выявленных совпадения не оставляют сомнений в тождественности сооружений. Первое — это ниша в задней стенке, действительно расположенная «несколько влево», относительно центральной оси сооружения (рис. 5). Вторая деталь — это закладная плита. На схеме К.К. Косцюшко-Валюжинича плита показана в разрезе. Обращает на себя внимание паз, вырезанный вдоль краев плиты со стороны, обращенной к камере. Этот паз сделан для более плотной подгонки плиты к входному проему. После первого исследования склепа плиту вновь использовали для закрытия входа. Форма плиты хорошо видна на фотографии, сделанной в 2020 году

[3] Размеры в отчете даны в аршинах (') и вершках ("). Общие размеры склепа показаны на плане-схеме.

[4] Выражаем благодарность заведующей НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Т.А. Прохоровой, помогавшей в работе с рукописными документами.

Рис. 5. Общий вид катакомбы. Археологические исследования 2020 года.

Fig. 5. General view of the crypt. Archaeological Research 2020.

Рис. 6. Закладная плита. Археологические исследования 2020 года.

Fig. 6. Entrance plate. Archaeological Research 2020.

Рис. 7. Закладная плита. Археологические исследования 2020 года.

Fig. 7. Entrance plate. Archaeological Research 2020.

(рис. 7). Следует отметить, что начиная описание раскопок катакомбы, в рукописном варианте Отчета К. К. Косцюшко-Валюжинич указывает на то, что вход в катакомбу был плотно заложен плитой и замазан известью. Закладная плита была настолько плотно подогнана и вставлена в проход камеры «с осадкой вниз», что вынуть ее не представлялось возможным, «не разбив пополам» (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2. Л. 17) (рис. 21). Однако в 2020 году, при повторном открытии данного погребального сооружения плита была обнаружена целой. Устранить это противоречие можно предположением о том, что под «разбитием пополам» понимается выламывание плиты из входного проема склепа.

Идентифицировав местоположение катакомбы 23/1891 года на современном геодезическом плане, мы получили уникальную возможность точно установить местоположение этого склепа и привязать сводные чертежи раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича к современным топографическим реалиям. Было установлено, что погрешность старых чертежей М. И. Скубетова и Н. М. Янышева доходит до 100 метров. Все зафиксированные на чертежах М. И. Скубетова и Н. М. Янышева погребальные сооружения следует переместить на 100 метров юго-западнее, чем они представлены на планах. Для локализации шурфа на местности приводим координаты поворотных точек его углов (табл. 1).

Не совсем точная схема камеры склепа, опубликованная К. К. Косцюшко-Валюжиничем, привела к ошибочному представлению о конструктивной оригинальности катакомбы 23/1891. Полукруглая форма склепа больше никогда не встречалась в херсонесском некрополе. В единственном экземпляре катакомба 23/1891 была выделена В. М. Зубарем в отдельный тип склепов Херсонесского некрополя (Зубарь 1982: 33). Новый план сооружения заставляет внести коррективы в эту типологию. Единственный известный доселе «полукруглый» склеп Херсонеса, на самом деле, принадлежит распространенной группе склепов с трапециевидной камерой (Зубарь 1982: 29, рис. 15: 1).

Исходя из анализа погребального инвентаря, описанного в Отчете Археологической Комиссии, В. М. Зубарь определил дату функционирования склепа как I—III вв. (Зубарь 1982: 33—34). В настоящее время можно не только более точно определить дату, когда в склепе производились захоронения, но и проследить хронологию совершения погребений. Важно отметить, что в момент открытия К. К. Косцюшко-Валюжиничем катакомбы 23/1891 она была неграбленой и непотревоженной. В катакомбе было совершено пять погребений по обряду трупоположения на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированными головой на юго-запад в деревянных гробах на полу, вдоль стен были поставлены семь урн с пеплом (ОАК за 1891: 142—144) (рис. 8).

Большинство погребений из склепов сопровождались разнообразным инвентарем. К. К. Косцюшко-Валюжинич передавал предметы в Императорскую Археологическую Комиссию, где происходило их распределение по музеям. Часть предметов, обычно золотых, передавались в Императорский Эрмитаж, часть в Государственный исторический музей, часть — оставалась в Херсонесе (Журавлев 1997: 195—196). К сожалению, следует отметить, что при передаче предметов в бывший «Склад местных древностей» находки из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича не получали паспортных данных о месте и годе их обнаружения, поэтому идентификация предметов в фондах херсонесского музея-заповедника крайне затруднена. В результате работы удалось установить, что частично золотые предметы из раскопок катакомбы 23 были переданы в Государственный Эрмитаж[5], где и хранятся в настоящее время (ГЭ инв. № Х.1891-19-28). Часть погребального инвентаря, включая урны и известняковый саркофаг, — хранится в ГИАМЗ «Херсонес Таврический»[6]. Эти предметы были впервые идентифицированы сотрудниками ГИАМЗ «Херсонес Таврический» в 2021 году как происходящие из катакомбы № 23/1891 (ГИК (КП): ХМ КП-4389, 4643, ГИАМЗ ХТ К.Н.3667). В Государственном историческом музее находок 1891 года нет.

Приведем цитату описания погребального инвентаря из катакомбы 23 по изданному Отчету в К. К. Косцюшко-Валюжинича: «В пяти сгнивших деревянных гробах лежало 5 остовов, головами к выходу, т. е. на ЮЗ. У стены стояли 5 глин. урн, в правом углу лежали 2 урны, раздавленные обвалившимся камнем. На двух урнах выцарапаны имена, на одной:

[5] Авторы благодарят научных сотрудников Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа А. В. Катцову и Ю. П. Калашника за предоставленную возможность работы с материалом.

[6] Авторы благодарят научных сотрудников научно-фондового отдела ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Н. Л. Демиденко и Е. В. Колесник за предоставленную возможность работы с материалом.

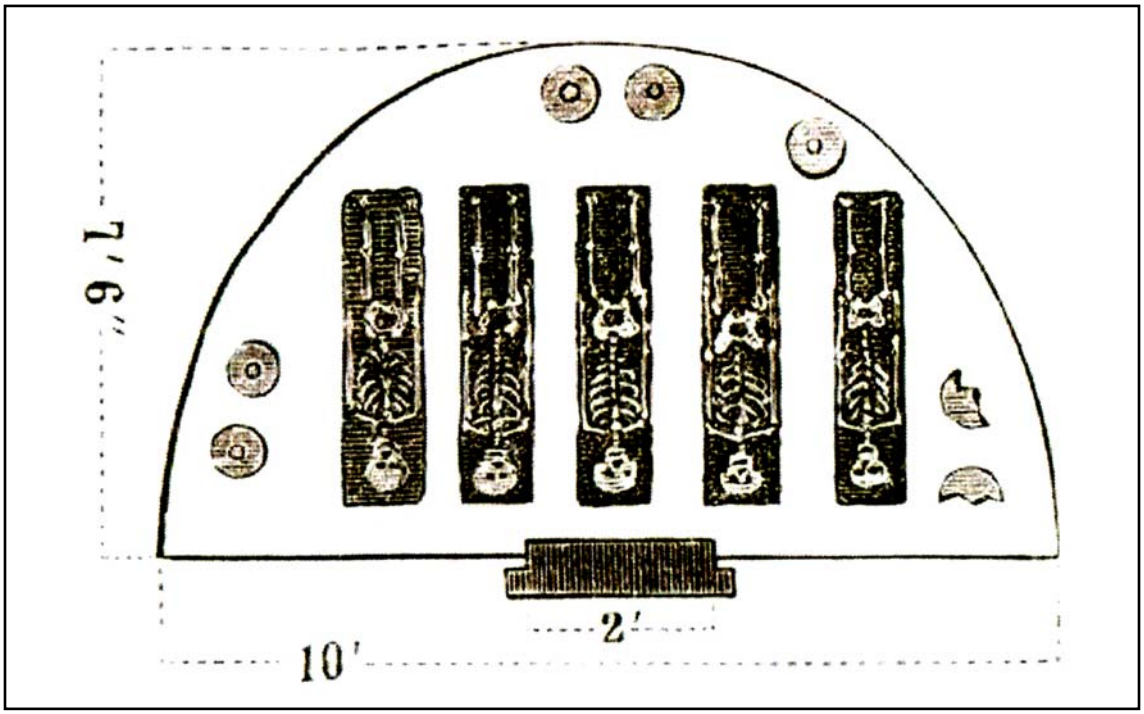

Рис. 8. План (ОАК за 1891 год: рис. 159).

Fig. 8. Plan (OAK for 1891: Fig. 159).

ΑΠΕΛΛΑ,» на другой: ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ ΑΡΚ … СШ.

В изголовье найдены 5 стеклянных флаконов, из которых 2 были разбиты. В разных местах на земле лежали: 8 глиняных лампочек (из них 5 гладких и 3 с рельефными фигурами — на одной овцы, на другой — прыгающей вправо собаки, на третьей — поясного изображения мужчины), глиняная чашечка, глиняный сосуда о 2-х ручках и 10 глиняных одноручных сосудиков.

Около остовов собрано:

у 1-го, слева от входа, круглая деревянная коробочка и в ней бронзовые монета Херсонеса (см. Köhne 1848: Taf. V, № 16), 2 индикации из тонкого золотого листка, с неясными изображениями, и бронзовое ожерелье, состоящее из 48 колечек, 28 пластинок, в виде сердечек с ушками, и 26 колокольчиков;

у 2-го остова: широкие ремни с крупными швами (развалились от прикосновения), сучковатые прутья от веток, 4 бронзовые монеты (2 римские стертые, одна из них с херсонесской контрмаркой, изображающей стоящую Артемиду, и 2 римские колониальные);

у 3-го: 2 бронзовых браслета; бронзовая пряжка, 1394 бус четырехгранных из черной, красной и желтой массы, 156 стеклянных бус, из которых 23 с позолотой, 53 янтарных и 2 коралловых пронизи:

у 4-го: бронзовая пряжка и серебряный перстень:

у 5-го: бронзовая фибула и кусочки грубой шерстяной ткани.

Против входа в катакомбу, несколько влево, было прорублено в скале четырехугольное углубление, в котором стоял гробик из песчаного камня, следующего вида (см. рис. № 160). Обращенная к выходу сторона гробика и ребро крышки покрыты греческой надписью, сильно пострадавшей от сырости (см. Материалы по археологии России № 9: 30—31). По бокам и снизу гробик был укреплен каменными клиньями. На крышке его стояли: 3 глиняные лампочки, 2 гладкие по углам; и одна по середине, с рельефным изображением пегаса (см. рис. № 161 в нат. вел.). Самый гробик был наполнен до краев жженными костями. Сверху лежали 2 стеклянных флакона, а между костями: золотая привеска с выпуклым овальным гранатом, с ушком и 3 короткими цепочками снизу (см. рис. № 162, в нат. вел.), другая меньшая золотая привеска с сердцевидным гранатом, без цепочек (см. рис. № 163, в нат. вел.), 2 привески из горного хрусталя, продолговатые 9 золотых бляшек, четырёхугольных (с изображением Ники) и круглых в виде шапочек (такие же, как в гробнице № 3), 5 кусочков листового золота, переломанная костяная точеная ручка и 5 бус из зеленой массы.

Таблица 1.

Таблица координат Шурфа № 14

Каталог координат поворотных точек границ шурфа № 14				
№ точки	WGS-84		МСК-2030 (г. Севастополь)	
	N	E	N	E
T1	44,608230587	33,490393523	26626,61	21037,61
T2	44,608202388	33,490442538	26623,50	21041,52
T3	44,608167373	33,490403062	26619,59	21038,41
T4	44,608175806	33,490388395	26620,52	21037,24
T5	44,608161837	33,490372529	26618,96	21035,99
T6	44,608175892	33,490348085	26620,51	21034,04
T7	44,608189951	33,490363825	26622,08	21035,28
T8	44,608195573	33,490354047	26622,70	21034,50

В глиняных урнах, наполненных жженными костями и закрытых крышками, оказались:

в одной, превосходно обожженной, как бы полированной, с именем АПЕЛЛА, стеклянный флакон, бронзовая пряжка и 3 кусочка листового золота;

в другой, с именем Алкинея, стеклянный флакон и 2 кусочка листового золота;

в 3-тьей стеклянный флакон, костяная точеная коробка, поврежденная огнём, бронзовая пряжка, буса из зеленой массы и 2 кусочка листового золота;

в 4-й золотой дутый перстень с беловатым резным камнем, пострадавшим от огня, костяное разломанное кольцо, бронзовая пряжка и 3 кусочка листового золота;

в 5-й (она изображена на рис. № 164, в 1/4 нат. вел.) 26 золотых бляшек, частью круглых, в виде остроконечных шапочек, кружков со звездочками и розетками (см. выше стр. 139), частью четырёхугольных, с изображением Ники, птички, листика и арабеска (рис. №№ 165—168, в нат. вел.), частью треугольных в виде пирамидально сложенных шариков (рис. № 169, в нат. вел.), и частью листикообразных с ушком (см. рис. № 170, в нат. вел.), пара больших золотых проволочных серег, 3 кусочка листового золота и стеклянный флакон» (ОАК за 1891: 142—144).

Теперь попытаемся максимально представить погребальный инвентарь, который удалось атрибутировать в музейных коллекциях, а также рассмотрим те предметы, которые были опубликованы в рисунках к печатному Отчету К. К. Косцюшко-Валюжинича (ОАК за 1891: 142—144).

Следуя тексту Отчета «у 1-го остова, в деревянной коробочке сохранилась бронзовая монета Херсонеса (см. Köhne 1848: Taf. V, № 16)» (ОАК за 1891: 142). Сама монета не идентифицирована в коллекции ГИАМЗ «Херсонес Таврический», но К. К. Косцюшко-Валюжинич дал ссылку на рисунок каталога B. Köhne (Köhne 1848: Taf. V, № 16), где представлена монета с изображением на — лицевой стороне — бюста божества Херсонас, вправо; лавровым венком на голове; с двух сторон по кругу надпись — ХЕР. По краю монеты идет точечный ободок. На оборотной стороне представлена Дева влево, в правой поднятой руке она держит копье, в левой — лук; слева изображена лань (рис. 9: 1). Аналогичные монеты датируются 140—190 гг. (Фролова, Абрамзон 2010: кат. 108, 109) и относятся к периоду «второй элевтерии».

В тексте Отчета К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что «у 3-го остова было обнаружено «156 стеклянных бус, из которых 23 с позолотой» (ОАК за 1891: 142). В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся из данного погребения 23 бусины округлых с позолотой (ГЭ инв. № Х.1891-28; рис. 9: 2). Диаметр бусин — 0,5—0,6 см. Общая длина низки бус — 14 см. Бусины относятся к типу 1б бус из стекла с металлической прокладкой по типологии Е. М. Алексеевой. Этот тип является одним из самых распространенных в Северном Причерноморье и встречается повсеместно в памятниках первых веков н. э. (Алексеева 1978: 29, 30).

Большой интерес представляет текст описания саркофага-оссуария, стоявшего в нише. Данный саркофаг-оссуарий был впервые атрибутирован сотрудниками ГИАМЗ «Херсонес Таврический» в 2021 году (ГИАМЗ ХТ К.П.3667), поскольку он имеет уникальную греческую надпись на крышке и стенках саркофага (рис. 10—12). Это известняковый саркофаг-оссуарий, изготовленный

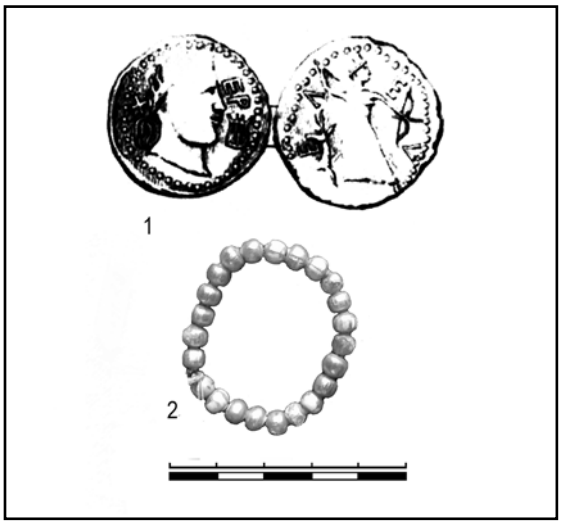

Рис. 9. Инвентарь погребений: 1 — бронзовая монета (по Köhne 1848: Taf. V, № 16); 2 — стеклянные бусы (ГЭ, инв. № X.1891-28)

Fig. 9. Burial inventory: 1 — bronze coin (after Köhne 1848: Taf. V, No. 16); 2 — glass beads (SH inv. No. X.1891-28).

из целого каменного блока (рис. 11: 1—4), с пористой поверхностью. Размеры блока 45,6 × 30 × 19,2 см. Внутри выдолблено вместилище глубиной 12,6 см. Вдоль края с внешней стороны изготовлен паз, для более плотной установки крышки (рис. 11: 4). Крышка сделана отдельно. Она имеет двускатную поверхность, на углах увенчана четырьмя акротериями высотой около 5 см каждый. Размеры крышки 49,8 × 34,8 × 9 см. На внутренней стороне крышки — углубление, соответствующее поверхности края оссуария. Поверхность саркофага сильно выветрилась и порыта выщерблинами. Надпись на крышке полностью стерлась. На лицевой стенке саркофага едва заметна сильно пострадавшая греческая надпись. Читаются фрагменты букв в трех строчках (рис. 11: 4). Надпись имела плохую сохранность еще при обнаружении, о чем говорится в Отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича (ОАК за 1891: 142). В печатном варианте отчета о раскопках (ОАК за 1891: рис. 160) и в рукописном варианте изображения саркофага даны без передачи надписи (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2. Л. 18) (рис. 23). Также следует отметить, что ракурс саркофага в двух отчетах дан с разных сторон и сами изображения не являются идентичными.

Вероятно, по причине плохой сохранности надписи и невозможности идентификации саркофага среди других изделий из камня в коллекции ГИАМЗ «Херсонес Таврический» этот саркофаг считался утраченным, и надпись, выбитая на крышке и боковой стенке, не вошла в электронную публикацию 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья — *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latina*e (IOSPE III 2017).

В Архиве ГИАМЗ «Херсонес Таврический» сохранился эстамп надписи (рис. 12: 1), вероятно изготовленный для подготовки монографии В. В. Латышева «Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. », изданной в девятом номере Материалов по археологии России (Латышев 1892: 30—31). С этого эстампа, по-видимому, была сделала прорисовка надписи для публикации В. В. Латышева (рис. 12: 2).

Надпись на саркофаге была издана дважды: в 1892 году (Латышев 1892: 30—31) и в сводном корпусе IOSPE[2] под номером 513. В переводе она читается следующим образом: «Прощай. Гимера жена Митродора на пять лет с половиною, дочь Апеллы, сына Апеллы, называвшегося также Прома […]».

Публикуя надпись, В. В. Латышев дал пояснения по поводу интерпретации надписи на саркофаге, где есть разъяснение происхождения имени Гимеры и выдвинуто предположение, что выражение «на пять лет с половиною лет» обозначает, что кости Гимеры должны быть храниться в оссуарии 5,5 лет, после чего могли быть изъяты, а сам оссуарий использован для повторного захоронения» (Латышев 1892: 30—31).

Так же В. В. Латышев отмечал, что имя Апеллы известно в Херсонесе, при этом он ссылался на надгробную эпитафию на стеле с рельефом поминального пира, опубликованную в IOSPE I, 217 (IOSPE I, 217; IOSPE I[2], 455) с текстом в две строчки «Килия, (дочь) Аполлония, жена Апелласа/Киратон, (сын) Апелласа. Апеллас, (сын) Киратона, приветствую». Надгробный рельеф считается утраченным (IOSPE III 2017: 365), но сохранилось описание рельефа, сделанное И. Д. Мансветовым: «Другая, (№ 12) лучше сохранившаяся, надгробная плита представляет картину более широкого содержания и, как можно думать, заимствованную из домашней жизни Херсонитян. Именно изображена женская фигура, голова которой плотно обернута покрывалом; ноги ее покоятся на высокой скамье (*subsellum*). Женщина эта держит за руку мальчика, стоящего на возвышении у кровати, лицом к зрителю. Около женщи-

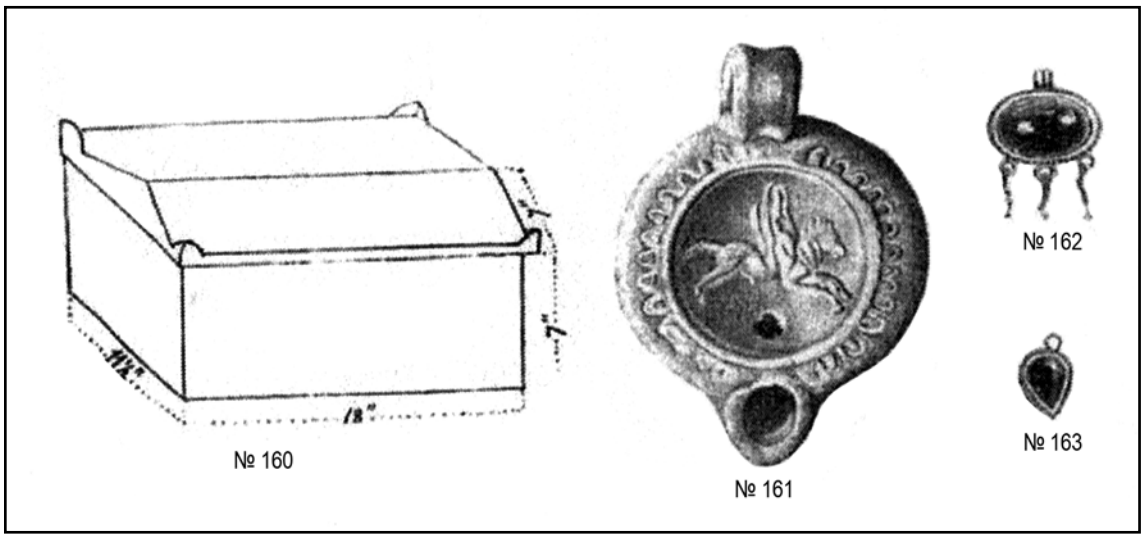

Рис. 10. Инвентарь погребений (по Косцюшко-Валюжинич 1893: рис. 160—163).

Fig. 10. Burial inventory (after Косцюшко-Валюжинич 1893: рис. 160—163).

ны — другая фигура, представляющая, вероятно, кого-нибудь из слуг. На кровати лежит мужчина и держит в левой руке чашу. В головах у него стоит меньших размеров мужская фигура с сосудом вроде «ὐνοχόη». Это по всей вероятности слуга, ожидающий приказания наполнить кубок господина вином или другою какою жидкостью. Внизу двухстрочная надпись, в которой читаются имена Килии (дочери?) Аполлония и жены Апела (?), еще несколько других и все это заключается благожеланием умершим в кратком изречении «Χαιρε», т. е. «радуйся» (Мансветов 1872: 50, № 12).

Кроме этого надгробия В. В. Латышеву была известна еще одна крайне фрагментарная надпись с именем Апеллы (IOSPE[2], 582).

Повторно к анализу имени Апелла в Херсонесе обратился А. К. Тахтай. В 1943 году на III Поперечной улице при разборке мусорных завалов он обнаружил фрагмент «списка магистратов и почетных граждан города, скрепивших приложением печати подлинность декрета» середины II в. н. э. В декрете упоминается некий Ἀπελλᾶς (Тахтай 1947: 61). А. К. Тахтай обратил внимание на возможное родство упомянутого Апеллы в публикуемом им декрете с Апеллой, чье имя начертано на оссуарии из катакомбы 23/1891 (Тахтай, 1947: 62). Предположительно посчитав Апеллу из декрета прадедом Гимеры, А. К. Тахтай сделал построения относительно упомянутого в надписи на оссуарии имени Метродора. Исходя из этих данных, надпись с именем Гимеры можно датировать, по его мнению, первой половиной III в. н. э. (Тахтай 1947: 62).

Завершая описание саркофага-оссуария, отметим, что подобные каменные (известняковые и мраморные) саркофаги-оссуарии с надписями и без известны в некрополе Херсонеса (Зубарь 1982: 56—57). Кроме того, при раскопках могильника Совхоз 10 было найдено значительное количество каменных оссуариев, но выполненных грубее и без каких-либо надписей (Стржелецкий и др. 2005: 77—79).

Далее в тексте Отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича упоминается погребальный инвентарь, найденный на крышке саркофага: «3 глиняные лампочки, 2 гладкие по углам; и одна по середине, с рельефным изображением пегаса (см. рис. № 161 в нат. вел.)» (ОАК за 1891: 142). Данные светильники не идентифицированы в коллекции ГИАМЗ «Херсонес Таврический», но в печатном тексте Отчета дано изображение светильника с Пегасом (рис. 10).

Это округлый светильник с коротким округлым рожком, выделенным сердцевидным выступом и изображением на щитке скачущего вправо Пегаса. Предмет относится к типу *Loeschcke* VIII — наиболее распространенному типу глиняных светильников в Северном Причерноморье первых веков н. э., пик распространения которых приходится на II—III вв. н. э. (Журавлев, Хршановский 2000: 162; Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 79). Аналогичный светильник был обнаружен в могиле 42 за 1909 год

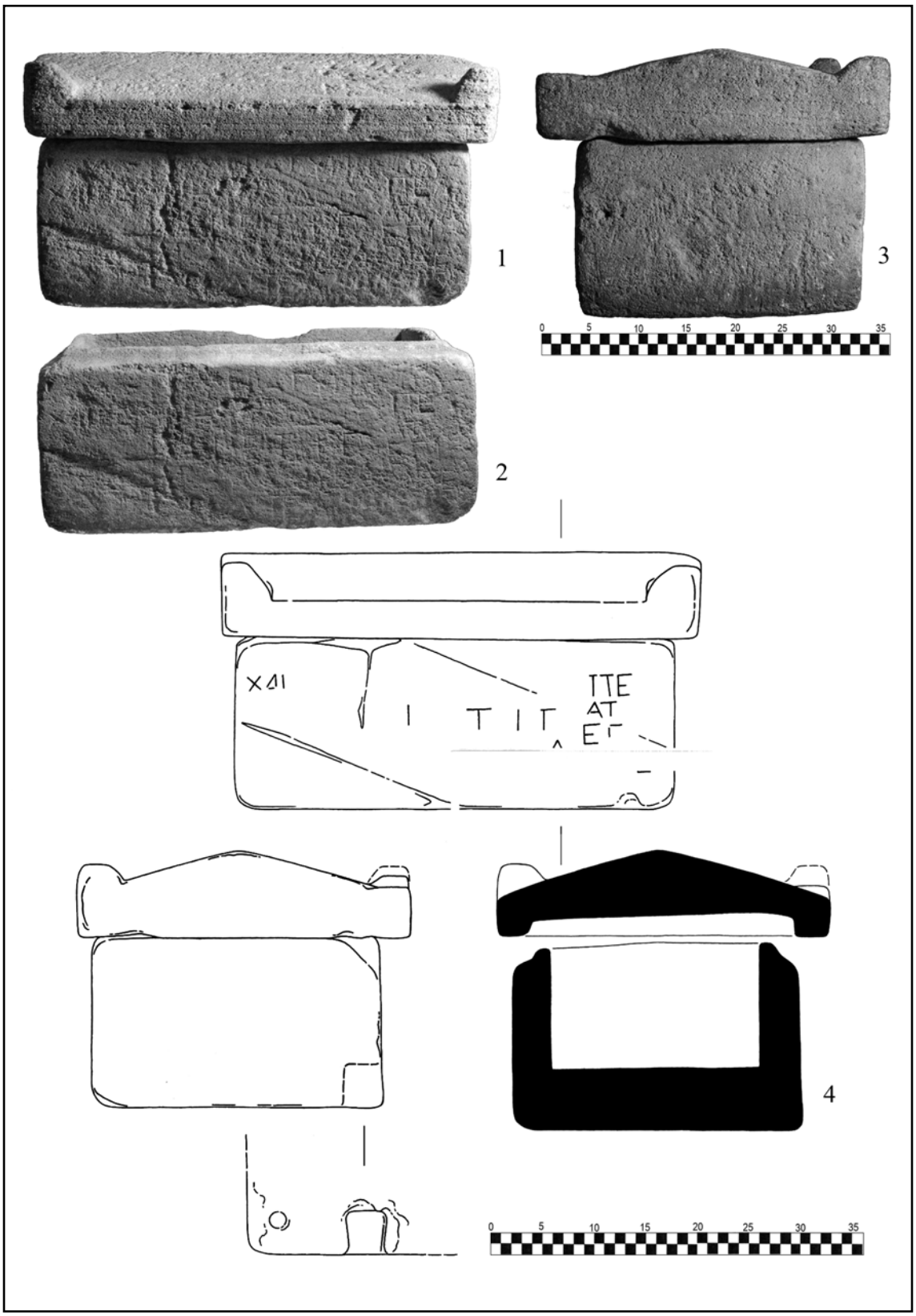

Рис. 11. Инвентарь погребений. Каменный саркофаг (ГИАМЗ ХТ КП 3667).

Fig. 11. Burial inventory. Stone sarcophagus (SMP TC KP 3667).

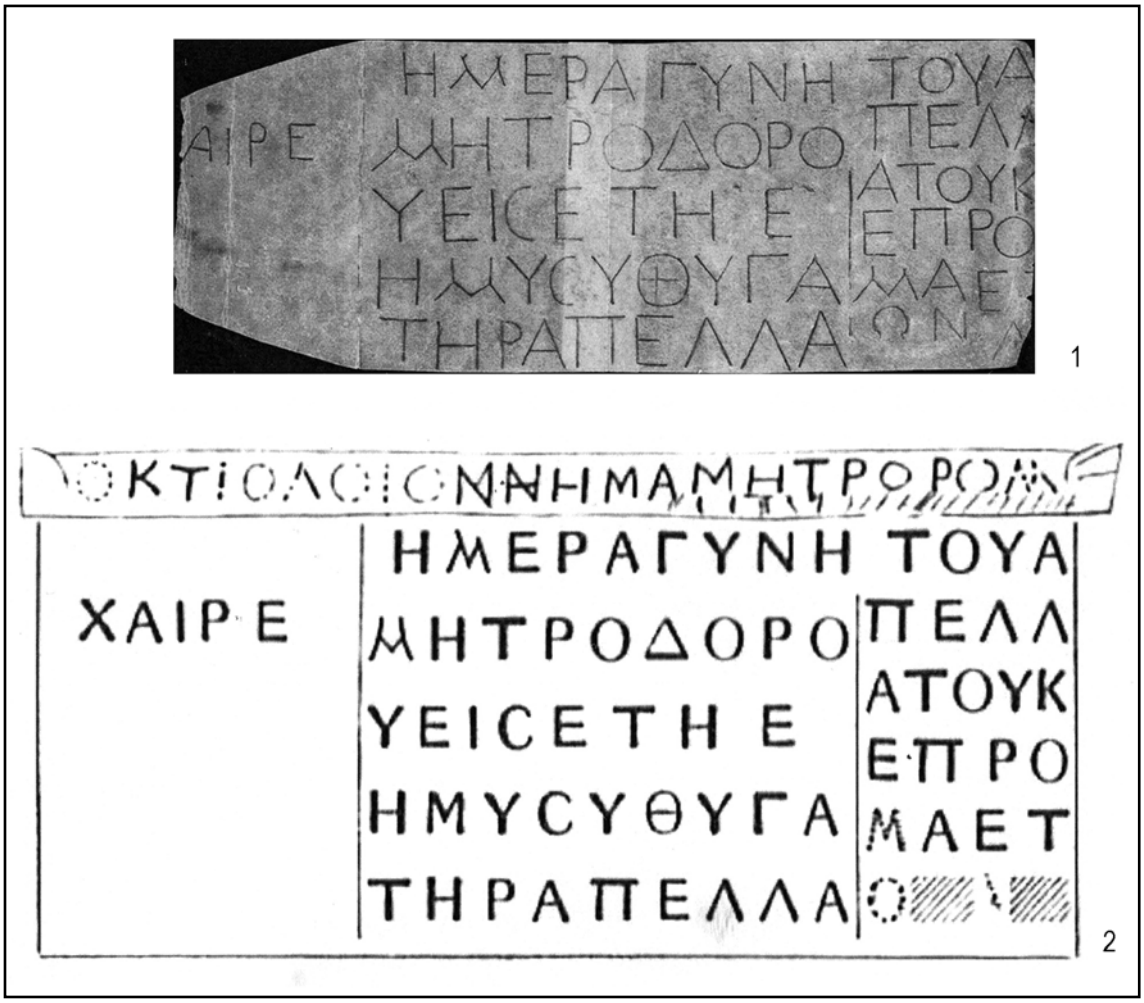

Рис. 12. Надпись на крышке и стенках саркофага. 1 — Эстампаж надписи (НАО ГМЗ ХТ.Ф. 2. Оп. 2. Инв. № 4976), 2 — прорисовка надписи по В.В. Латышеву (по Латышев 1892: 11).

Fig. 12. The inscription on the lid and walls of the sanctuary: 1 — Stamping of the inscription (SMP TC NAO. Fund 2. Inv. 2. No. 4976), 2 — drawing of the inscription after V.V. Latyshev (after Латышев 1892: 11).

при раскопках Р.Х. Лепера (Журавлев, Костромичев 2017: 45, 46, табл. 14: 2).

После описания светильников, стоящих на крышке саркофага, следует описание находок в самом саркофаге «... между костями: золотая привеска с выпуклым овальным гранатом, с ушком и 3 короткими цепочками снизу (см. рис. № 162, в нат. вел.), другая меньшая золотая привеска с сердцевидным гранатом, без цепочек (см. рис. № 163, в нат. вел.), 2 привески из горного хрусталя, продолговатые, 9 золотых бляшек, четырёхугольных (с изображением Ники) и круглых в виде шапочек (такие-же, как в гробнице № 3), 5 кусочков листового золота, переломанная костяная точеная ручка и 5 бус из зеленой массы» (ОАК за 1891: 142) (рис. 10). В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся золотые подвески с гранатовыми вставками, изображенные на рисунке № 162 и № 163 отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича (ОАК за 1891: рис. 162, 163).

Первая подвеска овальной формы с выпуклым гладким гранатом-альмандином в золотой оправе с тремя подвесочками из закрученной проволоки (ГЭ инв. № Х.1891-19-27) имеет размеры: ширина — 0,026 м, высота — 0,017 м. Золото 850° (рис. 13: 1).

Вторая золотая подвеска овальной формы с гранатом-альмандином в золотой оправе с ушком-петелькой (ГЭ инв. № Х.1891-20) имеет размеры: ширина — 0,7 см, высота — 1 см. Золото 850° (рис. 13: 2).

Обе подвески украшены вставками из гладких гранатов-альмандинов и помещены в оправу. Оправа подвесок оформлена

рубчатой проволокой, имитирующий зернь. На обратной стороне подвесок напаяны петли для крепления.

Подобные подвески с гранатами хорошо известны в Херсонесе и имеют многочисленные близкие аналогии (Журавлев и др. 2017: кат. № 129). Подвеска с тремя подвесочками из закрученной проволоки была обнаружена в склепе № 1013, однако здесь оправа украшена зернью (Белов 1927: рис. 19: 14). На концах подвесок из закрученной проволоки часто располагались бусины. Самые близкие по форме овальные подвески также были обнаружены в склепе № 1013 (Белов 1927: рис. 19: 6,10). В одном случае подвеска была украшена рубчатой проволокой, в другом — напаянной зернью. В склепе № 1013 овальные подвески были прикреплены к рубчатым трубочкам-пронизям (Белов 1927: 132). Обе подвески входили в состав ожерелья. Данные украшения могут датироваться II—III вв. н. э.

В. И. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер также считают, что подвески из саркофага склепа 23 входили в состав ожерелья, но предлагают датировать его иначе: серединой — второй половиной I в. н. э. (Мордвинцева, Трейстер 2007: 100).

Кроме этого, в саркофаге были найдены золотые умбоновидные бляшки. Данные предметы не поступали в коллекцию Государственного Эрмитажа, но они были изображены на рисунке в печатном отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 14). В тексте отчета они упомянуты как «бляшки в виде шапочек, которые аналогичны обнаруженным в гробнице № 3 и опубликованным под номерами № 146, 148» (ОАК за 1891: 142). Благодаря сохранившемуся в Отчете рисунку, можно установить круг ближайших аналогий и датировать эти изделия I—II в. н. э. (Журавлев 2017 и др.: кат. № 238—265).

На полу в катакомбе № 23 стоял кувшин, названный в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича урной Апеллы (ОАК за 1891: 142). Благодаря процарапанной надписи на стенке кувшина, в 2021 году его удалось идентифицировать в коллекции ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (ГМЗ ХТ. КП 4643, рис. 15). Напомним также, что имя Апелла зафиксировано в этом погребении на двух памятниках — описываемом кувшине и на стенке каменного саркофага-оссуария.

Кувшин, использованный в качестве урны, был изготовлен из красной глины (Munsell 2.5 YR6/6) с темно-серым прокалом в центре, с примесью мелких и крупных известняковых частиц. Тулово кувшина

Рис. 13. Инвентарь погребений. 1 — Подвеска золотая с гранатом, 2 — подвеска золотая с гранатом (ГЭ инв. № X.1891-19-20).

Fig. 13. Burial inventory. 1 — Gold pendant with garnet, 2 — gold pendant with garnet (SH inv. No. X.1891-19-20).

покрыто ярко-красным лаком, местами пережженным до темно-коричневого оттенка (рис. 15). Покрытие лаком нанесено на всю поверхность сосуда кроме придонной части. Граница покрытия находится на высоте 7,7—9,8 см от дна сосуда. Ниже границы потеки лака.

Тулово кувшина гладкое, овоидной формы с максимальным расширением в верхней части. Горло коническое, сужается к верху. Венчик сильно отогнут, край загнут вверх и скруглен. С внутренней стороны венчика небольшая закраина. Ниже венчика горло украшено тремя врезными горизонтальными желобками. На уровне желобков и на плечиках сосуда была закреплена утраченная ручка. У основания горла три тонкие горизонтальные врезки. Дно на кольцевом поддоне. На уровне верхней части тулова сосуд слегка деформирован вмятиной. Надпись нанесена на плечики сосуда. Для расположения надписи выбран участок лака более темного оттенка (рис. 15). Высота сосуда 37,4 см; диаметр венчика 10,9—11,1; диаметр тулова 27,3 см; диаметр дна 11,8 см. Длина надписи 8,1 см; высота букв 1,2 см. Морфологию кувшина можно соотнести с подвариантом 2а кувшинов типа 16 по А. А. Труфанову. Такие кувшины датируются серединой — второй половиной II в. н. э. (Труфанов 2009: 192, рис. 45). Следует, однако, учитывать, что при сходстве формы, кувшин-урна из склепа 23 более чем в два

раза крупнее указанных в качестве аналогий кувшинов из крымских могильников.

Также на полу катакомбы № 23 стоял еще один кувшин с написанными именами «ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ ΑΡΚ …СШ» (ОАК за 1891: 142, рис. 16). Лингвистический анализ упомянутых имен нами не проводился, но можно предположить, что здесь упомянуты три имени погребенных «ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ», «ΑΡΚ» и «СШ». В печатной передаче буквы «Ш» следует видеть грубо вырезанную греческую «омегу»[7]. Таким образом, в самом первом приближении имена можно интерпретировать как Алкиней, Арк [есо]… и Со [полий]. В рукописном варианте Отчета К. К. Косцюшко-Валюжинич старался следовать греческому написанию букв, и там надписи прописаны другим, рисуночным, шрифтом (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2. 17 об.) (рис. 22).

Благодаря надписям, процарапанным на стенке кувшина, его также в 2021 году удалось идентифицировать в коллекции ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (ГМЗ ХТ. КП 4643, рис. 16). Кувшин, использованный в качестве урны, был изготовлен из светло-красной глины (Munsell 2.5 YR6/6) с примесью мелких и крупных известняковых частиц. Тулово покрыто красным лаком неровного обжига, цвет варьирует от красного до темно-коричневого. Покрытие лаком нанесено на поверхность сосуда кроме придонной части. Граница покрытия находится на высоте 4—6 см от дна сосуда. Ниже границы потеки лака.

Тулово кувшина гладкое, овоидной формы с максимальным расширением в верхней части. Горло коническое, сужается к верху. Венчик сильно отогнут, у края загнут внутрь сосуда. Край горизонтально срезан. Ниже венчика горло украшено двумя врезными горизонтальными желобками. На уровне желобков и на плечиках сосуда закреплена ручка, профилированная двумя глубокими продольными желобками, расположенными не симметрично. У основания горла и в нижней части тулова тонкие горизонтальные врезки. Дно на кольцевом поддоне, украшенном тонкими врезками. На уровне верхней части тулова сосуд слегка деформирован вмятиной.

Надпись нанесена тонким инструментом на плечики сосуда. Для расположения надписи выбран участок лака более темного оттенка. Высота сосуда 36,5 см; диаметр венчика 12,1; диаметр тулова 24,5 см; диаметр дна 12,2 см; сечение ручки 2,5 × 1,2 см.

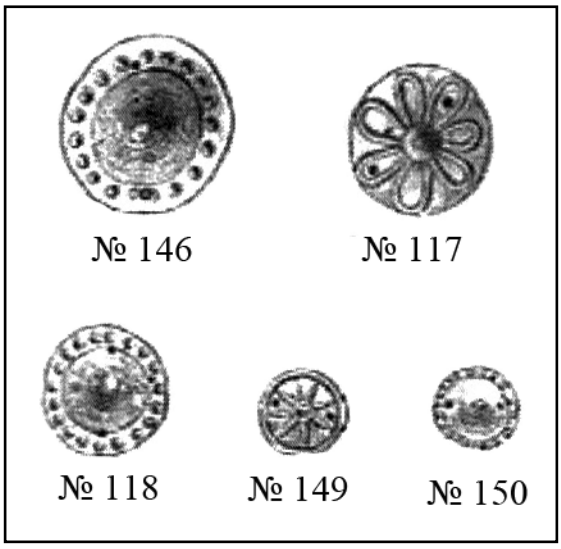

Рис. 14. Инвентарь погребений. Бляшки золотые (по Косцюшко-Валюжинич 1893: рис. 146—150).

Fig. 14. Burial inventory. Gold plaques (after Косцюшко-Валюжинич 1893: рис. 146—150).

Длина надписи 14,5 см; высота букв 1,8 см. Кувшин относится к подварианту 2а кувшинов типа 16 по А. А. Труфанову. Датируется серединой — второй половиной II в. н. э. (Труфанов 2009: 192, рис. 45).

В ещё одном кувшине, названном в отчете К. К. Косцюшко-Валюжиница урной № 5 (рис. 17), было найдено 26 золотых бляшек (рис. 17). Данный сосуд не идентифицирован среди находок К. К. Косцюшко-Валюжинича, но, судя по рисунку кувшина, опубликованному в отчете (ОАК за 1891: рис. 164), он аналогичен урнам с именами Апелла и «ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ ΑΡΚ …СШ» и также относится к подварианту 2а кувшинов типа 16 по А. А. Труфанову (Труфанов 2009: 192, рис. 45).

Из 26 золотых бляшек в коллекцию Государственного Эрмитажа поступила одна золотая листовидная подвеска (ГЭ инв. № Х.1891-21; рис. 18: 1) и шесть золотых нашивных бляшек (ГЭ инв. № Х.1891-22-27; рис. 18, 2—6). Описанные в Отчете золотые бляшки «в виде остроконечных шапочек, кружков со звездочками и розетками» в коллекцию Государственного Эрмитажа не поступали, но подобные им представлены на рисунках Отчета К. К. Косцющко-Валюжинича (ОАК за 1891: рис. 146—150). Это умбоновидные бляшки, бляшки-розетки, бляшки-звезды, широко представленные в других погребени-

[7] Благодарим на комментарий научного сотрудника ГИАМЗ «Херсонес Таврический» А. С. Намойлик.

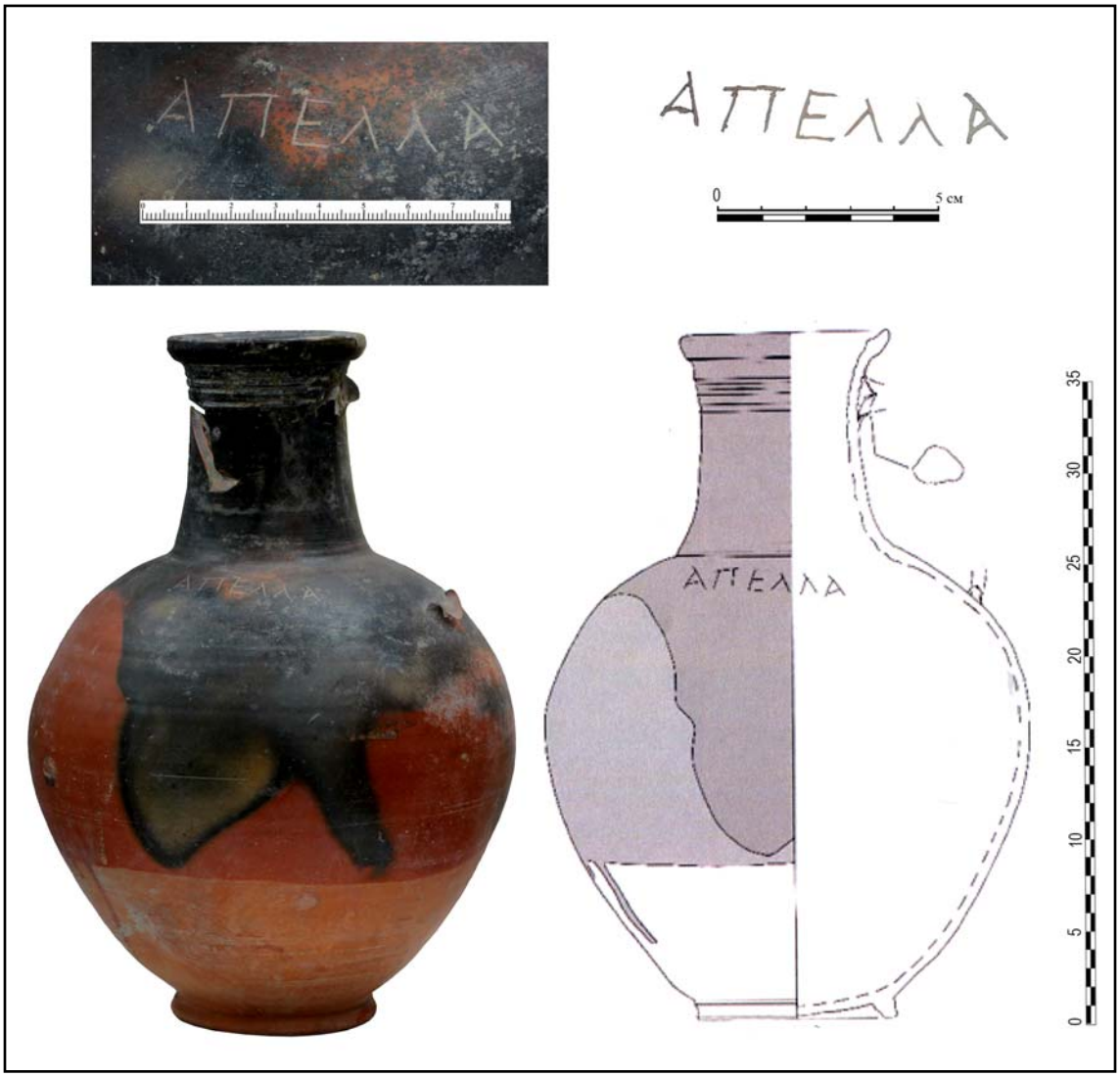

Рис. 15. Инвентарь погребений. Кувшин красноглиняный, погребальная урна Апеллы (ГИАМЗ ХТ КП 4643).

Fig. 15. Burial inventory. Red-clay jug, funeral urn of Apella (SMP TC KP 4643).

ях Херсонесского некрополя и датирующиеся I—II вв. н. э. (Журавлев и др. 2017: кат. № 249—265, кат. № 231, кат. № 217).

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится опубликованная К. К. Косцюшко-Валюжиничем (ОАК за 1891: рис. 170) листовидная подвеска с разомкнутой петлей (ГЭ инв. № Х.1891-21; рис. 18: 1). Подвеска сделана тиснением, ободок по краю имитирует рубчатую проволоку. Размер подвески — длина — 1,6 см, ширина — 0,8 см. Золото 800°. Аналогичные подвески были найдены в склепе № 1013. Они составляли ожерелье, в котором крепились к петлям пронизей-трубочек (Белов 1927: рис. 11, Журавлев и др. 2017: кат. 147, 148).

Отметим здесь, что в процессе просеивания небольшого количества грунта, оставшегося около входа внутри склепа, в 2020 году была найдена золотая листовидная нашивка (ГИАМЗ ХТ ИКАМ 37746/132; рис. 19: 1), а также золотая пронизь в виде рифленой трубочки (ГИАМЗ ХТ ИКАМ 37746/133; рис. 19: 2). Листовидная нашивка имеет такую же форму, как и листовидная подвеска, однако, около острой вершины в ней пробито отверстие для пришивания. Нашивка фрагментирована, её скругленная вершина утрачена. Размеры нашивки 1,2 × 0,7 × 0,2 см. Золотая пронизь свернута из рифленого листа. Её длина 1,3 см, диаметр 0,2 см. Эти находки не только дополнительно подтверждают отождествление склепа с катакомбой 23/1891, но и подчеркивают аналогию с инвентарем пристенного склепа № 1013. Очевидно, что в катакомбе 23 находилось ожерелье, схожее

Рис. 16. Инвентарь погребений. Кувшин красноглиняный, погребальная урна с именами «ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ ΑΡΚ... СШ» (ГИАМЗ ХТ КП 4689).

Fig. 16. Burial inventory. A red-clay jug, a funeral urn with the names "ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ ΑΡΚ... СШ" (SMP TC KP 4689).

с более полно сохранившимся ожерельем из склепа № 1013. Листовидные тисненые подвески и пронизи датируются I—II вв. н. э.

Опубликованные в тексте Отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича (ОАК за 1891: рис. 165—169) нашивные золотые бляшки с отверстиями для пришивания с тисненым орнаментом различной формы и с разнообразным орнаментом также хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа (ГЭ инв. Х.1891-22-27; рис. 18: 2—6). Опишем их последовательно:

Одним экземпляром представлена бляшка треугольная золотая с двумя отверстиями для пришивания (ГЭ инв. Х.1891-22; рис. 18: 2). Центр треугольника заполнен семью рядами выпуклых точек-квадратиков. Бляшка сделала тиснением. Размеры: высота — 1,5 см, ширина — 1,4 см. Золото 950°. Подобные треугольные бляшки были найдены в Херсонесе в склепе № 1013 (Белов 1927: рис. 20: 7), в могиле 22 за 1912 год (Журавлев и др. 2017: 204—205).

Одним экземпляром представлена бляшка золотая прямоугольная с двумя отверстиями для пришивания (ГЭ инв. Х.1891-23; рис. 18: 3). На бляшке выбит лист плюща. Бляшка сделала тиснением. Размеры изделия: высота — 1,1 см, ширина — 0,8 см. Золото 850°. Точные аналогии не известны.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся две бляшки золотые прямоугольные с двумя отверстиями для пришивания и орнаментом — изображение цветка лилии (ГЭ инв. Х.1891-24-25; рис. 18: 4). Размеры изделия: высота — 1,13, ширина — 0,8 см. Золото 900°. Полностью аналогичные бляшки были обнаружены в склепе № 1013 (Журавлев и др. 2017: кат. 321, 322).

Одним экземпляром представлена бляшка золотая прямоугольная с изображением крылатой Ники в профиль влево с дву-

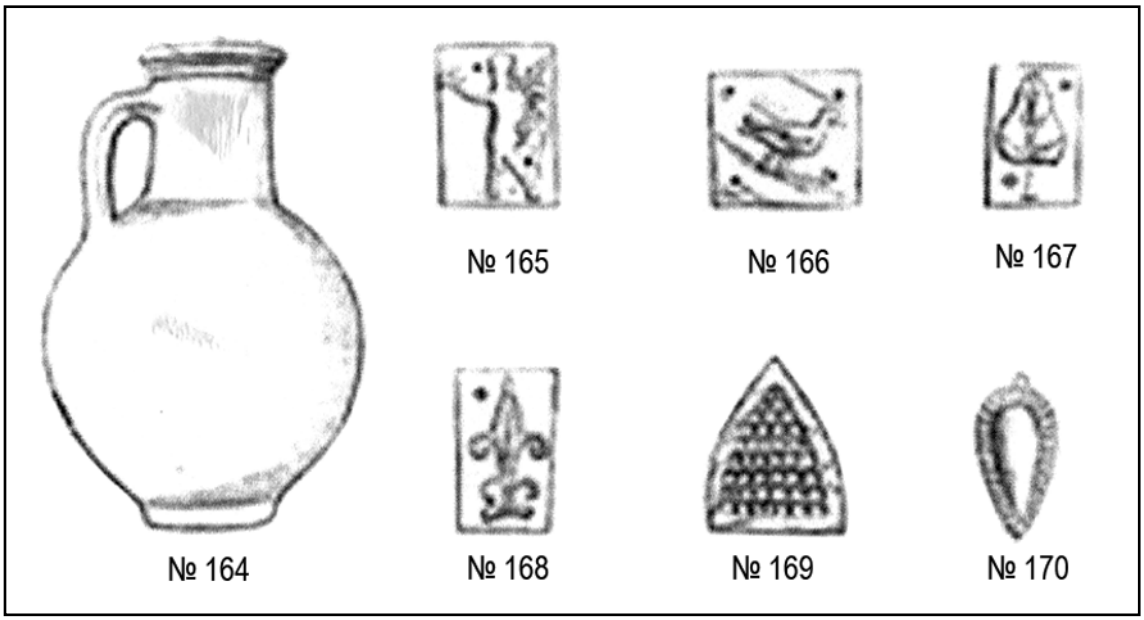

Рис. 17. Инвентарь погребений. Кувшин красноглиняный и золотые нашивные бляшки (по Косцюшко-Валюжинич 1893: рис. 164—10—150).

Fig. 17. Burial inventory. A red-clay jug and gold sewn-on plaques (after Косцюшко-Валюжинич 1893: fig. 164—10—150).

Рис. 18. Инвентарь погребений. 1— 6 — Золотые нашивные бляшки (ГЭ инв. № X.1891-21-27).

Fig. 18. Burial inventory. 1— 6 — Gold sewn-on plaques (SH inv. No. X.1891-21-27).

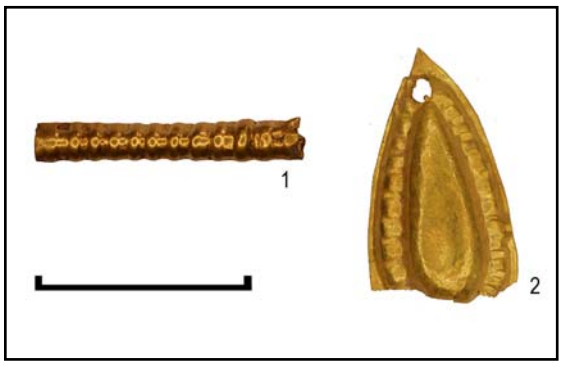

Рис. 19. Археологические находки 2020 года. 1 — листовидная подвеска, 2 — золотая пронизь (ГИАМЗ ХТ ИКАМ 37746/132—133).

Fig. 19. Archaeological finds in 2020. 1 — leaf-shaped pendant), 2 — golden thread (SMP TC IKAM 37746/132—133).

мя отверстиями для пришивания (ГЭ инв. Х.1891-26; рис. 18: 5). В руке Ника держит венок и пальмовую ветвь. На голове высокий подквадратный головной убор. Размеры изделия: высота — 1,4 см, ширина — 1 см. Золото 900 °. Оттиснутые на золотой фольге фигуры богини Ники известны из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, в том числе и из работ на некрополе 1895 года. Точные аналогии не известны, исходя из общих соображений о времени существования нашивных бляшек, данные экземпляры можно датировать I—II в. н. э.

Одним экземпляром представлена бляшка золотая прямоугольная с тремя отверстиями для пришивания. На бляшке оттиснуто изображение птицы вправо (ГЭ инв. Х.1891-26; рис. 18: 6). Размеры изделия: высота — 1,2 см, ширина — 1,3 см. Золото 900°. Изображения птиц, оттиснутых на бляшках, хорошо известны в Херсонесе, все они датируются I—II вв. н. э., в том числе некоторые происходят из склепа № 1013 (Журавлев и др. 2017: кат. 298—299).

Таким образом, соединив материалы коллекций двух музеев, нам удалось рассмотреть сохранившийся погребальный инвентарь склепа 23/1891. В результате проведенной работы можно уточнить время совершения погребений в склепе. Погребальные урны № 1 (и именем Апеллы), № 2 (с именами «ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ ΑΡΚ …СШ») и № 5 могут относится к середине — второй половине II в. н. э. К этому же времени относится погребение по обряду трупоположения с монетой второй элевтерии (остов 1). Самое позднее погребение было совершено в саркофаге-

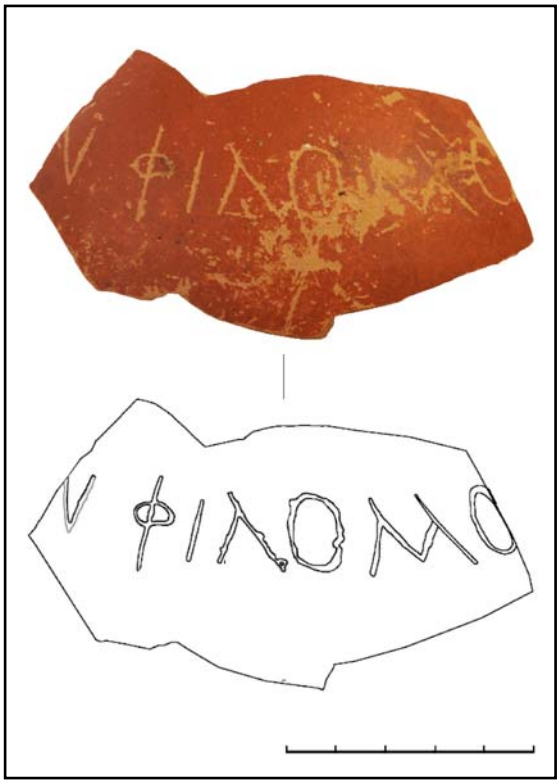

Рис. 20. Фрагмент краснолакового кувшина (погребальной урны) с граффито []N ΦΙΛΟΜΟ [] (ГИАМЗ ХТ ИКАМ 37746/118).

Fig. 20. Fragment of a red-lacquer jug (burial urn) with graffito []N ΦΙΛΟΜΟ [] (SMP TC IKAM 37746/118).

оссуарии и датируется по надписи первой половиной III в. н. э. (Тахтай 1947: 62).

В результате мы имеем возможность видеть не только семейную усыпальницу ближайших родственников, но и можем предположить степень их родства. Этому примером является погребальная урна с именем Апеллы и надпись на стенке саркофага-оссуария «Прощай. Гимера жена Митродора на пять лет с половиною, дочь Апеллы, сына Апеллы, называвшегося также Прома […]». Что показывает нам связь между дочерью Гимерой и возможным дедом или отцом, погребенным в урне с именем Апеллы.

Поскольку имя Апеллы входит в круг высших должностных лиц римского Херсонеса (Тахтай 1947: 62), то интересно отметить, что рядом с погребением этой семьи в насыпи некрополя в 1892 году было найдено надгробие архонта Газурия (ОАК за 1892: 26, рис. 23). Надпись на надгробии в переводе читается так: «Газурий, (сын) Метродора, являющийся первым архонтом, 50 лет, прощай» (IOSPE I^2 471). В 2020 году при проведении зачисток в нескольких метрах от шурфа 14

был обнаружен фрагмент краснолакового сосуда, использовавшегося в качестве погребальной урны. На плечиках урны сохранилось граффито []N ΦΙΛΟΜΟ[] (ГИАМЗ ХТ ИКАМ 37746/132, рис. 20), в котором читается отчество погребенного: «такой-то, сын Филомуса» [8]. Это имя, так же, как Апеллас, Метродор, Газурий, неоднократно упоминается в государственных декретах Херсонеса во II в. н. э. (см., например, IOSPE I^2 359; Тахтай 1947: 59). В 1892 году на том же участке был найден ещё ряд надгробий римской эпохи (Иванова и др. 1976: кат. № 305, № 161). Совершенно очевидно, что все перечисленные имена принадлежат к числу первых лиц, правивших городом в римскую эпоху (Кадеев 1981: 73—77, 87—89). На основании приведенных данных можно утверждать, что участок южного некрополя под X оборонительной башней является одним из мест погребения высших должностных лиц Херсонеса в римское время.

Литература

Айналов Д. В. 1905. Развалины храмов. *Памятники христианского Херсонеса* 1. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова.

Алексеева Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ Г1—12. Москва: Наука.

Журавлев Д. В., Хршановский Л. 2000. Коллекция античных светильников Государственного Исторического музея. *ВДИ* (3), 159—166.

Журавлев Д. В. 1997. Коллекция из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея. *ВДИ* (3), 194—207.

Журавлев Д. В., Костромичев Д. А. 2017. *Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя*. Часть 1. *Материалы раскопок Р. Х. Лёпера в 1909—1910 гг*. Москва: РИА Внешторгиздат.

Журавлев и др. 2017: Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С. 2017. *Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея)*. Москва: РИА Внешторгиздат.

Зубарь В. М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Кадеев В. И. 1981. *Херсонес Таврический в первых веках нашей эры*. Харьков: Вища школа.

Кадеев В. И. 1985. Новый надгробный памятник из Херсонеса II в. н. э. *КСИА* 182, 66—69.

Иванова и др. 1976: Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г. 1976. *Античная скульптура Херсонеса*. Киев: Мистецтво.

Латышев, В. В. 1892. *Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг.* МАР 9. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Мансветов И. Д. 1872. *Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников*. Москва: Севастопольское отделение на Политехнической выставке.

Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в до н. э. — II в. н. э.* Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе 2. Симферополь; Бонн: Тарпан.

ОАК за 1891: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 год*. 1893. Санкт-Петербург.

ОАК за 1892: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 год*. 1894. Санкт-Петербург.

ОАК за 1893: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 год*. 1895. Санкт-Петербург.

Стржелецкий и др. 2003—2004: Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003—2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* (4), 27—277.

Тахтай А. К. 1947. Новая надпись из Херсонеса Таврического II в. н. э. *КСИИМК* 15, 58—62.

Труфанов А. А. 2005—2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э—III в. н. э. *Stratum plus* (4), 117—328.

Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. 2010. Античные монеты Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея (коллекция А. С. Коциевского). *ВДИ* (4), 51—90.

Шаров О. В., Новоселова Н. Ю., Костромичев Д. А. 2021. Катакомба 23/1891 южного некрополя Херсонеса Таврического: 130 лет после открытия. В: Зинько В. Н., Зинько Е. А. (сост.). *XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты.* Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ; ИАК РАН; БФ «Деметра», 437—443.

IOSPE I^2: Latyshev V. V. 1916. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. 2nd ed. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici.

IOSPE III 2017. *Inscriptions of Chersonesos and vicinity*. Available at: https://iospe.kcl.ac.uk/3.365.html (дата обращения 28.06.2022).

Chrzanowski L., Zhuravlev D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum — Moscow*. Roma: “L’Erma” di Bretschneider.

Köhne B. 1848. *Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesus in Taurien*. Saint Petersburg.

Архивные материалы

Отчет заведующего археологическими раскопками Херсонеса и окрестностей за 1891 год. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2. Л. 15, 15 об., 16, 17, 17 об., 18, 18 об.

Скубетов М. И. 1905. План городища Херсонеса Таврического. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2. Д. 160.

Яньшев Н. М. 1936. План некрополя Херсонеса Таврического. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2. Д. 570. Л. 1—12.

[8] Авторы благодарят научного сотрудника ГИАМЗ «Херсонес Таврический» А. С. Намойлик за консультации по древнегреческой эпиграфике и ономастике.

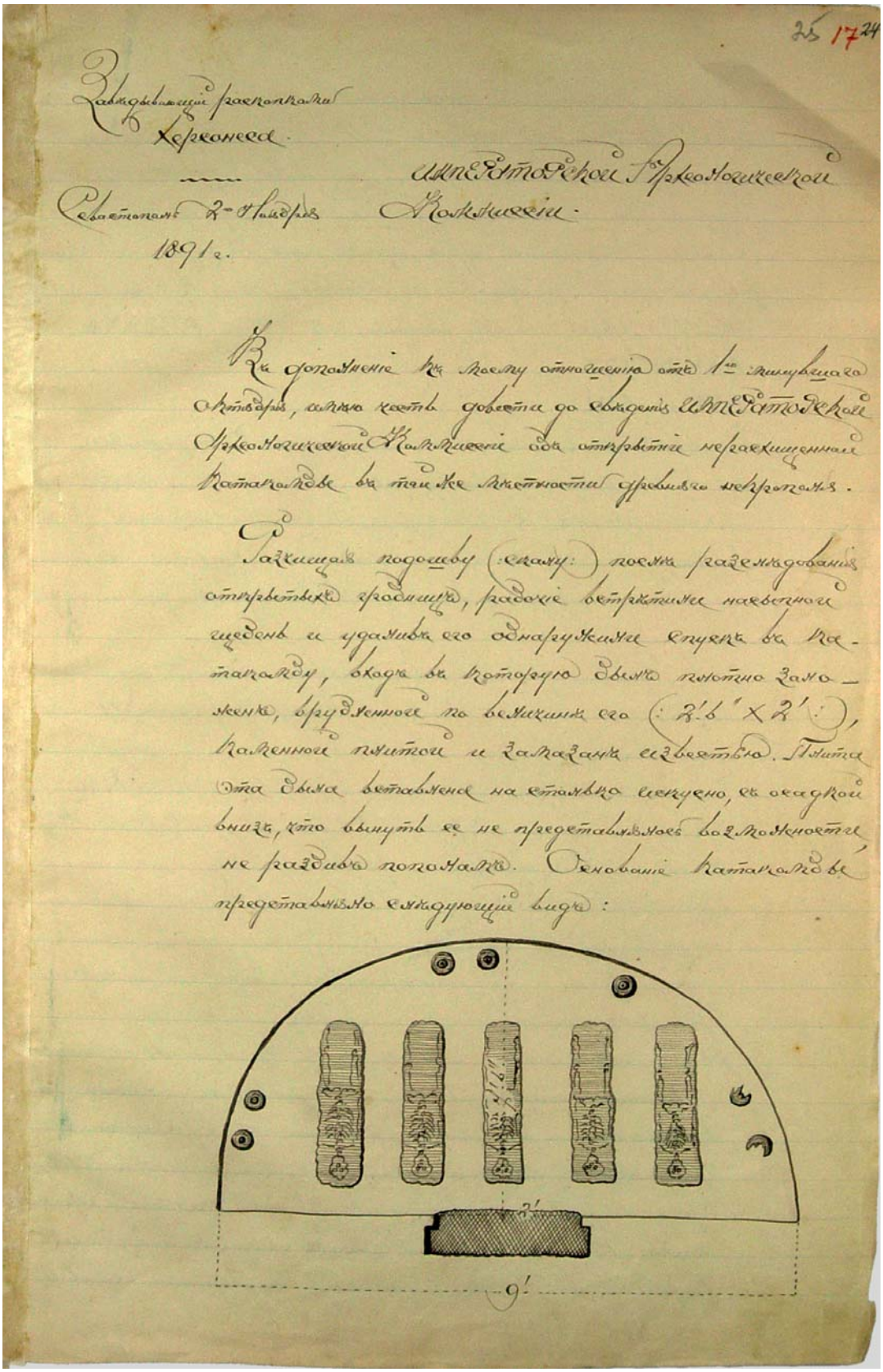

Рис. 21. Отчет заведующего археологическими раскопками Херсонеса и окрестностей за 1891 год//НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 2. Л. 17.

Fig. 21. Report of the head of the archaeological excavations of Chersonesos and its environs for 1891//Department of scientific archives, SMP TC. Fund 1. Dosiier 2, sheet 17.

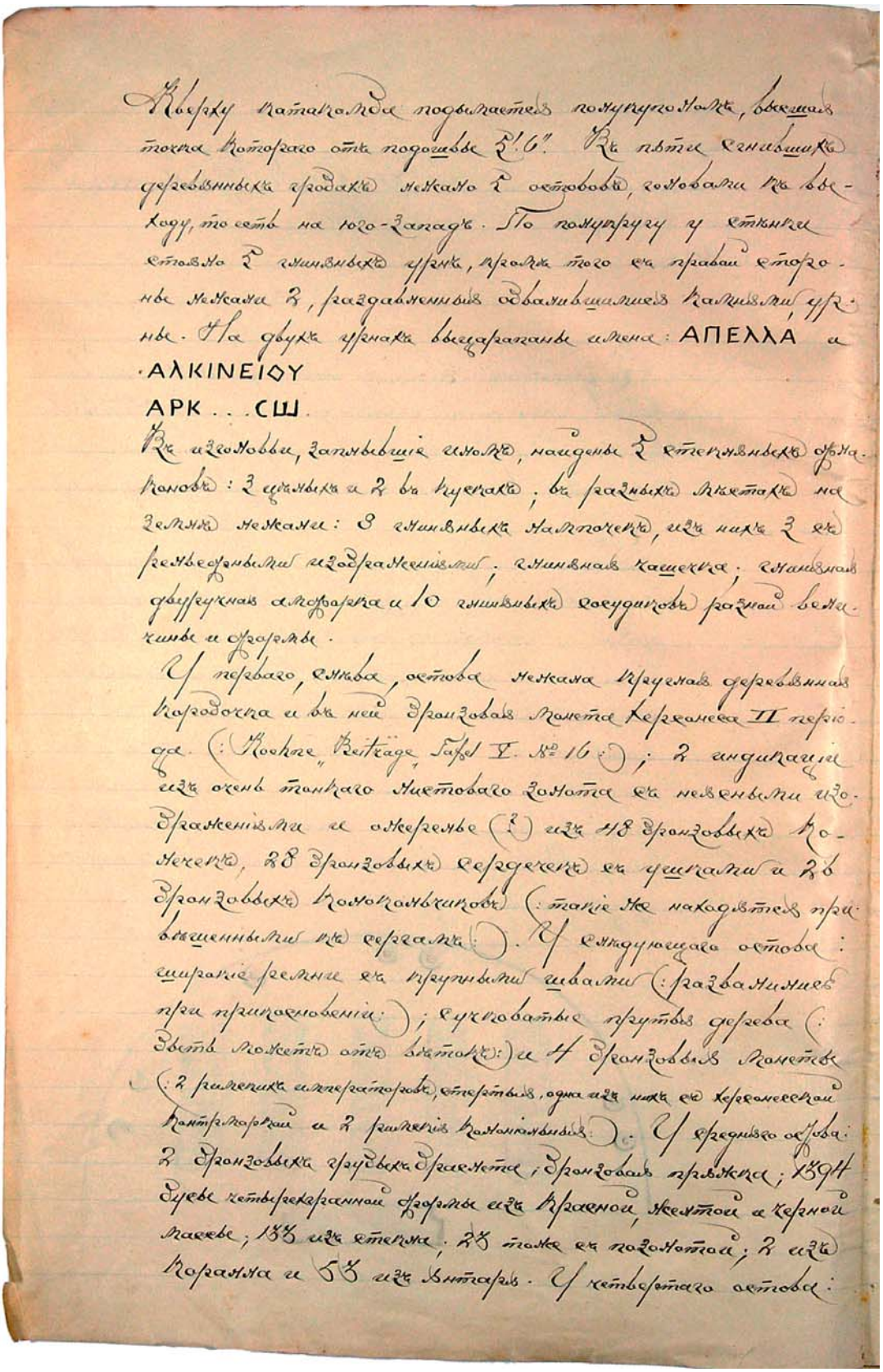

Рис. 22. Отчет заведующего археологическими раскопками Херсонеса и окрестностей за 1891 год//НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 2. Л. 17 об.

Fig. 22. Report of the head of the archaeological excavations of Chersonesos and its environs for 1891//Department of scientific archives, SMP TC. Fund 1. Dosiier 2, sheet 17v.

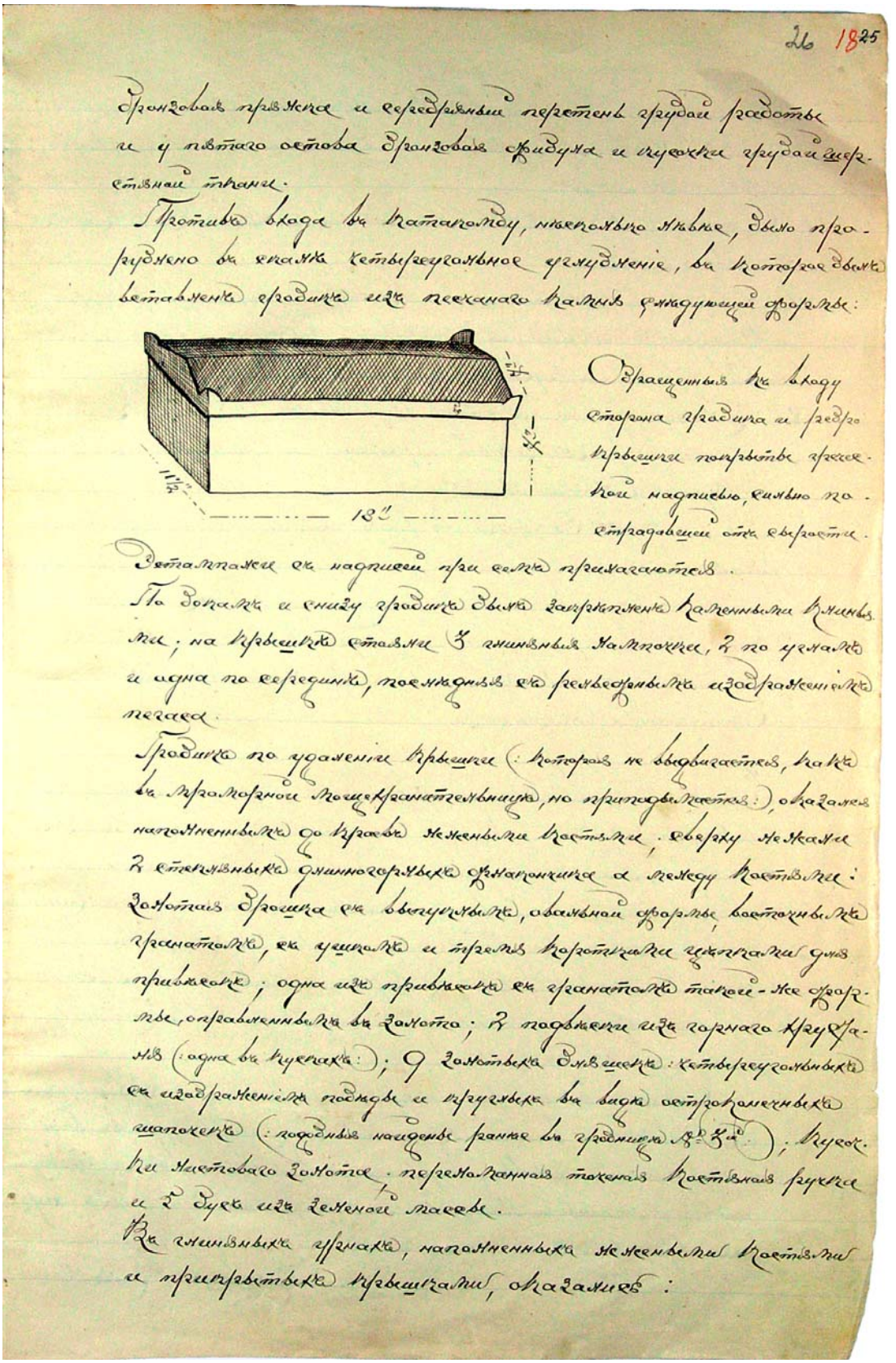

Рис. 23. Отчет заведующего археологическими раскопками Херсонеса и окрестностей за 1891 год//НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 2. Л. 18.

Fig. 23. Report of the head of the archaeological excavations of Chersonesos and its environs for 1891//Department of scientific archives, SMP TC. Fund 1. Dosiier 2, sheet 18.

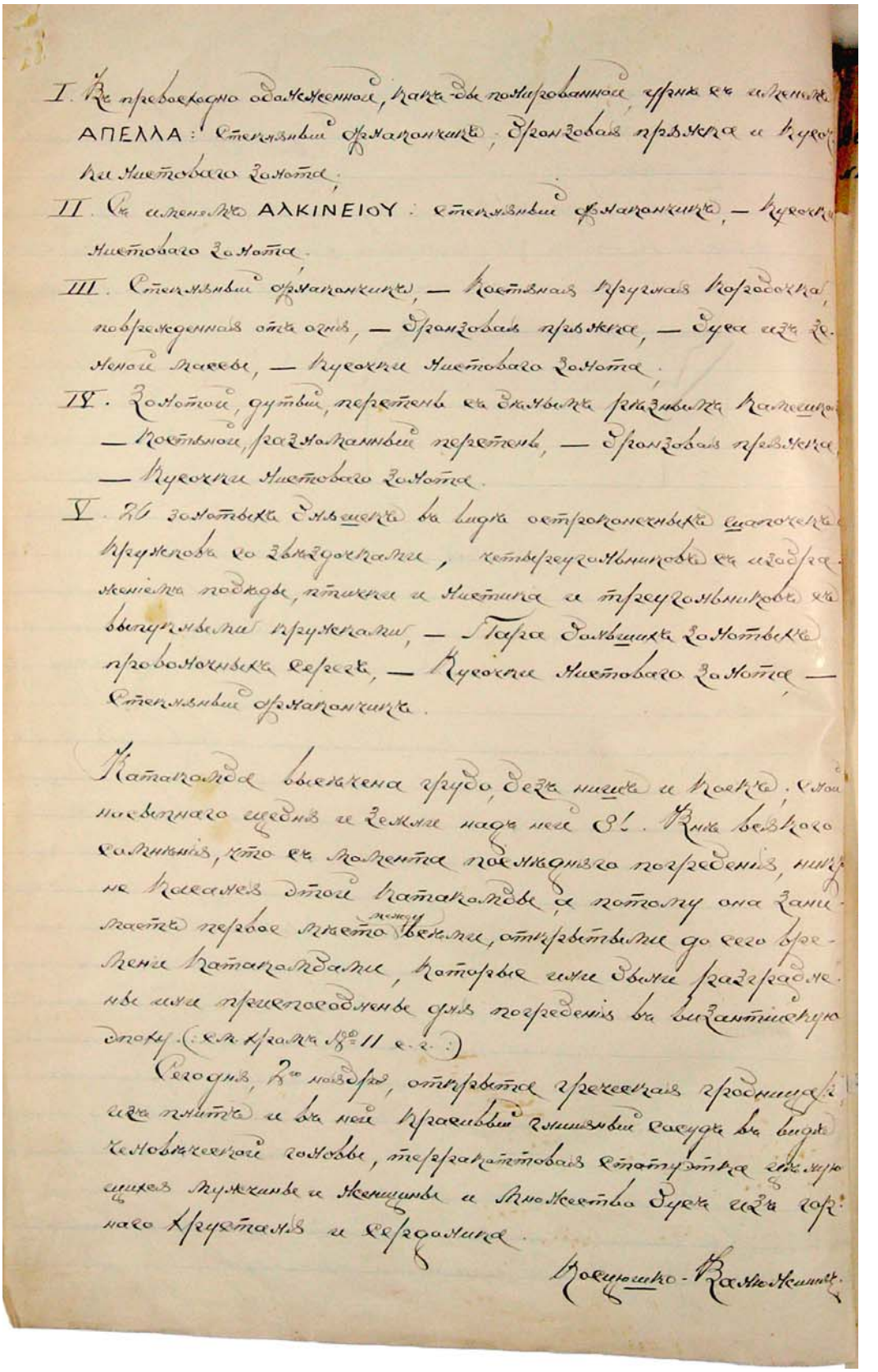

Рис. 24. Отчет заведующего археологическими раскопками Херсонеса и окрестностей за 1891 год//НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 2. Л. 18 об.

Fig. 24. Report of the head of the archaeological excavations of Chersonesos and its environs for 1891//Department of scientific archives, SMP TC. Fund 1. Dosiier 2, sheet 18v.

References

Ainalov, D.V. 1905. In *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa (Monuments of Christian Chersonessos)* 1. Moscow: Typography of A.I. Mamontov (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Chrzanowski, L. 2000. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 159—166 (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 1997. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 194—207 (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Kostromichev, D.A. 2017. *Kompleksy s iuvelirnymi izdeliiami iz khersonesskogo nekropolia (Assemblage with Jewelry from the Chersonesos Necropolis)* 1. *Materialy raskopok R. Kh. Lepera v 1909—1910 gg. (Materials of Excavations of R. Ch. Leper in 1909—1910)*. Moscow: "Vneshtorgizdat" Publ. (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Novikova, E. Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaia, M.S. 2017. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Iuvelirnye izdeliia iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia) (Gold of Tauric Chersonesos: Jewelry from Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: "Vneshtorgizdat" Publ. (in Russian).

Zubar, V.M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n. e. (Necropolis of Chersonessos Taurian from the 1st—4th Centuries BC)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Kadeev, V.I. 1981. *Khersones Tavricheskii v pervykh vekakh nashei ery (Tauric Chersonesus in the First Centuries AD)*. Kharkov: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).

Kadeev, V.I. 1985. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 182, 66—69 (in Russian).

Ivanova, A.P., Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G. 1976. *Antichnaia skul'ptura Khersonesa (Antique Sculpture of Chersonesos)*. Kyiv: "Mystetstvo" Publ. (in Russian).

Latyshev, V.V. 1892. *Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v Iuzhnoi Rossii v 1889—1891 gg. (Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1889—1891)*. Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 9. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Mansvetov, I.D. 1872. *Istoricheskoe opisanie drevnego Khersonesa i otkrytykh v nem pamiatnikov (Historical Description of Ancient Chersonesus and Monuments Opened in it)*. Moscow: Sevastopol Department on the Polytechnical Exhibition (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M. Yu. 2007. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e II v. do n.e. — II v.n. e. (Pieces of Thoreutics and Jewellery in Northern Black Sea Region in 2nd Century BC — 2nd Century AD)*. Vol. 2. *Drevniaia torevtika i iuvelirnoe delo v Vostochnoi Evrope (Ancient Thoreutics and Jewelry in Eastern Europe)*. Simferopol; Bonn: "Tarpan" Publ. (in Russian).

Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1891 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1891). 1893. Saint Petersburg (in Russian).

Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1892 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1892). 1894. Saint Petersburg (in Russian).

Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1893 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1893). 1895. Saint Petersburg (in Russian).

Strzheletskii, S.F., Vysotskaia, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4). 27—277 (in Russian).

Takhtai, A.K. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 15, 58—62 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2005—2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 117—328 (in Russian).

Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2010. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (4), 51—90 (in Russian).

Sharov, O.V., Novoselova, N. Yu., Kostromichev, D.A. 2021. In Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (comp.). *XXII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Novye otkrytiia, novye proekty (Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Recent Discoveries, New Projects)*. Series: Bosporan Readings XXII. Simferopol; Kerch: Crimean Federal University; Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Demetra" Publ., 437—443 (in Russian).

IOSPE I 2: Latyshev, V.V. 1916. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. 2nd ed. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici.

IOSPE III 2017. *Inscriptions of Chersonesos and vicinity*. Available at: https://iospe.kcl.ac.uk/3.365.html (accessed 28.06.2022).

Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum — Moscow*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.

Köhne, V. 1848. *Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesus in Taurien*. Saint Petersburg.

Otchet zaveduiushchego arkheologicheskimi raskopkami Khersonesa i okrestnostei za 1891 god (Report of the Head of Archaeological Excavations in Chersonesus and its Neighborhood for 1891). State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", Scientific Archival Department. Fund 1, dossier 2, sheet 15, 15 rev., 16, 17, 17 rev., 18, 18 rev (in Russian).

Skubetov, M.I. 1905. Plan gorodishcha Khersonesa Tavricheskogo (Plan of the Tauric Chersonese Hillfort). State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", Scientific Archival Department. Fund 2, dossier. 160 (in Russian).

Ianyshev, N.M. 1936. Plan nekropolia Khersonesa Tavricheskogo (Plan of Necropolis of the Tauric Chersonese). State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", Scientific Archival Department. Fund 2, dossier 570, sheet 1—12 (in Russian).

Статья поступила в сборник 29 июня 2022 г.

Oleg Sharov. Doctor of Historical Sciences.

Шаров Олег Васильевич. Доктор исторических наук.

Daniil Kostromichyov (Sevastopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. The State Museum-Preserve "Tauric Chersonese"[1].

Костромичев Даниил Александрович (Севастополь, Крым). Кандидат исторических наук. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический».

E-mail: akfill@list.ru

ORCID: 0000-0001-9359-8467

Nadezhda Novoselova (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum[2].

Новоселова Надежда Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: novoselova-n@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0549-0224

Addresses: [1] Drevnyaya St., 1, Sevastopol, 299045, Crimea; [2] Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation

Hommage

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова, А. А. Канапин, А. А. Самсонова, М. Б. Медникова

Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника

Keywords: the Bronze Age, migrations, NGS, STR, SNP, bioinformatics, PCA method

Ключевые слова: эпоха бронзы, миграции, NGS, STR, SNP, биоинформатика, метод главных компонент

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al'borova, A. A. Kanapin, A. A. Samsonova, M. B. Mednikova

New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground

The Fatyanovo archaeological culture, which spread over the territory from Ilmen and Pskov Lake to Kama and Vyatka and from the Vologda region to the Desna river, today is called the "forgotten child" of a large family of Corded Ware cultures. In recent years, the study of the origin of the Fatyanovo people, in many respects, depends on the results of the analysis of ancient DNA. The archaeological DNA of 11 male individuals of the Bronze Age belonging to the Fatyanovo culture from the Volosovo-Danilovo burial ground were comprehensively studied. The STR markers of the Y chromosome were determined by the method of fragment analysis. The obtained haplotypes were indicative of the unity of the haplogroup of the studied individuals, but also of the absence of a close relationship between them. According to the results of NGS performed using a custom panel, SNP markers determining the Y-chromosomal haplogroup R1a (Z93) were reliably (with high coverage) identified, phenotypic signs, such as eye color — brown, hair color — dark, skin color — intermediate. The analysis of the signs of authenticity of archaeological DNA was carried out, the degree of contamination was assessed. The methods of bioinformatic analysis based on the results of NGS of the autosomal part of DNA demonstrated the similarity of the results of sequencing of the studied archaeological DNA samples published earlier, obtained for samples belonging to the Fatyanovo culture by another team of researchers who had used a different method.

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова, А. А. Канапин, А. А. Самсонова, М. Б. Медникова

Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника

В последние годы фатьяновская археологическая культура, являющаяся локальным вариантом культуры шнуровой керамики и боевых топоров, стала популярным объектом генетических исследований. Ранее ее происхождение традиционно строилось на основании инвентаря и выводов антропологов. Сейчас решение вопроса о происхождении фатьяновцев, а также характера их взаимодействия с местным населением, во многом, зависит от результатов анализа древней ДНК, поэтому было начато повторное изучение материалов самого крупного из известных могильников — Волосово-Даниловского. Проведено комплексное исследование археологической ДНК 11 мужских индивидов эпохи бронзы. Методом фрагментного анализа определены STR-маркеры Y-хромосомы, получены гаплотипы, указывающие на единство гаплогруппы исследованных индивидов, но также на отсутствие между ними близкого родства. По результатам NGS, выполненного с применением кастомной панели, надежно (с высоким покрытием) выявлены SNP маркеры, определяющие Y-хромосомную гаплогруппу R1a (Z93), фенотипические признаки, например, цвет глаз — карий, цвет волос — темный, цвет кожи — промежуточный. Проведен анализ признаков аутентичности археологической ДНК, оценена степень контаминации. Методами биоинформационного анализа по результатам NGS аутосомной части ДНК показана близость результатов секвенирования исследованных образцов археологической ДНК к опубликованным ранее, полученным для образцов, относящихся к фатьяновской культуре, другим научным коллективом иным методом.

Research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research no. 20-29-01002 "Migrations of the population of the Bronze Age in the forest belt on the Russian Plain according to paleogenetics and archeology" ■ Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-29-01002 «Миграции населения эпохи бронзы в лесной полосе на Русской равнине по данным палеогенетики и археологии».

© А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова, А. А. Канапин, А. А. Самсонова, М. Б. Медникова, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL22115128

Введение

Фатьяновскую археологическую культуру, распространившуюся в Волго-Окском междуречье и на сопредельных территориях в 3 тыс. до н. э., сегодня называют «забытым ребенком» большой семьи шнуровиков (Nordqvist, Heyd 2020). Ее появление в европейской части современной России рассматривается большинством исследователей как свидетельство миграций с запада представителей культур шнуровой керамики или боевых топоров (Крайнов 1972). Отнести памятники к эпохе бронзы дало основание наличие бронзовых изделий.

Для обоснования гипотезы о происхождении фатьяновской культуры с западных территорий традиционно приводились данные археологии и биологической антропологии (краниологии).

Краниологические материалы были обследованы Р. Я. Денисовой (1975) на широком сравнительном фоне центральноевропейских выборок. По ее заключению, фатьяновцы Волго-Окского междуречья составляли единую группу с племенами культур боевых топоров Эстонии и висло-неманской культурой в Польше. Другая группа, объединенная сходством краниологических особенностей, включает племена шнуровой керамики Саксонии-Тюрингии, юго-западной Германии и Чехии. Третья группа культур шнуровой керамики представлена племенами юго-востока Польши и Словакии, которые могли быть близки населению запада Украины. При этом верхневолжские фатьяновцы демонстрировали достаточное морфологическое разнообразие. Так, при сравнении с сериями черепов из «ранних» фатьяновских могильников (Воронковский, Галузинский, Ивановогорский, Ковровский, Милославский, Наумовский, Никульцинский, Олочинский, Тимофеевский, Халдеевский) для поздней группы, к которой принадлежит население, оставившее Волосово-Даниловский могильник, было отмечено уменьшение продольного диаметра, увеличение поперечного и снижение высотного диаметра мозгового отдела, увеличение угла затылочного отверстия, уменьшение высоты, ширины лица и угла выступания носа. Р. Я. Денисова связывала эти морфологические изменения с т. н. эпохальным сдвигом, т. е. с действием микроэволюционных процессов.

Наибольшее внимание уделяется решением вопроса о происхождении фатьяновцев, а также характере их взаимодействия с местным населением, во многом на основании результатов анализа древней ДНК.

Предметом нашего исследования стали антропологические материалы из самого большого из раскопанных в Верхнем Поволжье Волосово-Даниловского могильника. Крупнейший погребальный памятник фатьяновской культуры находится в Ярославской области, в пятнадцати километрах к северо-северо-востоку от деревни Фатьяново. Здесь на площади ок. 2400 м^2 Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Д. А. Крайнова в 1962—1964, 1966—1969 гг. в 107 могилах были раскопаны погребения 117 индивидов (Крайнов, Гадзяцкая 1987: 58). Исследователем могильника отмечен довольно единообразный характер погребального обряда и сопровождающего инвентаря.

Д. А. Крайнов предложил соотнести этот могильник с поздним этапом фатьяновской культуры. В то время он датировал его примерно второй четвертью II тыс. до н. э. (или XVII—XVI вв. до н. э.) (Крайнов, Гадзяцкая 1987: 38, 39). Тогда он интерпретировал радиоуглеродную дату по углю из могилы 58 (Ле-1044—3650±80) как «около 1700 г. до н. э.» (Крайнов, Гадзяцкая 1987: 38). Калибровка этой даты с использованием программы OxCal v4.4.4 дает возрастной интервал образца 2140—1922 calBC (68.3%) лет до н. э., т. е. уже позволяет соотнести памятник с концом III — началом II тыс. до н. э. А недавно введенная в научный оборот новая прямая дата по образцу костной ткани из погребения 11 Волосово-Даниловского могильника (2572—2299 кал. лет до н. э., Saag *et al.*: 2021) существенно удревняет этот комплекс.

По заключению Д. А. Крайнова, погребения Волосово-Даниловского могильника претерпели частичное разграбление еще в древности, и, по-видимому, наибольший интерес у грабителей вызывали металлические артефакты (Крайнов 1964: 74). Захоронения также пострадали при хозяйственных работах в 1930-е гг. и на рубеже 1950—60-х гг. Заметный вред сохранности могильных ям принесла активность барсуков, рывших здесь свои норы. Как отмечает Е. В. Волкова, проведшая ревизию архивных материалов, совсем непотревоженными остались лишь 28 погребений (Волкова 2012). Тем не менее, в процессе полевых исследований даже в нарушенных захоронениях были найдены многочисленные предметы материальной культуры, в том числе, около четырехсот глиняных сосудов, а также каменные сверленые топоры-молотки, крем-

невые клиновидные топоры, кремневые орудия и отщепы, изделия и украшения из меди и кости, кости животных (рис. 1, 2).

Сохранность костных материалов из могильника неплохая, но поскольку захоронения были потревожены многие останки людей перемещены внутри могильных ям.

Коллекция фатьяновских черепов из Волосово-Даниловского могильника хранится в лаборатории реконструкции Института этнологии и антропологии РАН. Недавно по образцам зубов, собранных в этом хранении, была опубликована статья, посвященная анализу древней ДНК (Saag et al. 2021). Авторы исследования пришли к выводу о генезисе носителей фатьяновской культуры на базе миграции смешанного населения из Центральной Европы через балтийский регион, потомков ямников и европейских ранних земледельцев. Была отмечена близость этого населения представителям культур шнуровой керамики. В работе был исследован единственный образец из Волосово-Даниловского могильника, происходящий из женского погребения (№11)[1].

Но значительная часть антропологических материалов из этих раскопок, преимущественно посткраниальные скелеты, в 1992 г. были переданы для хранения и изучения в Институт археологии РАН. Эта коллекция из останков 45 индивидов послужила основой для междисциплинарного проекта, объединяющего данные археологии, биологической антропологии и палеогенетики. Так, у некоторых мужчин Волосово-Даниловского могильника были выявлены характерные травмы левой руки в области локтевого сустава и кисти (Медникова и др. 2022). Они имеют непосредственные аналогии с боевыми ранениями, описанными исследователями останков носителей культур шнуровой керамики с территорий Германии и Польши. Палеопатологические выводы о возможной принадлежности фатьяновцев к единой культурной общности со шнуровиками нашли подтверждения в предварительных результатах анализа древней ДНК из конкретных погребений из Ойлау (Eulau), на территории совр. в Германии, показавшего близость с центрально-европейской группой культуры шнуровой керамики.

Предлагаемая вниманию публикация, во многом, носит методический характер. Она посвящена оценке степени сопоставимости результатов изучения древней ДНК разными лабораториями (Тартусской и лаборатории исторической генетики МФТИ, г. Москва).

Материал

В рамках данной работы проанализированы образцы 11 индивидов из раскопок Волосово-Даниловского могильника:

1. Погребение 10. Подросток, около 12 лет. Образец костной ткани[2].
2. Погребение 13. Мужчина, 30—35 лет. Образец костной ткани.
3. Погребение15. Мужчина, 45—49 лет. Образец костной ткани.
4. Погребение 17. Мужчина, 40—44 года. Образец костной ткани.
5. Погребение 22. Мужчина, 25—29 лет. Образец костной ткани.
6. Погребение 22а. Мужчина, 35—45 лет. Образец костной ткани.
7. Погребение 24. Мужчина, 25—29 лет. Образец костной ткани.
8. Погребение 28. Мужчина, 40—44 года. Образец костной ткани.
9. Погребение 30. Мужчина, 40—44 года. Образец костной ткани.
10. Погребение 51. Взрослый мужчина. Образец костной ткани.
11. Погребение 57. Мужчина, 25—29 лет. Останки этого человека в хранении ИА РАН представлены нижней челюстью со всеми зубами. Поэтому для экстракции древней ДНК был отобран моляр.

[1] Приведенный в данной статье номер некорректен, так в отчетной документации указано, что человеческих останков в погребении 11 найдено не было.

[2] В отчете Д. А. Крайнова о полевых исследованиях и в последующих публикациях (Волкова 2012), погребение №10 фигурирует как одиночное. Но уже при рассмотрении чертежей погребения, очевидно, что найденные в середине могилы бедренные кости имеют разную длину. Результаты антропологического обследования останков из хранения ИА РАН, как и данные из отчета, дают основание полагать, что оно было парным. Сохранившиеся останки первого погребенного представлены левой бедренной костью мужчины 25—29 лет. Его длина тела, реконструированная по формуле Троттер, Глезер для европеоидов (Алексеев 1966: 239) составила около 172 см. Вторая бедренная кость, также левая, принадлежала ювенильному индивиду. Все эпифизы еще не приросли, поэтому была измерена диафизарная длина. Сопоставление со стандартами продольного развития детей XX века указывает на возраст ребенка около 11 лет (Schaefer et al. 2009: 267). Впрочем, в публикациях, посвященных проблемам палеоауксологии, неоднократно отмечалось отставание ростовых процессов у детей прошлого от современных, поэтому реальный возраст ребенка из погребения 10 мог быть на несколько лет больше. Источником для анализа древней ДНК послужил фрагмент костной ткани этого подростка.

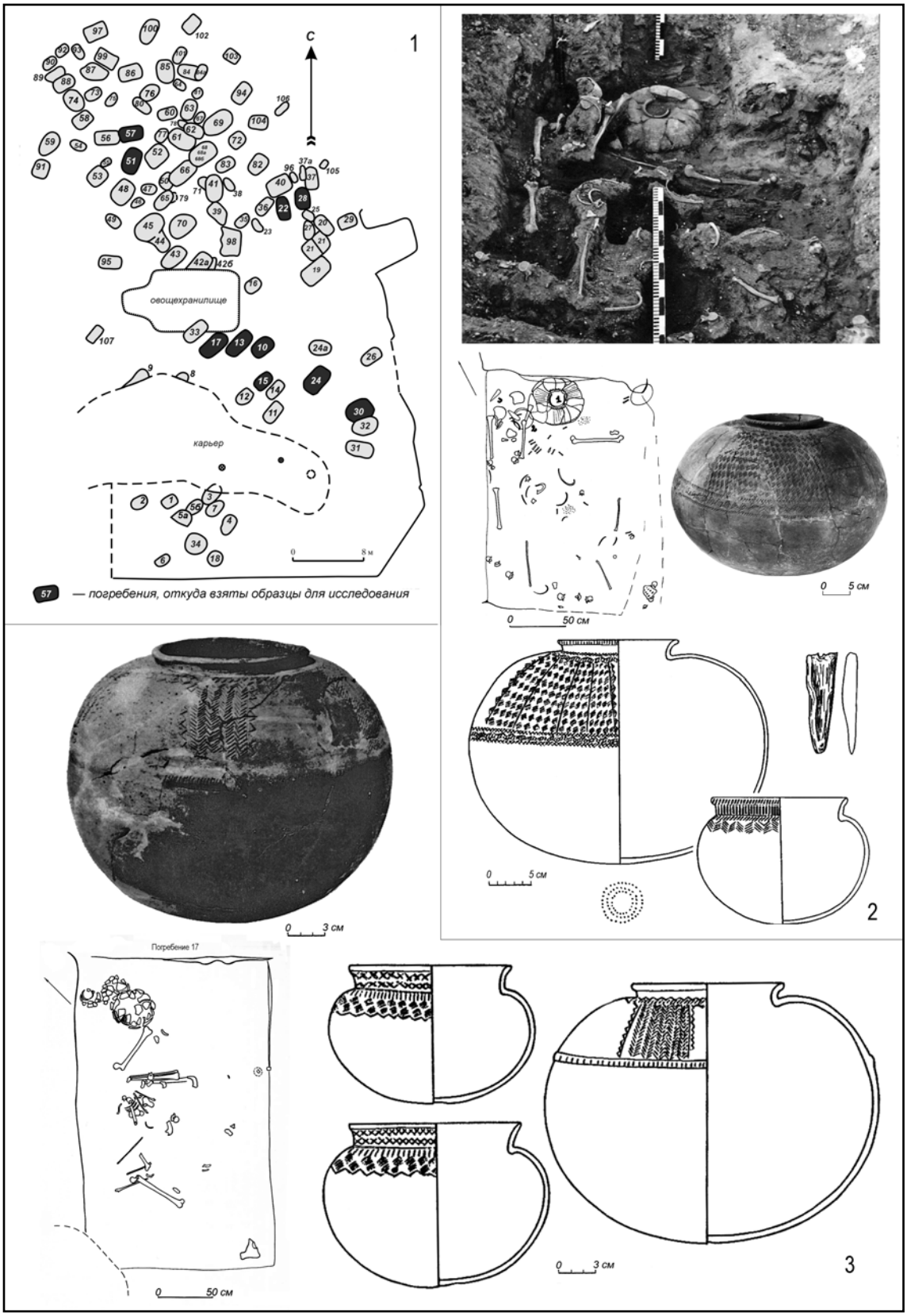

Рис. 1. Волосово-Даниловский могильник: 1 — схема могильника с указанием погребений, откуда взяты образцы для анализа ДНК; 2 — погребение 13. Фото, план, инвентарь; 3 — погребение 17. План, инвентарь.

Fig. 1. Volosovo-Danilovsky burial ground: 1 — scheme of the burial ground indicating burials where samples were taken for DNA analysis; 2 — burial 13. Photo, plan, inventory; 3 — burial 17. Plan, inventory.

Рис. 2. Волосово-Даниловский могильник: 1 — погребение 30. Инвентарь; 2 — погребение 51. План, инвентарь, фото; 3 — погребение 57. План, инвентарь.

Fig. 2. Volosovo-Danilovsky burial ground: 1 — burial 30. Inventory; 2 — burial 51. Plan, inventory, photo; 3 — burial 57. Plan, inventory.

Генетические исследования

Подходы по защите археологической ДНК от контаминации

Все работы по пробоподготовке образцов и выделению ДНК проводились в «условно чистом» лабораторном помещении, оснащенном независимой системой вентиляции, которая обеспечивает предварительную очистку атмосферного воздуха и создаёт избыточное давление в помещении. В «чистой» зоне установлена система перчаточных боксов, соединённых между собой передаточными камерами. Перчаточные боксы обеспечивают физическое отделение рабочей зоны от окружающей среды, а передаточные камеры — перемещение образцов, расходных материалов и инструментов внутрь боксов без попадания воздуха из одного бокса в другой.

Перчаточные боксы оснащены лампами УФ облучения, так же они заполнены атмосферой из азота особой чистоты, являющимся нейтральным для выполняемых в боксах процедур. В этом же лабораторном помещений установлен газогенератор, непрерывно генерирующий азот особой чистоты (Стасюк и др. 2020; Сиротин и др. 2019; Мустафин и др. 2022).

Каждый бокс предназначен для определенного этапа работы с древними образцами. Первый — для механической очистки образцов, второй — для ультразвуковой «обдирки», третий — для измельчения образцов до состояния костной муки, четвертый — для выделения ДНК, пятый — для мокрых работ до ПЦР амплификации. Внутри каждого бокса размещено необходимое оборудование и дополнительные УФ-лампы. Работы в одном боксе должны осуществляться только с одним археологическим образцом, после чего бокс и его содержимое должны тщательно обрабатываться гипохлоритом натрия, промываться сверхчистой водой, облучаться УФ-излучением и продуваться особо чистым азотом. На подготовку бокса после каждого эксперимента требуется порядка 3-х часов (Стасюк и др. 2020; Сиротин и др. 2019; Мустафин и др. 2022).

Так, в боксах достигается высокая степень чистоты и отсутствие следов ДНК от предыдущих экспериментов с археологическими образцами и ДНК из внешней атмосферы.

Все работы по ПЦР амплификации, приготовлению NGS библиотек проводятся на другом этаже в изолированном от современной ДНК лабораторном помещении в специальных перчаточных боксах также с газовой средой из азота высокой чистоты.

Важным достоинством описанной системы перчаточных боксов является сравнительно невысокие затраты на их разработку и изготовление, а также низкие эксплуатационные расходы. При этом увеличение количества перчаточных боксов позволяет увеличить количество исследуемых археологических образцов (Стасюк и др. 2020; Сиротин и др. 2019; Мустафин и др. 2022).

Пробоподготовка костных и зубных археологических образцов к выделению из них ДНК

В специализированном перчаточном боксе лаборатории МФТИ установлено стоматологическое прецизионное оборудование, с помощью которого очищались зубы от эмали. Для удаления загрязнения с костей и зубов проводилась кавитационная очистка в ультразвуковой мойке и ультрачистой воде. Затем образцы зубов и костей облучались УФ по 2 минуты с каждой стороны (Стасюк и др. 2020; Сиротин и др. 2019; Мустафин и др. 2022).

Как было показано в ранее опубликованной работе (Adler et al. 2011), при измельчении дентина и богатого ДНК цементита выделяется ДНК больше по сравнению с тем, что выделяется из порошка дентина, высверленного из корня зуба. Поэтому измельчению до состояния костной муки подвергался весь очищенный корень зуба. Измельчение проводилось в шаровой мельнице FRITSCH Pulverisette 23.

Выделение ДНК

ДНК выделялась из костного или зубного порошка массой 0.2 г. в соответствии с протоколом (Dabney et al. 2013). В одном боксе выделялась ДНК только из одного археологического образца и отрицательного контрольного образца для отслеживания уровня контаминации.

Анализ STR маркеров Y-хромосомы у мужских индивидов

С использованием набора реактивов Yfiler™ Plus PCR Amplification Kit (TFS, USA), осу-ществлялось генотипирование аДНК 27 STR маркеров Y-хромосомы (DYS438, DYS627, DYS458, DYS437, DYS391, DYS392, DYS635 (Y GATA C4), DYS19, DYS390, DYS439, DYS456, DYS393, DYS449, DYS387S1 a/b, DYS576, DYS460, DYS533, DYS389 I/II, DYS570, DYS385 a/b, DYS481, YGATA H4, DYS518, DYS448) всех мужских индивидов.

NGS

Таргетное секвенирование осуществлялось с помощью специально разработанной панели зондов для обогащения выбранных участков генома с использованием метода гибиридизации. Кастомная панель маркеров включает 700 SNP Y-хромосомы локуса NRY, полную митохондриальную ДНК и 100 SNP, связанных с предсказанием фенотипических признаков.

Контроль качества полученных библиотек производился на приборе Agilent Bioanalyzer 2100 с помощью набора реагентов High Sensitivity Kit (Agilent Technologies) по протоколу производителя.

NGS секвенирование проводилось на секвенирующей платформе Miseq (Illumina). Подготовка образцов и запуск осуществлялись согласно протоколам Illumina (Reagent Kit v2 300-cycles).

Первичная обработка NGS данных, включая бейсколинг и демультиплексирование, была выполнена с использованием программного обеспечения MiSeq Control/RTA (Illumina). Сырые прочтения для каждого образца были предварительно обработаны с использованием программы PRINSEQ-lite (Schmieder et al. 2011) для исключения последовательностей низкого качества (среднее качество прочтения Q score < 25) и коротких фрагментов (длина чтения < 50 нуклеотидов). Проведение картирования осуществлено на референсный геном человека (GRCh38) с использованием программного пакета BWA (Schmieder et al. 2011). Проведение поиска SNP и аннотирование SNP проведено с использованием программного пакета GATK (McKenna et al. 2010). При этом, были отфильтрованы варианты, которые не соответствовали следующим критериям: глубина прочтения > 15x, качество картирования > 35. Гаплогруппы Y-хромосомной ДНК были определены с использованием баз данных ISOGG.

Сравнение генетических вариантов, представленных в образцах F12 (погребение 10) и F33 (погребение 57), производилось с 33 образцами, проанализированными в статье (*Saag* et al. 2021) (рис. 3). Сырые данные секвенирования, описанные в статье, были загружены из репозитория SRA, выравнивание на референсный геном и поиск вариантов производились по методам, описанным выше. Анализ методом главных компонент производился с помощью пакета SNPrelate, версия 1.30.1 (*Zheng* et al. 2012). Число биаллельных SNP, использованных для анализа, составило 4253.

Оценка относительных частот ДНК модификации C/T и G/A замен была рассчитана как отношение C/T замен к количеству других возможных однонуклеотидных замен в конкретном положении от концов секвенированного фрагмента по методу (Briggs et al. 2007).

Оценку контаминации археологической ДНК со стороны современной ДНК оценивали с помощью анализа полиморфизма известных SNP мутации древних и современных геномов, частота которых хорошо известна для современных человеческих популяций (Fu, Mittnik et al. 2013; Green et al. 2010; Rasmussen et al. 2011; Kousathanas et al. 2016).

Результаты исследования

Фрагментный анализ Y-хромосомы

Результаты микросателлитных исследований в палеогенетике, благодаря относительно малой длине и большому количеству копий в геноме некоторых STR локусов Y-хромосомы и аутосомных хромосом, были получены и опубликованы в ряде работ (Haak et al. 2008; Zvénigorosky et al. 2019; Csáky et al. 2020; Стасюк и др. 2020; Сиротин и др. 2019). Использование этого метода исследований особенно важно для групповых захоронений, поскольку позволяет выявить близость родства исследуемых индивидов.

Необходимо также отметить, что согласованность результатов анализа STR маркеров и SNP маркеров Y-хромосомы, полученных с помощью разных методов (PCR и NGS), является ещё одним дополнительным доказательством отсутствия контаминации со стороны современной ДНК.

В результате фрагментного анализа 27 STR локусов Y-хромосомы 9-ти фатьяновских индивидов были получены гаплотипы и предсказаны гаплогруппы Y-хромосомы (табл. 1). Наилучший результат получен для образца F33 (погребение 57), по которому определены все 27 STR локусов Y-хромосомы. Напротив, для образца F12 (подросток из погребения 10) удалось считать всего 15 локусов из 27, но в палеогенетике редко получают даже подобные гаплотипы, из-за плохой сохранности ДНК. По остальным образцам получены 26 (F20), 25 (F24, F27), 22 (F16, F17) STR локусов Y-хромосомы (табл. 1). Для всех мужских индивидов по полученным STR гаплотипам предсказана гаплогруппа R1a (nevgen.org).

В работе В. Хаака и его соавторов (Haak et al. 2008) были исследованы образцы из общности культуры шнуровой керамики уже упоминавшегося памятника Ойлау в Германии,

Таблица 1.

Результаты фрагментного анализа Y-хромосомы ДНК образцов фатьяновской культуры и образцов из культуры шнуровой керамики

Номер образца	DYS-393	DYS-390	DYS-19	DYS-391	DYS-385 a	DYS-385 b	DYS-439	DYS-389 I	DYS-392	DYS-389 II	DYS-458	DYS-437	DYS-448
F-12	13	25	16	11		14	11		11	31		14	20
F-16	13	25		10		14	11		11	29	15	14	20
F-17	14	25	16	11	11	15		13	11		15	14	
F-20	13	25	16	11	11	14	10	13	11	31	15	14	20
F-21	13	25	16					13			15	14	
F-24	13	25	16	11	11	14	10	13	10	31	15	14	
F-27	13	25	16		11	14	10	13		31	15	14	20
F-31													
F-33	13	25	16	10	11	14	10	13	10	31	15	14	20
Eulau-1	14			11		14		13			15		
Eulau-2	14	25	16	11	11		10	13		30	15	14	19
Eulau-3	14												

частью этой общности и является и фатьяновская культура. Для 3-х из 5 мужских индивидов из Ойлау удалось получить STR профиль Y-хромосомы (табл. 1) и предсказана у всех индивидов одна и та же гаплогруппа — R1a.

Ранее у нескольких мужчин, погребенных в Волосово-Даниловском могильнике, были выявлены достаточно специфические зажившие травмы костей левой руки, по всей видимости, причиненные боевым топором (Медникова и др. 2022). Единственные аналогии этим травматическим повреждениям были описаны у представителей культур шнуровой керамики на территории Германии (Ойлау) и в Польше (Крушин/Kruszyn), где они были интерпретированы как военные (оборонительные) ранения (Meyer et al. 2009; Pospieszny et al. 2015).

Параллельно, наряду аналогиям в топографии и особенностях травм у фатьяновцев Волосово-Даниловского могильника и индивидов из Ойлау (культура шнуровой керамики), свидетельствовавших о сходной тактике боя, было выявлено также сходство и предсказанных гаплогрупп. Однако только с помощью NGS возможно уточнить субварианты гаплогруппы R1a и выявить степень общности происхождения древнего населения культуры шнуровой керамики Западной Европы и фатьяновской культуры России.

Анализ Y-хромосомы

С использованием кастомной панели маркеров было осуществлено секвенирование Y-хромосомы 9-ти мужских индивидов фатьяновской культуры. Благодаря секвенированию Y-хромосомы подтверждены все гаплогруппы Y-хромосомы, ранее предсказанные по полученным STR гаплотипам Y-хромосомы) (табл. 1), и уточнены их субварианты (табл. 2).

В результате секвенирования Y-хромосомы 9-ти фатьяновцев были определены гаплогруппы Y-хромосомы (табл. 1). Минимальная глубина прочтения составила x18 прочтения, максимальная x1260 прочтения. У 8-ми индивидов была обнаружена одна и та же линия гаплогруппы R1a — **R1a1a (M198) → R1a1a1b (S224) → R1a1a1b2 (F992 или Z93)** (табл. 1)**.** Лишь у одного индивида (F16) была обнаружена неполная линия с одной мутацией **R1a1a1b (S224)** из-за низкого покрытия ДНК. В статье (Saag et al. 2021), в которой исследованы 18 мужских образцов из фатьяновской культуры, у 6 мужских индивидов также обнаружена гаплогруппа **R1a1a1b2 (F992 или Z93)** с удовлетворительным покрытием, у 8-ми индивидов найдены предковые варианты **R1a-M417** и **R1a-Z645** с очень низким покрытием. И лишь у одного индивида была обнаружена гаплогруппа **R1a5-YP1301**. Здесь мы наблюдаем большее разнообразие вариантов гаплогруппы **R1a.** Но важно отметить, что у большего числа образцов выявлены лишь предковые варианты с очень низким покрытием. Возможно, при достаточном покрытии Y-хромосомы, удалось бы выявить и их производные ветки.

(продолжение Таблицы 1).

Номер образца	DYS-449	DYS-460	Y-GATA-H4	DYS-456	DYS-576	DYS-570	DYS-438	DYS-481	DYS-533	DYS-635	DYS-627	DYS-518	F387S1 a	F387S1 b
F-12	32						11		12				37	38
F-16	31	12	12	15	18	20		23	12	24		41	37	38
F-17			13	16	18	19	11	24	12	23	17	43	38	39
F-20	32	12	12	16	18	19	11	23		23	18	43	37	38
F-21	32	12	13	16	18	19	11	23		23		43	37	38
F-24	32	12	13	16	18	19	11	23		23	17	43	37	38
F-27	32	12	12	16	18	19	11	23	12	23	18	43	37	38
F-31														
F-33	32	12	13	16	18	19	11	23	12	23	17	42	37	38
Eulau-1			13	16										
Eulau-2			13	16			11							
Eulau-3			13	16										

Выраженные частоты **(R1a1a1b2-F992 или Z93)** сегодня встречаются в Южной Сибири среди алтайцев и хакасов (> 30%), также сравнительно небольшие частоты встречаются среди татар Поволжья (5%), в Кыргызстане (6%) и во всех популяциях Ирана (1—8%) (Underhill et al. 2015).

Анализ аутосомных маркеров

Сравнение генетических вариантов методом PCA, представленных в образцах F12 и F33, производилось с 33 образцами, проанализированными в статье (Saag et al. 2021) (рис. 1). Число биаллельных SNP, использованных для анализа, составило 4253.

С помощью PCA анализа показано, что образцы F12 и F33 фатьяновской культуры из Волосово-Даниловского могильника генетически близки к образцам, относящимся к той же культуре из ряда могильников (рис. 3), которые были опубликованными ранее (Saag et al. 2021).

Фенотипические признаки

Прогнозирование фенотипа было выполнено для всех образцов фатьяновской культуры. Для предсказания пигментации глаз, волос и кожи были секвенированы 41 позиции из 19 генов в 9 аутосомных хромосомах и загружены в онлайн программу-предиктор HIrisPlex-S (https://hirisplex.erasmusmc.nl/). В результате предикции цвета глаз, волос и кожи оказалось, что все индивиды фатьяновской культуры были носителями аллелей, отвечающих за карие глаза, кожу промежуточных оттенков и каштановые волосы. В исследовании (Saag et al. 2021) по образцам из фатьяновской культуры получены аналогичные результаты.

C-T замены

В древней ДНК помимо фрагментации существуют другие химические модификации. Самая распространенная и наблюдаемая нуклеотидная модификация в археологической ДНК — дезаминирование цитозина до урацила в условиях высокой влажности. Данная модификация не мешает в работе с ДНК, так как в процессе ПЦР ДНК-полимераза заменяет в реплицируемой цепи ДНК урациловые основания на тиминовые, что в свою очередь приводит к вставке в комплементарную цепь ДНК адениновых оснований. В результате в последовательности ДНК образуются характерные для древней ДНК модификации C/T и G/A замены. Повышенные частоты замен C/T и G/A как правило наблюдаются в последних пятисеми основаниях на концах фрагментов археологической ДНК (Briggs et al. 2007, Dabney et al. 2013). Частота C/T и G/A замен снижается до уровня частоты других замен после пятого-седьмого нуклеотида от начала/конца фрагмента (Briggs et al. 2007). Одним из возможных объяснений наблюдаемого эффекта является наличие одноцепочечных выступающих концов в археологической ДНК, а скорость дезаминирования цитозина в одноцепочечных фрагментах на два порядка выше, чем в двухцепочечной ДНК (Lindahl 1993).

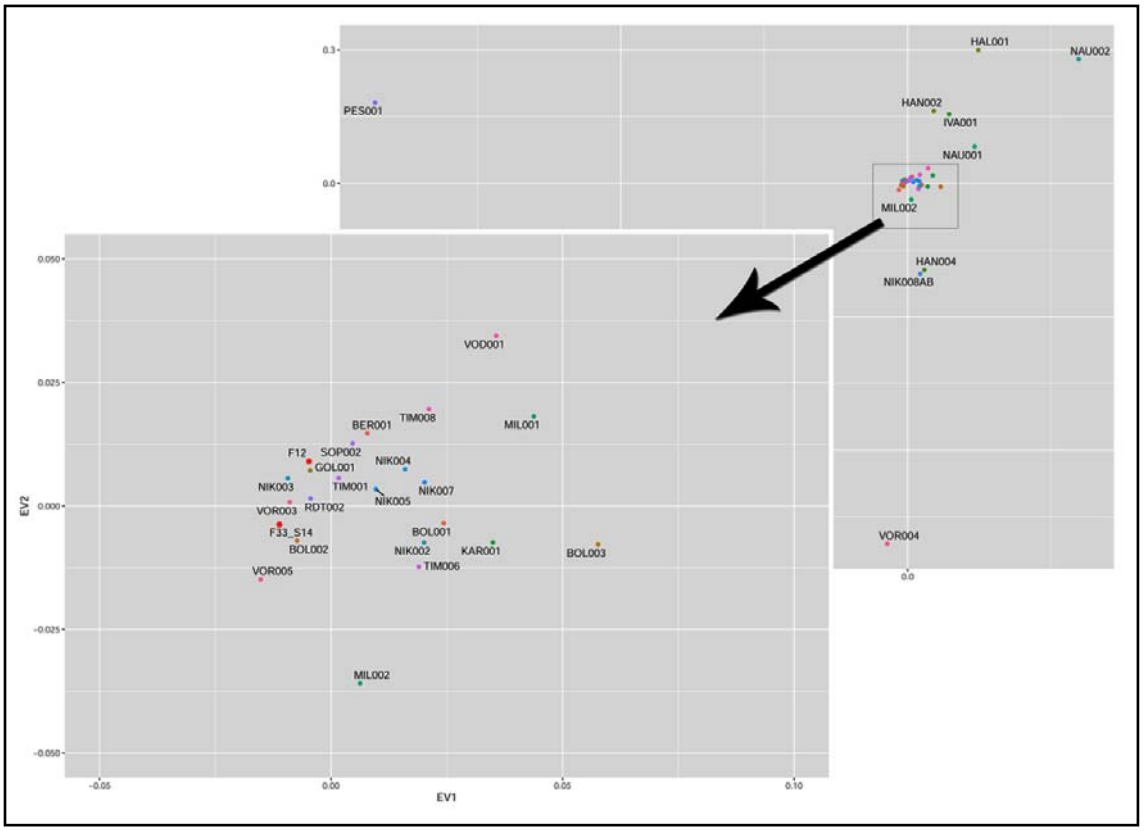

Рис. 3. Результаты PCA анализа.

Fig. 3. Results of PCA analysis

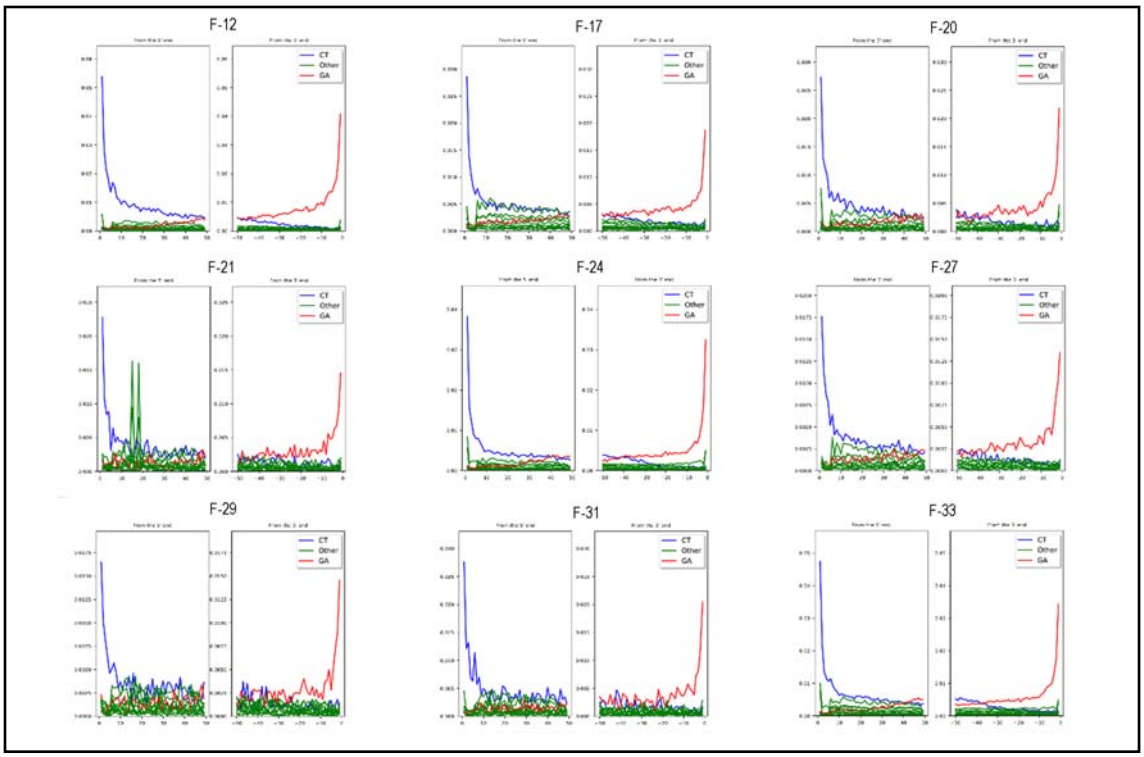

Рис. 4. Частота C/T и G/A замен по 9 индивидам.

Fig. 4. Frequency of C/T and G/A substitutions for 9 individuals

Таблица 2.

Результаты секвенирования Y-хромосомы

Номер образца	Качество прочтения SNP	Глубина прочтения SNP маркеров Y-хромосомы	Маркер SNP	Гаплогруппа
F12	5176.77	187	F992	R1a1a1b2
	7808.77	312	S224	R1a1a1b
	4983.77	203	M198	R1a1a
F16	351.77	116	S224	R1a1a1b
F17	9010.77	350	F992	R1a1a1b2
	10929.77	365	S224	R1a1a1b
	7021.77	247	M198	R1a1a
F20	3400.77	126	F992	R1a1a1b2
	4093.77	166	S224	R1a1a1b
	2199.77	86	M198	R1a1a
F21	556.77	22	F992	R1a1a1b2
	515.77	22	S224	R1a1a1b
	253.77	30	M198	R1a1a
F24	33824.77	1260	F992	R1a1a1b2
	24965.77	908	S224	R1a1a1b
	16165.77	641	M198	R1a1a
F27	2349.77	96	F992	R1a1a1b2
	4290.77	161	S224	R1a1a1b
	3645.77	143	M198	R1a1a
F31	978.77	42	F992	R1a1a1b2
	391.77	34	S224	R1a1a1b
	415.77	18	M198	R1a1a
F33	35526.77	1213	F992	R1a1a1b2
	27755.77	950	S224	R1a1a1b
	24747.77	862	M198	R1a1a

По результатам таргетного секвенирования 9-ти археологических образов проанализированы относительные частоты нуклеотидных C/T и G/A замен. Относительные частоты рассчитаны как отношение C/T замен к количеству других возможных однонуклеотидных замен в конкретном положении от концов секвенированного фрагмента. На рис. 4 показаны, что частоты C/T и G/A замен резко увеличены на 5' и 3'-концах ДНК, тогда как другие типы замен выявлены со значительно меньшей частотой. Но при этом замены C/T и G/A распределены по молекулам ДНК по-разному: частота замен C/T повышена по сравнению с другими заменами в положении 5', в то время как частота G/A замены повышена в 3' положении в молекулах ДНК. Наблюдаемый паттерн распределения C/T и G/A замен характерен для полногеномных исследований древней ДНК с двуцепочечным методом приготовления NGS библиотек (Briggs et al. 2007).

Расчет контаминации

Оценка загрязнения археологической ДНК проведена на основе данных секвенирования X-хромосомы. Данный метод основан в анализе полиморфизма известных SNP мутации древних и современных геномов, частота которых хорошо известна для современных человеческих популяций. В случае гаплоидных локусов, таких как мтДНК и нерекомбинирующая часть X-хромосомы, определяющая половую принадлежность индивида, должен присутствовать только один вариант аллеля. Наличие дополнительных аллелей позволя-

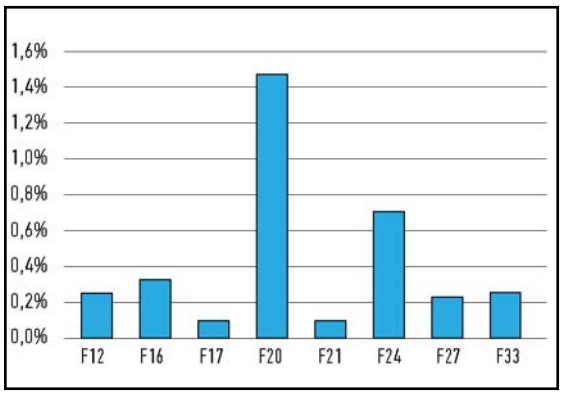

Рис. 5. Оценка загрязнения древней ДНК со стороны современной ДНК.

Fig. 5. Assessment of contamination of ancient DNA by modern DNA.

ет определить и количественно оценить контаминацию древней ДНК со стороны современной ДНК (Fu, Mittnik et al. 2013; Green et al. 2010; Rasmussen et al. 2011; Kousathanas et al. 2016). Из девяти исследованных индивидов фатьяновской культуры, уровень загрязнения ДНК удалось оценить для восьми индивидов (рис. 5). Уровень контаминации ДНК фатьяновских образцов составил значения от 0,25% до 1,45%, в среднем 0,85%. Данные значения не превышают, а гораздо ниже принятого в качестве допустимого в палеогенетике значения 3% согласно использованному методу расчета (Fu, Mittnik et al. 2013; Green et al. 2010; Rasmussen et al. 2011).

Заключение

Выделена ДНК из останков 11 мужских индивидов из фатьяновской культуры и проведено ее комплексное исследование. На начальном этапе был проведен фрагментный анализ Y-хромосомы и предсказаны гаплогруппы Y-хромосомы. По результатам фрагментного анализа обнаружено, что у фатьяновцев Волосово-Даниловского могильника и у носителей культуры шнуровой керамики из Ойлау имелось сходство предсказанной одной гаплогруппы Y-хромосомы. Эти группы объединяет и наличие специфических боевых травм, что может указывать на общность культурных традиций.

С помощью NGS были уточнены субварианты гаплогруппы R1a индивидов из фатьяновской культуры. У восьми индивидов из девяти была обнаружена одна и та же линия гаплогруппы R1a — R1a1a (M198) → R1a1a1b (S224) → R1a1a1b2 (F992 или Z93). Лишь у одного индивида (F16) была обнаружена неполная линия с одной мутацией R1a1a1b (S224) из-за низкого покрытия ДНК. Выраженные частоты гаплогруппы **R1a1a1b2 (F992 или Z93)** встречаются в Южной Сибири среди алтайцев и хакасов (> 30%), так же сравнительно небольшие частоты встречаются среди татар Поволжья (5%), в Кыргызстане (6%) и во всех популяциях Ирана (1—8%) (Underhill et al. 2015).

Определены некоторые фенотипические признаки, характерные для исследованных представителей фатьяновской культуры: цвет глаз — карие, кожа средних оттенков и каштановые волосы.

Была подтверждена аутентичность древней ДНК, с помощью расчета частот C/T и G/A модификации и контаминации по X-хромосоме.

С помощью анализа методом PCA показана близость результатов секвенирования образцов 12 и 33 фатьяновской культуры из Волосово-Даниловского могильника с результатами, опубликованными ранее по образцам, относящимся к той же культуре из ряда могильников (Saag et al. 2021). В результате исследований ДНК выявлена определенная однородность фатьяновского населения, которая также прослеживается в единообразии археологических материалов.

Литература

Волкова Е. В. 2012. Социальная структура населения фатьяновской культуры. *РА* (3), 5—19.

Крайнов Д. А. 1972. *Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тыс. до н. э.* Москва: Наука.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. 1987. *Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье.* САИ В1-22. Москва: Наука.

Медникова М. Б., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Энговатова А. В. 2022. Прижизненные травмы скелета у носителей фатьяновской культуры в свете данных археологии и генетики. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология* (1), 86—101.

Мустафин и др. 2022: Мустафин Х. Х., Энговатова А. В., Альборова И. Э., Тарасова А. А. 2022. Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле. *Археология Подмосковья: Материалы научного семинара* 18, 107—119.

Сиротин и др. 2019: Сиротин С. В., Богачук Д. С., Волошинов А. А., Тарасова А. А., Мустафин Х. Х. 2019. Альборова И. Э. Два необычных захоронения эпохи позднего Средневековья в Бахчисарайском районе Республики Крым. *КСИА* 256, 293—307.

Стасюк и др. 2020: Стасюк И. В., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э. 2020. «Славянская колонизация»

водской земли: историография, проблемы, новые подходы. *Stratum plus* (5), 347—361.

Briggs et al. 2007: Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F. et al. 2007. Patterns of damage in genomic DNA sequences from a Neandertal. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104, 14616—14621.

Dabney et al. 2013: Dabney J., Knapp M., Glocke I., Gansauge M.-T., Weihmann A., Nickel B., Valdiosera C., García N., Pääbo S., Arsuaga J.-L., Meyer M. 2013. Complete mitochondrial genome sequence of a Middle Pleistocene cave bear reconstructed from ultrashort DNA fragments. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110, 15758—15763.

Fu et al. 2013: Fu Q., Mittnik A., Johnson P.L., Bos K., Lari M., Bollongino R., Sun C. et al. 2013. A Revised Timescale for Human Evolution Based on Ancient Mitochondrial Genomes. *Current Biology*. 23 (7), 553—59

Green et al. 2010: Green R.E., Krause J., Briggs A.W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N. et al. 2010. A Draft. Sequence of the Neandertal Genome. *Science* 328 (5979), 710—22.

Lindahl T. 1993. Instability and decay of the primary structure of DNA. *Nature* 362 (6422), 709—715.

Mary et al. 2019: Mary L., Zvénigorosky V., Kovalev A., González A., Fausser J.-L., Jagorel F. et al. 2019. Cite as Genetic kinship and admixture in Iron Age Scytho-Siberians Original. *Human Genetics* 138 (4), 411—423.

McKenna et al. 2010: McKenna A., Hanna M., Banks E., Sivachenko A., Cibulskis K., Kernytsky A., Garimella K. et al. 2010. The Genome Analysis Toolkit: A Map Reduce framework for analyzing next-generation DNA sequencing data. *Genome Res* 20, 1297—1303.

Meyer et al. 2009: Meyer Ch., Brandt G., Haak W., Ganslmeier R.A., Meller H. et al. 2009. The Eulau eulogy: Bioarchaeological interpretation of lethal violence in Corded Ware multiple burials from Saxony-Anhalt, Germany. *Journal of Anthropological Archaeology*,28, 412—423.

Nordqvist K., Heyd V. 2020. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context. *Proceedings of the Prehistoric Society* 86, 65—93.

Pospieszny et al. 2015: Pospieszny L., Sobkowiak-Tabaka I., Price D.T., Frei K.M., Hildebrandt-Radke I. et al. 2015. Remains of a late Neolithic barrow at Kruszyn. A glimpse of ritual and everyday life in early Corded Ware societies of the Polish Lowland. *Praehistorische Zeitschrift* 90 (1—2), 185—213.

Rasmussen 2016: Rasmussen, M., Guo X., Wang Y., Lohmueller K.E., Rasmussen S., Albrechtsen A., Skotte L. et al. 2016. An Aboriginal Australian Genome Reveals Separate Human Dispersals into Asia. *Science* 334 (6052), 94—98.

Saag L., Vasilyev S.V. et al. 2020. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain. *Science Advances* 7 (4), DOI: 10.1126/sciadv.abd6535 (дата обращения: 22.10.2022).

Schmieder R., Edwards R. 2011. Quality control and preprocessing of metagenomic datasets. *Bioinformatics* 27 (6), 863—864.

Underhill et al. 2015: Underhill P.A., Poznik G., Rootsi S., Järve M., Lin A., Wang J. et al. 2015. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a. *European Journal of Human Genetics*, 23, 124—131.

Zheng et al. 2012: Zheng X., Levine D., Shen J., Gogarten S., Laurie C., Weir B. 2012. A High-performance Computing Toolset for Relatedness and Principal Component Analysis of SNP Data. *Bioinformatics* 28 (24), 3326—3328.

References

Volkova, E.V. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 5—19 (in Russian).

Krainov, D.A. 1972. *Drevneishaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech'ia (Fat'ianovskaia kul'tura II tys. do n.e.) (The Earliest History of the Volga and Oka Interfluvial Area: the Fatyanovo Culture of II Millennium BC).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Krainov, D.A., Gadziatskaia, O.S. 1987. *Fat'ianovskaia kul'tura. Iaroslavskoe Povolzh'e (Fatyanovo Culture in the Yaroslavl Part of the Volga Basin).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—22. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mednikova, M.B., Mustafin, Kh. Kh., Al'borova, I.E., Engovatova, A.V. 2022. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia XXIII (Antropologiia) (Bulletin of the Moscow University. Series XXIII: Anthropology)* (1), 86—101 (in Russian).

Mustafin, Kh. Kh., Engovatova, A.V., Al'borova, I.E., Tarasova, A.A. 2022. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 18, 107—119 (in Russian).

Sirotin, S.V., *Bogachuk*, D.S., *Voloshinov*, A.A., Tarasova, A.A., Mustafin, Kh. Kh. 2019. Al'borova, I.E. Dva neobychnykh zakhoroneniia epokhi pozdnego Srednevekov'ia v Bakhchisaraiskom raione Respubliki Krym. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 256, 293—307 (in Russian).

Stasiuk, I.V., Mustafin, Kh. Kh., Al'borova, I.E. 2020. Sht *Stratum plus* (5), 347—361 (in Russian).

Briggs, A.W., Stenzel, U., Johnson, P.L. F., et al. 2007. Patterns of damage in genomic DNA sequences from a Neandertal. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104, 14616—14621.

Dabney, J., Knapp, M., Glocke, I., Gansauge, M.-T., Weihmann, A., Nickel, B., Valdiosera, C., García, N., Pääbo, S., Arsuaga, J.-L., Meyer, M. 2013. Complete mitochondrial genome sequence of a Middle Pleistocene cave bear reconstructed from ultrashort DNA fragments. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110, 15758—15763.

Fu, Q., Mittnik, A., Johnson, P.L., Bos, K., Lari, M., Bollongino, R., Sun, C., et al. 2013. A Revised Timescale for Human Evolution Based on Ancient Mitochondrial Genomes. *Current Biology*. 23 (7), 553—59.

Green, R.E., Krause, J., Briggs, A.W., Maricic, T., Stenzel, U., Kircher, M., Patterson, N., et al. 2010. A Draft. Sequence of the Neandertal Genome. *Science* 328 (5979), 710—22.

Lindahl, T. 1993. Instability and decay of the primary structure of DNA. *Nature* 362 (6422), 709—715.

Mary, L., Zvénigorosky, V., Kovalev, A., González, A., Fausser, J.-L., Jagorel, F., et al. 2019. Cite as Genetic kinship and admixture in Iron Age Scytho-Siberians Original. *Human Genetics* 138 (4), 411—423.

McKenna, A., Hanna, M., Banks, E., Sivachenko, A., Cibulskis, K., Kernytsky, A., Garimella, K., et al. 2010. The Genome Analysis Toolkit: A Map Reduce framework for analyzing next-generation DNA sequencing data. *Genome Res* 20, 1297—1303.

Meyer, Ch., Brandt, G., Haak, W., Ganslmeier, R.A., Meller, H., et al. 2009. The Eulau eulogy: Bioarchaeological interpretation of lethal violence in Corded Ware multiple burials from Saxony-Anhalt, Germany. *Journal of Anthropological Archaeology*,28, 412—423.

Nordqvist, K., Heyd, V. 2020. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context. *Proceedings of the Prehistoric Society* 86, 65—93.

Pospieszny, L., Sobkowiak-Tabaka, I., Price, D.T., Frei, K.M., Hil-

debrandt-Radke, I., et al. 2015. Remains of a late Neolithic barrow at Kruszyn. A glimpse of ritual and everyday life in early Corded Ware societies of the Polish Lowland. *Praehistorische Zeitschrift* 90 (1—2), 185—213.

Rasmussen, M., Guo, X., Wang, Y., Lohmueller, K.E., Rasmussen, S., Albrechtsen, A., Skotte, L., et al. 2016. An Aboriginal Australian Genome Reveals Separate Human Dispersals into Asia. *Science* 334 (6052), 94—98.

Saag, L., Vasilyev, S.V., et al. 2020. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain. *Science Advances* 7 (4), DOI: 10.1126/sciadv.abd6535 (accessed 22.10.2022).

Schmieder, R., Edwards, R. 2011. Quality control and preprocessing of metagenomic datasets. *Bioinformatics* 27 (6), 863, 864.

Underhill, P.A., Poznik, G., Rootsi, S., Järve, M., Lin, A., Wang, J., et al. 2015. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a. *European Journal of Human Genetics*, 23, 124—131.

Zheng, X., Levine, D., Shen, J., Gogarten, S., Laurie, C., Weir, B. 2012. A High-performance Computing Toolset for Relatedness and Principal Component Analysis of SNP Data. *Bioinformatics* 28 (24), 3326—3328.

Статья поступила в сборник 29 октября 2022 г.

Asya Engovatova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Энговатова Ася Викторовна (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: engov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3109-2764

Kharis Mustafin (Moscow, Russian Federation). Candidate of Technical Sciences. Moscow Institute of Physics and Technology[2].

Мустафин Харис Харрасович (Москва, Россия). Кандидат технических наук. Московский физико-технический институт.

E-mail: kh-mstf@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8891-2319

Irina Alborova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Biological Sciences. Moscow Institute of Physics and Technology[3].

Альборова Ирина Эдуардовна (Москва, Россия). Кандидат биологических наук. Московский физико-технический институт.

E-mail: ira_teuchezh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1950-3885

Alexander Kanapin (Saint Petersburg, Russian Federation). PhD. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University[4].

Канапин Александр Артурович (Санкт-Петербург, Россия). PhD. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: a.kanapin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9802-5297

Anastasia Samsonova (Saint Petersburg, Russian Federation). PhD. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University[5].

Самсонова Анастасия Александровна (Санкт-Петербург, Россия). PhD. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: a.a.samsonova@gmail.com

Maria Mednicova (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[6].

Медникова Мария Борисовна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: medma_pa@mail.ru

Addresses: [1, 6] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; [2, 3] Institutsky Lane, 9, Dolgoprudny, 141701, Moscow Oblast, Russian Federation; [4, 5] 29 Polytechnicheskaya st., St.Petersburg, 195251, Russian Federation

К. В. Чугунов

Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы

Keywords: Tuva, early Scythian time, Aldy-Bel culture, microchronology, “living” and “dead” culture, mirrors with a high rim, combs

Ключевые слова: Тува, раннескифское время, алды-бельская культура, микрохронология, «живая» и «мертвая» культура, зеркала с бортиком, гребни

K. V. Chugunov

The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva

The article attempts to chronologically separate the complexes of the Aldy-Bel’ culture of the early Scythian epoch. The concept of the coexistence of “living” and “dead” cultures opening up some archaic objects in complexes of a later time is used to determine chronological indicators. It is noted that mirrors with a high rim were found in the elder people's graves concurrent with the graves of younger people buried with mirrors of other types. The article identifies compexes where these objects correlate with horn combs standing at the beginning of the typological series of this category of objects.

К. В. Чугунов

Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы

В статье предпринята попытка хронологического разделения комплексов алды-бельской культуры раннескифского времени. Для определения хронологических индикаторов использована концепция сосуществования «живой» и «мёртвой» культур, когда некоторые архаичные предметы оказываются в комплексах более позднего времени. Отмечено, что зеркала с высоким бортиком найдены в захоронениях пожилых людей, одновременных могилам более молодых, похороненных с зеркалами других типов. Определены комплексы, где эти предметы коррелируют с роговыми гребнями, стоящими в начале типологического ряда этой категории предметов.

Наверное, я не сильно погрешу перед истиной, заметив, что археологи, в силу погруженности в проблематику своей темы в науке, довольно редко обращаются к работам коллег, посвященных древностям, далеким от их научных интересов. Чем более отдаленные хронологически и территориально области рассматриваются в статьях и монографиях, тем меньше шансов, что мы их прочитаем или даже просто пролистаем. «Специалист подобен флюсу». Вследствие этого анализ собственного материала порой приводит к заключениям, которые уже давно были сделаны при разработках древностей удаленных областей на основании иной базы источников. В основном это касается теоретических подходов к источникам и методологических аспектов работы с ними.

Вопрос типологической асинхронности предметов в закрытых комплексах существует, вероятно, повсеместно, хотя и актуализируется, как правило, при попытках уточнения хронологии или построения более дробной периодизации той или иной культуры. Я столкнулся с этой проблемой при анализе богатейших материалов погребально-поминального комплекса Аржан-2, который показал поэтапное его формирование, а, следовательно, и некоторую продолжительность во времени (Чугунов 2011). Очень соблазнительно было на основании представительных закрытых комплексов попытаться построить микрохронологию алды-бельской культуры Тувы раннескифского времени.

Проблемы установления хронологии древностей, относящихся к эпохе ранних кочевников в Азии общеизвестны. Если относительная хронологическая позиция выделенных культур и их этапов в обширных регионах скифо-сибирского мира выстроена более и

© К. В. Чугунов, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22129142

менее непротиворечиво, то абсолютные даты зачастую колеблются в пределах нескольких столетий. Радиоуглеродный анализ для раннескифского времени не позволяет в полной мере решить проблему, поскольку обычно дает очень широкие определения календарного возраста, обусловленные так называемым «гальштатским плато» на калибровочной кривой. Для Аржана-2 эти определения удалось максимально сузить в пределах 2-й половины VII в. до н. э. при помощи использования метода «wiggle matching» (Зайцева и др. 2005: 86—88). Однако, строго говоря, эта датировка относится только к основному «царскому» захоронению, поскольку бревенчатая погребальная камера, из которой были получены дендрообразцы для анализа, обнаружена лишь в этой могиле. Сопроводительные погребения были устроены в каменных ящиках, а образцы органики из них, датированные AMS методом, показали широкие даты (Зайцева и др. 2005: 87, табл. 2: 20). Но именно эти закрытые комплексы содержали предметы, сопоставимые с открытыми ранее в памятниках алды-бельской культуры. Совершенно очевидно, что установление именно их относительной последовательности может предоставить возможность хронологического распределения материалов раннескифского времени Тувы и перехода при исследовании этих древностей от широких датировок к более узким.

Типология и корреляция массового материала (ножи и наконечники стрел) в сочетании со случаями прослеженной стратиграфии комплексов позволили соотнести ряд могил с последовательными этапами функционирования памятника (Чугунов 2011: 330, табл. 3). Тогда же было сделано предположение, что общая хронология Аржана-2 укладывается в рамки одного поколения, в 25 лет (Чугунов 2011: 331). Условность такого заключения очевидна и сделано оно было достаточно интуитивно. Вместе с тем, если обратиться к парадигме, давно и успешно применяемой к древностям, несравненно лучше обеспеченным абсолютными датами исторических событий и монетных находок, то можно попытаться подвести под эти зыбкие рассуждения не идеальную, но гораздо более прочную теоретическую базу.

Речь идет о парадигме М. Б. Щукина, который предложил рассматривать хронологические горизонты любого явления, фиксирующегося археологически, не в виде прямоугольника или горизонтальной линии, а в виде ромба, имеющего максимальное расширение и сходящие на нет концы (Щукин 2005: 102). Такое построение позволяло объяснить сосуществование в пределах одних закрытых и хорошо датированных комплексов асинхронных ему предметов. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах О. В. Шарова, рассмотревшего парадигму своего учителя с точки зрения концепции «живой» и «мёртвой» культур (Шаров 2006; 2007; 2017; 2018), у истоков которой стоят разработки Х. Ю. Эггерса системы абсолютной хронологии римского времени в Западной Европе. Предложенная Олегом Васильевичем хронологическая схема для этой эпохи, достаточно хорошо обеспеченной датирующими материалами, очень наглядно демонстрирует «поток времени», в котором сосуществуют субкультуры нескольких поколений людей «живой» культуры, которую и призвана реконструировать археология. Действенность такого подхода он показал на конкретном материале, заметив, что «… предложенная схема […] может работать при создании хронологии любого исторического периода» (Шаров 2018: 204). Это последнее замечание я и попробую реализовать, применив к материалам раннескифского времени Тувы парадигму Щукина–Шарова.

Безусловно, в отношении древностей Тувы, как и всей Центральной Азии и Южной Сибири не должно быть иллюзий, что какие-либо археологические методы позволят установить их абсолютные датировки. Для рассматриваемой эпохи здесь пока отсутствуют твердо датированные импорты и письменные источники. Речь может идти только об уточнении относительной хронологии. Сейчас колонная секвенция культур и их этапов, принятая большинством исследователей скифского времени Тувы (с некоторыми оговорками), выглядит таким образом (подробнее см.: Чугунов 2020):

1. Памятники аржанского типа, включая курган Аржан, и синхронные им курганы шанчигского типа: IX — сер. VIII вв. до н. э.

2. Алды-бельская культура, включая курган Аржан-2: сер. VIII — начало или сер. VI вв. до н. э.

3. Уюкско-саглынская (саглынская) культура. Уюкский этап (тип): сер. VI—V вв. до н. э.; саглынский этап (тип): V—III вв. до н. э.; озенала-белигский этап: III—II вв. до н. э.

Легко заметить, что границы между культурами в этой колонке не перекрываются, что обусловлено как условностью датировок, так и историографической традицией. Время от времени вновь полученные материалы заставляли исследователей усомниться в строгости этих границ. Так, после раскопок двух

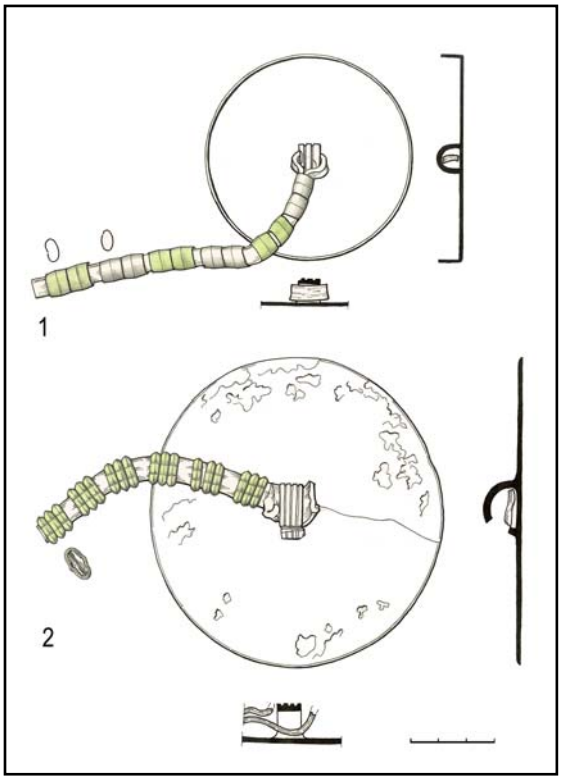

Рис. 1. Зеркала из могилы 5 Аржана-2.

Fig. 1. Mirrors from grave 5 of Arzhan-2.

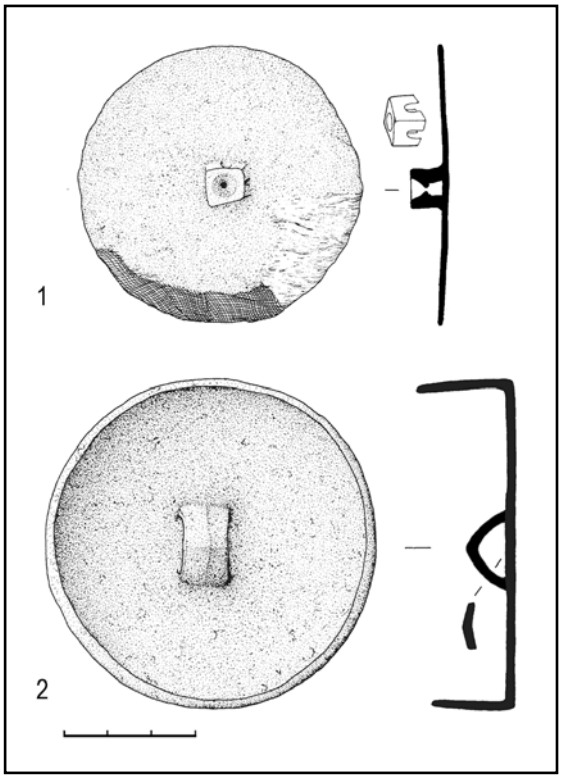

Рис. 2. Зеркала из могилы 13А Аржана-2.

Fig. 2. Mirrors from grave 13A of Arzhan-2.

стратиграфически взаимосвязанных курганов алды-бельской культуры могильника Сарыг-Булун было предложено датировать весь комплекс V в. до н. э. на основании находок в самой ранней могиле 1 стеклянных биконических бус, железного ножа и золотых сережек с конусом, покрытым зернью (Семенов, Килуновская 1990: 46). Еще один пример приведу из собственной практики. Нашей экспедицией были исследованы три алды-бельских кургана на могильнике Копто, материалы которого на основании типологически поздних предметов также были признаны не укладывающимися в традиционные рамки раннескифского времени и отнесены к финалу культуры, для которого не исключалась абсолютная датировка V в. до н. э. (Čugunov 1998; Чугунов 1999: 235). Указанные публикации обоих памятников были сделаны практически сразу после раскопок, что, возможно, обусловило поспешность выводов. Позднее, после углубленного анализа материалов и критики источников, авторы пересмотрели свои первоначальные представления, вернувшись к традиционным датировкам (Чугунов 2005: 76—90; Килуновская и др. 2020: 399—404). Однако перейти от широких датировок к узким, этот пересмотр также не позволил.

Для того, чтобы попытаться это сделать при помощи схемы смены поколений, предложенной О. В. Шаровым, необходимо обратиться к предметному комплексу, наиболее очевидно относящемуся к категории личных атрибутов.

В памятниках скифского времени Тувы довольно часто встречаются так называемые зеркала — бронзовые изделия в виде диска с рукоятью, устроенной различными способами. В захоронениях алды-бельской культуры эти атрибуты всегда имеют петли или иные конструкции в центре зеркала, а сами диски иногда обрамлены бортиком. В комплексах уюкско-саглынской культуры найдены зеркала с боковой рукоятью, отлитой вместе с диском. Эта рукоять порой выполнялась в зверином стиле, иногда имела на обороте петлю для подвешивания. На озен-ала-белигском этапе преобладали рукояти в виде петли, а иногда ее заменяли отверстием у края диска. Какой-либо сводной работы по зеркалам скифского времени Тувы нет, однако эта категория находок всегда рассматривалась специалистами как хронологический индикатор (Грач 1980: 25; Савинов 2002: 98—100), вслед за существующими разработками для соседних территорий (Грязнов 1947: 9—17; Киселев 1949:

127, табл. 3; Членова 1967: 81—92). Практически безоговорочно всеми признано, что в Туве наиболее архаичной формой среди перечисленных выше являются зеркала с высоким бортиком [1] по краю диска и центральной ручкой-петелькой, а изделия без бортика появляются несколько позднее, на завершающем этапе алды-бельской культуры.

В связи с этим положением необходимо обратить внимание на два случая, когда оба этих типа зеркал обнаружены в едином закрытом комплексе. Оба они исследованы в кургане Аржан-2 и важно, что один из них — могила 5, основное «царское» захоронение, имеющее, как указывалось выше, наиболее узкую датировку в пределах второй половины VII в. до н. э.

Зеркало, лежавшее у головы мужчины-«царя» в основном погребении, имеет сегментовидную рифленую петлю в центре диска и бортик по его краю высотой 0,9 см. Второе зеркало без бортика, положенное таким же образом у головы «царицы», имело рифленую петлю в центре диска (рис. 1).

Еще два зеркала найдены в парном захоронении двух женщин в отсеке А могилы 13 (рис. 2). Здесь они, в отличие от описанных выше, находились слева на поясе, то есть там, где их носили. У молодой женщины (скелет 1 в могиле 13А), лежало зеркало без бортика с рукоятью в виде прямоугольной пластины с коническим отверстием в центре, расположенной на четырех столбиках. У второй на плетёном разноцветном кушаке вместе с другими атрибутами в сумочке было подвешено зеркало с очень высоким бортиком. Диаметр его 7,6 см, высота бортика немного неравномерна — от 2 до 2,2 см. Петля, расположенная в центре, имеет чуть приострённую вершину и небольшое продольное ребро, что придает ей подтреугольные очертания. Высота рукояти почти вдвое меньше, чем высота бортика, поэтому она как бы утоплена внутри.

В связи с находками зеркал с бортиком в этих комплексах нужно отметить важный момент — они найдены у самых старших по возрасту погребенных. Мужчина-«царь» умер в возрасте 40—45 лет (возможно — 50 лет), а старшая женщина в могиле 13А похоронена в возрасте 45—50 лет, а возможно — 55 лет (Čikiševa 2010: 282, 286). Надо отметить, что зеркала найдены, помимо рассмотренных выше, еще в четырех захоронениях Аржана-2. Все они с центральной рукоятью в виде петли и не имеют бортика. Таким образом очень вероятно, что в основном погребении и в могиле 13А мы имеем дело с эффектом соотношения «живой» и «мертвой» культур, о котором писал О. В. Шаров.

Традиционно зеркала с бортиком датируются VII—VI веками до н. э. А. Д. Грач относил именно их к характерным атрибутам алды-бельской культуры, хотя уже в раскопанных им классических памятниках были известны и другие — простые дисковидные зеркала с центральной петлевидной рукоятью (Грач 1980: 25, рис. 109: 5). Оба этих типа встречаются и в раннетагарских комплексах (Максименков 2003: 75, табл. 26, 37, 54). Т. М. Кузнецова проанализировала распространение зеркал с бортиком и петлей в центре (I класса I отдела I типа по ее классификации) во всем ареале племен скифского типа и пришла к выводу, что эти священные для скифов предметы «фиксируют продвижение скифского народа в разное время и в различных направлениях» (Кузнецова 2002: 62). Появились «скифские зеркала» (по Т. М. Кузнецовой) в Северном Причерноморье с группами населения из восточных районов Евразии в конце VII века до н. э. (Кузнецова 2002: 220). В другой, более ранней работе она высказала гипотезу о том, что находки таких зеркал маркируют миграции кочевников из района Приаралья как на запад, так и на восток (Кузнецова 1991: 94, карта 1). Действительно, здесь в могильниках Уйгарак и Южный Тагескен представлен только этот тип зеркал, причем в комплексах, датированных VII—VI веками до н. э. по совместным находкам уздечных принадлежностей (Вишневская 1973: 120, табл. IV, XV, XVI; Итина, Яблонский 1997: 42, 43, рис. 18, 22, 69). По современным представлениям о развитии конского снаряжения дата этих комплексов не должна быть позднее конца VII века до н. э., а некоторые, вероятно, относятся к концу VIII века до н. э. [2]

Как уже отмечалось, время сооружения сруба могилы 5 Аржана-2 может быть да-

[1] Надо отметить, что так можно обозначить согнутую под углом к диску закраину высотой не менее 0,3—0,5 см. Зеркала с невысоким бортиком или небольшим валиком по краю диска, вероятно, являются более поздним дериватом рассматриваемых зеркал.

[2] Для определения хронологической позиции различных видов узды в азиатской зоне степи представляется наиболее значимой работа Н. Г. Горбуновой (Горбунова 2001: 179—200), в которой она проанализировала конское снаряжение с территории Средней Азии и Казахстана с учетом последних к тому времени данных.

тировано серединой — концом VII в. до н. э. Значения радиоуглеродного возраста образцов, которые в целом показали широкие календарные значения, были подвергнуты математическому анализу. В результате этой работы с помощью математической статистики (методические основы см.: Dergachev, Vasiliev 1999) получено наиболее вероятное время — 659 г до н. э. с допустимыми пределами (2 сигмы) от 671 до 609 гг. до н. э. (Зайцева и др. 2005: 84—88). Если принять за условную точку отсчета эту абсолютную дату, то можно допустить, что зеркала с бортиком являются атрибутом, характерным для «живой» культуры Тувы в начале или в первой половине VII в. до н. э. Они попали в культуру «мертвую» только в результате своего «доживания» в качестве личных атрибутов вместе с самыми возрастными индивидуумами.

Такое заключение имеет большое значение для решения наиболее актуальной задачи археологии Тувы раннескифского времени — выделения его раннего этапа. Если удастся определить комплексы с такими зеркалами, где разрыв между «живой» и «мертвой» культурами минимален, то появляется возможность дифференцировать известные памятники алды-бельской культуры, выделив те, формирование которых началось в первой половине VII в. до н. э. Кроме того, в перспективе можно использовать комплексы с зеркалами рассматриваемого типа, известные на соседних с Тувой территориях, как индикаторы установления путей формирования культуры. Степень изученности древностей раннескифского периода Тувы в последние десятилетия неизмеримо возросла и редкость таких атрибутов по сравнению с другим типом зеркал — без бортика с центральной рукоятью — сейчас очевидна. Не исключено, что они появились здесь вместе с мигрантами, взаимодействие которых с предшествующими племенами, оставившими аржанский круг памятников, привело к возникновению алды-бельской культуры. В комплексах аржанского типа, которых в Туве исследовано пока не много, зеркала не обнаружены, но они известны в могильнике Мохучахань в предгорьях Тянь-Шаня в Синьцзяне, который существовал в IX в. до н. э. и где найдены уздечные комплекты, аналогичные Аржану-1 (Могильник Мохучахань 2016; Шульга П., Шульга Д. 2020: 34—36, рис. 84). Зеркала Мохучаханя не имеют бортика и включают несколько изделий с рельефным орнаментом на тыльной поверхности (Шульга П., Шульга Д. 2020: рис. 92), прототипы которых известны среди шанских бронз Древнего Китая, например, в гробнице Фу Хао (Там же: рис. 112). О том, что подобные изделия могли присутствовать в культуре аржанского горизонта, свидетельствует случайная находка такого зеркала рядом с погребально-поминальным комплексом Чинге-Тей I (рис. 3)[3]. Вероятно, традиция изготовления зеркал с высоким бортиком, привнесенная в Туву извне, просуществовала какое-то время параллельно с местной и постепенно сошла на нет, хотя в качестве рудимента небольшой валик по краю диска изредка встречается еще довольно долго, вплоть до уюкского этапа.

Рис. 3. Зеркало. Случайная находка рядом с погребально-поминальным комплексом Чинге-Тей I.

Fig. 3. Mirror. Accidental find near the Chinge-Tei I burial and memorial complex.

[3] На первый взгляд, эта случайная находка может ассоциироваться с литыми зеркалами с орнаментом из Юго-Восточной Европы, характерными для аланских древностей и даже позднее. Однако, если сравнивать морфологические особенности тувинского экземпляра с многочисленной и очень разнообразной серией раннесредневековых зеркал, то, помимо самого общего сходства, следует обратить внимание на широкую, свободную от орнамента полосу по внешнему краю диска, а также расширенные основания петли. Эти признаки не характерны для европейских экземпляров (см., например: Мастыкова 2009: рис. 91—95). Кроме того, анализ металла зеркала из Тувы, проведенный С. В. Хавриным, показал значительный процент свинца в сплаве, что может указывать на его китайское происхождение. Все аланские зеркала изготовлены из очень высокооловянистого сплава, что придает особый блеск этим изделиям, но и делает их довольно хрупкими (автор благодарит И. Р. Ахмедова за консультацию).

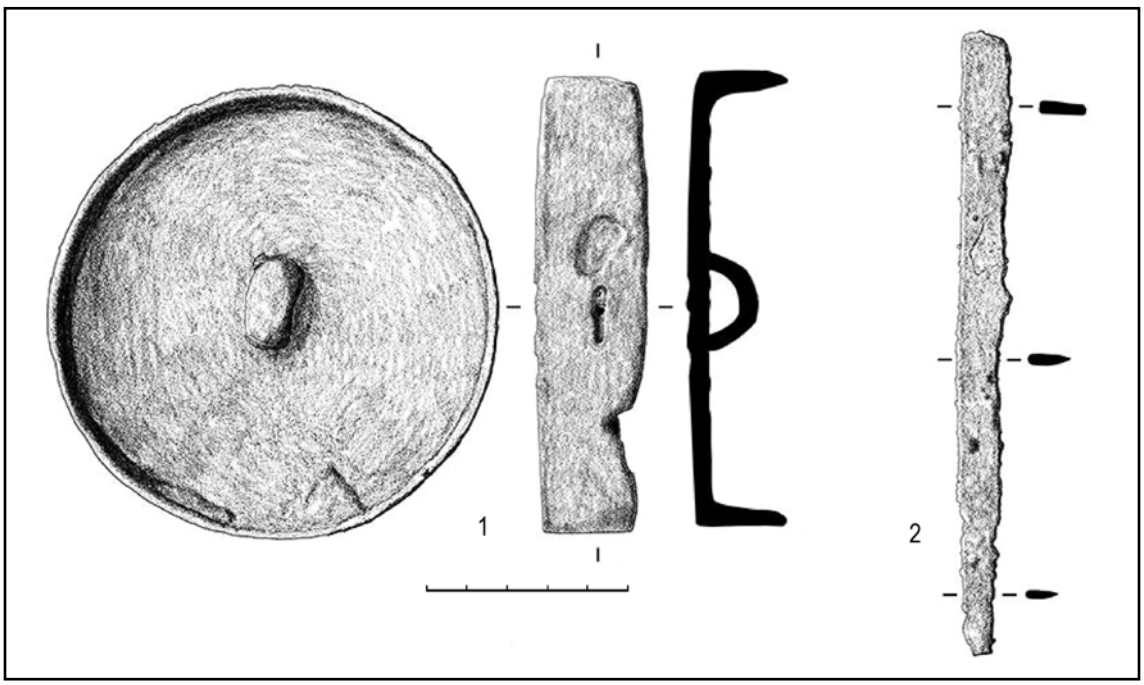

Рис. 4. Зеркало и нож из могильника Дон-Терек (по Монгуш 2020).

Fig. 4. Mirror and knife from the Don-Terek burial ground (after Монгуш 2020).

В памятниках алды-бельской культуры зеркала с высоким бортиком и центральной петлей, помимо рассмотренных могил Аржана-2, встречены еще в нескольких могильниках. Такое зеркало найдено М. Х. Маннай-оолом в кургане 2 в урочище Дон-Терек (Маннай-оол 1970: 48, рис. 7: 9), комплекс которого недавно опубликован (Монгуш 2020). Из погребений в могильнике Хемчик-Бом III, исследованного А. Д. Грачом, происходят два таких зеркала (Грач 1980: рис. 109: 3, 4). Крупное зеркало с бортиком и центральной петлей найдено в могиле 2 кургана 11 могильника Баданка IV (Боковенко 2014: рис. 9: 13). Еще один экземпляр обнаружен Вл. А. Семёновым в ограбленном кургане 6 могильника Сыпучий Яр (Семёнов 2001: рис. 3: 28). Из недавних раскопок зеркала с бортиком происходят из кургана 6 могильника Бай-Даг 6 (Соловьева 2015: 171, рис. 9) и из могилы 2 кургана 1 западной цепочки на периферии погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I (раскопки автора и Л. Олещака в 2021 г.). Про последний случай можно утверждать, что зеркало с бортиком находилось у очень пожилой женщины (возраст 55+) и вероятно здесь мы столкнулись с ситуацией, аналогичной рассмотренным выше комплексам Аржана-2.

Для находок из раскопок второй половины XX века антропологические характеристики погребенных мне, к сожалению, неизвестны, но, тем не менее, необходимо рассмотреть некоторые из этих комплексов.

В кургане 2 могильника Дон-Терек исследовано две могилы. Каких либо конструктивных деталей в памятнике не прослежено. Полностью ограбленная центральная могила, как и боковая, расположенная к ЮЗ от нее, были устроены в виде грунтовых ям, в которых не зафиксировано никаких следов погребальных камер. Могила 2 содержала парное захоронение взрослого и ребенка. Ребенок, судя по размерам скелета на чертеже, относится к младшей возрастной категории (Inf. 1). Он был уложен на левом боку головой на СЗ за спиной взрослого. С ним найден костяной (?) бисер и бусина из бирюзы, которые не приведены в публикации. Со взрослым скелетом (вероятно, женским), лежавшим в аналогичной позе, найдены бронзовые зеркало и нож (рис. 4). Упомянутая в отчете обойма также не опубликована (Монгуш 2020: 159—162). Автор статьи совершенно справедливо относит памятник к алды-бельской культуре и на основании самых общих аналогий датирует его в традиционных пределах VII—VI вв. до н. э. Вместе с тем, его заключение о том, что зеркало долгое время было в употреблении, нуждается в проверке трасологическим анализом, а упомянутые следы ремонта могут быть результатом доливки металла при его изготовлении. Что касается ножа, который, по мне-

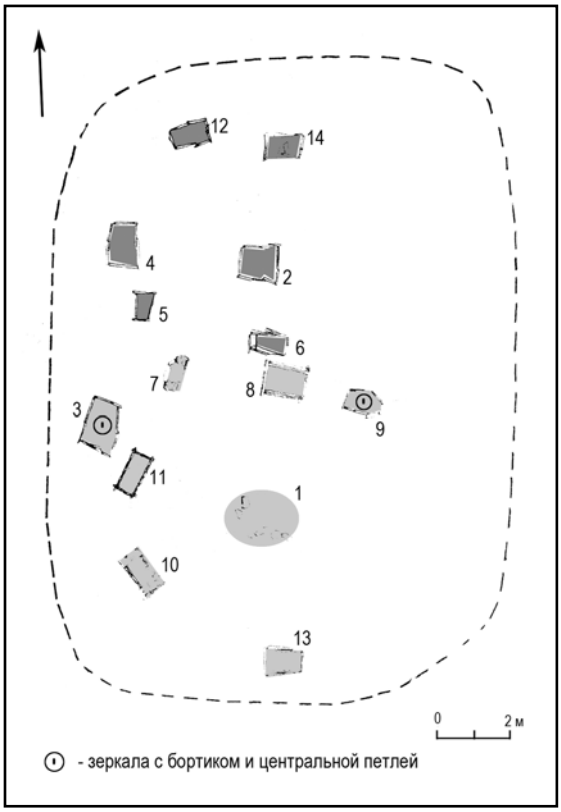

Рис. 5. Схема планиграфии могильника Хемчик-Бом III (по Грач 1980) с распределением могил по двум курганам-кладбищам.

Fig. 5. Scheme of planigraphy of the Khemchik-Bom III burial ground (after Грач 1980) with the distribution of graves in two burial mounds-cemeteries.

нию автора статьи, имеет широкую датировку, то не исключена его весьма ранняя дата, поскольку, судя по рисунку и разрезам, изделие имеет небольшой выступ при переходе от рукояти к лезвию. Ножи во второй половине VII в. до н. э. такой особенностью не обладают, в отличие от более раннего времени. Во всяком случае, есть основания предполагать для кургана в могильнике Дон-Терек датировку первой половиной столетия.

Находка двух зеркал с высоким бортиком и центральной петлей в могильнике Хемчик-Бом III вызывает особый интерес, поскольку материалы этого памятника легли в основу выделения алды-бельской культуры. Здесь исследовано 14 погребений, половина которых были не потревожены и содержали представительный набор предметов (Грач 1980: 127—129; рис. 94—101, 109, 110: 1, 3, 6). Важно отметить, что здесь найдены и зеркала других типов — с центральной петлей без бортика и с круглой бляшкой на шпеньке в центре диска, имеющего бортик (Грач 1980: рис. 109: 5, 6). К сожалению, материал этого памятника опубликован фрагментарно и не позволяет в полной мере реконструировать этапы его формирования. Здесь, безусловно, объединены два многомогильных кургана, на что указывал и автор раскопок (Грач 1980: 127), однако разделить их в процессе исследований не удалось. Сейчас очевидно, что алды-бельские курганы-кладбища не состоят из одновременных погребальных комплексов. Могилы создавались последовательно, имели свои надмогильные сооружения, которые либо пристраивались к более ранним, либо на завершающем этапе перекрывались единой насыпью и окружались общей оградой.

Рассмотрение планиграфии двух слившихся курганов могильника Хемчик-Бом III позволяет предложить вариант их разделения (рис. 5). Центральными захоронениями, как и предполагал А. Д. Грач, на юге была сильно разрушенная могила 1, а на севере — могила 2. На особый статус этих захоронений указывает еще и то, что каждая из них была отмечена помещением рядом ритуального «клада»-приношения деталей конской узды. Остальные могилы сооружались дугой с севера, запада и юга вокруг центральных, что достаточно обычно для курганов алды-бельской культуры, на площади которых остается не заполненной восточная половина. Наложение двух таких сложных по планировке сооружений обусловило смешение могил из двух дуг в центральной части. Если предположить, что три захоронения в срубах и детское захоронение в колоде (могила 7) ориентированы на могилу 1, то мы получаем дугу южного кургана, которая дополнена самым южным захоронением в каменном ящике 13. Северный курган с могилой 2 в центре безусловно включал погребения 4 и 5 к западу от центра и погребения 12 и 14 на севере. Могила 6 — ближайшая к югу от центральной, также, по-видимому, относится к этому сооружению.

Самыми проблемными оказываются как раз погребения в каменных ящиках 3 и 9 с зеркалами, имеющими бортик и ручку-петлю в центре. Ориентировка их вроде бы говорит о принадлежности к южному кургану, однако могила 3 образует второй ряд в дуге (в том случае, если могила 11 сооружена раньше), а могила 9 — единственная, выходящая в восточную половину кургана и расположенная на равном расстоянии от обоих центров. Такая топография этих захоронений может указывать, что они являются последними, сооруженными в пространстве первого южного кургана, после чего начато формирование следующего кургана к северу. Но это означает,

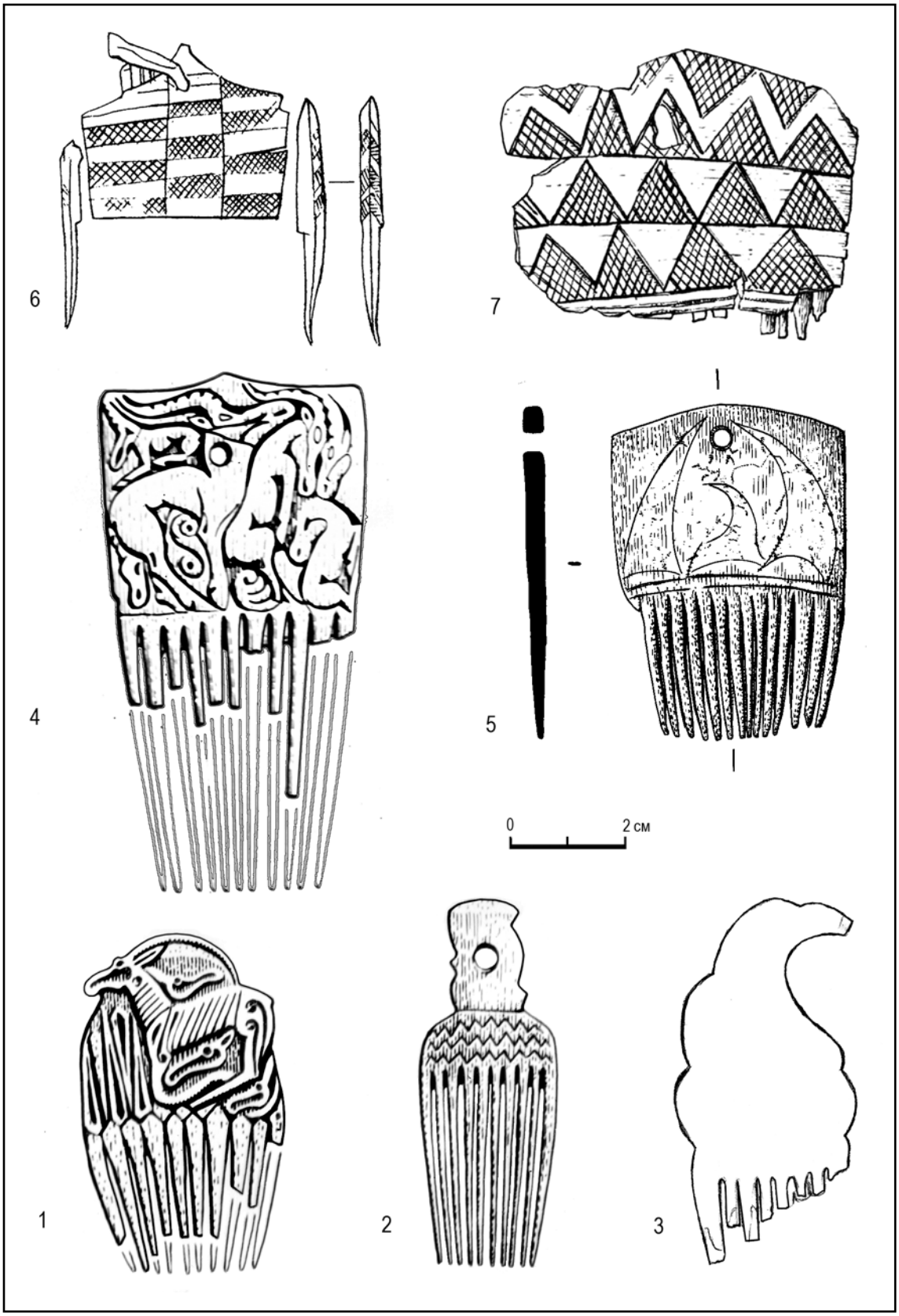

Рис. 6. Гребни из комплексов алды-бельской культуры. 1 — Хемчик-Бом III, м.13 (по Грач 1980: рис. 110, 3); 2 — Хемчик-Бом III, м. 3 (по Грач 1980: рис. 109, 3); 3 — Усть-Хадынныг I, к. 38, м. 2 (Раскопки А. В. Виноградова, 1977 г., рис. автора); 4 — Хемчик-Бом III, м. 9 (по Грач 1980: рис. 110, 1); 5 — Баданка IV, к. 11, м. 2 (по Боковенко 2014: рис. 9, 12); 6 — Копто, к. 2, м. 2 (по Чугунов 2005: илл. 4, 7); 7 — Сарыг-Булун, м. 2 (по Жогова 2014: рис. 4, 1).

Fig. 6. Combs from the complexes of the Aldy-Bel culture. 1 — Khemchik-Bom III, grave 13 (after Грач 1980: fig. 110, 3); 2 — Khemchik-Bom III, grave 3 (after Грач 1980: fig. 109, 3); 3 — Ust-Khadynnyg I, barrow 38, grave 2 (Excavations by A.V. Vinogradov, 1977, drawing by the author); 4 — Khemchik-Bom III, grave 9 (after Grach 1980: fig. 110, 1); 5 — Badanka IV, k. 11, block 2 (after Боковенко 2014: fig. 9, 12); 6 — Kopto, barrow 2, grave 2 (after Чугунов 2005: ill. 4, 7); 7 — Saryg-Bulun, grave 2 (after Жогова 2014: fig. 4, 1).

что в пределах одного, хотя и несколько продолжительного по времени формирования, комплекса обнаружены зеркала трех разных типов. В могиле 8 — самой северной в южном кургане — найдено зеркало без бортика, а в самой южной могиле 13 с погребенным находилось зеркало с бортиком и центральной кнопкой.

Как отмечено выше, антропологические определения пола и возраста погребенных в могилах Хемчик-Бома III нам неизвестны, поэтому реконструкция процесса формирования комплекса памятника сейчас может опираться только на сопутствующие находки. Во всех могилах с зеркалами найдены ножи и гребни. Типология ножей, выполненная по материалам последовательных комплексов кургана Аржан-2, позволила выявить ранний признак у этой категории изделий — приостренное окончание рукояти (Чугунов 2011: 325—328). Именно такой нож был найден в могиле 3 (Грач 1980: рис. 109: 3). При этом нож из могилы 9 — с трапециевидным расширением рукояти, треугольной прорезью и петлей внутри нее — почти абсолютно идентичен ножу из наиболее позднего комплекса Аржана-2 (Сравн.: Грач 1980: рис. 109: 4 и Чугунов 2011: рис. 33: 7), хотя ножи такого типа имеют широкую дату, поскольку известны и в ранних памятниках.

Гребни у племен скифского времени Тувы были связаны с зеркалами (причем, часто физически, именно привязаны к их петлям) и обычно находятся с ними в одном футляре. Эти изделия, безусловно, не могли эксплуатироваться столь же долго, как металлические, поэтому разрыв между «живой» культурой и «мертвой» не должен быть слишком велик. Подавляющее большинство гребней, найденных в памятниках алды-бельской культуры, относится к категории составных, сделанных из дерева (иногда с роговыми или костяными деталями) и собранных из отдельных частей. Н. А. Жогова выполнила их типологию. Она провела анализ, который показал, что наиболее ранней формой составных гребней (тип 1 — рис. 6: 6, 7) являются изделия с рукоятью пятиугольной формы из двух костяных пластин, зажимающих деревянные зубья (Жогова 2014: 137). Гребни из могильника Хемчик-Бом III не являются составными, а вырезаны из рога и знамениты своим художественным оформлением в зверином стиле (рис. 6: 1, 2, 4). Цельнороговые гребни известны еще в трех памятниках алды-бельской культуры — в кургане Чинге, расположенном почти напротив Хемчик-Бома, на правом берегу Енисея (Самбу 1980: 65, 66; рис. 1), на могильнике Усть-Хадынныг I (рис. 6: 3), исследованном А. В. Виноградовым в бассейне Хемчика (раскопки 1977 года) и в кургане 11 могильника Баданка IV в Усинской долине (рис. 6: 5), где он найден вместе с зеркалом с бортиком (Боковенко 2014: рис. 8: 3; 9: 12, 13). Морфологические особенности роговых гребней подробно еще не рассматривались. Семь изделий, известных на настоящий момент, не предполагают их подробной типологизации, но в целом их пока можно разделить на две группы: с фигурными рукоятями, обычно выполненными в зверином стиле, и с рукоятями, имеющими пятиугольную форму. Последних всего два — из могилы 9 Хемчик-Бома III и из Баданки IV (рис. 6: 4, 5). Нетрудно заметить, что такая форма прямо соответствует раннему типу 1 составных гребней (рис. 6: 6, 7), что указывает на их хронологическую близость. При этом топография могилы 9 (напомним, что она замыкает дугу в южном кургане) говорит о ее более позднем сооружении относительно других захоронений с зеркалами и гребнями в памятнике Хемчик-Бом III.

Таким образом, цепочка выше изложенных рассуждений позволяет сделать несколько предварительных выводов относительно внутренней хронологии алды-бельской культуры.

Во-первых, зеркала с центральной петлей и высоким бортиком, вместе с гребнями, имеющими пятиугольную форму рукояти (цельнороговые или составные), являются хронологическими индикаторами, позволяющими датировать комплексы не позднее середины VII в. до н. э. К таковым пока можно отнести отдельные погребения в могильниках Дон-Терек; Бай-Даг 6; Бай-Даг 8; Сарыг-Булун; Сыпучий Яр; Копто, к. 2; Баданка IV; Хемчик-Бом III. Возможно, что признаком раннего этапа в погребальном обряде можно считать преобладание в кургане деревянных

внутримогильных конструкций, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Во-вторых, зеркала других типов — с центральной петлей без бортика и с центральной кнопкой и бортиком — могут датироваться еще раньше, так же, как и гребни из рога с фигурными рукоятями. По-видимому, зеркала без бортика существуют на протяжении всей культуры раннескифского времени. Не исключено, что они связаны своим происхождением с регионами, оказавшими в начале 1 тыс. до н. э. влияние на формирование комплексов аржанского типа, одним из которых является территория Синьцзяна. Однако нельзя забывать и о племенах, обитавших в соседней Минусинской котловине в конце эпохи бронзы, у которых зеркала с центральной петлей также присутствуют, как и гребни, вырезанные из рога. Не исключено, что связь этих двух предметов в рамках одного устойчивого набора также восходит к традициям финала карасукского времени, поскольку исследовавший эту категорию находок А. В. Поляков отмечает случай находки гребня вместе с зеркалом в могильнике Июсский (Поляков 2005: 107).

Таким образом, опыт проведенного исследования показывает, что при рассмотрении материалов из памятников, формирование которых растянуто по времени и которые могут содержать предметы, относящиеся к разным поколениям «живой» культуры прошлого, необходимо обязательно учитывать антропологические характеристики погребенного. Наличие типологически ранних артефактов (особенно относящихся к категории личных атрибутов и украшений) может указывать на попадание их в «мертвую» культуру из достаточно отдаленной по времени «живой». В качестве примера можно привести находку серег с припаянным конусом — типичное алды-бельское украшение — в комплексы уюкского типа на могильнике Эки-Оттуг 2 (Килуновская 2020: 9, 10). Едва ли эти находки могут служить поводом для выделения уюкско-алды-бельского типа памятников (Килуновская 2020: 11).

Возможно, кому-то покажутся сомнительными выводы, сделанные на основании проведенного анализа всего одной категории предметов, выступающей в качестве анахронизма на позднем этапе и маркирующей ранний. Тем не менее, хронологические рамки культуры в несколько веков не позволяют подойти к вопросам ее генезиса и другим реконструкциям культурно-исторических процессов. Марк Борисович Щукин отмечал, что «при использовании «широких» дат реконструируемая нами историческая действительность заливается как бы тусклым рассеянным светом, грани между явлениями стираются. Памятники или культуры, полностью или частично разновременные, могут показаться синхронными» (Щукин 1978: 32). Именно это и наблюдается сейчас при рассмотрении древностей раннескифского времени Тувы. Разделение алды-бельской культуры на ранний и поздний этапы, сделанное пока что лишь по нескольким категориям находок, должно продолжаться. Можно надеяться, что в будущем удастся выделить памятники её начального этапа, связанные с миграцией на эту территорию носителей новых традиций, в результате которой, в частности, изменилась рецептура сплавов, а в колчанах появились стрелы с черешковыми наконечниками. Не исключено, что тогда же были принесены и зеркала с высокими бортиками, которые постепенно исчезают в «живой» культуре, откладываясь в «мертвой». Возможно, внимательное рассмотрение других категорий находок, подкрепленное антропологическими определениями, позволит, используя парадигму Щукина–Шарова, определить другие хроноиндикаторы и уточнить хронологию, без которой невозможно воссоздать события прошлого. Как заметил Олег Васильевич Шаров, «от того, насколько правильно будет проведена реконструкция **мертвой культуры** по **«остаткам мертвой культуры»**, будет зависеть реконструкция культуры живой» (Шаров 2017: 307).

Литература

Боковенко Н. А. 2014. Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация. В: Алекшин В. А. (отв. ред.). *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона.* Труды ИИМК РАН. Т. XLII. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 372—392.

Вишневская О. А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака* [Труды ХАЭЭ. Т. 8]. Москва: Наука.

Горбунова Н. Г. 2001. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного). В: Седов А. В. (отв. ред.). *Древние цивилизации Евразии. История и культура.* Москва, 179—197.

Грач А. Д. 1980. *Древние кочевники в Центре Азии.* Москва: Наука.

Грязнов М. П. 1947. Памятники майэмирского этапа

эпохи ранних кочевников на Алтае. *КСИИМК* XVIII, 9—17.

Жогова (Кушакова) Н. А. 2014 Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая. *АВ* 20, 116—142.

Зайцева Г. И. и др. (ред.). 2005. *Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология*. Санкт-Петербург: Теза.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997. *Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен)*. Москва: РОССПЭН.

Килуновская М. Е. 2020. Проблемы культурной принадлежности погребальных памятников в урочище Эки-Оттуг в долине реки Ээрбек (Центральная Тува). В: Тамдын А. К. (отв. ред.). *Ермолаевские чтения*. Мат-лы IV научно-практической конф. (19 июня 2020 г.). Кызыл: Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 6—11.

Килуновская М. Е., Семенов В. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Мацвай А. Д. 2020. Уникальное захоронение ребенка раннескифского времени на могильнике Сарыг-Булун (Тува). *Stratum plus* (3), 379—406.

Киселев С. В. 1949. *Древняя история Южной Сибири*. МИА 9. Москва; Ленинград: АН СССР.

Кузнецова Т. М. 1991. *Этюды по скифской истории*. Москва: ИА АН СССР.

Кузнецова Т. М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III века до н. э.* Т. 1. Москва: Индрик.

Максименков Г. А. 2003. *Материалы по ранней истории тагарской культуры*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Маннай-Оол М. Х. 1970. *Тува в скифское время*. Москва: Наука.

Мастыкова А. В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце V — середине VI в. н. э.* Москва: ИА РАН.

Монгуш К. М. 2020. Раннескифский курган в правобережье р. Каа-Хем на востоке Тувы (исследования М. Х. Маннай-Оола 1967 г.). В: Тамдын А. К. (отв. ред.). *Ермолаевские чтения*. Мат-лы IV научно-практической конф. (19 июня 2020 г.). Кызыл: Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 158—163.

Поляков А. В. 2005. Гребни из комплексов карасукской культуры. В: Тишкин А. А. (отв. ред.). *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул: АлтГУ, 102—111.

Савинов Д. Г. 2002. *Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Самбу И. У. 1980. Могильник скифского времени в енисейском каньоне. В: Окладников А. П. (ред.). *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 65—70.

Могильник Мохучахань 2016: *Синьцзян Мохучахань муди* 2016. (*Могильник Мохучахань в Синьцзяне*) Синьцзян вэйу'эр цзычжицю вэньу каогу яньцюйсо бяньчжу. (Сост. Институт археологии и культуры СУАР) 新疆莫呼查汗墓地。新疆维吾尔自治区文物考古研究所编著。北京: 科学出版社. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. (на кит. яз.).

Семёнов Вл. А. 2001. Сыпучий Яр — могильник алды-бельской культуры в Туве. В: Астахов С. Н., Фроянов И. Я. (отв. ред.). *Евразия сквозь века: сб. научн. тр., посв. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова*. Санкт-Петербург: Филологич. фак-т СПбГУ, 167—172.

Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. 1990. Новые памятники раннего железного века в Туве. *Информационный бюллетень МАИКЦА* 17, 36—47.

Соловьева Н. Ф. (отв. ред.). 2015. *«Дорога длиной в тысячелетия…»*. Санкт-Петербург: Любавич.

Членова Н. Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. Москва: Наука.

Чугунов К. В. 1999. Периодизация алды-бельской культуры Тувы и ее финальный этап. В: Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (отв. ред.). *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: АлтГУ, 234—237.

Чугунов К. В. 2005. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур. *АСГЭ* 37, 66—90.

Чугунов К. В. 2011. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии. *РАЕ* 1, 262—335.

Чугунов К. В. 2020. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности. *АВ* 26, 136—143.

Шаров О. В. 2006. «Короткая» и «длинная» хронология — кто прав? В: Симоненко А. В. (отв. ред.). *Liber Archaeologicae: сб. статей, посв. 60-летию Б. А. Раева*. Краснодар; Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 161—172.

Шаров О. В. 2007. *Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: хронология комплексов с римскими импортами*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Шаров О. В. 2017. Концепция «живой» и «мертвой» культур Г.-Ю. Эггерса — Л. С. Клейна и возможности познания прошлого на примере изучения амфорной тары. В: Вишняцкий Л. Б. (отв. ред.). *Ex Ungue Leopet: Сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 306—316.

Шаров О. В. 2018. Хронология позднеримского времени европейского Барбарикума через призму соотношения «живой» и «мертвой» культур прошлого. В: Кашуба М. Т., Кайзер Э. (отв. ред.). *Принципы и методы датирования в археологии (неолит — средние века)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 171—205.

Шульга П. И., Шульга Д. П. 2020. *Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Щукин М. Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках. В: Столяр А. Д. (отв. ред.). *Проблемы археологии* II, 28—32.

Щукин М. Б. 2005. *Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура*. Санкт-Петербург: Филологич. фак-т СПбГУ.

Čikiševa T. A. 2010. Die paläoanthropologischen Materialien. In: Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Philipp von Zabern, 256—295.

Čugunov K. V. 1998. Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva. *Eurasia Antiqua* 4, 273—308.

Dergachev V. A., Vasiliev S. S. 1999. Cross-Dating method in dendrochronology and construction dates of Altai Barrows. *Physics in Culture*. Thessaloniki: The University Studio Press, 217—223.

References

Bokovenko, N.A. 2014. In Alekshin, V.A. (ed.). *Arkheologiia drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiia, kul'turogenez, religioznye vozzreniia (Archaeology of Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Cultural Genesis, Religious Beliefs).* Series: Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) XLII. Saint Petersburg: "Art-Ekspress" Publ., 372—392 (in Russian).

Vishnevskaia, O.A. 1973. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII—V vv. do n.e. (po materialam Uigaraka) (The Culture of the Saka Tribes in the Lower Syr Darya Region in 7th—5th Centuries BC (after the Materials from Uygarak)).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition) VIII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorbunova, N.G. 2001. In Sedov, A.V. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriia i kul'tura (Ancient Civilisations of Eurasia. History and Culture).* Moscow, 179—197 (in Russian).

Grach, A.D. 1980. *Drevnie kochevniki v Tsentre Azii (Ancient Nomads in the Centre of Asia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Griaznov, M.P. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVIII, 9—17 (in Russian).

Zhogova (Kushakova), N.A. 2014 In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 20, 116—142 (in Russian).

Zaitseva, G.I., Bokovenko, N.A., Alekseev, A.Yu., Chugunov, K.V., Scott, E.M. (eds.). 2005. *Evraziia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkheologicheskaia khronologiia (Eurasia in Scythian Time. Radiocarbon and Archaeological Chronology).* Saint Petersburg: "Teza" Publ. (in Russian).

Itina, M.A., Yablonsky, L.T. 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Sakas of the Lower Syrdarya Region, Based on the Materials of the Southern Tagisken Necropolis).* Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Kilunovskaia, M.E. 2020. In Tamdyn, A.K. (ed.). *Ermolaevskie chteniia (Ermolaev Readings)* IV. Kyzyl: A.S. Pushkin National Library, Tuva Republic, 6—11 (in Russian).

Kilunovskaia, M.E., Semenov, V.A., Busova, V.S., Mustafin, Kh. Kh., Al'borova, I.E., Matsvai, A.D. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 379—406 (in Russian).

Kiselev, S.V. 1949. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri (Ancient History of the Southern Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 9. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kuznetsova, T.M. 1991. *Etiudy po skifskoi istorii (Sketches on the Scythian History).* Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR" Publ. (in Russian).

Kuznetsova, T.M. 2002. *Zerkala Skifii VI—III vv. do n.e. (Mirrors of Scythia, the 6th–3rd Centuries B.C.)* 1. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Maksimenkov, G.A. 2003. *Materialy po rannei istorii tagarskoi kul'tury (Materials on the Early History of the Tagar Culture).* Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences VIII. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Mannai-Ool, M. Kh. 1970. *Tuva v skifskoe vremia (uiukskaia kul'tura) (Tuva in the Scythian Time (Uyuk Culture)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV — seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th — Mid-Sixth Century AD).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mongush, K.M. 2020. In Tamdyn, A.K. (ed.). *Ermolaevskie chteniia (Ermolaev Readings)* IV. Kyzyl: A.S. Pushkin National Library, Republic of Tyva, 158—163 (in Russian).

Poliakov, A.V. 2005. In Tishkin, A.A. (ed.). *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti (Western and Southern Siberia in Antiquity).* Barnaul: Altai State University, 102—111 (in Russian).

Savinov, D.G. 2002. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia: Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenez (Early Nomads on the Upper Yenisei: Archaeological Cultures and Cultural Genesis).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Sambu, I.U. 1980. In Okladnikov, A.P. (ed.). *Noveishie issledovaniia po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev (Recent Studies on the Archaeology of Tuva and the Ethnic Genesis of the Tuvans).* Kyzyl: Tuva Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 65—70 (in Russian).

Xinjiang Mohuchahan mudi (Mohuchahan Burial Ground in Xinjnang). 2016. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

Semenov, Vl.A. 2001. In Astakhov, S.N., Froianov, I. Ya. (eds.). *Evraziia skvoz' veka (Eurasia Through Ages).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Philology, 167—172 (in Russian).

Semenov, Vl.A., Kilunovskaia, M.E. 1990. In *Informatsionnyi biulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsia po izucheniiu kul'tur Tsentral'noi Azii (Information Newsletter of the International Association for the Studies of Central Asian Cultures)* 17, 36—47 (in Russian).

Solov'eva, N.F. (ed.). 2015. *«Doroga dlinoi v tysiacheletiia» ("The Millennia-long Road…").* Saint Petersburg: "Liubavich" Publ. (in Russian).

Chlenova, N.L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury (Provenance and Early History of the Tribes of Tagar Culture).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chugunov, K.V. 1999. In Kiriushin, Yu.F., Tishkin, A.A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaia i sopredel'nykh territorii (The Results of the Study of the Scythian Period of Altai and Neighboring Territories).* Barnaul: Altai State University, 234—237 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2005. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 37, 66—90 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual)* 1, 262—335 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2020. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 26, 136—143 (in Russian).

Sharov, O.V. 2006. In Simonenko, A.V. (ed.). *Liber Archaeologicae. Sbornik statei, posviashchennyi 60 letiiu Borisa Aronovicha Raeva (Liber Archaeologicae. A Tribute to B.A. Raev's 60th Anniversary).* Krasnodar; Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 161—172 (in Russian).

Sharov, O.V. 2007. *Keramicheskii kompleks nekropolia Chatyr-Dag. Khronologiia kompleksov s rimskimi importami (krasnolakovaia keramika) (Ceramic Complex of Chatyr-Dag Necropolis. The Chronology of Complexes with Roman Imports (Red-Glazed Ware)).* Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Sharov, O.V. 2017. In Vishnyatsky, L.B. (ed.). *Ex Ungue Leonem: Sbornik statei k 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina (Ex Ungue Leonem: Collected Papers to the 90th Anniversary of Leo S. Klejn).* Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 306—316 (in Russian).

Sharov, O.V. 2018. In Kashuba, M.T., Kaiser, E. (eds.). *Printsipy i metody datirovaniia v arkheologii (neolit — srednie veka) (Principles and Methods of Dating in Archaeology: Neolithic — Middle Ages).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 171—205 (in Russian).

Shul'ga, P.I., Shul'ga, D.P. 2020. *Mogil'nik Mokhuchakhan' kul'tury chaukhu v predgor'iakh Tian'-Shania (Sin'tszian, Kitai) (The Mohuchahan Burial Ground of the Chawu-*

hu Culture in the Tian-Shan Foothills, Xinjiang, China). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Shchukin, M.B. 1978. In Stoliar, A.D. (ed.). *Problemy arkheologii (Issues of Archaeology)* II, 28—32 (in Russian).

Shchukin, M.B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sîntana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).

Čikiševa, T.A. 2010. Die paläoanthropologischen Materialien. In Čugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Philipp von Zabern, 256—295.

Čugunov, K.V. 1998. Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva. *Eurasia Antiqua* 4, 273—308.

Dergachev, V.A., Vasiliev, S.S. 1999. Cross-Dating method in dendrochronology and construction dates of Altai Barrows. *Physics in Culture.* Thessaloniki: The University Studio Press, 217—223.

Статья поступила в сборник 21 июня 2022 г.

Konstantin Chugunov (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum [1].

Чугунов Константин Владимирович (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: chugunovk@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1977-7189

Address: [1] Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Меотское погребение с «очковидными» псалиями

Keywords: Kuban region, Maeotians, Sarmatians, burial ground, “eye-glass”-shaped cheek-pieces, chronology

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, сарматы, грунтовый могильник, «очковидные» псалии, хронология

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces

In the Maeotian burial ground on the northern bank of the Krasnodar storage reservoir (right bank of the Kuban River), a burial was excavated containing three pairs of iron bits with cheek-pieces. Two pairs of cheek-pieces are of the “eye-glass”-shaped type. Cheek-pieces of a similar design, both iron and bronze, were quite often used by the Sarmatians of the Northern Black Sea region, the Volga region and the Don region, but they were not widespread among the Maeotians of the Kuban region. The closest analogies come from the Sarmatian burials of the 1st — early 2nd century AD. The dating of the Maeotian burial is limited to the second half of the 1st — the beginning of the 2nd century AD.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Меотское погребение с «очковидными» псалиями

В меотском грунтовом могильнике на северном берегу Краснодарского водохранилища (правый берег р. Кубань) было раскопано погребение, содержащее три пары железных удил с псалиями. Две пары относятся к типу «очковидных». Псалии подобной конструкции, как железные, так и бронзовые, довольно часто использовались сарматами Северного Причерноморья, Поволжья и Подонья, но у меотов Прикубанья не получили распространения. Наиболее близкие аналогии происходят из сарматских погребений I — начала II н. э. Датировка меотского погребения ограничивается второй половиной I — началом II в. н. э.

В 1980 г. на меотском грунтовом могильнике городища № 1 хут. Ленина (рис. 1), расположенном на северном берегу Краснодарского водохранилища (правый берег р. Кубань), И. Н. Анфимовым было раскопано погребение № 28 с конской упряжью редкого типа. Могильная яма не прослежена. От скелета человека сохранились лишь мелкие фрагменты черепа, левой локтевой кости и правой голени, судя по которым погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. В головах стояли сероглиняные кувшин и ваза (рис. 2: 8). В области черепа расчищено 5 сердоликовых овальных бус и одна цилиндрическая темно-синего стекла с белыми глазками, а в районе груди — реберчатая из белого фаянса. В области правого плеча (судя по полевому чертежу) лежали два сцепленных проволочных височных кольца и две бронзовые проволочные витые подвески, концы которых закручены в виде волют (рис. 2: 1—4). У левой руки находилось усечено-коническое «гешировое пряслице». Найден также оселок (рис. 2: 9). Слева вдоль тела лежали три пары железных удил с железными псалиями (рис 2: 5—7). Кости лошади в захоронении отсутствовали (Анфимов И. Н. 1980: 26—28, рис. 21, 94—97, 107, 114, 116, 166, 184, черт. 29).

Первая пара удил снабжена псалиями с большими овальными круглыми в сечении кольцами на концах короткого, прямоугольного в сечении стержня с 8-образным расширением. Во внешние петли удил продеты дополнительные маленькие бронзовые овальные кольца плоского сечения. Длина удил — 13,3 см, длина псалия — 13,3 см, размеры колец псалия — 5 × 6,8 см (рис. 2: 5).

А. В. Симоненко в своей монографии, посвящённой вооружению и снаряжению сарматских всадников Северного Причерноморья, псалии этой формы выделил в тип 2 «очковидных» (Симоненко 2010: 165, рис. 136). Их особыми признаками является прямой короткий стержень с большими круглыми или овальными кольцами на концах.

© Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL22143151

Псалии «очковидной» конструкции, как железные, так и бронзовые, часто использовались сарматами. Среди близких аналогий следует назвать железные удила с бронзовыми[1] литыми псалиями из диагонального погребения кургана № 12 Никольского могильника в Нижнем Поволжье (рис. 3). Стержень с двумя прямоугольными петлями, на его концах — большие овальные кольца, инкрустированные по внешней стороне медными прямоугольными пластинками[2]. К удилам крепились небольшого диаметра бронзовые дополнительные кольца с пластинчатыми бронзовыми зажимами. Общая длина псалия — 14 см, длина стерженька псалия — 4 см, наибольший диаметр колец псалия — 7—7,5 см, диаметр добавочных колец — 2,5 см. Датировка патеры типа «Миллинген» из этого погребения автором публикации И. П. Засецкой была ограничена I в. н. э., а сам комплекс, как и другие погребения сарматского времени из Никольского могильника, она датировала в пределах второй половины I — начала II вв. н. э. (Засецкая 1979: 104, 108—110, 113 рис. 17: 3; 20). В принципе, несмотря на новые исследования, эту датировку вряд ли стоит пересматривать, учитывая возможность запаздывания импортов у кочевников.

Ещё одна находка удил с железными «очковидными» псалиями и дополнительными кольцами, вставленными во внешние петли удил, происходит из впускного погребения № 21 Андреевского кургана в Среднем Поволжье (рис. 4: 1). У этих псалиев также овальные кольца большого диаметра, расположенные на концах короткого стержня с двумя прямоугольными петлями (размеры кольца — 6,3 × 7,7 см, длина стержня — около 3,1—3,8 см). Кольца и стержни псалиев с внешней стороны по всей поверхности покрыты сплошной бронзовой инкрустацией. С. Э. Зубов датирует группу впускных погребений из этого памятника «последней четвертью I — началом или первой четвертью II в н. э., а возможно и только первой четвертью II в. н. э.» (Зубов 2011: 51, 65, 115, рис. 19: 1).

Рис. 1. Местоположение могильника городища № 1 хут. Ленина (1).

Fig. 1. Location of the burial ground of the settlement No. 1 Lenin farm (1).

К этому же типу относятся серебряные литые псалии конского убора из погребения № 1 кургана 25 могильника Валовый I. Их стержни короткие, с двумя прорезями для крепления зажимов ремней. Внутри массивных уплощенных колец расположено по паре валютообразных завитков, которые рассматривают как «тамгообразные фигуры в виде завитков и углов» (Беспалый, Беспалая, Раев 2007: 63, табл. 74: 2) или сильно стилизованный цветок лотоса (Трейстер 2020: 153). Богатый и разнообразный инвентарь этого элитного комплекса позволяет определить его хронологию в пределах конца II — первой трети III в. н. э. как и других позднесарматских погребений могильника (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 98—100, 113). А. В. Симоненко датировал это погребение (правда, без какой-либо аргументации) второй половиной II в. н. э. (Симоненко 2015: 72).

В своих работах А. В. Симоненко приводит пару удил с железными «очковидными» псалиями из сарматского диагонального погребения № 1 кургана № 29 могильника Днепрозаводстрой, которые очень близки экземпляру с хут. Ленина. Правда автор отмечает, что в настоящее время удила не сохранились, а на полевой зарисовке не показаны ни петли на стержне псалия, ни кольца на концах грызл, которые обычно имеются на таких удилах. В последних работах исследователь датировал этот комплекс I — сере-

[1] А. В. Антипенко ошибочно считает, что Никольские псалии выполнены из железа (Антипенко 2016: 93).

[2] Благодарим Б. А. Раева за предоставленный рисунок удил, выполненный Н. Е. Беспалой в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике.

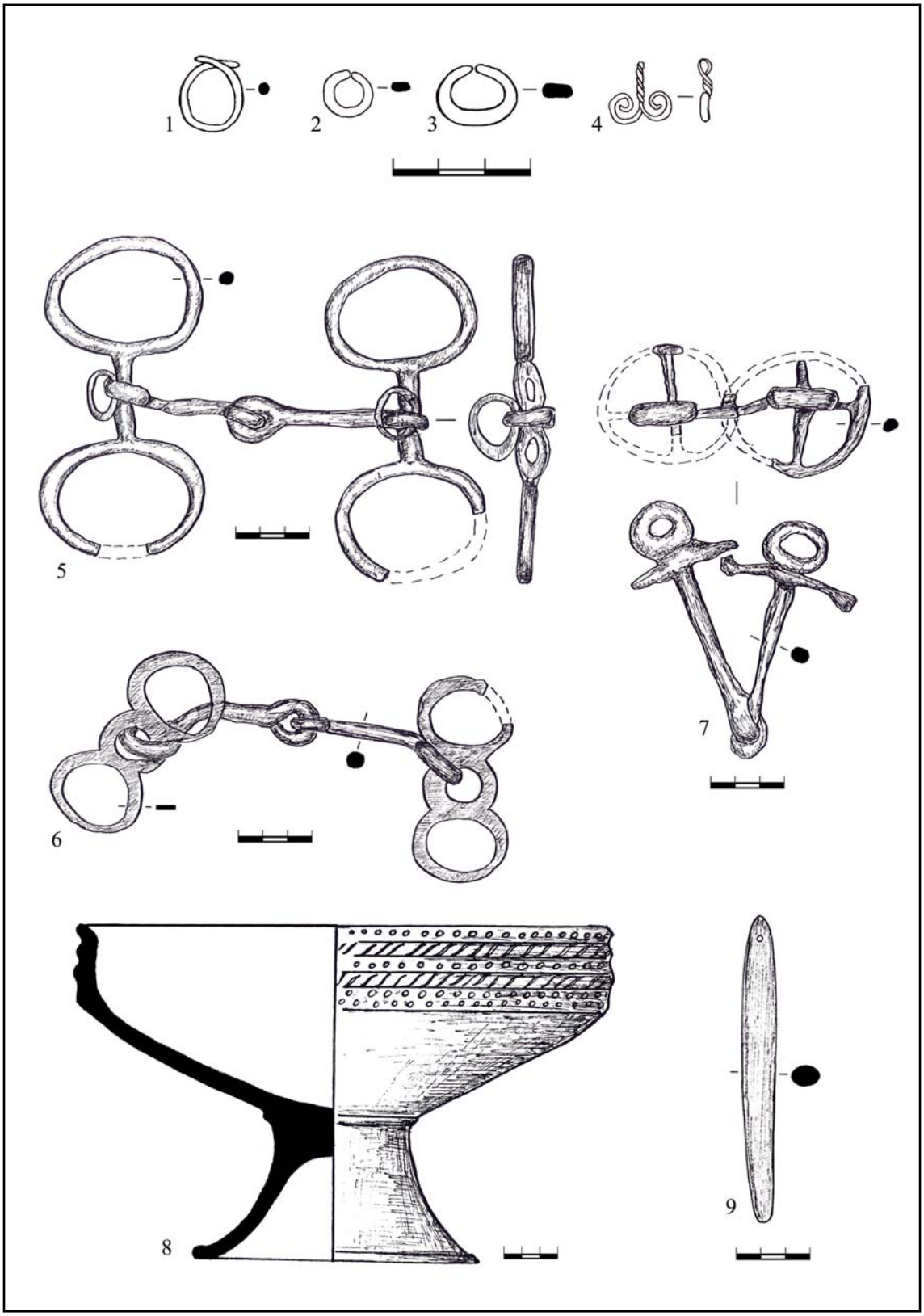

Рис. 2. Инвентарь погребения № 28 могильника городища № 1 хут. Ленина: 1—3 — кольца бронзовые; 4 — подвеска бронзовая; 5—7 — удила с псалиями железные; 8 — ваза сероглиняная; 9 — оселок.

Fig. 2. Grave goods from the burial No. 28 of the burial ground of settlement No. 1 of the Lenin farm: 1—3 — bronze rings; 4 — bronze pendant; 5—7 — iron bits with cheek-pieces; 8 — gray-clay vase; 9 — grindstone.

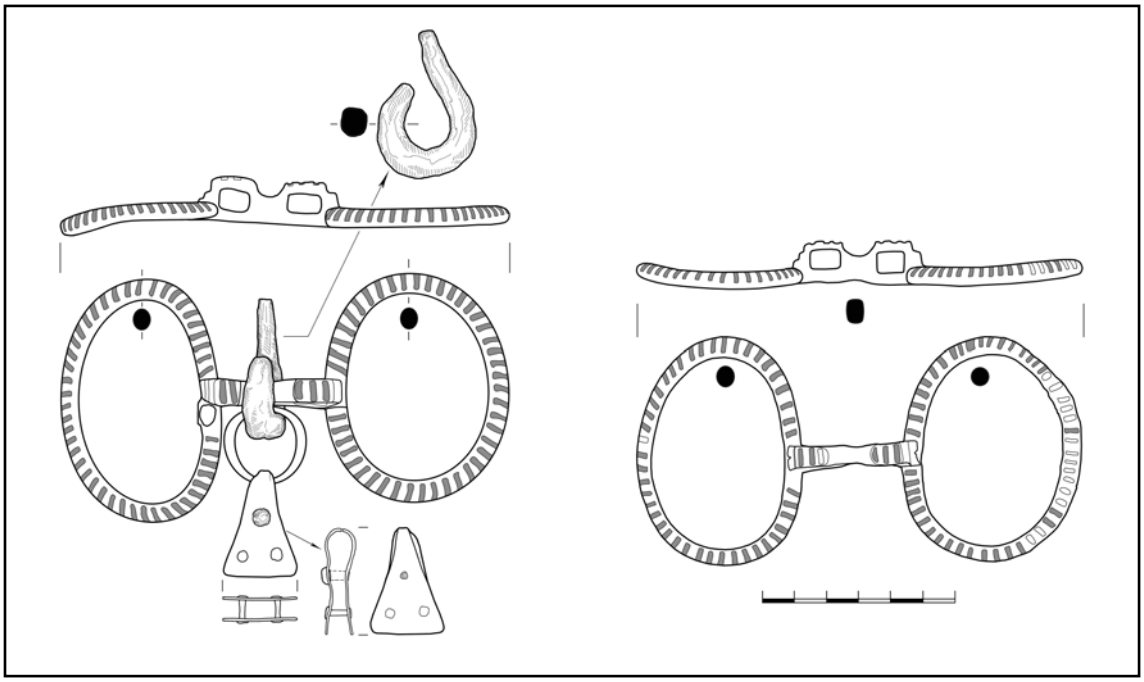

Рис. 3. Псалии из кургана 12 Никольского могильника.

Fig. 3. Cheek-pieces from barrow12 of the Nikolsky burial ground.

диной II в. н. э.[3] К этому же типу исследователь отнес и псалии из погребений Андреевского, Валового, и Никольского курганов. Конструкция удил с «очковидными» псалиями из Керчи и Херсонеса, скорее всего, как считает А. В. Симоненко, была заимствована у сарматов (Симоненко 2000: 133—134, рис. 2: 2; Симоненко 2010: 165, 167—168, рис. 136; Симоненко 2015: 236, рис. 83: 6).

От собственно «очковидных» псалиев заметно отличаются псалии с длинным стержнем и кольцевидными окончаниями небольшого диаметра, которые известны в сарматских памятниках, но ни разу не были встречены у меотов. Такой бронзовый двухпетельчатый псалий с тремя выступами на кольцах (длина — 7,5 см) был найден в Усть-Лабинском кургане 43 (рис. 4: 3), погребение в котором является наиболее ранним в курганах «Золотого кладбища» и относится к первой половине I в. н. э. (Гущина, Засецкая 1994: 37, 72, табл. 49, кат. № 472; Marčenko, Limberis 2008: 279, 383, Kat.-nr. 58, Taf. 88: 11). Однотипные железные псалии происходят из погребения № 28 уже упомянутого Андреевского кургана (рис. 4: 2). Двухпетельчатые стержни этих псалиев заканчиваются небольшими кольцами с короткими перпендикулярными выступами (диаметр колец — 2,5—3 см, длина стержней — 7,8—8 см). На внешней поверхности псалиев имеются зоны золотой инкрустации по окружности кольца и боковым выступам (Зубов 2011: 51, рис. 19: 5).

Близкой формы железные псалии, вся поверхность которых инкрустирована серебряной проволокой, были найдены в кургане второй половины I — начала II вв. н. э. у с. Нижняя Добринка (Сергацков, Захаров 2006: 117, 122, рис. 3: 4). Следует упомянуть и железные удила с двухпетельчатыми стержневидными псалиями с кольцевидными окончаниями с маленькими выступами из погребения № 1 кургана 1 могильника Октябрьский V. По богатому и разнообразному инвентарю (бронзовая и серебряная импортная посуда, стеклянный скифос и др.) комплекс был датирован I в. н. э. (Мыськов, Кияшко, Скрипкин 1999: 153, 156, рис. 5: 5).

Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева, исследуя конскую сбрую из элитного некрополя у ворот Неаполя Скифского (погребение А), вы-

[3] А. В. Симоненко в работе, посвященной могильнику, Днепрозаводстрой отмечает, что нет смысла приводить многочисленные аналогии для датировки этого комплекса, так как удила из кургана 29 уже рассматривались ранее, ссылаясь на совместную статью с В. М. Зубарем (Симоненко 2000: 134). Однако, в этой работе данный комплекс датируется ими I в. до н. э. (Зубарь, Симоненко 1984: 151, 153). В переизданной статье, в которой А. В. Симоненко исправил ряд ошибок, эта датировка не была уточнена (Зубарь, Симоненко 2012: 90).

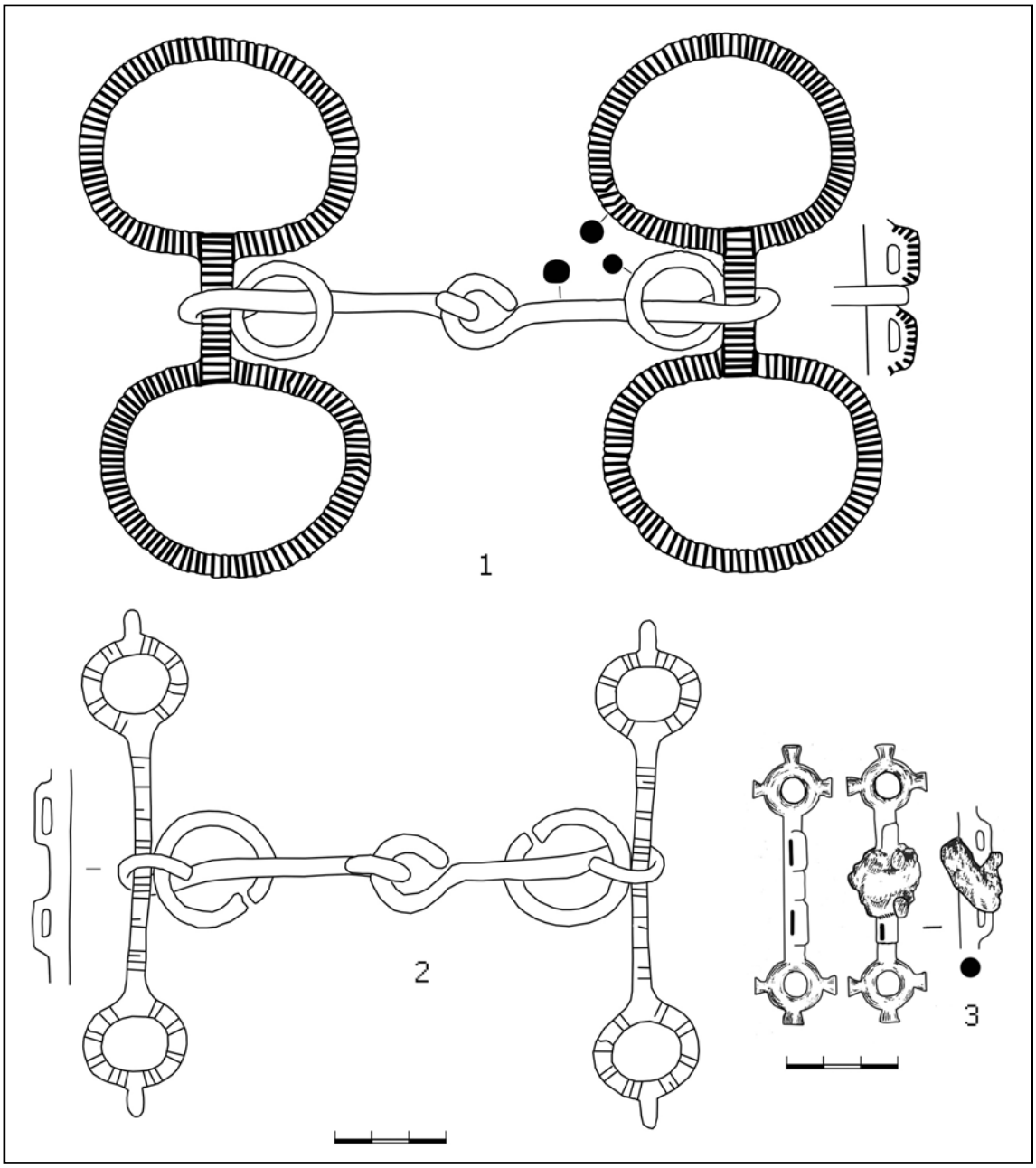

Рис. 4. 1 — удила с псалиями из погребения № 21 Адреевского кургана; 2 — удила с псалиями из погребения № 28 Андреевского кургана; 3 — псалий из Усть-Лабинского кургана № 43.

Fig. 4. 1 — bits with cheek-pieces from burial No. 21 of the Adreevsky barrow; 2 — bits with cheek-pieces from burial No. 28 of the Andreevsky barrow; 3 — cheek-piece from the Ust-Labinsky barrow No. 43.

делили псалии с окончаниями «в виде колец в различных вариантах» во вторую типологическую группу, куда вошли псалии из Херсонеса, Пантикапея, Усть-Лабинского кургана 43, Октябрьского V, Днепростроя (Днепрозаводстрой), Никольского и других комплексов (т. е. как «очковидные», так и с длинным стержнем и маленькими кольцами). Авторы считают, что часть экземпляров этой группы может быть связана своим происхождением с римским конским снаряжением (Зайцев, Мордвинцева 2007: 90). Другие исследователи рассматривают такие псалии, как варианты стержневидных (Антипенко 2016: 92—93, тип III, вариант 4; Зубов 2011: 51, тип 2а).

Однако псалии с кольцевидными окончаниями, имеющие, в принципе, одну морфологическую схему со стержневидными, всё же заметно различаются по длине стержня и диаметру колец. Поэтому псалии с длин-

ным стержнем и кольцами небольшого диаметра и «очковидные», особенностью которых является короткий стержень и круглые или овальные кольца большого диаметра, мы предлагаем относить к двум разным типам.

Судя по всему, «очковидные» псалии и появились в сарматской среде. Из достоверно сарматских комплексов I — начала II в. н. э. происходят никольские и днепрозаводские удила с «очковидными» псалиями. Проблема же этнической принадлежности памятников писеральско-андреевского типа и сегодня является дискуссионной. Подробный анализ точек зрения приведен в работе С. Э. Зубова (Зубов 2011: 109). Отметим только, что и другие авторы отмечают наличие сарматского компонента (Зеленеев 1988: 81—82) или связей с сарматами (Халиков 1987: 16), с чем мы вполне согласны. Находки из Керчи и Херсонеса также справедливо связывают с сарматским влиянием (Симоненко 2010: 167; Симоненко 2015: 236).

Хотя «очковидные» псалии распространены довольно широко по сарматской территории, у меотов Прикубанья подобная конструкция, по-видимому, не завоевала популярности. Псалии из погребения № 28/1980 г. могильника хут. Ленина № 1 являются единственным экземпляром на десятки исследованных к настоящему времени меотских погребений первых веков н. э. с конской упряжью. Эта пара «очковидных» псалиев, имеющая близкие аналогии в комплексах I в. н. э. — начала II в. н. э. (Никольский, Днепрозаводский, Андреевский курганы), всё же существенно отличается от сарматских образцов наличием на стержне, вместо двух петель, 8-образного расширения с двумя отверстиями. Такое оформление стержня, несомненно, имеет связь с обычными стержневидными псалиями, которые были в ходу у меотов до первых веков нашей эры.

Вторая пара удил из этого погребения снабжена совершенно уникальными псалиями в виде трех соединенных колец плоского сечения. Концы удил вставлены в центральные кольца меньшего диаметра и загнуты. Длина удил — 15,6 см, длина псалия — 8,5 см, размеры внешних колец псалия — 4,0 × 3,4 см, диаметр внутреннего кольца — 3,1 см (рис. 2: 6). Эта конструкция, скорее всего, является модификацией «очковидных» псалиев, но аналогии нам неизвестны.

Третья пара удил имела типичные для меотов колесовидные псалии, колеса которых надеты на грызла и имеют круглую петлю (рис. 3: 7). Плохая сохранность не дает возможности выяснить их технологические особенности. Диаметр псалия — около 6,5 см. Четыре пары удил с колесовидными псалиями с круглой петлей были найдены в погребении сарматского всадника второй половины I — начала II в. н. э., открытом на могильнике меотского Старокорсунского городища № 2 (Лимберис, Марченко 2012: 152, рис. 4: 4, 5, 8, 9; Лимберис, Марченко 2015: 132).

Мелкие бронзовые украшения (рис. 2: 1—4) и набор бус из погребения № 28/1980 г. имеют широкие хронологические рамки бытования. Так, сердоликовые бусы, относящиеся к типу 2а, появляются ещё в эпоху эллинизма, но особенно массово представлены в комплексах I—II вв. н. э. (Алексеева 1982: 15), а глазчатая бусина типа 78а является «сквозным» типом для V в. до н. э. — II в. н. э. (Алексеева 1975: 68).

Наиболее надёжно хронология рассматриваемого погребения определяется по сероглиняной вазе на высоком коническом поддоне (рис. 2: 8). В своё время, М. Ю. Лунёв датировал вазы этого типа I в. н. э., однако в тезисах автор не аргументировал предложенную датировку (Лунёв 2005: 169). В связи с этим, нам придётся представить развернутую аргументацию хронологии этого вида сосудов. Подобные вазы довольно часто встречаются в меотских могильниках с хорошо датирующимися вещами. Наиболее ранняя была найдена в погребении № 122/2013 г. Елизаветинского могильника № 2 вместе со стеклянным скифосом типа IIIа, 3 первой половины I в. н. э. (Засецкая, Марченко 1995: 96—97; Лимберис, Марченко 2020а: 168, 169). Вазу из погребения № 289 могильника Старокорсунского городища № 3 по совместной находке лучковой подвязной фибулы варианта 2 серии I можно датировать второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010: 72—74). К этому же периоду относится погребение № 125 могильника городища Спорное, где присутствуют ваза и бронзовый браслет с коническими шишечками на концах (Лимберис, Марченко 2019: 205, рис. 2). Хронологический анализ комплексов с браслетами этого типа позволил нам ограничить время их бытования в Прикубанье I — началом II в. н. э. (Лимберис, Марченко 2020: 429—430). Вазы происходят также из погребений № 33/1981 г. и № 421/1981 г. могильника городища № 1 хут. Ленина. В погребении № 33 вместе с вазой была найдена лучковая подвязная фибула 2-го варианта, которая, как уже отмечалось, датируется в основном второй половиной

I в. н. э. Хронология маленькой пластинчатой фибулы серии 1 с S-овидным завитком на конце приемника из погребения № 421 по В. В. Кропотову определяется в пределах второй половины I—II в. н. э. (Кропотов 2010: 183), а по А. К. Амброзу — I — отчасти II в. н. э. (Амброз 1966: 45). Ещё две сероглиняные вазы были найдены вместе с мечом с кольцевым навершием в северной камере земляного склепа 1944 г. могильника Тбилисского городища № 1 (Анфимов Н. В. 1947: 153, рис. 54), датировка которого вряд ли выходит за пределы I в. н. э. (Лимберис, Марченко 2020а: 169). Таким образом, бытование у меотов ваз на высоком поддоне приходится, в основном, на I в. н. э., но допустимо и начало следующего столетия. Соответственно, этим временем, можно было бы датировать и погребение № 28/1980 хут. Ленина. Однако, учитывая хронологию приведённых выше сарматских комплексов с «очковидными» псалиями, датировку этого погребения, скорее всего, нужно ограничить второй половиной I — началом II в. н. э.

Литература

Анфимов И. Н. 1980. *Отчёт о раскопках грунтового могильника городища № 1 х. Ленина за 1980 год*. Научный архив КГИАМЗ, № 308.

Анфимов Н. В. 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. *КСИА* 16, 148—157.

Алексеева Е. М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ ГI–12. Москва: Наука.

Алексеева Е. М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ ГI–12. Москва: Наука.

Амброз А. К., 1966. *Фибулы Юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV н. э.* САИ Д–30. Москва: Наука.

Антипенко А. В. 2016. Типология псалий I—IV вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья). *МАИЭТ* XXI, 84—109.

Анфимов Н. В. 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. *КСИИМК* XVI, 148—157.

Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис.

Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. 2007. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. *«Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье*. Санкт-Петербург: Фарн.

Засецкая И. П. 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье. *ТГЭ* XX, 87—113.

Засецкая И. П., Марченко И. И. 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. *АСГЭ* 32, 90—104.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2007. Элитный некрополь 2 в. н. э. у Центральных ворот Неаполя Скифского. В: Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. (ред.). *Древняя Таврика*. Посвящается 80-летию Т. Н. Высотской. Симферополь: Универсум, 81—108.

Зеленеев Ю. А. 1988. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории. *АЭМК* 14, 79—86.

Зубарь В. М., Симоненко А. В. 1984. О снаряжении боевых коней первых веков н. э. В: Черненко Е. В. (отв. ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, 148—155.

Зубарь В. М., Симоненко А. В. 2012. О снаряжении боевых коней первых веков н. э. В: *Золото, конь и человек*. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: Скиф, 89—98.

Зубов С. 2011. *Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н. э.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных*. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.

Кропотов В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: ИА НАНУ; АДЕФ-Украина.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2012. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища. В: Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. (отв. ред.). *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. Труды ГИМ 191. Москва: ГИМ, 144—154.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2015. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника № 2. *Вестник ВолГУ* 5 (35), 126—138.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2019. Погребения с мечами с кольцевым навершием из могильника меотского городища Спорное. *Stratum plus* (4), 189—209.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2020а. Хронология мечей с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани. *НАВ* 2 (19), 164—182.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2020б. Хронология браслетов с коническими шишечками на концах из меотских памятников Прикубанья. *АДІУ* 3 (36), 423—430.

Лунёв М. Ю. 2005. Мечи с кольцевидным навершием в погребениях I в. до н. э. — II в. н. э. Северо-Западного Кавказа. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Тезисы и доклады. Краснодар: КубГУ, 167—171.

Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. 1999. Погребение сарматской знати с Есаульского Аксая. *НАВ* (2), 149—170.

Сергацков И. В., Захаров П. Е. 2006. Сарматское погребение на севере Волгоградской области. *РА* (1), 117—123.

Симоненко А. В. 2000. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье. *НАВ* (3), 133—144.

Симоненко А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Симоненко А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Издание 2-е, исправленное

и дополненное. Киев: Олег Филюк.

Трейстер М. Ю. 2020. Ажурные псалии и бляхи конской узды парадных конских уборов кочевников позднесарматского времени. В: *Від античності до християнства.* Збірник наукових статей, присвячений 70-річчю Віталія Михайловича Зубаря. Київ: ІА НАНУ, 145—162.

Халиков А. Х. 1987. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация. *АЭМК* 12, 8—24.

Marčenko I. I., Limberis N. Ju. 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. *Archäologie in Eurasien* 25, 265—400, 222 Taf.

References

Anfimov, I. N. 1980. *Otchet o raskopkakh gruntovogo mogil'nika gorodishcha no. 1 kh. Lenina za 1980 god (Report on Excavations of the Flat Necropolis of the Hillfort № 1, Lenin Khutor, in 1980)*. Scientific Archive of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, no.308 (in Russian).

Anfimov, N. V. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 16, 148—157 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI–12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI–12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ambroz, A. K., 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n. e. — IV v. n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D-30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Antipenko, A. V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXI, 84—109 (in Russian).

Anfimov, N. V. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVI, 148—157 (in Russian).

Bezuglov, S. I., Glebov, V. P., Parusimov, I. N. 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniia v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyi I) (Late Sarmatian Burials in the Mouth of the Don ("Valovyi-1" Burial Mound))*. Rostov-on-Don: "Media-Polis" Publ. (in Russian).

Bespalyi, E. I., Bespalaia, N. E., Raev, B. A. 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik «Valovyi 1» (Ancient Population of the Lower Don Region. "Valovyi-1" Burial Mound)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Iuga Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Southern Russia) 2. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gushchina, I. I., Zasetskaia, I. P. 1994. *«Zolotoe kladbishche» rimskoi epokhi v Prikuban'e (The "Golden Cemetery" of the Roman Age in the Kuban Basin)*. Series: Russian Archaeological Library 1. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).

Zasetskaia, I. P. 1979. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* XX, 87—113 (in Russian).

Zasetskaia, I. P., Marchenko, I. I. 1995. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 32, 90—104 (in Russian).

Zaytsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2007. In Zaytsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. (eds.). *Drevniaia Tavrika (Ancient Taurica)*. Series: Archaeological Studies Simferopol: "Universum" Publ., 81—108 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1988. In *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 14, 79—86 (in Russian).

Zubar, V. M., Simonenko, A. V. 1984. In Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzhenie skifov i sarmatov (The Armament of Scythians and Sarmatians)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 148—155 (in Russian).

Zubar, V. M., Simonenko, A. V. 2012. In *Zoloto, kon' i chelovek (Gold, Horse and Man)*. Kyiv: "Skif" Publ., 89—98 (in Russian).

Zubov, S. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I—III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st—3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethno-Cultural Milieu, by the Archaeological Data)*. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. (in Russian).

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2012. In Zhuravlev, D. V., Firsov, K. B. (eds.). *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia (Eurasia in Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 191. Moscow: State Historical Museum, 144—154 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Volgograd State University)* 5 (35), 126—138 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 189—209 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2 (19), 164—182 (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2020. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 3 (36), 423—430 (in Russian).

Lunev, M. Yu. 2005. In Marchenko, I. I. (ed.). *Chetvertaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Fourth Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 167—171 (in Russian).

Mys'kov, E. P., Kiiashko, A. V., Skripkin, A. S. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* (2), 149—170 (in Russian).

Sergatskov, I. V., Zakharov, P. E. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 117—123 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2000. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* (3), 133—144 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Pontic Region)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Department of Philology and Arts; "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Pontic Region)*. 2nd ed. Kyiv: "Oleh Filyuk" Publ. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2020. In Bujskikh, A. V., Son, N. O. (eds.). *Vid antychnosti do khrystyyanstva*. Zbirnyk naukovykh statej, prysvyachenyj 70-richchyu Vitaliya Mykhajlovycha Zubarya *(From Antiquity to Christianity: Collected Research Articles Devoted to the 70th Anniversary of Vitalii Mykhailovych Zubar)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 145—162 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1987. In *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 12, 8—24 (in Russian).

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. *Archäologie in Eurasien* 25, 265—400, 222 Taf.

Статья поступила в сборник 29 июня 2022 г.

Natalia Limberis (Krasnodar, Russian Federation). Kuban State University [1].
Лимберис Наталья Юрьевна (Краснодар, Россия). Кубанский государственный университет.
E-mail: limberis2@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0395-315X

Ivan Marchenko (Krasnodar, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Kuban State University [2].
Марченко Иван Иванович (Краснодар, Россия). Кандидат исторических наук. Кубанский государственный университет.
E-mail: meot@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7319-5214

Address: [1, 2] Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation

А. М. Обломский

Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н. э. — II в. н. э.

Keywords: late Scythian archaeological culture, upper reaches of the Voronezh River, 2nd century BC — 2nd century AD

Ключевые слова: позднескифская археологическая культура, верховья реки Воронеж, II в. до н. э. — II в. н. э.

A. M. Oblomskiy

The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD

The article continues a series of publications of materials of the 2nd century BC— 2nd century AD from the research of the Early Slavic expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in the Upper Don region. The work examines the sites of the Late Scythian archaeological culture in the upper reaches of the Voronezh River (Staevo-3, 4, 5, 10, 12). These sites are located on a relatively high terrace and in the floodplain of the right bank of the river. The excavated sites are dated: Staevo-5 — 2nd century BC— 2nd century AD, Staevo-4 and Staevo-10 — 1st—2nd centuries AD.

For the first time, the author publishes the materials of the settlement Staevo-10, as well as some new finds from Staevo-4 and 5, and describes ceramics, a set of jewelry, weapons and horse equipment.

One of the most important problems of studying the complex of sites near the village Staevo is the question of the cultural and economic type of the Late Scythian population of the Upper Don region. The absence of stationary dwellings and economic structures on them shows that these settlements were short-lived and represent the remains of summer camps of nomads. The population of the Late Scythian culture of the Upper Don region was mostly sedentary, but it also included nomadic groups.

А. М. Обломский

Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н. э. — II в. н. э.

Статья продолжает серию публикаций материалов II в. до н. э. — II в. н. э. из исследований Раннеславянской экспедиции Института археологии РАН в Верхнем Подонье. В работе рассматриваются памятники позднескифской археологической культуры в верховьях реки Воронеж (Стаево-3, 4, 5, 10, 12). Эти поселения расположены на относительно высокой террасе и в пойме правого берега реки. Из исследованных раскопками памятников Стаево-5 датируется II в. до н. э. — II в. н. э., Стаево-4 и Стаево-10 — I—II вв. н. э. Впервые в статье опубликованы материалы поселения Стаево-10, а также некоторые новые находки из Стаево-4 и 5, дается характеристика керамики, набора украшений, предметов вооружения и конского снаряжения.

Одной из важнейших проблем изучения комплекса памятников у с. Стаево, является вопрос о культурно-хозяйственном типе позднескифского населения Верхнего Подонья. Отсутствие на них стационарных жилых и хозяйственных сооружений показывает, что эти поселения были кратковременными и представляют собой остатки летних лагерей кочевников. Население позднескифской культуры Верхнего Подонья, в основном, было оседлым, но в его состав входили и кочевые группировки.

Предлагаемая вниманию читателя статья продолжает серию публикаций материалов II в. до н. э. — II в. н. э. из исследований Раннеславянской экспедиции Института археологии РАН в Верхнем Подонье. Обширный по площади комплекс своеобразных поселений находится в верховьях р. Воронеж около места слияния двух ее истоков (Польного Воронежа и Лесного Воронежа). Большая часть материалов двух памятников (Стаево-4, 5) были изданы в юбилейном номере журнала «Stratum plus» в честь 60-летия Олега Васильевича Шарова, признанного специалиста по позднескифской тематике (Обломский 2020). Вне-

The article is prepared within the framework of the planned theme of IA RAS “Panorama of historical and cultural processes on the territory of Eastern Europe in the Roman and Great Migration periods according to archaeological data (I—VII centuries)” (No. 122011200267-0) ■ Статья подготовлена в рамках плановой темы ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I—VII вв.)» (№ НИОКР 122011200267-0).

© А. М. Обломский, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22153170

запная смерть нашего коллеги и друга прервала его плодотворные исследования, и, к сожалению, новая статья о памятниках рубежа эр (или сарматского времени) в окрестностях с. Стаево включена в сборник, посвященный уже его памяти.

Напластования позднескифской культуры зафиксированы на селищах Стаево-3, 4, 5, 10, 12 Мичуринского р-на Тамбовской обл. (рис. 1). Некоторые материалы рубежа эр, которые с них происходят, публиковались ранее, но в настоящей статье информация о них сведена вместе для того, чтобы можно было определить общий характер комплекса. Первые три памятника находятся на относительно высоком участке речной долины.

Поселение Стаево-3 расположено на территории крайнего юго-западного хутора с. Стаево Мичуринского р-на Тамбовской обл., в 1,1 км к северу от западной окраины с. Новоникольское, в 2,3 км к северо-западу от железнодорожного моста через р. Воронеж. Занято сельскими постройками и огородами, находится на склоне мыса правого коренного берега р. Воронеж высотой 14—16 м от уровня воды и 12 м от низкой поймы, имеет размеры около 90×60 м. На памятнике собран подъемный материал. К сарматскому периоду относятся обломки лепных сосудов с примесью мелкого шамота в тесте, а также дресвы, в т. ч. фрагмент венчика горшка с насечками по краю (Обломский 2013: 35, 36, рис. 235: 12).

Поселение Стаево-4[1] расположено в 0,1 км к северо-западу от Стаево-3 через овраг. Высота памятника от низкой поймы Воронежа — 8 м, размеры — 220×110 м. В 2015—2016 гг. на поселении автором статьи проведены раскопки (644 м^2). Из культурного слоя и более поздних объектов происходит лепная и гончарная керамика, бронзовая фибула типа «Авцисса» (группа 13, форма 2) второй половины I—II вв. (допускается существование отдельных экземпляров в заключительной части II — первой половине III в.)[2], железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2: 1, 6) (Обломский 2020: 365, 366). При сборе подъемного материала на пашне в 2020 г обнаружены еще три обломка фибул того же типа, в т. ч. два фрагмента головок с характерной надписью «AVCISSA», фрагмент бронзового кольца с шишечками, расположенными по три (рис. 2: 2—5). Наиболее вероятная дата поселения — I — II вв. н. э.

Поселение Стаево-5 находится в 0,1 км к северо-западу от селища Стаево-4 (через овраг) на участке коренного правого берега р. Воронеж высотой 8—17 м от низкой поймы. Общие размеры селища составляют 260×240 м. В 2016—2019 гг. на памятнике было вскрыто 1732 м^2. Находки позднескифской археологической культуры происходят из подъемного материала (причем они встречены на всей территории памятника), пяти ям, культурного слоя и заполнения более поздних сооружений. Кроме лепной и гончарной керамики (рис. 3), к этому времени относятся фибулы: среднелатенской схемы с завязкой на конце ножки «неапольского варианта» второй половины/последней четверти II — первой половины I в. до н. э. (Обломский 2020: рис. 10: 54) (рис. 4: 1), две бронзовые сильнопрофилированные причерноморские фибулы группы 10, серии II, формы 2 II — первой половиной III в. (Обломский 2020: рис. 10: 5/2015; 566, 566а) (рис. 4: 2, 3), обломок железной фибулы той же группы (Обломский 2020: рис. 10: 19), две железные гибридные фибулы формы 8 группы 11 (Обломский 2020: рис. 10: 2/2015; 564) конца II — первой половиной III в. (рис. 4: 4, 8), бронзовая фибула с листовидной спинкой и сплошным приемником, вероятно, с кнопкой на конце, которая не сохранилась, группы 9 варианта 2 (Обломский 2020: рис. 10: 2) II в. (рис. 4: 7), исключая его начало и конец, фрагмент крупной фибулы того же варианта (Обломский 2020: рис. 10: 581) (рис. 4: 6), обломок бронзовой фибулы с плоской треугольной спинкой и сплошным приемником, по всей видимости, с завитком на конце, который утрачен (Обломский 2020: рис. 10: 131) второй половины I—II в., два смятых обломка верхних частей одночленных застежек с листовидными спинками (Обломский 2020: рис. 10: 324, 274).

Кроме того, на поселении найдены два фрагмента зеркал из белого сплава с верхней петлей для подвешивания типа IX по А. М. Хазанову (Обломский 2020: рис. 10: 200, 374), обломки двух зеркал из белого сплава с орнаментальной композицией, концентрически организованной вокруг выступающей наружу шишечки (Обломский 2020: рис. 10: 562, 744) (рис. 4: 9, 12). Они считаются подражанием ханьским образцам. Прочие вещи представ-

[1] Более подробные сведения о поселениях Стаево-4 и Стаево-5 см. в статье (Обломский 2020).

[2] Типологическое определение и даты фибул даны по В. В. Кропотову (Кропотов 2010).

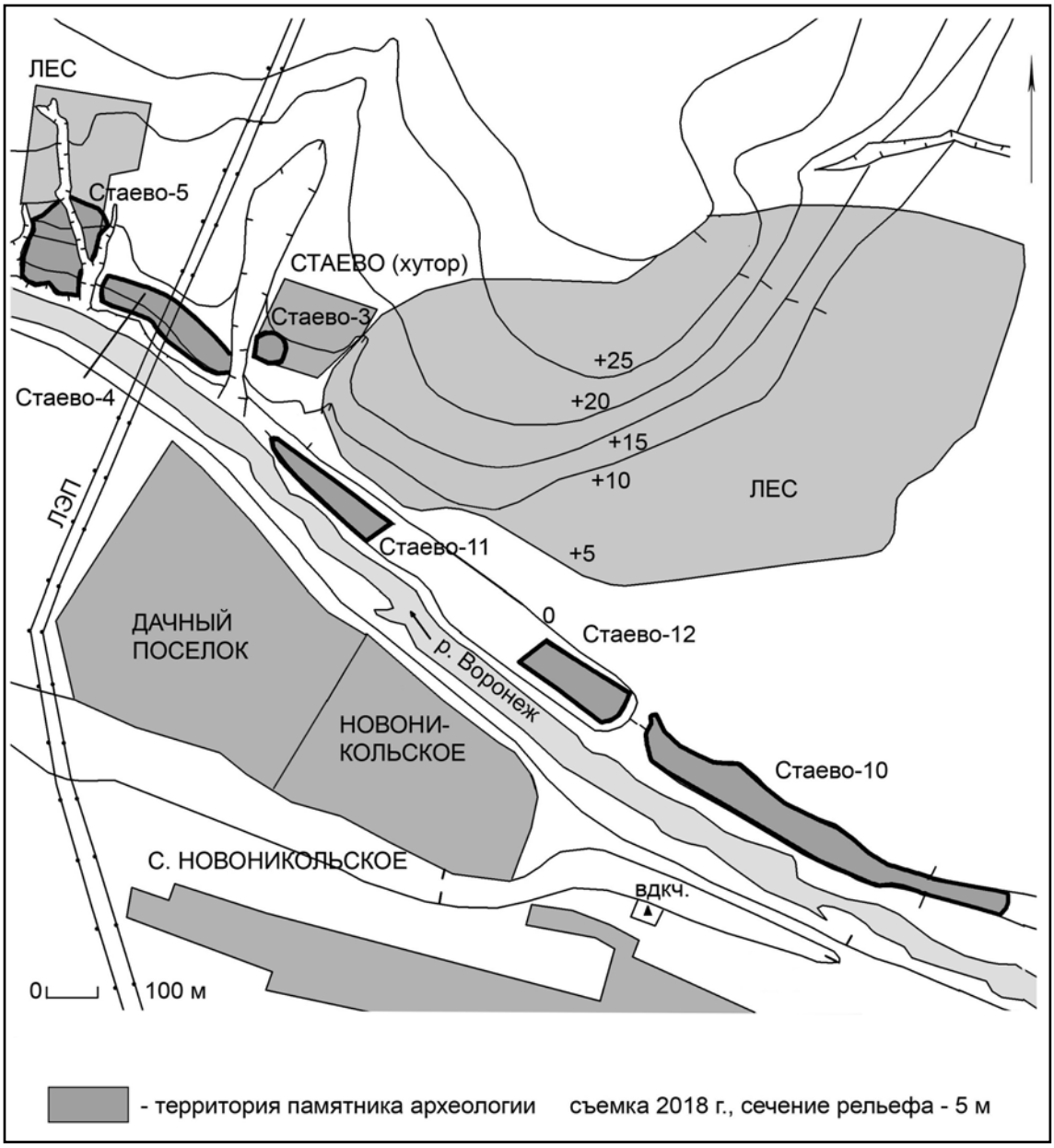

Рис. 1. Ситуационный план памятников рубежа эр в верховьях р. Воронеж (по Обломский 2021d: рис. 4).

Fig. 1. Situational plan of archaeological sites of the turn of our era in the upper reaches of the Voronezh River (after Обломский 2021d: рис. 4).

лены конической подвеской-колокольчиком с треугольными прорезями (Обломский 2020: рис. 10: 862) (рис. 4: 10), кольцом с шишечками, такого же, как и в Стаево-4 (Обломский 2020: рис. 10: 26) (рис. 4: 11), тремя железными черешковыми наконечниками стрел с треугольными лопастями (Обломский 2020: рис. 10: 7,9,390) (рис. 4: 13).

В 2020 г. в восточной части памятника вскрыто 160 м^2. Материалы сарматского времени происходят из культурного слоя раскопа 9. К ним относится археологически целый лепной лощеный горшок, реконструированный из черепков скопления 7 (рис. 5: 3), обломок бронзовой фибулы с листовидной спинкой (серия 1 с завитком на конце приемника или варианта 1 с кнопкой на конце приемника) второй половины I—II в. (рис. 5: 1) (Кропотов 2010: 183, 184, 212, 213), бронзовый наконечник ремня (рис. 5: 2). Последний входит в обширную группу узких изделий такого назначения серии «ложковидных» со щелью для крепления (само место крепления у экземпляра из Стаево обломано). И.О. Гавритухин

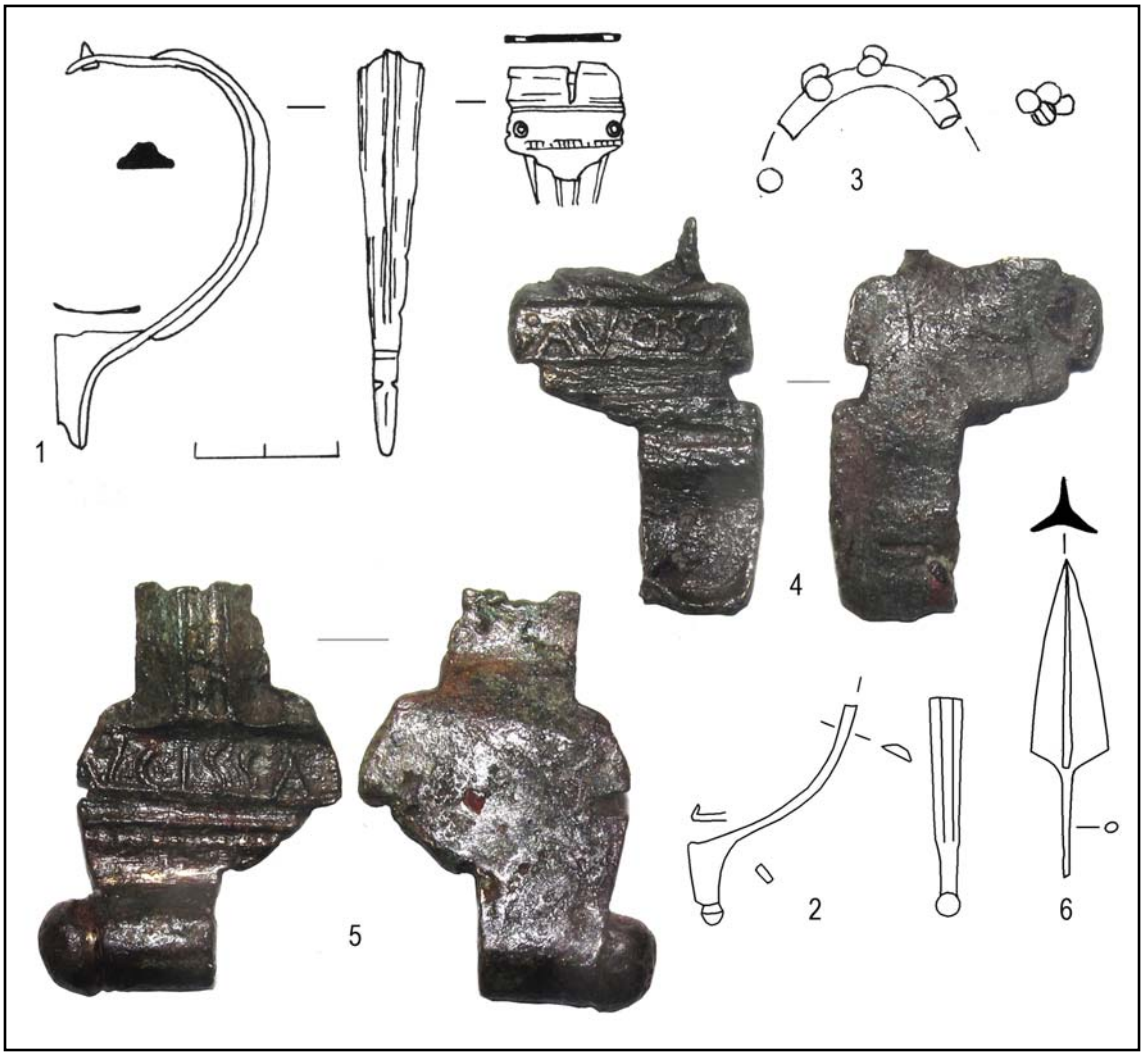

Рис. 2. Материалы поселения Стаево-4. 1—5 — бронза; 6 — железо (1, 6 — по Обломский 2020: рис. 3; 2—5 — по Обломский 2021с: рис. 8—10, 13).

Fig. 2. Materials of the settlement Staevo-4. 1—5 — bronze; 6 — iron. (1, 6 — after Обломский 2020: рис. 3; 2—5 — after Обломский 2021с: рис. 8—10, 13).

и А. М. Воронцов датируют «ложковидные» восточноевропейские наконечники II — началом III в. (Гавритухин, Воронцов 2008: 47, рис. 5: 16; 2018: 597, рис. 2: 21).

По набору вещей позднескифский горизонт Стаево-5 датируется второй половиной II в. до н. э. — II в. н. э.

Прочие поселения расположены к юго-востоку от предыдущих на сниженном участке долины р. Воронеж в высокой пойме его правого берега.

Стаево-10 (рис. 6). Поселение находится в 340 м к северу от водокачки с. Новоникольское Мичуринского р-на Тамбовской обл. (через реку) в 1,1 км к юго-востоку от пункта Стаево-3. Памятник занимает часть узкого всхолмления высокой поймы правого берега р. Воронеж высотой 2—2,5 м от низкой поймы. Размеры поселения — 800×40—150 м. Поверхность задернована, но ранее подвергалась распашке. Памятник был обнаружен А. М. Обломским в 2018 г., в 2020—2021 гг. проведены его раскопки и шурфовка. Вскрыто 458 м^2 в северо-западной его части.

Территория поселения заселялась неоднократно. Материалы сарматского времени происходят из культурного слоя и нескольких объектов. Большинство находок представлены обломками сосудов (лепных и шероховатой поверхностью, лепных лощеных, гончарных сероглиняных) (рис. 9; 10), которые зачастую были достаточно сильно измельчены. К этому же культурно-хронологическому горизонту относятся фрагменты двух бронзовых фибул, железного лопатковидного псалия, зеркала из бело-серого сплава.

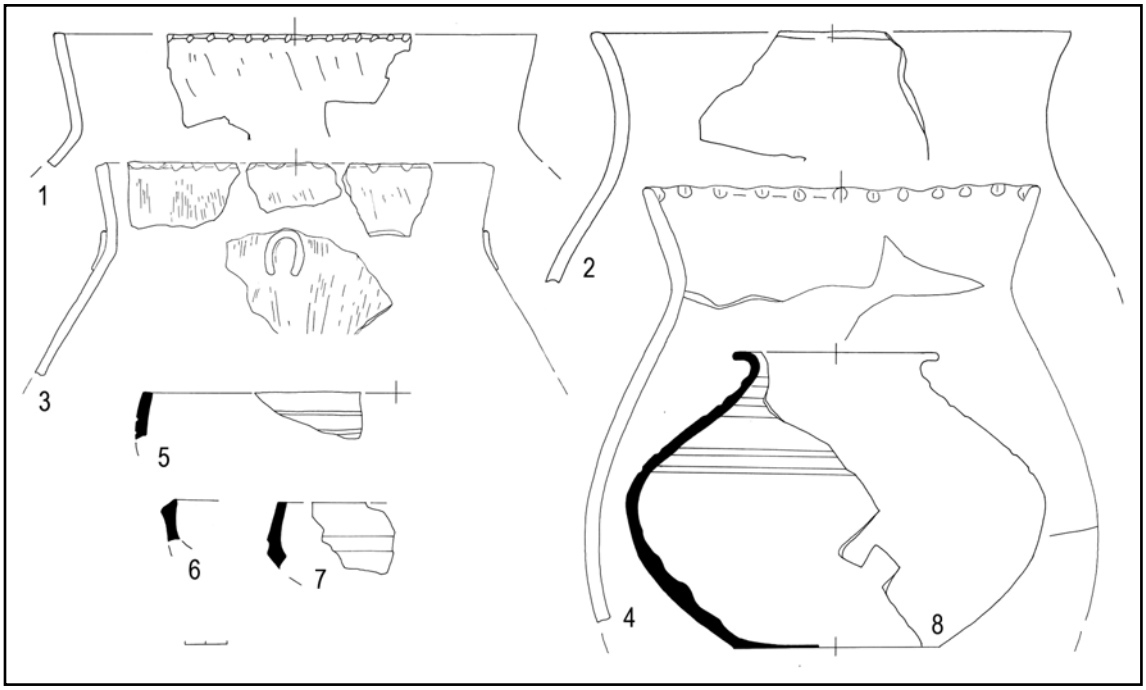

Рис. 3. Керамика рубежа эр поселения Стаево-5. Образцы. 1—4 — лепная; 5, 7, 8 — гончарная с шероховатой поверхностью; 6 — гончарная с лощёной поверхностью (по Обломский 2020: рис. 6, 7, 9).

Fig. 3. Ceramics of the turn of our era of the settlement Staevo-5. Samples. 1—4 — hand-made; 5, 7, 8 — wheel-made with a rough surface; 6 — wheel-made with a polished surface (after Обломский 2020: рис. 6, 7, 9).

Один из обломков фибул представлен частью головки экземпляра типа «Авцисса» с характерной латинской надписью, но слабее выраженной, чем на находках из Стаево-4 (рис. 7: 7).

Вторая фибула одночленная, с двумя призматическими бусинами на корпусе и крючком для удержания тетивы пружины (рис. 7: 2). По А.К. Амброзу такие фибулы относятся к группе 11 (сильнопрофилированные причерноморских типов), серии I (с крючком для тетивы), варианту 1 (с добавочной орнаментацией). В данном случае признаком варианта являются призматические, а не круглые бусины. Датируются второй половиной I в.н.э. (Амброз 1966: 40).

В.В. Кропотов отмечает, что для сильнопролированных фибул с бусинами на корпусе предложено несколько различных датировок. Не совпадают мнения исследователей и относительно типологии застежек этой группы (Кропотов 2010: 225—229). По его схеме классификации фибула из Стаево-10 должна относится к группе 10, серии II, форме 2 (дистанция между бусинами примерно равна расстоянию от задней бусины до кнопки на конце приемника). Наиболее близка к экземпляру из Стаево одна из фибул из мог. 208/1990 г. Нижне-Гниловского городища. Датируются фибулы этой серии II — первой половиной III в. (Кропотов 2010: 229—233, рис. 65: 2).

Зеркало (2 фрагмента одного и того же предмета) (рис. 7: 6), скорее всего относится к группе изделий-подвесок с боковой петлей (Хазанов-IX). В центре его помещена небольшая шишечка, а вокруг видны следы прямоугольника из слабо выраженных валиков. По краю диска также заметен валикообразный бортик. По характеру орнаментальной композиции зеркало из Стаево-10 схоже с происходящим из сарматского кургана 3 Ютаевки (Скрипкин 1984: рис. 13: 8). Подобные изделия распространены в Нижнем Поволжье, Нижнем Подонье, на Северном Кавказе, в Крыму, в карпато-дунайском регионе (Гавритухин, Малашев 2018: 112, 113).

В Нижнем Поволжье А.С. Скрипкин включает такие зеркала в более обширный тип 2 (с боковым ушком, орнаментом или тамгообразными знаками с оборотной стороны). Весь тип он датирует началом II — первой половиной III в. (Скрипкин 1984: 46—48). По М.П. Абрамовой на Северном Кавказе зеркала с похожим орнаментом (Абрамова 1993: рис. 66: 44) относятся к типу 5, который входит в группу предметов, характерных для II — начала III вв. (Абрамова 1993: 167, 168). Бо-

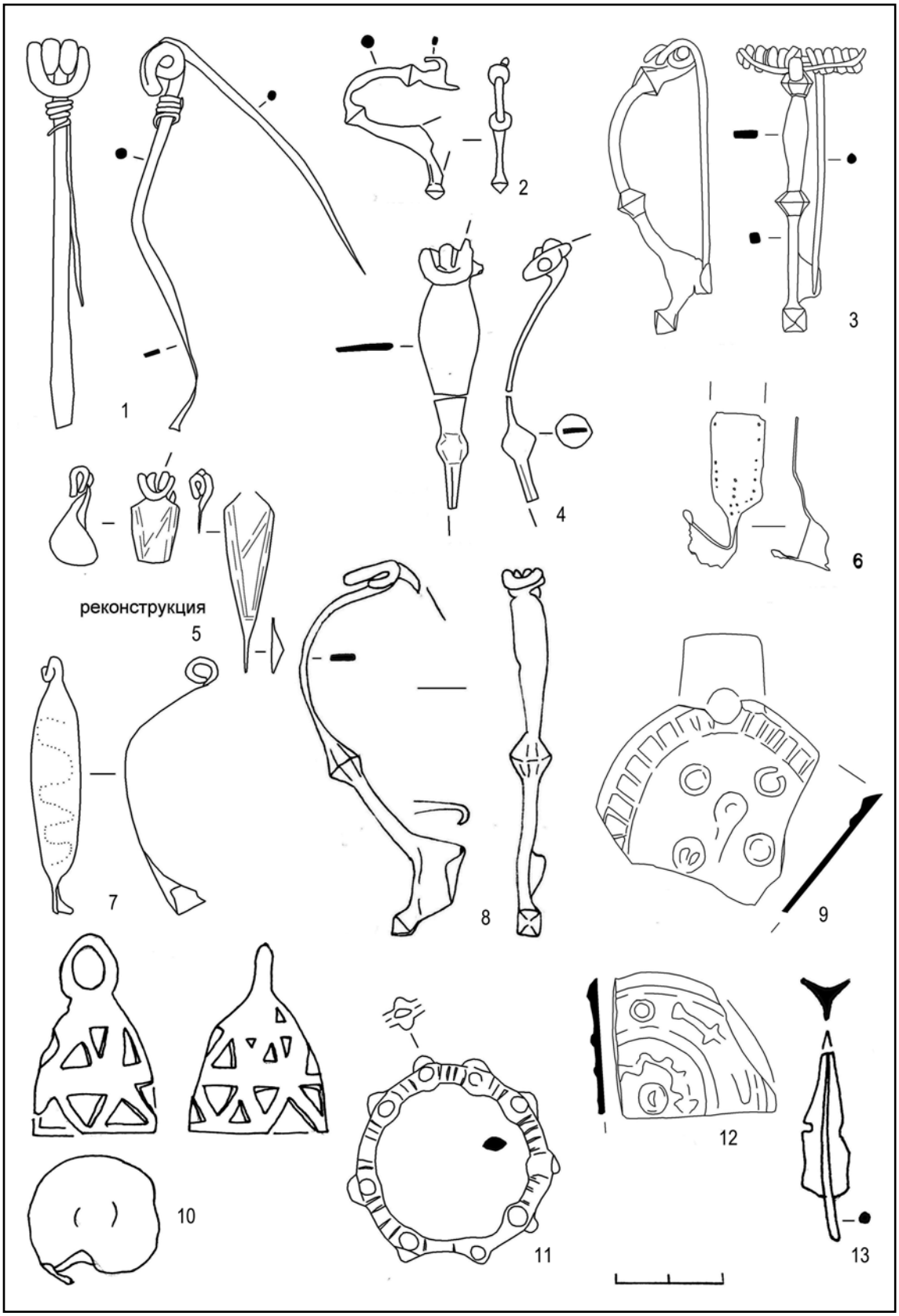

Рис. 4. Некоторые вещи сарматского времени поселения Стаево-5. 1—3, 5—7, 10, 11 — бронза; 4, 8, 13 — железо; 9, 12 — бело-серый сплав (по Обломский 2020: рис. 10).

Fig. 4. Some things of the Sarmatian period settlement Staevo-5. 1—3, 5—7, 10, 11 — bronze; 4, 8, 13 — iron; 9, 12 — white-gray alloy (after Обломский 2020: рис. 10).

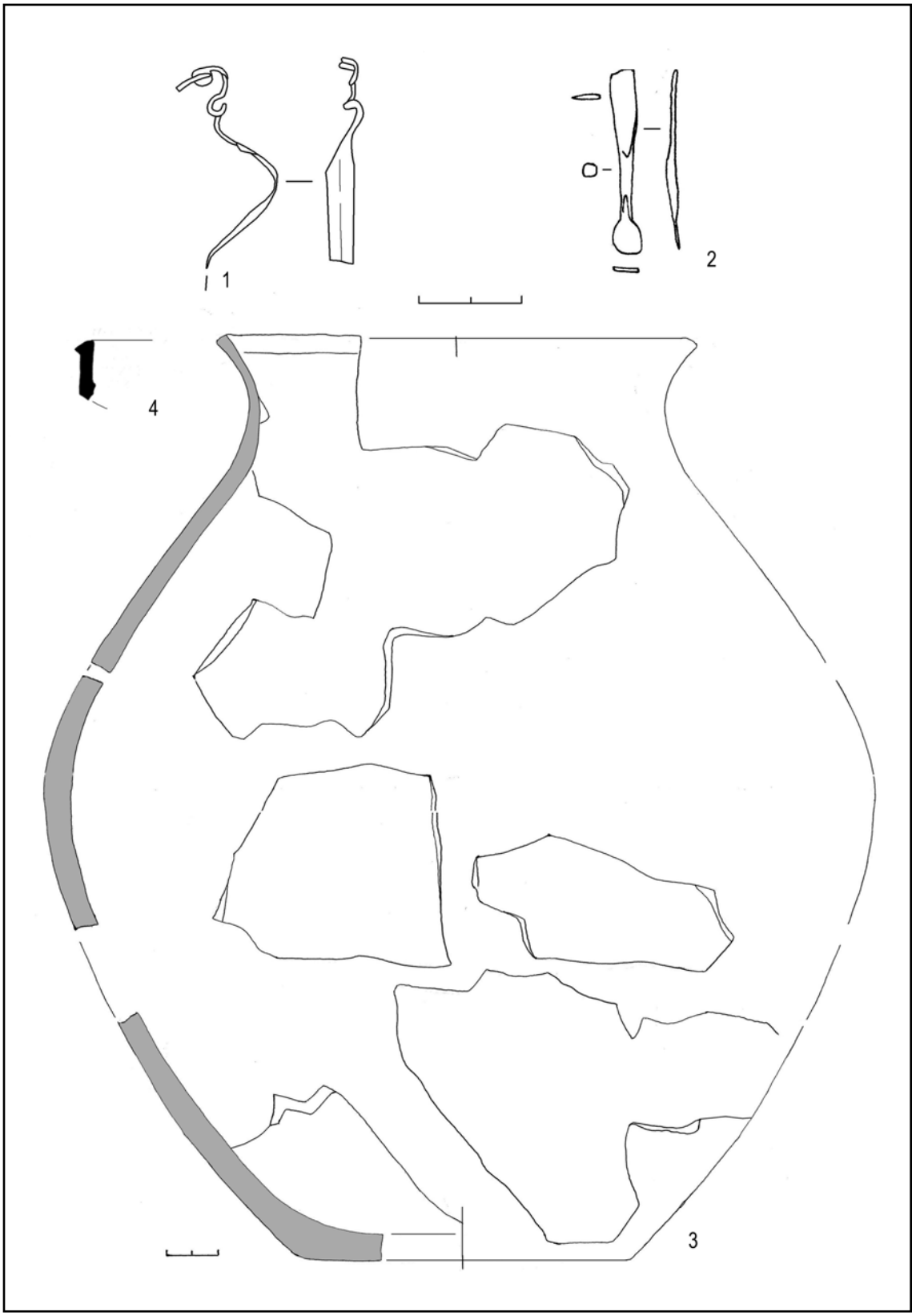

Рис. 5. Стаево-5, находки 2020 г. из культурного слоя. 1, 2 — бронза; 3 — лепной лощеный сосуд; 4 — фрагмент гончарной сероглиняной миски с шероховатой поверхностью (по Обломский 2021с: рис. 38—40).

Fig. 5. Staevo-5, 2020 finds from the cultural layer. 1,2 — bronze; 3 — hand-made polished vessel; 4 — a fragment of wheel-made gray clay bowl with a rough surface (after Обломский 2021с: рис. 38—40).

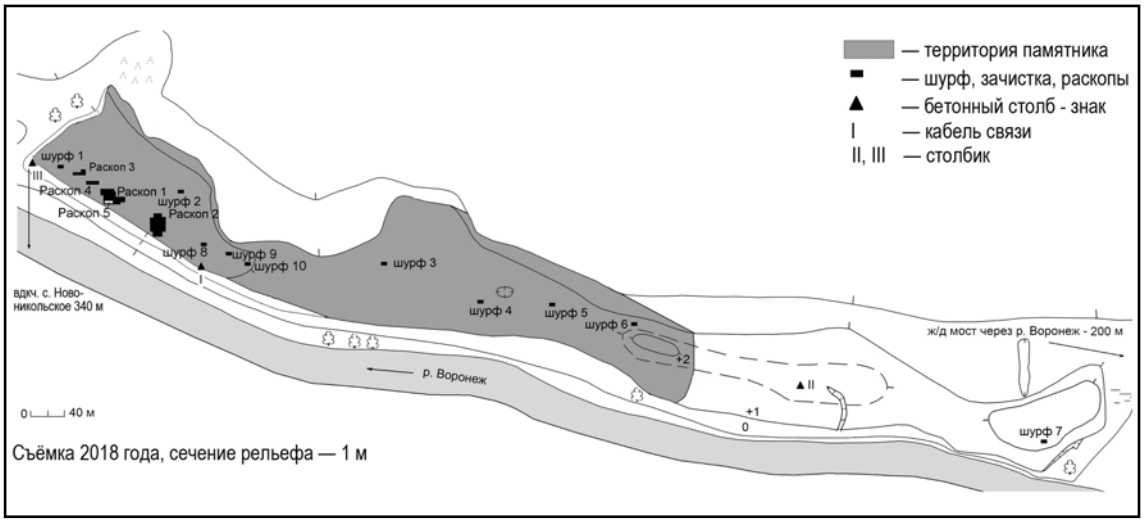

Рис. 6. Поселение Стаево-10. План (по Обломский 2022b: рис. 7).

Fig. 6. The settlement Staevo-10. Plan (after Обломский 2022b: рис. 7).

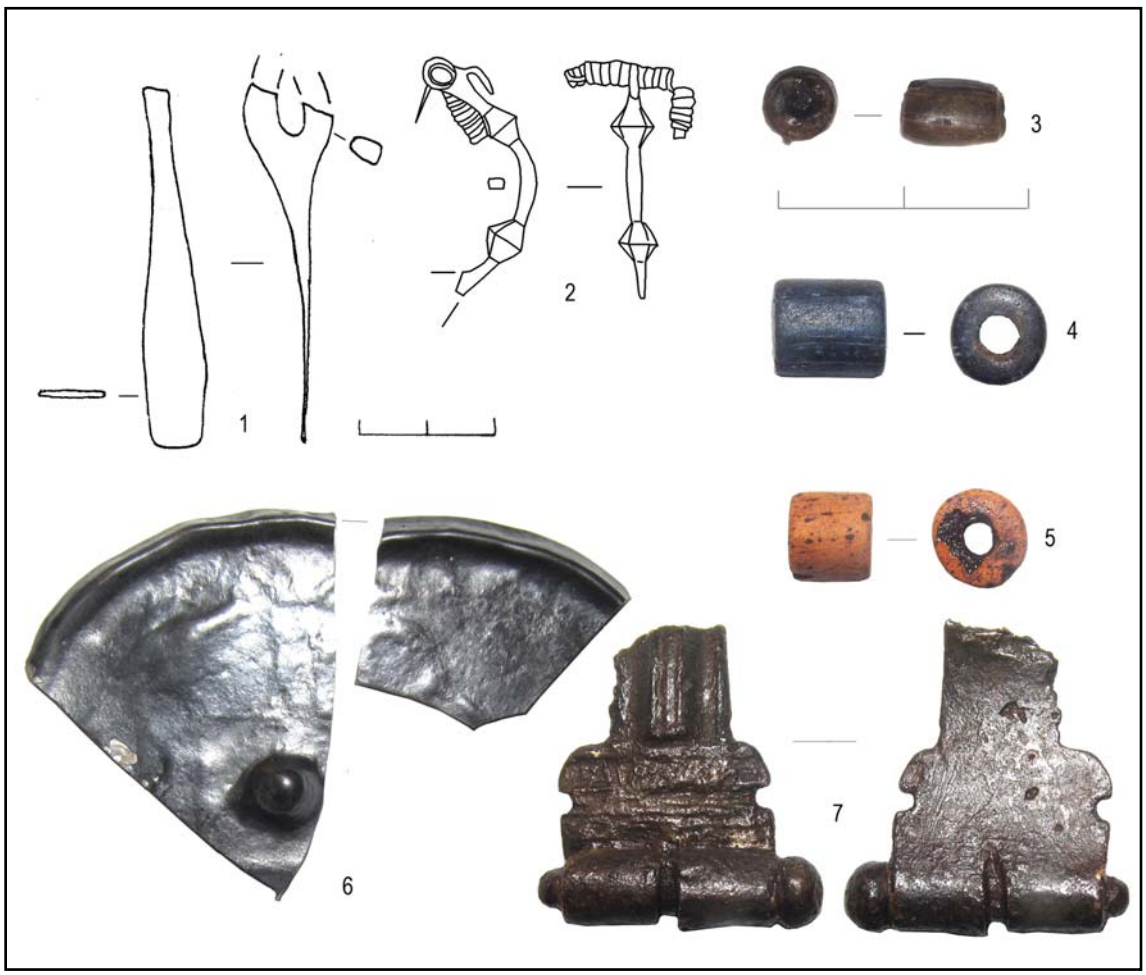

Рис. 7. Поселение Стаево-10. Вещи. 1 — железо; 2, 7 — бронза; 3—5 — стекло; 6 — бело-серый сплав (1, 3, 5 — по Обломский 2022b: рис. 82, 15, 176; 2, 4, 6, 7 — по Обломский 2019: рис. 25, 169, 171, 85).

Fig. 7. Staevo-10, artifacts: 1 — iron; 2,7 — bronze; 3—5 — glass; 6 — white-gray alloy (1 — after Oblomsky 2022b: рис. 82; 2 — after Oblomsky 2019: рис. 25; 3 — after Обломский 2022b: рис. 15; 4 — after Обломский 2019: рис. 169; 5 — after Обломский 2022b: рис. 176; 6 — after Обломский 2019: рис. 171; 7 — Обломский 2019: рис. 85).

лее узкую дату для зеркал с таким орнаментом приводит В.Ю. Малашев — вторая половина II — начало III в. (Малашев 2008: 267).

В Крыму А.А. Труфанов относит зеркала с полусферическим выступом в центре и четырехугольником вокруг, но с более сложной, чем у экземпляра из Стаево-10 орнаментальной композицией (вариант 4) к последней четверти I — первой половине II в. (Труфанов 2007: 177, рис. 3: 3—6).

В.И. Гросу на территории Прутско-Днестровского междуречья орнаментированные зеркала-подвески с боковым ушком (тип 3—7), в т.ч. и с композицией из шишечки и прямоугольника, в целом датирует концом I — III в. (Гросу 1990: 138, рис. 18: 6).

Удила со стержневидными псалиями, концы которых имеют форму лопаток (рис. 7: 1), широко распространены в сарматских погребениях от эпохи эллинизма до первых вв. н.э. Прямые аналогии удилам с такими псалиями происходят из позднескифского могильника Опушки в Крыму (Храпунов, Шабанов 2021: рис. 5). В Верхнем Подонье они сравнительно редки. А.П. Медведев отмечает их находки в т.н. «странных комплексах» конца II—I в. до н.э. (Антиповский клад и Усманский курган) (Медведев 2008: 19, 20, рис. 9: 6, 7; 10: 21). Известны такие удила и на поселении Ксизово-19 с горизонтом позднескифской культуры (Обломский 2018: рис. 16: 1).

В культурном слое поселения обнаружено также несколько стеклянных бусин. Исследователи неоднократно отмечали трудности датирования этой категории материала, особенно если бусы относятся к простым одноцветным типам. Чтобы относительно точно определить дату бус, нужны закрытые комплексы с наборами, а они на поселении отсутствуют. Тем не менее, три бусины цилиндрической формы характерны для территории Северного Причерноморья первых вв.н.э.: прозрачная синяя (тип 68 одноцветных Е.М. Алексеевой I в. до н.э. — IV в. н.э) (рис. 7: 4), темно-лиловая прозрачная (тип 59 II—IV вв.) (рис. 7: 3), оранжевая непрозрачная (тип 62 I—II вв.) (Алексеева 1978: 67) (рис. 7: 5).

На поселении Стаево-10 зафиксировано довольно много объектов (постройка, ямы, кострища, скопления керамики в культурном слое). Часть из них относятся к неолиту, раннему и позднему средневековью, но определить дату большинства сооружений не удается из-за отсутствия в их заполнении материала. Связать однозначно с горизонтом позднескифского периода можно лишь некоторые из них.

Объект 7 раскопа 1 (рис. 8: А). Овальная в плане яма размерами 1×1,2 м по верхнему краю, 0,62×0,9 в нижней части. Общая глубина ямы составляла 0,16—0,21 м.

В верхней части объекта залегала линза серого суглинка толщиной до 0,2 м, ниже яма была заполнена серо-коричневым гумусированным суглинком. Из заполнения происходит лепная керамика с шероховатой поверхностью (сильно фрагментированная), которая по фактуре относится к первым векам н.э.

Скопление 6 раскопа 1 (рис. 8: Г). Представляло собой открытый очаг с черепками на его поверхности и около от него.

Общие размеры очага составляли 0,57×0,86 м. В северо-восточной части было зафиксировано пятно прокала грунта размерами 0,7×0,24—0,46 м толщиной около 1 см. С юго-запада к нему примыкало углистое пятно размерами 0,46×0,6 м такой же толщины. Поверхность очага зафиксирована на глубине 0,39—0,41 м от дневной поверхности.

Обломки лепных сосудов располагались у очага дугой вдоль его южного и юго-восточного края и лишь один найден на поверхности пятна прокала. Ширина дуги — 0,2 м, длина с учетом кривизны — 1,8 м. Горизонт залегания керамики составлял 0,33—0,39 м от дневной поверхности.

К югу и востоку от очага на расстоянии 0,3—0,6 м зафиксированы еще 5 скоплений керамики, которые занимали пространство 1,4×4 м на уровне 0,27—0,39 м.

В состав этих скоплений входили обломки лепных сосудов с шероховатой поверхностью, по фактуре характерных для позднескифского горизонта памятника, а также уникальная пока лепная лощеная крышка (рис. 9: 1, 15—21, 25; 10: 6, 9, 11, 12).

Скопление 3 раскопа 2 (рис. 8: Б). Представляло собой округлое пятно угля (кострище) диаметром 0,5 м. Оно зафиксировано на уровне 0,29—0,31 м от дневной поверхности. Толщина пятна — до 7 см.

На поверхности пятна (в основном, в его северной части) залегали 24 обломка лепных и гончарных сосудов. Три черепка найдены при разборке пятна. Из керамики, связанной с очагом, удалось реконструировать две миски: полный профиль лепной сероглиняной лощеной и верхнюю часть гончарной серолощеной (рис. 10: 11, 12). Оба сосуда характерны для первых вв.н.э.

Уголь из кострища был отдан на анализ ^{14}C в Геологический институт РАН. Получена некалиброванная дата 2000+/-70. С 95,4%

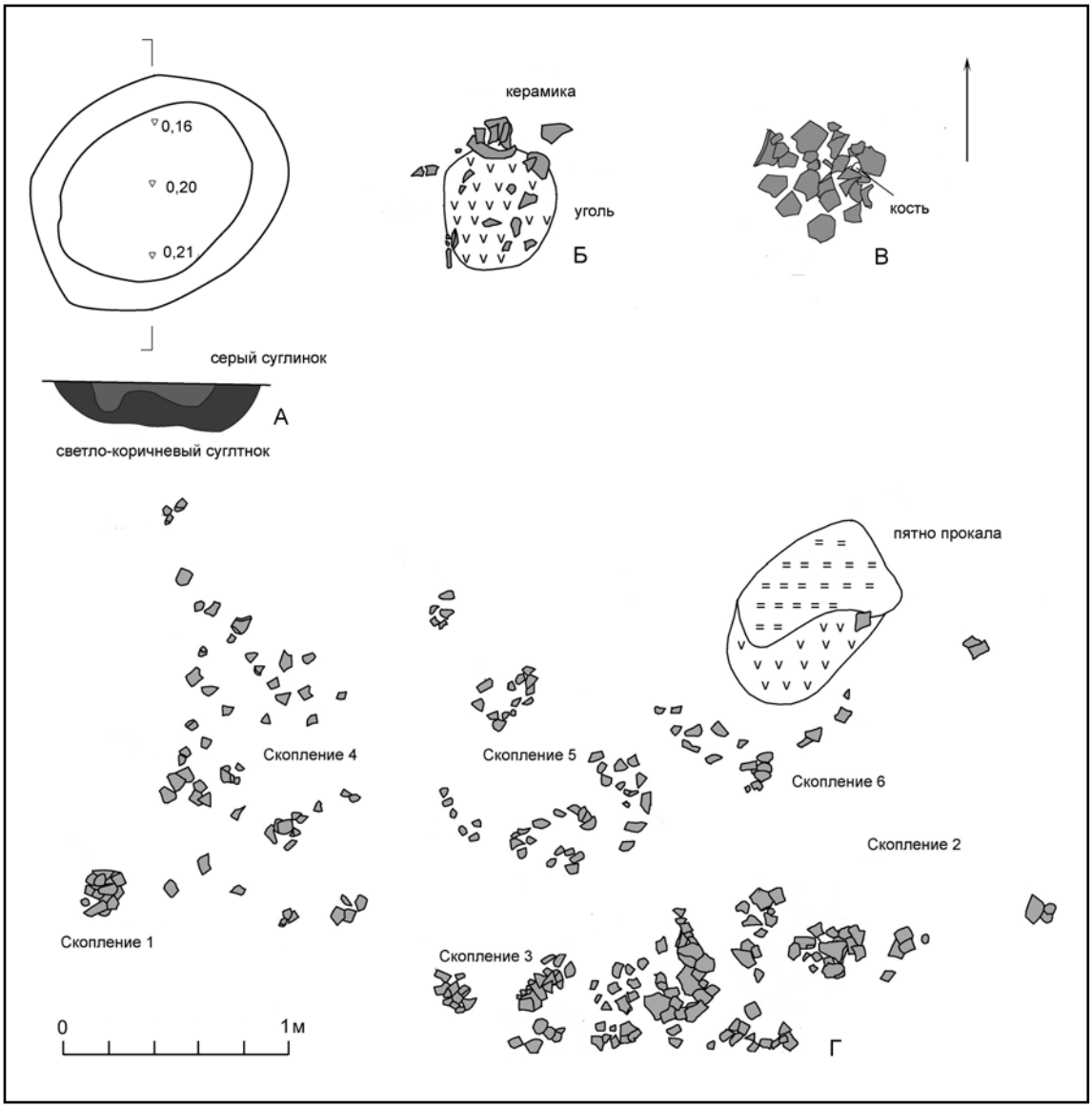

Рис. 8. Поселение Стаево-10. Объекты сарматского времени. А — Объект 7 раскопа 1; Б — скопление 3 раскопа 2; В — скопление керамики в шурфе 10; Г — скопление 6 и область повышенной концентрации керамики около него (раскоп 1) (А — по Обломский 2021c: рис. 25; Б, В, Г — по Обломский 2022b: рис. 98, 168, 22).

Fig. 8. Objects of the Sarmatian period in Staevo-10. A — Object 7 of excavation 1; Б — cluster 3 of excavation 2; B — cluster of ceramics in the prospecting pit 10; Г — cluster 6 and the area of increased concentration of ceramics near it (excavation 1) (A — after Обломский 2021c: рис. 25; Б, В, Г — after Обломский 2022b: рис. 98, 168, 22).

вероятности калиброванная дата составила 167 г. до н. э. — 205 г. н. э. (OxCal v4 Bronk Ramsey 2020, образец GIN-16146) (рис. 11).

Шурф 10. На глубине 0,25—0,35 м от дневной поверхности залегало скопление лепных черепков общими размерами 0,54×0,6 м. Из них удалось реконструировать полный профиль горшка с примесью мелкого шамота в керамическом тесте (рис. 8: В; 9: 24). По форме и фактуре горшок относится к первым вв. н. э.

Таким образом, учитывая хронологические индикаторы и радиокарбонную дату, поселение датируется, скорее всего, I—II в. н. э.

Стаево-12. Памятник занимает часть того же узкого всхолмления высокой поймы правого берега р. Воронеж, на котором находится селище Стаево-10. С юго-востока он ограничен неглубоким оврагом, заросшим кустарником. Этот овраг и отделяет его от селища Стаево-10 (рис. 1). Высота над уровнем низкой поймы реки — до 2 м. Размеры памятника составляют 180×60—70 м. В 2018 г. был собран подъемный материал и проведена шурфовка.

Территория памятника заселялась несколько раз. К рубежу эр — первым вв. н. э. от-

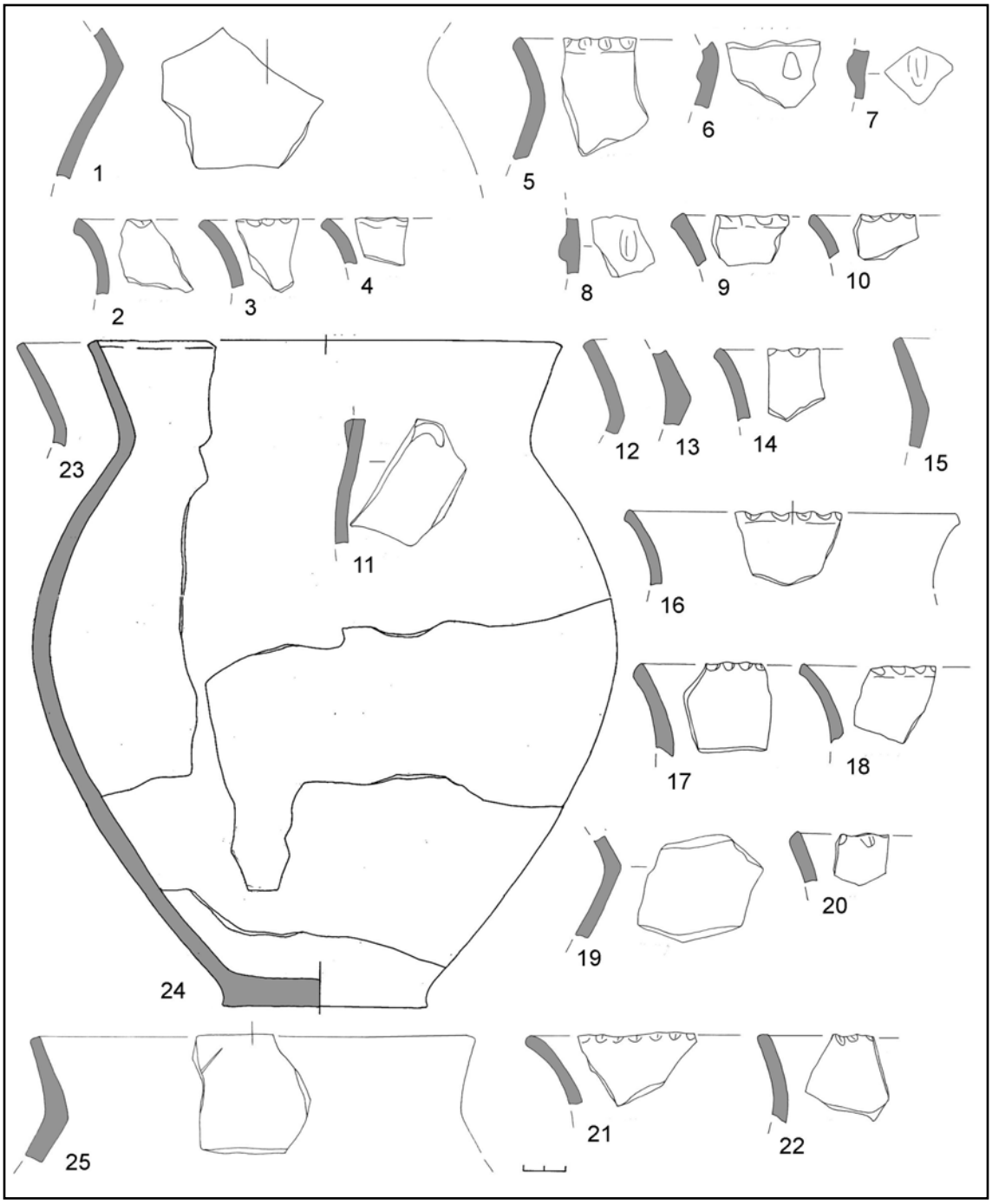

Рис. 9. Поселение Стаево-10. Лепная керамика с шероховатой поверхностью. 1, 19—21 — скопление 2 раскопа 1; 2—14, 22, 23 — культурный слой; 15 — скопление 3 раскопа 1; 16—18 — скопление 4 раскопа 1; 24 — шурф 10, скопление керамики; 25 — скопление 6 раскопа 1 (по Обломский 2021d: рис. 89; 2022b: рис. 16, 19, 25, 26, 30, 31, 177).

Fig. 9. Staevo-10. Hand-made ceramics with a rough surface: 1, 19—21 — cluster 2 of excavation 1; 2—14, 22, 23 — cultural layer; 15 — cluster 3 of excavation 1; 16—18 — cluster 4 of excavation 1; 24 — prospecting pit 10, cluster of ceramics; 25 — cluster 6 of excavation 1 (after Обломский 2021d: рис. 89; 2022b: рис. 16, 19, 25, 26, 30, 31, 177).

носится характерная лепная керамика, обломок зеркала из светлого сплава и вероятно, железные удила (Обломский 2019: 43—47).

Лепная и гончарная керамика горизонта рубежа эр из перечисленных выше поселений близка между собой и явно относится к одному и тому же культурному кругу. Материалы поселений Стаево-4, 5 и 12 достаточно подробно охарактеризованы в моих предшествующих статьях (Обломский 2020: 366—370;

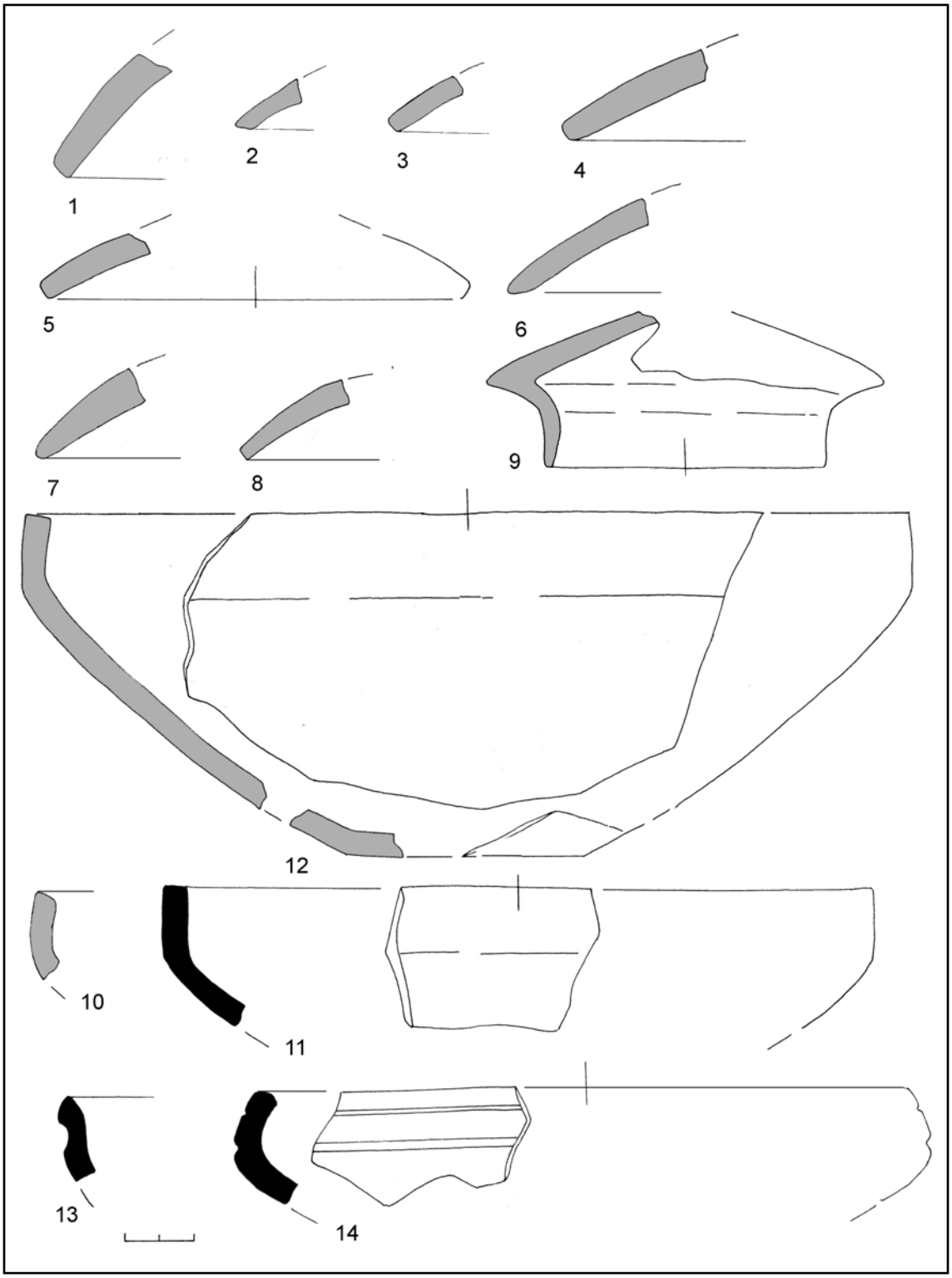

Рис. 10. Поселение Стаево-10. Обломки крышек, лепная лощеная и гончарная керамика. 1—8, 10 — с шероховатой поверхностью; 9, 12 — с лощеной поверхностью; 11 — сероглиняная гончарная с лощеной поверхностью; 13, 14 — гончарная с шероховатой поверхностью; 1—5, 7, 8, 10, 13, 14 — культурный слой; 6 — скопление 4 раскопа 1; 9 — скопление 1 раскопа 1; 11, 12 — скопление 3 раскопа 2 (по Обломский 2021d: рис. 88, 90; 2022b: рис. 17, 18, 25, 31, 104, 105).

Fig. 10. Staevo-10. Fragments of lids, molded polished and pottery ceramics: 1—8, 10 — with a rough surface; 9, 12 — with a polished surface; 11 — gray clay pottery with a polished surface; 13, 14 — pottery with a rough surface. 1—5, 7, 8, 10, 13, 14 — cultural layer; 6 — cluster 4 of excavation 1; 9 — cluster 1 of excavation 1; 11, 12 — cluster 3 of excavation 2 (after Обломский 2021d: рис. 88, 90; 2022b: рис. 17, 18, 25, 31, 104, 105).

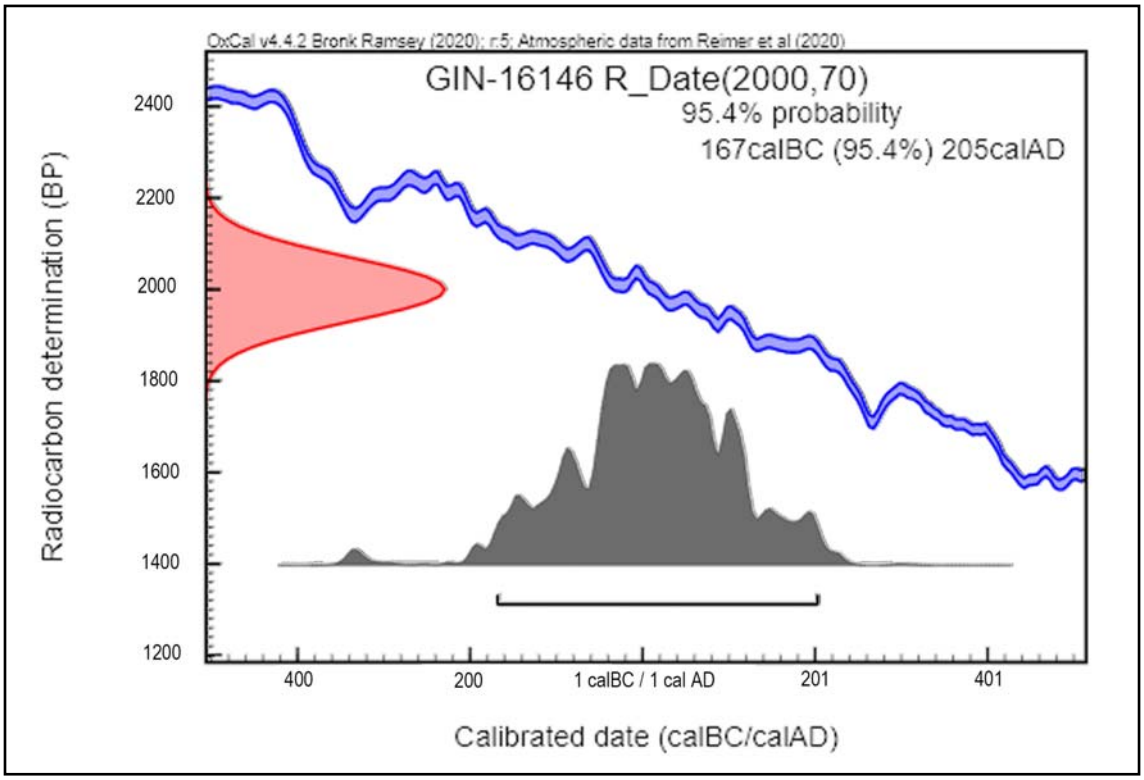

Рис. 11. График радиокарбонной даты из скопления 3 раскопа 2 Стаево-10.

Fig. 11. Graph of the radiocarbon date from cluster 3 of excavation 2 of Staevo-10.

2022а). Ниже приводится описание керамики поселения Стаево-10, которая публикуется впервые.

В составе набора лепной посуды абсолютно преобладает керамика с шероховатой поверхностью, относительно рыхлая (в 2020 найдено 1008 фрагментов, в 2021 г. — 1504 фрагмента). По аналогиям на других памятниках Верхнего Подонья к первым вв. н. э. относится керамика с мелким шамотом (2020 г. — 72 %, 2021—85 % от общего количества шероховатой за соответствующий год), с мелким шамотом и дресвой в тесте (2020—28 %, 2021—15 %). Иногда наряду с мелким шамотом встречаются примеси железной руды, которая, вероятно, использовалась в качестве дресвы. Керамика этих рецептур сильно фрагментирована.

Все кухонные горшки — округлобокие. Ребристые изломы внешнего профиля не заметны даже на черепках. Днища горшков — плоские, иногда с закраиной.

Сосуды относятся к двум основным формам — с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и плавным изгибом в месте шейки (рис. 9: 5, 11) (типы I и II по А. П. Медведеву) и с раструбообразным венчиком и относительно резким перегибом в его основании; иногда изнутри он бывает подчеркнут ребром (рис. 9: 1, 15, 19, 23—25) (тип III) (Медведев 1998: 43, 44). Некоторые горшки украшены вдавлениями или насечками по краю венчика (рис. 9: 2—5, 9, 10, 14, 16—18, 20—22), тулово отдельных сосудов — дольковидными и лунообразными налепами (рис. 9: 6—9, 11).

Достаточно часто встречаются крышки разных диаметров, с шероховатой поверхностью, представляющие собой отрезки сферы или конуса (рис. 10: 1—8), обычно снабженные ручкой-выступом (полой или с плоской поверхностью), размещенной в центре.

Лепная лощеная керамика представлена единичными черепками. Из форм показательны верхняя часть округлобокой (рис. 10: 10), а также ребристая миска, для которой удалось восстановить полный профиль (рис. 10: 12). Первая из них относится к типу I по А. П. Медведеву, вторая — к типу II (Медведев 1998: 44). Уникальна для Верхнего Подонья лощеная крышка (рис. 10: 9), см. ниже.

Гончарная керамика — сероглиняная, как с лощеной, так и с шероховатой поверхностью. К сожалению, количество черепков с трудом поддается учету, т. к. на памятнике есть горизонт позднего Средневековья — Нового времени, когда в обиходе тоже была

сероглиняная посуда, изготовленная на круге быстрого вращения.

К сарматскому времени относятся фрагменты верхних частей трех мисок — ребристой с прямым венчиком (рис. 10: 11), с косо срезанным краем и ребром в месте плеча (рис. 10: 13), с желобчатой верхней частью (рис. 10: 14), соответственно типов I, III, VI А. П. Медведева (Медведев 1987: 94, 95).

Гончарная керамика сарматского времени в Верхнем Подонье — импортная. А. П. Медведев находит ей параллели в Нижнем Подонье и на Кубани (Медведев 1987: 96). Вероятно, она и производились в гончарных центрах земли меотов.

Я уже отмечал, что в целом набор сосудов рубежа эр, представленный на поселениях у с. Стаево (лепных и гончарных), соответствует керамике населения городищ и селищ других территорий донской лесостепи этого периода, в первую очередь, долины Дона с ближайшими притоками, включая нижнее и среднее течение р. Воронеж. Культура обитателей поселений этого времени исследователями называется по-разному: «культурой потомков автохтонного населения лесостепного Подонья скифской эпохи» (А. П. Медведев) (Медведев 2008: 81), «пост-скифской» или «позднескифской» (И. Е. Бирюков) (Бирюков 2009; 2020). Я склонен считать, что в Верхнем Подонье в среднесарматский период существовала особая группа позднескифской археологической культуры (обзор дискуссии по этому вопросу см. в Медведев 2000: 113, 114; Обломский 2017: 322, 323).

Недавно было предложено разделить позднескифские памятники Верхнего Подонья на две группы по составу керамического комплекса. К первой относятся древности типа Ишутино, где «сильны традиции предшествующей среднедонской культуры скифского времени» (Бирюков 2020: 394), ко второй — типа III Чертовицкого, Сырского или Липецкого городищ. Для второй группы характерно господство общих для позднескифской культуры округлобоких горшков с раструбообразными венчиками (Бирюков 2020: 394; Воронцов, Столяров 2019: 70). Конечно, это деление только намечается и до появления свода поселений сарматского времени донской лесостепи окончательным считаться не может. Тем не менее, сама идея плодотворна и заслуживает пристального внимания. Поскольку на памятниках окрестностей с. Стаево активно представлены округлобокие сосуды с раструбообразными венчиками, а также усеченно-сферические и усеченно-конические крышки, то эти памятники следует отнести ко второй группе.

Хочется обратить внимание на некоторые редкие для Верхнего Подонья сосуды.

В Стаево-5 найден сероглиняный приземистый горшок со сравнительно узким горлом (рис. 3: 8). Такие сосуды в Нижнем Поволжье относятся к типам 26—27 по А. С. Скрипкину (Скрипкин 1990: рис. 14: 26, 27). В Верхнем Подонье очень близкий к найденному в Стаево-5 горшок происходит из погребения 2 Вязовского могильника (Медведев 1990, рис. 42: 2).

Лепная с лощеной поверхностью крышечка из Стаево-10 (рис. 10: 9) уникальна. Она представляет собой подражание гончарным сероглиняным образцам. В Танаисе в низовьях Дона такие изделия происходят из построек раннеримского периода до пожара города середины III в. (тип 1), считаются импортными с территории Северного Кавказа. Ю. К. Гугуев находит им параллели на Зилгинском городище в Северной Осетии (Гугуев 1994: 114, 124, рис. 11: 3; 12: 1). В Верхнем Подонье похожая крышка, но более крупная и изготовленная на гончарном круге происходит с Ишутинского городища на Красивой Мече (Разуваев 1998: рис. 4: 8).

В Стаево-5 найден развал лепного лощеного горшка, целую форму которого удалось восстановить (рис. 5: 3). Похожие по профилировке и пропорциям горшки происходят из сарматских погребений Нижнего Поволжья, но их поверхность, по всей видимости, шероховатая (Скрипкин 1990: 37, рис. 7: 9; 8: 22). Самые близкие аналогии этому лощеному сосуду можно найти в монографии М. П. Абрамовой. Неорнаментированные лощеные горшки подобной профилировки представлены в выделенных ею хронологических группах III—I вв. до н. э. и I — начала II в. (Абрамова 1993: рис. 11: 15, 21, 24; 51: 1).

Таким образом, редкие формы гончарных и лепных лощеных сосудов демонстрируют связи населения верховьев р. Воронеж с Нижним Поволжьем и Северным Кавказом.

Одной из важнейших проблем, которые могут быть поставлены при изучении комплекса памятников у с. Стаево, является вопрос о культурно-хозяйственном типе позднескифского населения Верхнего Подонья.

Культура поселений донской лесостепи сарматского периода с керамикой типа Ишутино, Третьего Чертовицкого, Липецкого городищ по фибулам датируется в широ-

ком диапазоне II в. до н. э. — II в. н. э. Одна из наиболее ранних фибул (среднелатенской схемы неапольского варианта) происходит из Стаево-5, другая типологически близкая найдена в Ксизово-19 на Острой Луке Дона (Обломский 2021a: 141—143). Время возникновения этой культурной группы соответствует обломкам относительно ранних амфор второй половины III—II вв. до н. э., которые обнаружены на Третьем Чертовицком городище в низовьях р. Воронеж (Медведев 1998: 46). Таким образом, уже в начале ее существования памятники донской позднескифской культуры зафиксированы в трех сильно удаленных друг от друга точках ее достаточно обширного ареала — между Быстрой Сосной и Сновой на севере, в нижнем течении Воронежа и у истоков этой реки.

В начале III в., а может быть и несколько раньше, на территории Верхнего Подонья происходит распространение украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля, которые ни разу не найдены на позднескифских памятниках, где нет более поздних слоев. Использование изделий этого круга в верхнедонском регионе связано с проникновением на эту территорию групп населения позднезарубинецкокиевского происхождения (Обломский 2021b: 466—472, Зиньковская, Колесникова 2021: 153—157). Этнокультурная ситуация в лесостепном Подонье в это время радикально меняется.

Комплекс памятников у с. Стаево датируется II в. до н. э. — II в. н. э. Первоначально возникло селище Стаево-5 на высоком берегу Воронежа, которое продолжало существовать и позже. В I в. н. э. территория, которую занимают позднескифские памятники в верховьях этой реки, существенно расширилась, появляются в т. ч. и пункты в высокой пойме (Стаево-10, 12). Протяженность комплекса селищ в это время составила до 2 км вдоль берега реки, т. е. он был достаточно обширным.

Таким образом, общая дата памятников у с. Стаево и период существования донской позднескифской культуры практически совпадают. Находок на памятниках в окрестностях Стаево достаточно много, коллекция керамики вполне представительна. Парадокс заключается в том, что, несмотря на довольно большую вскрытую площадь (644 кв. м в Стаево-4, 1892 кв. м в Стаево-5, 458 кв. м в Стаево-10), не только жилищ, но и стационарных хозяйственных сооружений обнаружено не было. Напомню, что в Стаево-5 к сарматскому периоду относятся пять ям, в Стаево-10 — одна яма и два кострища, в Стаево-4 объектов этого времени не было вообще. При этом на позднескифских поселениях достаточно часты не только жилища, но и ямы. В это время зафиксировано также строительство укреплений на городищах (Бирюков 2020), т. е. позднескифское донское население в основной своей массе было оседлым.

Из этого правила, очевидно, были и исключения.

Еще в публикации Третьего Чертовицкого городища А. П. Медведев высказал предположение об обитании на нем и на подобных ему поселениях групп кочевников, которые он связывает с проникновением сарматов в среду местного оседлого населения (Медведев 1998: 48, 49; 2008: 75, 76). В том, что донские сарматы были кочевниками, сомнений нет. И. Е. Бирюков предложил несколько отличающуюся гипотезу. По его мнению, многие памятники первых вв. в донской лесостепи были кратковременными стоянками, свидетельствующими о наличии среди населения позднескифской культуры кочевых группировок (Бирюков 2004: С. 10). Авторами публикации поселения Замятино-14 первых вв. н. э. был также сделан вывод о его кратковременном характере (Бирюков, Бессуднов 2006: 162).

Временные стоянки, разумеется, могли возникать по самым разным причинам и в рамках самых разных культурно-хозяйственных типов, но материалы Стаево весьма показательны. Комплекс памятников, который по керамике относится к позднескифской культуре, существовал долго, минимум 300 лет. Набор фибул свидетельствует, что в течение этого времени его территория постоянно посещалась. Отсутствие жилищ и хозяйственных сооружений длительного использования показывает, что эти посещения не были длительными. Думаю, что мы имеем дело с остатками летних лагерей кочевников, поскольку в зимних были бы обязательно зафиксированы следы стационарных построек.

Материалы из Стаево подтверждают идею И. Е. Бирюкова, что кочевниками в донской лесостепи были не только представители среднесарматской культуры, но и частично позднескифской.

Литература

Абрамова М. П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.)*. Москва: ИА РАН.

Алексеева Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. САИ Г1—12, ч. 2. Москва: Наука.

Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. САИ Д1—30. Москва: Наука.

Бирюков И. Е. 2004. Памятники первой половины I тыс. н. э. северо-западной части Верхнего Подонья. В: Бессонов В. А. и др. (науч. ред.). *Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья*. Материалы VI научной конференции 28 февраля — 3 марта 1995 г. Калуга: Изд-во научной литературы Н. Ф. Бочкаревой, 7—11.

Бирюков И. Е. 2009. Постскифская волна от Дона до Волги (сравнительный анализ поселений Подонья и Поволжья первых вв. н. э.). В: Хузин Ф. Ш. (науч. ред.). *Форум «Идель — Алтай»*. Материалы научно-практической конференции «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7—11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. Казань: ИИ АН РТ, 39—41.

Бирюков И. Е. 2020. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги. *Археологическое наследие* (1 (3)), 393—403.

Бирюков И. Е., Бессуднов А. Н. 2006. Поселение сарматского времени в районе Острой Луки Дона. *Археологические памятники Восточной Европы* 12. Воронеж, 156—163.

Воронцов А. М., Столяров Е. В. 2020. Погребение первой половины III в. могильника Павловское на правобережье Верхней Оки и его культурно-хронологический контекст. *Stratum plus* (4), 381—394.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М. 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником. В: Наумов А. Н. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 28—89.

Гавритухин И. О. Воронцов А. М. 2018. Узкие ременные наконечники со щелью для крепления, бытовавшие во 2—3 вв. на Востоке Европы. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. (ed.). *Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T. I. Lublin: UMCS, 592—617.

Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. 2018. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата. В: Обломский А. М. (науч. ред.). *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в.)*. РСМ 18, Москва: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 105—114.

Гросу В. И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Гугуев Ю. К. 1994. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. (к постановке проблемы). *Вестник Танаиса* (1), 114—139.

Зиньковская И. В., Колесникова А. Ю. 2021. *Бронзовые выемчатые эмали в бассейне Дона*. Воронеж: ВГУ.

Кропотов В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Малашев В. Ю. 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени. В: Мошкова М. Г. (науч. ред). *Проблемы современной археологии*. Москва: Таус, 265—283.

Медведев А. П. 1987. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья. В: Пряхин А. Д. (науч. ред.). *Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи*. Воронеж: ВГУ, 93—111.

Медведев А. П. 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины 1 тыс. н. э.). В: Медведев А. П. (науч. ред.). *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н. э.* Воронеж: ВГУ, 42—84.

Медведев А. П. 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах. В: Гугуев Ю. К. (науч. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Терра, 233—255.

Медведев А. П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.

Обломский А. М. 2013. *Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2012 г. в Мичуринском р-не Тамбовской обл.* Архив ИА РАН, Р-1, №35236, 35237.

Обломский А. М. 2017. Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж. В: Беляев Л. А., Гоняный М. И., Ершов И. Н. (науч. ред.). *De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке*. Москва; Смоленск: Свиток, 312—344.

Обломский А. М. 2018. Материалы первых вв. н. э. на поселениях Ксизово-17 и 19. В: Стародубцев Г. Ю. (науч. ред.). *Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. К 25-летию Курского государственного областного музея археологии*. Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья V. Курск: КГОМА; АНО «Центр археологических исследований», 47—80.

Обломский А. М. 2019. *Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2018 г. в Мичуринском р-не Тамбовской обл.* Архив ИА РАН, р-1, №60803, 60804.

Обломский А. М. 2020. Позднескифские материалы конца I тыс. до н. э. и первых вв. н. э. из верховьев р. Воронеж. *Stratum plus* (4), 365—380.

Обломский А. М. 2021a. Фибулы Днепровского лесостепного Левобережья и Подонья раннеримского времени. Проблема связей оседлого населения. *КСИА* 265, 139—159.

Обломский А. М. 2021b. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III—VII вв. В: Федюнин И. В. (науч. ред.). *Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена*. Воронеж: Научная книга, 461—648.

Обломский А. М. 2021c. *Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией на поселении Стаево-5 Мичуринского р-на Тамбовской обл. в 2020 г. (по открытому листу №0819—2020)*. Архив ИА РАН.

Обломский А. М. 2021d. *Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией на поселении Стаево-10 Мичуринского р-на Тамбовской обл.*

в 2020 г. (по открытому листу №0820—2020). Архив ИА РАН.

Обломский А.М. 2022a. Новые материалы раннеримского времени и начала средневековья верховьев р. Воронеж. *Археологическое наследие* 1 (5), 86-104.

Обломский А.М. 2022b. *Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией на поселении Стаево-10 Мичуринского р-на Тамбовской обл. в 2021 г. (по открытому листу №1285—2021).* Архив ИА РАН.

Разуваев Ю.Д. 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече. В: Медведев А.П. (науч. ред.). *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н. э.* Воронеж: ВГУ, 42—84.

Скрипкин А.С. 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры.* Саратов: СГУ.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект.* Саратов: СГУ.

Труфанов А.А. 2007. Зеркала-подвески первых вв. н. э. из могильников Крымской Скифии. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (науч. ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 173—186.

Храпунов И.Н., Шабанов С.Б. 2021. Погребения коней в могильнике Опушки. *Stratum plus* (4), 49—60.

References

Abramova, M.P. 1993. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. — IV v.n.e.) (Central Ciscaucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC — 4th Century AD)).* Series: Afanas'ev, G.E., Daim, F. with J. Kidd's contribution (series Chief Editors). Arkheologiia epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia = Russian monographs in migration-period and medieval archaeology 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—12, ch. 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD)).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Biriukov, I.E. 2004. In Bessonov, V.A., et al. (eds.). *Voprosy arkheologii, istorii i kul'tury Verkhnego Pooch'ia (Issues of Archaeology, History and Culture of the Upper Oka River Region).* Proceedings of the VI Scientific Conference. Kaluga: "Izd-vo nauchnoi literatury N.F. Bochkarevoi" Publ., 7—11 (in Russian).

Biriukov, I.E. 2009. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel-Altai" Conference).* Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 39—41 (in Russian).

Biriukov, I.E. 2020. In *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* (1 (3)), 393—403 (in Russian).

Biriukov, I.E., Bessudnov, A.N. 2006. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 12. Voronezh, 156—163 (in Russian).

Vorontsov, A.M., Stoliarov, E.V. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 381—394 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Vorontsov, A.M. 2008. In Naumov, A.N. (ed.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods).* Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 28—89 (in Russian).

Gavritukhin, I.O. Vorontsov, A.M. 2018. In Niezabitowska-Wiśniewska, B. (ed.). *Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T.I. Lublin: UMCS, 592—617 (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Malashev, V. Yu. 2018. In Oblomskiy, A.M. (ed.). *Brianskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'iu vostochnoevropeiskogo stilia (III v.n. e.) (The Bryansk Hoard of Jewelry with East-European Style Sinuate Enamels, 3rd Century AD).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 18, Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 105—114 (in Russian).

Grosu, V.I. 1990. *Khronologiia pamiatnikov sarmatskoi kul'tury Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Chronology of the Sarmatian Culture Sites in the Dniester and Prut Interfluves Area).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Guguev, Yu.K. 1994. In *Vestnik Tanaisa (Tanais Bulletin)* (1), 114—139 (in Russian).

Zin'kovskaia, I.V., Kolesnikova, A. Yu. 2021. *Bronzovye vyemchatye emali v basseine Dona (Bronze Champlevé Enamels in the Don Basin).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch).* Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2008. In Moshkova, M.G. (ed.). *Problemy sovremennoi arkheologii: Sbornik pamiati V.A. Bashilova (Issues of Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V.A. Bashilov).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: "Taus" Publ., 265—283 (in Russian).

Medvedev, A.P. 1987. In Priakhin, A.D. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi zheleza Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Iron Age Archaeological Sites in the Eastern European Forest-Steppe Zone).* Voronezh: Voronezh State University, 93—111 (in Russian).

Medvedev, A.P. 1998. In Medvedev, A.P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Verkhnego Podon'ia pervoi poloviny I tysiacheletiia n.e. (Archaeological Sites of the Upper Don Region in the First Half of the I Millennium BC).* Series: Archaeology of the East European Forest-Steppe 12. Voronezh: Voronezh State University, 42—84 (in Russian).

Medvedev, A.P. 2000. In Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 233—255 (in Russian).

Medvedev, A.P. 2008. *Sarmaty v verkhov'iakh Tanaisa (Sarmatians in the Upper Tanais).* Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2013. *Otchet o razvedkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei v 2012 g. v Michurinskom r-ne Tambovskoi obl. (Report on Archaeological Surveys of the Early Slavic Expedition in 2012).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 35236, 35237 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2017. In Beliaev, L.A., Gonianyi, M.I., Ershov, I.N. (eds.). *De mare ad mare. Arkheologiia i istoriia (De mare ad mare: Archaeology and History).* Moscow; Smolensk: "Svitok" Publ., 312—344 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2018. In Starodubtsev, G. Yu. (ed.). *Mezhdurech'e Dnepra i Dona: peresechenie kul'tur. K 25-letiiu Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeia arkheologii (The Interfluve of the Dnieper and Don: the Intersection of Cultures. Towards the 25th anniversary of the Kursk State Regional Museum of Archeology).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Left-Bank Dnieper Area) V. Kursk: Kursk State Regional Museum of Archaeology; Center of Archaeological Studies, 47—80 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2019. *Otchet o razvedkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei v 2018 g. v Michurinskom r-ne Tambovskoi obl. (Report on Field Surveys of the Early Slavic Expedition in the Michurinsk District, Tambov Oblast, in 2018).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, r-1, no. 60803, 60804 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 365—380 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 265, 139—159 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2021. In Fediunin, I.V. (ed.). *Ocherki arkheologii lesostepnogo Podon'ia v epokhu golotsena: monografiia (Essays on Archaeology of the Forest-Steppe Don Bassin in the Holocene: Monograph).* Voronezh: "Nauchnaia kniga" Publ., 461—648 (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2021. *Otchet o raskopkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei na poselenii Staevo-5 Michurinskogo r-na Tambovskoi obl. v 2020 g. (po otkrytomu listu no. 0819—2020) (Report on Excavations by the Early Slavic Expedition on the Stayevo-5 Settlement, Michurinsk District, Tambov Oblast, in 2020).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2021. *Otchet o raskopkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei na poselenii Staevo-10 Michurinskogo r-na Tambovskoi obl. v 2020 g. (po otkrytomu listu no. 0820—2020) (Report on Excavations by the Early Slavic Expedition on the Stayevo-10 Settlement, Michurinsk District, Tambov Oblast, in 2020, according to the Permit no. 0820—2020).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2022a. Novye materialy rannerimskogo vremeni i nachala srednevekov'ia verkhov'ev r. Voronezh (New Materials of the Early Roman Time and the Early Middle Ages at the Upper Reaches of the Voronezh River). *Arkheologicheskoe nasledie* 1 (5), 86—104 *(Archaeological Heritage)* (in Russian).

Oblomskiy, A.M. 2022b. *Otchet o raskopkakh, provedennykh Ranneslavianskoi ekspeditsiei na poselenii Staevo-10 Michurinskogo r-na Tambovskoi obl. v 2021 g. (po otkrytomu listu no. 1285—2021) (Report on Excavations by the Early Slavic Expedition on the Stayevo-10 Settlement, Michurinsk District, Tambov Oblast, in 2021, accoring to the Permit no. 1285—2021).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Razuvaev, Yu.D. 1998. In Medvedev, A.P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Verkhnego Podon'ia pervoi poloviny I tysiacheletiia n.e. (Archaeological Sites of the Upper Don Region in the First Half of the I Millennium BC).* Series: Archaeology of the East European Forest-Steppe 12. Voronezh: Voronezh State University, 42—84 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (Lower Volga Region in First Centuries AD).* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Problems of Chronology and Its Historical Aspect).* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Trufanov, A.A. 2007. In Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Drevniaia Tavrika (Ancient Taurica).* Series: Archaeological Studies. Simferopol: "Universum" Publ., 173—186 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Shabanov, S.B. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 49—60 (in Russian).

Статья поступила в сборник 26 апреля 2022 г.

Andrei Oblomskiy (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Обломский Андрей Михайлович (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

Address: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

А. И. Дробушевский

Зарубинецкая культура и бастарны

Keywords: Zarubintsy culture, Bastarnae, ancient Germans, Poeneşti-Lukashevka culture, Jastorf culture, pre-Roman Iron Age, La Tène period, migration

Ключевые слова: зарубинецкая культура, бастарны, германцы, культура Поенешти-Лукашевка, культура Ясторф, предримский период, латенский период, миграция

A. I. Drobushevski

Zarubintsy Culture and Bastarnae

This article provides a critical analysis of the hypothesis of the Bastarnae (Germanic) affiliation of the Zarubintsy culture.

The analysis of archaeological and written sources does not confirm that the sites of the Poeneşti-Lukashevka type belong to the fourth group of the Zarubintsy culture or the existence of a "Zarubintsy–Poeneşti cultural community" (ZPO). Strabo's "Geography" does not provide grounds for localizing Bastarnae in the Zarubintsy culture range. There is no archaeological data to suggest that the Zarubintsy culture could have encountered the spear-shaped (Zarubintsy type) fibulae exclusively as a result of the Bastarnae trips of 179—168 BC. What is more likely, these fibulae were borrowed from the later Scythians of the left bank of the Lower Dnieper (Glinoe), who were subjected to Celtic influence.

"Jastorf" elements in the Zarubintsy culture are present to a much lesser extent than in other latènised communities (Prseworsk, Oksywe and Poeneşti-Lukashevka cultures). The absence of a reliably Jastorf component in the early Zarubintsy assemblages excludes the direct participation of the ancient Germanic (Jastorf) population in the formation of Zarubintsy traditions.

The Zarubintsy culture belongs to the circle of latènised cultures of the pre-Roman period and is an independent and original phenomenon on the ethno-cultural map of Eastern Europe.

А. И. Дробушевский

Зарубинецкая культура и бастарны

В данной статье производится критический анализ гипотезы о бастарнской (германской) принадлежности зарубинецкой культуры.

Анализ археологических и письменных источников не подтверждает принадлежность памятников типа Поенешти–Лукашевка четвертой группе зарубинецкой культуры или существование «зарубинецко-поянештской культурной общности» (ЗПО). «География» Страбона не дает оснований для локализации бастарнов в ареале зарубинецкой культуры. Нет археологических данных о том, что носители зарубинецкой культуры могли познакомиться с копьевидными (зарубинецкими) фибулами исключительно в результате бастарнских походов 179—168 гг. до н. э. Более вероятно заимствование этих фибул зарубинцами у поздних скифов левобережья Нижнего Поднестровья (Глиное), подвергшихся кельтскому влиянию.

«Ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поенешти–Лукашевка). Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций.

Зарубинецкая культура относится к кругу латенизированных культур предримского времени и представляет собой самостоятельное и самобытное явление на этнокультурной карте Восточной Европы.

© А. И. Дробушевский, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22171189

„Deshalb kann auch nicht jeder mit einem Haarknoten oder Hosen Dargestellte zwangsläufig als Germane gelten”
(Brather 2004: 138)

Введение

Памятники зарубинецкой культуры (рис. 1) на протяжении уже более ста лет занимают особое место в решении проблемы этногенеза славян. Тем не менее, на вопросы, связанные с происхождением и этнической принадлежностью носителей этой культуры, до сих пор не получены однозначные ответы. Зарубинецкое население исследователи относили к балтам, балто-славянам, особому народу или указывали на их полиэтничность.

Особую популярность в 80—90-е гг. прошлого столетия приобрела гипотеза о бастарнской (германской) принадлежности носителей зарубинецкой культуры. В наше время наметилась тенденция считать германство зарубинцев чуть ли не доказанным, а «взгляды на зарубинецкую культуру, как на автохтонную и славянскую, в научном сообществе в настоящее время считаются устаревшими» (Воронятов 2020: 275). Последнее утверждение является по меньшей мере преждевременным. В каком-то смысле отражением взглядов научного сообщества можно считать академические энциклопедические издания, а не мнения отдельных авторов. В современных исследованиях признается существенная или решающая роль зарубинецкой культуры в формировании именно раннеславянских культур (Обломский 2008: 277; НРЭ 2009: 430).

Собственно, археологическая атрибуция, локализация, этнос, время и пути проникновения самих бастарнов в Нижнее Подунавье, а также их дальнейшая судьба до сих пор являются предметом оживленных дискуссий (Porucznik 2014: 57—76). Историография бастарнской проблематики обширна и этот древний народ, вопреки мнению М. Б. Щукина, отнюдь не является «забытым» (Щукин 1999: 75—90). Точка зрения о германстве (*Germanentum*) бастарнов не стала общепринятой в современном научном сообществе, причем даже среди германоязычных исследователей (Künnemann 1998: 496—499). Все эти проблемы, несомненно, требуют специального изучения.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью отождествления носителей зарубинецкой культуры с бастарнами. Необходимо отметить, что и сама гипотеза о принадлежности зарубинецкого общества древним германцам никогда не была предметом подробного критического анализа.

Историография

Действительно, практически с момента открытия В. В. Хвойко в 1899 г. могильника у с. Зарубинцы бывшего Каневского уезда Киевской губернии была высказана мысль о принадлежности этого памятника древним германцам. Приведем слова известного русского археолога А. А. Спицына: «Едва ли возможно колебаться в решении другого вопроса: откуда именно на Днепр и Днестр явилась латенская культура? Все имеющиеся данные говорят за Вислу или среднюю Германию. … Так как Латен не имеет никаких корней в южнорусских древностях, совершенно отличных от него и более богатых, то ясно, что он занесен в данную местность населением, пришедшим откуда-то с культурой средней Европы. Таким племенем естественнее всего признавать бастарнов…» (Спицын 1904: 85).

Ознакомившись с публикацией Викентия Вячеславовича Хвойко известный немецкий археолог П. Рейнеке отметил большую близость кружек с ручками, чернолощеных горшков и мисок, а также посоховидных булавок из Зарубинецкого могильника с подобными вещами из могильников в низовьях Вислы. На основании этого, он сделал вывод о том, что из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье продвигалось восточногерманское население, свидетельством чего и являются материалы Зарубинецкого могильника. Впрочем, сам П. Рейнеке отметил, что из-за ограниченности материала, пока преждевременно делать какие-либо окончательные выводы (Reinecke 1906: 42—50).

Создатель «Siedlungsarchäologie» Г. Коссинна, также считал поле погребений у с. Зарубинцы чисто германским памятником. Об этом свидетельствовали, по его мнению, также находки короновидных шарнирных шейных гривен на территории Украины (Kossinna 1932: 50; Kossinna 1934: 163—164).

Другой немецкий археолог К. Такенберг объявил зарубинецкую культуру принадлежащей западногерманскому племени скиров, переселившемуся из нижнего Одера в Среднее Приднепровье. В отличие от П. Рейнеке, К. Такенберг считал бóльшую часть вещей, обнаруженных в Зарубинцах, непригодными для этнических определений. Этническим определителем, по К. Такенбергу, являются лощеные горшки, украшенные по корпусу налепными шишечками или подковками,

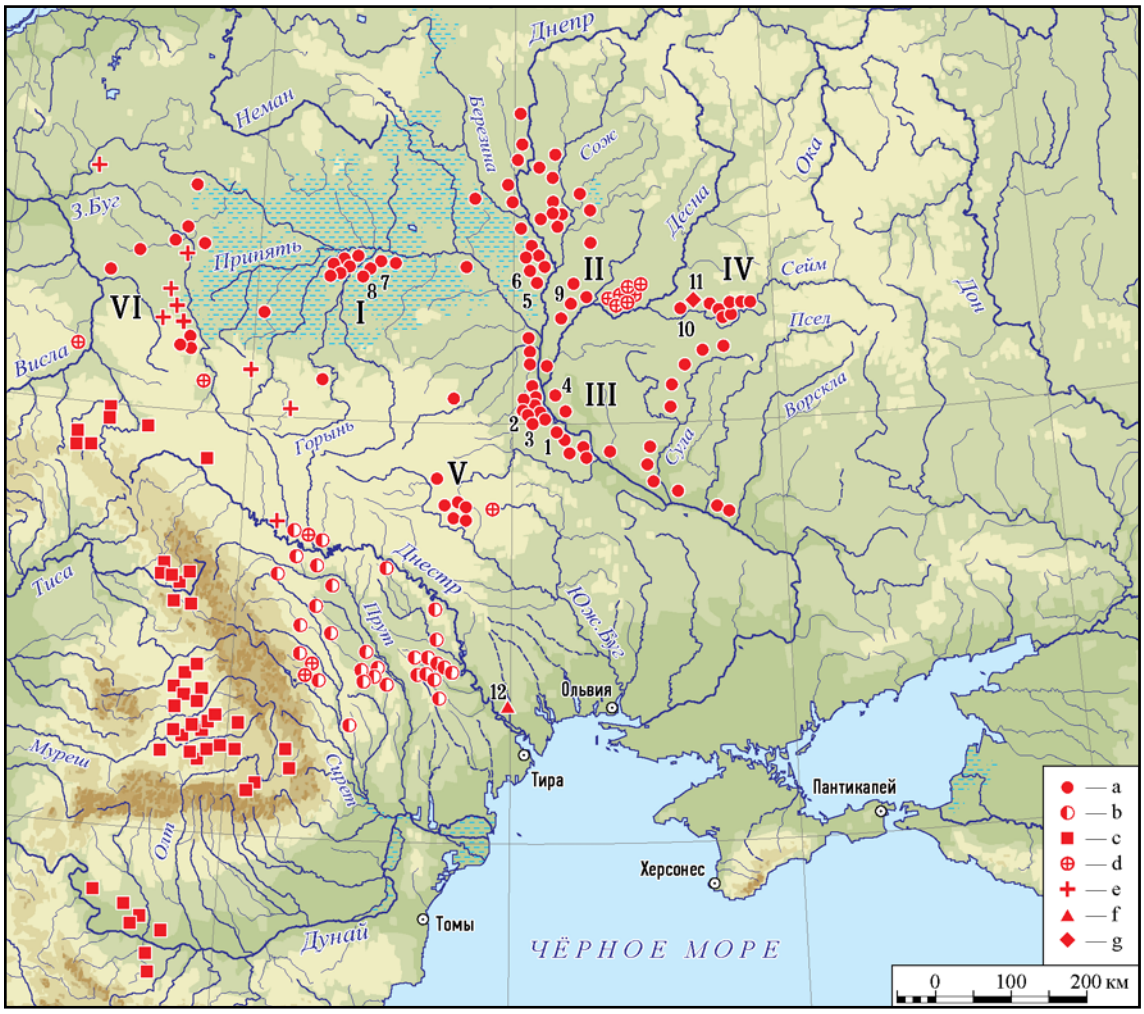

Рис. 1. Карта памятников зарубинецкой культуры (a, I—VI). I — полесский вариант; II — верхнеднепровский; III — среднеднепровский; IV — памятники типа Харьевки; V — южнобугский (?); VI — зарубинецкие памятники на территории Польши (?). (b — памятники культуры Поенешти–Лукашевка; c — латенские памятники; d — находки гривен-корон (*Kronenhalsringe*); e — памятники с ясторфскими материалами; f — Глиное; g — Мутин. 1 — Зарубинцы; 2 — Корчеватое; 3 — Пирогов; 4 — Вишенки; 5 — Чаплин; 6 — Горошков; 7 — Велемичи I и II; 8 — Отвержичи; 9 — Высокий Груд; 10 — Литвиновичи-3; 11 — Мутин; 12 — Глиное.

Fig. 1. Map the sites of the Zarubintsy culture (a, I—VI). I — version of the Polesye; II — version of the Upper Dnieper; III — version of the Middle Dnieper; IV — sites of Kharyevka type; V — version of the South Bug (?); VI — Zarubintsy sites in territory of Poland (?). (b — sites of the Poeneshti-Lukashevka culture; c — sites of the Latène culture; d — finds of crown-shaped torque (*Kronenhalsringe*); e — sites with materials of the Jastorf culture; f — Glinoe; g — Mutin. 1 — Zarubintsy; 2 — Korchevatoe; 3 — Pirogov; 4 — Vishenki; 5 — Chaplin; 6 — Goroshkov; 7 — Velemichi I and II; 8 — Otverzhichi; 9 — Vysokii Grud; 10 — Litvinovichi-3; 11 — Mutin; 12 — Glinoe.

а также бронзовые булавки, аналогии которым есть в комплексах латенского времени территории Нижнего Поодерья, на которой в это время жили скиры (Tackenberg 1929: 232—244; Tackenberg 1930: 283). Со скирами позднее связал зарубинецкую культуру также Е. Петерсен (Petersen 1940: 925).

С приходом в Германии к власти нацистов гипотеза о германской принадлежности зарубинецких памятников приобрела уже идеологическую окраску и в определенной степени служила для обоснования «исторических прав» Третьего Рейха на восточнославянские земли. Особую актуальность это приобрело в годы Великой Отечественной войны. На оккупированной территории немецкий археолог Р. Штампфус вместе с И. М. Самойловским продолжил раскопки зарубинецкого могильника Корчеватое под Киевом, начатые еще довоенные годы (Андрєєв 2012: 123). В своей статье «Германцы в Украине», вышедшей в 1942 г. Р. Штампфус рассуждает о наличии в Корчеватовском могильнике западногерман-

ских элементов как бастарнов, так и скиров (Stampfus 1942: 283).

Справедливости ради, следует отметить, что вплоть до второй половины прошлого века зарубинецкая культура в Восточной Европе выглядела как изолированное явление между лесостепными скифами и обитателями лесных городищ. Ни одно из зарубинецких поселений не подвергалось систематическим археологическим раскопкам. Совершенно неясна была дальнейшая судьба этого населения. Поэтому ограниченность источниковедческой базы позволяла строить самые различные гипотезы относительно их этноса, в том числе и древнегерманского.

После окончания Второй Мировой войны гипотеза о германской принадлежности зарубинецких племен утратила свою актуальность даже среди немецких археологов (Пачкова 1990: 12—30). В связи с начавшимися в 50—60-е гг. XX в. широкомасштабными раскопками зарубинецких памятников на территории СССР и значительным расширением источниковедческой базы, советские археологи этой проблемы касались лишь вскользь и не уделяли ей должного внимания.

Как это ни парадоксально, возрождение гипотезы о бастарнской (германской) принадлежности зарубинецкой культуры началось именно в Советском Союзе.

В 1949 г. Р. Вулпе начал раскопки могильника Поенешти на территории Румынии, который он отнес к германскому племени бастарнов (Vulpe 1953: 213—506; Vulpe 1955: 103—119). В связи с этим встал вопрос об этнической принадлежности аналогичных памятников на территории Молдавской ССР (могильник и поселение Лукашевка. В 1953—1954 гг. советский археолог Г. Б. Федоров исследовал Лукашевский могильник на территории Молдавской ССР (Федоров 1957: 51—62) и отметил, что «на территории СССР ближайшие аналогии могильникам лукашевского типа находятся среди могильников зарубинецко-корчеватовского типа в Среднем и Верхнем Поднепровье» (Федоров 1960: 16, 27).

В 1966 г. Д. А. Мачинский включил памятники типа Поенешти-Лукашевка в четвертую (пруто-днестровскую) группу зарубинецкой культуры (Мачинский 1966а: 3—8)[1]. Таким образом, Д. А. Мачинский, выделяя четвертую группу, как-бы возводил связующий мостик между бастарнами (германцами, по Р. Вулпе) и зарубинецкой культурой. Правда, в эти же годы Д. А. Мачинский отмечал, «что в лице бастарнов мы сталкиваемся с неизвестной пока этнической общностью, язык которой, возможно, не сохранился до наших дней», а памятники типа Поенешти-Лукашевка не включает в четвертую группу зарубинецкой культуры, называя их «культура Поянешты-Лукашевка» (Мачинский 1966б: 82—96). Лишь по последующим публикациям становится очевидным, что исследователь по-прежнему придерживается взгляда о существовании четвертой (Поенешти) группы, входящей в состав «зарубинецкой культурной общности» (Мачинский 2012: 25—41), и прямо связывает бастарнов с германцами (Мачинский 2009: 473, 475).

Вторым важным аргументом, по Д. А. Мачинскому, является «точная этнокарта» Страбона, которая, по его мнению, позволяет локализовать бастарнов в ареале зарубинецкой культуры (Мачинский 1973: 53, прим. 10; 1974: 123—129; 1976: 93; 2012: 36—37, 41).

В 70—80-е гг. прошлого столетия К. В. Каспарова выдвинула гипотезу, что проникновение в среду зарубинецкого населения фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком связано с балканскими походами бастарнов в 179—168 гг. до н. э. (Каспарова 1977: 76; 1981: 76—77). Данная гипотеза, хотя и косвенно, в дальнейшем послужила третьим аргументом в пользу бастарнской (германской) принадлежности зарубинецких племен.

В 80—90-е годы XX века В. Е. Еременко привел четвертый аргумент в пользу германства носителей зарубинецкой культуры. По утверждению исследователя, между местными древностями (милоградской, поморской и скифской культурами) и зарубинецкой культурой существует хронологический разрыв (хиатус) протяженностью примерно в сто лет. Следовательно, последняя была привнесена в Поднепровье извне. В поисках «исходного пункта» процесса латенизации он приходит к выводу, что именно проникновение латенских импортов на юго-восточную окраину ясторфской культуры и складывание там переходной латенско-ясторфской подмокельской группы создало предпосылки для широкого распространения процесса латенизации, который резко активизировался с началом передвижения восточноясторфского населения, приведших в LT C1b (225—190 гг. до н. э.) к сложению латенизированных культур (Ере-

[1] В научной русскоязычной литературе памятники культуры (типа) Поенешти-Лукашевка (рум. Poieneşti-Lucaşeuca) имеют различное написание: «Поенешть-Лукашевка», «Поенешты-Лукашевка», «Поянешти-Лукашевка», «Поянешты-Лукашевка» и т. д.

менко 1997: 5, 87, 171, 189). И далее более категорично: «Ясторфская подоснова зарубинецкой культуры … и их принадлежность бастарнам больше не вызывает принципиальных возражений» (Еременко 2000: 14).

Указанные выше взгляды Д. А. Мачинского, К. В. Каспаровой и В. Е. Еременко, в целом, активно поддержал и развивал в своих работах М. Б. Щукин (Shchukin 1989: 27, 69, 74—75; Щукин 1993: 89—95; 1994: 117, 119, 152—153, 197, 209, 227—228; 1997: 115, 119; 1999: 75—90; 2005: 60—61).

Таким образом, обоснование бастарнской (германской) принадлежности носителей зарубинецкой культуры строится на следующих четырех аргументах:

I. Памятники типа Поенешти-Лукашевка (бастарны) являются четвертой группой зарубинецкой культуры (по Д. А. Мачинскому) или зарубинецко-поенештской культурной общностью (ЗПО, по М. Б. Щукину);

II. «Точная этнокарта» Страбона, позволяет локализовать бастарнов в ареале зарубинецкой культуры (по Д. А. Мачинскому);

III. Проникновение фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком в зарубинецкую среду связано с балканскими походами бастарнов в 179—168 гг. до н. э. (по К. В. Каспаровой);

IV. Ясторфский путь латенизации зарубинецкой культуры (по В. Е. Еременко).

Рассмотрим каждый из указанных аргументов в отдельности.

I. Четвертая группа группа зарубинецкой культуры или ЗПО

Еще в конце 50 — начале 60-х гг. XX века Г. Б. Федоров, изучая памятники типа Лукашевки на территории Молдавской ССР, отметил, что керамике лукашевской группы типологически близка керамика зарубинецкого облика. На территории СССР, по мнению исследователя, ближайшие аналогии могильникам лукашевского типа находятся среди могильников зарубинецко-корчеватовского типа в Среднем и Верхнем Поднепровье (Федоров 1960: 16, 27).

Зарубинецкие материалы сравнивал и сближал с лукашевскими также К. Такенберг (Tackenberg 1963: 422).

Позднее, в 1966 году, Д. А. Мачинский включил памятники типа Поенешти-Лукашевка в четвертую (пруто-днестровскую) группу зарубинецкой культуры (Мачинский 1966а: 3—8). Основанием для этого, по его мнению, являются девять общих черт, объединяющих эти памятники:

1) памятники зарубинецкой культуры появляются одновременно;

2) в могильниках наблюдаются сходные этапы развития;

3) для всех групп характерны бескурганные могильники, где господствующим обрядом погребения является трупосожжение, при этом в большинстве случаев пережженные кости очищаются от остатков погребального костра;

4) поселения небольших размеров;

5) имущественное и социальное расслоение для первых двух этапов не прослеживается, инвентарь погребений беден, импортные изделия, за исключением бус, в погребениях отсутствуют;

6) характерной деталью одежды являются фибулы;

7) для всех групп на раннем этапе характерно сочетание «хроноватой», бугристой и лощеной керамики, причем на могильниках преобладают лощеные, а на поселениях — грубые сосуды;

8) среди грубой керамики общей для всех групп формой является большой горшок, украшенный на плечиках орнаментированным валиком, отделяющим верхнюю, обычно заглаженную, часть сосуда от нижней, обычно «хроноватой»;

9) в погребениях не обнаружено оружия, лишь изредка встречаются копья, мечи отсутствуют (Мачинский 1966а: 4).

Из приведенного выше перечня очевидно, что объединяющие памятники типа Поенешти-Лукашевка с зарубинецкой культурой черты носят слишком общий характер.

Гипотеза Д. А. Мачинского о четвертой группе зарубинецкой культуре практически сразу подверглась критике. М. А. Романовская указала, что культура Поенешти-Лукашевка не является локальным вариантом зарубинецкой, поскольку они не связаны общими корнями происхождения, отличаются друг от друга деталями обряда трупосожжения, принципами домостроительства, формами и орнаментацией глиняной посуды (Романовская 1968: 11—12).

К. Годловский отметил, что взгляды, объединяющие зарубинецкую группу и культуру Поенешти-Лукашевка в один круг, лишены убедительного обоснования. Несмотря на влияние Латена и наличие межрегиональных элементов, характерных для всей территории, охваченной процессом «латенизации», зарубинецкая культура явно отли-

чается от синхронных «латенизированных» культур Центральной и Северной Европы, и поэтому следует предположить, что местные традиции сыграли решающую роль в ее создании, хотя приток некоторых групп населения, особенно родственных к поморской культуре, нельзя исключать (Godłowski 1977: 205).

Все исследователи, непосредственно занимающиеся полевыми исследованиями зарубинецких древностей, не включали памятники типа Поенешти-Лукашевка в состав зарубинецкой культуры (Кухаренко 1964: 8—9, рис. 1; Третьяков 1966: 212—213, рис. 58; Поболь 1971: 177—178; Максимов 1972: 61; 1982: 7—10; Каспарова 1981: рис. 5; Пачкова 2006: 8, рис. 1).

Подробно остановился на вопросе соотношения культур Поенешти-Лукашевка и зарубинецкой известный румынский археолог М. Бабеш, который, в конечном итоге указал, что можно говорить, без сомнения, о культуре Поенешти-Лукашевка и отказаться от прикладного в более ранних работах понятия культурная группа. Глубоко идущее сравнение с зарубинецкой культурой, по мнению исследователя, доказывает значительные отличия, которые объясняются по существу различным происхождением обеих культур (Babeş 1993: 122, 162).

Сравнительный анализ основных категорий материальной культуры зарубинецкой и поенешти-лукашевской культур произвела С. П. Пачкова, на основе которого она включила поенешти-лукашевскую культуру в одну общность именно с культурами ясторфского круга, а не с зарубинецкой. В связи с этим, по ее мнению, и этносы зарубинецкой и поенешти-лукашевской культур, вероятнее всего, были неоднородны и различны (Пачкова 2006: 343—344).

В конечном итоге, М. Б. Щукин вынужден был признать, что идею Д. А. Мачинского о единстве поенешти-лукашевской и зарубинецкой культур поддерживает лишь только он один (Щукин 1999: 94).

Таким образом, принадлежность памятников типа Поенешти-Лукашевка зарубинецкой культуре или существование некой «зарубинецко-поянештской культурной общности» (ЗПО, по М. Б. Щукину) не подтвердились.

В новейшей историографии по культуре Поенешти-Лукашевка тема о ее принадлежности к четвертой группе или ЗПО даже не рассматривается (Munteanu 2013: 37—52; Munteanu, Iarmulschi 2019: 217—241).

II. «Точная этнокарта» Страбона и зарубинецкая культура

Как отмечалось выше, по мнению Д. А. Мачинского, «точная этнокарта» Страбона позволяет локализовать бастарнов в ареале зарубинецкой культуры. Собственно, с бастарнами Д. А. Мачинский связывает не всю зарубинецкую культуру, а лишь по Южному Бугу и в южной части Среднего Приднепровья по Тясьмину (Мачинский 1973: 53, прим. 10; Мачинский 1976: 83). Если в ранних публикациях Д. А. Мачинский не считал бастарнов германцами, то в более поздних работах бастарны уже не неизвестная этническая общность, а конкретно германцы, которым приписываются зарубинецкие памятники Припятского Полесья и Среднего Поднепровья (Мачинский 2012: 36, 37, 41).

М. Б. Щукин также считает, что наиболее точную локализацию бастарнов дает Страбон, полностью присоединяясь к взглядам Д. А. Мачинского относительно их идентификации с полесским и среднеднепровским зарубинецким населением (Shchukin 1989: 75; Щукин 1993: 89—95). Более осторожную позицию в этом вопросе заняла К. В. Каспарова, по мнению которой, бастарны составляли разноэтничный союз племен (Каспарова 1981: 76—77). В целом, к этим взглядам присоединился и В. Е. Еременко, добавляя применительно к верхнеднепровскому варианту зарубинецкой культуры еще кимвров и тевтонов (Еременко 1997: 165, 171, 194).

Однако, необходимо отметить, что выше названные авторы не анализировали весь комплекс сведений Страбона о бастарнах, что и привело, на мой взгляд, к искаженным результатам.

В «Географии» Страбона бастарны упомянуты 11 раз (Страбон 1964: 96, 119, 265, 269—271, 279—280). Сначала Страбон утверждает, что его предшественники совершенно не знали страны бастарнов (Strab. II. I.41 = Страбон 1964: 96). Далее он сетует, что и современные ему авторы могли бы лучше рассказать о бастарнах (Strab. II. V.12 = Страбон 1964: 119). Из всего этого следует, что сведения о бастарнах у Страбона носят чисто компиляционный характер. Как честно признается он сам: «Действительно, я не знаю ни бастарнов, ни савроматов, ни вообще народностей, обитающих над Понтом» (Strab. II.4 = Страбон 1964: 269—270).

Относительно германской принадлежности бастарнов Страбон явно ненадежный источник. В двух случаях он отделяет бастарнов

от германцев (Strab. II.V.12; II.V.30 = Страбон 1964: 119, 128), а в одном — размещает их за Германией, специально отмечая, что так думает большинство (Strab. VII.II.4 = Страбон 1964: 269).

Единственный отрывок, который позволил ряду исследователей причислить бастарнов к германцам у Страбона выглядит следующим образом: «В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами, бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие — сидонами; те что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном, — роксоланов» (Strab. VII. III.17 = Страбон 1964: 280). Странность этого отрывка заключается в том, что в нем бастарны с одной стороны граничат с германцами, с другой — возможно сами являются германцами, и, наконец, в состав бастарнов включены несомненно ираноязычные роксоланы. Здесь Страбоном явно сведены в один отрывок данные из разных источников, из-за чего и произошла путаница. Кто такие бастарны, как отмечалось выше, Страбон не знает. Он лишь сообщает, что бастарны смешаны с фракийцами (Strab. VII. III.2 = Страбон 1964: 271). Собственно говоря, бастарны по Страбону, вопреки М.Б. Щукину, не являются народом между кельтами и германцами (Щукин 1993: 91—92).

Кроме германцев, у Страбона, рядом с бастарнами обычно указываются тирегеты (Strab. II.V.12; II.V.30; VII.I.1 = Страбон 1964: 128, 265). Характерно, что относительно Днепра (Борисфена) тирегеты указаны восточнее бастарнов (Strab. VII.I.1 = Страбон 1964: 265). В «Географии» бастарны всегда размещаются на левобережье нижнего Дуная (Истра) (Strab. VII.I.1; VII. III.13 = Страбон 1964: 265, 279). По Страбону, они наряду со скифами и савроматами переправлялись на противоположный берег Дуная и вторгались в земли фракийского племени трибаллов (Strab. VII. III.13 = Страбон 1964: 279).

Утверждение Д.А. Мачинского, что по сообщению Страбона бастарны населяли земли к северу от кочевников-сарматов (Мачинский 1976: 93), так же не соответствует действительности. На самом деле, кто жил севернее скифов и сарматов в Нижнем Поднепровье, ему не известно (Strab. VII.II.4 = Страбон 1964: 269—270). Он лишь отмечает, что Борисфен судоходен на 600 стадий (Strab. VII. III.17 = Страбон 1964: 280), т.е. земли, расположенные чуть более 100 км вверх по течению от устья реки, ему неизвестны. Страбон ни разу не упоминает бастарнов не только в Поднепровье, но также на Южном Буге и в Поднестровье. О городе, находящемся примерно в 50 км от устья Днестра, античному географу известно лишь со слов прибрежных жителей (Strab. VII. III.16 = Страбон 1964: 280). Ничего ему не известно также и о существовании Карпатских гор.

Таким образом, ссылки Д.А. Мачинского, М.Б. Щукина и В.Е. Еременко на «Географию» Страбона для обоснования локализации бастарнов в ареале зарубинецкой культуры явно вводят читателя в заблуждение. Другие античные авторы, даже в предположительной форме, также не дают никаких оснований локализовать бастарнов в Поднепровье.

III. Фибулы среднелатенской схемы с треугольным щитком и балканские походы бастарнов

Эти фибулы («зарубинецкого типа») принято считать этнографической особенностью зарубинецкой культуры. Исследователи уже давно отмечали сходство фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком зарубинецкой культуры с копьевидными на территории бывшей Югославии (Reinecke 1906: 42—43; Амброз 1959: 186—189; Амброз 1966: 6, 14—19; Woźniak 1974: 160).

К.В. Каспарова впервые картографировала почти все известные ей пункты находок этих фибул на территории Европы и увязала их появление в зарубинецкой культуре с походами бастарнов в 179—168 гг. до н.э. на Балканском полуострове. Время появления фибул «зарубинецкого типа» К.В. Каспарова отнесла к концу фазы LTC1 — началу LTC2, что в абсолютной хронологии, по ее мнению, происходило в 170—150-е годы до н.э. (Каспарова 1977: 76; Каспарова 1981: 76; Каспарова 1984: 109).

Последняя гипотеза хоть и не доказывала принадлежность носителей зарубинецкой культуры бастарнам, но служила косвенным аргументом в пользу их вхождения в бастарнский военно-политический союз (Мачинский 2012: 37, 40—42; Shchukin 1989: 69; Щукин 1993: 90—91; 1994: 117—119; 1997: 115; 1999: 80; 2005: 60—61; Еременко 1997: 26—27, 121—123, 174—175; Еременко, Щукин 1998: 77). Сама же К.В. Каспарова, как отмечалось выше, считала бастарнов разноэтничным союзом племен (Каспарова 1981: 77).

В целом, гипотезу К. В. Каспаровой о появлении фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком в зарубинецкой культуре в результате юго-западных влияний также поддержали Т. Домбровская, К. Годловский и С. П. Пачкова (Dąbrowska 1980: 323—328; Godłowski 1977: 206; Пачкова 2006: 7, 20, 111, 224, 347).

Однако, не все исследователи приняли гипотезу К. В. Каспаровой относительно времени и причин проникновения рассматриваемых фибул в зарубинецкую культуру.

Так, например, А. М. Обломский отметил, что ранние находки копьевидных фибул Югославии не позволяют датировать их появление точнее, чем II в. до н. э. в целом, т. е. так же, как и зарубинецких фибул с треугольным щитком (Обломский 1986: 55).

По мнению сербского археолога П. Поповича, на территории кельтов-скордисков в Подунавье копьевидные фибулы среднелатенской схемы датируются I в. до н. э., что ставит под сомнение хронологические тезисы К. В. Каспаровой (Popović 1994: 66—67).

Обычно более поздним временем, чем в зарубинецкой культуре, датируются фибулы среднелатенской схемы с треугольным щитком из Северного Причерноморья, что неоднократно отмечалось в литературе (Еременко 1997: 123, 174; Кропотов 2010: 57—58; Hellström 2018: 148—149).

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. В зарубинецкой культуре фибулы среднелатенской схемы с треугольным щитком датируются более ранним временем, чем на собственно кельтских памятниках.

Для латенизированных культур германского круга предримского времени (ясторфская, оксывская, пшеворская и Поенешти-Лукашевка) фибулы «зарубинецкого типа» не характерны. Так, например, единственную находку из поселения Лукашевка II М. Бабеш считает импортом из зарубинецкой культуры (Babeş 1993: 95).

В 90-е гг. XX века в европейской литературе переход от фазы LTC1 к LTC2 стали определять 220—180 гг. до н. э., на что обратил внимание В. Е. Еременко (Еременко 1997: 27). Последнее обстоятельство ставит под сомнение непосредственную связь появления фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком именно с походами бастарнов в 179—168 гг. до н. э. на Балканском полуострове.

С этими наблюдениями согласуется анализ материалов, полученных при исследованиях скифского могильника у с. Глиное в левобережье Нижнего Днестра. Здесь появление копьевидных фибул относится к последней четверти III в. до н. э.

Об этом однозначно, по мнению исследователей, свидетельствует погребение 66/1, поскольку в состав погребального инвентаря первичного (мужского) захоронения с «копьевидной» фибулой входила клеймёная синопская амфора с клеймом астинома Θηρικλῆς τοῦ Ἀπολλωνίου, время производства которой определяется началом последней четверти III в. до н. э. Также в последней четверти III в. до н. э. было совершено погребение 106/1, где, вместе с бронзовой фибулой раннелатенской схемы с плоской спинкой (второй половины III в. до н. э.), была найдена железная, «копьевидная» (Тельнов и др. 2016: 959).

Учитывая, что левобережное Приднестровье находится значительно ближе к зарубинецкому ареалу, чем территория бывшей Югославии, логичней предположить заимствование этих фибул зарубинцами у скифов, подвергшихся кельтскому влиянию.

Никаких археологических аргументов, что носители зарубинецкой культуры могли познакомиться с копьевидными фибулами исключительно в результате бастарнских походов 179—168 гг. до н. э. — нет.

IV. Ясторфский путь латенизации зарубинецкой культуры

За более чем столетний период изучения зарубинецких древностей сложилось три основных направления, в рамках которых рассматриваются зарубинецко-ясторфские связи.

Представители первого направления отрицают участие культуры Ясторф как в формировании, так и развитии зарубинецких традиций (Кухаренко 1964; Третьяков 1966; Максимов 1972; Поболь 1971; Godłowski 1977; Обломский 1983; Скиба 2001, Дробушевский 2016). Большинство сторонников этой точки зрения связывают зарубинцев с древними славянами.

Второе направление, напротив, представляют авторы, которые считают носителей зарубинецкой культуры пришлым древнегерманским населением. Главная роль в процессе ее сложения и латенизации отводится именно ясторфским племенам (Kossinna 1914: 147—157; Tackenberg 1929: 232—244; Еременко 1997: 103, 119—120, 189).

И, наконец, представители третьего направления признают существование ясторфских элементов в зарубинецкой культуре, но в формировании последней отводят им

второстепенную роль одного из компонентов (Каспарова 1969: 131—168; Каспарова 1981: 57—79; Максимов 1982: 80—81, 158, 163; Максимов 2000: С. 53—65; Niewegłowski 1986: 203—216; Babeş 1993: 162; Щукин 1994: 228; Пачкова 2006: 6—7, 224, 339, 347).

Еще в конце 60-х годов прошлого века К.В. Каспарова указала (наряду с кельто-иллирийскими) ясторфские параллели поясному крючку из погребения 31 могильника Отвержичи. Ясторфские аналогии, по ее мнению, имеют поясные крючки (скрепы) из погребений 125 и 236 могильника Чаплин в Гомельском Поднепровье и погребений 45 и 75 могильника Велемичи II в Белорусском Полесье, а также фибула среднелатенской схемы с шариками (Kugelfibel) и лепной горшок с иксовидной ручкой из погребения 108 могильника Велемичи I. Среди лепной зарубинецкой посуды, с точки зрения исследовательницы, типичны для ясторфского круга несколько горшков с двумя-четырьмя ручками-ушками и сосуды «трехчастной» формы. В ясторфских материалах встречаются округлобокие горшки с почти прямой шейкой, близкие найденным в полесских зарубинецких могильниках. Миски с загнутым внутрь краем венчика, в небольшом количестве представленные во всех группах зарубинецких памятников, по К.В. Каспаровой, также находят аналогии в древностях ясторфского круга. Однако, учитывая, что параллели этим формам мисок есть в поморско-подклешевой культуре, среди кельтской керамики, на нижнеднепровских городищах и в Крыму в слоях рубежа эр, исследовательница не настаивала на их северо-западном происхождении. Наконец, для зарубинецкой и еще более для ясторфской традиции, по ее мнению, характерна орнаментация сосудов рельефными «подковками». Осознавая, что северо-западные элементы в зарубинецкой культуре крайне редки, К.В. Каспарова пишет лишь о возможном участии в ее формировании ясторфского населения (Каспарова 1969: 156—157; 1981: 67—72, 76, рис. 6: 2, 3, 13, рис. 7: 1—14; 8: 1—7).

С продвижением германских (ясторфских) племен Е.В. Максимов связывает нарушение стабильности в Припятском Полесье и даже на левобережье Днепра в I в. до н.э. — I в. н.э., о чем, с его точки зрения, свидетельствуют погребение на р. Сейм у с. Пересыпки, находки бронзовых короновидных гривен в Черниговском Подесенье, а также материалы поселения Харьевка и Басовского городища. По мнению исследователя, роль носителей ясторфских традиций в генезисе зарубинецкой культуры не прослеживается (Максимов 1982: 80—81, 163).

Как отмечалось выше, иначе видел соотношение ясторфской и зарубинецкой культур В.Е. Еременко. В поисках «исходного пункта» процесса латенизации он пришел к выводу, что именно проникновение латенских импортов на юго-восточную окраину ясторфской культуры и сложение там переходной латенско-ясторфской подмокельской группы создало предпосылки для широкого распространения данного процесса, резко активизировавшегося с началом передвижения восточноясторфского населения и приведшего в LT C1b (225—190 гг. до н.э.) к формированию латенизированных культур. Исследователь видел две основные причины столь быстрой латенизации: отсутствие постоянного оседлого населения к востоку от Одера и образование зоны археологической непрерывности — дугой, тянущейся вокруг центральноевропейских кельтских земель и через них замыкающейся в кольцо.

Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры складывается, по В.Е. Еременко, позднее балканских походов бастарнов в результате нового импульса с ясторфской периферии, зародившегося, судя по вещам ясторфского происхождения, в северной Ютландии (Еременко 1990: 14—16). В Чаплинском могильнике ясторфский компонент представлен поясными крючками, топорами-кельтами и керамикой, сравнимой с керамикой Дании периодов II (III—II вв. до н.э.) и, в особенности, IIIa (II в. до н.э. — рубеж эр), по К. Беккеру (Еременко 1997: 165, рис. 60: 20, 25—31, 34, 37).

Наличие ясторфских элементов на ранних стадиях зарубинецкой культуры видел и М.Б. Щукин (Щукин 1997: 114), правда, не приводя конкретных примеров.

Подробный анализ ясторфских элементов в зарубинецкой культуре произвела С.П. Пачкова (Пачкова 2006: 224—251). Она пришла к выводу, что на зарубинецких могильниках можно найти отдельные захоронения, по обряду полностью совпадающие с ясторфскими. К ним она отнесла по два комплекса на могильниках Пирогов (погр. 6 и 286), Вишенки (погр. 4 и 6) и одно в Корчеватом (погр. 3). Чаще встречаются погребения, в которых сочетаются зарубинецкие и ясторфские черты. Большинство же зарубинецких захоронений значительно отличаются по обряду от ясторфских (Пачкова 2006: 230—233). По мнению исследовательницы, встречающиеся на могильниках «кучки кальциниро-

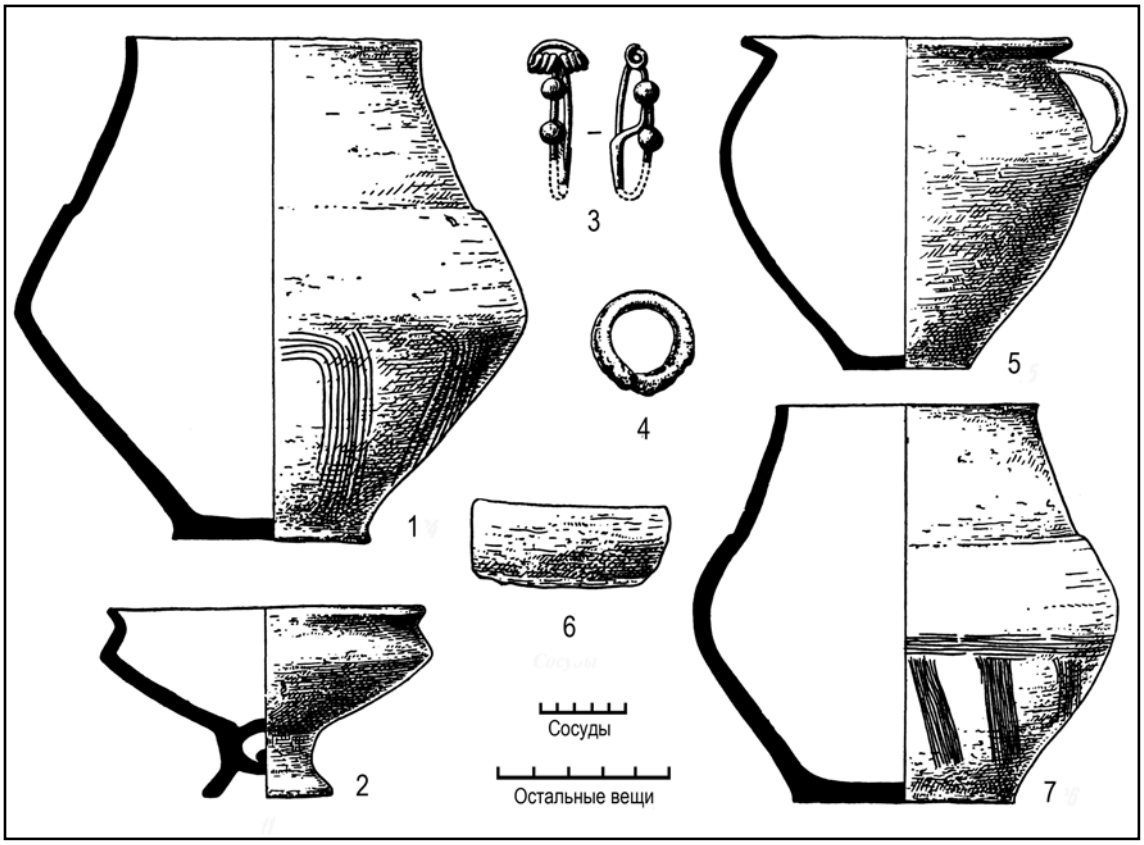

Рис. 2. Инвентарь погребений №108 (1—5) и №115 (6, 7) могильника Велемичи I. 1, 2, 5, 7 — глиняные сосуды; 3 — железная фибула; 4 — железное кольцо; 6 — обломок венчика гончарного сосуда. (1—7 — по Кухаренко 1961: табл. 22: 11, 15, 20, 24, 26, 27).

Fig. 2. Grave goods from burial 108 (1—5) and 115 (6, 7) from burial ground Velemichi I. 1, 2, 5, 7 — clay vessels; 3 — iron fibula; 4 — iron ring; 6 — fragment of rim of a wheel thrown pot. (1—7 — after Кухаренко 1961: tab. 22: 11, 15, 20, 24, 26, 27).

ванных костей» связаны с характерным для носителей ясторфских традиций типом урновых захоронений в органических контейнерах. Она также отметила, что набор фибул зарубинецкой культуры значительно отличается от ясторфского. Застежки среднелатенской схемы с треугольным щитком (зарубинецкого типа) для ясторфского населения не характерны. И наоборот, фибулы с шариками на спинке и ножке — распространенное явление в ясторфской культуре и чрезвычайно редкое у зарубинцев. Среди ясторфских материалов часто встречаются фибулы типа D/E и G/H по схеме И. Костшевского (Kostrzewski 1919: 15—41), среди зарубинецких они зафиксированы в единичных случаях (Пачкова 2006: 23—234, рис. 97; 98). Исследовательница охарактеризовала также черты сходства и различия в керамическом комплексе.

В результате С. П. Пачкова пришла к следующим выводам: Она отрицает появление верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры в результате импульса из северной Ютландии. В процессе становления зарубинецких традиций на них оказывали воздействие различные локальные варианты ясторфской общности. Последняя явилась источником ясторфского типа латенизации зарубинецкой культуры. Результаты сравнения материалов позволяют сделать вывод о взаимовлиянии, а не об одностороннем воздействии ясторфской культуры на зарубинецкую (Пачкова 2006: 248, 251).

Специальное исследование зарубинецко-ясторфским связям посвятил автор данной статьи (Дробушевский 2017: 17—24). Говоря о вкладе ясторфского населения в формирование зарубинецкой культуры, прежде всего, необходимо исходить не из разного рода предположений общеисторического характера (переселение бастарнов, скиров, кимвров и тевтонов и т. п.), а из анализа конкретных археологических материалов. Отсутствие на территории зарубинецкой культуры ясторфских объектов предзарубинецкого вре-

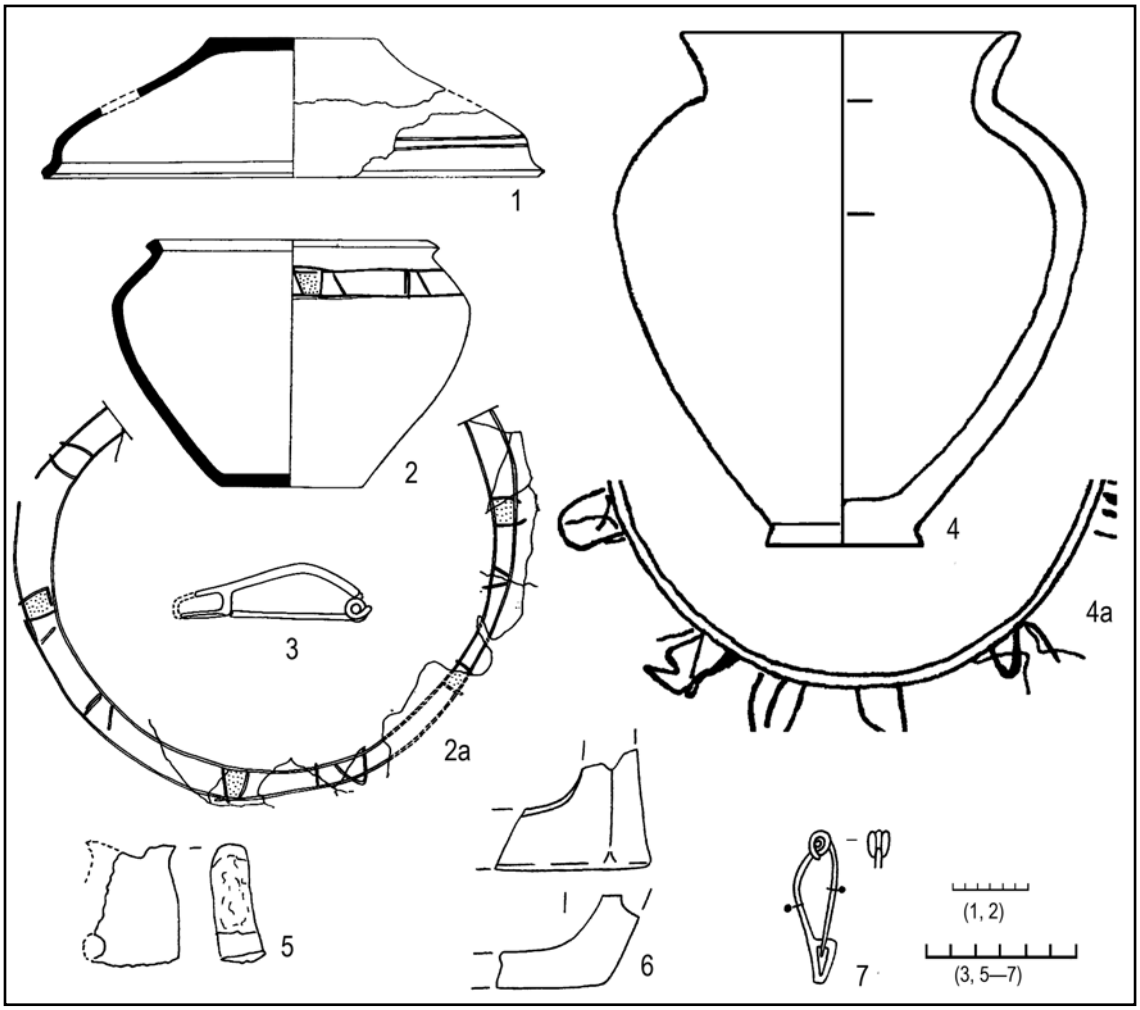

Рис. 3. Предметы из погребения №3 могильника Грефенхайнихен (1—3, 3а — по Gustavs G., Gustavs S. 1976: Abb. 3); погребения №6 могильника Пирогов (4, 4а — по Пачкова 2006: рис. 104, без масштаба); поселений Высокий (Белый) Груд (5 — по Шевченко 1997: рис. 9: 11) и Литвиновичи 3 (6, 7 — по Обломский 2000: рис. 14: 3, 4). 1, 2, 4—6 — глина; 3, 7 — железо.

Fig. 3. Items from a grave 3 burial grounds of Gräfenheinichen (1—3, 3a — after Gustavs G., Gustavs S. 1976: Abb. 3); graves 6 of Pirogov (4, 4a — after Пачкова 2006, fig. 104, without scale); settlements Vysokii (Bely) Grud (5 — after Шевченко 1997, fig. 9: 11) and Litvinovichi 3 (6, 7 — after Обломский 2000, fig. 14: 3, 4). 1, 2, 4—6 — clay; 3, 7 — iron.

мени (LT B2–C1a) исключает возможность миграции с северо-запада в указанный период. Вопреки М. Б. Щукину, нет достоверных ясторфских элементов и в самых ранних зарубинецких комплексах.

Теперь рассмотрим те немногочисленные находки, которые исследователи считали отражением ясторфского влияния на зарубинецкую культурную общность.

Погребение 108 могильника Велемичи I в Полесье (рис. 2: 1—5) интерпретируется поразному. Происходящий из него большой чернолощеный горшок в нижней части орнаментирован полосами глубоких расчесов, идущими снизу-вверх, где они слегка загибаются в сторону (рис. 2: 1). Этот сосуд Ю. В. Кухаренко связал с подклешевыми традициями (Кухаренко 1960: 292, рис. 4). По Т. Домбровской, комплекс погребения датируется позднелатенским временем и отражает связи зарубинецкого населения с кельто-даками Молдавии и Закарпатья, а также с культурой Поенешти–Лукашевка (Dąbrowska 1973: 198, 205). А. Невегловский, не отрицая юго-западных и поморских параллелей рассматриваемого велемичского захоронения, считает, что орнамент в виде расчесов — ясторфский (Niewegłowski 1986: 206—207). Единственная в зарубинецкой культуре железная фибула среднелатенской схемы с двумя шари-

ками на спинке (рис. 2: 3) относится к типу Kugelfibeln схемы A2 по А. Бигер. Подобные застежки широко представлены в ясторфской культуре, но велемичский экземпляр мог происходить и из Подунавья, где они также хорошо известны (Bieger 2002: 55—58, abb. 2). Не позднее середины III в. до н. э. фибулы с шариками получают распространение у нижнеднестровских скифов (Тельнов и др. 2016: 957).

Юго-западное направление связей подтверждает и комплекс погребения 115 могильника Велемичи I (рис. 2: 6, 7), в котором был чернолощеный горшок, близкий по форме и орнаменту горшку из погребения 108. Рядом с ним обнаружен обломок венчика гончарного сосуда, поверхность которого покрыта графитом (Кухаренко 1961: 42, табл. 22: 27). Последняя находка, бесспорно, является кельтским импортом.

Все приводимые в качестве ясторфских аналогии элементам зарубинецкого керамического комплекса (горшки с выделенной шейкой, трехчастность сосудов, ручки-ушки, фасетирование венчика, хроповатость поверхности, «подковки» и т. д.) в предримское время имеют в Европе межрегиональный характер. Зато в зарубинецких материалах совершенно отсутствуют глиняные сосуды со сложными прорезными узорами, с чередующимися лощеными и хроповатыми вертикальными полями и т. п., характерные именно для культуры Ясторф. Ничего, указывающего на специфическое ясторфское влияние, в глиняной посуде Чаплинского могильника верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры не обнаружил и Дж. Мартенс (Kaul, Martens 1995: 146). Горшок из погребения 6 могильника Пирогов с прочерченными по сырой глине нерегулярными знаками (рис. 3: 4, 4а) С. П. Пачкова сравнивает с сосудом из погребения 3 ясторфского некрополя Грефенхайниген в Германии (рис. 3: 2) (Пачкова 2006: 237, рис. 104). Однако в последнем комплексе обнаружена железная фибула позднелатенской схемы варианта K по Й. Костшевскому (рис. 3: 3) (Gustavs G., Gustavs S. 1976: 57, abb. 3), что не позволяет говорить о ранней дате данного захоронения. Погребение 286 Пироговского могильника тоже позднее. Здесь кроме скопления пережженных костей найдена бронзовая фибула позднелатенской схемы варианта N1 (Скиба 2001: 91, рис. 34: 8). Захоронения 4 и 6 могильника Вишенки (Пачкова 2008: рис. 64, 66) и 3 могильника Корчеватое (Самойловский 1959: 74, табл. II: 47—49), вопреки С. П. Пачковой, ничего специфически ясторфского в себе не содержат. Даже отдельные находки керамики «северо-западногерманского» характера в Восточной Европе как бы огибают зарубинецкий ареал (Kaul, Martens 1995: fig. 31).

К числу урновых С. П. Пачковой отнесены и захоронения с компактным скоплением кальцинированных костей — в Пироговском могильнике их более 30%, а в Вишенках 18% от общего числа комплексов. По мнению исследовательницы, вполне возможно, что и на других зарубинецких могильниках, в том числе на Чаплинском, большое количество погребений относится к урновым, в которых урнами служили емкости из органического материала (Пачкова 2006: 55—59). К сожалению, это интересное предположение не было подкреплено конкретными примерами. Компактное скопление пережженных костей в могильной яме могло образоваться и в результате простого аккуратного выкладывания праха. В Чаплине нет ни одного случая, когда скопление костей воспроизводило бы форму предполагаемых емкостей из органического материала, которые быстро подверглись разложению и не сохранились (Дробушевский 2016: 54).

Не выявлены следы органических урн на зарубинецком могильнике в д. Горошков Речицкого района Гомельской области Республики Беларусь, на котором с 2014 г. по настоящее время проводит работы Южно-Белорусская экспедиция (Воротинская, Дробушевский 2016: 5—19; Воротинская, Дробушевский 2019: 260—266). Урновые трупосожжения, помещенные в емкости из органического материала, не могут считаться специфически ясторфскими, так как этот обряд захоронения известен в Европе достаточно широко. Полностью отсутствуют на зарубинецких могильниках урновые захоронения в каменных кругах, круглых каменных вымостках или низких насыпях, широко известные в культуре Ясторф (Могильников 1974: 171; Morgenrot 1976: 89, 91). Нет среди зарубинецких древностей глиняных очажных подставок (*Feuerböcke*) и ложек (*Löffel*), известных в ясторфской культуре, Польше и на памятниках типа Поенешти–Лукашевка (Dąbrowska 1988: 183—188; Babeş 1993: 27, 76—79; Woźniak 2013: 13, fig. 6).

В недавно вышедшей статье В. Ярмульски приведены две находки глиняных очажных подставок (*Feuerböcke*) из поселений Высокий (Белый) Груд близ Чернигова (рис. 3: 5) и Литвиновичи 3 на Сумщине в Левобережной Украине (рис. 3: 6) (Iarmulschi 2022: 265—274). Оба памятника находятся на вос-

точной окраине зарубинецкого ареала. В первом случае находка происходит из ямы 24, а само поселение датируется не ранее позднелатенского времени (LT D2-D3) (Шевченко 1997: 122, рис. 9: 11). Связь этого предмета с ясторфской (или Поенешти-Лукашевкой), на мой взгляд, спорна. Аналогичные глиняные предметы («рогатые кирпичи») известны на памятниках юхновской культуры (Каравайко 2011: 100—103, рис. 64: 1; Недоля 2012: 131—135, рис. 1; 2) и типа верхнего слоя Полужья в Подесенье (Амброз 1964: рис. 2: 13; Обломский, Терпиловский 1991: 50). Второй экземпляр происходит из культурного слоя поселения Литвиновичи 3, которое относится к зарубинецким памятникам типа Харьевки Посеймья (Обломский 2000: 153, рис. 14: 4). Для памятников предримского времени этого региона характерно наличие двух этнокультурных компонентов: среднеднепровского зарубинецкого и центральноевропейского (ясторфский, лукашевский, пшеворский) (Обломський, Терпиловський 1994: 41—51). На поселении единственный «западный» узкодатирумый предмет — это фибула позднелатенской схемы с рамчатой ножкой (рис. 3: 7) (Обломский 2000: 153, рис. 14: 3). Видимо, к этому времени и относится керамическая очажная подставка (ножка «алтаря», по А. М. Обломскому) из поселения Литвиновичи 3.

Среди металлических изделий зарубинецкой культуры ясторфские образцы отсутствуют полностью. Набор типов фибул зарубинецкой культуры значительно отличается от ясторфского (Пачкова 2006: 233). На зарубинецких памятниках до сих пор не известны фибулы вариантов F, I, K по схеме Й. Костшевского и *Kugelfibeln*, шарики которых украшены крестами, а также булавки типа *Flügelnadeln*, двух- и трехсоставные металлические скрепы и др. (Kaul, Martens 1995: fig. 22, 23, 25, 26). Два железных поясных крючка (скрепы) из погребений 125 и 236 Чаплинского могильника (Поболь 1973: рис. 40: 21; 65: 3) также не являются сугубо ясторфскими. Аналогии им известны, например, в кельто-иллирийском Подунавье (Арсенијевић 2013: табл. XX: 13, 20).

Огибают зарубинецкий ареал и широко известные короновидные гривны (*Kronenhalsringe*). Обычно это случайные находки, часто сделанные при осушении болот. Характерно, что на территории знаменитых Полесских болот, мелиорация которых ведется уже более ста лет, до сих пор не известно ни одной такой вещи. Семь гривен-корон происходят из Черниговского Подесенья (Shchukin et al. 1992: 39—56). Компактный район их обнаружения расположен между зарубинецкими поселениями верхнеднепровского варианта типа Чаплин (Титова Речка, Еловщина) и памятниками типа Харьевки (Обломський, Терпиловський 1994: рис. 1; Обломский 2000: рис. 16). Обращает на себя внимание тот факт, что черниговские гривны-короны относятся к поздним разновидностям (типы *Dvikozy* и *Błoni* по Б. Раухфуссу или II/III—IV по Й. Костшевскому) (Kostrzewski 1919: 106—108, taf. 85; Дробушевский 2017: 21; Rauchfuß 2002). Подобные образцы практически не известны на территории современной Дании и в Поэльбье, датируются они LT D1 (Woźniak 2013: 17—18). В этом же контексте следует рассматривать дружинный могильник у с. Мутин на Сейме, также датируемый концом предримского периода (Терпиловський, Жаров 2014: 45—60).

Таким образом, «ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поенешти–Лукашевка). Большинство их являются межрегиональными или принадлежат к позднелатенскому периоду. Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций. Неудивительно, что в археологической литературе Германии, Дании и Скандинавии гипотеза о германской принадлежности носителей зарубинецкой культуры не вызвала сколь-нибудь заметного энтузиазма.

Конкретные механизмы процесса латенизации культур Центральной и Восточной Европы все еще остаются объектом дискуссии. Оснований говорить о каком-то особом «ясторфском пути» латенизации зарубинецкой общности нет оснований, так как население Поэльбья, Дании, Южной Скандинавии и Поднепровья во второй половине I тыс. до н. э. находилось примерно на одном уровне социально-экономического развития. Этот процесс в Поднепровье шел иначе, чем в Повисленье и Поэльбье и был инициирован не с территории культуры Ясторф, а, вероятно, с юго-запада, через Восточные Карпаты (Кухаренко 1959: 42; Woźniak 1974: 136—165; Dąbrowska 1980: 325, 327; Godłowski 1977: 205). Второй путь намечается через Нижнее Подунавье, о чем свидетельствуют новейшие исследования скиф-

ского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Поднестровья, где выявлены многочисленные латенские материалы (Тельнов и др. 2016). Нельзя так же исключать и непосредственные контакты зарубинцев с кельтским миром, на что указывают находки латенского импорта на зарубинецких памятниках.

Выводы

Анализ археологических и письменных источников не подтверждает принадлежность памятников типа Поенешти–Лукашевка четвертой группе зарубинецкой культуры или существование некой «зарубинецко-поянештской культурной общности» (ЗПО).

«География» Страбона не дает никаких оснований для локализации бастарнов в ареале зарубинецкой культуры.

Нет никаких археологических данных о том, что носители зарубинецкой культуры могли познакомиться с копьевидными (зарубинецкими) фибулами исключительно в результате бастарнских походов 179—168 гг. до н. э. Более вероятно заимствование этих фибул зарубинцами у поздних скифов левобережья Нижнего Поднестровья (Глиное), подвергшихся кельтскому влиянию.

«Ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поенешти–Лукашевка). Большинство их являются межрегиональными или принадлежат к позднелатенскому периоду, т. е. к тому времени когда собственно зарубинецкая культура уже существовала сто лет. Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций.

Зарубинецкая культура, хотя и относится к кругу латенизированных культур предримского времени, однако представляет собой самостоятельное и самобытное явление на этнокультурной карте Восточной Европы.

Литература

Арсенијевић С. 2013. *Појасне копче из млађег гвозденог доба на тлу западног и централног Балкана*. Бања Лука: Музеј Републике Српске.

Амброз А. К. 1959. Фибулы зарубинецкой культуры. *МИА* 70, 184—190.

Амброз А. К. 1964. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. *СА* (1), 56—71.

Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР* (*II в. до н. э. — IV в. н. э.*). САИ Д1—30. Москва: Наука.

Андрєєв В. 2012. *Віктор Петров. Нариси інтелектуальної біографії вченого*. Дніпропетровськ: Герда.

Воронятов С. 2020. Бастарны и зарубинецкая культура. В: Алексеев А. Ю., Наврот М., Гасс А., Пиотровский Ю. Ю. (ред.). *Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 270—277.

Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. 2016. Археологические исследования Горошковского могильника в 2014 году. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі* 27. Мінск: Беларуская навука, 5—19.

Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. 2019. Исследования Южно-белорусской экспедиции на зарубинецком могильнике Горошков в 2016 году. *АСГЭ* 42, 260—266.

Дробушевский А. И. 2016. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья. В: Коваленя А. А. (гл. ред.). *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период* 1. Минск: Беларуская навука, 38—136.

Дробушевский А. И. 2017. Зарубинецкая культура и культура Ясторф. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (отв. ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского*. РСМ 19. Москва: ИА РАН, 17—24.

Еременко В. Е. 1990. *Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ленинград.

Еременко В. Е. 1997. *«Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III—I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Еременко В. Е. 2000. Нас много, и мы везде… Памяти К. В. Каспаровой. *Stratum plus* (4), 14—16.

Еременко В. Е., Щукин М. Б. 1998. К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени. *АСГЭ* 33, 61—89.

Каравайко Д. В. 2012. *Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья*. Киев: ИА НАНУ.

Каспарова К. В. 1969. Могильник и поселение у дер. Отвержичи. *МИА* 160, 131—168.

Каспарова К. В. 1977. О фибулах зарубинецкого типа. *АСГЭ* 18, 68—78.

Каспарова К. В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры. *СА* (2), 57—79.

Каспарова К. В. 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена. *АСГЭ* 25, 108—117.

Кропотов В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кухаренко Ю. В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. *СА* (1), 31—51.

Кухаренко Ю. В. 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. *СА* (1), 289—300.

Кухаренко Ю. В. 1961. *Памятники железного века на территории Полесья*. САИ Д1—29. Москва: АН СССР.

Кухаренко Ю. В. 1964. *Зарубинецкая культура*. САИ Д1–19. Москва: Наука.

Максимов Е. В. 1972. *Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры*. Киев: Наукова думка.

Максимов Е. В. 1982. *Зарубинецкая культура на территории УССР*. Киев: Наукова думка.
Максимов Е. В. 2000. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья. *Stratum plus* (4), 53—65.
Мачинский Д. А. 1966а. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. *КСИА* 107, 3—8.
Мачинский Д. А. 1966б. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. В: Мерперт Н. Я., Кожин П. М. (ред.). *Археология Старого и Нового Света*. Москва: Наука, 82—96.
Мачинский Д. А. 1973. Кельты на землях к востоку от Карпат. *АСГЭ* 15, 52—64.
Мачинский Д. А. 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. *АСГЭ* 16, 123—129.
Мачинский Д. А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. *АСГЭ* 17, 82—100.
Мачинский Д. А. 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. *ТГЭ* 49, 460—538.
Мачинский Д. А. 2012. О прародине славян в I—V вв. и об этносоциуме Русь/Rōs в IX в. (чрезвычайно развёрнутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа»). В: Мачинский Д. А. (ред.). *Истоки славянства и Руси*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 25—127, 134—165.
Могильников В. А. 1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.* Москва: Наука, 133—225.
Недоля А. Н. 2012. Рогатые кирпичи с некоторых городищ юхновской культуры Средней Десны. В: Вязьмитин О. Р. (ред.). *Деснинские древности – VI*. Мат-ы межгосуд. науч. конф-и, посвящённой памяти Ф. М. Заверняева. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 131—135.
НРЭ 2009: Новая Российская энциклопедия в 12 томах. 2009. Т. VI (1). Москва: Энциклопедия; Издательский дом «Инфра-М».
Обломский А. М. 1983. *Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.
Обломский А. М. 1986. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке. *КСИА* 186, 50—56.
Обломский А. М. 2000. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в Среднем Посеймье. *Stratum plus* (4), 141—155.
Обломский А. М. 2008. Зарубинецкая культура. *Большая Российская энциклопедия*. Т. 10. Москва: Большая Российская Энциклопедия, 276—277.
Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1991. *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I—II вв. н. э.* Москва: ИА АН СССР.
Обломський А. М., Терпиловський Р. В. 1994. Посейм'я у латенський час. *Археологія* (3), 41—51.
Пачкова С. П. 1990. Проблема зарубинецкой и поенештилукашевской культур в зарубежной историографии. В: Толочко П. П. (ред.). *Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*. Киев: Наукова думка, 12—30.
Пачкова С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ИА НАНУ.
Пачкова С. П. 2008. *Могильник зарубинецької культури Вишеньки біля Києва*. Київ: ІА НАНУ.
Поболь Л. Д. 1971. *Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры)*. Минск: Наука и техника.
Поболь Л. Д. 1973. *Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры)*. Минск: Наука и техника.
Романовская М. А. 1968. *Население Карпато-Днестровского района во II—I вв. до н. э. (по археологическим материалам)*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.
Самойловский И. М. 1959. Корчеватовский могильник. *МИА* 70, 61—93.
Скиба Л. Є. 2001. *Пирогівський могильник зарубинецької культури*. Київ: ІА НАНУ.
Спицын А. А. 1904. Памятники латенской культуры в России. *ИАК* 12, 78—86.
Страбон. 1964. *География в 17 книгах*. Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. Москва: Наука.
Тельнов и др. 2016: Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus.
Терпиловський Р. В., Жаров Г. В. 2014. Проблеми дослідження пам'яток типу Харівка. В: Івакін Г. Ю. (ред.). *Від венедів до Русі*. Київ; Харків: Майдан, 45—60.
Третьяков П. Н. 1966. *Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге*. Москва; Ленинград: Наука.
Федоров Г. Б. 1957. Лукашевский могильник. *КСИИМК* 67, 51—62.
Федоров Г. Б. 1960. *Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.* МИА 89. Москва: Наука.
Шевченко Ю. Ю. 1997. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь-Мэтониум»; Бизнес-Элита, 121—137.
Щукин М. Б. 1993. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур. *Петербургский археологический вестник* 6, 89—95.
Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.
Щукин М. Б. 1997. Рождение славян. В: Ткачук М. Е., Манзура И. В., Мосионжник Л. А. (ред.). *Стратум: структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор, 110—147.
Щукин М. Б. 1999. Забытые бастарны. *Stratum plus* (5), 75—90.
Щукин М. Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. Санкт-Петербург: Филол. фак-т СПбГУ.
Babeş M. 1993. *Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den Jahrhunderten vor Christi Geburt*. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 30. Bonn: R. Habelt.
Bieger A. 2002. Kugelfibeln — Fibeln mit Kugeln — Fibeln mit Kugelzier? Klassifizierung von Kugelfibeln der mittleren Latène — bzw. jüngeren vorrömischen Eisenzeit. *Acta Praehistorica et Archaeologica* (34). Rahden/Westf., 55—58.
Brather S. 2004. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde Herausgegeben von Heinrich Beck, Dieter Geuenich, Heiko Steuer 42. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Dąbrowska T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* 2. Warszawa, 127—254.

Dąbrowska T. 1980. Rec.: K.V. Kasparova, O fibulach zarubineckogo tipa, „Archeologičeskij sborník Ermitaža" T. 18: 1977. *Sprawozdania Archeologiczne* 32. Warszawa, 323—328.

Dąbrowska T. 1988. *Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasięg — powiązania*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Godłowski K. 1977. *Okres lateński w Europie*. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagielońskiego

Gustavs G., Gustavs S. 1976. Das Urnengräberfeld der Spätlatènezeit von Gräfenheinichen, Kreis Gräfenheinichen. *Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Türingischen Länder Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte*. Bd. 59. Berlin, 26—171.

Hellström K. 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet* (*2. Jh. v. Chr. — 3. Jh. n. Chr.*). Archäologie in Eurasien. Herausgegeben von Svend Hansen. Band 39. Bonn: Habelt.

Iarmulschi V. 2022. „Feuerböcke" der jüngeren Vorrömischen Eisenzeit im Milieu der Zarubincy-Kultur. *Praehistorische Zeitschrift* (97/1). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 265—274.

Kaul F., Martens J. 1995. Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. *Acta Archaeologica* 66. København, 111—161.

Kossinna G. 1914. *Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Würzburg: Curt Kabitzsch Verlag.

Kossinna G. 1932. *Germanische Kultur im 1 Jahrtausend nach Christus*. Mannus-Bibliothek 1. Leipzig: Kabitzsch.

Kossinna G. 1934. *Die deutsche Vorgeschichte: eine Hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Leipzig: Kabitzsch.

Kostrzewski J. 1919. *Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit*. Mannus-Bibliothek 18—19. Leipzig; Würzburg.

Künnemann W. 1998. Rec.: Марк Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 4. Mainz, 496—499.

Morgenrot W. 1976. Die Herausbildung der germanischen Stämme (ab etwa 6. Jahrhundert vor unserer Zeitrechnung). In: Herrmann J., Krüger B. (Hrsg.). *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*. Berlin: Akademie-Verlag, 79—95.

Munteanu O. 2013. Cultura Poieneşti-Lucaşeuca o succintă retrospective istoriografică a interpretărilor etnoarheologice. *Plural* I (1—2), 37—52.

Munteanu O., Iarmulschi V. 2019. Cultura Poieneşti-Lucaşeuca: istoricul cercetărilor de teren şi istoriografia problemei. *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis* XLI. Brăila; Piatra Neamţ, 217—241.

Niewęgłowski A. 1986. Uwagi o chronologii i genezie kultur zarubinieckiej i przeworskiej. *Archeologia Polski* XXXI (1), 203—216.

Petersen E. 1940. Die Bastarnen und Skiren. In: Reinerth H. (Hrsg.) *Die Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschen Boden* 3. *Ostgermanen und Nordgermanen*. Leipzig: Bibliographisches Institut; Berlin: Herbert Stubenrauch, Verlagsbuchhandlung, 867—942.

Popović P. 1994. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung. *Balcanica* XXV (1). Belgrade, 53—71.

Porucznik J. 2014. Bastarnowie — źródła pisane a materiał archeologiczny. *Wratislaviensium Studia Classica Olim Classica Wratislaviensia* III (XXXIV), 57—76.

Rauchfuß B. 2002. *Die Kronenhalsringe der vorrömischen Eisenzeit in Nord- und Osteuropa*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Magister Artium. Berlin.

Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. (Gräberfelder vom Ende der La Tènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiew). *Meinzer Zeitschrift* (I). Mainz, 42—50.

Shchukin M. B. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century B.C. — 1st Century A.D.* BAR IS 542. Oxford: BAR.

Shchukin M. B., Val'kova T. V., Shevchenko Y. Z. 1993. New finds of "Kronenhalsringe" in the Chernigov region, Ukraine, and some problems of their interpretation. *Acta Archaeologica* 63. København, 39—56.

Stampfus R. 1942. Germanen in der Ukraine. *Germanen-Erbe. Monatschrift für Deutsche Vorgeschichte* 9/10, 130—140.

Tackenberg K. 1929. Bastarnen. *Volk und Rasse* 4, 232—244.

Tackenberg K. 1930. Zu den Wanderung der Ostgermanen. Mannus-Bibliothek 22. Leipzig: Kabitzsch, 268—395.

Tackenberg K. 1963. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischenew, Moldau-Republik. *Alt-Thüringen. Jahresschrift des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens* 6, 403—427.

Vulpe R. 1953. Săpăturile de la Poieneşti din anul 1949. *Materiale şi cercetări arheologice privind istoria veche a României* I. Bucureşti, 213—506.

Vulpe R. 1955. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. *Nouvelles études d'histoire* 1. Bucureşti, 103—119.

Woźniak Z. 1974. *Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.

Woźniak Z. 2013. The Middle of the 1st Millennium. The Role of Celts and Jastorf Culture in Cultural and Ethnic Changes in the Lands of Poland in the Latter Half of the 1st Millennium BC. In: Woźniak Z., Grygiel M., Machajewski H., Michałowski A. *The Jastorf Culture in Poland*. BAR IS (2579). Oxford: Hadrian Books Ltd, 5—22.

References

Arsenijević, S. 2013. *Pojasne kopče iz mlađeg gvozdenog doba na tlu zapadnog i centralnog Balkana (The Late Iron Age Belt Buckles on the Territory of the Western and Central Balkans)*. Banja Luka: Museum of the Serbian Republic (in Serbian).

Ambroz, A.K. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 70, 184—190 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 56—71 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Andryeyev, V. 2012. *Viktor Petrov. Narysy intelektual'noï biohrafiï vchenoho (Viktor Petrov: Essays on Intellectual Biography of the Scholar)*. Dnipropetrovs'k: "Herda" Publ. (in Ukrainian).

Voroniatov, S. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Pio-

trovskii, Yu. Yu. (eds.). *Zheleznyi vek. Evropa bez granits. Pervoe tysiacheletie do n.e. Katalog vystavki (Iron Age. Europe without Borders. 1st Millennium BC. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Chistyi list" Publ., 270—277 (in Russian).

Vorotinskaia, L.S., Drobushevskii, A.I. 2016. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi (Proceedings on the Archaeology of Belarus)* 27. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ., 5—19 (in Russian).

Vorotinskaia, L.S., Drobushevskii, A.I. 2019. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 42, 260—266 (in Russian).

Drobushevskii, A.I. 2016. In Kovalenia, A.A. (ed.-in-chief). *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period (Slavs on the Territory of Belarus in the Pre-Statal Period)* 1. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ., 38—136 (in Russian).

Drobushevskii, A.I. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 17—24 (in Russian).

Eremenko, V.E. 1990. *Protsess latenizatsii arkheologicheskikh obshchnostei pozdnego predrimskogo vremeni Vostochnoi Evropy i slozhenie zarubinetskoi kul'tury (Process of a Latènization of Archaeological Communities of Pre-Roman Iron Age of the Eastern Europe and Zarubintsy Culture Formation)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

Eremenko, V.E. 1997. *«Kel'tskaia vual'» i zarubinetskaia kul'tura. Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III—I vv. do n.e. v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (The "Celtic Veil" and the Zarubintsy Culture: An Essay on Reconstruction of 3rd—1st Centuries BC Ethnic-Political Processes in Central and Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Eremenko, V.E. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 14—16 (in Russian).

Eremenko, V.E., Shchukin, M.B. 1998. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 33, 61—89 (in Russian).

Karavaiko, D.V. 2012. *Pamiatniki iukhnovskoi kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ia (Yukhnov Culture Sites in the Novgorod-Seversky Part of the Polesye Region)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Kasparova, K.V. 1969. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 160, 131—168 (in Russian).

Kasparova, K.V. 1977. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 18, 68—78 (in Russian).

Kasparova, K.V. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 2, 57—79 (in Russian).

Kasparova, K.V. 1984. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 25, 108—117 (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 31—51 (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 289—300 (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1961. *Pamiatniki zheleznogo veka na territorii Poles'ia (Iron Age Sites of the Polesye Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1964. *Zarubinetskaia kul'tura (Zarubintsy Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Maksimov, E.V. 1972. *Srednee Podneprov'e na rubezhe nashei ery (Middle Dnieper Basin at the Turn of the Common Era)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Maksimov, E.V. 1982. *Zarubinetskaia kul'tura na territorii USSR (Zarubintsy Culture on the Territory of the Ukrainian SSR)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Maksimov, E.V. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 53—65 (in Russian).

Machinskii, D.A. 1966. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 107, 3—8 (in Russian).

Machinskii, D.A. 1966. In Merpert, N. Ya., Kozhin, P.M. (eds.). *Arkheologiia Starogo i Novogo Sveta (Archaeology of the Old and the New World)*. Moscow: "Nauka" Publ., 82—96 (in Russian).

Machinskii, D.A. 1973. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 15, 52—64 (in Russian).

Machinskii, D.A. 1974. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 16, 123—129 (in Russian).

Machinskii, D.A. 1976. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 17, 82—100 (in Russian).

Machinskii, D.A. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 49, 460—538 (in Russian).

Machinskii, D.A. 2012. In Machinskii, D.A. (ed.). *Istoki slavianstva i Rusi. X Chteniia pamiati Anny Machinskoi (Origins of the Slavs and Russia. 10th Readings to the Memory of Anna Machinskaia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 25—127, 134—165 (in Russian).

Mogil'nikov, V.A. 1974. In Sedov, V.V. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad plemen Severnoi i Srednei Evropy v I tysiacheletii do n.e. — pervoi polovine I tysiacheletiia n.e. (Funerary Rite of Tribes of Northern and Middle Europe in the 1st Millennium BC — First Half of the 1st Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133—225 (in Russian).

Nedolia, A.N. 2012. In Viaz'mitin, O.R. (ed.). *Desninskie drevnosti (Antiquities of the Desna Region)* VI. Bryansk: "Desiatochka" Publ., 131—135 (in Russian).

Novaia rossiiskaia entsiklopediia v 12 tomakh (New Russian Encyclopedia in 12 vols.). 2009. Vol. VI (1). Moscow: "Entsiklopediia" Publ.; "Infra-M" Publ. House (in Russian).

Oblomskii, A.M. 1983. *Verkhnedneprovskii variant zarubinetskoi kul'tury (The Upper Dnieper Variant of the Zarubintsy Culture)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Oblomskii, A.M. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 186, 50—56 (in Russian).

Oblomskii, A.M. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 141—155 (in Russian).

Oblomskii, A.M. 2008. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 10. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 276—277 (in Russian).

Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 1991. *Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka nashei ery (Middle Dnieper Basin and the Dineper Left-Bank Area in the First Centuries AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR" Publ. (in Russian).

Obloms'kyj, A.M., Terpylovs'kyj, R.V. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 41—51 (in Ukrainian).

Pachkova, S.P. 1990. In Tolochko, P.P. (ed.). *Slaviane i Rus' (v zarubezhnoi istoriografii) (Slavs and Russia (in the Foreign Historiography))*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 12—30 (in Russian).

Pachkova, S.P. 2006. *Zarubinetskaia kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy (Zarubintsy Culture and La-Tène-ized Cultures of Europe)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Pachkova, S.P. 2008. *Mohyl'nyk zarubynets'koï kul'tury Vyshen'ky bilya Kyyeva (Vishen'ki, the Zarubintsy Culture Burial Ground near Kyiv)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Pobol', L.D. 1971. *Slavianskie drevnosti Belorussii (rannii etap zarubinetskoi kul'tury) (Slavic Antiquities of Belarus: the*

Early Stage of the Zarubintsy Culture). Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Pobol', L.D. 1973. *Slavianskie drevnosti Belorussii (mogil'niki rannego etapa zarubinetskoi kul'tury) (Slavic Antiquities in Belarus: Burial Grounds of the Early Stage of the Zarubintsy Culture)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Romanovskaia, M.A. 1968. *Naselenie Karpato-Dnestrovskogo raiona vo II—I vv. do n.e. (po arkheologicheskim materialam) (Population of the Carpathian-Dniester Region in the 2nd — 1st Centuries BC: according to Archaeological Data)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

Samoilovskii, I.M. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 70, 61—93 (in Russian).

Skyba, L. Ye. 2001. *Pyrohivs'kyj mohyl'nyk zarubynets'koï kul'tury (Pyrogiv Burial Ground of the Zarubintsy Culture)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Spitsyn, A.A. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 12, 78—86 (in Russian).

Strabon. 1964. *Geografiia v 17 knigakh (The Geography of Strabo)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Telnov, N.P., Chetvericov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n.e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BC near Glinoe Village)*. Series: Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Sites of Pridnestrovie) III. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Terpylovs'kyj, R.V., Zharov, G.V. 2014. In Ivakin, H. Yu. (ed.). *Vid venediv do Rusi. Zbirnyk naukovykh prats' na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Denysa Nykodymovycha Kozaka z nahody joho 70-littya (From Veneti to Rus: Collected Papers to the 70th Anniversary of Professor Denis Kozak)*. Kyiv; Kharkiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Majdan" Publ., 45—60 (in Ukrainian).

Tret'iakov, P.N. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga Rivers)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov, G.B. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 67, 51—62 (in Russian).

Fedorov, G.B. 1960. *Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia v I tysiacheletii n.e. (People of the Prut-Dniester Interfluve in the I Millennium BC)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 89. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shevchenko, Yu. Yu. 1997. In Vakhtina, M. Yu., Vinogradov, Yu.A. (eds.). *Stratum+ Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Petersburg; Kishinev: "Business-Elita" Publ., 121—137 (in Russian).

Shchukin, M.B. 1993. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 6, 89—95 (in Russian).

Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).

Shchukin, M.B. 1997. In Tkachuk, M.E., Manzura, I.V., Mosionjnic, L.A. (eds.). *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoevropeiskoi istorii (Stratum: Structures and Catastrophes. A Collection of Symbolic Indo-European History)*. Saint Petersburg: "Nestor" Publ., 110—147 (in Russian).

Shchukin, M.B. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 75—90 (in Russian).

Shchukin, M.B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sîntana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).

Babeş, M. 1993. *Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den Jahrhunderten vor Christi Geburt*. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 30. Bonn: R. Habelt.

Bieger, A. 2002. Kugelfibeln — Fibeln mit Kugeln — Fibeln mit Kugelzier? Klassifizierung von Kugelfibeln der mittleren Latène — bzw. jüngeren vorrömischen Eisenzeit. *Acta Praehistorica et Archaeologica* (34). Rahden/Westf., 55—58.

Brather, S. 2004. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde Herausgegeben von Heinrich Beck, Dieter Geuenich, Heiko Steuer. Band 42. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Dąbrowska, T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* 2. Warszawa, 127—254.

Dąbrowska, T. 1980. Rec.: K.V. Kasparova, O fibulach zarubineckogo tipa, „Archeologičeskij sborník Ermitaža", t. 18: 1977. *Sprawozdania Archeologiczne* 32. Warszawa, 323—328.

Dąbrowska, T. 1988. *Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasięg — powiązania*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Godłowski, K. 1977. *Okres lateński w Europie*. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagielońskiego.

Gustavs, G., Gustavs, S. 1976. Das Urnengräberfeld der Spätlatènezeit von Gräfenheinichen, Kreis Gräfenheinichen. *Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Türingischen Länder Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte*. Bd. 59. Berlin, 26—171.

Hellström, K. 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh.v. Chr. — 3. Jh.n. Chr.)*. Archäologie in Eurasien. Herausgegeben von Svend Hansen. Band 39. Bonn: Habelt.

Iarmulschi, V. 2022. „Feuerböcke" der jüngeren Vorrömischen Eisenzeit im Milieu der Zarubincy-Kultur. *Praehistorische Zeitschrift* (97/1). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 265—274.

Kaul, F., Martens, J. 1995. Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. *Acta Archaeologica* 66. København, 111—161.

Kossinna, G. 1914. *Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Würzburg: Curt Kabitzsch Verlag.

Kossinna, G. 1932. *Germanische Kultur im 1 Jahrtausend nach Christus*. Mannus-Bibliothek 1. Leipzig: Kabitzsch.

Kossinna, G. 1934. *Die deutsche Vorgeschichte: eine Hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Leipzig: Kabitzsch.

Kostrzewski, J. 1919. *Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit*. Mannus-Bibliothek 18—19. Leipzig; Würzburg.

Künnemann, W. 1998. In *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 4. Mainz, 496—499.

Morgenrot, W. 1976. Die Herausbildung der germanischen Stämme (ab etwa 6. Jahrhundert vor unserer Zeitrechnung). In Herrmann, J., Krüger, B. (Hrsg.). *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*. Berlin: Akademie-Verlag, 79—95.

Munteanu, O. 2013. Cultura Poieneşti-Lucaşeuca o succintă retrospective istoriografică a interpretărilor etnoarheologice. *Plural* I (1—2), 37—52.

Munteanu, O., Iarmulschi, V. 2019. Cultura Poieneşti-Lucaşeuca: istoricul cercetărilor de teren şi istoriografia problemei. *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis* XLI. Brăila; Piatra Neamţ, 217—241.

Niewegłowski, A. 1986. Uwagi o chronologii i genezie kultur zarubinieckiej i przeworskiej. *Archeologia Polski* XXXI (1), 203—216.

Petersen, E. 1940. Die Bastarnen und Skiren. In Reinerth, H. (Hrsg.) *Die Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische*

Tat und Kultur auf deutschen Boden 3. *Ostgermanen und Nordgermanen*. Leipzig: Bibliographisches Institut; Berlin: Herbert Stubenrauch, Verlagsbuchhandlung, 867—942.
Popović, P. 1994. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung. *Balcanica* XXV (1). Belgrade, 53—71.
Porucznik, J. 2014. Bastarnowie — źródła pisane a materiał archeologiczny. *Wratislaviensium Studia Classica Olim Classica Wratislaviensia* III (XXXIV), 57—76.
Rauchfuß, B. 2002. *Die Kronenhalsringe der vorrömischen Eisenzeit in Nord- und Osteuropa*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Magister Artium. Berlin.
Reinecke, P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. (Gräberfelder vom Ende der La Tènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiew). *Meinzer Zeitschrift* (I). Mainz, 42—50.
Shchukin, M. B. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD*. BAR IS 542. Oxford: BAR.
Shchukin, M. B., Val'kova, T. V., Shevchenko, Y. Z. 1993. New finds of "Kronenhalsringe" in the Chernigov region, Ukraine, and some problems of their interpretation. *Acta Archaeologica* 63. København, 39—56.
Stampfus, R. 1942. Germanen in der Ukraine. *Germanen-Erbe. Monatschrift für Deutsche Vorgeschichte* 9/10, 130—140.
Tackenberg, K. 1929. Bastarnen. *Volk und Rasse* 4, 232—244.
Tackenberg, K. 1930. Zu den Wanderung der Ostgermanen. Mannus-Bibliothek 22. Leipzig: Kabitzsch, 268—395.
Tackenberg, K. 1963. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischenew, Moldau-Republik. *Alt-Thüringen. Jahresschrift des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens* 6, 403—427.
Vulpe, R. 1953. Săpăturile de la Poieneşti din anul 1949. *Materiale şi cercetări arheologice privind istoria veche a României* I. Bucureşti, 213—506.
Vulpe, R. 1955. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. *Nouvelles études d'histoire* 1. Bucureşti, 103—119.
Woźniak, Z. 1974. *Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
Woźniak, Z. 2013. The Middle of the 1st Millennium. The Role of Celts and Jastorf Culture in Cultural and Ethnic Changes in the Lands of Poland in the Latter Half of the 1st Millennium BC. In Woźniak, Z., Grygiel, M., Machajewski, H., Michałowski, A. *The Jastorf Culture in Poland*. BAR IS (2579). Oxford: Hadrian Books Ltd, 5—22.

Статья поступила в сборник 18 июня 2022 г.

Alexandr Drobushevski (Saint Petersburg, Russian Federation). Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences [1].

Дробушевский Александр Иванович (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: adrobush@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7397-2594

Address: [1] Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

П. В. Шувалов

Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе*

Keywords: Eastern Europe, fur, trade, La Tène, Celts, Gallic Veneti, Baltic Venedae, grivna, bracelets, Early Slavs

Ключевые слова: Восточная Европа, пушнина, промысел, латен, кельты, галльские венеты, балтийские венеды, гривна, браслеты, ранние славяне

P. V. Shuvalov

One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe

The influence of the great civilizations in antiquity reached far outskirts. The direct or indirect impact of the center of civilization on its periphery led to cascades of changes through chain reactions, migrations, changes in culture and language, and the emergence of new centers of power. Often such influences were exercised through trade along interregional routes. The emergence of the system of European fur trade, perhaps, refers to the heyday of Scythia and Celtica. According to Herodotus, the Boudini are engaged in the hunting of beavers. In the LT-B period, bracelets from the Danube region were imported into the forest zone, correlated with the common Slavic *grivьna (V. Kuleshov). The main role in their distribution in the forest zone is played by the Milograd culture, while they almost do not fall into the culture of hatched ceramics. In the III century after the end of Great Scythia, a decline in the fur trade is expected, reviving after the appearance of the Bastarns and the formation of the Zarubintsy culture in the south, and in the west due to the expansion of the Gallic Veneti on the Amber Coast. This will lead to migrations in the forest zone (hatched pottery, Milograd, brooches, enamels). The pressure of the Sarmatians and Goths on the forest zone will lead to an even deeper penetration of the fur trade into the very depth of the forest. The arrival of the Huns and the new fashion for furs catalyse this process, which will be expressed in the penetration of armed detachments from the Danube and Lithuania up to the zone of the Pskov long mounds.

П. В. Шувалов

Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе

Влияние великих цивилизаций древности достигало далёких окраин. Прямое или опосредованное воздействие центра цивилизации на свою периферию приводило к сильным переменам у соседей, вызывая каскады изменений по цепным реакциям, миграции, смену культуры и языка, возникновение новых центров власти. Часто такие влияния осуществлялись через торговлю вдоль межрегиональных путей. Частным случаем тут является торговля пушниной, механизм которой хорошо известен по североамериканскому материалу. Возникновение системы европейского пушного промысла, возможно, относится ко времени расцвета Скифии и Кельтики. Добычей бобров, по Геродоту, занимаются будины. В период LT-B в лесную зону импортируются браслеты из Подунавья, соотнесённые с общеславянским *grivьna (В. С. Кулешов). Главную роль в распространении их в лесной зоне играет милоградская культура, в то время как в культуру штрихованной керамики они почти не попадают. В III в. после гибели Великой Скифии предполагается спад пушной торговли, оживающей после появления бастарнов и образования зарубинецкой культуры на юге, а на западе в связи с экспансией галльских венетов на Янтарном берегу. Это приведёт к миграциям в лесной зоне (штрихованная керамика, милоград, фибулы, эмали). Давление сарматов и готов на лесную зону повлечёт ещё более глубинное проникновение пушного промысла в глубь лесов. Приход гуннов и новая мода на меха катализируют этот процесс, что выразится в проникновении промысловых отрядов из Подунавья и Прибалтики на север вплоть до зоны псковских длинных курганов.

* Пользуюсь возможностью выразить искреннюю благодарность помогавшим мне коллегам и в особенности: Александру Владимировичу Симоненко за дружескую помощь и консультирование в наше непростое время, Леониду Александровичу Вязову за конструктивную критику и знакомство с результатами новейших остеологических исследований, и *last but not least* Михаилу Михайловичу Казанскому за поистине ангельское терпение, безжалостную редакторскую строгость и дружескую помощь и критику. Естественно, за допущенные мною ошибки и неточности никто, кроме меня ответственности не несёт.

© П. В. Шувалов, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22191219

Цивилизация и периферия

Структурно более сложное, экономически более развитое общество, обладающее более утончённой культурой («высокоразвитое общество», а при наличии урбанизма, монументальной архитектуры и письменности — «цивилизация»), как правило формирует вокруг себя из более слабых сообществ («периферия») пояс влияния и осуществляет туда колониальную экспансию. Прямое или опосредованное воздействие центра цивилизации на свою периферию временами приводит к сильным переменам у соседей, вызывая каскады изменений по цепным реакциям. Такие влияния при определённом стечении обстоятельств приводят к миграциям, смене культуры и языка, возникновениям новых властных центров. Это поле «цивилизационного напряжения» достигает вдоль коммуникационных линий иногда весьма отдалённых областей, относящихся скорее не к периферии, а уже к, так сказать, *terra incognita*, где о существовании Центра вряд ли кто-то знает. Постепенно эти новые области втягиваются в поле цивилизационного напряжения, отодвигая дальнюю границу периферии. Со временем там формируются свои местные центры, привязанные по коммуникационным трассам информационными связями, потребностями торговли и дипломатией к Центру через цепочки посредников. Некоторые из таких новых центров вырастали в самостоятельные, так сказать, вторичные цивилизации (критомикенская, греческая классическая).

Влияние великих цивилизаций древности распространялось не только на их ближайших соседей, но через цепочки посредников достигало и далёких окраин тогдашней ойкумены. В качестве примера тут можно привести находки этрусских вещей в Скандинавии и в Польше (Prayon 1998: 185—186), бус из египетского фаянса и подвески в виде скарабеев и львов в восточноевропейской степи и лесостепи (Воронятов 2012: 74, рис. 5; 75), римских монет на южном берегу Финского залива (Шаров и др. 2011; 2015) и многое другое. Но, естественно, не всякое влияние обязательно отражалось в наших источниках. Кроме того, нельзя забывать, что часто влияние было не непосредственным (римские торговые агенты, чья информация отразилась у Птолемея, и римские монеты в Ингрии), а проходило по цепочке посредников, генерировавших под воздействием доходивших до них новшеств свои собственные влияния и воздействия, затемнявшие затухающие волны, исходившие из Центра. В результате, современные исследователи иногда фиксируют только отдельные звенья таких цепочек влияний. Очевидно, что эти дальние контакты могли иметь разные основы: экспорт сырья из периферии (например, британское олово, балтийский янтарь, индийские самоцветы, аравийский ладан), копирование периферией политтехнологии более развитого центра (например, возникновение рунического письма в Северной Европе, приобщение к христианству, подражание варварами государственным структурам империи), проникновение на периферию новых идеологий (например, распространение христианства среди готов), заимствование периферией новинок из сферы престижной моды, предметов высокотехнологического производства и т. д. Строго говоря, всей совокупностью такого рода воздействий и определяется дальняя граница периферии той или иной цивилизации, за которой начиналась *terra incognita*, где заканчивалась ойкумена. При этом и сама эта граница, и интенсивность воздействия менялись во времени. Очевидно, что сила и отчасти глубина воздействия на периферию возрастала с увеличением спроса у потребителей и финансово-организационных возможностей у импортёров товаров. И наоборот, падение спроса и сокращение возможностей влекло за собой ослабление влияния центра. Когда происходил существенной спад активности центра или наоборот существенный рост спроса на блага цивилизации у варваров, в зоне периферии мог возникать дефицит ввозимых из центра товаров, что могло стимулировать повышение интереса периферии к источникам этих товаров. При определённом стечении обстоятельств такой интерес мог стать исходным генератором центростремительных нашествий варваров на цивилизованные страны. Зато при резком возрастании спроса в центре периферийные поставщики могли не успевать удовлетворять потребности центра, что влекло за собой выбирание имеющихся источников сырья «под чистую» и поиски новых источников. Это, в свою очередь, могло приводить к центробежным миграциям групп добытчиков и/или к межплеменным конфликтам за источники сырья. И тогда в результате изменения спроса в центре могли происходить изменения в этно-культурной и политической ситуации вдоль коммуникационных трасс на отдалённой окраине периферии. Впрочем в различных пунктах вдоль таких силовых линий не только начинались цепочки военно-политических и этно-культурных изменений, приводивших к масштабным войнам, переселениям и рождению новых сообществ, но и временами возникали центры кон-

троля и центры власти, перераставшие со временем в протогосударственные структуры.

Роль дальней торговли

Вряд ли я ошибусь, если выскажу мысль, что одним из главных просчётов при построении общей теории возникновения государств и раннеклассовых обществ в историографии советского периода было слабое внимание к фактору межрегиональных коммуникаций, вдоль которых, как правило, и происходил процесс политогенеза. Классическая марксистская советская схема исходила из того, что организованная международная торговля является следствием классообразования и политогенеза, а не наоборот: возникновение государства понималось как следствие внутренних процессов разложения родоплеменного строя и классообразования, а вовсе не как следствие реагирования родоплеменной верхушки на внешний фактор торгово-экономического воздействия. Торговая теория возникновения Руси В.О. Ключевского — А.Е. Преснякова была сначала академично раскритикована и объявлена немарксистской (напр., Пархоменко 1938), затем постепенно задвинута вообще, а «русский буржуазный историк» А.Е. Пресняков (ум. 1929), бывший с 1927 г. профессором Института красной профессуры, даже в 1955 г. так и «не сумел освободиться от буржуазно-идеалистич.(еской) методологии» (БСЭ², т. 34: 440), получив портрет и академическую характеристику в энциклопедии лишь к 1968 г., но всё равно не удостоившись чести стать «… и советским историком» («рус.(ский) историк» — ИЭ, т. 11: 534—535). Между тем конкретные исторические исследования постепенно выявляли всё бóльшую роль торговых коммуникаций. В первую очередь, это относится к Пути из Варяг в Греки и проблеме возникновения русского государства. Но Русь тут не является исключением, а скорее правилом.

Общеизвестен Великий шёлковый путь. Давно признана роль торговли балтийским янтарём и аравийским ладаном в формировании межрегиональных коммуникаций и центров власти (Гнезно и Прага; Петра, Медина и Мекка). Сейчас можно считать доказанным, что освоение финикийцами и фокейцами западного Средиземноморья и путей на север Атлантики было обосновано существовавшей ещё с микенского времени системой торговых коммуникаций с Ближнего Востока к британскому олову на Касситеридских островах (*Scilly islands*), в которую, скорее всего, был втянут и мир древних кельтов. На транспортных узлах этой коммуникационной системы возникли практически все государственные центры в этом регионе (Татесс, Карфаген, полисы Великой Греции, Этрурия, Массалия) и многие крупные племенные конфедерации (вольки, арверны, эдуи, венето-арморикáнская).

Бобровые войны и последствия борьбы за промысловые угодья

Одним из товаров, поставлявшихся с периферии в цивилизационный центр, иногда становились меха, пушнина. То, насколько существенным может быть фактор добычи пушнины для истории конкретного региона, показывает колониальная история Северной Америки (см. например: Брассер 1978: 36—41; Фентон 1978: 123—145; Хикерсон 1978: 165—181; Hlady 1960—61; Хелм, Ликок 1978: 367—379, 384—394; Шувалов 2014: 170—172). Очевидно, что историю освоения европейцами Северной Америки (также как, кстати, и Русского Севера и Сибири) не возможно рассматривать вне контекста промысла пушнины и шкур. Так называемые «бобровые» войны привели не только к обогащению и возвышению одних племён над другими, но и к быстрой и местами полной замене предшествующего населения (гуронов, могикан, делаваров, шауни, иллинои, оттава и др.) более удачливыми пришельцами (ирокезами) на огромной территории от Гудзона и Потомака до Миссисипи и озера Мичиган. Местами же ирокезы включали покорённые племена в свой состав на правах «плебеев». Эти и подобные им события вызывали цепочки подвижек племён (лесные кри > дене-чипеваи > дене-слэйви и -жёлтые ножи > дене-догриб; кри и оджибве > ассинибойны и сиу > шейены > кайова) вплоть до Маккензи на северо-западе и Оклахомы на юге. В результате территория некоторых наиболее удачливых народов вытягивалась своего рода языком от мест их первоначального расселения ко всё более удаляющимся промысловым зонам. Наиболее ярким примером тут могут быть кри, чья территория (без учёта родственных наскапи и монтанье) в результате их промысловой экспансии за пару веков протянулась с востока на запад на три тысячи километров (от оз. Мистассини в Квебеке до Пис-ривер в Альберте — расстояние, равное расстоянию от Пелопоннеса до Белого моря). Другой пример — оджибве из «конфедерации трёх огней» (оджибве, оттава и потаватоми), территория которых в результате монопольного доступа

оттава (по преданиями они были торговыми посредниками ещё до прихода европейцев) к французским факториям увеличилась в западном направлении раза в два за счёт земель сиу и других, достигнув размаха в две тысячи километров (от р. Оттава на востоке до р. Саскачеван западе).

При этом важно, что вместе со смешивавшимися между собой кри-оджибве-оттава на запад продвигались и французские первопроходцы, которые, женясь на скво, вскоре образовали особую группу аборигенов-билингвов под названием «метисы», из которых наиболее известно племя метисов с Ред-ривер. При благоприятном стечении обстоятельств это могло бы привести к постепенной франизации всей территории от Квебека до Миссури. Аналогичное явление имело место при русификации и христианизации алеутов. Непосредственной причиной успешности и оджибве, и кри, и ирокезов, конечно, были поставки им огнестрельного оружия их английскими и французскими союзниками. Но заимствование у своих союзников более прогрессивных видов оружия существовало и в древности. Приведённые примеры показывают, что межплеменные торговые войны могли приводить к смене языка и этничности на огромных пространствах, приводивших к изменению лингвистической карты огромного региона.

Итак, североамериканский материал показывает, что при активном пушном промысле происходят следующие процессы: распространение племенных зон на новые территории «языками» вдоль коммуникационных путей, миграции и деление племени «каскадом по цепочке» вдоль коммуникационных линий, одновременное распространение двух языков (французский и кри, оджибве), активность двух соподчинённых племенных групп (кри и чайпеваев), возникновение новых локальных групп и племён, метисация населения и как результат появление новых этнических групп, билингвизм в новых группах при наличии кроме того торговых языков.

Два направления пушной торговли в Европе

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы, где по современным представлениям находилась прародина славянства, на протяжении тысячелетия, предшествовавшего появлению славян, находились под постоянным волнообразным прямым или опосредованным воздействием более развитых соседних обществ и культур Северного Причерноморья и степной зоны, Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти внешние влияния не могли не стимулировать те или иные инновационные процессы в консервативных обществах восточноевропейских лесов, временами приводивших к существенным изменениям местных этно-культурных структур. Часто исходный источник культурного или экономического импульса, достигавшего восточноевропейских лесов, находился вовсе не по-соседству, а далеко в Средиземноморье или на Ближнем Востоке. Для лесов Восточной Европы, также как и для Севера (см.: Казанский 2010), одной из важных составляющих таких контактов с более цивилизованными соседями издревле был экспорт пушнины (в первую очередь — мех бобра, а также выдры, куницы-соболя, белки и др.). Возможно, некоторую роль играл экспорт мёда («понтийский» мёд был знаменит у греков) и экспорт белокурых рабов и рабынь как в древности («в Восточное Средиземноморье преимущественно из района Чёрного моря» — Braunert 1965), так и в средневековье (например, сакалиба в мусульманском мире — Мишин 2002). Впрочем, судя по документам II—I вв. до н. э., Восточная Европа вряд ли была одним из основных поставщиков рабской силы: из двух сотен рабов 47 было из Эгеиды, 46 с северных Балкан, 38 из Сирии, 37 из Малой Азии, 13 из других частей Азии, 10 из Восточной Европы, 4 иудея, 3 египтянина, 2 из северной Африки (Westermann 1935: 933—934, 1003—1005). Есть мнение, что могло экспортироваться железо (Мельниковская 1967: 152). В обмен на эти товары восточноевропейский лес в первую очередь получал изделия из меди и её сплавов (Шаров и др. 2011; 2015) и из серебра (Маршак 2006), а также из стекла. Сто лет назад господствовало мнение, что возникновение торговли пушниной на севере Европы относится ещё если не к эпохе неолита (Brass 1911: 5), то как минимум к эпохе бронзы (Hennig 1930: 2—4). Но это применимо, скорее, только к межобщинному обмену на микрорегиональном уровне, наподобие сезонных межплеменных ярмарок (как, например, между горцами-кутене и степняками-черноногими в Монтане). Временами, конечно, могли возникать цепочки таких контактов, складывавшихся вместе в трансрегиональные связи. Но настоящая межрегиональная торговля в Европе с дальними поездками с тюками товаров, вероятно, если и была в неолите, то лишь исключениям, а не широко распространённой нормой: при низкой плотности населения и отсутствии ярко выраженных центров власти истощение/сохранение охот-

ничьих угодий вряд ли было неравномерным по территории, и каждый небольшой регион, скорее всего, имел свои собственные угодья. Возникновение межрегиональной торговли престижными шкурами, возможно, уходит корнями на Ближний Восток, когда месопотамские элиты распространили своё торговое влияние далеко за пределы Двуречья. В дальнейшем ассирийские и финикийские купцы торговали престижными шкурами (Cleland et al. 2007: 75). Специфические черты такой торговли можно исследовать по соответствующим источникам (какие существуют, например, по аккадским торговым факториям). Очевидно лишь, что тогда уже существовала в культуре символическая связь между правителем и шкурой льва (впрочем, магическая тяга человека к кошачьим имеет и чисто биологическую основу: Дольник 2007: 87—89, 219—221). По-крайней мере, Гомер одевает своих героев в шкуры леопарда и льва, их преподносят как дары.

В классическую античность в письменных источниках зафиксирована торговля мехами, но ни латинская, ни греческая терминология не позволяет в большинстве случаев отделить кожи от шкур, а шкуры от мехов. Шкуры и мех использовались и греками, и римлянами в классическую эпоху в основном как покрышки для сидений, как одежда для рабов и провинциалов, как лечебные и магические средства, как элемент военной экипировки, но никогда как престижные вещи (Schneider 1937: 369—373; Reichstein 2002: 547). В знаменитом эдикте 301 года о ценах императора Диоклетиана в разделе о кожах/шкурах среди двух десятков пар позиций необработанная/обработанная к диким животным относятся двенадцать пар (ed. de prec. 8, 19—41, ed. Mommseni–Blümneri):

• гиена за 40/60 денариев[1] (ed. de prec. 8, 19–20);
• газель 10/15 đ (21–22);
• олень 75/100 đ (23–24);
• дикий баран [15][2]/30(или 25[3]) đ (25–26);
• волк 25/40 đ (27–28);
• *melis* (куница или барсук — Blümner 1893: 124) 10/15 đ (29–30);
• бобр [20]/30 đ (31–32);
• медведь 100/150 đ (33–34);
• рысь 40/60 đ (35—36);
• тюлень 1250/1500 đ (37–38);
• леопард 1000/1250 đ (39–40);
• лев –/1000 đ (41).

Из них к восточноевропейской пушнине может относиться только *melis*, бобр, медведь и рысь, а также волк (о значении разных промысловых зверей см.: Reichstein 2002). При этом, судя по соотношению цены волк–*melis*–бобр–медведь–леопард, *melis* и бобр не считались престижным мехом. Исходя из этого, можно с уверенностью заключить, что в конце III в. меховая одежда по-прежнему не была популярна в Средиземноморье и считалась признаком варварства, дикости и некультурности. Соответственно и торговля мехом ограничивалась лишь потребностями медицины, армии и повседневного быта.

Для поздней же античности и эпохи переселения народов есть прямые свидетельства Кассиодора (Cassiod. apud Iord. Get. 21. 32. 37) о двух направлениях пушной торговли: восточных (Маршак 2006: 80) через хунугуров и, возможно, через порты Северного Причерноморья, в особенности через Херсонес, «в который жадный купец ввозит добро из Азии», и западном через свеев и тюрингов в Равенну. Вот текст этих фрагментов, грубо сшитых Иорданом в единое повествование: « (21)… племя (*gens*) живёт там «суеханс»[4], которое/ые (*quae*) подобно тюрингам держат (*utuntur*) превосходных коней. [Они и есть те, которые (видимо, это вставка Иордана)] пересылают посредством торговли (*commercio*) через бесчисленные другие племена иссиня-чёрные[5] меха для потребления римлян, славясь великолепной чернотой мехов. [Эти], живя в бедности, носят богатейшую одежду.... (32) А

[1] 1000 общих денариев (đ) равнялось 1 золотому, который был равен примерно трёх-четырёхмесячному бюджету бедной семьи.

[2] Здесь и далее [] отмечен испорченный текст, восстанавливаемый издателем из общих соображений, т. к. в имеющихся 4 (5) надписях это место сколото (Blümner 1893: 4, 26—27). Издание Lauffer 1971, мне было не доступно.

[3] Разночтение по разным надписям: из *Gerontrae* (из *Megara*).

[4] Suehans. Несомненно это свеи, т. к. по-готски реконструируется: свей — *sweha, мн. число — *swehans.

[5] *Sapphirinas pelles*, ‘иссиня-чёрные меха’, а не ‘голубые’. Здесь совершенно права Е. И. Скржинская (Скржинская 1960: 192 прим. 55 без ссылки на литературу). Греч. σαπφείρινος определяется (Δημητράκου 1964: 1098 s. v.) как βαθυκύανος, которое в свою очередь определяется как ‘глубоко иссиня-чёрный’. Основа κύανο- применима для обозначения воронёной стали, чернобровости, тёмноволосости (Δημητράκου 1964: 755). У Иордана с характерной для него ошибкой: sappherinus вместо *sapphirinus*. По-латыни слово *sapphirinus* используется в основном юридическими и религиозными авторами: Дигесты, Вульгата, Иероним.

по той стороне, которая примыкает к понтийскому взморью, она (Скифия) покрыта небезызвестными городами: Борисфениды, Ольвия, Каллипода, Херсона, Феодосия, Карей, Мирмекий и Трапезунта, основать каковые позволили грекам непокорённые скифские народы, чтобы (эти города) осуществляли с ними торговлю (*commercia*). … (37) …Альтциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от (того, куда) повлечёт (их) корм для скота, зимой, [возвращаясь (вставка Иордана)] к Понтийскому морю, (живут) возле Херсоны, куда алчный купец (*mercator*) ввозит добро из Азии. [… — тут текстологический шов] Хунугуры [же известны оттого, что (опять вставка Иордана)] от них идёт торговля шкурами мышей (*pellium murinarum commercium*)» [6].

Итак, можно резюмировать. На рубеже V/VI вв. свеи (шведы), как-то связанные в сознании Кассиодора с тюрингами, пересылают по длинной цепочке торговых посредников великолепные своей чернотой дорогие иссиня-чёрные меха. Любопытно, что адресатом этой торговли являются уже римляне! В Северном Причерноморье много греческих городов, основанных ради торговли, в т. ч. Херсонес, куда купцы привозят азиатские товары. Поставляют же на рынок меха хунугуры (Hunuguri: гапакс с надёжной рукописной традицией) — это, судя по их имени, либо оногуры в Предкавказье (Скржинская 1960: 121 прим. 223) или на Дону (Казанский 2016: 97; 2017, что впрочем вызывает некоторые обоснованные сомнения: всё-таки *hunoγur ≠ *on-oγur, но Анфертьев 1991: 142, предполагает протетическое h- под влиянием этнонима Hunni), либо же это лесные охотники угры или, точнее, мадьяры, возможно бывшие тогда лесными охотниками Прикамья, ср. лат. *Hungari* (так у Анфертьева 1991: 143 прим. 139). И если эти загадочные хунугуры не контролировали донские или прикавказские степи (отождествление хунугуров с оногурами мне не кажется убедительным), то в экспорт мехов из лесов должны были быть вовлечены ещё какие-то посредники на пути через степь, по крайней мере в низовьях Дона, где уже не существовало никакого порта, т. к. Танаис после событий около 463 г. лежал в развалинах; тем более, что в пользу такого маршрута говорят многочисленные археологические находки, позволяющие утверждать, что «население Верхнего Дона служило промежуточным звеном в поступлении северного меха» в нижнее Подонье (Казанский 2017: 222). Но вряд ли в кон. V — перв. пол. VI в. Нижний Дон контролировался оногурами, т. к. Прокопий и затем Агафий однозначно поселяют там кутригуров с утигурами на разных берегах реки. Так что, на мой взгляд, предпочтительнее выглядит реконструкция этого пушного пути таким образом: от хунугуров где-то в глубине лесов Среднего Поволжья или Прикамья — через т. н. группу Чертовицкое-Замятнино, в верховьях Дона — к Азовскому морю — на Боспор Киммерийский или через Перекоп к Херсонесу. Переход к Херсонесу или Пантикапею видится более предпочтительным, чем выход на Тамань, т. к. правобережье и левобережье Дона контролировались двумя различными ордами, утигуров и кутригуров, находившихся в весьма не простых отношениях. При этом путь на юг мог быть водным, а на север, скорее всего, конным по путям, известным позже как Кальмиусский шлях и Ногайская дорога, по которым, скорее всего, кутригуры и должны были осуществлять свои сезонные перекочёвки, находясь скорее всего на стадии кочевания IIа по С. А. Плетнёвой (иначе см. Казанский 2020: 120, где, впрочем, сам автор отмечает несоответствие собранного материала предполагаемой С. А. Плетневой I-й стадии кочевания). Но в любом случае, очевидно, что мы здесь имеем дело с двумя независимыми рынками пушнины: фенноскандским и причерноморско-поволжским (подробнее см.: Шувалов 2004: 76—78).

Однако, затем в каролингскую эпоху письменные источники свидетельствуют об упадке интереса к дорогим мехам и соответственно об упадке пушной торговли в Западной Европе, а для удовлетворения низкого спроса на меха каролингской элиты было достаточно локальных ресурсов (бобр, выдра, куница, лисица, белка — Delort 1993/1999: 1867). Возможно, падение интереса к мехам у европейской феодализирующейся элиты носило кратковременный характер и было следствием увлечения их верхушки всем римским в рамках программы каролингского возрождения: как известно из античных текстов, римляне меха не ценили. Но на практике «римским» образцом для каролингской элиты служили не столько сочинения классических авторов, сколько современная им практика восточных римлян — византийцев.

[6] Использованы переводы Е. Ч. Скржинской (Скржинская 1960) и А. Н. Анфертьева (Анфертьев 1991: 107—109), уточнённые мною по латинскому оригиналу, приведённому А. Н. Анфертьевым (там же). Вставки Иордана выделены мною на основе анализа стиля, в частности соблюдения правила кассиодоровских клаузул.

В Византии же, судя по всему, никакого перерыва между позднеантичной и средневековой торговлей не прослеживается: возникший к 532 году квартал скорняков (*γουνάριοι*) со своей церковью в районе форума Константина существовал там же и в XIV в., при том, что многие константинопольские скорняки были венецианскими евреями (Kazhdan 1991: 809). Со втор. пол. IX в. зафиксирован промысел пушнины на севере Норвегии и в Бьярмии (Noonan 1985: 328). Соответственно, более адекватным было бы считать, что в эпоху Каролингов произошло не прерывание традиции пушной торговли (как считает Р. Делорт), а её временное ослабление на западном направлении при более раннем (втор. пол. VIII в. — Noonan 1985: 331) или одновременном оживлении на восточном — багдадском направлении (что отмечено и Делортом). Впрочем, активность Мехового пути через Среднюю Азию имела свои закономерности спадов и роста от формирования его в кон. IV до прекращения в кон. XIV в. Рост активности на этом пути и его ответвлении через Чёрное море относится ко времени Анастасия (вероятно, в связи с ритмами Шёлкового пути — Маршак 2006: 73; Шувалов и др. 2020: 256—257), а главное изменение датируется сер. VII в., когда прекращается византийский импорт, а оставшиеся торговые агенты распространяют торговлю и на Приобье (Маршак 2006: 80). При этом важно, что судя по монетным находкам и историческим событиям, вряд ли византийские связи с востоком осуществлялись через степи Прикаспия до византийского посольства 567 г., а в период с 567 по 591 г. северокаспийский путь был главным, если не единственным путём из Византии на восток. Тем не менее внутрирегиональная торговля в интересах византийцев в Северном Причерноморьи и в Прикаспии с выходом к границы леса вполне могла процветать, тем более что личное присутствие ромейских купцов при этом не требовалось.

Не исключено, что новгородская система промысла и сбыта пушнины является прямой наследницей аналогичной системы позднеантичной эпохи (Hennig 1930: 7—8): между этими двумя эпохами, как показывает материал источников, не прослеживается какого-либо ярко выраженного разрыва. Однако, между ними есть существенное различие. Классическая античная цивилизация не ценила красоту меха, воспринимая меховую одежду как признак варварства, а сам мех, пушнину не отличала от шкур и от кож. Тем не менее термоизоляционные качества меха, в первую очередь бобрового, греками и римлянами ценились очень высоко (например, обёртыванием бобровым мехом или обувью из бобрового меха лечили ноги при подагре). Поэтому в Средиземноморье в античную эпоху импортировался преимущественно мех бобра. В то же время, судя по всему, красивый мех высоко ценился варварскими народами Центральной и Северной Европы: в первую очередь, германцами (Scheider 1937: 371) и, возможно, кельтами. Кроме того, меха носили кочевники (скифы, сарматы и др.), а также народы Большого Ирана. Соответственно, основные потоки добытой пушнины были направлены в древности в Центральную Европу и в восточноевропейские степи, а не в Средиземноморье, куда импортировали преимущественно бобра. При этом должны были функционировать два основных транспортных направления вывоза пушнины с Севера и Северо-Востока Европы (Hennig 1930: 6—8; Karte zwischen: 24—25): (1) южное — через степь к портам Причерноморья или к Прикаспию и далее на Ближний Восток (Маршак 2006) и (2) западное — в Среднюю и Западную Европу через порты Балтики и Северного моря в Галлию с выходом на Оловянный путь, или же по Эльбе либо по Янтарному пути через бассейн Вислы, Моравские ворота и Средний Дунай в Аквилею в области адриатических венетов (подробнее для эпохи Великого переселения народов см.: Казанский 2010: 21—27). И лишь с гибелью античной цивилизации новые пришлые военно-политические элиты принесли в Средиземноморье моду на меха — германцы в кон. IV в. на латиноязычный Запад (импорт через порты Балтики и по Янтарному пути на Равенну) и затем к нач. VI в. в Константинополь (импортировали через Херсонес из Прикамья, конкурируя с согдийцами: туда каждый второй византийский сосуд VI—VII вв. поступал минуя Иран и Среднюю Азию — Маршак 2006: 75). В IX в. мусульмане распространили иранскую моду на меха из Багдада на Ближний Восток, Магриб и Испанию.

Механизм развития

Понятно, что высококачественная пушнина, импортируемая издалёка, относилась к категории роскоши и потреблялась в Барбарикуме преимущественно варварской элитой. Поскольку политическая ситуация в варварском мире не отличалась большой стабильностью, то спрос на этот престижный товар должен был колебаться вместе с возникновением, рас-

цветом и упадком различных властных центров. Исходя из этого, можно предположить, что в античности на фоне относительно постоянного (зависевшего лишь от общего благосостояния) «медицинского» спроса в Средиземноморье на мех бобра, происходили периодические увеличения «престижного» спроса на пушнину в те периоды, когда возникал новый властный центр или же усиливал своё влияние тот или иной уже существующий центр в Барбарикуме. Если дополнительный запрос на пушнину мог быть покрыт уже освоенными ресурсами леса, то происходило лишь усиление добычи и торговли пушниной: если объёмы охоты не превышают определённого уровня, то популяция зверя легко восстанавливается за следующий год. Если же возросший запрос существенно превышал предел возможностей ресурсной базы, то, можно предполагать, охотники не успевали нарастить добычу до уровня, достаточного для удовлетворения запросов потребителя. И вскоре эти охотники, выбив на своих участках всю популяцию зверя, оказывались перед необходимостью срочно найти новые охотничьи угодья. Тогда они передвигались либо на угодья соседей (что приводило к войнам), либо на более глубинные территории, ещё не затронутые промышленной добычей пушнины (что приводило к миграциям промысловых отрядов или целых общин). При этом могли возникать конфликты с местным населением, заканчивавшиеся либо истреблением и/или оттеснением аборигенов, либо же втягиванием их в добычу пушнины на ролях младших компаньонов или плательщиков ясака. Очевидно, что пришельцы-промышленники должны были стремиться поставить под свой контроль основные коммуникации и устроить на новых землях своего рода либо торговые фактории, либо пункты базирования. При этом изначальный импульс, запускавший этот механизм, происходил от того или иного далёкого властного центра, у которого появилась возможность направить определённую часть средств на оформление саморепрезентации в среде политических элит. В результате изменения в распределении политических сфер влияния между властными центрами где-нибудь в Центральной Европе или евразийских степях приводили через цепочку посредников к грандиозным перестройкам систем отношений в глубине лесной зоны Восточной Европы.

Предлагаемая модель является лишь теоретическим построением, обоснованным на материалах колониальных войн в Северной Америке. Однако, поскольку археология всегда зависит в своей интерпретационной части от моделей, построенных на материалах смежных областей (этнографии, истории, антропологии, знания современной повседневности и т. д.), само по себе предложение и сбалансированное использование такой модели не противоречит методологии: в дальнейшем мы проследим на конкретном археологическом материале, насколько непротиворечиво имеющиеся данные и построения археологов укладываются в рамки предложенной модели. Для этого попробуем рассмотреть основные свидетельства источников о возможной пушной торговли во временной динамике.

Возможные истоки пушного промысла

Возникновение древне-скифского царства в кон. VIII в. до н. э. и освоение им Северного Причерноморья со втор. пол. VII в. до н. э. (1—3 периоды по А. Ю. Алексееву), приведшее к началу давления степняков на поселения лесостепи в сер. VI в. до н. э. (4 период), могли создать условия, благоприятные для возникновения экспорта пушнины из лесной зоны в степь. Добыча и использование мехов в одежде зафиксированы у скифов Геродотом. При описании страны будинов с полуэллинизированным городом Гелон он сообщает, что «в самом густом лесу есть большое и широкое озеро и вокруг него болото и тростник. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с квадратной мордой; их шкурами оторачивают по краям меховые одежды» (Hdt. IV 109,2, — перевод из: Доватур и др. 1982: 143). Поскольку в этом пассаже ранее (Her. IV 109,1) Геродот полемизирует с одним из своих предшественников, возможно с Гекатеем (гипотеза Я. Харматты), то сведения эти следует датировать временем не позже кон. VI в. до н. э. — временем до начала греко-персидских войн: возможно временем похода Дария в Скифию в 513 г. до н. э., когда поток информации из глубинных областей Скифии мог резко возрасти. Позже Сенека Младший укажет, что скифы «сегодня» одеваются в лисьи и «мышиные» меха, т. е. меха грызунов или каких-то куньих (*hodieque magna Scytharum pars tergis vulpium induitur ac murum, quae tactu mollia et inpenetrabilia ventis sunt* — Sen. ep. 90,16), что, скорее, отражает уже устоявшиеся представления о скифах, чем реалии именно его времени. Видимо, новая степная кочевническая элита, значительно укрепив своё положение в VIII—VII вв. до н. э., получила возможность и ощутила потребность репрезентации себя в престижной сфере. Ресурсные возмож-

ности степных рек (плавни и старицы Днепра, Псла, Дона, Воронежа, Волги) относительно ограничены. Это могло привести к формированию регулярного промысла пушнины в лесной зоне: сначала на её окраине, а потом постепенно и в более глубинных местах с вывозом товара к политическим центрам на границе степи по речным путям (Днепру и Десне) к Трахтемировскому городищу или (из районов Курска, Тулы, Воронежа, Тамбова) по сухопутным путям системы будущего Муравского шляха с выходом по Бакаеву шляху к Бельскому городищу, отождествляемому с геродотовым городом Гелон.

На западе гальштаттская аристократическая элита (Ha-C и Ha-D), жившая в Хойнебурге и других укреплённых поселениях Верхнего Подунавья, Богемии и Бургундии и оставившая княжеские погребения в Хомихеле, Хохдорфе, Виксе и многие другие, так же как и сменившая её раннелатенская военизированная элита среднего Рейна (LT-A), могли испытывать аналогичную потребность в престижных мехах. Но, во-первых, скорее всего, они могли пока ещё удовлетворять эти потребности за счёт местных ресурсов (бóльших, чем ресурсы степных рек), во-вторых, у нас нет археологических данных об их связях на востоке, письменные же источники для этого времени отсутствуют.

Возможно, то же самое относится и к кельтской элите эпохи великих завоеваний (LT-B). В начале этой эпохи кельты в результате удачного перехода через Альпы около 396 г. до н. э. оккупировали все территории от Альп до Тосканы, разграбили многие города южнее, в том числе и сам Рим (традиционная дата: 387 г. до н. э.). Затем они могли использовать ресурсы этих покорённых территорий, но именно увеличение ресурсной базы, а также размаха политических амбиций (от Рима до Карпат: в 335 г. до н. э. послы кельтов ведут переговоры с Александром) и могли привести к росту потребности в престижных вещах, к которым принадлежала и пушнина. Правда, письменные источники о кельтах сообщают лишь, что они обедают, располагаясь на земле, подстелив волчьи или собачьи шкуры (*δειπνοῦσι δὲ καθήμενοι πάντες οὐκ ἐπὶ θρόνων, ἀλλ' ἐπὶ τῆς γῆς, ὑποστρώμασι χρώμενοι λύκων ἢ κυνῶν δέρμασι* — Diod. V 28,4), и что внутренние жители Британии одеты в шкуры (*pellibusque sunt vestiti* — Caes. Gall. V 14,2). Плиний Старший пишет, упоминая некоего зажиточного римского гражданина Помпея Паулина, уроженца Арелата (в Нарбоннской Галлии), что он следует обычаю тамошних жителей одеваться в шкуры (*Pompeium Paulinum, Arelatensis equitis Romani filium paternaque gente pellitum* <... > *scimus* — Plin. nat. XXXIII 143). Помимо прямых указаний на использование кельтами шкур, в латинском языке засвидетельствовано (Варрон, Цезарь, Саллюстий, Исидор) галльское или германское слово *reno* (основа *renon-*), обозначающее особый род одежды из плотного меха (возможно, изначально северного оленя) типа очень короткого полушубка или мехового упелянда для защиты от дождя (Hug 1914). Так что, строго говоря, у нас нет прямых письменных свидетельств, что древние кельты ценили дорогую пушнину. Но учитывая общую скудость письменных свидетельств о кельтах и наличие косвенных свидетельств, вряд ли этот факт можно использовать как *argumentum ex silentio*.

Становление политического центра бойев в до этого относительно периферийной для гальштаттского мира Богемии должно было создать новый центр политического напряжения. Он просуществовал примерно с IV в. до 60 г. до н. э., когда бойи были разгромлены Буребистой (LT-B_{2a}–D_1). Бойи были одним из немногих кельтских общин, которые отбились от кимвров около 120 г., заставив их искать обходные пути, что очевидно поддержало их высокий статус в кельтском мире. Можно предположить, что они были одной из главных политических сил Кельтики наряду с располагавшимися в центре гельветами, галльскими арвернами и охранявшими границы кельтского мира вольками, однако у нас практически нет письменных источников по этой теме. Тем не менее, очевидно, что влияние бойев в период расцвета распространялось далеко за пределы Богемии от Альп до Силезии и украинского Закарпатья. Не исключено, что становление межрегиональной торговли пушниной на «западном» направлении следует связывать с проникновением в Восточную Европу влияний из зоны кельтской цивилизации и её периферии (т. е. из зоны латенской и латенизированных культур) в период расцвета и последующего угасания Кельтики в IV — сер. I в. до н. э. (то есть в периоды LT-B_1–D_1 по хронологической шкале латенской культуры).

С нач. (сер. — Ерёменко 1989: 86, 87) IV в. до н. э. через территорию, контролировавшуюся скифским центром в Подолии (побужская группа лесостепи), начинается транзит латенских импортов из Закарпатья, в первую очередь браслетов, которые вскоре начинают производиться самими милоградцами на территории Поднепровья. В последующее время зона распространения подобных браслетов и вещей в ажурном стиле, «сформированном» в противовес скифскому звериному, охватит

значительную часть лесной зоны (Ерёменко 1989: 91; Рассадин 2005: 20). Эта волна латенских, а также и скифских импортов в лесную зону через посредство милоградцев и юхновцев связана с тем, что верхний социальный слой и Кельтики, и Скифии за V век не только накопил достаточные материальные ресурсы для реализации своих амбиций в сфере публичной презентации своего высокого положения, но, и, возможно, исчерпал локальные возможности удовлетворения этих амбиций. В результате и могла возникнуть необходимость импорта дорогих мехов, что, видимо, и привело к волне импортов. Однако, судя по данным массовых находок «вещей кельтского типа» (см. карту М.Б. Щукина — Бидзиля, Щукин 1993: 68—69 карта 15), влияние латенской (так же как и скифской) культуры не распространялось севернее Припяти, то есть на основную территорию современных Литвы и Беларуси (рис. 1). Это северная граница латенских импортов соответствует северной границе (начиная с посл. трети III в. до н.э. — дату определяют находки импортных клеймёных амфор Коса, Пароса и Родоса — Русанова, Максимов 1993: 34, 220—221, табл. I, II, X 229; Щукин 1994: 110) зарубинецкой культуры, принадлежавшей к кругу латенизированных культур и, соответственно, располагавшей вещами латенских типов. Но проникновение латенских влияний началось раньше возникновения зарубинецкой культуры, которая, возможно, распространялась вдоль уже известных коммуникационных линий.

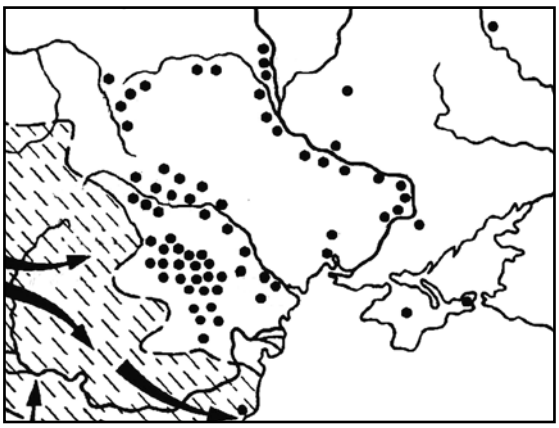

Рис. 1. Находки вещей кельтского типа на землях к востоку от Карпат по М.Б. Щукину (Бидзиля, Щукин 1993: 68, карта 15). Северная граница находок не заходит за линию «левый берег Припяти–Гомель–Воронеж». Стрелками показано движение кельтов.

Fig. 1. Finds of Celtic type in the lands east of the Carpathians after M.B. Shchukin (Бидзиля, Щукин 1993: 68, карта 15). The northern border of the finds does not go beyond the line "left bank of Pripyat-Gomel-Voronezh".

Латенские импорты первой волны и культура ранней штрихованной керамики

Показательно распространение латенских импортов в лесной зоне. Для периода раннего латена (т.е. LT-B ≈ нач. IV — сер. III в.) находок латенского импорта — т.е. находок латенских браслетов, гривен, фибул, цепей и предметов вооружения, — не зафиксировано для следующей территории: на север за Припять, в Понеманье, и на восток на землях по устье Березины, на северо-восток до Смоленска, включая могилёвское Поднепровье и на север по истоки Березины (рис. 2). Эта территория соответствует примерно территории, которую занимала культура (ранней) штрихованной керамики (Дробушевский 2002: 59; Егорейченко 2006: 14, рис. 1; 58, рис. 14). При этом на соседней территории к востоку засвидетельствованы не только прямые импорты, но и производство их реплик и сами подражания, например браслеты, подражающие «гусеничным» латенским, найдены глубоко в лесной зоне вокруг Смоленска (Шмидт 1992: 108 табл. 9). Исследователи (Дробушевский 2002: 59) приходят к выводу, что население культуры (ранней) штрихованной керамики, продолжавшее ещё жить фактически в неолите с отдельными случайно завезёнными металлическими вещами (Медведев 2011: 58—59), в рассматриваемый период имело враждебные отношения как с юго-западными, так и с юго-восточными соседями: в отличие от связей с соседним балтским по языку населением на западе и в Верхнем Поднепровье, она как бы сторонилась контактов с милоградской культурой и со Скифией (Егорейченко 2006: 53). Наоборот с западными балтскими культурами штриховиков связывали достаточно тесные связи, построенные на обмене мехов на изделия из металла (Егорейченко 2006: 52). Сходная картина изоляции сохранится и в последующее время (LT-C и D_1), когда территория культуры штрихованной керамики будет граничить с латенизированными культурами — с юга и востока с зарубинецкой, а с юго-запада с пшеворской. И лишь не раньше середины I в. до н.э. (с периода LT-D_2 ≈ примерно 60—15 гг. до н.э. для Средней Европы, но для лесной зоны дата бытования вещей, характерных для периода LT-D2, должна быть продлена, по мнению М.Б. Щукина, до втор. пол. I в.н. э.) на этой ещё не затронутой среднеевропейскими влияниями территории в культуре штрихованной керамики по-

Рис. 2. Распространение браслетов и фибул раннелатенского периода в Восточной Европе (по Дробушевский 2002: рис. 6, с исправлением опечатки). a — браслеты; b — фибулы; c — поселение Галиш-Ловачка; d — южная граница лесной зоны; e — южная граница лесостепи. — В лесной зоне и к западу от Южного Буга область находок фибул и область находок браслетов практически не пересекаются, в то время как в Среднем Поднепровье встречаются и те, и другие.

Fig. 2. Distribution of bracelets and brooches of the Early La Tène period in Eastern Europe (according to Дробушевский 2002: рис. 6, with a misprint corrected). a — bracelets; b — brooches; c — Galish-Lovachka settlement; d — southern border of the forest zone; e — southern border of the forest-steppe. — In the forest zone and to the west of the Southern Bug, there the area of finds of brooches and the area of finds of bracelets practically do not intersect, while both are found in the Middle Dnieper.

являются латенские импорты (Егорейченко 2006: 105). Впрочем латенских вещей времени раннего латена (LT-B_2 ≈ кон. IV — сер. III в. до н. э.) нет не только в культуре штрихованной керамики, но и у её западной соседки — поморской культуры (Щукин 1994: 88 пр.).

Продвижение отдельных раннелатенских вещей в Восточную Европу может быть объяснено различными военно-миграционистскими гипотезами: гипотетическими кельто-скифскими контактами времени борьбы Атея с Филиппом II Македонским в 358—339 гг.

(идея В. Е. Ерёменко, см: Щукин 1994: 81, 82, 99; Бидзиля, Щукин 1993: 83) или событиями около 280 г., когда кельты обосновались в Закарпатье (LT-B2b ≈ сер. III в. — Щукин 1994: 83 пр; Бидзиля, Щукин 1993: 80 пр, 82 пр) и во Фракии, или же последующими событиями, отражёнными в знаменитом декрете Протогена [Щукин 1994: 99; дата по Ю. Г. Виноградову — «незадолго до 213 г.» [(Виноградов 1989: 182), но ср. гипотезу Щукина о ранней, «добастарнской» дате декрета (Щукин 1994: 101) в развитие идеи К. К. Марченко], в котором упоминаются угрожавшие до этого Ольвии галаты, то есть кельты, и скиры. Скиры жили в это время, судя по данным письменных источников, скорее всего, где-то на территории к северу от Карпат, то есть возможно в ареале поморской культуры или рядом с ней. Примерно в то же время (на рубеже LT-B_1 и LT-B_{2a} ≈ 30—20-е гг. IV до н. э. — Щукин 1994: 89) происходит и продвижение носителей поморской культуры на восток на территорию западных областей Волыни и Полесья, но эта культура находилась в последующие десятилетия в полной изоляции от кельтского мира (см. выше про отсутствие вещей LT-B_2 в ней и у штриховиков). Однако, все эти гипотезы никак не объясняют, почему же латенские вещи стали проникать далеко вглубь лесной зоны — в Верхнее Поднепровье и Поочье.

В целом можно подытожить, что, скорее всего, с кон. IV по сер. III в. до н. э. (LT-B_2) контакты лесной зоны Восточной Европы с Кельтикой осуществлялись через Закарпатье, Восток Галиции и Подолию (Мельниковская 1967: 153) — в обход территории Повисленья, Западного Побужья и центральной Белоруссии. Отчасти линию этих связей маркируют кельтские металлургические (в т. ч. по цветным металлам) центры Галиш-Ловачка и Ново-Клиново в Закарпатье, поселение Бовшев с латенской гончарной керамикой на верхнем Днестре и кельтское погребение в Залесье в низовьях Припяти (Бидзиля, Щукин 1993: 68—69, карта 15; 70, 71; Щукин 1994: 136, карта 50): возможно именно по этой линии из Кельтики в Верхнее Поднепровье и Поочье через Среднее Поднепровье и поступали браслеты в обмен на импорт оттуда продуктов лесного промысла.

Браслеты и меховая торговля

Интересные результаты дали наблюдения за картографией находок латенских браслетов. Установлено (рис. 3), что металлические латенские браслеты и латенские фибулы в некоторых регионах совстречаются между собой, а в некоторых нет. Действительно, на р. Березина, в Поднепровье выше Смоленска и далее на восток и юго-восток в Поочье встречаются только браслеты, а в припятском Полесье — только фибулы (Нефедова 1992: 30, карта 1; Дробушевский 2002: 62, карта 6, с путаницей в значках). Что касается фибул, то до сих пор нет какого-то специального объяснения такой картине: скорее всего, их распространение отражает обычное влияние располагавшихся южнее и юго-западнее латенизированных культур и, соответственно, господствовавшей там латенской моды на население пограничья степной и лесной зон. В силу этого северная граница распространения латенских фибул IV—I вв. до н. э. проходит южнее и западнее границы лесной зоны, заходя в Полесье лишь в черниговско-гомельском Поднепровье (в IV—III вв. до н. э.) и на среднем течении Припяти (во II—I вв. до н. э.) (Нефедова 1992: 30, карта 1). Что же касается латенских браслетов, то установлено, что их находки в глубине лесной зоны (это браслеты, орнаментированные рубчиками или розетками из шишечек, то есть типы 1, 3 и 8 по Нефёдовой — Нефедова 1992: 22—25, 29; Мельниковская 1967: 75—81) следует датировать, вероятно, периодом с кон. V до н. э., но в основном, по В. Е. Ерёменко (Ерёменко 1989: 87—88), с сер. IV по нач. III в. до н. э. (≈ LT-B_1–B_{2a}) (Нефедова 1992: 28—31, 32—33: прим. 2 под авторством М. Б. Щукина; Лошенков 2011: 207).

Это время характеризуется более или менее стабильной исторической ситуацией в Скифии: поражение царя Атея от македонского царя Филиппа II произошло лишь в 339 г. до н. э. и не привело к распаду Великой Скифии (Мелюкова 1989: 35, пр.), а гибель Великой Скифии под ударами сираков/сарматов и мэотов случилась лишь в конце этого периода, и скорее уже в III в. до н. э. (не ранее 329 г. и вряд ли позже 260 г., но скорее около 280 г. — Виноградов и др. 1997: 101, Тохтасьев 2005: 300, Симоненко 2018: 35, Алексеев 2003: 250—251). Да и к тому же вряд ли последствия войн с Македонией в степи затронули внутренние территории северо-запада Скифии, находившиеся в это время под (возможно слабым, но скорее всего постепенно усиливавшимся) контролем местной элиты (об увеличении числа «царских» погребений в третью четверть IV в. до н. э. — см.: Алексеев 2003: 239) из т. н. побужской группы лесостепной скифообразной культуры, расцветающей как раз в IV в. до н. э. (при том, что соседняя более западная западноподольская группа прекращает своё существование в начале V в.,

Рис. 3. Распространение браслетов и одновременных им фибул по (Нефёдова 1992: карта 1, с выделением зон распространения фибул по периодам): a — браслеты; b — граница LT-AB; c — фибулы VI—V вв. до н.э.; d — фибулы IV—III до вв. н.э.; e — фибулы II—I вв. до н.э.; f — фибулы I в. н.э. В раннем латене фибулы в лесную зону практически не попадают, исключая Поднепровье до устья Сожа. В среднем и позднем латене фибулы проникают в лесную зону только в районе Припяти. В начале же раннеримского времени зона распространения фибул сдвигается в глубь леса, не заходя однако в верховья Днепра, Березины, Сожа и Десны.

Fig. 3. Distribution of bracelets and brooches synchronous with them (after Нефёдова 1992: карта 1, with the allocation of zones of brooches distribution by periods). — In the Early La Tène, the brooches practically do not fall into the forest zone, excluding the Dnieper region up to the mouth of the Sozh. In the Middle and Late La Tène, brooches penetrate the forest zone only in the Pripyat region. At the beginning of the early Roman time, the distribution zone of fibulae is shifted into the depths of the forest, without, however, entering the upper reaches of the Dnieper, Berezina, Sozh and Desna.

создавая эффект своего рода политического вакуума в этой зоне (Петренко 1989: 67, карта 8; 71 пр. — 74 лев. — ср. перепутанные названия групп в табл. 21 на с. 326 и в описании на с. 297), а зона гетских поселений в Молдавии и их контактов практически не выходила на северо-восток от Днестра) (Мелюкова 1989а: 85, карта 10; 86 пр.). Там же, в верховьях Южного Буга во втор. четв. IV в. до н.э. воздвигается Ильинецкий курган с захоронением представителя местной элиты, в инвентарь которого входил горит с золотой обив-

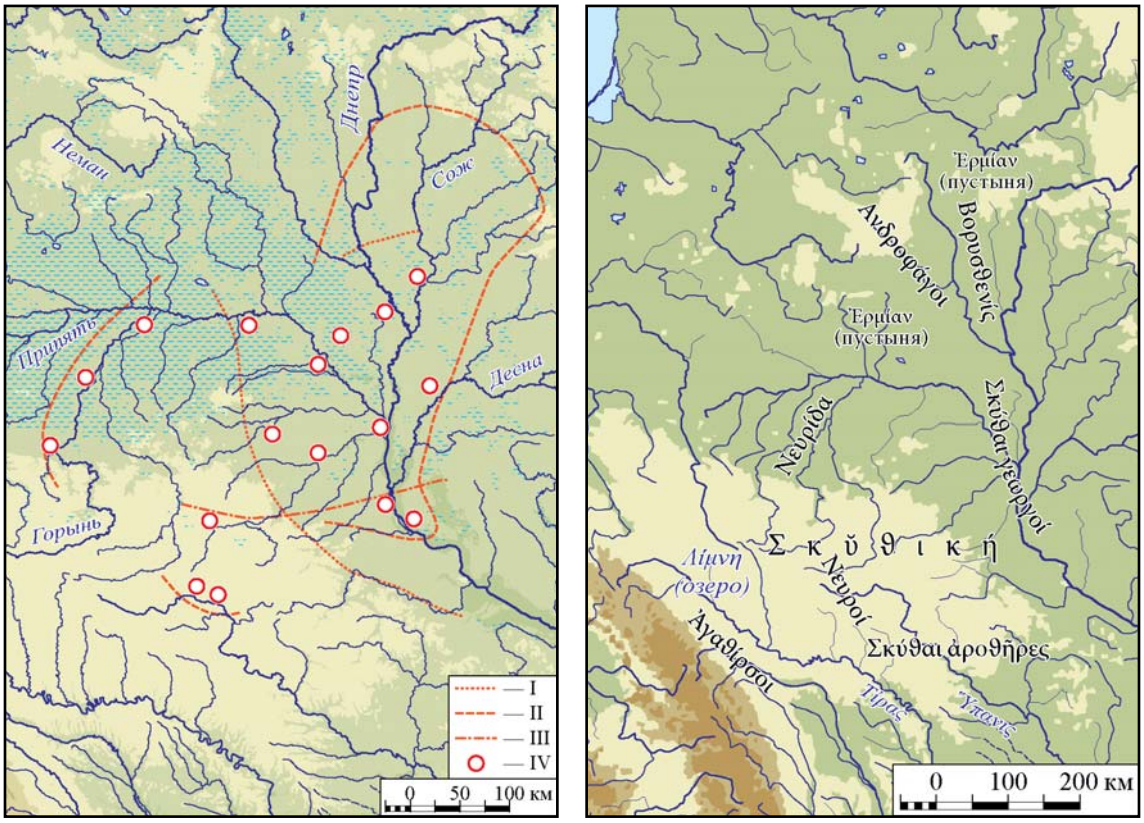

Рис. 4. Милоградская культура скифского времени (слева) и расположение геродотовских народов на этой территории по (Рассадин 2005: рис. 14). I — лебедовский ареал; II — милоградский ареал; III — северная граница распространения скифских памятников; IV — милоградские комплексы с датирующими вещами предскифского и архаического времени. По Южному Бугу вверх по течению: скифы-пахари, невры (в скифской земле), и на Горыни земля невров. Вверх по Днепру: скифы-земледельцы, андрофаги, пустыня.

Fig. 4. Milograd culture of the Scythian time (left) and the location of the Herodotus peoples in this territory (after Рассадин 2005: рис. 14). I — Lebedov area; II — Milograd area; III — the northern border of the distribution of Scythian finds; IV — Milograd complexes with dating items of pre-Scythian and archaic times. Along the Southern Bug upstream: Scythians-plowmen, Neuri (in the Scythian land), and on Goryn the land of Neuri. Up the Dnieper: Scythians-farmers, Androphagi, desert.

кой из т.н. «троянской» серии горитов и ножен (курганы в Чертомлыке, Мелитополе, 8-й Пятибратний курган, курган в Карагадеуашхе и гробница Филиппа II или Филиппа Аридея в Вергине), попавших в Скифию из греческого мира в качестве дипломатических даров (Алексеев 2003: 240) между 331 и 320-м г. (Алексеев 2003: 241, 246 (331 г.)) (обычно считают, что посольство было от Перисада, но можно осторожно предположить, что эти вещи попали в Скифию от Александра Великого с посольством 329/328 г., принёсшим в дар также и парадный ахеменидский меч: Алексеев высказал идею, что к появлению соответствующих сюжетов на вещах этой серии мог быть причастен сам Александр: Алексеев 2003: 246 об Александре, 248 о мече). Захоронение такого ранга представителя местной элиты указывает на определённую степень политической автономии этого региона, соответствующего западноподольской группе (Алексеев 2003: 246). Исходя из этого можно предполагать, что эта местная элита была способна контролировать транзитную торговлю через свою территорию, а в случае определённого дохода и поддерживать её регулярность. Учитывая географию находок (Нефедова 1992: 30, карта 1), можно предполагать, что поступление браслетов на эти территории проходило изначально из Закарпатья, где зафиксировано присутствие кельтов (Бидзиля, Щукин 1993: 79, рис. 3; 82 пр).

Сообщение с глубинными территориями лесной зоны проходило, судя по всему, через посредство жителей милоградской культуры в Среднем Поднепровье и в верховьях Южного Буга, обычно соотносимых с неврами Геродота (рис. 4). Геродот пересказывает предание

о нашествии змей на земли невров и их эвакуации к будинам (Hdt. IV 105), жившим восточнее, где-то не доходя до верховьев Танаиса (Hdt. IV 123) в лесах, в которых добывают мех выдр, бобров и бобровую струю (Hdt. IV 109,2). Вряд ли за этим преданием стоит какое-то реальное переселение, но вполне вероятно оно указывает на определённые связи между неврами и будинами, по крайней мере в мифологическом пространстве, за которым может стоять и реальное общение жителей Среднего Поднепровья с жителями лесных массивов, расположенных дальше по направлению к верховьям Северского Донца и Дона. Исследователи отмечают, что влияние милоградской культуры из «лесостепного Правобережья распространилось довольно далеко на север и северо-восток, достигнув самых глубин лесной зоны» (имеется в виду распространение вещей особого ажурного стиля, выработанного милоградскими мастерами в Среднем Поднепровье: Рассадин 2005: 20, лев.). Возможным путём проникновения из Прикарпатья могла быть какая-то коммуникационная трасса вдоль линии «карпатские перевалы — киевское Поднепровье — Днепр/Сож/Десна — Ока» при посредстве носителей милоградской культуры: например, по линии древнего Кучманского шляха до верховьев Южного Буга и оттуда по водоразделу Ирпени и Роси к Киеву, а оттуда водным путём. К тому же нельзя не учитывать и того, что из Кельтики точно происходил только начальный импульс, а затем эти связи могли разорваться, и источники поступлений браслетов стали местными восточноевропейскими. При этом весьма вероятно, что столь избирательное проникновение браслетов в глубинные территории лесной зоны (верховья Днепра и бассейн Оки), а также их копирование местными литейщиками связаны с их особой функцией в местной среде: скорее всего, они выступали как вид импорта туда цветного металла (бронзы и серебра) в обмен на или даже в оплату (в форме примитивных денег) за какие-то продукты лесного хозяйства — пушнину (Шмидт 1992: 75; Егорейченко 2006: 46. Кренке 2011: 159 — ср. 141, 143, 145, 156 — отмечает рост промысла бобра начиная с I—II вв. н. э.), бобровую струю, мёд.

Находки костей пушных зверей

Об особой роли, которую играла охота на пушного зверя, в частности бобра, у жителей лесной зоны, свидетельствуют археологические исследования: на части раскопанных селищ доля костей бобра составляет более 1/5 части (а на некоторых более 40%! — Материалы с Максимковского селища на Клязьме: Кренке 2011: 156) всех находок костей, включая домашних животных, доля куницы — 1/6, а доля всех пушных — почти 1/4 (при том, что охотник часто приносит с собой только шкуру животного) (Шадыра 2006: 33, табл. А, 36, табл. Е; Шадыро 1985: 93, табл. 8, 96, табл. 9, 95 (для днепродвинской культуры в Подвинье); Егорейченко 2006: 46—48, 47, табл. 4, 101, 102, табл. Х (для культуры штрихованной керамики); Шмидт 1992: 63, табл. Б, 71, табл. Г, 72—74 (для днепродвинской культуры верхнего Днепра, в т. ч. куница); Кренке 2011: 159, диагр. 1; Лошенков 2011: 309—310 (в том том числе соболь)). Кроме того, археологами зафиксированы многочисленные находки особых наконечников стрел, предназначенных специально для охоты на пушного зверя (при том, что значительная часть добывалась ловушками, от которых ничего не сохраняется), а также особые ножи — т. н. «бритвы» (преимущественно римского времени), которые могли использоваться и для обработки шкур (Шадыро 1985: 96; Шмидт 1992: 75—76; Егорейченко 2006: 84—85, 187, табл. 56: 1—5).

Впрочем, часть специалистов скептически относятся к такой прямолинейной интерпретации находок костей и, опираясь на статистически репрезентативный материал, обработанный матметодами, подвергают сомнению сам факт существования массового пушного промысла в то время (см. например: Вязов, Асылгараева, Гисматулин 2021: 128—138). Не имея возможности в деталях проанализировать сейчас аргументацию этой точки зрения, отмечу лишь, что в данной публикации я предлагаю не более чем черновую модель развития пушного промысла в VI в. до н. э.— VI в. н. э., а применимость её к материалу ещё требует проверки, да и ей самой потребуется корректировка, даже если адекватность её будет признана коллегами.

Гривна и браслеты

В. С. Кулешов выдвинул гипотезу, что, возможно, к явлению проникновения латенских браслетов восходит обще-праславянское обозначение денег **grivьna*, не имеющее соответствия в балтийских языках, но по лингвистическим показателям являющееся достаточно древним («раннего железного века», по В. С. Кулешову), предшествующим эпо-

хе балто-славянского лингвистического союза (Кулешов 2012: 165—168, 171). Если гипотеза В. С. Кулешова о происхождении слова «гривна» верна, то возникает возможность привязать область распространения раннего праславянского языка/диалекта к зоне импорта латенских браслетов в IV в. до н. э. в лесную зону Восточной Европы (Дробушевский 2002: 62 карта, — см. рис 2 выше). Однако, очевидно, что эта привязка не обязательно должна быть прямой (которую, судя по всему, предпочитает В. С. Кулешов — Кулешов 2012: 166—167): праславяне не обязательно должны были непосредственно занимать или присутствовать именно на этой территории, очерченной с запада условной линией Гомель–Смоленск. Действительно, праславяне могли заимствовать в свой язык и в свою картину мира образ кольца-браслета как формы примитивных денег или товаро-денег (Потин 1993: 108—111) из языка и картины мира соседей, с которыми у них были интенсивные связи на каком-то последующем этапе. Появление термина «гривна», по Кулешову, должно было произойти до вторичного схождения праславянского и прабалтского (т. к. отсутствуют соответствующие балтские параллели). Следовательно, если принимать гипотезу В. С. Кулешова, то при реконструкции праистории славян следует учитывать, что территория праславян в какой-то момент в промежутке между V в. до н. э. и началом активных контактов между прабалтами и праславянами (т. е., возможно, началом распространения глазчатых фибул), должна была смыкаться с или хотя бы частично перекрывать территорию, очерченную с запада линией Гомель–Смоленск. — Впрочем, нельзя не высказать некоторые сомнения по поводу гипотезы Кулешова. Во-первых, различные одновитковые браслеты с разнообразными насечками были распространены и производились ещё с бронзового века на достаточно широкой территории, в том числе и в лесной зоне, например в той же культуре штрихованной керамики (находки на Большом Наркунайском городище — Егорейченко 2006: 40—41). Во-вторых, кроме импортных латенских браслетов были распространены и браслеты других типов, в том числе местных, например в той же милоградской культуре, с территории которой они, судя по всему, проникали на территорию не только днепро-двинской культуры, но и культуры штрихованной керамики (Лошенков 2011: 206). Учитывая крайнюю заинтересованность населения лесной зоны в импорте меди и бронзы, можно предположить, что функцию примитивных денег такого рода «гривны» могли получить у населения лесной зоны задолго до начала волны латенского импорта. С другой стороны, очевидно, что столь активное воздействие экономически более развитой латенской культуры не могло не спровоцировать усиления обмена и трансрегиональной торговли, в частности мехами, которая и ранее существовала в этом регионе, как минимум с кон. VI в. (сведения Геродота о добыче пушнины будинами).

Спад третьего века

В перв. трети III в. прекращается импорт латенских и скифских вещей, видимо, из-за (Ерёменко 1989: 88) ослабления власти скифов и падения благосостояния скифской верхушки по причине катастрофического для скифов вторжения (или вторжений) «сарматов» — скорее всего, сираков и мэотов, — около 280 г. (см. выше). Кельты же в скором времени теряют былой пыл и после серии поражений (закончившейся разгромом при Теламоне в 225 г.) к кон. III в. до н. э. переходят от военной экспансии к среднеевропейской консолидации. Спрос на дорогие меха, возможно, и упал, но главное — проверенный канал их доставки через Галицию и Подолию после сарматского погрома лишился «крышевания» местной элитой: Скифия превратилась в своего рода Дикое поле, где хозяйничали военные отряды сираков, мэотов, скиров, галатов, бастарнов и роксолан, а какая-то более или менее стабильная власть сохранялась лишь по периферии: внутри стен греческих городов (при том, что поселения их хоры либо погибли, либо сильно сократились), на нижнеднепровских городищах и в Таврике (позднекскифское царство), на Днестре (тираспольская группа скифов). Примерные границы зоны, осваиваемой новыми хозяевами степей, можно увидеть на карте распространения т. н. ритуальных депозитов или кладов III—I вв. до н. э. (рис. 5) (Симоненко 2018: 42, рис. 7: 1; 2021: 43, рис. 12): видно, что на территорию лесостепи они не попадают. К этому же примерно времени относится и продвижение с запада на земли милоградцев в западном Полесье и на Волыни носителей поморской культуры из Повисленья. Для последующего времени (уже с начала III в.) датированные комплексы милоградской культуры практически не известны, что может свидетельствовать как о прекращении самой культуры (Ерёменко 1989: 89—90; Дробушевский 2016: 79—80),

Рис. 5. Ритуальные депозиты III—I вв. до н.э. по (Симоненко 2018: рис. 7). I — «клады» в Восточной Европе; II — ареал скифских памятников III—II в. до н.э. Ареал распространения этих депозитов или «кладов» не выходит за пределы собственно степной зоны, что означает, что возможно после гибели Великой Скифии «сарматы» (меоты, сираки, роксоланы, аланы, и другие) на протяжении почти трёх веков мало интересовались лесостепной и лесной зонами.

Fig. 5. Ritual deposits of 3rd—1st centuries BC (after Симоненко 2018: рис. 7). I — "hoards" in Eastern Europe; II — area of Scythian sites of 3rd—2nd centuries BC. The distribution area of these deposits or "treasures" does not go beyond the real steppe zone, which means that after the end of Great Scythia, the "Sarmatians" (Meots, Syraks, Roxolans, Alans, and others) for almost three centuries had little interest in the forest-steppe and forest zones.

так и о полной изоляции от внешнего мира её сохранявшихся осколков (Рассадин 2005: 38; см. критику: Дробушевский 2016: 70—80). Всё это не могло не привести к распаду прежней системы межрегиональных связей. В этих условиях пушная торговля с Подунавьем вряд ли могла существовать.

Проникновение и роль бастарнов (LT-C_{1a}–C_2)

Возникшая в результате гибели Великой Скифии пустота притягивала к себе. Около 230 г. до н.э. в Юго-Восточной Европе появляется новый многочисленный народ бастарны, продвинувшийся с северо-запада: по данным археологии они, возможно, происходили из Ютландии, Борнхольма и Нижней Германии, откуда распространились т.н. гривны-короны (Щукин 1994: 115; Воротинская 2011: 199—207) (см.: рис. 6), очажные подставки особой формы и поясные застёжки в форме крючков в Нижнем Подесенье и Полесье, а также специфические формы керамики на территории от Полесья до Карпат (Щукин 1994: 102, 115, 130—131, рис. 42, 44). Это движение происходило на последней волне кельтской экспансии, скорее всего, накануне эпохального поражения кельтов в битве при Теламоне в Этрурии в 225 г. до н.э., но уже скорее всего после плохо датированного (между 241 и 227 гг.) поражения малоазийских галатов в битве при Каике, нанесённого им Атталом I Пергамским.

Вскоре после этих событий в истории кельтов наступает (с начала II в. до н.э.) перелом: период военной экспансии сменяется, по периодизации Яна Филипа, периодом «средне-

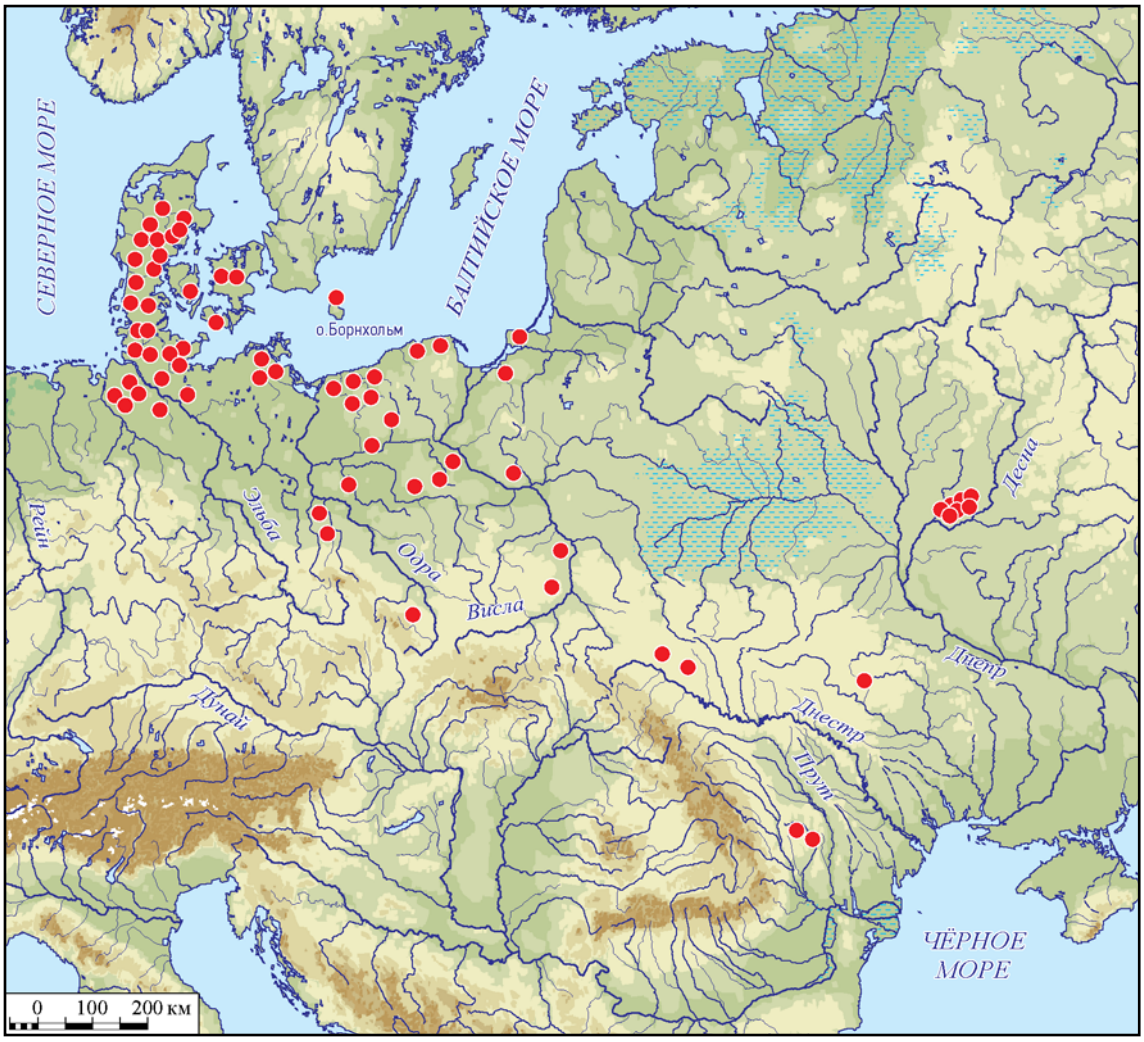

Рис. 6. Распространение гривен-корон по (Щукин 1994: рис. 46). Гривны-короны, распространяясь из Повисленья в Галицию и Подолию, проникают в лесную зону исключительно на Десне.

Fig. 6. Distribution of crown-torcs (after Щукин 1994: рис. 46). Crown-torcs, spreading from Vistula region to Galizia and Podolia, penetrate into the forest zone exclusively on the Desna-river.

европейской консолидации» (LT-C_2 ≈ втор. — третья четв. II в., с учётом современной хронологии). Новый период характеризуется бурным развитием экономики и урбанизацией, а также усилением торговли, в том числе и с землями на северо-восток от Кельтики, то есть на границе с Восточной Европой, в частности — торговлей балтийским янтарём через носителей складывавшейся к концу этого периода (на этапе LT-C1b ≈ рубеж III—II вв. до н. э.) пшеворской культуры, бывшей соседкой бастарнов (Щукин 1994: 106, пр., 107, лев.). Соответственно, процесс начинавшегося изменения кельтского мира в сторону большего развития торгово-экономической сферы в ущерб военно-героической мог затронуть и бастарнов, оказавшихся на крайней восточной окраине кельтской цивилизации.

После трёх масштабных грабительских походов на Балканы (179, 175 и 168 гг.) (Щукин 1994: 116—117) бастарны переходят к хозяйственному освоению территорий к востоку от Карпат, что приводит к возникновению поянешты-лукашёвской культуры в Молдове и зарубинецкой в Среднем и Верхнем Поднепровье с правобережьем Припятского Полесья. Наиболее ранние зарубинецкие поселения датированы находками греческих амфор (Кос, Парос, Родос) с клеймами производителей 30-х–20-х гг. III в. и фибулами фазы LT-C_{1b} ≈ кон. III — перв. четв. II в. до н. э. (Русанова, Максимов 1993: 21, карта 8, 34, 229, табл. X; 93, 249, табл. XXX). Были ли выходцы из зоны ясторфской культуры основными создателями зарубинецкой культуры (В. Е. Ерёменко и отчасти С. П. Пачкова), или

лишь соучастниками этого процесса (К. В. Каспарова, Е. В. Максимов), или практически не оказали воздействия на её генезис (Дробушевский 2017), — не столь важно для рассматриваемого вопроса о западном импульсе: в любом случае очевидно, что основной культурный импульс шёл из зоны латенизированной периферии Кельтики. Источником таких латенизированных воздействий могла быть не обязательно только северная «германская» (ясторфская или поморско-подклёшевая) латенизированная окраина кельтского мира, но и непосредственно восточная часть Кельтики — территория украинского Закарпатья и восточной Трансильвании, а также латенизированные гето-дакийские территории Нижнего Подунавья (Дробушевский 2017: 20, 21). При этом роль первичных переносчиков «вируса латенизации» из Подунавья, скорее всего, должны были сыграть те же бастарны, возвращавшиеся из своих набегов на Балканы в 179, 175 и 168 гг. и распространившие, по гипотезе Каспаровой, в складывавшейся зарубинецкой культуре новую моду на особый тип фибул, заимствованных ими в Иллирии.

Для лесной зоны огромное значение имеет проникновение латенизированного зарубинецкого населения (т. е. условно говоря германо-кельтских бастарнов или близкого им населения) уже на ранней фазе этой культуры (II — сер. I в. до н. э.) глубоко в лес Восточной Европы — в днепровское и туровское Полесье, что не могло не повлиять на жизнь аборигенного населения как этой, так и более удалённых областей. Так, в частности, установлено сильное влияние уже в это время (II—I вв.) на аборигенные культуры — на днепродвинскую и юхновскую (процесс «зарубинизации») в результате проникновения на их территорию зарубинецкого населения. Это приводит к возникновению там нового вида культурных групп («среднетушемлинской» в верхнем Посожье и «типа верхнего слоя Полужья» на Брянщине) и одновременно к прекращению функционирования большей части укреплённых поселений аборигенного населения (Дробушевский 2011: 80—81). Зарубинцы внедряются далеко в лес, но что их туда манит, остаётся до конца не ясным. Давление зарубинцев с юга на южную окраину лесной зоны приводит к тому, что нарушается многовековое отчуждение культуры штриховой керамики от соседей юга, то есть от милоградской культуры. Начинаются прямые контакты продвигающейся на север милоградской культуры с культурой поздней штрихованной керамики, что А. А. Егорейченко объяснял давлением зарубинцев на милоградцев (Егорейченко 2006: 53).

Определённую специфику зарубинецкому влиянию на лесную зону могло придать предполагаемое (Ерёменко, Щукин 1992: 108, 112; Щукин 1994: 150—151) участие какой-то части зарубинецкого населения в движении кимвров и тевтонов в 120—113 гг. и до 100 г. Основанием для этого служит не только, впрочем весьма скудные, данные археологии, но и отождествление некоторыми древними авторами (Plut. Mar. 11; Strab. VII 2,2 p. 293 ed. Casaub., Helbling 1898: 20, 21) вслед за их источником Посидонием Апамейским (в его утерянном историческом сочинении, написанном между 70 и 65 гг. — Gigon 1965: 2420; примерно до 60 г. по Reinhardt 1953: 631) кимвров не только с киммерийцами, но и с «кельтоскифами» — конечно не реальным народом, а греческим обозначением какой-то группы населения на стыке Кельтики и Скифии. Впрочем, вероятность активного участия зарубинцев в движении кимвров не велика. Как и того, что отряды кимвров могли на своём пути от места столкновения с бойями (в Чешской Силезии?) до соприкосновения со скордисками пройти мимо мест расселения бастарнов, для чего им понадобилось бы огибать Карпаты с востока по какой-то не известной нам причине, — из-за страха перед бойями? Впрочем в Закарпатье латенские поселения существуют до времени походов Буребисты около 60 г. до н. э., а не гибнут на рубеже LT-C_2/D_1 ≈ кон. II в. (Бидзиля, Щукин 1993: 79, рис. 3, 81 пр., 82—83), что было бы вряд ли возможным, если бы кимвры с тевтонами прошли через их территорию, учитывая враждебность бойев, которым эта территория, скорее всего, и была подчинена. Далее на запад от Богемии по северной границе латенского мира примерно по линии Гарц–Таунус–Арденны тянется цепочка из кельтских оппидов среднего размера (в пределах 25—115 га), бывшая, возможно своеобразным лимесом на севере Кельтики, сформировавшемся ещё в гальштаттское время (Fichtl, Pierrevelcin 2008). Получается, что кимвры, возможно, действительно вынуждены были, огибая цепочку оппидов, и из-за страха перед бойями двигаться всё дальше на восток и переходить Карпаты в Буковине (вдоль р. Быстрица мимо Кымпылунга) или даже в Молдове (пер. Ойтуз, где позже будет проходить римская дорога через *Angustia*), повторяя движение бастарнов, прошедших там пол века ранее. В пользу такого маршрута кимвров говорит и то, что

после неудачи с бойями в своём движении на запад кимвры вышли сначала к землям скордисков (Strab. VII 2,1 p. 293 ed. Casaub.), которые, казалось бы лежали далёко на юге. В результате скордиски в 119/118 гг. вместе с медами и бессами начали вторжения в Македонию (Bredow 2002: 481; Fluß 1921: 833—834), что указывает на вовлечённость скордисков в план действий кимвров и на раздел с ними сфер влияния. Итак, кимвры, скорее всего, в своём движении не могли пройти мимо земель бастарнов, что должно было вовлечь бастарнов, как и многие другие народы, в это общее движение варваров, тем более что действия скордисков были направлены в знакомую бастарнам зону. Тогда мы можем предполагать, что интересы бастарнов на Балканах вряд ли должны были сильно пострадать в результате кимврского нашествия. Тем не менее, археологические факты скорее свидетельствуют об обратном: начиная с этого времени зарубинецкая культура входит в почти вековой период изоляции от Центральной Европы (в ней отсутствуют вещи фазы LT-D_1), закончившейся только с началом следующей фазы (LT-D_2 и Rz-A_1) импортами из региона Верхнего Подунавья через Словакию и Верхнее Поднестровье (Щукин 1994: 195—196). Эти «загадочные» импорты М. Б. Щукин думал объяснить попытками торговцев янтарём найти на востоке новые ресурсные возможности (залежи, обходной путь в Прибалтику). Однако, на мой взгляд, их загадочность уменьшается, если по аналогии с латенскими рубчатыми браслетами воспринимать эти находки как свидетельства возобновления импорта пушнины в Центральную Европу. Действительно, становление в Богемии такого нового политического центра как держава Маробода не могло не привести к росту потребности в импорте туда престижных товаров, в том числе и импорту пушнины, всегда ценимой германцами. Отсутствие же таких связей (допустим, с окружением Ариовиста) в предшествующий период LT-D_1 (≈ 120—60 гг. до н. э.) разумнее объяснить последствиями кимврского продвижения и блокадой или враждебностью по отношению к римлянам и их союзникам со стороны гето-скифо-бастарно-греческой коалиции (Bredow 1998: 1026) времени Митридата Евпатора (120—63) и Буребисты (убит в 44 г.).

Скорее всего, причиной движения бастарнов вдоль Карпат на юго-восток и затем на Балканы был, кроме тех или иных факторов их внутренней жизни, фактор влияния средиземноморского мира вдоль древней коммуникационной оси Висла / Западный Буг — Днестр/Южный Буг. Продвижение же зарубинцев в глубины лесного мира в Полесье этими факторами вряд ли можно объяснить, т. к. оно было направлено практически в противоположном направлении. Что являлось притягательной силой этого движения? Очевидно, что это были представления о каких-то богатствах этих лесных территорий. Вряд ли это было плодородие почв: земли вдоль Березины и Днепра от Бобруйска до устья Сожа и вдоль Десны на Черниговщине вряд ли выигрывают в этом отношении по сравнению с украинским Поднепровьем. Скорее, это могли быть представления о тамошних промысловых угодьях, сохранявшиеся со скифско-милоградских времён вдоль коммуникаций, связывавших Верхнее Поднепровье с Кельтикой. С этими путями бастарны познакомились после того, как выдвинулись из Средней Европы к восточным Карпатам и совершили оттуда походы на Балканы. Вполне возможно, бастарны и поставили под свой контроль эти трансрегиональные коммуникации, оказавшиеся «бесхозными» после гибели Великой Скифии в кон. IV — нач. III в. Сарматы, двигаясь с востока и осуществляя лишь периодические набеги через Днепр, вряд ли успели сделать это до прихода бастарнов, т. к. территория к западу от Днепра долгое время представляла собой, как считает большинство исследователей, своего рода Дикое поле вне контроля какой-либо политической силы. В рамках такой модели трудно представить, что бастарны не попытались бы использовать выгоду от контроля за путями, использовавшимися до этого для экспорта перспективного товара. Это хорошо объясняет распространение ранних зарубинецких памятников на севере — на Днепре и Березине, на Десне и Сейме — в местах с богатыми промысловыми угодьями. Большое значение пушного промысла во вцелом скотоводческом хозяйстве зарубинцев признано исследователями (Русанова, Максимов 1993: 32 лев.). И учитывая близость зарубинецкой и лукашовской культур, а также мнение многих исследователей об отождествлении их носителей с бастарнами, гипотеза о функционировании «бастарнского» пушного пути не выглядит фантастической. Не исключено, что конечным пунктом его были политические центры Среднего Подунавья как до нашествия кимвров (бойи, норики, скордиски), так и после митридатовско-буребистской паузы, когда вновь восстановились связи с западом — с Нориком и с царством Маробода (8 г. до н. э. — 18 г. н. э.).

Балтийские венеды

Гибель дунайской Кельтики под ударами свевов и гетов (в 80-х—60-х гг.), возможно, привела к переориентации торговых связей с суши на море. Выгодополучателями тут должны были оказаться те, кто контролировал периферийные зоны: прибрежную атлантическую до Балтики и причерноморскую до Танаиса. На западе армориканские венеты осуществляли торговые поездки из Галлии не только в Британию и до устьев Рейна (Caes. Gall. III 8—9), но и, как показывает внимательный анализ источников, по крайней мере на 63 г. до н. э. далее на восток вдоль побережья — скорее всего и вдоль южного берега Балтики до янтарного берега (Nep. apud Mela III 5, 45 et Plin. nat. II 170 — анализ источника см: Шувалов 2015). Но в 56 г. до н. э. венеты были разгромлены Цезарем, их сенат и океанский флот погибли (Caes. Gall. III 16), и их морскому владычеству должен был прийти конец: показателем степени катастрофы является тот факт, что во время высадки Цезаря в Британии ему, судя по всему, не у кого было получить достоверную информацию о местах, удобных для высадки (Caes. Gall. IV 20—21), и пришлось высаживаться наугад, видимо не найдя хороших лоцманов (Caes. Gall. IV 23—24). После этого морской путь на восток от устья Рейна оказывается свободен от венетского контроля из Арморики. И тут на юго-востоке Балтики сначала появляются «бель<г>и» (*Belcae* — Mela III 36. 57 — Шувалов 2017: 88—89, 244, рис. 5) — возможно как обобщающий термин (включая, в отличие от Цезаря, жителей Арморики, в т. ч. тех же венетов — Strab. IV 3,1; 4,1. 3 p. 192. 194. 196 Casaub.): место венетов, как организаторов мог занять кто-то другой из бельгов. А затем, или возможно и тогда же (из-за отсутствия хороших письменных источников мы не знаем деталей) на юге Балтики появляются венеты, как видимо, своего рода забытая фактория некогда могущественных армориканских венетов (Шувалов 2015). По Птолемею венеды — один из пяти главных народов между Балтикой и Чёрным морем и единственный большой народ на балтийском побережье, носящем их имя (Шувалов 2013). Они соседят со скирами и Вислой по Плинию, что возможно указывает на их продвижение внутрь континента. В новых условиях балтийские венеты становятся независимым звеном в трансрегиональном перераспределении материальных ресурсов: они так же, как и бастарны (певкины у Тацита), «ради грабежа рыщут по лесам и горам» (*nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur latrociniis pererrant* — Tac. Germ. 46, перевод: Бобович 1993: 372). Что может быть целью этих грабительских набегов (*latrocinium* ‘разбой, бандитское нападение, грабёж’) на леса и горы? Под «горами» вряд ли скрываются далёкие Карпаты, а скорее лесистые холмы Восточной Пруссии, Прибалтики, Белоруссии и Смоленщины «между бастарнами и саамами» (*inter Peucinos Fennosque*), о которых Тацит конечно же имел весьма смутное представление. Скорее всего, он применил тут обычный риторический троп «леса и горы» (*silvae ac montes*), т. к. для жителя Средиземноморья лес, как правило, располагается на горе или холме). Если исключить фактор межплеменной вражды с охотой «за головами» и славой, то целью таких *latrocinia* должна быть добыча: рабы и продукты лесного хозяйства, которые могли быть обменены на полезные товары (отсюда, кстати, и осведомлённость информантов Тацита!). В то же время Янтарный берег оказывается в руках загадочных (их сопоставляли и с оссиями Птолемея, и с осисмиями/остимиями Арморики) до того не известных эстиев, которые как-то делят его с венедами (по Птолемею). При этом венеды контролируют то (сначала?) весь регион, включая и само побережье Венедского залива, и, видимо, Венедские горы внутри территории (Ptol. geogr. III 5 — Шувалов 2013), то (затем?) лишь внутренние обширные территории, соседя там с певкинами-бастарнами, феннами-саами, сарматами, скирами, гиррами, Вислой, горами и лесами (Tac. Germ. 45; Plin. IV 97; cf. tab. Peut. VII 1. 4 — Подосинов 2002: 322—328). При этом при контактах с жителями побережья торговцы янтарём используют британский язык («а язык их ближе к британскому» — Tac. ibid.), что указывает на западных информаторов Тацита (о привычке жителей внутренней Британии одеваться в меха: *pellibusque sunt vestiti* — Caes. Gall. V 14,2): либо источники Тацита были достаточно старыми, либо западные торговые связи оставались активными и после возобновления сухопутного Янтарного пути при Нероне (см. например, ориентированное с очевидностью на запад описание Балтики Птолемеем — Шувалов 2013).

Переселившиеся на рубеже н. э. (не позже 6 г. н. э.) на юг Балтики готы перенесли имя своих соседей венетов (**winiđos*) на население восточноевропейских лесов, среди которого были и носители праславянского. После восстановления при Нероне конкурентного древнего континентального Янтарного

пути через Дунай, несомненно произойдёт некоторое ослабление влияния в этом регионе морских торговцев с запада. Возможно поэтому произойдёт полный отрыв «венетов» от Балтики, или же они просто были вытеснены с берегов эстиями и готами. Возможно также, что первоначальная база арморикан-ских венетов на Балтике погибла, сами они исчезли, а осталось только имя, закрепившееся за их контрагентами и жертвами их экспансии в лесу. Так или иначе с сер. II в. восточноевропейские венеты/венеды постепенно исчезают из поля зрения античных авторов, сохраняясь дольше в географических сочинениях (Птолемей и Певтингерова карта), если не считать конъектуры К. Мюлленхофа к Веронскому латеркулу (lat. Ver. 13,37). Контроль за лесом и живущими в нём «винидами» постепенно переходит к готам, в контакте с которыми и сформируется раннее славянство. При этом лесная зона становится всё более проницаемой как и для средиземноморских, так и региональных импортов: фибул, амфор, монет, эмалей.

Эти процессы перестройки международных торговых связей, видимо, сказались и на ситуации в самой лесной зоне, находившейся под давлением с запада из Восточной Пруссии и с юго-востока со стороны роксолан. К кон. I тыс. до н. э. происходит унификация материальной культуры между регионами восточной Литвы и средней Белоруссии (Егорейченко 1996: 67). Во втор. пол. I в. до н. э. штриховики заняли верхний и средний бассейны Березины и прилегающее Полесье (материалы с городищ Ивань, Петровичи, Мысли — Рассадин 2005: 22). В результате этого проникновения с запада милоградское население в средней Белоруссии было окончательно ассимилировано (Егорейченко 1996: 68). При этом бывшая территория милоградской культуры была разделена между новыми хозяевами: штриховиками с северо-запада и зарубинцами с юга примерно по линии среднего течения левых притоков Припяти (Егорейченко 1996: 73). При этом, вдоль линии соприкосновения с зарубинцами как на городищах штриховиков, так и на городищах днепро-двинской культуры в верховьях Днепра происходит строительство новых городищ и реконструкция старых с переходом на многорядную систему укреплений. В результате в лесной зоне устанавливается новый баланс сил, который будет нарушен лишь во второй четв. I тыс. с проникновением носителей киевской культуры (Егорейченко 1996: 74). Фактически лесные угодья были разделены на две сферы влияния: западную зону, тяготевшую к балтийскому побережью, и юго-восточную, тяготевшую к сарматской степи. Распространение глазчатых фибул и эмалей отражает этапы этого освоения лесной зоны. Дальнейшие события (сарматский удар по зарубинецкой культуре, продвижение алан, язигов и роксолан, дакийские войны Траяна, переселение готов) мало что изменят в этой картине. Передвижения в лесу во II—III вв. вполне укладываются в ту же модель борьбы за контроль над лесными угодьями под давлением более южных соседей (поздне-зарубинецкие группы и, затем, киевская культура), зависимых от тех, кто контролирует степные коммуникации (роксоланы, аланы и, затем, готы), или более западных соседей, имеющих выходы к устью Вислы.

Гуннская мода, балты и Кассиодор

Романизация Кельтики и Британии, а также распространение престижа римского образа жизни среди германской знати должны были привести к падению спроса на меха и к снижению давления на лесную зону. Однако в кон. IV в. вместе со всеми новшествами начавшейся эпохи Великого переселения народов ситуация с мехами кардинально меняется. Аммиан Марцеллин в начале V в. сообщает о гуннской одежде из льна или сшитой из шкур лесных «мышей» (*indumentis operiuntur linteis vel ex pellibus silvestrium murum consarcinatis* — Amm. XXXI 2,5). Количество упоминаний мехов в латинских текстах с V в. резко возрастает, а также в латинском языке в дополнение к существующим словам (*pellis*, *pellitus*, *scorteus*, *scortea*) возникает масса новых до того не засвидетельствованных слов со значением ‘сделанный из меха’,’мех’,’одетый в мех’ (*pellicius*, *pellicium*, *pellura*, *pelliris*, *pelleus*, *pellinus*, *pelleatus*) и со значением ‘бобровый’, ‘бобровый мех’, ‘одетый в бобровый мех’, ‘выдровый’ (*bebrinus*, *fibrinum*, *castorinatus*, *castoreatus*, *castorius*, *lutrinus*). Такой взрыв терминологии не может быть случаен: ясно, что общество стало испытывать потребность в новых словах для обозначения незначительных или неизвестных до тех пор реалий, их качеств и оттенков. При этом аналогичного явления совершенно не наблюдается в греческом (подробнее см.: Шувалов 2004: 75—76, 103—104). Видимо, распространение моды на меха происходило, в первую очередь, на латинском Западе и в романизированной полуварварской военной среде. Скорее всего, под влиянием гуннской и готской знати среди эпатажной

римской молодёжи распространяются новые варварские нравы, и в моду вместе с популярностью варварских брюк и сапог стремительно входит мех. Власть начинает нервничать, видимо, воспринимая варварскую одежду как выражение каких-то оппозиционных (?) настроений, и пытается с этим законодательно бороться. Так, через полгода после триумфа над Атталом (в июне 416) и через полтора после гибели Атаульфа, покровительствовавшего Атталу, 12 декабря 416 г. Гонорий издал закон о запрете под угрозой наказания в Риме и пригородах моды (*hunc habitum usurpare*) носить длинные волосы и одежду из шкур (*maiores crines, indumenta pellium* — CTh XIV 10,4). Этот закон помещён в кодексе Феодосия сразу после двух законов 397 и 399 гг. (CTh 14,10,2. 3), запрещающих ношение в Риме брюк и особых парфянских сапогов (*usum tzangarum adque bracarum*), что указывает на, скорее всего, общую для всех трёх законов цель — борьбу с распространением моды на варварскую одежду в эти непростые времена. Очевидно, что рост спроса должен был вызвать у поставщиков товаров новую волну интереса к лесной зоне. Но решающим фактором перестройки всей системы становится центр державы Аттилы, на который должны были переориентироваться практически все импортные связи. В 449/450 г. Аттила одаривает пришедших к нему римских послов Анатолия и Нома «конями и звериными шкурами, которыми украшают себя царские скифы» (δωρησάμενος δὲ καὶ ἵππους αὐτοῖς καὶ θηρίων δοράς, αἷς οἱ βασίλειοι κοσμοῦνται Σκύθαι — Prisc. exc. 14,4 pag. 55 ed. Carolla), что безусловно указывает на чрезвычайную престижность дорогих мехов, как минимум в глазах гуннов, а возможно уже и в представлении римского политического истеблишмента. После же падения власти гуннов, центральное место в европейском барбарике занимают королевские дворы гепидов, герулов и лангобардов, которые, скорее всего унаследовали это престижную норму. Затем их сменяют авары в 568 г. Очевидно, что и гуннская элита, и среднедунайская постгуннская, так же как и аварская, испытывая потребность в поступлении новых партий пушнины, должны были способствовать организации её импорта и промысла.

Во 2-й трети V — 1-й четверти VI в., по наблюдениям исследователей (Ахмедов, Казанский 2004, Михайлова 2018) происходит проникновение в лес немногочисленных, очень хорошо вооружённых, но более высоко социально организованных групп. На некоторых направлениях этой экспансии в качестве организующей силы, в частности в зоне формирования культуры псковских длинных курганов, видимо выступают какие-то балты (Михайлова 2018), возможно, обладающие остаточным опытом предшествующего времени по контакту с «лесными людьми». Но импульс в виде заказа и спроса на товары лесного промысла исходил, скорее всего, из Среднего Подунавья. Кстати, примерно к этому же времени относятся и многочисленные находки золотых монет как на южном балтийском берегу, так и на островах, что лишний раз указывает на использование старой трассы Янтарного пути не только для торговли янтарём. По мнению этих исследователей, это продвижение на северо-восток повлияло на сложение культуры псковских длинных курганов (рис. 7) и выразилось в серии комплексов, имеющих балто-славянский характер (Kazanski 2000: 425, 427, 440—441; Михайлова 2020). На мой взгляд, эта гипотеза хорошо соотносится с данными по раннему отделению пра-псковско-новгородского диалекта от праславянского (Шувалов 2022). С другой стороны существует скептическое мнение о славянском участии в этом продвижении с юго-запада, «поскольку перечисленные... признаки... или вообще отсутствуют (керамика типа Прага-Корчак), или относятся к культуре местного населения (печи-каменки поселения Дедиловичи)» (Лопатин, Фурасьев 2007: 74). Но вне зависимости от признания или непризнания славянского участия, само проникновение с юго-запада является установленным фактом, генератором же этого проникновения на начальных его этапах вполне могли быть поиски добытчиками пушнины новых промысловых угодий или новых путей к ним в обход конкурентов.

О функционировании пушных путей в нач. VI в. прямо пишет Кассиодор (меха от свеев через тюрингов и от хунгуров — Cassiod. apud Iord. Get. 21. 37): меха доставляются в Средиземноморье, скорее всего в первую очередь в Равенну к остготскому двору. Но очевидно, что не меньшими потребителями должны были быть в это время и королевские и княжеские центры других народов: гепидов, герулов, лангобардов, тюрингов, франков, вестготов, бургундов и т. д. Видимо, происходит возрастание спроса и выявляется недостаток предложения. В результате на севере начинается промысловое освоение саамских угодий шведами с помощью суоми и корелы, которые, в свою очередь, видимо обирают саамов (Шувалов 2014). В восточноевропейских же лесах происходит труднообъяснимое продвижение славян с юга на се-

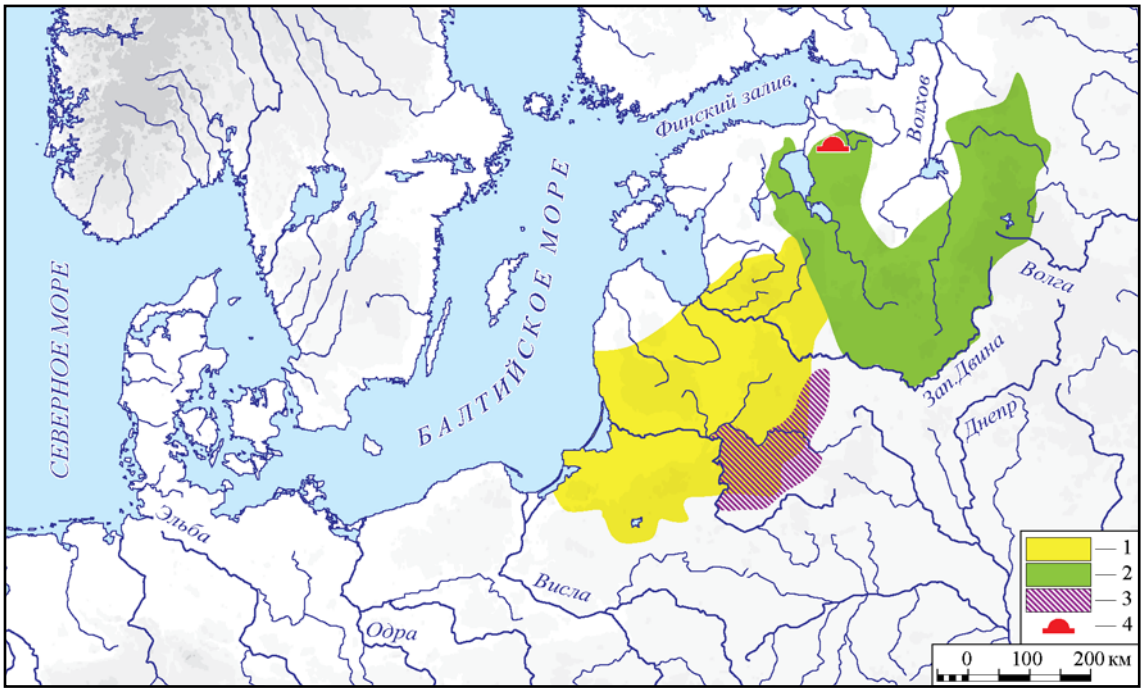

Рис. 7. Территории балтских культур и культуры псковских длинных курганов по (Михайлова 2018: рис. 1). 1 — территория балтских древностей в поздний период эпохи переселения народов; 2 — территория культуры псковских длинных курганов; 3 — территория культуры восточнолитовских курганов; 4 — Доложский погост. Суммарный ареал распространения, как и ареал распространения восточнобалтских курганов собственно псковских длинных курганов вытянуты «языками» от Немана на северо-восток в направлении таёжной зоны.

Fig. 7. The territories of the Baltic cultures and the culture of the Pskov long mounds (after Михайлова 2018: рис. 1). 1 — the territory of the Baltic finds in the late period of Greate Migrations period; 2 — the territory of the culture of the Pskov long mounds; 3 — the territory of the culture of the East Lithuanian barrows; 4 — Dolozhsky Pogost. The total distribution area, as well as the distribution area of the Pskov long mounds themselves, are extended by "tongues" from the Neman to the northeast in the direction of the taiga zone.

вер, возможно при стимуляции со стороны кочевников (гуннов, булгар, авар, тюрок, хазар). При этом местное «балто-славянское» население либо постепенно славянизируется, либо вытесняется.

* * *

Проведённый обзор источников показывает, что предложенная в начале статьи интерпретационная модель не вступает в противоречие с картиной, получаемой по письменным источникам и выстроенной с учётом существующих представлений о развитии лесной зоны по данным археологии. В то же время, мы не рассмотрели тут отдельно остеологический материал, полагаясь лишь на отдельные суждения исследователей того или иного памятника. Соответственно, в дальнейшем требуется соотнести предложенную модель с критическим анализом данных остеологии всего восточноевропейского региона. Кроме того, встаёт вопрос о функционировании в римское время других форм взаимодействия восточноевропейской лесной периферии и Средиземноморья, например: экспорта рабов, мёда, дёгтя и т. п. В любом случае, очевидно, что последствия прямых или опосредованных воздействий средиземноморской цивилизации и среднеевропейского региона на лесную зону имели временами решающее значение для изменения направления и скорости развития Восточной Европы.

Литература

Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Анфертьев А.Н. 1991. Иордан: перевод и комментарий. В: Гиндин Л.А., Литаврин Г.Г. (ред.). *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I (I—VI вв.). Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 98—169.

Археология СССР в скифо-сарматское… 1989: Мелюкова А.И. (отв. ред.) 1989. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР 11. Москва: Наука.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. В: Горюнова В.М., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 168—202.

Бидзиля В.И., Щукин М.Б. 1993. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат. В: Русанова И.П., Сымонович Э, А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* Археология СССР 13. Москва: Наука, 67—84.

Бобович и др. 1993: Бобович А.С., Боровский Я.М., Сергеенко М.Е. (подг.). *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах*. Москва: Ладомир.

Брассер [Brasser T.J.] Т. Дж. К. 1978. Прибрежные алгонкины — народ первых рубежей. В: Аверкиева Ю.П. (пер., ред.). *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 31—65.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии». *ВДИ* (3), 93—103.

Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва: Наука.

Воронятов С.В. 2012. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра. *РА* (1), 69—81.

Воротинская Л.С. 2011. Проблема Kronenhalsringe. В: Мачинский Д.А. (ред.). *Европейская Сарматия: сборник, посвящённый М.Б. Щукину.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 199—207.

Вязов Л.А., Асылгараева Г.Ш., Гисматулин М.Р. 2021. Изучение археозоологической коллекции городища Ашна-Пандо в Среднем Посурье. *Stratum plus* (4), 125—140.

Доватур и др. 1982: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий*. Москва: Наука.

Дольник В.Р. 2007. *Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей.* Санкт-Петербург; Москва: Петроглиф; КДУ; МПСИ.

Дробушевский А.И. 2002. Латенский импорт в Беларуси (ранний период). *ГАЗ* 17, 54—62.

Дробушевский А.И. 2011. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры. *ГАЗ* 26, 76—83.

Дробушевский А.И. 2016. Хронологическое соотношение милоградской и зарубинецкой культур в Гомельском Приднепровье. *Деснинские древности* VIII, 65—83.

Дробушевский А.И. 2017. Зарубинецкая культура и культура Ясторф. В: Родинкова В.Е., Румянцева О.С. (отв. ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур*. РСМ 19. Москва: ИА РАН, 17—34.

Егорейченко А.А. 1996. *Древнейшие городища белорусского Полесья (VII—VI вв. до н.э. — II в.н. э.)*. Минск: б/и.

Егорейченко А.А. 2006. *Культуры штрихованной керамики*. Минск: БГУ.

Ерёменко В.Е. 1989. Археологическая карта милоградской культуры. В: Герд А.С., Лебедев Г.С. (ред.). *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград: ЛГУ, 76—105.

Ерёменко В.Е., Щукин М.Б. 1992. Кимры, тевтоны, кельто-скифы и некоторые проблемы хронологии среднего и позднего Латена. В: Щукин М.Б., Гей О.А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени: по материалам первых Тихановских чтений*. Санкт-Петербург: Ойум, 80—115.

Казанский М.М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.

Казанский М.М. 2016. Оногуры в пост-гуннское время на Дону. *Дивногорский сборник* 6, 96—111.

Казанский М.М. 2017. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.-сост.). *XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения*. Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ; БФ «Деметра», 218—229.

Казанский М.М. 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V — середина VI в.) в восточной Европе. *МАИЭТ* 25, 90—167.

Кренке Н.А. 2011. *Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс.н.э.* Москва: ИА РАН.

Кулешов В.С. 2012. К предыстории древнерусской платежной гривны. *ТГЭ* 61, 151—174.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв.н. э.* РСМ 8. Москва: ИА РАН.

Лошенков М.И. 2011. *Городища милоградской культуры на территории Беларуси.* Минск: Минская фабрика цветной печати.

Маршак Б.И. 2006. Серебро за меха. В: Залесская В.Н. (науч. ред.). *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов*. Санкт-Петербург: ГЭ, 72—82.

Медведев А.М. 2011. *Верхнее Понеманье в раннем железном веке*. Минск: Беларуская навука.

Мельниковская О.Н. 1967. *Племена южной Белоруссии в раннем железном веке*. Москва: Наука.

Мелюкова А.И. 1989. Краткие сведения об истории скифов. В: Мелюкова А.И. (отв. ред.) 1989. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР 11. Москва: Наука, 33—36.

Мелюкова А.И. 1989а. Культура фракийских племён Днестровско-Прутского междуречья в VI—III вв. до н.э. В: Мелюкова А.И. (отв. ред.)/1989. *Степи*

европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР 11. Москва: Наука, 83—87.

Михайлова Е. Р. 2018. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? В: Егорейченко А. А. (ред.) *Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры.* Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорульского Минск, 6—7 декабря 2018 г. Минск: БГУ, 173—184.

Мишин Д. Е. 2002. *Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье*. Москва: ИА РАН; Крафт+.

Нефедова Е. С. 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля». В: Щукин М. Б., Гей О. А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*. Санкт-Петербург: Ойум, 21—34.

Пархоменко В. А. 1938. Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова. *ВДИ* 3 (4), 199—203.

Петренко В. Г. 1989. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы. В: Мелюкова А. И. (отв. ред.) 1989. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР 11. Москва: Наука, 67—80.

Подосинов А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий*. Москва: Индрик.

Потин В. М. 1993. *Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики.* Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

Рассадин С. Е. 2005. *Милоградская культура: ареал, хронология, этнос*. Минск: Институт истории НАН Беларуси.

Русанова И. П., Максимов, Е. В. 1993. Зарубинецкая культура. В: Русанова И. П., Сымонович Э, А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.* Археология СССР 13. Москва: Наука, 19—39.

Североамериканские… 1978: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). 1978. *Североамериканские индейцы* [North American Indians in historical perspective/ed. E. B. Leacock, N. O. Lurie. NY, 1971]. Москва: Прогресс.

Симоненко А. В. 2018. О сарматском завоевании Скифии. *НАВ* 17 (1), 27—49.

Скржинская 1960: Скржинская Е. Ч. (пер., комм.). 1960. *Иордан. О происхождении и деяниях готов. "Getica"*. Москва: Издательство восточной литературы.

Тохтасьев С. Р. 2005. Sauromatae–Sarmatae–Syrmatae. *Херсонесский сборник* 14, 291—306.

Фентон У. Н. 1978. Ирокезы в истории. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.). 1978. *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 109—156.

Хелм Дж., Ликок Э. Б. 1978. Охотничьи племена субарктической Канады. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.).1978. *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 361—397.

Хикерсон Г. 1978. Племя чиппева с севера Великих озёр: очерк социально-политических перемен. В: Аверкиева Ю. П. (пер., ред.).1978. *Североамериканские индейцы*. Москва: Прогресс, 157—192.

Шадыра В. І. 2006. *Беларускае Падзвінне*. Мінск: Інстытут гісторыі Беларусі.

Шадыро В. И. 1985. *Ранний железный век северной Белоруссии*. Минск: Наука и техника.

Шаров и др. 2011: Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 2011. Находки кладов римских монет в районе Копорья. *PAE* 1, 336—360.

Шаров и др. 2015: Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. 2015. Анализ металла кладов римских монет в районе Копорья. *Археологические вести* 21, 148—161.

Шмидт Е. А. 1992. *Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепродвинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.)*. Москва: Прометей.

Шувалов П. В. 2004. Pelles sappherinae и Восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V—VI вв.. В: Мачинский Д. А. (научн. ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. 8-е чтения памяти Анны Мачинской.* Санкт-Петербург: Нестор, 73—108.

Шувалов П. В. 2009. Зачатие Руси: пушные пути Европы и устная традиция. *ТГЭ* 49, 75—88.

Шувалов П. В. 2012. Тюринги, герулы и бубегены (ещё раз о pelles sappherinae). В: Мачинский Д. А. (научн. ред.). *Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога 24—25 декабря 2005*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 175—200.

Шувалов П. В. 2013. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея. *Stratum plus* (4), 75—89.

Шувалов П. В. 2014. Карелы ли кареоты Клавдия Птолемея? В: Мусбахова В. Т. (ред.). *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. По материалам XVII Чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22—23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 21—22 декабря 2013 г.)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 166—189.

Шувалов П. В. 2015. Винды и инды на Балтике. *Stratum plus* (4), 175—182.

Шувалов П. В. 2017. Западные скифы и Скифия в географическом и риторическом пространствах I—VII вв. н. э.: к постановке вопроса об исследовании гео-этнических контекстов (структурированный обзор основных источников). В: Иванчик А., Мордвинцева В. (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.)*. Симферополь, Москва: ИП Зуева Т. В., 79—123, 242—244 (рис. 1—5).

Шувалов П. В. 2022. Менандр, Келагаст и новгородский диалект. В: *Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой*, 15—23 марта 2022 года в Санкт-Петербургском государственном университете. URL: http://hdl.handle.net/11701/36133, 114.

Шувалов и др. 2020: Шувалов П. В., Шульга Д. П., Кудинова М. А. 2020. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I. *Stratum plus* (6), 253—262.

Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.

Blümner H. (Hrsg.). 1893. *Der Maximaltarif des Diocletian*. Berlin: Reimer.

Brass E. 1911. *Aus dem Reiche der Pelze*. Berlin: Verlag der Neuen Pelzwaren-Zeitung.

Braunert H. 1965. Menschenhandel. In: *LAW*, 1915.

Bredow I von. 1998. Getai. In: *DNP*. Bd. 4, 1025—1026.

Bredow I von. 2002. Thrakes, Thrake, Thraci. In: *DNP*. Bd. 12/1, 478—484.

Cleland et al. 2007: Cleland L., Davies G., Llewellyn-Jones L. 2007. *Greek and Roman Dress from A to Z*. London; New York: Routledge.

Delort R. 1993/1999. Pelz. In: *LexMA*. Bd. VI, 1866—1868.

Δημητράκου Δ. 1964. Νεὸν λεξικὸν ὀρθογραφικὸν καὶ ἑρμενευτικὸν. Ἀθῆναι.

Fichtl St., Pierrevelcin G. (editeurs scientifiques) 2008. *Oppida: les premières villes au nord des Alpes*. Projet international sur le thème des oppida celtiques. Strasbourg: Université de Strasbourg — MISHA. URL: http://www.oppida.org (accessed 7.12.2020).

Fluß M. 1921. Scordisci. In: *RE*. Bd. IIA,1 Hbd. 21, 831—835.

Gigon O. 1965. Poseidonios. In: *LAW*, 2420.

Helbling A. 1898. *Der Zug der Cimbern und Teutonen*. Winterthur: Ziegler.

Hennig R. 1930. Der nordeuropäische Pelzhandel in den älteren Perioden der Geschichte. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 23 (1), 1—25.

Hlady W.M. 1961. Indian Migrations in Manitoba and the West. *Transactions of the Manitoba Historical and Scientific Society*. Series 3. 1960—61 Season. Available at: http://www.mhs.mb.ca/docs/transactions/3/indianmigrations.shtml (accessed 7.12.2021)

Hug A. 1914. Reno (rheno). In: *RE*. Bd. IA, Hbd. 1, 599—600.

Kazanski M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des grandes migrations. In: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: wydawnictwo Universytetu Łódźkiego, 406—459.

Kazhdan A. 1991. Furrier. In: *ODByz*, 809.

Lauffer S. (ed.). 1971. *Diokletians Preisedikt*. Berlin: De Gruyter.

Noonan Th.S. 1985. Furs, fur trade. In: *DictMidAges*. Vol. 5, 325—335.

Prayon F. 1998. Etrusci, Etruria. II. Archäologie. In: *DNP*. Bd. 4, 177—188.

Reichstein H. 2002. Pelz und Pelztiere. In: *RGA*. Bd. 22, 547—551.

Reinhardt K. 1953. Poseidonios 3. In: *RE*. Bd. XXII, Hbd. 1, 558—826.

Schneider K. 1937. Pellis. In: *RE*. Bd. XIX, Hbd. 1, 369—373.

Westermann W.L. 1935. Sklawerei. In: *RE*. Supl. VI, 894—1068.

References

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII—IV vekov do n. e. (The Chronography of European Scythia in 7th—4th Centuries BC)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Anfert'ev, A.N. 1991. In Gindin, L.A., Litavrin, G.G. (eds.). *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh. Tom I (I—VI vv.) (Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicam pertinentium. Volumen primum (I—VI saecula))*. Mosquae: Slavic and Balkan Studies Institute; "Vostochnaia Literatura" Publ., 98—169 (in Russian).

Melyukova, A.I. (ed.). 1989. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Akhmedov, I.R., Kazanskii, M.M. 2004. In Goriunova, V.M., Shcheglova, O.A. (eds.). *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Era and in the Early Middle Age)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 168—202 (in Russian).

Bidzilia, V.I., Shchukin, M.B. 1993. In Rusanova, I.P., Symonovich E, A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletiia do n.e. — pervoi polovine I tysiacheletiia n.e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: "Nauka" Publ., 67—84 (in Russian).

Bobovich, A.S., Borovskii, Ya.M., Sergeenko, M.E. (prep.). *Kornelii Tatsit (Cornelius Tacitus)*. Moscow: "Ladomir" Publ. (in Russian).

Brasser, T.J. 1978. In Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). *Severoamerikanskie indeĭtsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 31—65 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A., Marchenko, K.K., Rogov, E. Ya. 1997. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 93—103 (in Russian).

Vinogradov, Yu.G. 1989. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa VII—I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie (Political History of the Olbian Polis in 7th—1st cc. BC: a Historical-Epigraphical Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voroniatov, S.V. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 69—81 (in Russian).

Vorotinskaia, L.S. 2011. In Machinski, D.A. (ed.). *Evropeiskaia Sarmatiia: sbornik, posviashchennyi M.B. Shchukinu (European Sarmatia: a Collection of Papers Dedicated to M.B. Shchukin)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 199—207 (in Russian).

Viazov, L.A., Asylgaraeva, G. Sh., Gismatulin, M.R. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 125—140 (in Russian).

Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982. *Narody nashei strany v «Istorii» Gerodota (Peoples of Our Country in "Histories" by Herodotus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dol'nik, V.R. 2007. *Neposlushnoe ditia biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zverei i detei (Biosphere's Obstinate Child. Talks on the Human Behavior Among Birds, Animals and Children)*. Saint Petersburg; Moscow: "Petroglif" Publ.; "KDU" Publ.; "MPSI" Publ. (in Russian).

Drobushevskii, A.I. 2002. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 17, 54—62 (in Russian).

Drobushevskii, A.I. 2016. In *Desninskie drevnosti (Antiquities of the Desna Region)* VIII, 65—83 (in Russian).

Drobushevskii, A.I. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 17—34 (in Russian).

Drobushevskii, A.I. 2011. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 26, 76—83 (in Russian).

Egoreichenko, A.A. 2006. *Kul'tury shtrikhovannoi keramiki (Cultures with Stroke Ornamented Pottery)*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Egoreichenko A A. 1996. *Drevneishie gorodishcha Belorusskogo Poles'ia (VII—VI vv. do n.e. — II v.n.r.) (The Earliest Hillforts of Belorussian Polesye: 7th—6th Centuries BC — 2nd Century AD)*. Minsk: s. ed. (in Russian).

Eremenko, V.E. 1989. In Gerd, A.S., Lebedev, G.S. (eds.). *Slaviane. Etnogenez i etnicheskaia istoriia (The Slavs: Ethnic Genesis and Ethnic History)*. Leningrad: Leningrad State University, 76—105 (in Russian).

Eremenko, V.E., Shchukin, M.B. 1992. In Shchukin, M.B., Gei, O.A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rim-*

skogo vremeni (Problems of Chronology of La Tène and Roman Period). Saint Petersburg: "Oium" Publ., 80—115 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 17—127 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2016. In *Divnogorskii sbornik: trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» 1: Arkheologiia (Divnogor'e Bulletin: the Papers of the Museum-reservation "Divnogor'e" 1: Archaeology)* 6, 96—111 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2017. In Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds., comp.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti — tovary — otnosheniia (Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Trade: Ways — Ware — Relations)*. Series: XVIII Bosporan Readings. Simferopol; Kerch: Institute of Archaeology of the Crimea, Crimean Federal University; "Demetra" Publ., 218—229 (in Russian).

Kazanskii, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 25, 90—167 (in Russian).

Krenke, N.A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e. (D'iakovo Fortified Settlement: the Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC — 1st Millennium AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kuleshov, V.S. 2012. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 61, 151—174 (in Russian).

Lopatin, N.V., Furas'ev, A.G. 2007. *Severnye rubezhi ranneslavianskogo vira v III—V vekakh n.e. (Northern Frontiers of the Early Slavic World in the 3rd—5th Centuries AD)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Loshenkov, M.I. 2011. *Gorodishcha milogradskoi kul'tury na territorii Belarusi (Hillforts of the Milograd Culture on the Territory of Belarus)*. Minsk: "Minskaia fabrika tsvetnoi pechati" Publ. (in Russian).

Marshak, B.I. 2006. In Zalesskaya, V.N. (ed.). *Vizantiĭskaia ideia. Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov (Byzantine Idea: Byzantium in the Era of Komnenoi and Palaiologoi)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 72—82 (in Russian).

Medvedev, A.M. 2011. *Verkhnee Poneman'e v rannem zheleznom veke (The Upper Neman Basin in the Early Iron Age)*. Minsk: "Belaruskaia navuka" Publ. (in Russian).

Mel'nikovskaia, O.N. 1967. *Plemena Iuzhnoi Belorussii v rannem zheleznom veke (Tribes of Southern Belarus in the Early Iron Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Melyukova, A.I. 1989. In Melyukova, A.I. (ed.). 1989. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 33—36 (in Russian).

Melyukova, A.I. 1989. In Melyukova, A.I. (ed.). 1989. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 83—87 (in Russian).

Mikhailova, E.R. 2018. In Egoreichenko, A.A. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy na territorii Belarusi v I — nachale II tys.n. e. (Ethnic-Cultural Processes on the Territory of Belarus in the I — Early II Millennia AD)*. Minsk: Belorussian State University, 173—184 (in Russian).

Mishin, D.E. 2002. *Sakaliba (slaviane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e (Sakaliba (Slavs) in the Muslim World in the Early Middle Ages)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Kraft+" Publ. (in Russian).

Nefedova, E.S. 1992. In Shchukin, M.B., Gaj, O.A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Problems of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 21—34 (in Russian).

Parkhomenko, V.A. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* 3 (4), 199—203 (in Russian).

Petrenko, V.G. 1989. In Melyukova, A.I. (ed.). 1989. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 67—80 (in Russian).

Podosinov, A.V. 2002. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii. Teksty, perevod, kommentarii (Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition: Texts, Translation, Comments)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Potin, V.M. 1993. *Monety, klady, kollektsii. Ocherki numizmatiki (Coins, Hoards, Collections: Essays on Numismatics)*. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPb." Publ. (in Russian).

Rassadin, S.E. 2005. *Milogradskaia kul'tura: areal, khronologiia, etnos (Milograd Culture: Area, Chronology, Ethnos)*. Minsk: Institute of History. National Academy of Sciences of Belarus (in Russian).

Rusanova, I.P., Maksimov, E.V. 1993. In Rusanova, I.P., Symonovich E, A. (ed.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletiia do n.e. — pervoi polovine I tysiacheletiia n.e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: "Nauka" Publ., 19—39 (in Russian).

Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. *Severoamerikanskie indeĭtsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

Simonenko, A.V. 2018. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17 (1), 27—49 (in Russian).

Skrzhinskaia, E. Ch. (per., komm.). 1960. *Iordan. O proiskhozhdenii i deianiiakh getov (Jordanes: De origine actibusque Getarum: the Getica). "Getica"*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

Tokhtas'ev, S.R. 2005. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Collected Papers)* 14, 291—306 (in Russian).

Fenton, W.N. 1978. In Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. *Severoamerikanskie indeĭtsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 109—156 (in Russian).

Helm, J., Leacock E. 1978. In Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. *Severoamerikanskie indeĭtsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 361—397 (in Russian).

Hickerson H. 1978. In Averkieva, Yu.P. (transl., ed.). 1978. *Severoamerikanskie indeĭtsy (North American Indians in Historical Perspective)*. Moscow: "Progress" Publ., 157—192 (in Russian).

Shadyra, V.I. 2006. *Belaruskae Padzvynne (The Belarusian Part of the Dvina Basin)*. Minsk: Institute of the History of Belarus (in Belorussian).

Shadyro, V.I. 1985. *Rannii zheleznyi vek Severnoi Belorussii (Early Iron Age of Northern Belarus)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Sharov, O.V., Palaguta, I.V., Khavrin, S.V. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual)* 1, 336—360 (in Russian).

Sharov, O.V., Palaguta, I.V., Khavrin, S.V. 2015. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 21, 148—161 (in Russian).

Shmidt, E.A. 1992. *Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniia drevnerusskogo gosudarstva (Upper Dnieper Tribes Prior to the Formation of Old Russian State)*. Vol.I. *Dneprodvinskie plemena (VIII v. do n.e. — III v.n. e.). (Dnieper — Dvina Tribes (8th Century BC — 3rd Century AD))*. Moscow: "Prometei" Publ. (in Russian).

Shuvalov, P.V. 2004. In Machinskii, D.A. (ed.). *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th Readings to the Memory of Anna Machinskaia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 73—108 (in Russian).

Shuvalov, P.V. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 49, 75—88 (in Russian).

Shuvalov, P.V. 2012. In Machinskii, D.A. (ed.). *Istoki slavianstva i Rusi. X Chteniia pamiati Anny Machinskoi (Origins of the*

Slavs and Russia. 10th Readings to the Memory of Anna Machinskaia). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 175—200 (in Russian).
Shuvalov, P.V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 75—89 (in Russian).
Shuvalov, P.V. 2014. In Musbakhova, V.T. (ed.). *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoi Evrazii (Ladoga in the Context of History and Archaeology of Northern Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 166—189 (in Russian).
Shuvalov, P.V. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 175—182 (in Russian).
Shuvalov, P.V. 2017. In Ivanchik A., Mordvintseva V. (eds.). *Krymskaia Skifiia v sisteme kul'turnykh sviazei mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. — VII v.n. e.) (The Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West: 3rd Century BC — 7th Century AD)*. Simferopol, Moscow: "IP Zueva T.V." Publ., 79—123, 242—244 (in Russian).
Shuvalov, P.V. 2022. In *Tezisy dokladov 50-i Mezhdunarodnoi nauchnoi filologicheskoi konferentsii imeni Liudmily Alekseevny Verbitskoi (50th International Meeting of Philology in Honour of Lyudmila Verbitskaya: Abstracts)*. URL: http://hdl.handle.net/11701/36133, 114 (in Russian).
Shuvalov, P.V., Shul'ga, D.P., Kudinova, M.A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 253—262 (in Russian).
Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).
Blümner, H. (Hrsg.). 1893. *Der Maximaltarif des Diocletian*. Berlin: Reimer.
Brass, E. 1911. *Aus dem Reiche der Pelze*. Berlin: Verlag der Neuen Pelzwaren-Zeitung.
Braunert, H. 1965. Menschenhandel. In *LAW*, 1915.
Bredow, I von. 1998. Getai. In *DNP*. Bd. 4, 1025—1026.
Bredow, I von. 2002. Thrakes, Thrake, Thraci. In *DNP*. Bd. 12/1, 478—484.
Cleland, L., Davies, G., Llewellyn-Jones L. 2007. *Greek and Roman Dress from A to Z*. London; New York: Routledge.
Delort, R. 1993/1999. Pelz. In *LexMA*. Bd. VI, 1866—1868.
Δημητράκου, Δ. 1964. Νεὸν λεξικὸν ὀρθογραφικὸν καὶ ἑρμενευτικόν. Ἀθῆναι.
Fichtl, St., Pierrevelcin, G. (editeurs scientifiques) 2008. *Oppida: les premières villes au nord des Alpes*. Projet international sur le thème des oppida celtiques. Strasbourg: Université de Strasbourg — MISHA. URL: http://www.oppida.org (accessed 7.12.2020).
Fluß, M. 1921. Scordisci. In *RE*. Bd. IIA,1 Hbd. 21, 831—835.
Gigon, O. 1965. Poseidonios. In *LAW*, 2420.
Helbling, A. 1898. *Der Zug der Cimbern und Teutonen*. Winterthur: Ziegler.
Hennig, R. 1930. Der nordeuropäische Pelzhandel in den älteren Perioden der Geschichte. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 23 (1), 1—25.
Hlady, W.M. 1961. Indian Migrations in Manitoba and the West. *Transactions of the Manitoba Historical and Scientific Society*. Series 3. 1960—61 Season. Available at: http://www.mhs.mb.ca/docs/transactions/3/indianmigrations.shtml (accessed 7.12.2021).
Hug, A. 1914. Reno (rheno). In *RE*. Bd. IA, Hbd. 1, 599—600.
Kazanski, M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des grandes migrations. In Mączyńska, M., Grabarczyk, T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: wydawnictwo Universytetu Łódźkiego, 406—459.
Kazhdan, A. 1991. Furrier. In *ODByz*, 809.
Lauffer, S. (ed.). 1971. *Diokletians Preisedikt*. Berlin: De Gruyter.
Noonan, Th.S. 1985. Furs, fur trade. In *DictMidAges*. Vol. 5, 325—335.
Prayon, F. 1998. Etrusci, Etruria. II. Archäologie. In *DNP*. Bd. 4, 177—188.
Reichstein, H. 2002. Pelz und Pelztiere. In *RGA*. Bd. 22, 547—551.
Reinhardt, K. 1953. Poseidonios 3. In *RE*. Bd. XXII, Hbd. 1, 558—826.
Schneider, K. 1937. Pellis. In *RE*. Bd. XIX, Hbd. 1, 369—373.
Westermann, W.L. 1935. Sklawerei. In *RE*. Supl. VI, 894—1068.

Статья поступила в сборник 20 июля 2022 г.

Petr Shuvalov (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg State University[1].
Шувалов Петр Валерьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: p.shuvalov@spbu.ru, peshuv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6361-4531

Address: [1] Universitetskaya Emb., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

В. В. Приймак

Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)

Keywords: Dnieper Left Bank, basins of the Sula, Psel, Vorskla rivers, late Scythian, Sarmatian, Zarubintsy (Kharievka type), late Zarubintsy antiquities, mapping of sites

Ключевые слова: Днепровское Левобережье, бассейны рек Сула, Псел, Ворскла, позднескифские, сарматские, зарубинецкие (тип Харьевки), позднезарубинецкие древности, картографирование памятников

V. V. Priymak

Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)

The article is devoted to the region of the upper reaches of the Sula and Psel rivers and adjacent territories. It is proposed to single out the late Scythian region from the 2nd century BC to the 1st—2nd centuries AD in the Upper Sula basin. The Late Scythian, Sarmatian and some (stationary researched) Late Zarubintsy sites have been mapped. The majority of the Sarmatian complexes have not been published, and late Scythian sites have not been sufficiently studied. The mapping of the sites is considered as a preparatory stage for further study of the antiquities of the late Scythians and Sarmatians. The Sarmatian sites of the Left Bank of the Dnieper (2nd century BC — 1st—2nd centuries AD) and the Kharievka type (2nd century BC — first half 1st century AD) are represented by material complexes. Late Scythian and late Zarubintsy antiquities are dominated by in situ finds and objects. There are also stray finds of artifacts. The author believes that further steps in this study will require development of a unified system of chronology, including all, without exception, types of antiquities from the Dnieper's Left Bank.

В. В. Приймак

Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)

Статья посвящена региону верхних течений рек Сула и Псел, сопредельных территорий. Предлагается выделение в Верхнем Посулье позднескифского региона от II в. до н. э. по I—II вв. н. э. Картографированы позднескифские, сарматские и некоторые (стационарно исследованные) позднезарубинецкие памятники. Большинство сарматских комплексов не опубликованы, позднескифские памятники недостаточно изучены. Картографирование памятников рассматривается как подготовительный этап для дальнейшего изучения древностей поздних скифов и сарматов. Вещевыми комплексами представлены сарматские памятники Левобережья (II в. до н. э. — I—II вв.) и типа Харьевки (II в. до н. э. — первая половина I в.). В позднескифских и позднезарубинецких древностях преобладают находки из слоя и объектов. Имеются также случайные находки артефактов. Разработка единой системы хронологии, включающей все, без исключения, представленные на Днепровском Левобережье типы древностей, рассматривается как следующий этап изучения.

Верхнее Посулье с прилегающим с юга участком среднего течения — устьем Удая — было одной из территорий Днепровского Левобережья, где археологические исследования, начавшиеся еще в последней четверти XIX в., велись практически ежегодно, замедлившись лишь в период между мировыми войнами. Среди сотен раскопанных курганов Посулья В. А. Ильинской в 40—50-гг. были выделены погребальные комплексы скифского времени, пригодные для научной обработки. Эти древности Посулья датируются VI—IV вв. до н. э. Погребальные памятники III в. до н. э., являющиеся в последние десятилетия предметом дискуссий, в обобщающей работе не были названы (Ильинская 1968). Позднескифский слой Басовского городища датировался В. А. Ильинской III—II вв. до н. э., рассматривался как генетически связанный с предшествующим временем, был примерно синхронизирован с зарубинецкой культурой (Ильинская 1961: 59—63). На Басовском городище возобновлялись раскопки (Болтрик, Бунятян 1993: 17—19), но полученные материалы остались не опубликованными.

К Басовскому городищу после разведки по Пслу 1966 г. В. А. Ильинской и А. И. Тере-

© В. В. Приймак, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22221224

ножкина добавилось Битицкое, судя по примечанию в публикации К. Ф. Смирнова сарматского зеркала с городища. Его известные скифологи увидели в местном музее. Зеркало датируется I в. н. э., хотя вначале датировалось более ранним временем (Обломский, Приймак 2020: 379). Помимо скифского и позднескифского горизонтов, представленных в раскопках И. И. Ляпушкина, автора 1984 г., О. В. Сухобокова 1985—1993 гг., на Битицком городище было открыто и сарматское погребение. До его публикации вопрос о его синхронности с позднескифским горизонтом городища не может считаться полностью решенным. Это бы способствовало и уточнению характера связей поздних скифов с сарматами, отмечавшегося многими исследователями. У истоков Сейма, на Ратском городище скифского времени, тоже выявлен горизонт позднескифского времени (Енуков, Медведев 2001—2002: 253—257, рис. 2: 3). Материалы рубежа эр с Ширяевского городища на Сейме (Каравайко, Качура 2020: 188—190), видимо, связаны с памятниками типа Харьевки. Басовка не является единственным городищем скифского периода с отложениями позднескифского времени в Посулье. На городище Глинск А. В. Гейко раскопал бронзолитейную мастерскую, но опубликована часть материалов (Кулатова и др. 2005: 19, 25—27, рис. 15—16, 19). Бляшка из мастерской аналогична не только таким же крымским предметам с выпуклой центральной частью, но и окончаниям умбоновидных псалиев. Датировка последних в Крыму — вторая четверть — середина II в. (Пуздровский 2007: 381, рис. 107: III; IV). Предполагается, что позднескифский горизонт Глинского городища синхронен зарубинецкой культуре, видимо, как и Басовского, прекращение жизни на памятнике датировано между I в. до н. э. — I в. Указанные противоречия в хронологии памятника (Приймак 2012: 184) могут быть разрешены лишь путем полной публикации материалов. Латенские браслеты, рассмотренные В. С. Нефедовой (Нефедова 1992: 30), картографированы вместе с фибулами, последние были разбиты на группы по хронологии. Большинство памятников не имеет номеров и не названы в легенде карты. Однако пронумерованы памятники Верхнего Посулья и тех иных регионов, где наблюдается сочетание латенских браслетов с фибулами. Совпадение концентрации фибул II—I вв. до н. э. и I в. н. э. наблюдается в Крыму и Верхнем Посулье и Полесье. В Крыму хотя бы часть указанных памятников являются позднескифскими. Северо-Западное Причерноморье, ставшее сейчас опорным регионом для изучения позднескифских древностей, на карте В. С. Нефедовой представлено зоной концентрации фибул IV—III вв. до н. э. и II—I вв. до н. э. Концентрация фибул II—I вв. до н. э. и браслетов (их верхняя дата не позднее II в. до н. э.) на компактной территории Левобережья не является случайностью. Карта зафиксировала, как минимум, постоянные внешние связи, типичные для последнего этапа классических и позднескифских памятников, с присущими многим территориям изменениями украшений, вооружения и др. инвентаря на латенский и германский. Памятники Верхнего Посулья II—I вв. преимущественно позднескифские, прежде всего Басовское городище, с западными элементами не только в украшениях, но и керамике. Фиксируется и южное направление связей, возможно, с другими позднескифскими анклавами. В погребальном обряде поздние скифы Днепровского Левобережья до сих пор не были представлены. Однако имеется группа погребений с зарубинецким инвентарем (впускные кремации в курганах, но есть среди них назывались и ингумации, отнесенные к данной группе). В составе последней отдельные погребения могут быть позднескифскими. Историография и важнейшие проблемы изучения позднескифских памятников Левобережья Днепра изложены в серии работ А. М. Обломского 90-х гг. XX в. — 20-х гг. XXI вв. Его работы, посвященные позднезарубинецким памятникам, содержат данные о позднескифских и сарматских древностях (Обломский, Томашевич 1993; Обломский 2003). Они постоянно дополнятся, но аспектов преемственности позднескифских древностей с классическими скифскими не касаются. Новейшая обобщающая работа по позднескифским древностям, где много места занимает последний вопрос (по погребальному обряду, поселениям, инвентарю, системе расселения и др.), посвящена Поднестровью (Синика 2022). Затрагивая рассматриваемый регион поздних скифов, В. С. Синика высказался по поводу сравнения всего ареала скифских древностей классического периода и позднескифского времени: «… признание исследователями этого периода в истории Европейской Скифии … предполагает всесторонний анализ ранее исследованных, но неопубликованных захоронений или ошибочно датированных погребений» (Синика 2022: 40—42). Кроме полевых работ и публикаций В. А. Ильинской, следует отметить и названные Е. С. Нефедовой памятники Верхнего По-

сулья (на карте 1 она обозначила находку фибулы II—I вв. до н. э. как Сурмачевка, но это может быть и могильник Волковцы, расположенный несколько выше на правом берегу р. Сулы, с фибулами этого времени) (Нефедова 1992: 21—34). На данное погребение с фибулами, украшенными «восьмерками», обратил внимание, вслед за А. К. Амброзом, В. Е. Еременко, хотя была существенно смещена оценка комплекса (Еременко 1997: 179, 208, рис. 62). Согласно рекомендациям В. С. Синики, стоит проверить на предмет правильности датирования большую группу комплексов классического скифского времени из Верхнего Посулья. Методические вопросы хронологии латена, рассмотренные О. В. Шаровым, памяти которого посвящен данный сборник, применимы к данному региону. Хронологию древностей, согласно его разработкам, надо базировать на вещевых комплексах (Шаров 1992: 158—164). Таких комплексов среди древностей Днепровского Левобережья, одновременных позднескифским (типа Харьевки, юхновской культуры и позднезарубинецких), больше всего именно в сарматских погребениях. Сарматские погребения насыщены хроноиндикаторами как в раннесарматский, так и среднесарматский периоды. Совмещение хронологических схем позднескифских древностей с региональными схемами латена и римского периода на сегодня является проблемой даже для Поднестровья. Примером может быть разная датировка фибул с «восьмерками» в античных, сарматских, позднескифских древностях Северного Причерноморья, зарубинецкой культуре, Центральной Европе и в Поднестровье (Синика 2017, 111—115).

Обычно погребения сарматов являются впускными в курганах предшествующих эпох. На большом курганном могильнике у с. Волковцы, расположенном вокруг гигантских насыпей — Шумейковой и Каратушиной могил (рис. 2) (Ильинская 1968: 15, рис. 8), вблизи последней, М. М. Семенчиком почти 100 лет назад была раскрыта ингумация в яме, замеченная в обрыве оврага. В погребении обнаружена курильница крымского типа, что дает основания относить погребение к сарматским или позднескифским. Но это и общая черта со специфической группой сармато-зарубинецких кремаций, в них тоже встречаются такие курильницы (рис. 3: 2) (Приймак 2019: 109—116, кол. вкл. VIII). Состав и интерпретация этой группы погребений являются дискуссионными. Следует отметить, что обычно рассматривалась принадлежность погребений названной группы зарубинецкому населению, сарматам или их потомкам (Синица 2008: 15—19). Но эти дискуссии велись без учета названного погребения. Не принималась во внимание и возможность интепретации данной группы погребений или, по крайней мере, ее части, как позднескифских. На самом деле позднескифские погребения III—II вв. до н. э. на Левобережье в курганных древностях выделяются, хотя встречаются крайне редко (Кулатова и др. 2005: 18—21). Обратимся для сравнения к данным о погребальном обряде поднестровских памятников: из 332 изученных погребений III—II вв. до н. э. лишь восемь — в ямах (2,4% общего числа захороненных) (Синика 2022: 18). Поэтому, наряду с возможностью сарматской интерпретации погребения, открытого М. М. Семенчиком, допустимо отнесение его к позднескифским. Дата его определяется в пределах бытования курильниц крымского типа, предварительно, судя по аналогиям, второй половиной II в. до н. э. — первой половиной I в. (Пуздровский 2007: 64—65, 309, 319, рис. 36: I, 1; 46: I, 2, 3; 54: 11). Соотношение типов позднескифских погребений в других регионах не известно. В Верхнем Подонье это могут быть и кремации, исследованные в тех же могильниках, что и одновременные сарматские ингумации. В Верхнем Посулье присутствуют также более поздние материалы I в., а в прилегающей к нему с юга части Посулья — сарматские погребения I—II вв.

Сарматские погребения на городищах раннего железного века (на Битицком городище) за пределами Левобережья встречаются как с востока — в Подонье, так и с запада — на Правобережье Днепра (Калантаево), а находки отдельных предметов на городищах у южной границы лесостепи в Посулье (Клепачи). В публикациях впускных сарматских погребений, исследованных Л. Н. Луговой в обычных курганных могильниках эпохи бронзы, отмечалось, что горшки из этих ингумаций имеют ярко выраженные черты скифской посуды предшествующего времени. На том же могильнике, что и погребение, обнаруженное М. М. Семенчиком, С. А. Мазараки исследовал курган с погребением по обряду кремации с двумя фибулами с «восьмерками». Его хронология, скорее всего, не выходит за пределы II в. до н. э. Итак, Волковецкий могильник классического скифского времени функционировал и в позднескифский период.

Позднескифские, позднезарубинецкие и сарматские памятники разбросаны группа-

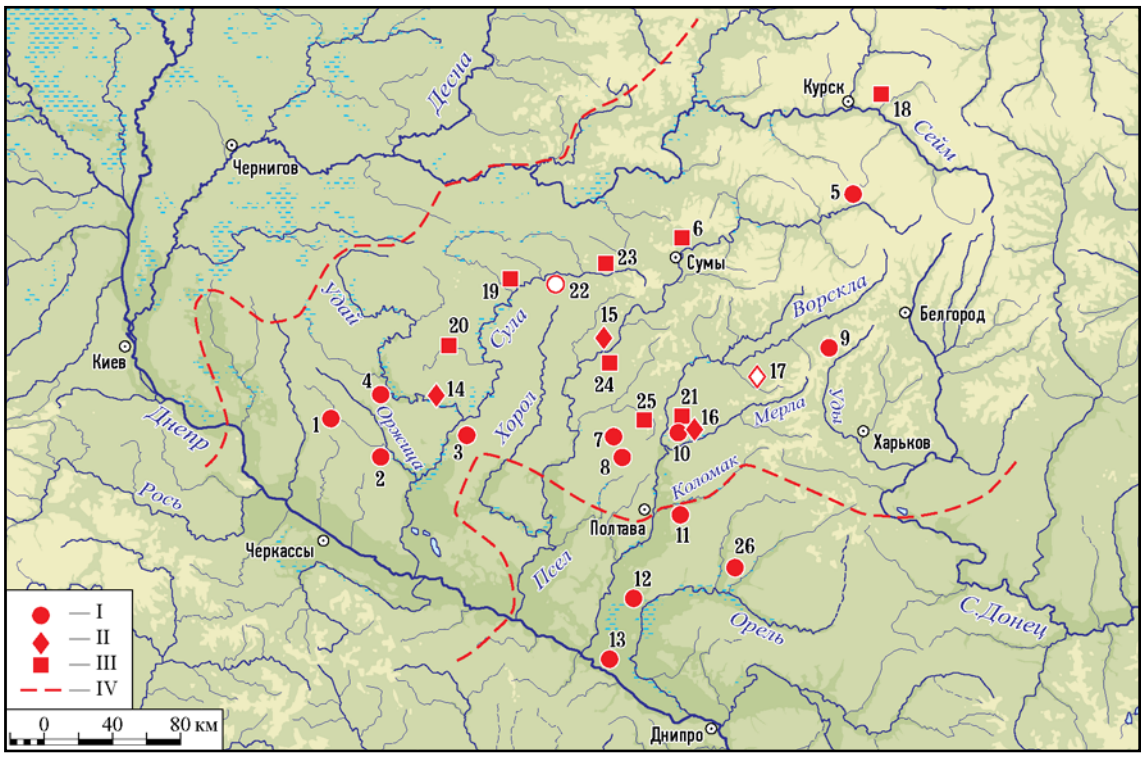

Рис. 1. Карта сарматских и позднескифских (?) погребений, случайных находок, городищ скифского времени с позднескифскими и сарматскими материалами, некоторых позднезарубинецких селищ (по Обломский 2003: рис. 14) с дополнениями и уточнениями автора. 1 — Золотоношка, 2 — Круподеринцы, 3 — Березоточа, 4 — Пирятин, 5 — Воробьевка, 6 — Битица, 7 — Барановка, 8 — Ярохoвка, 9 — Борисовка, 10 — Лихачевка, 11 — Ладыжино, 12 — Павловка, 13 — Орлик, 14 — Постав-Мука, 15 — Новотроицкое, 16 — Лихачевка, 17 — Катериновка, 18 — Беседино (Ратское городище), 19 — Басовское городище, 20 — Глинское городище, 21 — Котелевское городище, 22 — Волковцы, 23 — Великие Будки (ур. Хутор), 24 — Вовки, 25 — Бельск (ур. Озеро), 26 — Климовка. **Условные обозначения**: I — сарматские погребения I—II вв.; II — случайные находки I—II вв.; III — позднескифские поселения на городищах скифского времени и позднезарубинецкие исследованные поселения; IV — границы лесостепи. **Примечание**: №22 и 17 без темного фона — датировка в пределах II—I вв. до н. э. — I в. н. э.

Fig. 1. Map of Sarmatian and Late Scythian (?) burials, random finds, settlements of the Scythian time with Late Scythian and Sarmatian materials, some Late Zarubinets settlements (after Oblomsky 2003: ill. 14) with additions and clarifications by the author. 1 — Zolotonoshka, 2 — Krupoderintsy, 3 — Berezotocha, 4 — Pyryatin, 5 — Vorobievka, 6 — Bititsa, 7 — Baranovka, 8 — Yarokhovka, 9 — Borisovka, 10 — Likhachevka, 11 — Ladyzhino, 12 — Pavlovka, 13 — Orlik, 14 — Postav-Muka, 15 — Novotroitskoe, 16 — Likhachevka, 17 — Katerinovka, 18 — Besedino (Ratskoe settlement), 19 — Basivska settlement, 20 — Glinskoe settlement, 21 — Kotelva settlement, 22 — Volkovtsy, 23 — Velikie Budki (tract Khutor), 24 — Vovki, 25 — Belsk (tract Lake), 26 — Klimovka. **Legend**: I — Sarmatian burials of the 1st—2nd centuries; II — random finds of the I—II centuries; III — Late Scythian settlements on the settlements of the Scythian time and late Zarubinets settlements; IV — borders of the forest-steppe. **Note**: Nos. 22 and 17 without a dark background — dating within the 2nd—1st centuries BC — I century AD.

ми или по отдельности по территории лесостепи Левобережья (последние отсутствуют в Посеймье). Четко очерченных ареалов внутри региона, по мнению А. М. Обломского, названные выше культурно-хронологические группы памятников не занимают. Однако при картографировании (рис. 1) прослежено соседство сарматских памятников с позднезарубинецкими и позднескифскими, тогда как последние рядом не располагались. Так, например, в междуречье Псла и Ворсклы позднезарубинецкие селища Вовки и Бельск находятся в 30—35 км к северу от сарматских могильников Барановка и Ярохoвка.

В отличие от позднезарубинецких, сарматские древности как Посулья, так и бассейнов Псла и Ворсклы, в указанных публикациях описаны скупо, до сих пор не обобщены в одной работе и картографированы не полностью (Приймак 2020: 349—351).

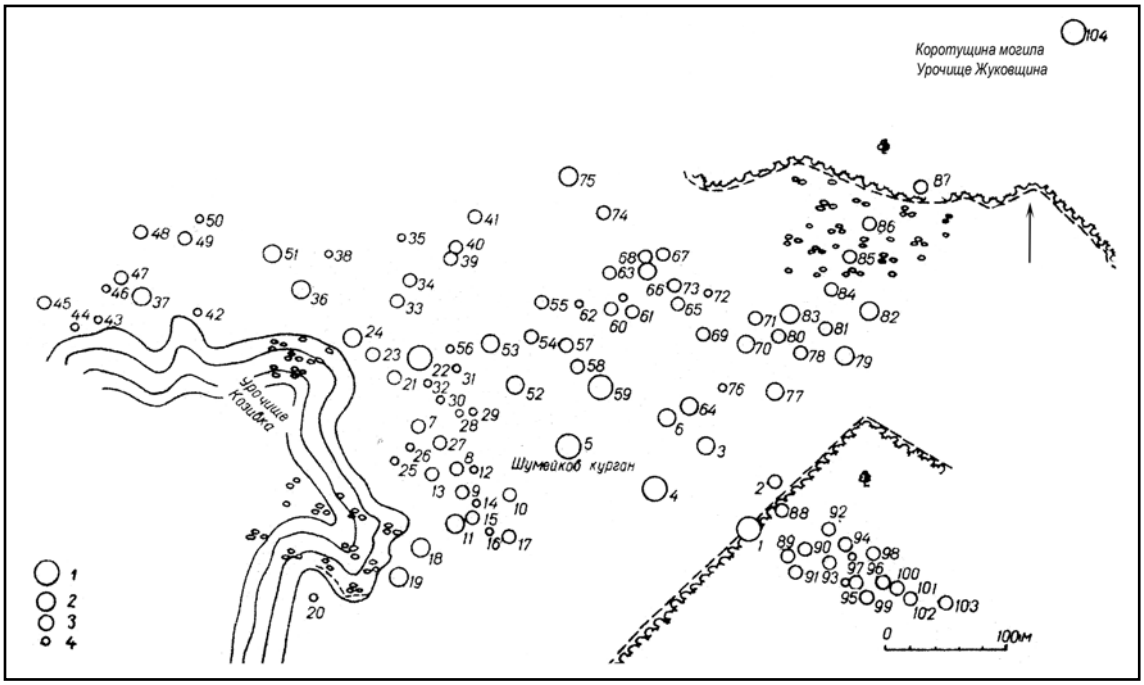

Рис. 2. План курганного могильника у с. Волковцы М.М. Семенчика (по Ильинская 1968: 15—17, рис. 8). Условные обозначения: 1 — курганы диаметром свыше 30 м; 2 — курганы диаметром от 21 до 30 м; 3 — курганы диаметром от 11 до 20 м; 4 — курганы диаметром до 10 м.

Fig 2. M.M. Semenchik's plan of the burial mound near the village Volkovtsy (after Ильинская 1968: 15—17, fig. 8). Symbols: 1 — mounds with a diameter of more than 30 m; 2 — mounds with a diameter of 21 to 30 m; 3 — mounds with a diameter of 11 to 20 m; 4 — mounds up to 10 m in diameter.

Сарматские погребения ворсклинской группы Днепровского Левобережья I—II вв. были картографированы М.В. Любичевым. Это Ливенское, Павловка, Малый Ладыжин, Макуховка, Борисовка. Ошибочно здесь же указаны и Круподеринцы (Любичев 2019а: 190—191, рис. 5), на самом деле расположенные в Посулье. Не учтенными оказались погребения из раскопок Л.Н. Луговой у Орлика. Часть памятников, отсутствующих в списке М.В. Любичева, была учтена И.Н. Кулатовой в ряде тезисных публикаций. Более полный список памятников (сарматских — Круподеринцы, Хорол, Мал. Ладыжино, Макуховка, Новые Санжары, Павловка, Борисовка), погребений с зарубинецким инвентарем (Лубны, Верхняя Мануйловка, Дьяченки, Лозивок, Михайловка-Прусы, Кичкас) составил А.М. Обломский. Он опубликовал набор бус и пронизок из египетского фаянса из Борисовки (Обломский 2003: 164—165, рис. 13; 14). В его перечне памятников отсутствуют некоторые давно раскопанные комплексы и отдельные артефакты, например, погребение с копьем из Лихачевки (раскопки И.А. Зарецкого, интерпретация Б.А. Шрамко) (Шрамко 1962: 247, рис. 92: 1). Уже после публикации А.М. Обломского были введены в научный оборот погребения у Яроховки. Часть исследованных Л.Н. Луговой 7 сарматских погребений (Барановка, Орлик), датированных в основном I в., с выходом их части в I в. до н.э. и II в., остается не опубликованной. Не введены в научный оборот сарматский комплекс Круподеринцев и упомянутое, тоже с бусами и сосудом, погребение на Битицком городище. Л.Н. Луговая в аналогиях указывала находки из Поорелья и Подонья (Корнілко [Лугова], Симоненко 1982: 84—85; Лугова 2006: 64—67). Но ближайший крупный могильник лесостепи правого берега Днепра — Калантаевский — имеет инвентарь с аналогиями среди левобережных памятников и типа Ивковцы — самых поздних зарубинецких и позднезарубинецких.

На первое место в изучении сарматских, позднескифских и позднезарубинецких древностей в данное время вышли вопросы хронологии. Датирующих материалов I—II вв. из сарматских погребений Днепровского лесостепного Левобережья (табл. 1) в разы больше, чем происходящих из позднескифских и позднезарубинецких памятников, преимуще-

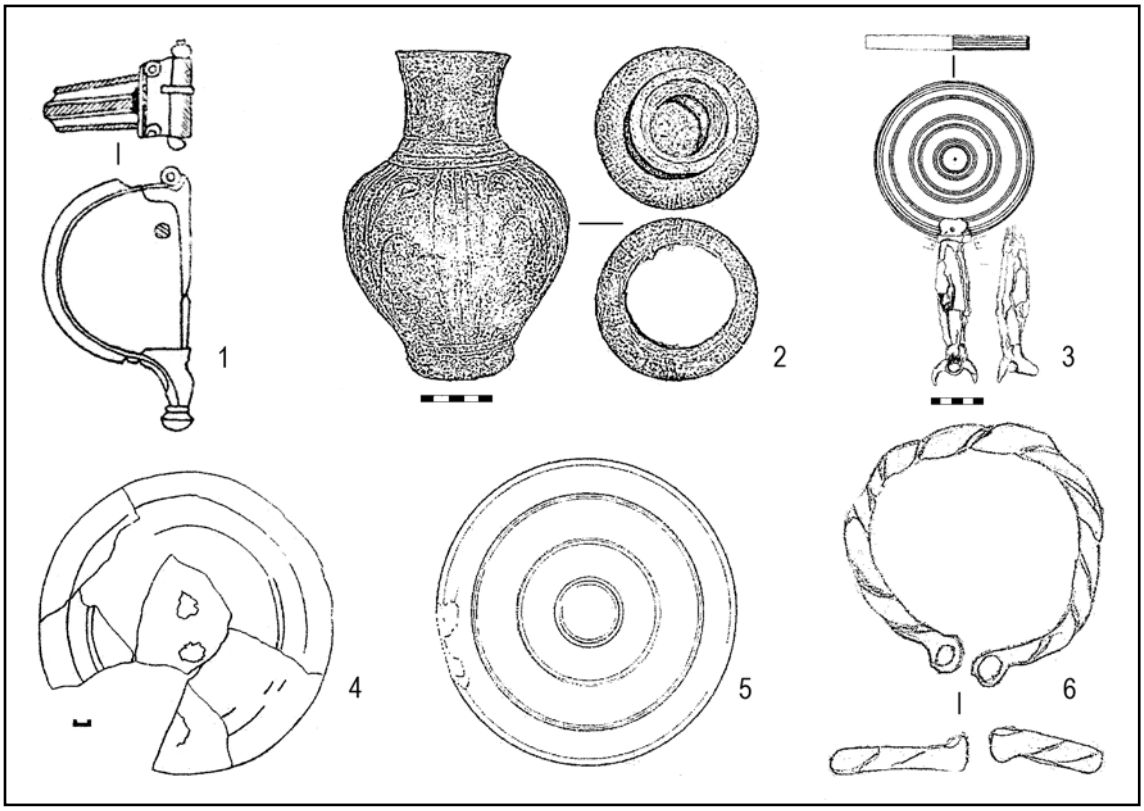

Рис. 3. Некоторые случайные находки сарматского времени с территории Днепровского Левобережья и их аналогии. 1 — фибула типа Авцисса, рисунок А.К. Амброза (по Амброз 1959: 185, рис. б/н: 20); 2 — курильница крымского типа из погребения (работы М.М. Семенчика) на курганном могильнике вблизи Коротушиной могилы у с. Волковцы (по Приймак 2019: 109—116, кольорова вклейка VIII); 3 — зеркало из Неаполя Скифского (по Пуздровский 2007: 30, 75, 153, 304, рис. 31: 4); 4 — зеркало с городища Новотроицкого (по Приймак 2012: 186, рис. 1: 1); 5 — зеркало из Усть-Лабинского могильника (по Анфимов 1951: 185, рис. 13:1); 6 — сюльгама из Катериновки.

Fig 3. Some random finds of the Sarmatian period and their analogies from the territory of the Dnieper Left Bank. 1 — fibula of the Avtsiss type, drawing by A.K. Ambrose (after Амброз 1959: 185, unnumbered ill.: 20); 2 — Crimean-type incense burner from a burial (by M.M. Semenchik) at a burial mound near Korotushin Grave near the village of Volkovtsy (after Приймак 2019: 109—116, color insert VIII); 3 — mirror from Scythian Naples (after Пуздровский 2007: 30, 75, 153, 304, fig. 31: 4); 4 — a mirror from the settlement of Novotroitsky (after Приймак 2012: 186, fig. 1: 1); 5 — a mirror from the Ust-Labinsk burial ground (after Анфимов 1951: 185, fig. 13: 1); 6 — sulgama from Katerinovka.

ственно городищ и селищ соответственно. Сарматские комплексы имеют датирующие материалы, пусть и не всегда выразительные. Часть инвентаря — бусы и керамика, отдельные ингумации отнесены к I—II вв. исключительно на основании погребального обряда, преимущественно ориентирования по странам света. Но сохранился инвентарь из старых раскопок — Д.Я. Самоквасова и М.М. Семенчика. Позднескифские и позднезарубинецкие памятники дают в основном предметы из слоя или случайные находки. Количественно в сарматских погребениях основной категорией находок являются бусы. При определении бус необходимо непосредственное знакомство с ними знатоков этой категории находок, что еще предстоит сделать с комплексами Левобережья.

Сарматские памятники рубежа эр Днепровского Левобережья делятся на две хронологические группы: последних двух столетий до н.э. и первых двух столетий н.э. Среди первых датирующихся лишь II в. до н.э. очень мало, основная часть погребений относится к I в. до н.э. Как последние сарматские погребения, так и зарубинецкие памятники зачастую датируются с выходом в первую половину I в.н.э., поэтому состыковать их датировку с хронологией позднескифских городищ сложно. Дата сарматских погребений второй хронологической группы нередко опускается в I в. до н.э. и поднимается во II в. Это же можно сказать и позднескифском горизонте Битицы (вторая половина I в. до н.э. — вторая половина I в. н.э.) (Обломский, Приймак 2020: 379). Упорядочение хронологии древ-

Таблица 1.

Сарматские комплексы (погребения) из Верхнего Посулья, бассейна Псла и некоторых памятников сопредельных регионов

Номер на карте и наименование памятника	Комплекс, данные об исследователе, хронология	Публикации
Бассейн Днепра		
1.Золотоношка	Погребение I—II вв., набор стеклянных и фаянсовых бус, неопределимая фаянсовая подвеска	Сиволап, Гопкало 2009: 142—145, рис. 1; 2: 4, 6
Посулье		
2. Круподеринцы	Погребение, раскопки Н.Н. Чередниченко, бронзовое сарматское зеркало, I—II вв.	Кулатова 1990: 145, рис. 17
3. Березоточа	Разрушенное сарматское погребение, начало — середина II в.	Кулатова, Супруненко 2019: 97—108, кол. вст. III, 2
4. Пирятин	Разрушенное сарматское погребение I—II вв. (?)	Головко 2006
Бассейн Псла		
5. Воробьевка	Погребение, раскопки Д.Я. Самоквасова; горшок юхновской (?) культуры, бусина и зеленый фаянсовый египетский скарабей — данные Б.А. Шрамко	Кашкин, Приймак 2013: 19
6. Битица	Зеркало (случайная находка), погребение (не опубликовано — раскопки О.В. Сухобокова и др.), позднескифский слой (раскопки О.В. Сухобокова и др. при участии автора)	Обломский, Приймак 2020: 377—392
7. Барановка	Курган 2, погребение 4 — безинвентарное, курган 4, погребение 1 — горшок, I—II вв.	Лугова 1989: 111—112
8. Яроховка	Курган 2, погребения 2 и 4, раскопки Л.Н. Луговой; зеркало, стеклянные и янтарные бусы, I в.	Лугова, 2006: 64—67
Бассейн Ворсклы		
9. Борисовка	Разрушенное погребение, набор пронизей и бус I — первой половины II в. (отчет А.Ф. Евминовой)	Обломский 2003: 96, 164, рис. 13
10. Лихачевка	Погребение с копьем (раскопки И.А. Зарецкого), дата не определена	Шрамко 1962: 247, рис. 92: 1
11. Ладыжино	Погребение, зеркало, бусы, керамика, I ст.	Корнілко, Симоненко 1982: 84—85
12. Павловка	Разрушенное погребение, сохранилась часть инвентаря, бронзовая посуда, конец I — первая половина II в.	Кулатова 2018: 76—89
13. Орлик	Курган 1, погребение 1 (инвентарь — бронзовое дисковидное зеркало, бронзовые серьги), курган 3, погребение 3, курган 2, погребение 3 — лепная курильница с конусообразным туловом, I—II вв.	Лугова 1989: 111—112
Бассейн Орели		
14. Климовка	Могильник, исследованы не менее 4 сарматских погребений конца I — первой половины II в., были разрушенные (раскопки А.К. Тахтая и М.Я. Рудынского)	Кулатова 2020: 245—268

ностей Днепровского Левобережья — задача для будущего. Вторая хронологическая группа сарматских древностей, помимо названных зарубинецких и позднескифских, также сосуществовала с позднезарубинецкими памятниками нескольких типов (Картамышево-2 — Терновка, Грини — Вовки). Имеются находки, определенные как юхновские, в Посулье (Великие Будки). Уточнение верхней даты юхновской культуры — также вопрос будущих стационарных полевых исследований (Приймак 2020: 349—351). Кроме относящихся к двум названным хронологическим группам сарматских древностей Левобережья Днепра, синхронных раннеславянским и позднескифским, имеются погребения и отдельные находки III—IV вв. (Кулатова 2020: 269—272). Последние сосуществовали уже с киевской

Таблица 2.

Случайные находки сарматского времени из Верхнего Посулья, бассейна и некоторых сопредельных регионов

Номер на карте и наименование памятника	Находка, источник информации	Публикации
Посулье		
14. Постав-Мука	Фибула Авцисса, первая половина I в. (по А.К. Амброзу), коллекция М.П. Авенариуса 1896 г., ГИМ (планшет 57-6в, инв. № 36211)	Амброз 1966: 26, табл. 4: 16; Звід ... 2017: 55
Бассейн Псла		
15. Новотроицкое (Пристайлово)	Городище роменской культуры, раскопки И.И. Ляпушкина: зеркало, плакетка-пронизь из египетского фаянса лилового (фиолетового) цвета в виде лежащего льва, дата I—II вв. Спорная атрибуция: сюльгама (подковообразная фибула), бляшка с рантиком, керамика (кувшины с ручками)	Ляпушкин 1958: 45, рис. 25: 1—4; Приймак 2012: 181—186
Бассейн Ворсклы		
16. Лихачевка	Фибула Авцисса (публикация М.Я. Рудынского), I—II вв.	Звід ... 2018: 141
17. Катериновка	Сюльгама (находка возле курганного могильника), II в. до н.э. — I в. (?)	Приймак и др. 2016а: 218—234 (рис. не опубликован)

и черняховской культурами (Обломский, Томашевич 1993: 53—55; Гопкало, Рудич 2018: 98). Достоверно сарматский комплекс первой хронологической группы с данной территории специалистам известен пока один — из Хорола (Деревянко 2020: 330—337). На р. Удай в Пирятине, в прилегающем с юга к Верхнему Посулью участке среднего течения Сулы, было случайно открыто погребение с деформированным черепом и стрелой в районе ребер костяка. По северной ориентировке погребение датировано II—I вв. до н.э. (Головко 2006: 102—103). Однако, территориально ближайшее к пирятинскому круподеринское погребение тоже имело северную ориентировку. Нередко деформированные черепа встречаются и во второй хронологической группе погребений. Отсутствие стрелы или ее изображения не позволяют уточнить дату погребения из Пирятина.

Самым ярким сарматским комплексом неполного состава является разрушенное погребение из Павловки (бассейн нижней Ворсклы), которое неоднократно публиковалось. Уцелевший инвентарь датируется концом I — первой половиной II в. н.э. Анализируя материалы склепа № 844 Усть-Альминского могильника, А.Е. Пуздровский отметил: «Наиболее близки (если не идентичны) альминскому экземпляры из Павловки…» (Пуздровский 2007: 178, рис. 154: 1). Сарматские погребения теперь дополнились Климовским могильником, где были исследованы не менее 4 сарматских погребений конца I — первой половины II в., зафиксированы разрушенные (Кулатова 2020: 245—268). Климовские находки долгое время принимались за салтовские, что уже отмечалось (внимание автора обратил на это А.В. Симоненко) (Приймак 2012: 183—186). Кувшины из городища Новотроицкого, найденные как в жилище 20, так и в культурном слое (Ляпушкин 1958: 45, рис. 25: 1—4), также имеют очертания, не характерные для салтовской культуры, но сходны с сарматскими. Последние могли быть найдены при рытье около 50 котлованов полуземлянок, подчистке склонов городища. Зеркало из Новотроицкого также относится к кругу изделий сарматской эпохи. В своде находок зеркал скифского времени Т.Н. Кузнецова его не упоминала, а в консультации подтвердила правильность его датировки около рубежа эр И.И. Ляпушкиным и автором (рис. 3) (Приймак 2012: 181—186, рис. 1). Но его дата также должна уточняться. К находкам, редко встречающимся за пределами ареала сарматских древностей, относится и дефектная плакетка-пронизь из египетского фаянса лилового (фиолетового) цвета в виде лежащего льва на подставке с городища Новотроицкого. Представительная серия северокавказских аналогий (15 предметов) плакетке-пронизи из Новотроицкого городища хорошо датирована I—II вв. (Ксенофонтова 2018: 351—354, рис. 1: 15).

В сарматских и позднескифских памятниках Нижнего Днепра дата египетского импорта — вторая половина I — середина II вв. Во второй половине II — начале III вв. эти изделия постепенно исчезают в северопричерноморских землях. Сарматы считаются посредниками в распространении египетского фаянса в лесостепных и лесных древностях (Дзнеладзе 2016: 71). Но замечено, что в Верхнем Подонье ожерелья с бусами и пронизями в виде львов и скарабеев из египетского фаянса наиболее часто встречаются во второй половине I в., а во II в. они в сарматских погребениях отсутствуют (Медведев 2008: 81). В сарматском погребении из Борисовки набор пронизей и бус содержит такие же типы, что в названных памятниках (Обломский 2003: 96, 164, рис. 13). Надо упомянуть еще и крымскую аналогию — плакетку с лежащим львом из склепа 104 (ярусы 1—2) Битакского могильника. В Крыму абсолютная дата фазы B1c — первая четверть II в. (Пуздровский 2007: 182, 185, 308, 471, рис. 35: II, 6, 7; 197: 14—19). Обычно в публикациях сарматских комплексов из Левобережья первых веков н. э. не отмечается наблюдение А. Е. Пуздровского о прямой связи инвентаря сарматского погребения из Павловки с комплексами Крыма (Кулатова 2018: 76—89). Крымская аналогия павловского комплекса происходит из склепа 844 Усть-Альмы, его дата — третья четверть I в. (вряд ли позже — подчеркнул А. Е. Пуздровский). Другие аналогии, отличающиеся от павловской и усть-альминской, не распространяются за вторую треть или вторую четверть II в. Объяснение такому сходству следует видеть в переселении сармат в Крым, где они со временем заняли господствующее положение. Датировка Павловского погребения концом I — первой половиной II в. у крымского исследователя возражений не вызывала (Пуздровский 2007: 178, 197, 199, 428; Приймак 2012: 184), хотя названные аналогии позволяют ее сузить.

В верхнем течении Псла Д. Я. Самоквасов исследовал погребение у с. Воробьевка. В его инвентаре Б. А. Шрамко называл юхновский горшок, бусину и зеленый фаянсовый египетский скарабей (Кашкин, Приймак 2013: 19). Воробьевское погребение 1891 г. Д. Я. Самоквасов описывает как впускное, совершенное в поле насыпи Большого кургана. Длина и ширина могильной ямы 1,5 аршина (1,06 м), могильная яма имеет следы деревянной «засклепки». В яме обнаружены остатки детского костяка, 6 бусин и скарабей с иероглифом. В двух остальных насыпях были скорченные костяки с горшками (Самоквасов 1908: 19), вероятно, эпохи бронзы. Инвентарь и обряд, как и подквадратные очертания ямы, позволяют интерпретировать погребение как детское сарматское. Распространение юхновских памятников во всех частях Посеймья, т. е. так же, как и в основном ареале этой культуры — Подесенье — не позволяет считать замечание Б. А. Шрамко о юхновском горшке необоснованным. Учитывая состав комплексов Великие Будки и Воробьевка, нельзя исключать присутствие артефактов юхновской культуры в позднезарубинецких древностях Днепровского Левобережья. Воробьевское погребение соседствует с группой памятников у с. Картамышево. Такое соседство не является исключением, оно наблюдается также на Ворскле и Суле. В частности, в верхнем течении Ворсклы у Борисовки было случайно открыто сарматское погребение, также датирующееся I—II вв. (Обломский 2003: 14, 164, рис. 13). Впускное подростковое, судя по размерам скелета, погребение с богатым набором стеклянных и фаянсовых бус, а также неопределимой фаянсовой подвеской (Сиволап, Гопкало 2009: 142—145, рис. 1: 2, 4, 6) раскопано в курганном могильнике у с. Золотоношка на р. Золотоношка (левый приток Днепра). Находки позволили датировать его I—II вв. Еще одно впускное сарматское погребение, исследованное экспедицией Н. Н. Чередниченко, обнаружено у с. Круподеринцы в Посулье, на р. Чумгак (Кулатова 1990: 145, рис. 17). Долина р. Чумгак (правый приток р. Сожицы, впадающей справа в р. Сулу), отдалена к западу от с. Золотоношки до 8 км. В данном случае эти памятники можно интерпретировать как принадлежащие кочевью одной группы сарматов, поскольку расстояние между погребениями примерно 50 км, т. е. примерно 2 дня пути гужевым транспортом. Такой инвентарь имеет аналогии и среди позднезарубинецких древностей, датируемых исследователями в широких пределах I—II вв. — в могильнике Ивковцы и Субботов (Башкатов, Бітковська 2021: 59—60, рис. 7; 11). Но М. Б. Щукин для Субботова аргументировал более узкую дату: рубеж эр — первая половина I в. н. э. (Щукин 1972: 50), т. е. финал классической зарубинецкой культуры. Также из Посулья происходит фибула типа Авцисса, известная по работам А. К. Амброза. Эта фибула (тип II-б) из с. Постав-Мука датировалась им первой половиной I в. А. К. Амброз отыскал ее в ГИМ (планшет 57-6в, инв. № 36211). Под этим номером она там и хранится (Оп. Б 529/10), согласно любезному сообщению сотрудника

ГИМ К. Б. Фирсова. Находка опубликована в числе фибул зарубинецкой культуры и самой известной монографии исследователя (Амброз 1966: 26, табл. 4, 16), неоднократно переиздавалась (Звід… 2017: 55). Она происходит из коллекции разведок М. П. Авенариуса у с. Постав-Мука. Точное место не указано, но не исключено, что на городище скифского времени, расположенном рядом с раскопанными М. П. Авенариусом курганами. Согласно В. В. Кропотову, они датируются второй половиной I — началом II в. н. э., но встречались и значительно позднее. По его данным, в Восточной Европе найдено около 150 фибул типа Авцисса, а том числе в Крыму — до 20. Преимущественно это памятники вблизи Херсонеса и на Боспоре, в основном позднескифские. Сам А. К. Амброз датировал фибулы Авцисса преимущественно первой половиной I в. (Амброз 1966: 26), А. Е. Пуздровский погребения позднескифских могильников с такими фибулами датировал серединой — третьей четвертью I в. Однако он делал оговорку, что появление их в Крыму произошло раньше, а в сарматской среде они встречаются и позже (Пуздровский 2007: 86—87, 174). На памятниках Крыма есть и изделия, сходные с фибулами типа Авцисса. Например, в Опушкинском могильнике фибула Авцисса одна. Две подобные фибулы происходят из раннего участка могильника, датирующегося в пределах I — первой половины II вв. (Стоянова, Храпунов 2020: 293—294, 301, рис. 1: 2—3; Стоянова 2021: 27, 33, рис. 1: 17—18). А. М. Обломский указывает на более широкие датировки распространения фибул типа Авцисса у сарматов В. В. Кропотовым, практически весь II в. (Обломский 2021: 139—154, рис. 2: 4, 5). В Подонье А. М. Обломский насчитал 10 таких фибул, т. е. вдвое меньше, чем в Крыму. Не исключено, что, как это прослежено в Крыму (по крайней мере, на Усть-Альминском и Опушкинском могильниках), на других территориях эти фибулы тоже могут иметь более узкие даты, чем широкие, предложенные для сарматской среды. На позднезарубинецких памятниках такие фибулы встречаются реже. А. М. Обломский датирует их в широких пределах от последних двух десятилетий I в. до н. э. до начала II в., пик бытования приходится на первую половину — середину I в. (Обломский 2021: 139—154, рис. 2: 4, 5). Фибула типа Авцисса, согласно каталогу Б. И. и В. Н. Ханенко, происходит из Мотронинского городища (Амброз 1966: 26). Похоже, что на Левобережье фибулы Авцисса и сходные типы, представленные единичными экземплярами, связаны с городищами раннего железного века, имеющими позднескифские отложения (или их окрестностями).

Фибула из Ратского городища, ранее определяемая как Авцисса, по уточненным данным — форма 5 по В. В. Кропотову, датируется I в. (Кропотов 2010: 267, 279) (на уточнение типа ратской фибулы обратил внимание автора А. М. Обломский). Именно эта фибула, как и плакетка со львом, послужила основанием для предположения о более ранней датировке погребений сарматов, чем позднезарубинецкие древности (Енуков, Медведев 2001—2002: 256—257). Если судить по дате селища Грини и сарматских погребений, хронология которых охватывает не весь II в., то определенный смысл в этом замечании есть. Но количество таких комплексов ограничено, специального анализа всей сосокупности сарматских погребений не проводилось, а названные плакетки — скарабеи (Ивковцы, Суботов, Калантаево) и львы (Носовцы, Рахны) — на позднезарубинецких памятниках встречались. Следует отметить, что скарабеи и плакетки со львами встречались в одних ожерельях вместе с фибулами Авцисса в Крыму. В одном комплексе имеется фибула Авцисса вместе с амфоровидной голубой подвеской из египетского фаянса, типа встреченных в Борисовском погребении, где пронизи со львом и амфоровидные подвески — самые многочисленные в ожерелье (Обломский 2003: 164, рис. 13; Дьяченко, Кривошеев 2016: 105—115, рис. 3: 4 а, 6). Дата погребения весьма узкая, вторая половина I — начало II вв. Таким образом, ратские находки плакетки со львом и очень редкой фибулы формы 5 (весьма схожей с типом Авцисса) одновременны. Сарматские погребения встречаются на минимальном удалении от городищ скифского времени. Это хорошо прослеживается в Посулье. Из с. Березоточа, на расстоянии до 50 км к юго-западу от с. Постав-Мука, происходит разрушенное сарматское погребение, датированное началом — серединой II в. (Кулатова, Супруненко 2019: 97—108, кол. вст. III, 2). В Среднем Посулье и на прилегающей компактной территории протяженностью примерно 120 км в широтном направлении насчитывается 3 достоверных сарматских погребения I—II вв. (Золотоношка, Круподеринцы, Березоточа), одно не поддающееся надежной датировке (Пирятин) и находка фибулы типа Авцисса (Постав-Мука). Неопределенность ситуации в этом микрорегио-

оне еще более осложнена тем, что в позднезарубинецком жилище Великих Будок (ур. Хутор) встречены предметы, определенные как юхновские, что сужает дату до второй половины I в. (между финалом зарубинецкой культуры и верхней датой юхновской — конец I в.).

С. В. Воронятов полагает, что Битицкое, Новотроицкое и Ратское городища были временными пунктами остановок сарматов на пути в зависимые от них земли, занятые позднескифским и позднезарубинецким населением (Воронятов 2011: 98). Однако следует иметь в виду, что собственно сарматские древности Днепровского Левобережья и группа зарубинецко-сарматских кремаций, как и позднескифские слои на поселениях, не полностью синхронны. Одновременность этих материалов нужно аргументировать, а затем уже должно последовать создание на их основе реконструкций. К тому же крайние северные погребения Воробьевка и Борисовка — не мужские, как и основная масса расположенных к югу от них. Видимо, предположение С. В. Воронятова — не единственный вариант реконструкции культурно-хронологической ситуации в I—II вв. в лесостепи Днепровского Левобережья.

* * *

Итоги картографирования сарматских и позднескифских памятников Верхнего Посулья, бассейна Псла и сопредельных территорий Левобережья суммируются в следующих наблюдениях и выводах.

1. Все крайние северные достоверные сарматские погребения расположены по линии современных городов Лубны — Обоянь — Грайворон. Видимо, они обозначают северную границу кочевий сарматов в I—II вв.

2. Сарматские памятники соседствуют с позднескифскими и некоторыми (стационарно исследованными Великие Будки, Вовки, Бельское озеро) позднезарубинецкими. Сарматские погребения удалены примерно на растоянии 1—2 дневных переходов от позднескифских (слои на городищах скифского времени) и позднезарубинецких (селища) памятников.

3. Сарматские погребения расположены группами, за чем, видимо, стоят районы кочевьев родов или других коллективов. Кроме группы в Посулье и на р. Золотоношка, такой же район локализуется на Псле (Барановка, Новотроицкое). На Ворскле — Лихачевка в окрестностях Бельского городища и ближайшее — Яроховка в междуречье Псла и Ворсклы. На Ворскле также выделяется несколько групп сарматских погребений, расположенных южнее Полтавы, вплоть до устья Ворсклы. Но в верховья Ворсклы выходит лишь один памятник, расположенный в отрыве от полтавской группы — Борисовка. Вблизи есть лишь случайная находка пряжки подковообразной формы (сюльгамы) с территории курганного могильника Катериновка, но нет четкой даты верхнего предела их распространения в сарматских древностях, можно лишь констатировать их распространение в Поворсклье и прилегающих памятниках бассейна Северского Донца в позднескифское и сарматское время (Могилов 2016: 41, 53, рис. 1).

4. Верхнее Посулье по количеству и разнообразию типов памятников (поселенческих и погребальных) II—I вв. до н. э. и позднее, по крайней мере в I в. н. э., представляется зоной обитания поздних скифов. Славянское селище в ур. Хутор у с. Будки на р. Терн и сарматские погребения, тяготеющие к нижнему течению р. Удай, возможно, фиксируют пределы позднескифской территории.

5. В пределах Левобережья фибулы типа Авцисса и близкая форма встречаются лишь в связи с городищами раннего железного века — или на них, или в окрестностях, а не в сарматских погребениях.

Выводы и наблюдения данной публикации носят предварительный характер и должны быть скорректированы с учетом предстоящей разработки хронологии древностей Днепровского лесостепного Левобережья и Восточного Полесья (всех представленных на данной территории типов III—II в. до н. э. — II в. н. э.). На сегодня наблюдаются, как показано выше на некоторых примерах, несколько дат даже для таких типов находок как зеркала, фибулы, сюльгамы, а также бус.

Система хронологии должна быть единой для Днепровского Левобережья, включать все, без исключения, представленные на этой территории типы древностей. Она должна быть сравнимой с системами датирования (или опорными памятниками) сопредельных регионов. Предстоящая работа будет следующим этапом изучения рассмотренных выше памятников.

Литература

Амброз А. К. 1959. Фибулы зарубинецкой культуры. *МИА* 70, 184—190.

Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР.* Москва: Наука.

Анфимов Н. В. 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. *МИА* 23, 155—207.

Башкатов Ю. Ю., Бітковська Т. В. 2021. Івківці — новий тип пізньозарубинецьких пам'яток Середнього Подніпров'я. *Археологія* (2), 52—62.

Болтрик Ю. В., Бунятян К. П. 1993. Розкопки на Басівському городищі. *АДУ 1992 року*, 17—19.

Воронятов С. В. 2011. Египетский фаянс на поселенческих памятниках северной периферии античного мира. *НАВ* 12, 95—104.

Головко І. В. 2006. Невідомий сарматський поховальний комплекс на Удаї. *АЛЛУ* 2, 102—103.

Гопкало О. В., Рудич Т. О. 2018. Пізні скіфи та сармати у складі культури Черняхів — Синтана-де Муреш (за матеріалами поселення та могильника біля с. Боромля). В: Супруненко О. Б. (наук. ред.). *Старожитності Лівобережжя Дніпра.* Київ; Котельва: ЦП НАНУ і УТОПІК, 90—101.

Деревянко А. В. 2020. Роксоланская проблема в контексте данных античной традиции. *Археологическое наследие* 1 (3), 330—337.

Дзнеладзе Е. С. 2016. Египетский фаянс у поздних скифов Нижнего Днепра. *АДІУ* 2 (19), *68—73.*

Дьяченко А. Н., Кривошеев М. В. 2016. Погребальный комплекс I в. н. э. из раскопок курганного могильника Ковалевка. *НАВ* 15 (1), 105—115.

Енуков В. В., Медведев А. П. 2001—2002. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм. *Stratum plus* (5), 253—257.

Еременко В. Е. 1997. *«Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III — I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе.* Санкт-Петербург: СПбГУ.

Звід… 2017: *Звід пам'яток історії та культури України. Полтавська область. Чорнухинський район.* 2017. Полтава: ТОВ «АСМІ».

Звід… 2018: *Звід пам'яток історії та культури України. Полтавська область. Котелевський район.* 2018. Полтава: ТОВ «АСМІ».

Ильинская В. А. 1961. Позднескифский слой Басовского городища. *КСИАУ* 11, 59—63.

Ильинская В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья).* Киев: Наукова думка.

Каравайко Д., Качура О. 2020. Городище та поселення Ширяєво. *АДУ 2018*, 188—190.

Кашкин А. В., Приймак В. В. 2013. К изучению археологических памятников I тыс. до н. э. верхнего течения Псла (памяти Б. А. Шрамко). В: Раздорский И. А. (редактор-составитель). *Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре.* Сбор. матер. межрег. науч. конф. (г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.). Обоянь, 13—22.

Корнілко Л. М., Симоненко О. В. 1982. Сарматське поховання на Полтавщині. *Археологія* 37, 84—85.

Кропотов В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи.* Киев: АДЕФ-Украина.

Ксенофонтова И. В. 2018. Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании ГМВ. В: Кочкаров У. Ю. (отв. ред.). *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа.* Материалы Международной научной конференции. Карачаевск: Издательство Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, 351—354.

Кулатова И. Н. 1990. К вопросу о сарматских памятниках Полтавщины. В: Супруненко О. Б. (ред.). *Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Третій обласний науково-практичний семінар.* Квітень, 1990. Тези доповідей. Полтава: Фірма «Техсервіс», 144—148.

Кулатова І. М., Супруненко О. Б., Терпиловський Р. В. 2005. *Пізньоскіфські та пізньозарубинецькі старожитності Полтавщини.* Полтава: Археологія.

Кулатова І. М. 2018. Павлівське поховання середньосарматського часу. В: Супруненко О. Б. (ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2018 = Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions — 2018. Пам'яті Г. О. Сидоренко (1918—1984).* Київ: ЦП НАНУ і УТОПІК, 76—89.

Кулатова І. М., Супруненко О. Б. 2019. Сарматське поховання на лівобережжі Сули. В: Супруненко О. Б. (ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2019.* Київ; Полтава: Дивосвіт, 97—108.

Кулатова І. М. 2020. Сарматські поховання в курганах у Климівці на Орчику (за розвідками і розкопками О. К. Тахтая та М. Я. Рудинського). В: Супруненко О. Б. (ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2020 = Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions — 2020: збірник наукових праць. До 130-річчя з дня народження О. К. Тахтая (1890—1963).* Полтава; Харків: Майдан, 245—268.

Лугова Л. М. 1989. Нові сарматські поховання на Полтавщині. В: Лобурець В. Є. (ред.). *Тези доповідей і повідомлень першої полтавської наукової конференції з історичного краєзнавства.* Полтава: Полтавський державний педагогічний інститут ім. В. Г. Короленка, 111—113.

Лугова Л. М. 2006. Сарматські поховання з Ярохівки в окрузі Більського городища. *АЛЛУ* 2, 64—67.

Любичев М. В. 2019. *Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I—V веков.* Ч. 1. Харьков: Есте Принт.

Любичев М. В. 2019а. *Ранняя история Днепро-Донецкой лесостепи I—V вв.* Ч. 2. Харьков: Естет Принт.

Ляпушкин И. И. 1958. *Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства.* МИА 74. Москва; Ленинград: АН СССР.

Медведев А. П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса.* Москва: Таус.

Могилов О. Д. 2016. Про один із різновидів пряжок скіфського часу. *Археологія* (2), 40—59.

Нефедова Е. С. 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля». В: Щукин М. Б., Гей О. А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени.* По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.). Санкт-Петербург: НАО «Ойум», 21—34.

Обломский А. М., Томашевич Т. В. 1993. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья. *КСИА* 207, 48—55.

Обломский А. М. 2003. *Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н. э.).* Москва: Наука.

Обломский А. М., Приймак В. В. 2020. Материалы рубежа н. э. на городище Битица в Сумской обл. (раскопки 1984—1986 гг.) и некоторые проблемы позднескифской археологии лесостепного Поднепровья. *Археологическое наследие* (1 (3)), 377—392.

Обломский А. М. 2021. Фибулы Днепровского лесостеп-

ного Левобережья и Подонья раннеримского времени. Проблема связей оседлого населения. *КСИА* 265, 139—154.

Приймак В.В. 2012. Предметы позднескифско-сарматского облика из городища Новотроицкого. *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья* IV, 181—186.

Приймак В.В. 2019. До історії вивчення мікрорегіонів Дніпровського лісостепового Лівобережжя I–II тис. н. е. (В.П. Андрієнко та М.М. Семенчик). В: Супруненко О.Б. (відп. ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2019 = Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions — 2019: збірник наукових праць. До 80-річчя В.П. Андрієнка.* Київ; Полтава: Дивосвіт, 109—116, кол. вкл. VIII.

Приймак В.В. 2020. В.А. Іллінська та О.І. Тереножкін і деякі сучасні проблеми вивчення Дніпровського лісостепового Лівобережжя (II тис. до н.е. — поч. I тис.). В: Супруненко О.Б. (наук. ред.). *Феномен Більського городища 2020.* Київ; Котельва: ЦП НАН України і УТОПІК, 336—355.

Приймак В.В., Гречко Д.С., Коротя О.В., Осадчий Є.М. 2016. Майдани і селітроварні комплекси лівого берега середньої течії Ворскли (за археологічними, картографічними і писемними джерелами). В: Супруненко О.Б. (відп. ред.). *Феномен Більського городища 2016: До 95-річчя від дня народження визначного українського археолога професора Б.А. Шрамка (1921—2012) та 110-річчя від початку археологічних досліджень Більського городищ.* Київ; Полтава: ЦП НАН України і УТОПІК, 218—234.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в.н.э. Погребальные памятники.* Симферополь: Бизнес-Информ.

Самоквасов Д.Я. 1908. *Могилы Русской земли.* Москва: Синодальная Типография.

Сиволап М.П., Гопкало О.В. 2009. Розкопки курганів у верхоріччі р. Золотоношка. *Vita antiqua* 7—8, 142—145.

Синика В.С. 2017. Латенская фибула из Токмазеи. *Вестник Воронежского государственного университета* 2, 111—115.

Синика В.С. 2022. *Скифская археологическая культура III—II вв. до н.э. Северо–Западного Причерноморья и актуальные проблемы истории скифов.* Автореферат дисс. … докт. ист. наук. Москва.

Синица Е.В. 2008. Сарматское погребение из хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений. *Германия — Сарматия* I, 9—28.

Стоянова А.А., Храпунов И.Н. 2020. Римские импорты из Опушкинского могильника в Крыму. *Археологическое наследие* 1 (3), 294—303.

Стоянова А.А. 2021. Фибулы Опушкинского могильника и их роль в костюме (по материалам раскопок 2003—2020 гг.). *МАИЭТ* XXVI, 22—39.

Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. В: Щукин М.Б., Гей О.А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени.* По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.). Санкт-Петербург: НАО «Ойум», 158—207.

Шрамко Б.А. 1962. *Древности Северского Донца.* Харьков: ХГУ.

Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. *АСГЭ* 14, 43—52.

References

Ambroz, A.K. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 70, 184—190 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD)).* Series: Corpus of Archaeological Sources D1—30. *Moscow:* "Nauka" Publ. (in Russian).

Anfimov, N.V. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 23, 155—207 (in Russian).

Bashkatov, Yu. Yu., Bitkovs'ka, T.V. 2021. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 52—62 (in Ukrainian).

Boltryk, Yu.V., Bunyatyan, K.P. 1993. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 1992 roku (Archaeological Investigations in Ukraine in 1992)*, 17—19 (in Ukrainian).

Voroniatov, S.V. 2011. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 12, 95—104 (in Russian).

Holovko, I.V. 2006. In *Arkheolohichnyj litopys Livoberezhnoï Ukraïny (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* 2, 102—103 (in Ukrainian).

Gopkalo, O.V., Rudych, T.O. 2018. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhzhya Dnipra (Antiquities of the Left Bank of Dnieper).* Kyiv; Kotelva: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 90—101 (in Ukrainian).

Derevianko, A.V. 2020. In *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* 1 (3), 330—337 (in Russian).

Dzneladze, E.S. 2016. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (19), *68—73 (in Russian).*

D'iachenko, A.N., Krivosheev, M.V. 2016. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 15 (1), 105—115 (in Russian).

Enukov, V.V., Medvedev, A.P. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 253—257 (in Russian).

Eremenko, V.E. 1997. *«Kel'tskaia vual'» i zarubinetskaia kul'tura. Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III—I vv. do n.e. v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (The "Celtic Veil" and the Zarubintsy Culture: An Essay on Reconstruction of 3rd—1st Centuries BC Ethnic-Political Processes in Central and Eastern Europe).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Zvid pam'yatok istorii ta kul'tury Ukraïny. Poltavs'ka oblast'. Chornukhyns'kyj rajon (Corpus of Historical and Cultural Monuments of Ukraine: Poltava Oblast, Chornukhy District). 2017. Poltava: "ASMI" Ltd (in Ukrainian).

Zvid pam'yatok istorii ta kul'tury Ukraïny. Poltavs'ka oblast'. Kotelevs'kyj rajon (Corpus of Historical and Cultural Monuments of Ukraine: Poltava Oblast, Kotelva District). 2018. Poltava: "ASMI" Ltd (in Ukrainian).

Ilyinskaya, V.A. 1961. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)* 11, 59—63 (in Russian).

Ilyinskaya, V.A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ia (kurgany Posul'ia) (Scythians of the Forest-Steppe Zone of the Left Bank of Dnieper (Sula Barrows)).* Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Karavaiko, D., Kachura, O. 2020. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2018 (Archaeological Investigations in Ukraine in 2018),* 188—190 *(in Ukrainian).*

Kashkin, A.V., Priymak, V.V. 2013. In Razdorskii, I.A. (ed., comp.). *Oboian' i oboiantsy v otechestvennoi i zarubezhnoi istorii i kul'ture (Oboyan Town and its Citizens in National and Foreign History and Culture).* Oboyan, 13—22 (in Russian).

Kornilko, L.M., Symonenko, O.V. 1982. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 37, 84—85 (in Ukrainian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch).* Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Ksenofontova, I.V. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh sviazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniia» po arkheologii Severnogo Kavkaza (The Caucasus in the System of Eurasian Cultural Relations in Antiquity and Middle Ages: 30th Krupnov*

Readings on Archaeology of Northern Caucasus). Karachaevsk: Karachay-Cherkessia State University, 351—354 (in Russian).

Kulatova, Y.N. 1990. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Okhorona i doslidzhennya pam'yatok arkheolohiï Poltavshchyny. Tretij oblasnyj naukovo-praktychnyj seminar (Protection and Studying of Archaeological Sites in the Poltava Region: 3rd Regional Seminar)*. Poltava: "Tekhservis" Publ., 144—148 (in Russian).

Kulatova, I.M., Suprunenko, O.B., Terpylovs'kyj, R.V. 2005. *Pizn'oskifs'ki ta pizn'ozarubynets'ki starozhytnosti Poltavshchyny (Late Scythian and Late Zarubintsy Antiquities in the Poltava Oblast)*. Poltava: "Arkheolohiya" Publ. (in Ukrainian).

Kulatova, I.M. 2018. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ya-2018 (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions-2018)*. Kyiv: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 76—89 (in Ukrainian).

Kulatova, I.M., Suprunenko, O.B. 2019. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ya-2019 (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions-2019)*. Kyiv; Poltava: "Dyvosvit" Publ., 97—108 (in Ukrainian).

Kulatova, I.M. 2020. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ya — 2020 = Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions — 2020: zbirnyk naukovykh prats'*. Poltava; Kharkiv: "Majdan" Publ., 245—268 (in Ukrainian).

Luhova, L.M. 1989. In Loburets', V. Ye. (ed.). *Tezy dopovidej i povidomlen' pershoï poltavs'koï naukovoï konferentsiï z istorychnoho krayeznavstva (Abstracts and Reports of the First Poltava Scientific Conference on Local History)*. Poltava: V.G. Korolenko Poltava State Pedagogical Institute, 111—113 (in Ukrainian).

Luhova, L.M. 2006. In *Arkheolohichnyj litopys Livoberezhnoï Ukraïny (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* 2, 64—67 (in Ukrainian).

Liubichev, M.V. 2019. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vv. (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD)*. Ostrogothica-Serie: Bände, Bd. 2. Part 1. Kharkov: "Estet Print" Publ. (in Russian).

Liubichev, M.V. 2019. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vv. (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD)*. Ostrogothica-Serie: Bände, Bd. 2. Part 2. Kharkov: "Estet Print" Publ. (in Russian).

Liapushkin, I.I. 1958. *Gorodishche Novotroitskoe. O kul'ture vostochnykh slavian v period slozheniia Kievskogo gosudarstva (Novotroitskoe Hillfort: On the Culture of Eastern Slavs in the Period of Formation of the Kievan State)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 74. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Medvedev, A.P. 2008. *Sarmaty v verkhov'iakh Tanaisa (Sarmatians in the Upper Tanais)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Mohylov, O.D. 2016. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 40—59 (in Ukrainian).

Nefedova, E.S. 1992. In Shchukin, M.B., Gaj, O.A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Problems of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 21—34 (in Russian).

Oblomskii, A.M., Tomashevich, T.V. 1993. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 207, 48—55 (in Russian).

Oblomskii, A.M. 2003. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremia (seredina III — pervaia polovina V v. n. e. (The Forest-Steppe of the Left Bank of the Dnieper in Late Roman and Hun Times (Middle of 3rd — First Half of 5th Century AD))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Oblomskii, A.M., Priymak, V.V. 2020. In *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* (1 (3)), 377—392 (in Russian).

Oblomskii, A.M. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 265, 139—154 (in Russian).

Priymak, V.V. 2012. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ia (Proceedings and Studies on the Archaeology of the Dnieper Left-Bank Area)* IV, 181—186 (in Russian).

Pryjmak, V.V., Hrechko, D.S., Korotya, O.V., Osadchyj, Ye.M. 2016. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Fenomen Bil's'kogo gorodishcha 2016 (Phenomenon of Bilsk Fortified Site 2016)*. Kyiv; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 218—234 (in Ukrainian).

Pryjmak, V.V. 2019. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ya — 2019 = Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions — 2019*. Kyiv; Poltava: "Dyvosvit" Publ., 109—116, color insert VIII (in Ukrainian).

Pryjmak, V.V. 2020. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Fenomen Bil's'kogo gorodishcha 2020 (Phenomenon of Bilsk Fortified Site 2020)*. Kyiv; Kotel'va: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 336—355 (in Ukrainian).

Puzdrovskii, A.E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. — III v.n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia into the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1908. *Mogily russkoi zemli (Graves of the Russian Land)*. Series: Trudy Moskovskogo komiteta po ustroistvu Chernigovskogo arkheologicheskogo s"ezda (Papers of the Moscow Preliminary Committee for the Organization of the Archaeological Congress in Chernigov). Moscow: Synodal Typography (in Russian).

Syvolap, M.P., Gopkalo, O.V. 2009. In *Vita antiqua* 7—8, 142—145 (in Ukrainian).

Sinika, V.S. 2017. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Voronezh State University)* 2, 111—115 (in Russian).

Sinika, V.S. 2022. *Skifskaia arkheologicheskaia kul'tura III—II vv. do n.e. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia i aktual'nye problemy istorii skifov (Scythian Archaeological Culture of the Northwestern Black Sea Region in the 3rd—2nd Centuries BC and Current Issyes of the History of Scythians)*. Doctoral Thesis. Moscow (in Russian).

Sinitsa, E.V. 2008. In *Germaniia-Sarmatiia (Germania-Sarmatia)* I, 9—28 (in Russian).

Stoianova, A.A., Khrapunov, I.N. 2020. In. *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* 1 (3), 294—303 (in Russian).

Stoianova, A.A. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXVI, 22—39 (in Russian).

Sharov, O.V. 1992. In Shchukin, M.B., Gaj, O.A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Problems of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 158—207 (in Russian).

Shramko, B.A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa (Antiquities of the Seversky Donets River Area)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

Shchukin, M.B. 1972. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 14, 43—52 (in Russian).

Статья поступила в сборник 20 июня 2022 г.

Viktor Priymak (Sumy, Ukraine). Historical and Cultural Reserve "Bilsk" at the Poltava Regional Council [1].

Приймак Виктор Владимирович (Сумы, Украина). Историко-культурный заповедник «Бельск» Полтавского областного совета.

E-mail: viktor.priymak@ukr.net

Address: [1] Chapayev, 62, Kotelva township, Poltava Oblast, 38600, Ukraine

М. М. Казанский, А. В. Мастыкова

Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников

Keywords: *Aestii*, Sambian-Natangian culture, Roman time, written sources

Ключевые слова: эстии, самбийско-натангийская культура, римское время, письменные источники

M. M. Kazanski, A. V. Mastykova

Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources

The authors address the ratio of archaeological cultures and ethnic groups of the Roman time in the *Aestii* settlement zone in the South-Eastern Baltic, with the help of archeological sources and written accounts. Comparison of archaeological data with written accounts does not allow us to come to an unambiguous conclusion that, at some period, the *Aestii* left the territory of East Prussia and their territory was occupied by other peoples, for example Germanic ones. The ethnonym of *Aestii* is applicable primarily to the bearers of the Sambian-Natangian culture, but it can also cover other cultural groups of the coastal population, primarily in the zone of the Wielbark culture. The Sambian-Natangian culture, as well as the Wielbark culture, are heterogeneous in origin. In both cases there is a Germanic cultural component, but it is not the only one. In the Sambian-Natangian culture of the Roman period, the German influence is expressed in the funerary rite and in material culture, while its appearance is associated not only with the Wielbark influence, but also with the Scandinavian impulses. To what extent the rather homogeneous cultural appearance of the bearers of the Sambian-Natangian culture reflects their 'ethnic' unity is a question beyond the competence of archeology alone.

М. М. Казанский, А. В. Мастыкова

Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников

Рассматривается соотношение археологических культур и этносов римского времени в Юго-Восточной Прибалтике, в зоне расселения *Aestii*, с привлечением археологии и данных письменных источников. Сопоставление археологических данных с сообщениями письменных источников не позволяет прийти к однозначному выводу, что в какой-то период эстии покинули территорию Восточной Пруссии и их территория была занята другими, например германскими, народами. Этноним *Aestii* приложим в первую очередь к носителям самбийско-натангийской культуры, но может охватывать и другие культурные группы прибрежного населения, прежде всего в зоне вельбаркской культуры. Самбийско-натангийская культура, равно как и вельбаркская, по происхождению являются гетерогенными. В обоих случаях присутствует германский культурный компонент, но он не является единственным. В самбийско-натангийской культуре римского времени германское влияние выражается в погребальном обряде и в материальной культуре, при этом его появление связано далеко не только с вельбаркским воздействием, но и со скандинавскими импульсами. Насколько довольно гомогенный культурный облик носителей самбийско-натангийской культуры отражает их «этническое» единство — вопрос вне компетенции только археологии.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть соотношение археологических культур и этносов римского времени в Юго-Восточной Прибалтике, в зоне расселения *Aestii*, с привлечением археологии и данных письменных источников. При обращении к последним мы полностью следуем выводам специалистов — историков текстов и филологов, не пускаясь в собственные кустарные толкования текстов. Но сначала несколько предварительных замечаний о самой постановке вопроса.

В археологии европейского Барбарикума является обычным определение «этнической» (при всей условности этого термина) принадлежности той или иной археологической культуры по информации письменных источников о географической локализации названий народов, упоминаемых у древних авторов. Однако известное уравнение Г. Коссины «археологическая культура = этнос» является справедливым далеко не всегда. Во-первых, любая археологическая культура есть искусствен-

The article was elaborated under the Research Program of the IA RAS, project "Preservation of archaeological heritage: methodological aspects and field research in 2010—2020" (no. NIOKTR 122011200265-6) ■ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010—2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

© М. М. Казанский, А. В. Мастыкова, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22235246

ная реконструкция, более или менее принятая большинством занимающихся ею исследователей. Во-вторых, хорошо известны многочисленные примеры гетерогенных по происхождению групп археологических памятников, заведомо принадлежавших разным этническим группам — достаточно назвать такие археологические реалии как меровингская культура на территории Франции или же черняховская культура на юге Восточной Европы. Далее, не менее хорошо известны примеры, когда народ, обладающий единым самосознанием и единым этнонимом, распадается на несколько территориально-культурных групп, обладающих различной материальной культурой, как например беломорские поморы и донские казаки в XVII в.

В том, что касается этнонимов, известных нам по античным авторам, с ними тоже не всё просто. Прежде всего, «этнонимы» в письменных источниках могут отражать не имена народов, а какие-то другие реалии, например военно-политические разнородные объединения. Ограничимся двумя примерами. Ко второй половине IV в. имя алан, по крайней мере в восприятии Аммиана Марцеллина, стало перекрывать все степные народы к востоку от Танаиса[1]. Для более раннего времени, I в. н. э. по Страбону, аппеляция бастарнов включает самые разнородные группы, включая ираноязычных роксолан[2].

С другой стороны, представленные у древних авторов имена народов, зачастую искажены до неузнаваемости: информаторами были люди — торговцы, военные, рабы, заложники и пр. — не обладающие достаточным культурным уровнем, часто плохо или совсем не владеющие греческим и латынью и излагавшие своё субъективное видение этногеографии. Античные же авторы, сами никогда в Барбарикуме не бывавшие, пытались, как могли, интегрировать полученные от информаторов сведения в свою собственную картину мира, часто опиравшуюся на сугубо книжные представления.

Понятно, что при учете этих обстоятельств, любые наши реконструкции по соотнесению археологических культур с названиями варварских народов являются гипотетическими.

Эстии, *Aestii*, известны по письменным источникам I—IX вв., в первую очередь как приморское население к востоку от Вислы, занимавшее янтароносные участки побережья (рис. 1). По мнениию большинства исследователей с ними соотносится самбийско-натангийская культура[3] римского времени и раннего средневековья (подробно Nowakowski 1996: 109—116). Времени появления и распространения самбийско-натангийской культуры соответствует известное описание эстиев у Тацита в его «Германии» (около 98 г. н. э.)[4] (см.: Nowakowski 1996: 110). В своем описании Германии Тацит наверняка пользовался самыми разными источниками. Для Балтийского региона Тацит знает исключительно прибрежные народы, что свидетельствует о получении данной информации в результате каких-то морских контактов, возможно торговых поездок (Kolendo 1981: 100, 101). Также предполагается, что информация Тацита, по крайней мере частично, восходит к какому-то более раннему греческому источнику, где сведения о Балтике черпал и Плиний Старший (погиб в 79 г. н. э.) для своей «Естественной Истории» (Pekkanen

[1] «… За этой рекой [Танаис] аланы занимают простирающееся на неизмеримое просторанство скифские пустыни … Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя … » (Аммиан Марцеллин, *Римская история*, XXXI.2.13), « … Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным …» (Аммиан Марцеллин, *Римская история*, XXXI.2.13).

[2] « … В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирагетами и германцами; бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие — сидонами; те, кто владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном — роксоланов ….» (Страбон, *География*, VII.3.17).

[3] По терминологии польских археологов это культура Долькайм-Коврово. Методически польская аппеляция является более удачной, поскольку снимает географическое, хронологическое и «этническое» определения, но в русской традиции устоялось название «самбийско-натангийская культура», которое мы и используем.

[4] « … Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов. Меч у них — редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом. …. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену …» (Тацит, О происхождении германцев, 45).

Рис. 1. Расселение народов в Южной Прибалтике и археологические культуры в эпоху Тацита (вторая половина I в. н. э.) (по Tacite, La Germanie, карта-вклейка).

Fig. 1. Settlement of peoples in the Southern Baltic and archaeological cultures in the era of Tacitus (second half of the 1st century AD) (after Tacite, La Germanie, inset map).

1968: 47). Впрочем, Плиний эстиев не упоминает.

Обычно эстиев соотносят с западными балтами, хотя подчеркивается и их возможная полиэтничность (Kolendo 1981; Okulicz 1986; Nowakowski 1995; Nowakowski 1996: 113—115; Kolendo 2008; Kolendo 2009: 22; Nowakowski 2009: 44—47; Bitner-Wróblewska 2010; Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015). Эстиев также относили к финнам, германцам, кельтам и к «древнеевропейскому» населению Европы (подробнее Nowakowski 1996: 112, 113, там же библиография). В частности, предполагается, что описание эстиев у Тацита скорее всего является достаточно обобщенным для разнородных племен, носителей самбийско-натангийской и вельбаркской культур (о ней см. ниже), проживавших вокруг Вислинского залива. Среди них могли оказаться самые разнородные группы балтского, германского и даже финского происхождения (Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015). Впрочем, надо отметить, что у Тацита локализация эстиев однозначно привязана к янтарносному морскому побережью, что скорее всего указывает на Самбийский полуостров, где сосредоточены основные месторождения янтаря на Балтике, т. е. исключительно на зону самбийско-натангийской культуры. Эстии также хорошо известны и в более позднее время, в VI—IX вв. (Кассиодор, Иордан, «Орозий» короля Альфреда, Эйнхард), когда они по-прежнему занимают приморский регион к востоку от Вислы и часто увязываются с янтарным побережьем (Кассиодор, Иордан), т. е. в первую очередь с Самбийским полуостровом (подробнее Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 38, 39, там же библиография).

Некое смятение в эту картину вносит «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, написанное в первой половине II в. Сочинение Птолемея, по мнению ряда исследователей, отражает появление в Римской империи какой-то новой информации о Юго-Восточной Прибалтике, возможно восходящей к несколько более раннему времени, может быть к Марину Тирскому (Kolendo 1981: 99). Другие историки настаивают на вторичном, компилятивном характере труда Птолемея (Шелов-Коведяев 1994: 47, 55—58). Как бы то ни было, согласно Птолемею, «по всему Венедскому заливу» (южное побережье Балтийского моря, преимущественно Вислинский залив) (Wołągiewicz 1981: 92; Kolendo 1992: 187) живут венеды (*Οὐενέδαι*, *Venedai*), а ниже их, то есть уже в глубине материка, указываются гитоны (*Γύθωνες*, *Gythones*), галинды (*Γαλινδαι*, *Galindai*), судины (*Σουδινοί*, *Soudinoi*) и ставаны (*Σταυανοί*, *Stavanoi*) «до алан». Северо-восточнее венедов на побережье живут вельты (*Οὐέλται*, *Veltai*), выше их, судя по контексту, по морскому берегу – оссии (*Οσσιοι*, *Ossioi*) (Птолемей, Географическое руководство, III.5.7—10) (рис. 2: 1, 2). Как видим, эстиев он не упоминает.

Однако тождество оссиев Птолемея и эстиев Тацита представляется очень вероятным, что уже давно замечено исследователями (Kolendo 1992: 188; Nowakowski 1995: 82; Kolendo 2009: 27). Но оссиев часто локализуют к северо-востоку от Самбийского полуострова, вне зоны самбийско-натангийской культуры (Nowakowski 1996: 111; Žulkus 2000: 92, Abb. 3). При этом отмечается, что в балтийских языках — *usta*, — *osts*, — *uosts* означает «дельта», а созвучные имени оссиев топонимы известны в районе дельты Немана и в окрестностях Клайпеды (Žulkus 2000: 92). Это в частности река Осса, приток Лаукне, впадающая в Куршский залив (Удальцов 1946: 43). Еще одна возможность — соотнесение с оссиями Птолемея народа *Oxionas*, упоминаемого Тацитом где-то на окраинах ойкумены. Это народ с человеческим лицом и звериным телом (Тацит, О происхождении германцев, 46).

На наш взгляд, для локализации оссиев Птолемея, а стало быть для решения во-

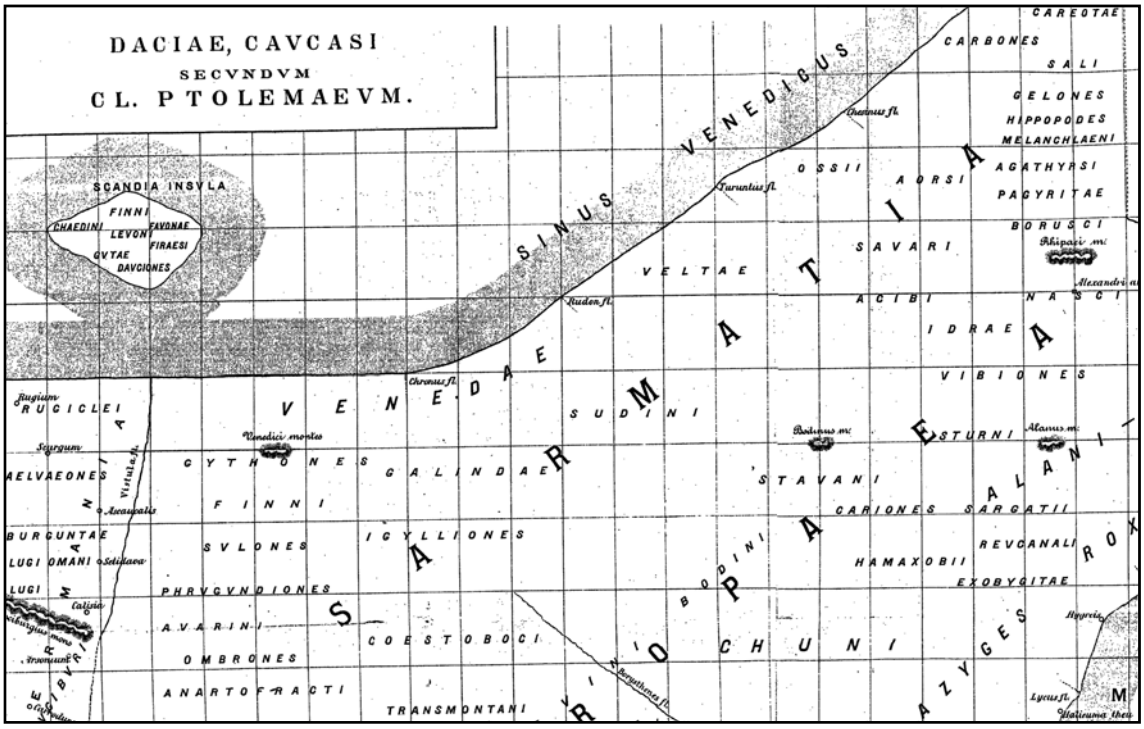

Рис. 2 (1). Расселение народов в Южной Прибалтике в первой половине II в. н.э. по Птолемею: реконструкция В.В. Латышева (по Латышев 1890: карта-вклейка).

Fig. 2 (1). Settlement of peoples in the Southern Baltic in the first half of the 2nd century AD according to Ptolemy. reconstruction by V.V. Latyshev (after Латышев 1890: inset map).

проса об их соотнесенности с носителями самбийско-натангийской культуры, имеющиеся данные представляются явно недостаточными, что и является причиной разногласий в их интерпретации. Так, одни исследователи расселяют упомянутых Птолемеем венедов и вельтов на всем балтийском побережье от Вислы до Немана (Кулаков 2003: 82), другие же — только на территории, занятой тогда памятниками вельбаркской культуры к востоку от Нижней Вислы, где сосредоточена «венедская» топонимика (Wołągiewicz 1981: 96, 101, 102, ryc. 4).

Вельбаркскую культуру обычно считают в основе германской и даже конкретно готогепидской (Wołągiewicz 1981; Wołągiewicz 1986; Kazanski 1991: 18—28; Kokowski 2008: 39—98; Kokowski 2010; подробнее в русской историографии — Щукин 1994: 246—248; Щукин 2005: 25—48). Времени Тацита и Птолемея соответствуют памятники так называемой любовидзской фазы вельбаркской культуры, датируемые по хронологии европейского Барбарикума периодом B2, т.е. временем около 70/80—160/170 гг. н.э. (Wołągiewicz 1981: 101). Территория вельбаркской культуры в I—IV вв. включает в себя всё Нижнее Повисленье, по обеим берегам реки (рис. 3).

К востоку от Вислы памятники любовидзской фазы сосредотачиваются между Вислой и р. Пасленка (польск. Pasłęka; нем. Passarge) (рис. 3), впадающей в Вислинский залив. Скорее всего Пасленка идентифицируется с рекой *Guthalus* у Плиния Старшего, в его описании южного берега Балтийского моря (77—79 гг. н.э.), где упоминаются «знаменитые» реки, в падающие в Океан (Балтийское море): *Guthalus*, *Visculus sive Vistla*, *Albis*, *Visurgis*, *Amisis*, *Rhenus*, *Mosa* (Плиний, *Естественная история*, IV.100; об идентификации см.: Казанский 2019). При этом в районе устья Вислы (поселенческая зона А по Р. Волангевичу) вельбаркские памятники существуют в течение всего времени бытования этой культуры, т.е. начиная с 70-х гг. н.э. и до 400-х гг. (Wołągiewicz 1986: Abb. 13; Ciésliński 2010: 130—134).

В период B1 (10/20—70/80 гг.) вельбаркские памятники не доходят по Пасленки, а к востоку от Вислы концентрируются вокруг ныне не существующего южного выступа Висленского залива к востоку от Ногаты (Andrzejowski, Ciésliński 2007: ryc. 1;

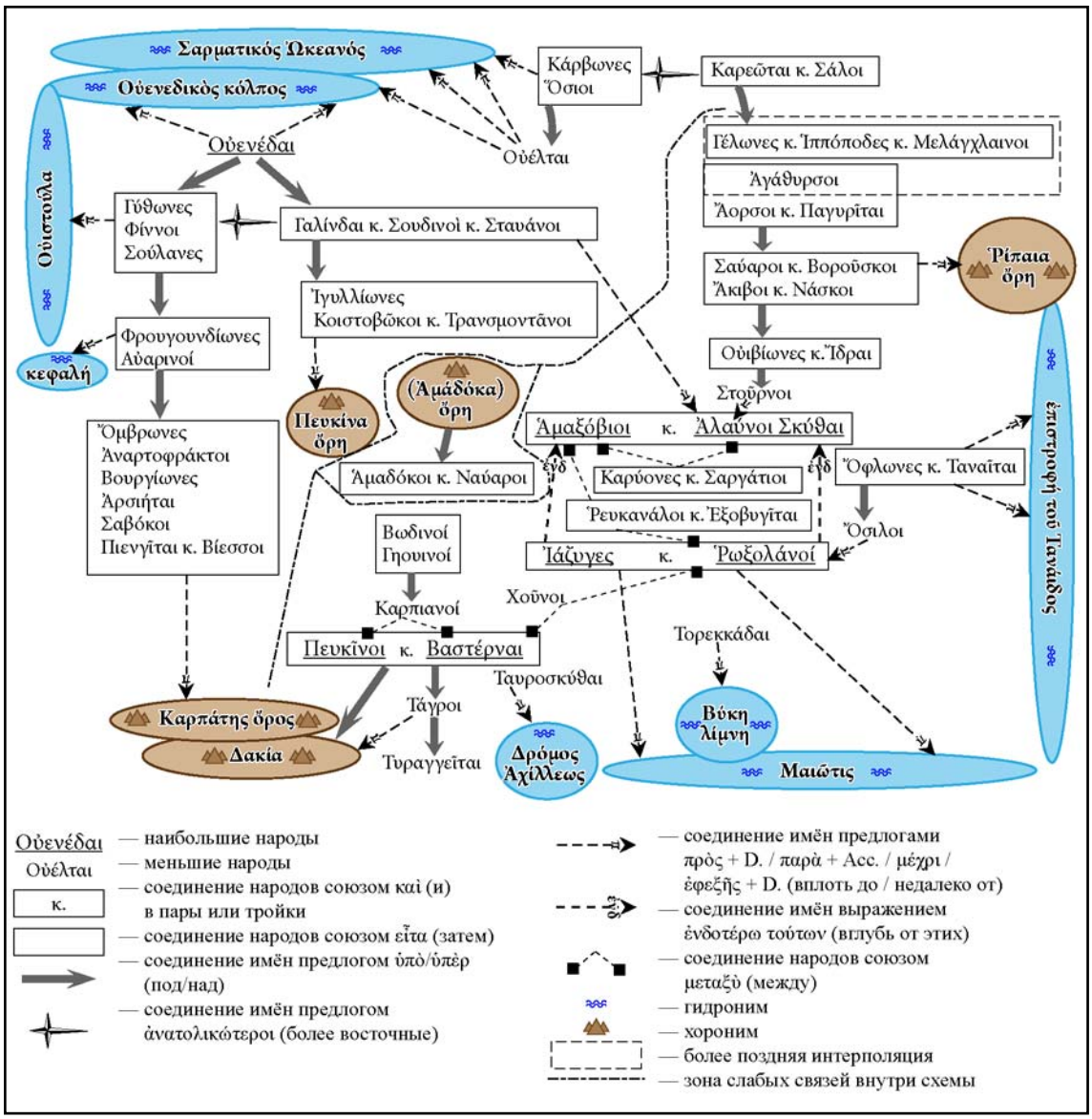

Рис. 2 (2). Расселение народов в Южной Прибалтике в первой половине II в. н.э. по Птолемею: 1 реконструкция П.В. Шувалова (по Шувалов 2013: рис. 1).

Fig. 2 (2). Settlement of peoples in the Southern Baltic in the first half of the 2nd century AD according to Ptolemy. reconstruction of V.P. Shuvalov (after Шувалов 2013: рис. 1).

Ciésliński 2010: Karte 2). Кстати, сам этот залив вместе с впадающими в него небольшими реками и вытянутым озером Руда Вода (Ruda Woda) мог восприниматься как речная магистраль (см. карты: Kolendo 1981: fig. 3; Ciésliński 2010: Abb. 2). Памятники, связываемые с балтими — эстиями, находятся далеко на востоке, за Преголой (рис. 3А). Для периода B1 это остаточное население так называемой культуры западнобалтских курганов раннего железного века (о ней см.: Okułicz 1970) и, может быть, самые ранние памятники самбийско-натангийской культуры.

В течение периода B2 (70/80—160/170 гг.) (поселенческая зона D по Р. Волангевичу), памятники вельбаркской культуры появляются и на Пасленке, как в верхнем, так и в нижнем её течении, а отдельные вельбаркские находки есть и на восточном берегу, в нижнем течении Пасленки (Wołągiewicz 1981: 86, ryc. 3; Nowakowski 1996: Karte 16; Ciésliński, Nowakowski 2005: 257—259, Abb. 2; Andrzejowski, Ciésliński 2007: ryc. 2; Ciésliński 2010: 150—153, Karte 3; Казанский 2019). Далее, к востоку от Пасленки, начинается ареал самбийско-натангийской культу-

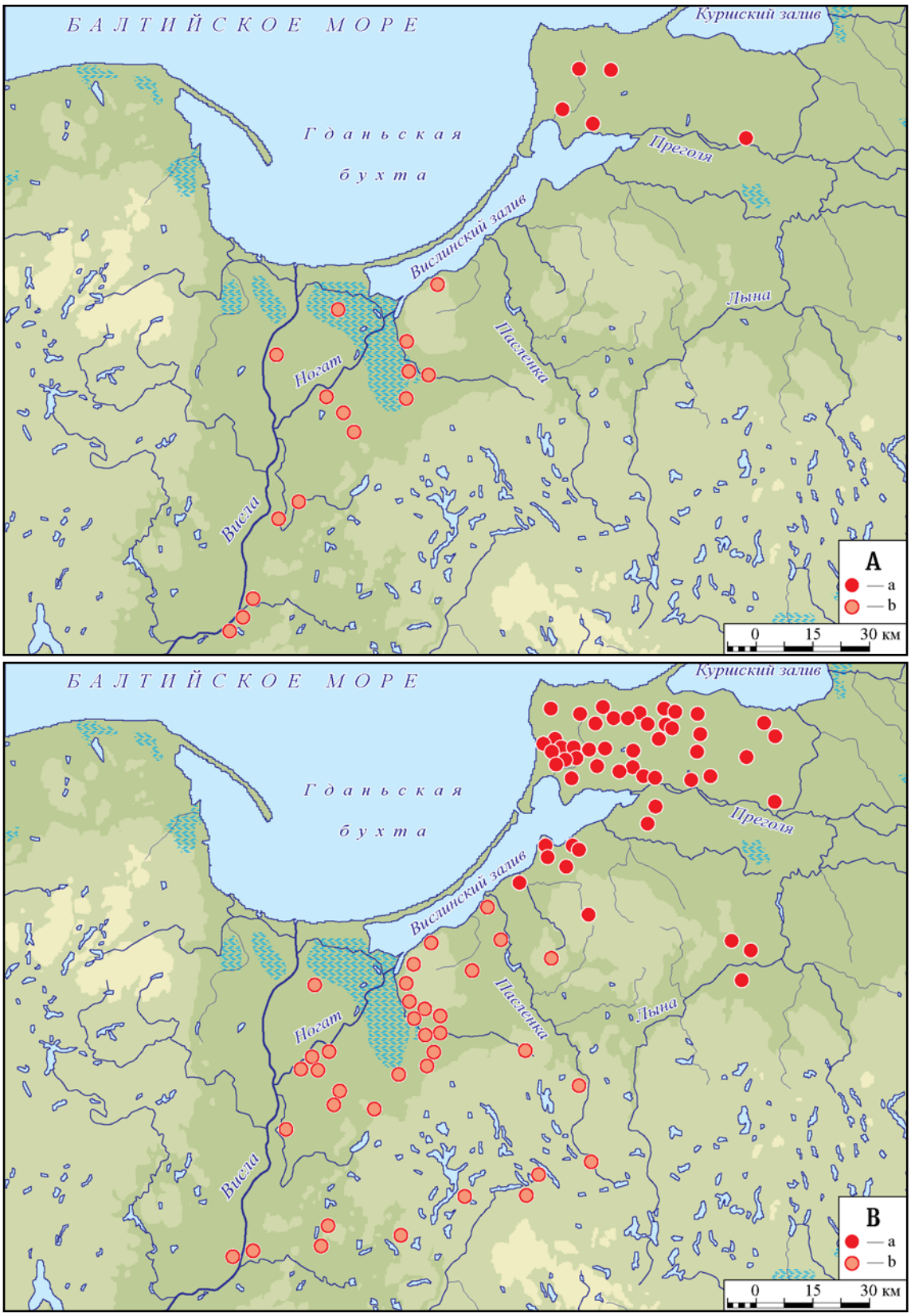

Рис. 3. Распространение памятников балтских и германских культур в регионе между Вислой и Преголей: A — период B1; B — период B2. 1 — памятники балтских культур; 2 — памятники вельбаркской культуры (по Скворцов 2013: рис. 5; 6).

Fig. 3. Distribution of monuments of Baltic and Germanic cultures in the region between the Vistula and Pregola: A — period B1; B — period B2. 1 — Baltic cultures; 2 — Wielbark culture (after Скворцов 2013: рис. 5; 6).

ры (рис. 3В). Если не считать кромки берега Вислинского залива, то территории вельбаркской и самбийско-натангийской культур в период B2 в среднем и верхнем течении Пасленки разделены зоной без археологических памятников, что обычно интерпретируется как пограничная область взаимного отторжения и страха (Ciésliński 2010: 175; Скворцов 2013: 41). Видимо между готами и эстиями в I — начале II в. сложились враждебные отношения (Скворцов 2013: 41, 42). Контакты скорее всего осуществлялись только вдоль морского побережья, где могла проходить трасса, связанная с торговлей янтарем (Скворцов 2013: 41—43). Впоследствии отношения между ними налаживаются и незаселенная полоса между ареалами этих двух культур исчезает (Andrzejowski, Cieśliński 2007: 280, 281; Скворцов 2013: 41, 42). Особенно тесные контакты носителей вельбаркской и самбийско-натангийской культур устанавливаются уже в позднеримское время (Andrzejowski, Cieśliński 2007: 282; Скворцов 2013: 43).

Надо подчеркнуть, что несмотря на признание ведущей роли германского компонента, культурная и, видимо, этническая гетерогенность вельбаркского массива для любовидзской фазы также осознается практически всеми исследователями. Выделяются два основных компонента формирования вельбаркской культуры. Аллохтонный компонент, возможно связанный с каким-то скандинавским импульсом, представлен памятниками с каменными кругами группы Одры — Венсеры — Гжибница (Odry — Węsiory — Grzybnica), в любовидзской фазе известными только к западу от Вислы (см. карты: Wołągiewicz 1986: Abb. 2, 5, 7), и местный, связанный по происхождению с предшествующей вельбаркским памятникам по времени оксывской культурой, её атрибуция остается неясной (Wołągiewicz 1981: 86—88, 102, ryc. 3; Wołągiewicz 1986: 65—70; см. также: Щукин 2005: 35, 38, там же библиография).

Вернемся к венедам Птолемея (*Οὐενέδαι*, *Venedai*) (рис. 2: 1, 2). Вполне возможно, что этот народ, языковая принадлежность которого неясна (иллирийцы? кельты? романизированные выходцы из адриатической Венетии? носители каких-то древнеевропейских языков?: Wołągiewicz 1981: 96; Щукин 2005: 70; Шувалов 2015)[5], могли входить в состав носителей этих автохтонных элементов вельбаркской культуры. На связь этих балтийских венедов с территорией вельбаркской культуры может указывать и присутствие в «Географическом руководстве» Птолемея каких-то Венедских гор, последние находятся в Сарматии, т. е. к востоку от Вислы (Птолемей, Географическое руководство, III.V.5) и явно не далеко от балтийского побережья, учитывая приморскую локализацию птолемеевых венедов. По Е. Колендо эти горы должны располагаться где-то около Мазурского поозерья (Kolendo 1984: 644). Действительно, единственным местом, вблизи южного берега Балтийского моря, где наблюдается хоть какой-то «горный» пейзаж, являются останцы Балтийской гряды. Один из таких останцов находится на территории совр. Варминьско-Мазурского воеводства в Польше, западнее г. Ольштын — это Дылевские взгорья (Wzgórza Dylewskie) с наибольшей высотой на Дылевской Гуре (Dylewska Góra/Kernsdorfer Höhe) в 312 м от уровня моря, как раз на южной окраине территории вельбаркской культуры (см.: Cieśliński 2010: Karte 1). Впрочем, считается, что на основании тех же данных Птолемея венедов можно локализовать и в самбийско-натангийском ареале или же на территории других западнобалтских культур, во всяком случае к востоку от Вислы (Kolendo 1984: 644; Kolendo, Plóciennik 2015: 301, 302, 305).

Еще более загадочны северо-восточные соседи венедов, вельты Птолемея (*Οὐέλται*, *Veltai*) (рис. 2: 1, 2), которых не удается идентифицировать, хотя иногда их относят к славянам (см. библиографию: Jaździewski 1988: 98, 99; Шелов-Коведяев 1994: 59, 60). Если отождествление венедов с вельбаркскими памятниками к востоку от устья Вислы, на территории вельбаркской культруры, предложенное Р. Волангевичем, справедливо, то вельтов надо искать непосредственно к востоку от них, или же на их восточной окраине. Это может быть территория бассейна Пасленки, где, как мы видели, есть вельбаркские памятники периода B2 или же территория Натангии к востоку от Пасленка, занятая в этот период памятниками самбийско-натангийской культуры (Andrzejowski, Cieśliński 2007: ryc. 2; Кулаков 2003: рис. 1В; Казанский 2010: 128; Казанский 2019). К востоку от вельтов как раз и оказываются оссии Птолемея, которых соотносят с эстиями Тацита, хотя, как уже было сказано, для неопровержимого доказа-

[5] Здесь мы не рассматриваем вопрос атрибуции средневековых венедов в Юго-Восточной Прибалтике, см. о них: Казанский 2010: 126—128.

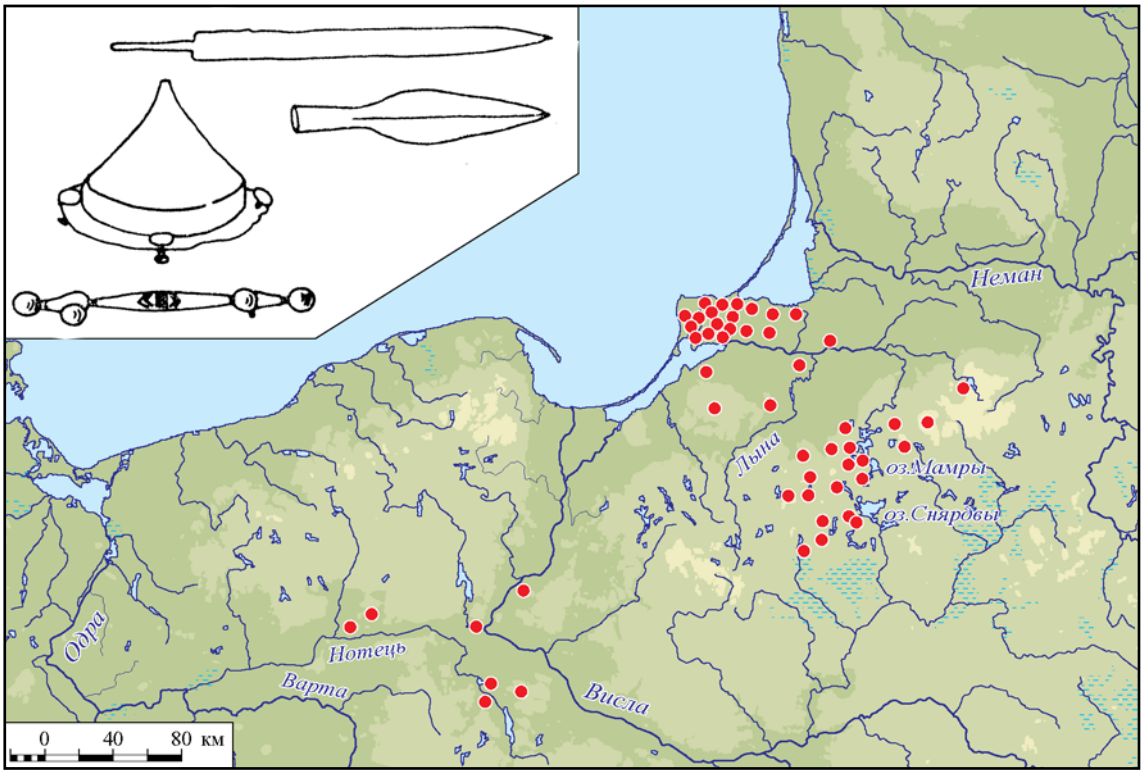

Рис. 4. Распространение погребений с оружием в Юго-Восточной Прибалтике к востоку от Немана в раннеримское время (по Malinowski 1981: ryc. 8b).

Fig. 4. Distribution of burials with weapons in the South-Eastern Baltic to the east of the Neman in early Roman times (after Malinowski 1981: Fig. 8b).

тельства их тождества данных явно недостаточно.

Итак, сведения Птолемея не дают надежных оснований для «выселения» эстиев из Самбии, поскольку нам известна лишь «очередность» народов на балтийском побережье, но не их географическая привязка. Другое дело, что исключительное «балтийство» эстиев, как уже было сказано, вызывает обоснованные сомнения у археологов.

Действительно, прямая эволюция культуры западнобалтийских курганов раннего железного века, занимавших территорию Восточной Пруссии в предримское время, в самбийско-натангийскую культуру римского времени надежно пока не прослеживается, а стало быть характеризовать носителей самбийско-натангийской культуры как исключительно автохтонов нельзя. Здесь представляется уместным остановиться на свидетельствах присутствия внешнего, точнее германского компонента в составе носителей самбийско-натангийской культуры.

Контакты эстиев с их соседями-носителями вельбаркской культуры представлены целым рядом артефактов (украшения и элементы костюма, керамика), имеющих прототипы в вельбаркских древностях (Nowakowski 1996: 59, 98—100). В. И. Кулаков, вслед за исследователями начала — первой половины XX в. (Н. Оберг, В. Герте, К. Энгель, В. Ля Бом, подробнее см.: Хомякова 2014: 164, там же библиография), объясняет германское влияние, особено ощутимое с конца II в., переселением в самбийско-натангийскую зону носителей вельбаркской и пшеворской культур, а также выходцев с о. Готланд и с территории совр. Дании. Признаками влияния этих пришельцев в погребальном обряде самбийско-натангийской культуры являются наличие каменных кладок концентрической структуры, каменных стел, присутствие в могилах оружия, обычай ритуального захоронения шкуры лошади. При этом собственно западные балты оказываются здесь, по В. И. Кулакову, в меньшинстве, поскольку потомки носителей культуры западнобалтийских курганов раннего железного века оттеснены пришельцами в Мазурское Поозерье и на Литовское Взморье (Кулаков 2003: 57—59, 88, 127, 128; Кулаков 2017: 105, 106). Добавим, что идея о хотя бы ча-

стичном «германстве» эстиев вроде бы подтверждается и уже упоминавшемся сообщением Тацита о том, что эстии по внешности и нравам напоминают свевов, хотя и имеют другой язык, по мнению Тацита близкий бриттскому (Тацит, О происхождении германцев, 45).

Что касается собственно вельбаркского вклада в погребальные обряды эстиев, то о нем может свидетельствовать наличие схожих каменных конструкций, например каменных кругов, каменных ящиков и стел в некоторых погребениях самбийско-натангийской культуры, а также биритуализм, т. е. сочетаемость в одном некрополе ингумаций и кремаций, в самбийско-натангийских некрополях римского времени. Биритуальные могильники также хорошо известны в вельбаркской культуре на Нижней Висле (Могильников 1974: 137, 148; Wołągiewicz 1981: 172)[6].

Однако в том, что касается вельбаркского воздействия на погребальный обряд самбийско-натангийской культуры, надо помнить, что у «вельбаркцев» практически полностью исключено помещение оружия в могилы, столь обычное для самбийско-натангийских захоронений римского времени (рис. 4), а также отсутствуют захоронения коней или конской шкуры (обычно выражается в присутствии черепа и костей конечностей лошади), типичные для самбийско-натангийского ареала. В римское время погребения коней не часто встречаются в германском Барабарикуме (Müller-Wille 1971: 169—176, Abb. 39, Liste IV — 12—15), хотя сам обычай у германцев известен по письменным источникам уже в конце I в. н. э. (Тацит, О происхождении германцев, 27). Захоронения коней отмечены на Нижней Висле только в эпоху переселения народов, в эльблонгской группе, со значительным балтским культурным компонентом, которая сменяет здесь вельбаркскую культуру (Казанский, Мастыкова 2021: 268). В Скандинавии погребения коней, как заметное явление появляются сравнительно поздно, в вендельское время (Müller-Wille 1971: 160—163; Казанский, Мастыкова 2021: 275, 276), если не принимать во внимание некоторые исключения, такие как находка в «княжеском» захоронении позднеримского времени в Варпелев (Varpelev), в Дании (Müller-Wille 1971: Liste IV — 15). В то же время жертвоприношения коней, не связанные напрямую с погребениями, в скандинавской зоне известны уже в эпоху бронзы (Müller-Wille 1971: 180, Abb. 43).

Присутствие оружия в погребениях самбийско-натангиской культуры указывает, скорее, на возможные контакты со Скандинавией или островами Балтийского моря. Здесь также имеют параллели ингумации в каменных ящиках с северной ориентировкой и, как только что было сказано, использование шкуры коня в ритуальных целях. Типичен для Скандинавии римского времени и биритуализм, в римское время число биритуальных некрополей всё более нарастает (Могильников 1974: 192; Могильников 1979). Итак, при изучении германских параллелей погребальным обрядам самбийско-натангийской культуры римского времени более перспективным представляется их поиск не в вельбаркской зоне, а в Скандинавии (Скворцов 2013: 41, 42), что подтверждается не только наличием общих черт погребального обряда, но и параллелями в материальной культуре, в частности в керамике, в типах фибул, поясной гарнитуры или гривен (Nowakowski 1996: 102, 103; Nowakowski 2009: 53—55; Lund Hansen, Przybyła 2010: 265, Abb. 36; Rzeszotarska-Nowakiewicz 2010).

* * *

Итак, сопоставление археологических данных с сообщениями письменных источников не позволяет прийти к однозначному выводу, что в какой-то период эстии покинули территорию Восточной Пруссии и их территория была занята другими, например германскими, народами.

Этноним *Aestii* приложим в первую очередь к носителям самбийско-натангийской культуры, но может охватывать и другие культурные группы прибрежного населения, прежде всего в зоне вельбаркской культуры.

Самбийско-натангийская культура, равно как и вельбаркская, по происхождению являются гетерогенными. В обоих случаях присутствует германский культурный компонент, но он не является единственным.

В самбийско-натангийской культуре римского времени германское влияние выражается в погребальном обряде и в материальной культуре, при этом его появление связано далеко не только с вельбаркским воздействием, но и со скандинавскими импульсами. Насколько довольно гомогенный культурный облик носитетей самбийско-натангийской культуры отражает их «этническое» единство — вопрос вне компетенции только археологии.

[6] Биритуализм не характерен для пшеворской культуры бассейна Вислы, где доминируют кремации, безурновые и урновые, хотя есть и немногочисленные ингумации (Godłowski 1981: 106—120).

Литература

Аммиан Марцеллин. 2000. *Римская история*. Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Санкт-Петербург: Алетейя.

Казанский М. М. 2010. Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине. *AB* 16, 123—134.

Казанский М. М. 2019. Река *Guthalus* и восточная граница расселения готов в Южной Прибалтике в эпоху Плиния и Тацита. *Scripta Antiqua* VIII, 131—146.

Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н. 2018. *Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии*. Москва: ИА РАН.

Казанский М. М., Мастыкова А. В. 2021. Захоронения с конями на могильниках самбийско-натангийской культуры раннего средневековья и антропологические данные. *Stratum plus* (4), 267—279.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство. В: Латышев В. В. 1890. *Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели*. Санкт-Петербург, 228—247.

Кулаков В. И. 2003. *История Пруссии до 1283 года*. Москва: Индрик.

Кулаков В. И. 2017. Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (отв. ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского*. Москва: ИА РАН, 103—113.

Могильников В. А. 1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.* Москва: Наука, 133—225.

Могильников В. А. 1979. Сравнительный анализ погребального обряда племен черняховской культуры и населения Готланда. В: Сымонович Э. А. (отв. ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 142—162.

Скворцов К. Н. 2013. Западные балты и их соседи на Вислинском заливе в римское время. В: Макаров Н. А., Мастыкова А. В., Хохлов А. Н. (отв. ред.). *Археология Балтийского региона*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 36—48.

Страбон. 1994. *География*. Пер., статья и комментарии Г. А. Стратановского. Москва: Ладомир.

Тацит. 1969. О происхождении германцев и местоположении Германии. В: Корнелий Тацит. *Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения*. Пер. А. С. Бобовича, ред. М. Е. Сергеенко. Ленинград: Наука, 353—373.

Удальцов А. Д. 1946. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. *СЭ* (2), 41—50.

Хомякова О. А. 2014. Культура Долькайм-Ковово (самбийско-натангийская): подходы к дефинициям общности. *PA* (1), 163—172.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1994. Птолемей. В: Гиндин Л. А., Иванов С. А., Литаврин Г. Г. (сост.). *Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.)*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 46—62.

Шувалов В. П. 2013. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея. *Stratum plus* (4), 75—89.

Шувалов П. В. 2015. Винды и инды на Балтике. *Stratum plus* (4), 175—182.

Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.

Щукин М. Б. 2005. *Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Andrzejowski J., Cieśliński A. 2007. Germane i Baltowe u schyłku starożytności. Przyjatne związki czy wrogie sąsiedstwo? In: Bitner-Wróblewska A. (red.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 279—320.

Bitner-Wróblewska A. 2010. North-eastern Poland in first centuries AD — a world apart. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 141—184.

Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W. 2015. Aestii Tacyta. Kim naprawdę byli? *Barbaricum* 11, 65—78.

Cieśinski A. 2010. *Kultrurelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur au Łyna, Pasłęka und Oberer Drwęca*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin; Stigtung Preussischer Kulturbesitz; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawkiego.

Cieśliński A., Nowakowski W. 2005. Die Passarge — ein barbarischer Rubikon. In: Carnap-Bornheim C. von, Friesinger H. (Hrsg.). *Wasserwege: Lebensadern — Trennungslinien*. Schriften des Archäologischen Landesmuseum, Ergänzungsreihe 3. Neumünster: Wachholtz, 253—268.

Godłowski K. 1981. Kultura przeworska. In: Wielowieiski J. (red.). *Prahistoria ziem polskich*. Tom V. *Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy Imenia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 57—135.

Jaździewski K. 1988. Drogi przemieszczeń niektórych plemion zachodnioslawańskich, głównie nadbaltyckich. *Pomorania Antiqua* 13, 81—102.

Kazanski M. 1991. *Les Goths (Ier — VIIe siècles après J.-C.)*. Paris: Errance.

Kokowski A. 2008. *Goci. Od Skandzy do Campi Gothorum*. Warszawa: Trio.

Kokowski A. 2010. Die Wielbark-Kultur — Goten in Mittel und Osteuropa. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 111—139.

Kolendo J. 1981. *À la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Néron*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

Kolendo J. 1984. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej: lokalizacja i rzeczywistość etniczna. *Przegląd Historyczny* 75 (4), 637—653.

Kolendo J. 1992. Roman Acquaintance with the South-East Baltic Coast. The Karbones of Ptolemy. *Barbarcum* 2, 186—190.

Kolendo J. 2008. Ziemie u południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku w źródłach antycznych. *Pruthenia* IV, 11—41.

Kolendo J. 2009. Tacyt o bursztynie w kraju Estiów. Rzeczywistość i ideologia. In: Bitner-Wróblewska A., Iwanowska G. (red.). *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 127—137

Kolendo J., Plóciennik T. 2015. Description of the Baltic coast in Pliny the Elder's *Naturalis historia* (IV

94—97). *Barbaricum* 11, 297—306.
Lund Hansen U., Przybyła M. J. 2010. Rosettenfibeln — ein Klassificationsversuch. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 241—286.
Malinowski T. 1981. Wprowadzenie do problematyki kultury wielbarskeij. In: Malinowski T. (red.). *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku, 9—25.
Müller-Wille M. 1971. Pferdgrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemoderzoek* 20—21, 119—248.
Nowakowski W. 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami baltyjskiego ludu z Pojezerza Mazurskiego. *Barbaricum* 4, 5—126.
Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
Nowakowski W. 2009. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich. *Prutenia* IV, 43—85.
Okułicz Ł. 1970. *Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
Okulicz J. 1986. Einige Aspekte der Ethogenese der Balten und Slawen im Lichte archäologischer und sprachwissenschaftlicher Forschungen. *Quaestiones Medii Aevi* 3, 7—35
Pekkanen T. 1968. *The ethnic origin of the Δουλοσποροι*. Arctos Suppl. I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy.
Rzeszotarska-Nowakiewicz A. 2010. Neckrings with trumpet-shapet terminals (*mit Trompetenenden*) — some remarks on traces of contacts in the Baltic basin during the Early Roman Period. In: Lund Hansen U., Bitner-Wróblewska A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 315—336.
Tacite. *La Germanie*. Texte établi et traduit par J. Perret. Paris: Les Belles Lettres.
Wołągiewicz R. 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacij etnicznej. In: Malinowski T. (red.). *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku, 79—106.
Wołągiewicz R. 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur. *Archaeologia Baltica* (Peregriantio Gothica) 7, 63—98.
Žulkus V. 2000. Die Völkerwanderung und die Westbalten die Entstehung der Kuren. *Archaeologia Baltica* 4, 89—108.

References

Ammianus Marcellinus. 2000. *Rimskaia istoriia (Res gestae)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
Kazanski, M. M. 2010. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 16, 123—134 (in Russian).
Kazanski, M. M. 2019. In *Scripta Antiqua* VIII, 131—146 (in Russian).
Kazanski, M. M., Zal'tsman, E. B., Skvortsov, K. N. 2018. *Rannesrednevekovyi mogil'nik Zaostrov'e-1 v Severnoi Sambii (Zaostrovye-1, the Early Medieval Burial Ground in Northern Sambia)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii (Materials of Rescue Archaeological Research) 22. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Kazanski, M. M., Mastykova, A. V. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 267—279 (in Russian).
Ptolemy. Geograficheskoe rukovodstvo (Geography). In Latyshev, V. V. 1890. *Scythica et Caucasica. Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze (Scythica et Caucasica. Accounts of Ancient Greek and Latin Writers on Scythia and Caucasus)* I. *Grecheskie pisateli (Greek Writers)*. Saint Petersburg, 228—247 (in Russian).
Kulakov, V. I. 2003. *Istoriia Prussii do 1283 goda (History of Prussia to the Year 1283)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
Kulakov, V. I. 2017. In Rodinkova, V. E., Rumiantseva, O. S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 103—113 (in Russian).
Mogil'nikov, V. A. 1974. In Sedov, V. V. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad plemen Severnoi i Srednei Evropy v I tysiacheletii do n. e. — pervoi polovine I tysiacheletiia n. e. (Funerary Rite of Tribes of Northern and Middle Europe in the 1st Millennium BC — First Half of the 1st Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133—225 (in Russian).
Mogil'nikov, V. A. 1979. In Symonovich, E. A. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Necropolises of Chernyakhov Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142—162 (in Russian).
Skvortsov, K. N. 2013. In Makarov, N. A., Mastykova, A. V., Khokhlov, A. N. (eds.). *Arkheologiia Baltiiskogo regiona (Archaeology of the Baltic Region)*. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 36—48 (in Russian).
Strabon. 1994. *Geografiia (The Geography of Strabo)*. Moscow: "Ladomir" Publ. (in Russian).
Tacitus. 1969. O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii (De origine, situ, moribus ac populis Germanorum). V: Cornelius Tacitus. *Sochineniia v dvukh tomakh 1. Annaly. Malye proizvedeniia (Works in 2 Volumes. Vol. 1. The Annals; Opera Minora)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 353—373 (in Russian).
Udal'tsov, A. D. 1946. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 41—50 (in Russian).
Khomiakova, O. A. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 163—172 (in Russian).
Shelov-Kovediaev, F. V. 1994. In Gindin, L. A., Ivanov, S. A., Litavrin, G. G. (comp.). *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh. Tom I (I—VI vv.) (Corpus testimoniorum vetustissimorum ad historiam slavicam pertinentium. Volumen primum (I—VI saecula))*. Moscow: Slavic and Balkan Studies Institute; "Vostochnaia Literatura" Publ., 46—62 (in Russian).
Shuvalov, V. P. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 75—89 (in Russian).
Shuvalov, P. V. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 175—182 (in Russian).
Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).
Shchukin, M. B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sîntana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).
Andrzejowski, J., Cieśliński, A. 2007. Germane i Baltowe u schyłku starożytności. Przyjatne związki czy wrogie sąsiedstwo? In: Bitner-Wróblewska, A. (red.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 279—320.
Bitner-Wróblewska, A. 2010. North-eastern Poland in first cen-

turies AD — a world apart. In Lund Hansen, U., Bitner-Wróblewska, A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 141—184.

Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W. 2015. Aestii Tacyta. Kim naprawdę byli? *Barbaricum* 11, 65—78.

Cieśinski, A. 2010. *Kultrurelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur au Łyna, Pasłęka und Oberer Drwęca*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin; Stigtung Preussischer Kulturbesitz; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawkiego.

Ciésliński, A., Nowakowski, W. 2005. Die Passarge — ein barbarischer Rubikon. In Carnap-Bornheim, C. von, Friesinger H. (Hrsg.). *Wasserwege: Lebensadern — Trennungslinien*. Schriften des Archäologischen Landesmuseum, Ergänzungsreihe 3. Neumünster: Wachholtz, 253—268.

Godłowski, K. 1981. Kultura przeworska. In Wielowieiski, J. (red.). *Prahistoria ziem polskich*. Tom V. *Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy Imenia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 57—135.

Jaźdźewski, K. 1988. Drogi przemieszczeń niektórych plemion zachodnioslawańskich, glównie nadbaltyckich. *Pomorania Antiqua* 13, 81—102.

Kazanski, M. 1991. *Les Goths (Ier — VIIe siècles après J.-C.)*. Paris: Errance.

Kokowski, A. 2008. *Goci. Od Skandzy do Campi Gothorum*. Warszawa: Trio.

Kokowski, A. 2010. Die Wielbark-Kultur — Goten in Mittel und Osteuropa. In Lund Hansen, U., Bitner-Wróblewska, A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 111—139.

Kolendo, J. 1981. *À la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Néron*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

Kolendo, J. 1984. Wenetowie w Europie środkowej i wschodniej: lokalizacja i rzeczywistość etniczna. *Przegląd Historyczny* 75 (4), 637—653.

Kolendo, J. 1992. Roman Acquaintance with the South-East Baltic Coast. The Karbones of Ptolemy. *Barbarcum* 2, 186—190.

Kolendo, J. 2008. Ziemie u południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku w źródłach antycznych. *Pruthenia* IV, 11—41.

Kolendo, J. 2009. Tacyt o bursztynie w kraju Estiów. Rzeczywistość i ideologia. In Bitner-Wróblewska, A., Iwanowska, G. (red.). *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 127—137.

Kolendo, J., Plóciennik, T. 2015. Description of the Baltic coast in Pliny the Elder's *Naturalis historia* (IV 94—97). *Barbaricum* 11, 297—306.

Lund Hansen, U., Przybyła, M. J. 2010. Rosettenfibeln — ein Klassificationsversuch. In Lund Hansen, U., Bitner-Wróblewska, A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 241—286.

Malinowski, T. 1981. Wprowadzenie do problematyki kultury wielbarskeij. In Malinowski, T. (red.). *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku, 9—25.

Müller-Wille, M. 1971. Pferdgrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemoderzoek* 20—21, 119—248.

Nowakowski, W. 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami baltyjskiego ludu z Pojezerza Mazurskiego. *Barbaricum* 4, 5—126.

Nowakowski, W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.

Nowakowski, W. 2009. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich. *Prutenia* IV, 43—85.

Okułicz, Ł. 1970. *Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Okulicz, J. 1986. Einige Aspekte der Ethogenese der Balten und Slawen im Lichte archäologischer und sprachwissenschaftlicher Forschungen. *Quaestiones Medii Aevi* 3, 7—35.

Pekkanen, T. 1968. *The ethnic origin of the Δουλοσποροι*. Arctos Suppl. I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy.

Rzeszotarska-Nowakiewicz, A. 2010. Neckrings with trumpet-shapet terminals (*mit Trompetenenden*) — some remarks on traces of contacts in the Baltic basin during the Early Roman Period. In Lund Hansen, U., Bitner-Wróblewska, A. (red.). *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age*. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 315—336.

Tacite. *La Germanie*. Texte établi et traduit par J. Perret. Paris: Les Belles Lettres.

Wołągiewicz, R. 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacij etnicznej. In Malinowski, T. (red.). *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Słupsku, 79—106.

Wołągiewicz, R. 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur. *Archaeologia Baltica* (Peregriantio Gothica) 7, 63—98.

Žulkus, V. 2000. Die Völkerwanderung und die Westbalten die Entstehung der Kuren. *Archaeologia Baltica* 4, 89—108.

Статья поступила в сборник 29 апреля 2022 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat on Archaeology. National Center for Scientific Research, UMR–8167 "East and Mediterranean"[1].

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат археологии. Национальный центр научных исследований, Лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье».

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0306-0936

Anna Mastykova (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[2].

Мастыкова Анна Владимировна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: amastykova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7521-5071

Addresses: [1] Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France; [2] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

Я. Е. Беспальчикова

Готский шаманизм как исследовательская проблема

Keywords: shamanism, Goths, Vienna School of History, Toronto School, Eliade

Ключевые слова: шаманизм, готы, Венская школа, Торонтская школа, Элиаде

Ya. E. Bespalchikova

Gothic Shamanism as a Scholarly Issue

The main issue of the article is the Gothic shamanism, a specific problem, noticed in the largest generalizing works on the history and culture of the Goths (Wolfram 1992, Scardilli 1973). An appearance of such a kind of comprehension of Gothic practice and linguistic features is analyzed through its conceptual connections with anthropological religion in its various developments (Eliade 1951; Atkinson 1992) and the hypothesis on the homogeneity of the patterns of the circumpolar region (Price 2017). Gothic shamanism mentioned in large generalizing works and reference publications as a revealed fact without a sufficiently large-scale previous discussion. Moreover, even after the publication of the works, a wide controversy on the study of the Ostrogoths also develops in other directions, such as questions of ethnic truth and accepted written sources. It seems important to begin such a kind of discussion with the comprehension of the theoretical basis for understanding shamanism in P. Scardili's and H. Wolfram's views. Taking un the consideration the modern anthropology of religion and subsequent research in this field, two questions are proved by productive research: (1) What magical phenomena and practice are found among the Goths, and what sources can we use to investigate? (2) Were these notions and experiences shamanic, why so and within what understanding of shamanism can we comprehend this?

Я. Е. Беспальчикова

Готский шаманизм как исследовательская проблема

В статье предлагается анализ специфической проблемы готского шаманизма, довольно незаметно вошедшей в наиболее крупные обобщающие труды по истории и культуре готов (Вольфрам 1992, Скардильи 1973), через ее концептуальные связи с антропологией религии на разных этапах ее развития (Eliade 1951; Atkinson 1992) и гипотезой о гомогенности религиозной картины циркумполярного региона (Price 2017). Готский шаманизм — любопытная исследовательская проблема, поскольку, как кажется, он на правах доказанного факта оказался в крупных обобщающих трудах и даже справочных изданиях без достаточно масштабной предшествующей дискуссии. Более того, и после публикации этих трудов основная полемика при изучении остготов развивается также по иным направлениям, таким как вопросы этнической идентичности и интерпретации ключевых письменных источников. Учитывая, что теоретические основания для понимания шаманизма у П. Скардильи и Х. Вольфрама восходят к работам Мирчи Элиаде, классика феноменологического подхода в антропологии религии, представляется возможным поставить вопрос о ревизии представления о готском шаманизме, уделяя внимание как критике работ М. Элиаде в более современной антропологии религии, так и последующим исследованиям в этой области. В частности кажется продуктивным развести два исследовательских вопроса: (1) какие магические представления и практики существовали у готов, и по каким источникам мы можем изучать? (2) были ли эти представления и практики шаманскими, на каком основании и в рамках какого осмысления шаманизма мы можем это осмыслить?

Изучение истории религии вообще и в особенности в тесной связи с другими исследовательскими направлениями, с историей, антропологией, этнографией и археологией — это тонкий и сложный процесс, детерминированный как состоянием и доступностью источников, так и концептуальной научной картиной, и политическим контекстом проведения исследования, и личными религиозными взглядами исследователя. Это проявляется практически во всех областях, даже весьма далеких от современности и, казалось бы, в силу этого факта более застрахованных от вмешательства любого стороннего дискурса. Такой областью является, на мой взгляд, и изучение готского шаманизма, которому посвящена данная статья.

Шаманизм как мировоззрение и совокупность практик привлекал внимание европейских исследователей с тех пор, как в их распоряжении оказался этнографический материал о жизни коренного населения Сибири, и, соответственно, научные представления о нем прошли все те же стадии, которые прошло во-

© Я. Е. Беспальчикова, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22247252

обще развитие гуманитарного знания в последние два с половиной столетия. После работ столпов не только этнологии, но и в целом гуманитарного знания, таких как Э. Дюркгейм (Дюркгейм 2018), Э. Тэйлор (Тэйлор 2019) и Дж. Фрэзер (Фрэзер 2001), шаманизм надолго получил статус особого этапа в развитии религиозного сознания и религиозных систем в связке с анимизмом, тотемизмом и магией. Окончательно статус явления, появляющегося на определенной стадии развития общества и сознания, предваряющего сознание рационалистическое — предкогнитивное (Ripinsky-Naxon 1993: 6), магическое — закрепился после работ Л. Леви-Брюля (Леви-Брюль 2002) о первобытном мышлении.

Однако в XX веке в антропологии религии так же, как и в других областях гуманитарного знания сначала наметился, а потом произошёл конструктивистский поворот, в результате которого большинство исследователей отказалось от эволюционистской парадигмы и стадиальности в изображении человеческих обществ, а явления, которые до этого рассматривались как неизменно присущие конкретным этапам развития общества, стали анализироваться через фрейм изобретения традиции. Это в сущности естественное развитие научного знания привело к довольно любопытному эффекту: в тех случаях, когда исследователь изучает тему на стыке нескольких областей, у него нет возможности следить за изменениями в каждой из них. Поэтому в большинстве случаев по крайней мере в одной из этих дисциплин он оказывается под влиянием или уже устаревших концепций, или кого-то из наиболее ярких авторов. Примером такого рода исследовательского эффекта служит, на мой взгляд, постановка вопроса о существовании шаманизма у готов эпохи Великого переселения народов.

Впервые проблему готского шаманизма сформулировал итальянский германист П. Дж. Скардильи. Его аргументация основана на анализе лексики, которая связана с ритуальной одеждой, плясками, практиками достижения измененных состояний сознания и эмоциональной сферой, преподаванием и ученичеством, а также на утверждении о загадочным отсутствии в готском языке индоевропейских обозначений для ближайших родственников (Скардильи 2012: 73—80). По его гипотезе, оформление шаманских практик у готов произошло под влиянием их кочевых соседей (сарматов и других ираноязычных, а потом и тюркоязычных кочевников) в причерноморских степях, что привело к формированию более отчетливого дуализма между домашними и социальными терминами родства, причем вторые приобрели культовые, шаманские коннотации. Параллели со скандинавскими религиозными представлениями об иерархическом устройстве космоса и существованием в нем нескольких миров (между которыми путешествуют шаманы) также демонстрирует лексика, используемая в библии Вульфилы для обозначения рая, человеческого мира и ада: *waggs*, *midjungards*, *halja* (Скардильи 2012: 72) — верхний мир (=луг дословно), средний мир (=человеческий) и подземный мир (=хель), и у всех понятий узнаваемо сходство с тем, что известно о скандинавской мифологии эпохи викингов. Таким образом, Скардильи считает шаманизм готов заимствованным у ираноязычных кочевников и закрепившимся благодаря тем характерным чертам их мировоззрения, которые они разделяли со скандинавами и, возможно, другими германцами. Однако влияние степного шаманизма оказывается первичным.

Взгляды П. Скардильи на готский шаманизм отчасти разделяет и Х. Вольфрам — глава Венской школы изучения этнической идентичности в эпоху Великого переселения народов. Так, с его точки зрения, шаманские представления, связанная с ними социальная организация и ритуалы вошли в жизнь готов при переселении в Причерноморья, где они оказались под сильным влиянием местных ираноязычных кочевников (Вольфрам 2003: 169; Wolfram 1977: 247). Рассказ об изгнании готских колдуний из *Getica* Иордана (*Get*. 121—122), который некоторые другие исследователи предлагают рассматривать через призму библейской аллюзии (Maenchen-Helfen 1944—1945), он интерпретирует в социально-религиозном и полуисторическом ключе, указывая на то, что в *Getica* отражено готское племенное предание, имеющее, пусть и плохо вычленяемое, историческое зерно. Х. Вольфрам сопоставляет изгнание колдуний с гонениями на христиан, указывая, что считает магией любую неконвенциональную в сообществе практику общения со сверхъестественным, и делает вывод о том, что на ранних этапах знакомства готов с религиозностью их новых степных соседей ряд проявлений этого нового знания вызывал у них отторжение (Вольфрам 2003: 158). Примечательно, что переводя использованное в *Get*. 121—122 готское слово *haliurun(n)ae*, как «женщин, которые колдовали, обращаясь к царству мертвых», он интерпретирует их практики как некромантию и фактически

ставит знак между ней и шаманизмом (Вольфрам 2003: 158), поскольку указывает на то, что ситуация контакта готов со степными шаманами во II веке была аналогична ситуации контакта скандинавов с шаманами финскими.

Нужно отметить, что такого рода заключений как раз нельзя найти у Скардильи, который довольно четко связывает шаманизм с состояниями экстаза и особыми отношениями ученичества и посвящения, а не с миром мертвых. Так и его этимология слова готского слова *haljaruna* отличается от той, что принимает Х. Вольфрам. Скардильи предложил видеть в слове *haljaruna* акцент на потустороннем странствии: *-runna* ← *rinnan* «бежать», «идти» (Скардильи 2012: 77). Эта версия этимологии и значения была включена в академические справочные издания. Брилльский этимологический словарь готского языка дает *halja* + *rinnan* — *Hell* + *run* (англ. Хель + бег) с переводом *female shaman* (Lehmann 1986: 171). Таким образом, П. Скардильи и В. Леман, под редакцией которого вышел словарь, предлагают понимать слово *Haliurunna*, поясняющее в тексте *Getica* латинское *maga mulier*, не просто как *колдунья*, но как *шаманка*. Интерпретация Х. Вольфрама в этом смысле несколько осторожнее.

Теоретические основания для понимания шаманизма у Скардильи безусловно, поскольку есть ссылки, а у Вольфрама с высокой вероятностью восходят к работам Мирчи Элиаде (Eliade 2004), не только антрополога религии, причем одного из самых ярких представителей феноменологического подхода, но и крупного консервативного мыслителя, традиционалиста, проблематизировавшего европейскую рациональность, приведшую к появлению европейской науки, к двум мировым войнам и использованию оружия массового поражения. Его идеи нашли широкий отклик как в исследованиях специалистов различных направлений, так и в появлении контр-культур 1960-х годов, искавших альтернативу европейской рациональности и христианской этике. Поиски этой альтернативы приводили и на исламский Восток, и в буддистский Китай, и в прошлое, которое рисовалось в терминах шаманизма.

Шаманизм для Элиаде был проявлением наиболее архаичных пластов человеческой духовности, которая в равной степени была присуща всем народам, то есть универсальна. Она строится на иррациональном, прямом, эмоциональном контакте с сакральным, который осуществляется с помощью «архаичных техник экстаза», измененного состояния сознания. Техники экстаза необходимы для шаманского путешествия в мир духов, а его возможность Элиаде обуславливал особым устройством шаманской вселенной, состоявшей из верхнего, среднего и нижнего миров, которые связаны центральной осью (мировым деревом или священной горой).

Творчество М. Элиаде дало мощный толчок как для научной рефлексии, избавившей магию, знахарство, применение техник и продуктов, изменяющих сознание, а также просто внеевропейские духовные практики от стигматизации, ассоциации с дикостью и других отрицательных коннотаций, которые мешают познанию этих явлений. Одновременно с этим разработанным им аппаратом стали пользоваться создатели и участники «нью-эйдж» движений, которые начали возникать с 1960-х годов. Постепенно антропологи религии начали заниматься и ими тоже, как и появившимся в европейских странах неошаманизмом, что поставило вопрос о том, насколько серьезно вообще отличаются от современных общества, которые Элиаде называл архаическими.

Не только в отношении шаманизма, но и в принципе в отношении религии Элиаде придерживался феноменологического подхода, то есть предлагал изучать религиозность и сакральное как особый феномен, лишь в деталях зависящий от конкретного социокультурного контекста. Это стало первой, но лишь одной из многих причин дальнейшей научной критики концепции Элиаде. Феноменологический подход предполагает, что стержневым для религиозных явлений становится специфический религиозный опыт, эмоциональные состояния, а они крайне плохо поддаются рационализации, а значит, научному изучению.

Другой важной линией критики стал универсализм представлений Элиаде о шаманизме и других религиозных практиках, причем этот универсализм напрямую связывался с тем, что Элиаде был скорее философом от антропологии религии и не отвечал прочно сложившимся к 1960—70-м стандартам работы культурного антрополога, которые предполагали основу в виде сбора полевых материалов во время длительного пребывания в изучаемом сообществе. Классиком этого подхода стал К. Гирц, предложивший в качестве основного полевого метода насыщенное описание (*thick description*) — такое, в котором дается максимум деталей вне зависимости от их значимости в глазах исследователя и без первичной расшифровки и рационализации (Гирц 2007; 2017). Для К. Гирца и поколе-

ний его учеников шаманизм и тотемизм — это абстракции, созданные западным научным социальным воображением и совершенно оторванные от какой-либо социальной реальности конкретных сообществ, хотя и выступают удобными терминами для сортировки этнографических материалов. При этом за этими терминами стоят слишком отличающиеся друг от друга картины, чтобы их можно было использовать как полноценные исследовательские категории (Atkinson 1992).

Нужно отметить, что те же идеи в работах М. Элиаде, которые привели к определенной нормализации в глазах ряда культурных явлений внеевропейской религиозности, способствовали экзотизации этих явлений — и к интересу через нее. На мой взгляд, именно этим объясняется желание П. Скардильи, Х. Вольфрама и В. Лемана не остановиться на констатации определенных закономерностей развития языка (системы родства или этимология *haljaruna*) или появления археологических находок (фибулы с головой орла — «шаманской» птицы), а типологизировать это именно как шаманизм, под которым как минимум Скардильи и Вольфрам понимают несколько разные явления, поскольку Скардильи совершенно в духе работ М. Элиаде концентрируется на экстазе и потустороннем странствии, а Вольфрам — на общении с потусторонним миром, включая мир мертвых и разные манипуляции с ними.

На Вольфрама, кроме того, оказали влияние и работы по изучению «скандинавского шаманизма», магических практик эпохи викингов и их типологического сравнения с практиками народов Сибири, при изучении которых этот термин появился и к которым относится до сих пор (Харитонова 2006). Некоторые современные исследователи ставят вопрос о существовании циркумполярного — то есть характерного как для Сибири и полярных районов Северной Америки, так и для Финляндии и Скандинавии — шаманизма (Price 2017), который понимается как комплекс экстатических практик и представлений о возможности колдуна общаться с духами, получать от них информацию, инспирировать те или иные их действия и путешествовать в миры, ими населенные, а также соответствующий космологический комплекс (Мелетинский 1974). Эти практики имели сексуальное измерение, предполагавшее в ряде случаев специфические взаимоотношения между колдуном и духами и особый гендерный статус шамана (Price 2017: 304, 305).

Венская школа изучения этнической идентичности в эпоху Великого переселения народов, одним из основных представителей которой остается Х. Вольфрам, гораздо более склонна к привлечению к собственным трудам работ антропологов, чем ее оппоненты — оксфордские историки и Торонтская школа. И если учеников Х. Вольфрама и его самого можно заподозрить в некоторой экзотизации прошлого, то ученики В. Гоффарта (Goffart 1988), находясь на другом полюсе полемики, грешат именно тем, против чего восставал М. Элиаде и его единомышленники-традиционалисты — неосознанной трансляцией собственных модерных представлений об обществе на изучаемый материал. Оба полюса дискуссии стали результатом конструктивисткого поворота. Но если Венская школа стоит на позиции изобретения традиции в реальности и представления этнических и религиозных процессов IV—VI века в постоянной динамике, то Торонтская школа в сущности отказывает любым германским сообществам эпохи в какой-либо социальной реальности, вставая на позицию гиперконструктивизма в отношении письменных текстов, по которым изучается эпоха Великого переселения. С точки зрения исследователей Торонтской школы то, что их коллеги из Венской школы называют «германским», было либо детищем Римской империи с ее потребностью во взаимодействии, различении и каталогизации малопонятного мира за ее границами, либо принципиально не извлекаемым из существующих источников, поскольку их авторы не интересовались ничем, кроме собственной стремительно христианизирующейся письменной культуры, и не производили ничего, кроме ее топосов (Amory 1997; Kulikowski 2002; Gillett 2006; Geary 2012).

Отмеченный момент довольно интересно перекликается с ультра-современными дискуссиями о колониальной истории (и деколонизации истории) и с более продолжительными — о том, что создавший европейскую науку европейский рационализм сам на себя накладывает фундаментальные ограничения. Созданная Торонтской школой картина взаимодействия германоязычного населения земель за пределами римского Лимеса, стремившегося попасть на территорию империи, с ее греко-римской культурой в сущности вдохновлена исследованиями практик колониальных администраций империй Нового времени, которым было необходимо как-то упорядочить, описать и каталогизировать мало понятную им социальную реаль-

ность (Anderson 1983). Авторы текстов рисуются в терминах того же дискурса: это лучше или хуже образованные имперские чиновники, упоенные собственным превосходством и стилистическим мастерством. Безусловно, между представителем «цивилизованной» администрации и «туземцами» в обоих случаях стоит оптика имперской образованности с ее типом рациональности и терминологическим аппаратом, что затрудняет доступ к «туземной» культуре через колониальные тексты. Однако этот факт никоим образом не означает отсутствия у «туземцев» их культуры, отличной от имперских топосов и не детерминированной взаимодействием с колониальной администрацией и выполнением предписанных ею функций.

Таким образом, полемику между Венской школой и ее оппонентами в принципе можно рассматривать как своеобразное продолжение той ситуации, в которой писал М. Элиаде: с одной стороны — критика модерна и модерной рациональности, на которой основаны классические науки, и поиск методов и явлений, лежащих за ее пределами, с их неизбежной экзотизацией, с другой — критика найденных методов и явлений с позиций той самой научной рациональности, сопровождающаяся нерефлексивным переносом собственных представлений о социальности на материал. Как и с критикой Элиаде, у которого в молодости были фашистские симпатии, здесь тоже присутствует политический аспект, поскольку историков Венской школы обвиняют чуть ли не в расизме (Liebeschuetz 2015), а их оппонентов — в излишне некритичном отношении к евроинтеграции (Шпирт 2013: 52).

Безусловно, готский шаманизм как исследовательская проблема занимает отнюдь не центральное место во всех этих напряженных дискуссиях. Однако вообще ее возникновение является закономерным следствием описанных выше дискуссий и исследовательских установок. Она появилась в результате влияния отдельного, очень яркого ученого и мыслителя, чьи работы, хотя и имеют сейчас статус классических, не могут использоваться в современной антропологии религии. Соответственно, кажется правильным взять в качестве ориентира тот вариант проведения исследования, который приобрели антропологические работы после К. Гирца: вдумчивая и рефлексивная работа над терминологическим аппаратом, который используется для описания и анализа материала исследования. Этот переход предполагает и изменение исследовательского вопроса: можем ли мы интерпретировать некоторые свидетельства наших источников в пользу существования у готов магических практик и представлений, какие именно и на каком основании? Какие именно выявленные практики и представления могут быть сопоставлены со скандинавским *seiðr* или сведениями о сибирских шаманах? Если мы употребляем слово «шаманизм», то что именно имеем в виду?

Литература

Вольфрам Х. 2003. *Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. Санкт-Петербург: Ювента.

Гирц К. 2007. Здравый смысл как культурная система. *Неприкосновенный запас* 54. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2007/4/zdravyj-smysl-kak-kulturnaya-sistema.html (дата обращения: 20.06.2022 г.).

Гирц К. 2017. *Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев*. Москва: Ад Маргинем Пресс.

Дюркгейм Э. 2018. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. (Заключение). *Социологическое обозрение* 17 (2), 115—121.

Знаменский А. 2021. Мирча Элиаде: шаманизм, традиционализм и идеология архаичного. *Сибирские исторические исследования* (1), 13—39.

Леви-Брюль Л. 2002. *Первобытный менталитет*. Санкт-Петербург: Европейский Дом.

Мелетинский Е.М. 1974. Древнескандинавская мифологическая система. В: Лотман Ю.М. (отв. ред.). *Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту: Тартуский государственный университет, 16—26.

Тэйлор Э. 2019. *Первобытная культура*. Москва: Юрайт.

Скардильи П. 2012. *Готы: язык и культура*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.

Фрэзер Дж. 2001. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. Москва: Терра — Книжный клуб.

Харитонова В.И. 2006. *Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий*. Москва: Наука.

Шпирт А.М. 2013. Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в раннем средневековье. *Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени* 3—4, 42—52.

Amory P. 1997. *People and identity in Ostrogothic Italy. 489—554*. Cambridge: Cambridge University Press.

Anderson B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso.

Atkinson J.M. 1992. Shamanisms Today. *Annual Review of Anthropology* 21, 307—330.

Eliade M. 2004. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Princeton: Princeton University Press. (Originally published Le Chamanisme, 1951).

Geary P. 2012. *Writing History: Identity, Conflict, and Memory in the Middle Ages*. Bucureşti; Brăila: Editura Academiei Române.

Gillett A. 2006. Ethnogenesis: A Contested Model of Early

Medieval Europe. *History Compass* 4, 1—20.
Goffart W. 1988. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550—800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton: University Press.
Kulikowski M. 2002. Nation versus Army: A Necessary Contrast? In: Gillett A. (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. ISD, 69—84.
Lehmann W.P. 1986. *A Gothic Etymological Dictionary.* Based on the 3 rd edition of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Leiden: Brill.
Liebeschuetz W. 2015. *East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion*. Leiden: Brill.
Maenchen-Helfen O. 1944—45. The legend of the origin of the Huns. *Byzantion* 17, 244—251.
Gillett A. (ed.). 2002. On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Hardcover.
Price N. 2017. *The Viking Way. Magic and Mind in Late Iron Age Scandinavia*. Oxford: Oxbow Books, 2017.
Ripinsky-Naxon M. 1993. *The Nature of Shamanism: Substance and Function of a Religious Metaphor*. Albany, NY: State University of New York Press.
Wolfram H. 1977. *Die Schlacht von Adrianopel*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

References

Wolfram, H. 2003. *Goty. Ot istokov do serediny VI veka (Opyt istoricheskoi etnografii) (Die Goten. Von den Anfangen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Einwurf einer historischer Ethnographie)*. Series: Historical Library Saint Petersburg: "Iuventa" Publ. (in Russian).
Geertz, C. 2007. In *Neprikosnovennyi zapas (Debates on Politics and Culture)* 54. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2007/4/zdravyj-smysl-kak-kulturnaya-sistema.html (accessed 20.06.2022) (in Russian).
Geertz, C. 2017. *Glubokaia igra: Zametki o petushinykh boiakh u baliitsev (Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight)*. Moscow: "Ad Marginem Press" Publ. (in Russian).
Durkheim, E. 2018. In *Sotsiologicheskoe obozrenie (Sociological Review)* 17 (2), 115—121 (in Russian).
Znamenskii, A. 2021. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Studies)* (1), 13—39 (in Russian).
Lévy-Bruhl, L. 2002. *Pervobytnyi mentalitet (La mentalité primitive)*. Saint Petersburg: "Evropeiskii dom" Publ. (in Russian).
Meletinskii, E.M. 1974. In Lotman, Yu.M. (ed.). *Materialy vsesoiuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruiushchim sistemam (Materials of the All-Union Symposium on Secondary Modeling Systems)*. Tartu: Tartu State University, 16—26 (in Russian).
Tylor, E.B. 2019. *Pervobytnaia kul'tura (Primitive Culture)*. Moscow: "Iurait" Publ. (in Russian).
Scardigli, P. 2012. *Goty: iazyk i kul'tura (Die Goten: Sprache und Kultur)*. Series: Historical Library. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Philology; "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
Frazer, J.G. 2001. *Zolotaia vetv': Issledovanie magii i religii (The Golden Bough: a Study in Magic and Religion)*. Moscow: "Terra — Knizhnyi klub" Publ. (in Russian).
Kharitonova, V.I. 2006. *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysiacheletii (Phoenix from the Ashes? Siberian Shamanism at the Turn of the Millennium)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Shpirt, A.M. 2013. In *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni (Almanac for the History of the Middle Ages and Early Modern Ages)* 3—4, 42—52 (in Russian).
Amory, P. 1997. *People and identity in Ostrogothic Italy. 489—554*. Cambridge: Cambridge University Press.
Anderson, B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso.
Atkinson, J.M. 1992. Shamanisms Today. *Annual Review of Anthropology* 21, 307—330.
Eliade, M. 2004. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Princeton: Princeton University Press. (Originally published Le Chamanisme, 1951).
Geary, P. 2012. *Writing History: Identity, Conflict, and Memory in the Middle Ages*. Bucureşti; Brăila: Editura Academiei Române.
Gillett, A. 2006. Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe. *History Compass* 4, 1—20.
Goffart, W. 1988. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550—800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton: University Press.
Kulikowski, M. 2002. Nation versus Army: A Necessary Contrast? In: Gillett, A. (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. ISD, 69—84.
Lehmann, W.P. 1986. *A Gothic Etymological Dictionary.* Based on the 3 rd edition of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Leiden: Brill.
Liebeschuetz, W. 2015. *East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion*. Leiden: Brill.
Maenchen-Helfen, O. 1944—45. The legend of the origin of the Huns. *Byzantion* 17, 244—251.
Gillett, A. (ed.). 2002. On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Hardcover.
Price, N. 2017. *The Viking Way. Magic and Mind in Late Iron Age Scandinavia*. Oxford: Oxbow Books, 2017.
Ripinsky-Naxon, M. 1993. *The Nature of Shamanism: Substance and Function of a Religious Metaphor*. Albany, NY: State University of New York Press.
Wolfram, H. 1977. *Die Schlacht von Adrianopel*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Статья поступила в сборник 20 июня 2022 г.

Yana Bespalchikova (Saint Petersburg, Russian Federation). European University at St. Petersburg [1].
Беспальчикова Яна Евгеньевна (Санкт-Петербург, Россия). Европейский университет в Санкт-Петербурге.
E-mail: yana.bespal@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1573-4897

Address: [1] Gagarinskaya St., 6/1A, Saint Petersburg, 191187, Russian Federation

М. В. Любичев, Э. Шультце

Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш

Keywords: Late Roman Period, Chernyakhov/Sântana de Mureş Culture, cemeteries, multiple burials

Ключевые слова: позднеримское время, культура Черняхов/Сынтана-де-Муреш, могильники, групповые погребения

M. V. Lyubichev, E. Schultze

Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture

Funerary customs of the Chernyakhov culture are subject have been studied for more than 50 years. But until now, the graves including two or more deceased have never got particular attention. For the area of the Chernyakhov-Sântana de Mureş culture, 13 sites with double or multiple inhumation graves have been detected. Even on graveyards with large scale excavations, the number of multiple inhumations varies from one double/multiple burial to 15. In Târgşor cemetery, this number includes multiple cremation graves too. Therefore, these graves represent a rare phenomenon within the funerary customs of the Chernyakhov-Sântana de Mureş culture.

Concerning inhumation burials, there are no connections to special grave constructions, double burials have been found in simple pits, as well as in graves with horizontal shelf, niche or installation made of wood. The grave goods are typical for this culture. The combination of grave construction and inventory of double/multiple burials indicates that the deceased could belong to every social stratum. There is no evidence that the second or third person were buried as companion or even sacrifice for the first deceased. Depending on gender and age of the deceased, other reasons have to be taken into account for the multiple burials: either the presumably simultaneous death of two/three persons, or within a short time interval, for example due to an illness or epidemic disease.

М. В. Любичев, Э. Шультце

Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш

Погребальный обряд черняховской культуры является предметом изучения более 50 лет. Но до сих пор объектом внимания не стали могилы с двумя и более умершими. В ареале культуры Черняхов/Сынтана де Муреш такие погребения обнаружены на 13 могильниках. Даже на могильниках, исследованных большой площадью, количество групповых погребений варьирует от одного до 15. Но в это максимальное количество на могильнике Тыргшор включены также и групповые погребения-кремации. Поэтому такие комплексы являются довольно редким явлением в погребальной практике носителей культуры.

Групповые погребения-ингумации не связаны с определенным типом погребальных сооружений. Они совершены в сооружениях, типичных для могильников культуры: простых ямах, ямах с заплечиками, ямах с уступом, ямах с подбоем, а также в деревянных камерах. Погребальный инвентарь также характерен для носителей культуры. Сочетание конструкции погребального сооружения и состава инвентаря свидетельствует, что умерший мог принадлежать к любому социальному слою. Нет никаких свидетельств того, что второй или третий индивид был похоронен в качестве погребального инвентаря или даже жертвы для первого покойника. В зависимости от пола и возраста умершего необходимо рассматривать различные причины совершения коллективного захоронения: одновременную смерть двух/трех человек или же их кончину в короткий промежуток времени, например, вследствие болезни или эпидемии.

Погребальный обряд носителей культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш более полувека назад стал предметом отдельного изучения (Федоров 1958; Рикман 1964). Разработке подверглись классификация как погребений всех обрядовых групп с созданием базы данных (Сымонович, Кравченко 1983; Никитина 1985, 2008, 2012), так и погребений отдельных обрядовых групп (Петраускас 2002) с выделением их подгрупп (Махно 1971; Niculesku 1993; Петраускас 2009). Объектом изучения явились разрушенные в древности погребения-ингумации (Петраускас 2014), сохранность ингумаций на дюнных могильниках (Ljubičev, Schultze 2018). И это — далеко не все вопросы изучения погребального обряда.

Исследователи упоминали о «… редких, но тем не менее неоднократно отмеченных случаях совместных захоронений на черняховских могильниках наподобие изображенных на рисунке [В. В.] Хвойки трех подряд лежащих костяков (погр. 40—42 Черняхова)… Известны случаи захоронений матери с младенцем (Данилова Балка, Дедовщина, Чер-

© М. В. Любичев, Э. Шультце, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL22253279

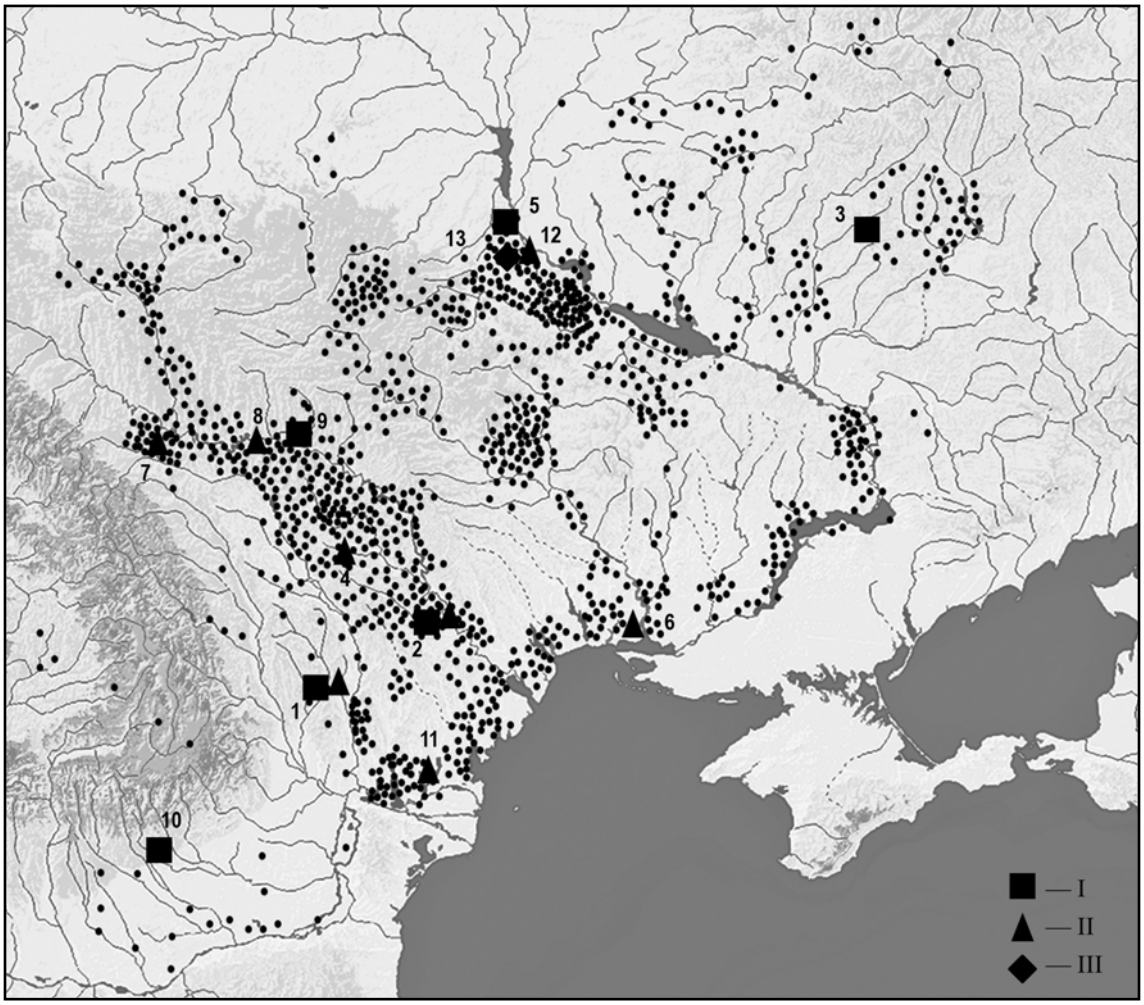

Рис. 1. Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш: I — «реальные», II — «спорные», III — «сомнительные». 1 — Бырлад Валя Сякэ (Bîrlad-Valea Seacă); 2 — Будешты (Budeşti), 3 — Войтенки; 4 — Данчены (Dančeny); 5 — Деревяна; 6 — Каборга IV; 7 — Одая; 8 — Оселивка; 9 — Романковцы;10 — Тыргшор (Tîrgşor); 11 — Фурмановка; 12 — Червоное 2; 13 — Черняхов (по Гей 1993: карта 23)

Fig. 1. Multiple burials in the cemeteries of the Chernyakhov/Sântana de Mureş culture: I — "real", II — "problematic", III — "debatable". 1 — Bârlad-Valea Seacă, 2 — Budeşti, 3 — Voitenki, 4 — Dănceny, 5 — Derevyana, 6 — Kaborga IV, 7 — Odaya, 8 — Oselivka, 9 — Romankovtsy, 10 — Târgşor, 11 — Furmanovka, 12 — Chernovoe, 13 — Chernyakhov (after Гей 1993: map 23).

няхов)», но признавали, что, «…как правило, погребения черняховских могильников индивидуальные и располагаются в среднем на расстоянии 1—3 м одно от другого» (Сымонович, Кравченко 1983: 19). В каталоге Г. Ф. Никитиной содержится информация о групповых погребениях из могильников Балцаты (Balcaty) II (погр. 11), Беленькое (погр. 9), Курники (погр. 10), Успенка (погр. 1644), Заячивка (погр. 3) (Никитина 2012: 153—161, 266, 302, 330). Но при рассмотрении этих комплексов оказалось, что они являются типичными одиночными погребениями (Рикман, 1988: рис. 1Б; Гудкова 1987: 59; Магомедов 1999: 107; Некрасова 2006: 104, рис. 50: 18; Хавлюк 1974: 64, рис. 3: 1, 2, 14, 15; 4: 3; 5: 2, 7; 6: 1, 2; 7: 3, 5; 8: 1, 4).

При анализе погребений-кремаций могильника Тыргшор (Tîrgşor) Г. Никулеску затронул и вопрос парных погребений, бесспорными признаками которых являются: для ингумаций — наличие двух скелетов, для кремаций — двух урн. Они отражают совместное депонирование остатков двух индивидов и связаны со случайной ситуацией — одновременной смертью индивидов или их кончиной в коротком промежутке времени (Niculesku 1993: 198).

Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш до настоящего времени не явились предметом специального изучения. С увеличением количества источников этот вопрос приобретает ак-

туальность. Должны быть рассмотрены такие аспекты как: распространение явления, особенности устройства погребений и набора погребального инвентаря, датировка и социальное положение погребенных, мотивация к их совершению. Поводом нашего обращения к проблеме явилось открытие группового погребения (№183) на могильнике Войтенки[1]. О.В. Шаров интересовался результатами исследования этого памятника, оказывал помощь в построении его хронологии. Мы благодарны ему за критические замечания и помощь.

Определение «группового погребения» и база источников

Традиционно определение «погребение» подразумевает помещение в могилу именно одного умершего. Появление погребений с двумя или несколькими покойниками может быть вызвано: 1) одновременной смертью индивидов; 2) выполнением умершим (умершими) роли погребального инвентаря для одного члена группы (Caselitz 1981: 174). В качестве иллюстрации второго аспекта возможно привести рассказ Геродота об умерщвлении и погребении слуг вместе с умершим скифским царем (*Herodot, IV, 71*) (Геродот 1972: 204), а также повествование Ибн Фадлана об умерщвлении девушки — наложницы при погребении хакана русов (Путешествие Ибн Фадлана… 1939: 82—83).

Выделяются виды групповых погребений: 1) с одновременным депонированием двух или более покойников — закрытый комплекс („Doppel — Mehrfachbestattung"); 2) постепенно заполняемые, с повторяющимся помещением в погребение нового индивида (Caselitz 1981: 174—175). Под «групповым погребением» на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш мы понимаем именно первый вид. При составлении базы данных (каталога) групповых погребений необходимо отобрать комплексы могильников, соответствующие именно его критериям. Поэтому выделяются такие группы как «реальные», «спорные», «сомнительные» и «недостоверные» групповые погребения. Рассмотрим их состав.

1). «Реальные» групповые погребения — это закрытые комплексы с одновременным помещением двух и более покойников. Они могут быть в различной степени разрушены, например: а) полностью сохранился один скелет и часть другого; б) большей частью разрушены два скелета, но по размещению их нижних конечностей определяется первоначальное положение погребенных; в) в качестве части второго скелета представлен лишь его череп. К группе относится несколько погребений могильника Бырлад–Валеа Сяке (Bîrlad–Valea Seacă) (далее — «Бырлад»). В погребении 27, выполненном в овальной яме по линии Север—Юг, на параллельных осях в вытянутом положении, на спине находились скелеты взрослого и ребенка. Часть скелета взрослого разрушена и смещенные кости находились в скоплении у западной стенки ямы (Palade 2004: 113, fig. 235) (рис. 2: 1). В погребении 95, выполненном в яме с заплечиками, по линии Север—Юг, в вытянутом положении на спине, находился скелет женщины. Возле ее черепа залегал другой череп. В качестве инвентаря сохранилось ожерелье из бус (Palade 2004: 115, fig.171) (рис. 2: 2). В погребении 408, выполненном в прямоугольной яме с уступом, скелеты взрослого и ребенка, ориентированные по линии Север—Юг, располагались вытянуто на спине. Скелет взрослого разрушен, но по положению костей фиксируется его первоначальное положение. Скелет ребенка не разрушен и сохранился его инвентарь: два железных ножа, две бронзовых иглы, 5 лепных и круговых сосудов, бусина, бронзовая пряжка, роговой гребень-подвеска (Palade 2004: 134, fig. 242) (рис. 2: 3). Два скелета взрослых в прямоугольной яме с округленными углами погребения 462 были разрушены, но нахождение *in situ* черепов и нижних конечностей указывает на их вытянутое положение на спине, на параллельных осях по линии Север—Юг. В области шеи возле черепа, находившегося в восточной части ямы, располагалось ожерелье из бус, что свидетельствует об одном из погребенных как женщине.

[1] Могильник относится к археологическому комплексу позднеримского времени — начала эпохи Великого переселения народов, находящемуся в восточной части ареала культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш (рис. 1) возле с. Войтенки (Богодуховский район, Харьковская область, Украина), расположен на южном склоне мокрой балки, выше поселения с участками и комплексами ступеней C1b–C2 и C3–D1. Во время его исследования Германо — Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в кооперации с Евразийским отделом Германского археологического института в течение 2005—2021 гг. открыто 273 погребения (128 ингумаций, 143 кремации, 2 кенотафа), относящихся к ступеням C3–D1 в системе Я. Тейрала (Tejral 1992: 234—246) или к фазам B–E горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро — донецкой лесостепи (Любичев 2019, ч. 2: 32—36). Исследование могильника продолжается.

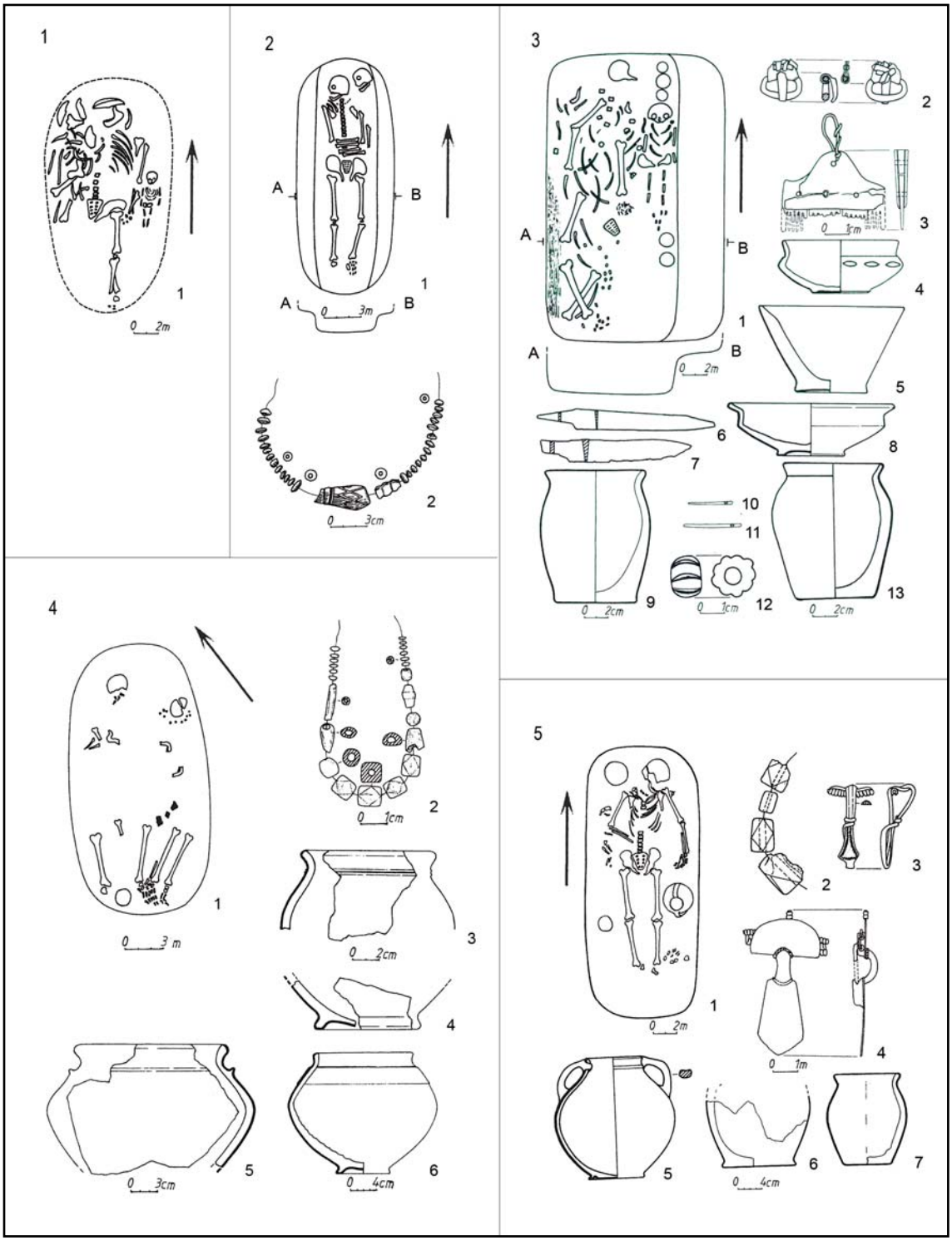

Рис. 2. «Реальные» групповые погребения могильника Бырлад-Валеа Сяке (Bîrlad-Valea Seacă): 1 — погр. 27; 2 — погр. 95; 3 — погр. 408; 4 — погр. 462; 5 — погр. 482 (по Palade 2004: fig. 171, 235, 242, 253, 257).

Fig. 2. "Real" multiple burials of the cemetery in Bârlad-Valea Seacă: 1 — gr. 27; 2 — gr. 95; 3 — gr. 408; 4 — gr. 462; 5 — gr. 482 (after Palade 2004: fig. 171, 235, 242, 253, 257).

Целый сосуд находился в области ступней одного погребенного, сохранились фрагменты еще трех сосудов (Palade 2004: 138, fig. 253) (рис. 2: 4). В погребении 482, совершенном в прямоугольной яме, скелеты женщины и ребенка находились по оси Север-Юг в вытянутом положении на спине. Сохранился фрагмент ожерелья (несколько бусин), две фибулы,

два целых сосуда и фрагмент одного (Palade 2004: 138, fig. 257) (рис. 2: 5).

В погребении 98 могильника Будешты (Budeşti) скелеты мужчины и женщины находились в прямоугольной яме в вытянутом положении на спине, на параллельных осях по линии Север—Юг (Рикман 1967: 59, рис. 12: 6) (рис. 3: 1). В погребении 4 могильника Деревяна в овальной яме располагались три скелета: в центре — скелет взрослого без черепа, череп находился на правой бедренной кости скелета, к западу — первый скелет подростка с черепом и череп располагался в области таза этого скелета. От второго скелета подростка сохранились лишь нижние конечности. Скелеты на параллельных осях ориентированы по линии Север—Юг. В погребении находились 4 фибулы, две бусины, сосуд (Кравченко и др. 2007: 332, рис. 8: 5—11) (рис. 3: 2).

Погребение 91 могильника Романковцы совершено в яме с заплечиками и ориентировано по линии Запад—Восток. На параллельных осях, вытянуто на спине залегали скелеты предположительно мужчины и женщины (Никитина 1996: 93, табл. 38) (рис. 3: 3). Автор раскопок Г.Ф. Никитина предположила, что разрушения в области таза у скелета 2 связано с более поздним помещением второго покойника (скелет 1) (Никитина 1996: 93). Но эта аргументация выглядит неубедительно и одновременное захоронение обоих покойников видится более вероятным. Погребение 183 могильника Тыргшор (Tîrgşor) совершено в прямоугольной яме с округленными углами, ориентировано по линии Север—Юг. На параллельных осях вытянуто на спине залегали скелеты взрослого и ребенка. В инвентаре взрослого находилось две фибулы и пряжка, в инвентаре ребенка — звено цепи (Diaconu 1965: 65, pl. 113: 1—5) (рис. 3: 4).

Погребение 183 могильника Войтенки, открытое в 2013 г., еще не опубликовано (Любичев, Шультце, в печати) и потому остановимся на нем более подробно. Пятно ямы погребения прямоугольной формы с округленными углами выявлено на глубине 0, 8 м от уровня современной поверхности, размеры ямы составляют 3,10×2,16 м. Почти ровное дно ямы понижается в восточной части. На ее дне обнаружены 6 столбовых ям: три из них видны хорошо, три — более слабо. Столбовые ямы находились на расстоянии 10—15 см от стенок погребальной ямы, что свидетельствует о наличии деревянной конструкции, вероятно — погребальной камеры. На дне ямы, на глубине 1,03—1,40 м, находились два скелета, ориентированных по линии Север—Юг (рис. 4; 5). Скелет 1 располагался в западной части ямы, восточнее параллельно с ним — скелет 2. Оба скелета залегали на спине, верхние конечности скелета 1 согнуты в локтях и скрещены на грудной клетке, нижние конечности — согнуты в коленных суставах и повернуты на восток. Восточная часть скелета 2 отсутствует, кости правой руки вытянуты вдоль тулова (рис. 4; 5). Согласно антропологическому определению скелет 1 принадлежит мужчине 18—20 лет, скелет 2 — женщине 30—35 лет [2].

Инвентарь погребения возможно соотнести с конкретными захоронениями. Рядом со скелетом 1 находились 7 из 12 круговых сосудов (рис. 6: 1—4, 6, 10; 7). Следует выделить кувшин с редкими изображениями животных (рис. 7). М. Хегевиш уделил внимание орнаменту этого сосуда в контексте зооморфных орнаментов *Germania Libera* (Hegewisch 2018). Кроме кувшина керамический инвентарь этого захоронения состоит из двух целых мисок (рис. 6: 1, 6), фрагмента миски (рис. 6: 10), двух ваз (рис. 6: 2, 3), горшка (рис. 6: 4). Большая ваза, состоявшая из фрагментов (рис. 6: 3), отличалась непрочностью и не могла использоваться в быту. Такой сосуд, относимый к «сырцовой» керамике, специально изготовлен для погребения. Одна миска имеет диаметр венчика лишь 11 см, потому могла выполнять функцию кубка (рис. 6: 1). В этом случае керамический инвентарь, относящийся к скелету 1, представлял так называемый «питейный сервиз» [3]. Кроме того, инвентарь захоронения включал бронзовую фибулу (рис. 8: 5), 7 камней песчаника, уложенных на фрагменте миски.

Пять других сосудов относились к скелету 2: горшок (рис. 6: 7), двуручный кувшин (рис. 6: 11), три миски (рис. 6: 5, 8, 9). Две миски принадлежат к открытому типу, а третья является нижней частью другого сосуда. Вероятно, первоначально это был кувшин или ваза, затем часть поврежденного сосуда стала выполнять роль миски. Такое вторичное ис-

[2] Антропологический анализ выполнен старшими научными сотрудниками Отдела биоархеологии Института археологии НАН Украины докт. ист. наук Т.А. Рудич, канд. ист. наук А.Д. Козак. Выражаем им свою глубокую признательность.

[3] Так называемый керамический «питейный сервиз» подразделяется на «неполный», включающий горшки, миски закрытого и открытого типов, вазы, трехручную вазу, кувшины, и «полный», где помимо перечисленных форм сосудов присутствует и кубок/кубки (керамический, стеклянный, керамический и стеклянный) (Шультце, Любичев 2018: 122).

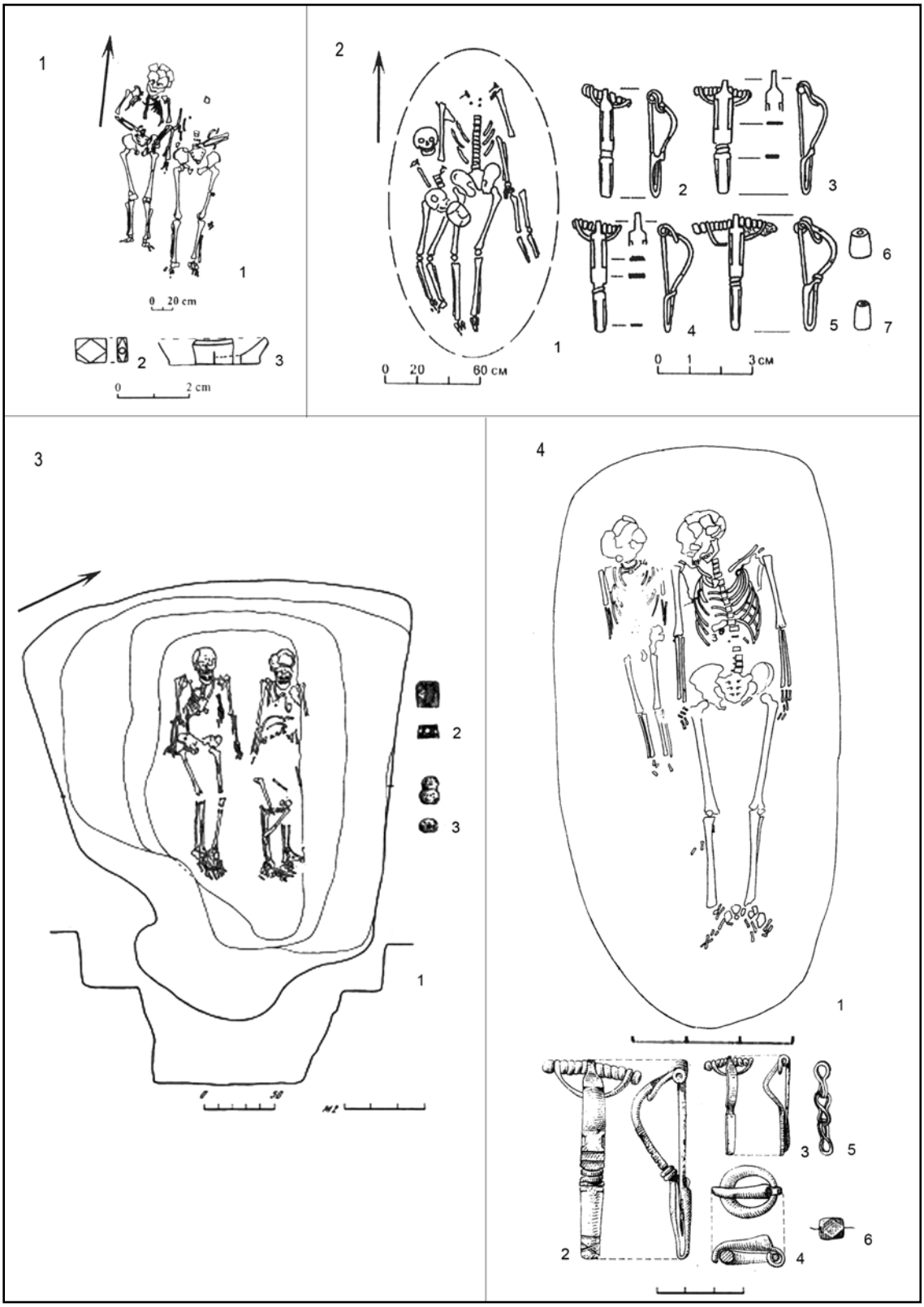

Рис. 3. «Реальные» групповые погребения: 1 — Будешты (Budeşti), погр. 98 (по Vornic 2006: fig. 57: 2); 2 — Деревяна, погр. 4 (по Кравченко и др. 2007: рис. 8: 5—11); 3 — Романковцы, погр. 11 (по Никитина 1996: табл. 38); 4 — Тыргшор (Tîrgşor) (по Diaconu 1965: pl. 113: 1—5).

Fig. 3. "Real" multiple burials: 1 — Budeşti, gr. 98 (after Vornic 2006: fig. 57: 2); 2 — Derevyana, gr. 4 (after Кравченко и др. 2007: рис. 8: 5—11); 3 — Romankovtsy, gr. 11 (after Никитина 1996: табл. 38); 4 — Târgşor, gr. 182 (after Diaconu 1965: pl. 113: 1—5).

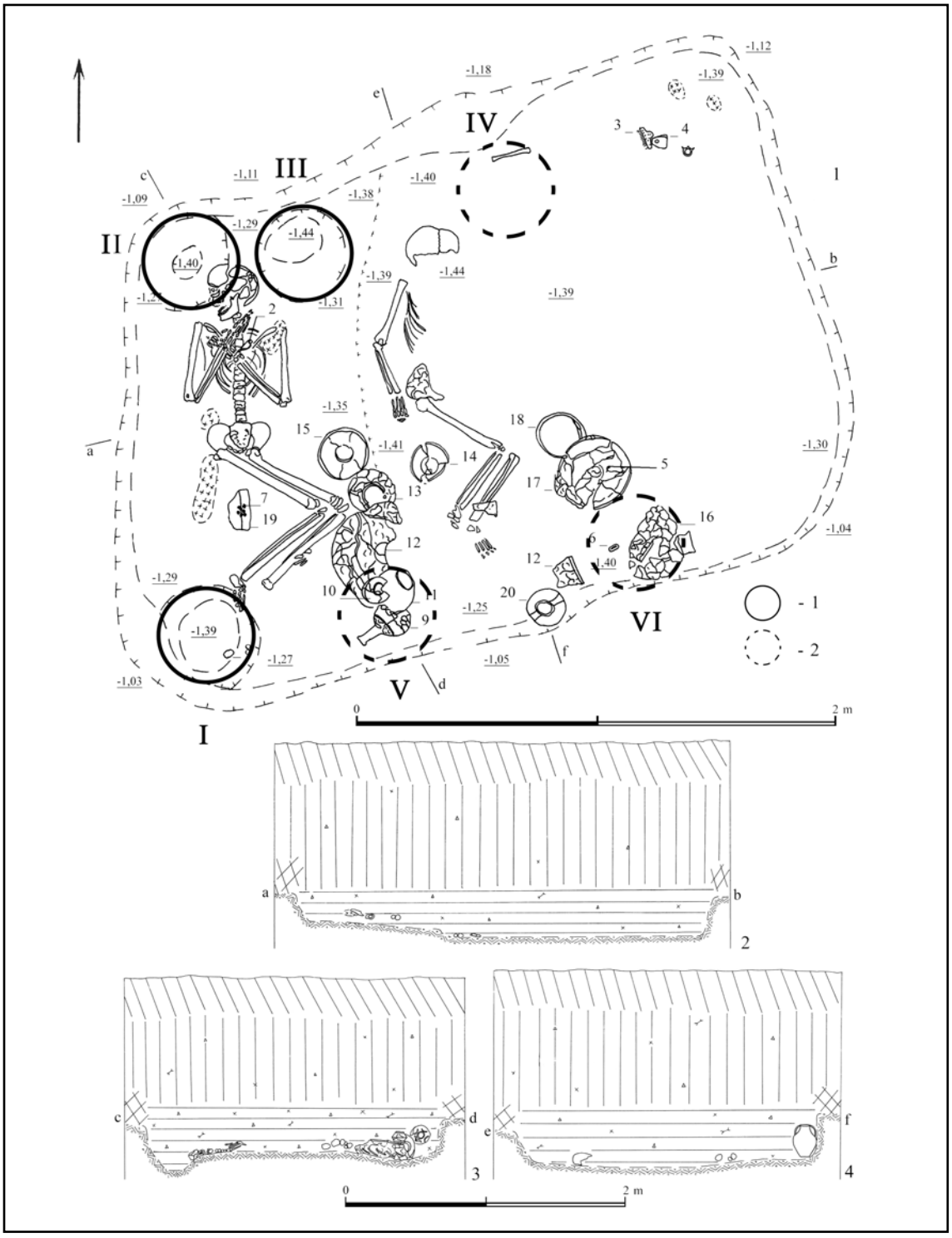

Рис. 4. Погребение 183 могильника Войтенки: план и профили. Столбовые ямы (обозначены римскими цифрами) в погребении: 1 — хорошо различимые, 2 — плохо различимые. Обозначения вещей в погребении: 2 — фибула, 3 — гребень, 4 — грузило, 5 — клюковидная булавка, 6 — пряслице, 7 — камни (7 штук), 8 — камень, 9 — сосуд 1, 10 — сосуд 2, 11 — сосуд 3, 12 — сосуд 4, 13 — сосуд 5, 14 — сосуд 6, 15 — сосуд 7, 16 — сосуд 8, 17 — сосуд 9, 18 — сосуд 10, 19 — сосуд 11, 20 — сосуд 12.

Fig. 4. Grave 183 of the cemetery in Voitenki: plane and profile. Post-pits (marked with Roman numerals): 1 — well cognisable, 2 — poor cognisable. Legend for the inventory: 2 — brooch, 3 — comb, 4 — loom weight, 5 — curved needle, 6 — spindle whorl, 7 — stones (7 pieces), 8 — stone, 9 — vessel 1, 10 — vessel 2, 11 — vessel 3, 12 — vessel 4, 13 — vessel 5, 14 — vessel 6, 15 — vessel 7, 16 — vessel 8, 17 — vessel 9, 18 — vessel 10, 19 — vessel 11, 20 — vessel 12.

Рис. 5. Погребение 183 могильника Войтенки (фото).

Fig. 5. Grave 183 of the cemetery in Voitenki (photo).

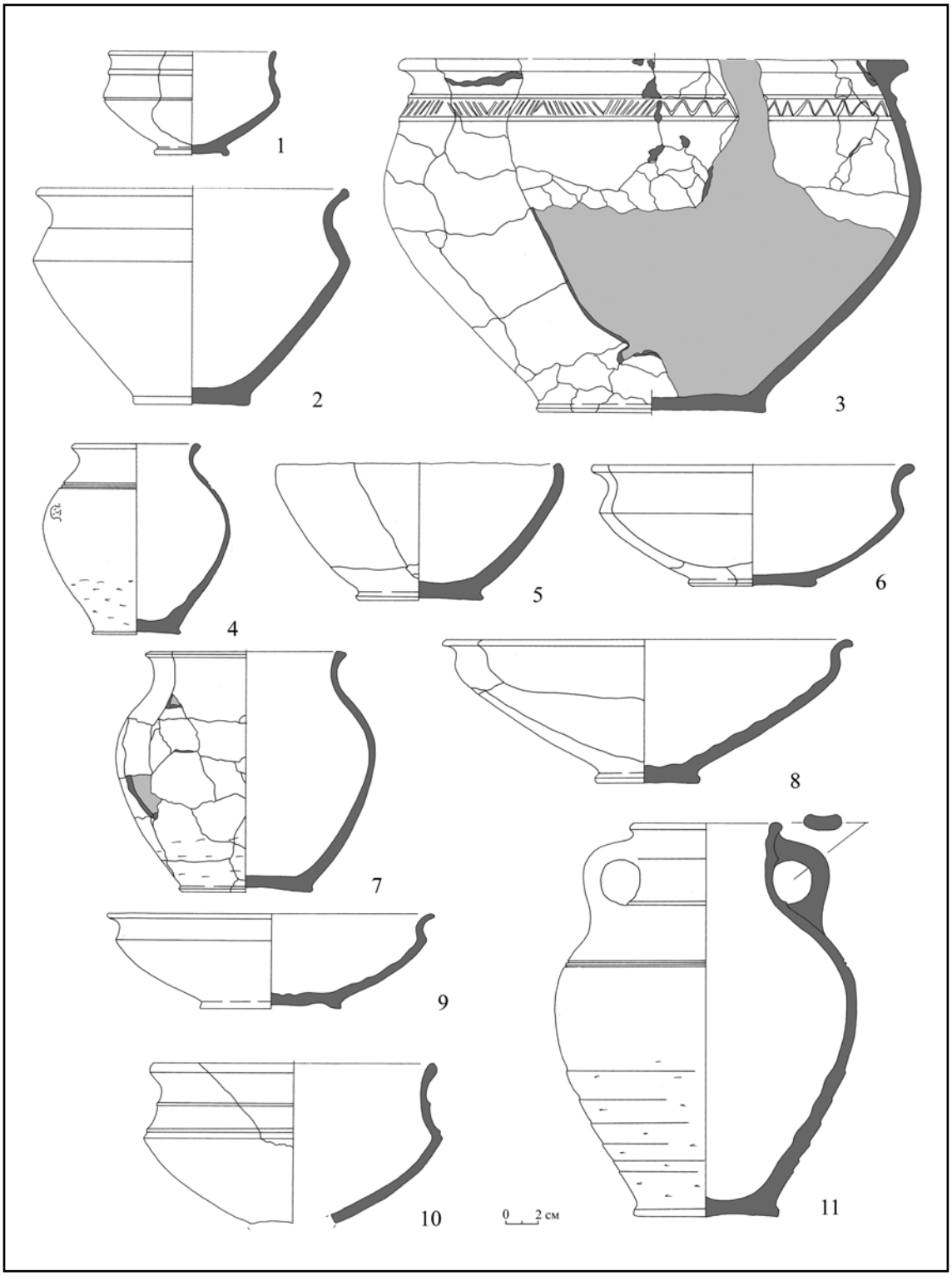

Рис. 6. Погребение 183 могильника Войтенки: керамические сосуды. 1 — миска закрытого типа (сосуд 2), 2 — ваза (сосуд 3), 3 — ваза (сосуд 4), 4 — горшок (сосуд 5), 5 — миска (сосуд 6), 6 — миска открытого типа (сосуд 7), 7 — горшок (сосуд 8), 8 — миска открытого типа (сосуд 9), 9 — миска открытого типа (сосуд 10), 10 — миска закрытого типа (сосуд 11), 11 — двуручный кувшин (сосуд 12).

Fig. 6. Grave 183 of the cemetery in Voitenki: Ceramic vessels. 1 — bowl of closed type (vessel 2), 2 — vase (vessel 3), 3 — vase (vessel 4), 4 — pot (vessel 5), 5 — bowl (vessel 6), 6 — bowl of open type (vessel 7), 7 — pot (vessel 8), 8 — bowl of open type (vessel 9), 9 — bowl of open type (vessel 10), 10 — bowl of closed type (vessel 11), 11 — two-handled jug (vessel 12).

Рис. 7. Погребение 183 могильника Войтенки: кувшин с зооморфным орнаментом (сосуд 1): 1 — рисунок сосуда и орнамента, 2—5 — фото.

Fig. 7. Grave 183 of the cemetery in Voitenki: Jug with zoomorphic ornament (vessel 1): 1 — drawing of the vessel and ornament, 2—5 — photo.

пользование нижней части сосудов является довольно необычным в погребениях. Этот сосуд не отличается от круговой керамики на могильнике и поселении Войтенки, но по результатам естественно-научных анализов его тесто определенно не имеет местного происхождения[4]. Поэтому не исключено, что сосуд имел особенное значение для умершей или членов её семьи. Частью инвентаря погребенной являлись также глиняное пряслице, бронзовая посоховидная булавка.

Кроме того, в северо-восточном углу ямы найдены роговой гребень, глиняное пирамидальное грузило, кости животных (остатки жертвенной пищи). Эти вещи лежали на достаточно большом расстоянии от скелетов. Может быть здесь находилось еще одно захоронение, которое было разрушено. С ним могла быть связана позвоночная кость с этой площади. Но точное свидетельство такого захоронения отсутствует, поэтому уверенно можно говорить лишь о парном погребении.

[4] Schultze et al. 2021: 209, там этот сосуд отмечен как проба Voj 284.

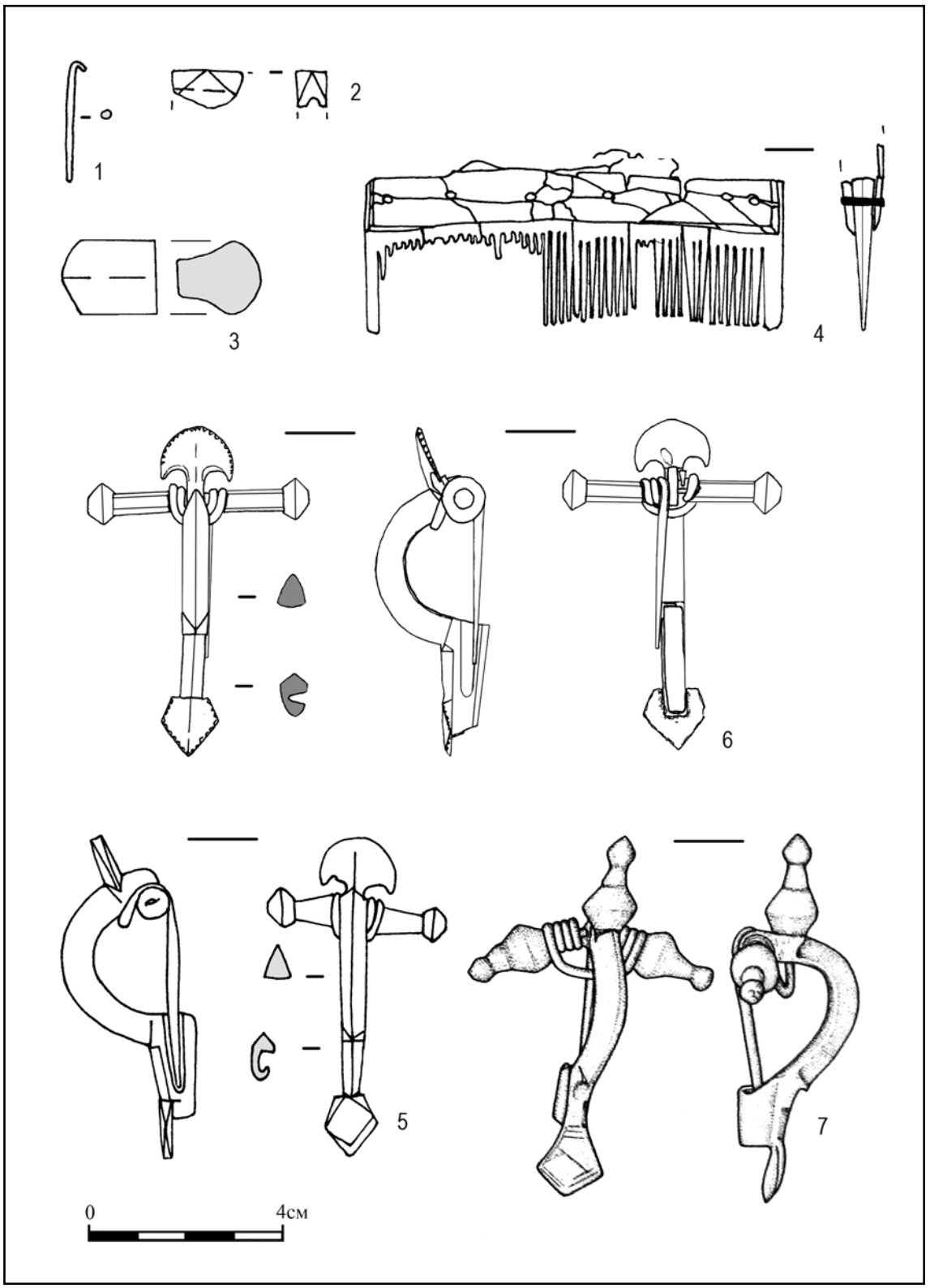

Рис. 8. Индивидуальные находки из погр. 183 могильника Войтенки (1—5): 1 — клюковидная булавка, 2 — бусина, 3 — пряслице, 4 — гребень, 5 — фибула; 6 — фибула из культового слоя могильника, 7 — фибула из Блиндова (Blindow, Lkr. Uckermark) (по Voß 1998: Abb. 3:8).

Fig. 8. Grave inventory of grave 183 in Voitenki (1—5), 1 — curved needle, 2 — bead, 3 — spindle whorl, 4 — comb, 5 — brooch; 6 — brooch from the cultic layer of the cemetery, 7 — brooch from Blindow (Lkr. Uckermark) (after Voß 1998: Abb. 3:8).

Конструкция ямы, положение скелетов возможно свидетельствует об одновременности захоронения двух покойников.

2). «Спорные» групповые погребения — комплексы, которые уверенно нельзя отнести к закрытым ввиду полной разрушенности скелетов (одного из скелетов), что не дает возможности утверждать об их одновременном депонировании. Не исключается возможность попадания костей одного скелета из другого погребения. Причиной отнесения погребений в эту группу является также отсутствие фиксации общей погребальной ямы[5].

В погребении 426 могильника Бырлад, выполненном в яме с заплечиками, длинной осью ориентированной в направлении Север — Юг, скелеты взрослого и подростка были полностью разрушены, и кости смещены в южную часть ямы. Среди сохранившегося инвентаря: бронзовая подвеска, фрагмент бронзовой фибулы, железный нож, бронзовая игла с частью костяного игольника, кольца цепи (Palade 2004: 125, fig. 248) (рис. 9: 1) В погребении 94 могильника Будешты, совершенном в яме, кости двух детских скелетов были разбросаны. Автор раскопок сообщает об «остатках двух разрушенных детских трупоположениий» (Рикман 1967: 71). В погребении 18 могильника Данчены (Dănceni), совершенном в яме, ориентированной по оси Север — Юг, скелет одного подростка (18Б) находился в скорченном положении на левом боку, а кости другого детского скелета (18А) беспорядочно располагались в южной части ямы (Рафалович 1986: 32, табл. II: 2; XVIII: 3) (рис. 9: 2).

Погребение 8 могильника Каборга IV совершено в яме с подбоем. Первый скелет, находившийся в подбое, принадлежал женщине, судя по наличию металлических подвесок. Второй скелет помещался на дне входной ямы, и его положение (легкая согнутость, упор черепом в стенку входной ямы) свидетельствует, что это пространство не предназначалось для размещения покойника и вероятно он был помещен сюда позднее, после совершения погребения в подбое (Магомедов 1979: 37—39, табл. IX: 4—13) (рис. 9: 3). Погребение 4 могильника Одая было совершено в яме с заплечиками, на дне которой находились кости разрушенного скелета. Сохранившиеся *in situ* нижние конечности одного скелета, располагавшиеся сверху на группе сосудов в южной части ямы, свидетельствуют о его первоначальном вытянутом положении на спине. В составе «женского» инвентаря погребения — элементы ожерелья из бус, раковина моллюска *Cyprea*, подвеска из основания оленьего рога. 6 сосудов не составляют «питейного сервиза» (Никитина 1996: 10—11, табл. 6, 7) (рис. 9: 4). Захоронение находилось на глубине 2 м, выше, на глубине 1,20 м был найден второй череп. Г. Ф. Никитина предполагала, что он попал сюда после разрушения погребения, при засыпке ямы (Никитина 1996: 11). По ее сведениям, антропологический анализ установил принадлежность обоих черепов мужчинам. В погребении 9 могильника Оселивка, совершенном в прямоугольной яме, ориентированной по оси Север-Юг, кости скелетов взрослого и ребенка были перемешаны при вторжении в погребение: часть их находилась на дне ямы вторжения/дне погребальной ямы и в юго-восточном углу погребальной ямы (Никитина 1988: 17, табл. 5А) (рис. 9: 5).

Погребение 23 могильника Фурмановка совершено в яме с подбоем. Кости разрушенных скелетов взрослого и ребенка находились в подбое и во входной яме, сохранились отдельные элементы инвентаря (бусы, пирамидальные роговые подвески, раковина морского моллюска, фрагмент стеклянного сосуда, фрагменты 4 сосудов) (Сымонович 1988: 158—159, рис. 13) (рис. 9: 6).

Погребения 57 и 59 могильника Червоное (Червоне) 2 являлись ингумациями взрослого (57) и подростка (59), находившиеся рядом и ориентированные по линии Запад—Восток. Погребение взрослого не имело инвентаря, а погребение подростка содержало две парные бронзовые подвязные фибулы, две стеклянные бусины и две стеклянные пронизи (Петраускас и др. 2013: 11—12, рис. 21)[6]. Отнести эти погребения к «реальному» групповому, не позволяют следующие обстоятельства: 1) скелеты залегали в нижней части предматерика, на границе с материком и потому пятно (пятна) ямы (ям) погребений (погребения) не прослежены, нет свидетельства именно об одной

[5] Анализ разрушенных погребений-ингумаций и опыт склеивания происходящих из них разрушенных сосудов, показывает, что фрагменты происходят из разрушенных погребений, часто расположенных на довольно большом удалении, в различных частях могильника. Фрагменты сосудов из одного погребения попали в другое, что могло быть случайностью и преднамеренным переносом (Руснак, Филатов 2019: 186, рис. 2). Подобное могло произойти и с костями разрушенных скелетов.

[6] Выражаем огромную признательность О. В. Петраускасу за предоставленную возможность пользоваться еще не опубликованными материалами исследований могильника Червоное 2.

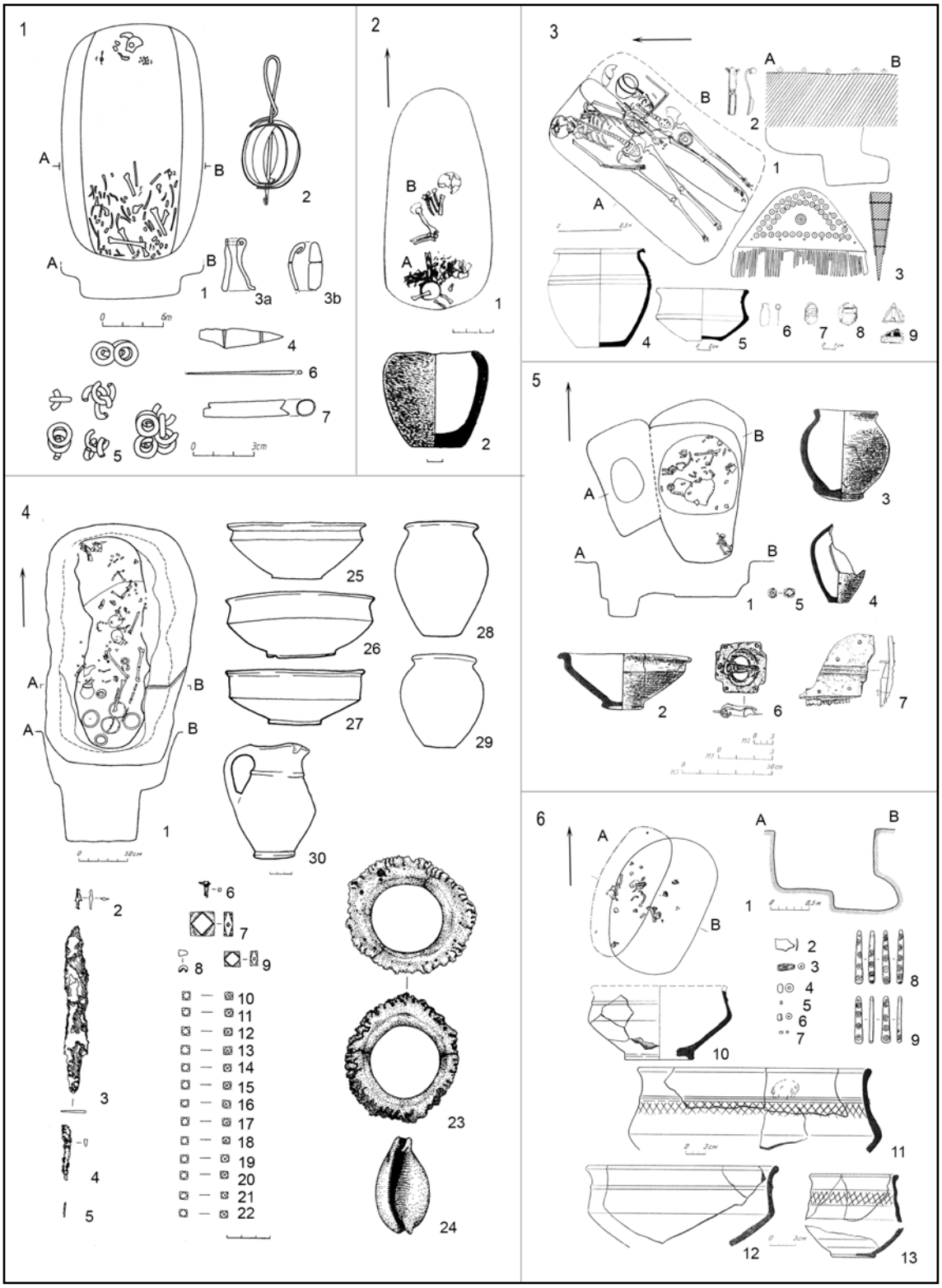

Рис. 9. «Спорные» групповые погребения: 1 — Бырлад-Валеа Сяке (Bîrlad-Valea Seacă), погр. 426 (по Palade 2004: fig. 248); 2 — Данчены (Dančeny), погр. 18 (по Рафалович 1986: табл. II: 2; XVIII: 3); 3 — Каборга IV, погр. 8 (по Магомедов 1979: табл. IX: 4—13); 4 — Одая, погр. 4 (по Никитина 1996: табл. 6, 7); 5 — Оселивка, погр. 9 (по Никитина 1988: табл. 5А); 6 — Фурмановка, погр. 23 (по Сымонович 1988: рис. 13).

Fig. 9. "Problematic" multiple burials: 1 — Bârlad-Valea Seacă, gr. 426 (after Palade 2004: fig. 248); 2 — Dănceni, gr. 18 (after Рафалович 1986: tabl. II: 2; XVIII: 3); 3 — Kaborga IV, gr. 8 (after Магомедов 1979: tabl. IX: 4—13); 4 — Odaya, gr. 4 (after Никитина 1996: tabl. 6, 7); 5 — Oselivka, gr. 9 (after Никитина 1988: tabl. 5A); 6 — Furmaniovka, gr. 23 (after Сымонович 1988: fig. 13)

яме, в которой находились бы двое погребенных; 2) скелеты залегали на различной глубине: взрослый (погр. 57): 1,33—1,52 м и подросток (погр. 59): 1,21—1,35 м; 3) расстояние между скелетами составляет 0, 5 м, и череп подростка находится на уровне таза скелета взрослого. Для сравнения, скелеты детей и подростков в «реальных» парных погребениях 27, 408, 482 Бырлад, 182 Тыргшора залегали вплотную к скелетам взрослых. Скелеты детей (младенцев) находились возле локтя руки взрослого (погр. 27, 482 Бырлад) (рис. 2: 1; 2: 4: 1), черепа скелетов подростков залегали на одном (почти на одном) уровне с черепами скелетов взрослых (погр. 408 Бырлад, 182 Тыргшор) (рис. 2: 3: 1; 3: 4: 1).

3). «Сомнительные» групповые погребения — это комплексы, о которых имеется самая мизерная информация или отрывочные сведения, не позволяющие уверенно отнести их к групповым. На основании отрывочной информации В. В. Хвойки о раскопках Черняховского могильника В. П. Петров предоставил сведения о погребениях, которые могли быть групповыми. Погребение 40—42 характеризуется как ингумации, ориентированные по оси Запад — Восток, без инвентаря. Отмечено, что скелеты находились «почти рядом… на незначительном расстоянии друг от друга и при небольшой разнице глубины» (в пределах 2, 4—2, 5 м) в одинаковом, вытянутом положении (Петров 1964: 75). Эта информация дает основание для предположения как о наличии действительно группового погребения с тремя скелетами, так и о присутствии трех отдельных погребений, ямы которых находились на малом расстоянии друг от друга.

Погребение 47—48 Черняховского могильника также представляет собой безинвентарные погребения — ингумации, ориентированные по оси Запад — Восток (Петров 1964: 75). Но в отчете о положении скелетов сказано, что «кости одного из них лежали крестообразно на костях ног другого» (Петров 1964: 75). Эта информация свидетельствует в пользу наличия двух отдельных, располагавшихся одно над другим, погребений с различной ориентировкой: по осям Север — Юг и Запад — Восток.

4). «Недостоверные» групповые погребения — погребения, которые однозначно нельзя отнести к групповым. Речь идет о двух и более отдельных погребениях в том числе с различной ориентировкой, ямы которых соприкасаются. К каждому погребенному относится его инвентарь.

Ямы погребений 40 и 41 могильника Полочин (Polocin) соприкасаются. Оба скелета находятся на параллельных осях Север — Юг, но первый скелет (погр. 40) залегает выше, на уровне его нижних конечностей (которые подогнуты) располагался череп второго скелета (погр. 41) (Mamalaucă 2018: 77, pl. 202—205) (рис. 10: 1).

Факт соприкосновения ям погребений 86/1 и 86/2 могильника Войтенки лег в основу первоначального вывода о наличии группового погребения. Но при анализе выяснилось, что речь идет о двух отдельных женских погребениях, ориентированных по различным осям (86/1: Север — Юг, 86/2: Запад — Восток), с различными погребальными конструкциями (86/1 — яма с подбоем, 86/2 — простая яма) (Любичев и др. 2009: 44—48) (рис. 10: 2). Состав инвентаря погребения 86/2 полностью отвечает закономерностям ингумаций западной ориентировки (Петраускас 2009: 188—190): группа «приношения, посуда» представлена стеклянным кубком, группа «убор и украшения» — ожерельем из бус, фибулами и пряжкой, вещи производственного и бытового назначения — пряслицем и клюковидной булавкой.

Погребение 38 могильника Чернелив — Русский представляет собой остатки трех скелетов с различной ориентировкой, залегавших на разных глубинах (рис. 10: 3). В инвентаре этого «одного погребения» содержатся вещи, имеющие различную датировку: роговой гребень без плечиков с низкой овальной спинкой Никитина I/2а (Герета 2016: рис. 23: 6) (рис. 10: 3: 6) и гребень (фрагмент) с плечиками и округлой головкой Никитина III/1 (Герета 2016, рис. 23: 7) (рис. 10: 3: 7), вещь круга «выемчатых эмалей» (звено цепи?) (рис. 10: 3: 11) (Герета 2016: рис. 23: 11). Гребни Никитина I/2а преобладают на фазе 1, существуют на фазе 2, единично встречаются в фазе 3 хронологии черняховских могильников украинской лесостепи Е. Л. Гороховского, появление гребней Никитина III/1 связано уже с фазой 4 (Гороховский 1988: 42—44).

Оговоримся, что наша база данных по групповым погребениям не претендует на абсолютную полноту, что связано с состоянием опубликованности изученных могильников. Например, в публикации могильника Тыргшор, осуществленной Г. Диакону в 1965 г., приводится описание и рисунки парного погребения 182 (Diaconu 1965: 65, 113: 1—5). Раскопки могильника продолжались до 1992 г. и с учетом исследованных за этот период 163 погребений их общее количество составило 449. Среди них имеются 15 парных погребений: 5 ингумаций и 10 кремаций (Niculescu 1993: 197, 214).

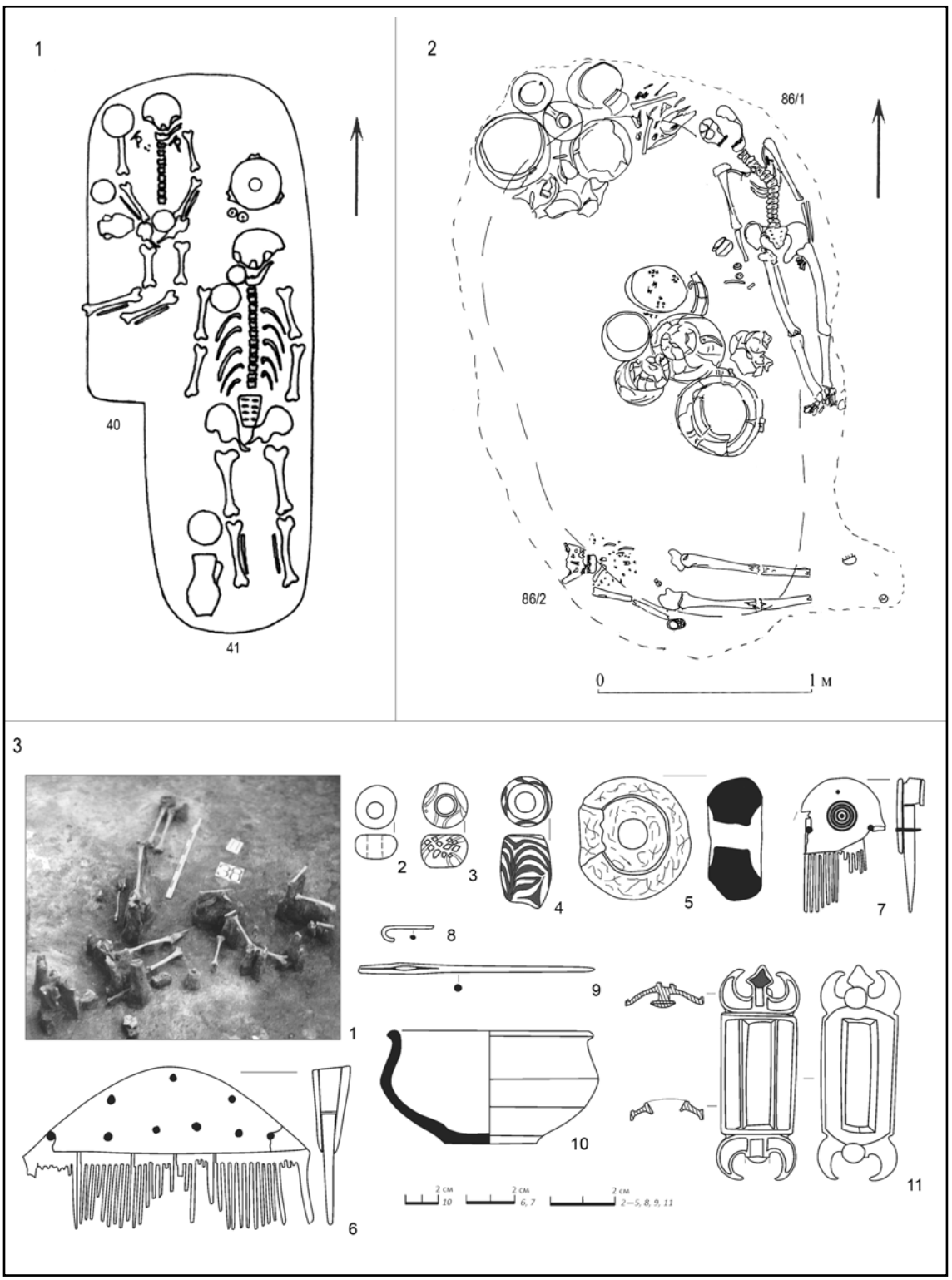

Рис. 10. «Недостоверные» групповые погребения: 1 — Полочин (Polocin), погр. 40 и 41 (по Mamalaucă 2018: pl. 202—205) (масштаб отсутствует); 2 — Войтенки, погр. 86/1 и 86/2 (по Любичев и др. 2009: рис. 198); 3 — Чернелив-Русский, погр. 38 (по Герета 2013: рис. 23).

Fig. 10. "Implausible" multiple burials: 1 — Polocin, gr. 40 and 41 (after Mamalaucă 2018: pl. 202—205) (without scale); 2 — Voitenki, gr. 86/1 and 86/2 (after Любичев и др. 2009: fig. 198); 3 — Cherneliv-Ruskiy, gr. 38 (after Герета 2013: fig. 23).

Анализ

Конструкция и ориентировка. Погребения были совершены в сооружениях различной конструкции. Имеющаяся выборка свидетельствует о полном преобладании среди них простых прямоугольных/овальных в плане ям (погр. 27, 462, 482 Бырлад; погр. 98 Будешти; погр. 4 Деревяна; погр. 182 Тыргшор) (рис. 2: 1, 4, 5; 3: 1, 2, 4). Два погребения были находились в ямах с заплечиками (погр. 95 Бырлад; погр. 91 Романковцы) (рис. 2: 2; 3: 3). Знакомство планом и профилем погр. 408 Бырлад в публикации (Palade 2004: fig.242) приводит к выводу, что оно было выполнено в яме с уступом. Скелет взрослого в западной части разрушен и факт разрушения может свидетельствовать о возникновении уступа как следа ямы вторжения. Но в восточной части погребения, возле уступа располагался целый скелет ребенка с нетронутым инвентарем (рис. 2: 3: 1). Это обстоятельство заставляет говорить о данной погребальной конструкции именно как о яме с уступом/ступенью. Размеры погребальной ямы, столбовые ямы, остатки деревянных плах свидетельствуют о наличии деревянной камеры в погр. 183 могильника Войтенки. Фактически все известные групповые погребения ориентированы по оси Север — Юг, исключение пока составляет погр. 91 могильника Романковцы, ориентированное по оси Запад-Восток (рис. 3: 3: 1).

Количество погребенных, пол и возраст. К сожалению, не все эти погребения подверглись антропологическому изучению, что не позволяет пока определить пол всех погребенных. Возможно выделить следующие группы сочетаемости погребенных по их количеству, возрастному и половому признаку: Группа 1 (двое взрослых): женщина и мужчина (погр. 98 Будешты, погр.91 Романковцы, погр. 462 Бырлад, погр. 183 Войтенки); Группа 2 (взрослый и подросток/ребенок): погр. 27, 408, 482 Бырлад, погр. 182 Тыргшор; Группа 3 (взрослый и два подростка): погр. 4 Деревяна. Это погребение выделяется не только количеством погребенных, что позволяет именовать его именно групповым погребением, а не парным. Наличие двух черепов вне анатомического порядка на костях двух скелетов возможно свидетельствует о также о том, что оно носит еще и дополнительный ритуальный характер. Группа 4 (погребение целого скелета взрослого и отдельного черепа): погр. 95 Бырлад.

Положение скелетов. Подавляющее большинство погребенных располагались на параллельных осях в вытянутом положении, на спине (погр. 27, 95, 408, 462, 482 Бырлад; погр. 98 Будешти; погр. 4 Деревяна; погр. 91 Романковцы, погр. 182 Тыргшор). Положение скелетов в погр. 183 Войтенков считается следствием «археологизации» тел погребенных, проявившейся здесь в изменении положения ног. Заваливание нижних конечностей (в данном случае — на левую сторону) характерно для тел, уложенных на спину. Практически полностью были завалены ноги у первого скелета. Свободному движению ног способствовало наличие свободного пространства в деревянной погребальной камере (Руснак 2020: 85).

Разрушения. При частичном разрушении скелета отсутствует его часть по одной из сторон (одна верхняя конечность, часть костей ребер, одна нижняя конечность) (погр. 27 Бырлад) (рис. 2: 1), верхняя часть выше таза (погр. 98 Будешти) (рис. 3: 1), область таза (погр. 91 Романковцы) (рис. 3: 3: 1). При разрушении всего скелета в погр. 408 Бырлад даже сдвинутые кости верхних и нижних конечностей позволяют судить о первоначальном вытянутом положении покойника на спине (рис. 2: 3: 1). В погр. 462 Бырлад после разрушения в положении *in situ* фактически сохранились кости нижних конечностей двух скелетов и их черепа (рис. 2: 4: 1), что также позволяет заключить об их первоначальном положении. Выше уже говорилось о трех погребенных в погр.4 Деревяной и особом характере разрушений в нем, позволяющих предполагать некий ритуальный смысл. Все приведенные здесь разрушения покойников в групповых погребениях по классификации О. В. Петраускаса относятся к типу «зональные» с различными вариантами (Петраускас 2014: 127, 129—130, табл. 1). «Тотальные» разрушения остатков покойников уже не позволяют уверенно относить погребения к «реальным», и они причислены нами к группе «спорных» групповых погребений.

Инвентарь погребений. В погр. 27 Бырлад, погр. 98 Будешти инвентарь отсутствует (рис. 2: 1; 3: 1). Фрагменты сосудов и бусина, происходящие из засыпки их ям, являются частью культового слоя могильника, следами погребений-кремаций в нем. Погр. 91 могильника Романковцы также не содержит инвентаря, бусины и фрагменты стеклянных изделий здесь происходят из заполнения (рис. 3: 3: 2, 3). Но отсутствие инвентаря в этом комплексе может быть объяснено его ориентировкой по линии Запад—Восток. В частности, для 37 могильников культуры среди погребений-ингумаций, ориентированных по оси Запад-

Восток, инвентарь содержался только в 15% погребений (Петраускас 2009: 189).

В составе инвентаря погребений присутствуют керамические сосуды: один (погр. 4 Деревяна), 5 (два горшка и три миски) (погр. 408 Бырлад) (рис. 2: 3: 4, 5, 8, 9, 13), два целых сосуда и три их фрагмента в погр. 462 Бырлад (рис. 2: 4: 3—6), два целых и один фрагмент в погр. 482 Бырлад (рис. 2: 5: 5—7). Ни в одном из этих погребений, даже с частичным разрушением скелета керамические сосуды не образуют «питейного набора». Он пока присутствует лишь в погр. 183 Войтенков и состоит из 12 сосудов (рис. 6).

Среди металлических предметов костюма фибулы различных типов и в различной комбинации присутствуют в целом ряде погребений: 4 бронзовых подвязных — в погр. 4 Деревяна (рис. 3: 2: 2—5), бронзовая подвязная и двупластинчатая серебряная — в погр. 482 Бырлад (рис. 2: 5: 3, 4), бронзовые подвязная и со сплошным приемником — в погр.182 Тыргшор (рис. 3: 4: 2, 3). Бронзовая двучленная фибула из погр.183 могильника Войтенки сочетает в себе черты *Bügelknopffibel* по наличию массивных спинки и ножки с приемником — «коробкой» на всю ее длину и *Zwiebelknopffibel* по имитации шарнира и «бусин»/«луковиц» на его окончаниях (рис. 8: 5). Особенность (эксклюзивность) данному изделию придает наличие на головке, на месте «кнопки», щитка в виде секиры, а на конце ножки — щитка в виде пятиугольника, на котором не убраны затеки по краям после извлечения из литейной формы. В культовом слое могильника на уровне 0, 3 м в 14 м к Юго — Востоку от этого погребения была обнаружена подобная фибула (рис. 8: 6).

Бронзовые пряжки происходят из погр. 408 Бырлад (рис. 2: 3: 2), погр. 182 Тыргшор (рис. 3: 4: 4). В качестве предмета туалета в погр. 183 Войтенков присутствовал многочастный роговой гребень (рис. 8: 4). Из украшений и амулетов в групповых погребениях встречены: ожерелья из бус и их части (погр. 95, 462, 482 Бырлад) (рис. 2: 2: 2; 2: 4: 2; 2: 5: 2), отдельные бусины (погр. 408 Бырлад, погр. 4 Деревяна) (рис. 2: 3: 12; 3: 2: 6, 7), гребень-подвеска (погр. 408 Бырлад) (рис. 2: 3: 3), звенья цепочки (погр. 182 Тыргшор) (рис. 3: 4: 5). Из предметов утвари в этих погребениях имеются иглы и ножи (погр. 408 Бырлад) (рис. 2: 3: 6, 7, 10, 11), а также глиняное пряслице и клюковидная булавка (погр. 183 Войтенков) (рис. 8: 1, 3). В погр. 183 Войтенков были также обнаружены камни, возможно имеющее ритуальное/магическое значение.

Хронология

Датировка пока довольно незначительной выборки «реальных» групповых погребений основывается на комплексах, содержащих минимум две датирующих вещи. В погребении 4 могильника Деревяна находились 4 бронзовых подвязных фибулы, причем на рисунке в публикации только у двух фибул приведено сечение их спинки (Кравченко и др. 2007: рис. 8: 7, 8) (рис. 3: 2: 3, 4), что позволяет точно определить их по классификации Е.Л. Гороховского (Гороховский 1988: 35) соответственно как Б3е и Б3д. Две другие фибулы вероятнее всего принадлежат к Б2б и Б3б (Кравченко и др. 2007: рис. 8: 6, 9) (рис. 3: 2: 2, 5).

Фибулы Б2б единично встречаются уже в фазе 2, преобладают в фазе 3, сохраняются в фазе 4 развития черняховских могильников украинской лесостепи. Фибулы Гороховский Б3 господствуют в фазе 4, встречаются они и в фазе 5 (Гороховский 1988: 44—45). Фаза 3 синхронизируется со ступенью С3, фаза 4 — со ступенью С3/D1, фаза 5 — со ступенью D1 системы Я. Тейрала (Tejral 1986: 183—212; 1992: 234—246; Гороховский 1988: 42—45).

В погр. 408 могильника Бырлад присутствуют бронзовая пряжка, миниатюрный гребень-подвеска и миска закрытого типа с овальными площадками по ребру (Palade 2004: fig. 242: 1, 2, 3). Пряжка, относящаяся к типу Гороховский В3в, имеет овальную рамку, полукруглую обойму (которая деформирована), язычок с окончанием, похожим на «хобот» (рис. 2: 3: 2). Такие пряжки характерны для 4 и 5 фаз по Е.Л. Гороховскому (Гороховский 1988: 42, 44—45). Гребни — подвески довольно редки в погребениях могильников культуры. Одно из таких изделий находилось совместно с бронзовой фибулой, имеющей вытянутую ромбическую ножку и сплошной приемник, в погребении 4/1937 на территории Киева (Каргер 1948: 250—251, рис. 5, 6). Такие фибулы относятся к группе I, типу 4, варианту 3 в классификации О.В. Петраускаса и датируются ступенью D 1 (Петраускас 2010: 196) или даже еще позднее, ступенью D1-D2 (Петраускас 2018: рис. 12: 4). Анализ закрытых комплексов из ареала культуры Черняхов/Сынтана де Муреш свидетельствует, что керамика с овальными площадками является хронологическим индикатором для периода конца IV — начала V вв. (Schultze, Strocen‘ 2008: 304).

В погр. 482 могильника Бырлад находилось две фибулы. Одна из них — двучленная

подвязная фибула с жаловидной ножкой группы 16 серии III А. К. Амброза (рис. 2: 5: 3). В общих границах они датированы IV в. или даже концом века (Амброз 1966: 69, табл. 12: 11). Две фибулы близкого типа («с ромбообразной ножкой») находилась в погребении 8 (Н)/1909 могильника «Городок Николаевка» совместно со стеклянным кубком группы Straume IB (Straume 1987: 28—30, Taf. 3) и многочастным роговым гребнем Никитина IB3 (Никитина 1969: рис. 1) (Ebert 1913: Abb. 96). Эти кубки по корреляционным группам закрытых комплексов синхронизируются с поздним отрезком ступени С3, маркируют переходной период от С3 к D 1, потенциально они могли существовать и на ступени D1 ибо сопровождающие их вещи характерны для этой ступени (Петраускас 2016: 98).

Другая фибула — двупластинчатая серебряная средних размеров с полукруглым верхним щитком, двупружинным узлом, с продолговатой ножкой, расширенной в нижней трети, декорированная кольцом из зерненой проволоки Амброз Iаа (Амброз 1966: 77) (рис. 2: 5: 4), характерна именно для фазы 5 (Гороховский 1988: 45).

Из погребения 182 могильника Тыргшор происходит подвязная фибула Б3б (Diaconu 1965: pl. 113: 1) (рис. 3: 4: 2). Эти застежки преобладали в фазе 4, сохранялись и в фазе 5 (Гороховский 1988: 44—45). Находившаяся там же фибула со сплошным приемником, узкой ножкой и открытым приемником (Diaconu 1965: pl.113: 2) (рис. 3: 4: 3), относится к типу 2 по классификации О. В. Петраускаса (Петраускас, 2010: 195, рис. 5: 2). Подобные фибулы датированы ступенями С 3 и вероятно D 1 (Петраускас 2010: 195). Согласно Е. Л. Гороховскому, фибулы со сплошным приемником появляются в фазе 3, существуют в фазе 4 (Гороховский 1988: 44). Пряжка с округлой толстой калачиковидной рамкой из погребения относится к типу Гороховский ГЗв. Такие изделия преобладают в фазе 4 (Гороховский 1988: 44).

К датирующим вещам из погребения 183 могильника Войтенки относятся бронзовая фибула, заключающая в себе черты *Bügelknopffibel* и *Zwiebelknopffibel* (рис. 8: 5), и многочастный роговой гребень (рис. 8: 4). Нам не известны аналогии такой фибуле как на могильнике Войтенки, так и на других памятниках культуры [7].

Согласно Е. Л. Гороховскому, *Bügelknopffibeln* появляются в фазе 3 (Гороховский 1988: 44). Гребень вероятно относится к типам Никитина III/1 или III/1б (Никитина 1969: рис. 1). В нашей системе хроноиндикаторов первого уровня гребень отнесен к ХИ 34/1а (Любичев 2019: часть 2: рис. 104). Такие гребни характерны для фаз «D» и «E» горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро — донецкой лесостепи (Любичев 2019, ч. 2: 32—35). Погребение 183 Войтенков отнесено нами к фазе «E» (Любичев 2019: часть 2: 35), которая приблизительно синхронна фазе 5 Е. Л. Гороховского (Гороховский 1988: 45) и ступени D1 Я. Тейрала (Tejral 1986: 194, 197—198, 212; 1992: 237—238, 245, 246).

Таким образом, датируемые групповые погребения относятся к фазам 4 и 5 или ступеням С3/D1 и D1. Следовательно, имеющаяся выборка свидетельствует об их принадлежности к периоду развитой культуры и ее заключительного этапа. Но это не исключает вероятности присутствия групповых погребений на раннем этапе культуры, на ступенях $C1_b$, С2.

Социальный статус погребенных

Сами по себе определенные свойства и признаки черняховских погребений не могут рассматриваться как социальные. Их «социологичность» может быть раскрыта лишь в совокупности (Кравченко 1987: 210). В числе признаков, которые могут отражать социальные отличия является конструкция погребальных сооружений, обрядовый инвентарь и сам погребальный обряд. Инвентарь по своим функциям в погребениях-ингумациях распадается на: а) «приношения» (керамические и стеклянные сосуды, животная жертвенная пища) — ведущий социально значимый признак, играющий самостоятельную роль; б) предметы личного убранства, в качестве социально значимого признака выступающие лишь совместно с категорией А; в) предметы производственного назначения, которые уточняют социальный статус (Кравченко 1987: 210—212). На основании устойчивых сочетаний признаков, имеющих социологическую значимость, Н. М. Кравченко выделила три археолого-социологических типа (АСТ) погребений: АСТ 1: 1—2 приношения, мо-

[7] Из погребения — кремации 114 могильника Войтенки происходит фибула с элементами *Bügelknopffibel* и *Zwiebelknopffibel* (Schultze, Lyubichev 2017: fig. 4: 1; 6), но она отличается от фибулы из погр. 183.

гут быть предметы личного убранства, погребальное сооружение — яма; АСТ2: 3—6 приношений, предметы личного убранства — в большинстве погребений; погребальное сооружение — яма с заплечиками или уступом, яма с подбоем; АСТ3: 9—16 приношений, предметы личного убранства — фактически во всех погребениях, погребальное сооружение — склеп, каменный ящик (Кравченко 1987: 219, 220). Погребения — ингумации северной ориентировки 98 Будешты и 27 Бырлад в ямах не имели инвентаря, потому их нельзя отнести даже к АСТ1. Погребения 4 Деревяна и 182 Тыргшор принадлежат к АСТ1, погребения 95 и 462 Бырлад относятся к АСТ1 или АСТ2. Это сомнение вызвано фактом отсутствия всего погребального инвентаря ввиду разрушения погребения в древности. К АСТ2 принадлежат погребения 408 и 482 Бырлад. Возможно к нему относится также погребение 91 Романковцы: оно выполнено в яме с заплечиками, в нем отсутствует инвентарь, но оно ориентировано по оси Запад — Восток. Погребение 183 Войтенков относится к АСТ3.

Если соотносить каждый АСТ со слоем общества, то следует заключить, что групповые погребения практиковались представителями всех слоев: от низшего (АСТ1) до высшего (АСТ3). В погребении 183 Войтенков о достаточно высоком социальном статусе погребенных свидетельствует наличие: 1) большой деревянной камеры; 2) керамического «питейного сервиза», включающего в том числе кувшин — графин с уникальным зооморфным орнаментом; 3) уникальной фибулы (возможно двух таких фибул); 4) остатков животной жертвенной пищи. Согласно Б.В. Магомедову, по наличию могильной ямы больших размеров и деревянной камеры, подобно погребениям германской знати в Центральной Европе, погребения на черняховских могильниках возможно относить к захоронениям знати (Магомедов 1997: 80).

О мотивации к совершению групповых погребений

Даже имеющаяся в нашем распоряжении выборка групповых погребений свидетельствует о том, что это явление нельзя признать массовым на могильниках культуры. Количество групповых погребений на конкретном могильнике отражает две реальности: археологическую (полностью ли исследован могильник и какова исследованная площадь?) и историческую (сколько было в реальности совершено групповых погребений?). На могильниках, изученных полностью, или на подавляющей части их площади (Бырлад, Тыршор) число групповых погребений колеблется от 5 до 15. Причем предметом нашего исследования в данной публикации не являются групповые погребения-кремации. К числу пяти «реальных групповых погребений» на могильнике Бырлад отнесены лишь ингумации. В число 15 парных погребений на могильнике Тыргшор включены 5 ингумаций и 10 кремаций (Niculesku 1993: 197, 214). На остальных, частично изученных могильниках, число «реальных» групповых погребений — ингумаций колеблется от одного до двух, но количество групповых погребений вообще может возрасти при соответствующем археологическом и антропологическом анализе погребений-кремаций (количество сосудов-урн, масса кальцинированных костей и их состав, погребальный инвентарь и т.д.).

Материалы имеющихся в нашем распоряжении групповых погребений не свидетельствуют о том, что второй (второй и третий) погребенный является жертвой, частью погребального инвентаря при совершении погребении одного индивида. Стоит согласиться с приведенным выше мнением, что «они отражают совместное депонирование остатков двух индивидов и связаны со случайной ситуацией — одновременной смертью индивидов или их кончиной в коротком промежутке времени» (Niculesku 1993: 198). Пол и возраст погребенных (мужчина и женщина, женщина и ребенок, взрослый и подростки) также свидетельствуют в пользу мотивации групповых погребений на могильниках культуры исключительно как результата одновременной смерти, болезни или эпидемий.

В других культурных образованиях римского времени также встречаются групповые погребения. В погр. 237 могильника Пятра Фрекацей (Piătra Frecăţei) с элементами в том числе культуры Черняхов/Сынтана де Муреш, в положении вытянуто на спине находились два детских скелета (нижние конечности отсутствуют). В качестве инвентаря одного из погребенных находились серебряная фибула со сплошным приемником Schulze 144 (Schulze 1977: Taf. 10: 144), две бронзовых проволочных серьги (одна — с подвеской), ожерелье из различных бусин, стеклянная бусина. Керамический сосуд находился ближе к другому скелету (Аурелиан 1962: 573—574, fig. 9—10).

На могильнике вельбаркской культуры Пруще Гданський, пункт 5 (Pruszcz Gdański, Fdst. 5) исследовано 7 групповых погребений (IV, VI из раскопок 1939 г., а также Grab 2A, B, Grab 4A, B, Grab 8A, B, Grab 12A, B, Grab 21A, B) (Pietrzak et al. 2008: 241—250, Abb.2: A, B, 3—6). Все погребения отличаются различным положением погребенных относительно друг-друга. Видна концентрация парных погребений на участке могильника. Не все погребения, относимые в публикации к групповым, могут считаться закрытыми комплексами — «реальными» групповыми. В комплексе Grab 4A, B погребение 4B было совершено раньше (Pietrzak et al. 2008: 244, Abb. 2: B), а в комплексе Grab 8A, B один из скелетов (скелет B) был уложен в уже существующее погребение в ненормальном положении: его нижние конечности подогнуты (Pietrzak et al. 2008: 244, 247, Abb. 3). В упомянутых погребениях присутствует следующее поло-возрастное сочетание погребенных: мужчина-женщина (Grab 4A, B), мужчина-мужчина (Grab 8A, B) девушка и женщина (Grab 12A, B), женщина и ребенок (Grab 21A, B).

Баевский могильник рассматривается как памятник вельбаркской культуры (Магомедов 2001: 199). В погребении 30 с Запада на Восток находились скелеты ребенка, взрослого мужчины, девушки, ребенка. В инвентаре девушки содержались бронзовая подвязная фибула, ожерелье из 60 бусин (Кухаренко 1975: 59, рис. 8: 7—9). На могильнике Плоцично (Płocicno) судавской культуры было изучено групповое погребение (Grab 1), относящееся к ступени C2. Обложенное камнями погребение по длинной оси ориентировано по оси Север — Юг, в его западной части находился скелет мужчины, в восточной — скелет женщины. К мужскому погребению относились две бронзовые монеты, две фибулы (мазурского типа и A. 98). К женскому погребению принадлежали 4 арбалетовидные подвязные фибулы с кольцевой гарнитурой (A. 167), бусы. К каждому погребению относились две пары манжетовидных браслетов, поясные гарнитуры, в погребении находились шейная гривна и нож (Nowakowski 2011).

Заключение

Явление групповых погребений имело место в том числе на могильниках культурных групп позднеримского времени европейского Барбарикума. Имеющаяся в нашем распоряжении выборка свидетельствует, что количество таких погребений колеблется на могильниках культуры Черняхов/Сынтана де Муреш от одного до 15 (включая на могильнике Тыргшор и парные погребения-кремации). Парные погребения-кремации не являются объектом нашего исследования, но они должны стать предметом отдельного изучения в будущем.

Несмотря на их наличие на могильниках в различных регионах ареала культуры (рис. 1), парные погребения не являются массовым явлением. Они не были совершены лишь в одной, присущей исключительно им погребальной конструкции. Соотношение погребальных конструкций этих захоронений (ямы, ямы с уступами и заплечиками, ямы с деревянными камерами, возможно и ямы с подбоями) сопоставимо с наличием таких конструкций на могильниках культуры при тотальном преобладании ям (Сымонович, Кравченко 1983: 20—26). Содержащийся в них погребальный инвентарь типичен для носителей культуры. Групповые погребения подвергались в древности разрушению также как и одинарные. Учет соотношения инвентаря и конструкций этих погребений позволяет утверждать, что в них погребены представители всех слоев общества — от низших до самых высших. Количество погребенных, их возраст и пол свидетельствуют, что второй/третий погребенный не выполнял роль сопровождающего инвентаря/жертвы для умершего члена общины. Мотивом к совершению таких погребений вероятнее всего являлась одновременная смерть двух/трех индивидов или их кончина в течении незначительного промежутка времени. Тема групповых погребений в культуре Черняхов/Сынтана де Муреш сохраняет свою актуальность с ростом базы источников.

Каталог групповых погребений на могильниках культуры Черняхов/Сынтана де Муреш

1. Бырлад-Валя Сякэ (Bîrlad-Valea Seacă**),** жуд. Васлуи, Румыния

Погр. 27: скелеты взрослого и ребенка

Сохранность: скелет взрослого большей частью разрушен в древности, детский скелет не разрушен

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): размеры 1,90×0,85, глубина 0,5

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: взрослый в западной части, ребёнок в восточной части, оба вытянуты, на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: отсутствует

Литература: Palade 2004: 113, fig. 235.

Погр. 95: скелет взрослого и череп подростка

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма с заплечиками

Параметры (м): размеры 1,80×0,60, глубина 1,65

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: женщина вытянута на спине, рядом с ее черепом — череп подростка (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: ожерелье из стеклянных бус в области шеи женщины

Литература: Palade 2004: 115, fig. 171.

Погр. 408: скелеты взрослого и ребенка

Сохранность: скелет взрослого разрушен в древности, детский скелет не разрушен

Тип погребального сооружения: прямоугольная яма с уступом (ступенью)

Параметры (м): размеры 2,40×1,10, глубина 1,85

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: взрослый — в западной части, ребёнок — в восточной части, оба вытянуты, на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: два железных ножа, бронзовая пряжка, две бронзовых иглы, стеклянная бусина, гребень-подвеска, кости животных, 3 лепных, 2 гончарных сосудов (2 горшка, 3 миски)

Литература: Palade 2004: 134, fig. 242.

Погр. 426: скелеты взрослого и подростка

Сохранность: разрушено

Тип погребального сооружения: яма с заплечиками

Параметры (м): размеры 2,30×0,80 м, глубина 2,0

Ориентировка: ССВ-ЮЮЗ

Положение погребенных: кости находятся в южной части ямы (антроп. анализ отсутствует)

Инвентарь: бронзовая фибула, железная игла с костяным игольником, железный нож, части цепи из бронзовых колец, бронзовая подвеска, кости животных

Литература: Palade 2004: 125, fig. 248.

Погр. 462: скелеты двух взрослых (одна женщина?)

Сохранность: разрушено в древности, нижние конечности *in situ*

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): размеры 1,9×0,75, глубина 1,96

Ориентировка: ССВ-ЮЮЗ

Положение погребенных: вытянуты на спине (?) (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: ожерелье из стеклянных бус, фрагменты двух гончарных, 4 лепных сосудов (3 вазы, 3 горшка)

Литература: Palade 2004: 137, fig. 253.

Погр. 482: скелеты взрослого и младенца

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: прямоугольная яма

Параметры (м): размеры 1,90×1,70, глубина 1,30

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: взрослый вытянут на спине, рядом — скелет младенца (меньше года) (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: серебряная фибула, бронзовая фибула, стеклянные бусы (часть ожерелья), 3 гончарных сосуда (кувшин, горшки)

Литература: Palade 2004: 138, fig. 257.

2. Будешты (Budeşti), мун. Кишинев, Молдова

Погр. 94: скелеты двух детей

Сохранность: разрушено в древности

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): глубина 0,6

Ориентировка: ?

Положение погребенных: ? (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: отсутствует

Литература: Рикман 1967: 71.

Погр. 98: скелеты двух взрослых

Сохранность: частично разрушено в древности, у одного скелета отсутствуют череп, грудная клетка, часть костей верхних конечностей

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): глубина 1,05

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: вытянуты на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: фрагменты лепной, гончарной керамики, сердоликовая бусина, вероятно происходит из трупосожжения

Литература: Рикман 1967: 59, рис. 12, 6.

3. Войтенки (Війтенки), Харьковская область, Украина

Погр. 183: скелеты двух взрослых, скелет мужчина (18—20 лет), скелет женщина (30—35 лет)

Сохранность: часть скелета жен. отсутствует

Тип погребального сооружения: яма со столбовыми ямами (остатки деревянной камеры)

Параметры (м): размеры 3,1×2,20—2,16, глубина 1,03—1,40

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: на левом боку, скорчены

Инвентарь: к скелету муж. относятся: бронзовая фибула, 7 гончарных сосудов (3 миски, 2 вазы, горшок, кувшин), 7 камней песчаника, к скелету жен. относятся: глиняное пряслице, бронзовая клюковидная булавка, 5 гончарных сосудов (горшок, 3 миски, кувшин). В погребении также находились: роговой гребень, глиняное грузило ткацкого станка, позвоночная кость человека, кости животных

Отчет: Любичев и др. 2014: 3—56, рис. 243—259.

4. Данчены (Dănceni), мун. Кишинев, Молдова

Погр. 18: скелеты двух подростков

Сохранность: частично разрушено в древности

Тип погребального сооружения: яма, выше скелета «А» остатки деревянной конструкции

Параметры (м): размеры 1,60×50,5—0,8, глубина 1,6

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: 18 «А» — при повторном захоронении кости скелета попали вне антропологического порядка в южную часть ямы, 18 «Б» — скелет на левом боку в скорченном положении, диагональное расположение скелета внутри ямы (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: 18 «А» — лепной горшок, 18 «Б» — без инвентаря

Литература: Рафалович 1986: 32, табл. II: 2, XVIII: 3.

5. Деревяна, Киевская область, Украина

Погр. 4: скелеты взрослого и двух подростков

Сохранность: центральная часть прорезана ямой

Тип погребального сооружения: прямоугольная яма

Параметры (м): глубина 1, 2

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: скелет 1 (подросток, в западной части ямы) — вытянут, на спине, скелет 2 (взрослый, в центре ямы) — без черепа, вытянут на спине, скелет 3 (подросток, в восточной части ямы) — только нижние конечности, вытянут на спине (?), два черепа: на тазе скелета 1, на нижней конечности скелета 2 (антропологический анализ отсутствует).

Инвентарь: две пары бронзовых фибул, коралловые бусы, сосуд, у взрослого — парные фибулы и коралловые бусы, у скелета 1 — парные фибулы, в заполнении ямы — фрагменты вазы.

Литература: Кравченко и др. 2007: 332, рис. 8.

6. Каборга IV, Николаевская область, Украина

Погр. 8: скелеты двух взрослых

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма с подбоем

Параметры (м): размеры: входная яма: 1,65×0,65, подбой: 1,55×0,5, глубина: подбой 0,85 м, входная яма: 0,58

Ориентировка: СВ-ЮЗ

Положение погребенных: скелеты вытянуты на спине, скелет 1 — в подбое, скелет 2 — на ступеньке подбоя (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: бронзовая фибула, фрагмент подобной фибулы, серебряная подвеска, три железных подвески, роговой гребень, железный нож, три гончарных сосуда (2 миски, горшок), камни известняка (9 экз.)

Литература: Магомедов 1979: 37—39, табл. IX, 4—13.

7. Одая, Хмельницкая область, Украина

Погр. 4: скелет, 2 черепа, череп 1 — мужчина 35—45, череп 2 — мужчина 40 лет

Сохранность: разрушено, только отдельные кости нижних конечностей *in situ*

Тип погребального сооружения: яма с заплечиками

Параметры (м): размеры 2,55×1,5, глубина 2, 0

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: на спине, вытянуты (?)

Инвентарь: 6 гончарных сосудов (2 горшка, 3 миски, кувшин), железный нож, железные предметы, стеклянные и сердоликовые бусы (ожерелье), подвеска из раковины *Cyprea*, подвеска из основания оленьего рога, кости животных

Литература: Никитина 1996: 10—11, табл. 6, 7.

8. Оселивка, Черновицкая область, Украина

Погр. 9: скелет взрослого (30—40 лет) и ребенка

Сохранность: разрушено в древности, камни в грабительской яме

Тип погребального сооружения: подпрямоугольная яма, к ее западной стенке примыкала другая яма (погр. 9а)

Параметры (м): размеры 1,85×1,10, глубина 1,45 (погр. 9); размеры 1,17×0,65, глубина 1,58 (погр. 9а)

Ориентировка: С-Ю (погр. 9), СЗ-ЮВ (погр. 9а)

Положение погребенных: кости смещены и смешаны, в центре и южной части ямы

Инвентарь: роговой гребень, бронзовая пряжка, стеклянная бусина, кости животных, фрагменты гончарной керамики (миска, горшок, кувшин)

Литература: Никитина 1988: 17, табл. 5А.

9. Романковцы, Черновицкая область, Украина

Погр. 91: скелеты двух взрослых

Сохранность: не разрушено, частично поврежден скелет 2

Тип погребального сооружения: яма с заплечиками неправильной в плане формы

Параметры (м): размеры 2,65×2,34, глубина 1,66

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: скелеты параллельно, на спине, вытянуты, по массивности костей Г.Ф. Никитина предполагала, что южный скелет (1) — мужской, северный скелет (2) — женский (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: в заполнении ямы — сердоликовая бусина, кусок стекла, фрагмент стеклянного сосуда

Литература: Никитина 1996: 93, табл. 38.

10. Тыргшор (Tîrgşor), жуд. Прахова, Румыния

погр. 182: скелеты взрослого и ребенка

Сохранность: не разрушено, кости ребенка сохранились не полностью

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): размеры 2,2×1,10, глубина 1,6

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: вытянуты на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: у взрослого — две бронзовые фибулы, бронзовая пряжка, бусина, у ребёнка — звенья цепи

Литература: Diaconu 1965: 65, Pl. 113: 1—5.

11. Фурмановка (Фурманівка), Одесская область, Украина

Погр. 23: скелеты взрослого и ребенка (5—6 лет)

Сохранность: разрушено в древности

Тип погребального сооружения: яма с подбоем

Параметры (м): размеры 1,8×1,4, глубина 1,37

Ориентировка: ССВ-ЮЮЗ

Положение погребенных: кости вне анатомического порядка в подбое и во входной яме (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: стеклянные бусы, две роговые пирамидальные подвески, фрагмент стеклянного сосуда, остатки яичной скорлупы, раковины морского моллюска (?), фрагменты 4 гончарных сосудов (3 миски, ваза)

Литература: Сымонович 1988: 158—159, рис. 13.

12. **Червоное 2 (Червоне 2),** Киевская область, Украина

Погр. 57 и 59: скелеты взрослого (57) и подростка (59)

Сохранность: целые, отсутствуют отдельные кости

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма (?)

Параметры (м): размеры —?, глубина 1,33—1,52 (57), 1,21—1,35 (59)

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: вытянуты на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: погр. 57 — отсутствует, погр. 59 — две парных бронзовых фибулы, две стеклянные бусины, две стеклянные пронизи

Отчет: Петраускас и др. 2013: 11—12, рис. 21

13. Черняхов, Киевская область, Украина

Погр. 40—42: три скелета

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма (?)

Параметры (м): глубина 2,0

Орентировка: З-В

Положение погребенных: на небольшом расстоянии друг от друга (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: ?

Литература: Петров 1964: 75

Погр. 47 и 48: два скелета

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма (?)

Параметры (м): глубина 1,40

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: ? (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: два сосуда

Литература: Петров 1964: 75.

Литература

Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР*. САИ Д1—30. Москва: Наука.

Аурелиан П. 1962. Следы культуры Черняхов-Сынтана де Муреш в Малой Скифии. *Dacia* VI, 235—255.

Гей О. А. 1993. Черняховская культура. История изучения. В: Русанова И. П., Сымонович Э. А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.* Москва: Наука, 123—129.

Герета І. П. 2016. *Чернелево-Руський могильник*. Oium 3. Київ; Тернопіль: ІА НАНУ.

Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Ленинград: Наука.

Гороховский Е. Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев: Наукова думка, 34—46.

Гудкова А. В. 1987. Могильник IV в. н. э. у с. Беленькое. В: Самойлова Т. Л. (ред.). *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 56—66.

Каргер М. К. 1948. К вопросу о древнейшей истории Киева. *СА* X, 235—254.

Кравченко Н. М. 1987. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры. В: Генинг В. Ф. (отв. ред.). *Исследование социально-исторических проблем в археологии*. Киев: Наукова думка, 209—227.

Кравченко и др. 2007: Кравченко Н. М., Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Петраускас А. В. 2007. *Памятники археологии позднеримского времени правобережной Киевщины*. Киев: КНТ.

Кухаренко Ю. В. 1975. Баївський могильник. *Археологія* 18, 51—61.

Любичев М. В. 2019. *Ранняя история днепро-донецкой лесостепи*. Части 1, 2. Ostrogothica-Serie: Bände. Bd. 3. Харьков: Естет-Принт.

Любичев и др. 2008: Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. 2009. *Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008 году*. НА ИА НАНУ. 2008/92.

Любичев и др. 2014: Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г., Шультце Э. 2014. *Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2013 г.* НА ИА НАНУ.

Любичев М. В., Шультце Э. (в печати). Групове поховання на могильнику черняхівської культури Війтенки.

Магомедов Б. В. 1979. Каборга IV (раскопки 1973—1974 г.). В: Сымонович Э. А. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 24—62.

Магомедов Б. В. 1997. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві. В: Баран В. Д. (відп. ред.). *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*. Київ; Львів: РАС, 79—85.

Магомедов Б. В. 1999. Черняховский могильник Курники на Южном Буге. *Stratum plus* (4), 102—120.

Магомедов Б. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: Wydawnictwo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Махно Є. В. 1971. Типи поховань та планування Компаніївського могильника. В: Шевченко Ф. П. (ред.). *Середні віки на Україні*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 87—95.

Некрасова А. Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья. В: Терпиловский Р. В. (ред.). *Готы и Рим*. Киев: ИД «Стилос», 87—200.

Никитина Г. Ф. 1969. Гребни черняховской культуры. *СА* (1), 147—159.

Никитина Г. Ф. 1985. *Систематика погребального обряда племен черняховской культуры*. Москва: Наука.

Никитина Г. Ф. 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. В: Кропоткин В. В. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 5—97.

Никитина Г. Ф. 1996. *Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии*. Москва: Наука.

Никитина Г. Ф. 2008. *Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников)*. Москва: Таус.

Никитина Г. Ф. 2012. *База данных погребального обряда черняховской культуры*. Москва: ИА РАН.

Петраускас О. В. 2002. Типи археологічних комплексів трупоспалень черняхівської культури (територія поширення, етнокультурні особливості та хронологія). *Археологія* (3), 40—65.

Петраускас О. В. 2009. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі. В: Мызгин К. (ред.). *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов*. Харьков: Тимченко А. Н., 186—215.

Петраускас О. В. 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України). В: Козак Д. Н. (відп. ред.). *АДІУ* 2. Київ: ІА НАНУ, 191—207.

Петраускас О. В. 2014. Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднепровья: анализ археологической структуры. В: Івакін Г. Ю. (відп. ред.). *Від венедів до Русі*. Київ: ІА НАНУ, 125—152.

Петраускас О. В. 2016. Скляні посудини типу Еггерс/230 в черняхівській культурі: хронологічний аспект. В: Петраускас О. В., Гопкало О. В., Горбаненко С. А. (ред.). *Oium. Черняхівська культура 5*. Київ: ІА НАНУ, 89—106.

Петраускас О. В. 2018. Могильник та поселення черняхівської культури Велика Бугаївка в системі старожитностей Середнього Подніпров'я. *Археологія* (2), 22—41.

Петраускас и др. 2013: Петраускас О. В., Коваль А. А., Авраменко М. А. 2013. *Отчет о раскопках могильника черняховской культуры Червонэ-2 Ставищанского р-на Киевской обл. в 2012 г.* НА ИА НАНУ.

Петров В. П. 1964. Черняховский могильник. *МИА* 116, 118—167.

Ибн-Фадлан 1939: *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Пер. и комментарии под ред. И. Ю. Крачковского. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рикман Э. А. 1964. Погребальные обряды Будештского могильника. В: Зеленчук В. С. (ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 106—131.

Рикман Э. А. 1967. *Памятник эпохи Великого переселения народов. По раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.

Рикман Э. А. 1988. Раскопки могильника черняховского типа Балцаты II в 1963—1964 гг. В: Кропоткин В. В. (ред.). *Могильники черняховской куль-*

туры. Москва: Наука, 111—132.
Рафалович И.А. 1986. *Данчены. Могильник черняховской культуры*. Кишинев: Штиинца.
Руснак В.В. 2020. Ингумации со скорченным положением костяка на могильниках черняховской культуры. В: Любичев М., Мизгін К. (ред.). *Ostrogothica-Serie: Bände*. Bd. 3: *Між Сходом та Заходом (Inter Orientem et Occidentem)*. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 80—108.
Руснак В.В., Филатов Д.А. 2019. Опыт изучения разрушенных погребений (по материалам могильника черняховской культуры Войтенки 1). В: Петраускас О.В., Гопкало О.В., Горбаненко С.А. (ред.). *Старожитності варварських племен у першій половині I тис.н. е.* Oium 6. Київ: ІА НАНУ, 181—204.
Сымонович Э.А. 1988. Придунайский могильник Фурмановка. В: Кропоткин В.В. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 143—163.
Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. *Погребальные обряды племен черняховской культуры*. САИ Д1—22. Москва: Наука.
Федоров Г.Б. 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). *СА* (3), 234—243.
Хавлюк П.І. 1974. Заячівський могильник на Вінничині. *Археологія* 14, 62—72.
Шультце Э., Любичев М.В. 2018. Группа погребений-ингумаций в северо-западной части могильника черняховской культуры Войтенки: вопросы хронологии. В: Любичев М.В., Мызгин К.В. (ред.). *Ostrogothica-Serie: Hefte*. Вып. 3: *Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе*. Материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15—17 сентября 2016 г. Харьков: «Водный спектр Джи-Эм-Пи», 121—145.
Caselitz P. 1981. Zur Sitte der Mehrfachbestattung in der Römischen Kaiserzeit. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* VIII, 173—200.
Diaconu Gh. 1965. *Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV e.n.* Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române.
Ebert M. 1913. Ausgrabungen bei dem „Gorodok Nikolajewka“ am Dnepr, Gouv. Cherson. *Praehistorische Zeitschrift* 1—2, 80—113.
Hegewisch M. 2018. Tierdarstellungen auf germanischer Keramik. Eine kurze Besprechung abgebildeter Tierarten. В: Любичев М.В., Мызгин К.В. (ред.). *Ostrogothica-Serie: Hefte*. Вып. 3: *Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе*. Материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15—17 сентября 2016 г. Харьков: «Водный спектр Джи-Эм-Пи», 146—181.
Ljubičev M.V., Schultze E. 2018. Zur einer Grupper ungewöhnlicher Gräberfelder der Černjachov-Kultur. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiewicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (red.). *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65.rocznice urodzin*. T. 1. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 512—534.
Mamalaucă M. 2018. *Descoperiri din perioada antichităţii târzii în podişul Central Moldovenesc*. Iaşi: Casa Editorială Demiurg.
Niculescu Ch. Al. 1993. The Cremation Graves from the cemetery of Tirgşor. *Dacia* XXXVII, 197—220.
Nowakowski W. 2011. Das „Doppelgrab“ aus Płociczno bei Suwałki. Ein erster Analyseversuch. *Światowit* 2009—2010 VIII (XLIX)/B, 101—118, pl. 40—48.
Palade V. 2004. *Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă*. Bucureşti: Editura ARC 2000.
Pietrzak et al. 2008: Pietrzak M., Rożnowski F., Cymek L. 2008. Doppelkörpergräber in der Wielbark-Kultur am Beispiel des Gräberfeldes in Pruszcz Gdański, Fdst. 5. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Łuczkiewicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 241—253.
Schultze E., Strocen‘ B. 2008. Keramik mit ovalen Facetten. Eine Untersuchung zur Chronologie der Černjachov-Kultur. *Eurasia antiqua* 14, 267—332.
Schultze E., Lyubichev M.V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. In: Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (eds.). *Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasica*, Vol.1. *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013*. Warsaw: Institute of Archaeology, University of Warsaw, 277—294.
Schultze et al. 2021: Schultze E., Daszkiewicz M., Schneider G., Schweigart F. 2021. Production and Distribution of Wheelmade Pottery in the Chernyakhov Culture: The Example of the Region around Voitenki. In: Meyer M. (ed.). *Approaching Economic Spaces. Methods and Interpretation in Archeometric Ceramic Analysis*. Berlin: Edition Topoi, 201—223.
Schulze M. 1977. *Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2)*. Antiquitas 3. Bd. 19. Bonn: Habelt.
Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Universitetsforlaget.
Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski K., Madyda-Legutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, 227—248.

References

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
Aurelian, P. 1962. In *Dacia* VI, 235—255 (in Russian).
Gei, O.A. 1993. In Rusanova, I.P., Symonovich, E.A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletiia do n.e. — pervoi polovine I tysiacheletiia n.e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: “Nauka” Publ., 123—129 (in Russian).
Hereta, I.P. 2016. *Chernelevo-Rus’kyj mohyl’nyk (The Chernelev-Rus’kyj Burial Ground)*. Series: Oium 3. Kyiv; Ternopil’: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
Herodotus. 1972. *Istoriia v deviati knigakh (The History)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
Gorokhovskii, E.L. 1988. In Baran, V.D. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings*

of the 5th International Congress of Slavicist Archaeologists) 4. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 34—46 (in Russian).

Gudkova, A.V. 1987. In Samoilova, T.L. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (New Investigations into the Archaeology of Northern Pontic Region)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 56—66 (in Russian).

Karger, M.K. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* X, 235—254 (in Russian).

Kravchenko, N.M. 1987. In Gening, V.F. (ed.). *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii (Studies on Social and Historical Issues in Archaeology)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 209—227 (in Russian).

Kravchenko, N.M., Petrauskas, O.V., Shishkin, R.G., Petrauskas, A.V. 2007. *Pamiatniki arkheologii pozdnerimskogo vremeni pravoberezhnoi Kievshchiny (Archaeological Sites from Late Roman Period in the Kiev Region on the Right Bank of Dnieper)*. Kyiv: "KNT" Publ. (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1975. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 18, 51—61 (in Ukrainian).

Liubichev, M.V. 2019. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vv. (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD)*. Parts 1, 2. Ostrogothica-Serie: Bände. Bd. 3. Kharkov: "Estet-Print" Publ. (in Russian).

Liubichev, M.V., Myzgin, K.V., Varacheva, K.G. 2009. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina v 2008 godu (Report on Fieldworks of the German-Slavic Archaeological Expedition of the V.N. Karazin Kharkov National University in 2008)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2008/92 (in Russian).

Liubichev, M.V., Myzgin, K.V., Varacheva, K.G., Schultze, E. 2014. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina v 2013 g. (Report on Fieldworks of the German-Slavic Archaeological Expedition of the V.N. Karazin Kharkov National University in 2013)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Lyubychev, M.V., Schultze, E. (in print). Hrupove pokhovannya na mohyl'nyku chernyakhivs'koï kul'tury Vijtenky (Collective Burials in Vijtenky Cemetery of the Chernyakhov Culture) (in Ukrainian).

Magomedov, B.V. 1979. In Symonovich, E.A. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Necropolises of Chernyakhov Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24—62 (in Russian).

Mahomedov, B.V. 1997. In Baran, V.D. (ed.). *Problemy pokhodzhennya ta istorychnoho rozvytku slov'yan (Issues of Origin and Historical Development of Slavs)*. Kyiv; Lviv: Rescue Archaeological Service Institute for Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevych, Ukraine National Academy of Sciences, 79—85 (in Ukrainian).

Magomedov, B.V. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 102—120 (in Russian).

Magomedov B. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa (Chernyakhov Culture. The Problem of Ethnos)*. Series: Monumenta studia Gothica I. Lublin: Wydawnictwo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).

Makhno, Ye.V. 1971. In Shevchenko, F.P. (ed.). *Seredni viky na Ukraïni (Middle Ages in Ukraine)* 1. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 87—95 (in Ukrainian).

Nekrasova, A.N. 2006. In Terpilovskii, R.V. (ed.). *Goty i Rim (Goths and Rome)*. Kyiv: "Stilos" Publ., 87—200 (in Russian).

Nikitina, G.F. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 147—159 (in Russian).

Nikitina, G.F. 1985. *Sistematika pogrebal'nogo obriada plemen cherniakhovskoi kul'tury (Systematics of Funerary Rite of the Cerneahov Culture Tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitina, G.F. 1988. In Kropotkin, V.V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Burial Grounds of Chernyakhov Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5—97 (in Russian).

Nikitina, G.F. 1996. *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury v Severnoi Bukovine i Bessarabii (Necropolises of Chernyakhov Culture in Northern Bukovina and Bessarabia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitina, G.F. 2008. *Cherniakhovskaia kul'tura Podnestrov'ia (po rezul'tatam analiza arkheologicheskikh istochnikov) (The Chernyakhov Culture in the Dniester Basin: by Results of the Analysis of Archaeological Sources)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Nikitina, G.F. 2012. *Baza dannykh pogrebal'nogo obriada cherniakhovskoi kul'tury (Database on the Funerary Rite of the Chernyakhov Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Petrauskas, O.V. 2002. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 40—65 (in Ukrainian).

Petrauskas, O.V. 2009. In Myzgin, K. (ed.). *Ostrogothica. Arkheologiia Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov (Ostrogothica. Archaeology of Central and Eastern Europe in the Late Roman Time and the Epoch of Great Migrations)*. Kharkov: "Tymchenko A.N." Publ., 186—215 (in Ukrainian).

Petrauskas, O.V. 2010. In Kozak, D.N. (ed.). *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 191—207 (in Ukrainian).

Petrauskas, O.V. 2014. In Ivakin, H. Yu. (ed.). *Vid venediv do Rusi. Zbirnyk naukovykh prats' na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Denysa Nykodymovycha Kozaka z nahody joho 70-littya (From Veneti to Rus: Collected Papers to the 70th Anniversary of Professor Denis Kozak)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 125—152 (in Russian).

Petrauskas, O.V. 2016. In Petrauskas, O.V., Hopkalo, O.V., Horbanenko, S.A. (eds.). *Oium. Chernyakhivs'ka kul'tura (Oium: the Chernyakhov Culture)* 5. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 89—106 (in Ukrainian).

Petrauskas, O.V. 2018. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 22—41 (in Ukrainian).

Petrauskas, O.V., Koval', A.A., Avramenko, M.A. 2013. *Otchet o raskopkakh mogil'nika cherniakhovskoi kul'tury Chervone-2 Stavishchanskogo r-na Kievskoi obl. v 2012 g. (Report on Excavations of the Chervone-2 Burial Ground of the Chernyakhov Culture, Stavyshche District, Kyiv Oblast, in 2012)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Petrov, V.P. 1964. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 116, 118—167 (in Russian).

Ibn-Fadlan 1939: Krachkovskii, I. Yu. (ed.). 1939. *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (Ibn-Fadlan's Journey to the Volga)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Rikman, E.A. 1964. In Zelenchuk, V.S. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldavskoi SSR (Materials and Investigations on the Archaeology and Ethnography of Moldavian SSR)*. Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ., 106—131 (in Russian).

Rikman, E.A. 1967. *Pamiatnik epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Po raskopkam poseleniia i mogil'nika cherniakhovskoi kul'tury u sela Budeshty (A Site of the Great Migration Period: according to the Excavations of the Chernyakhov Culture Settlement and Burial Ground near Budeşti)*. Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ. (in Russian).

Rikman, E.A. 1988. In Kropotkin, V.V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Burial Grounds of Chernyakhov Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 111—132 (in Russian).

Rafalovich, I.A. 1986. *Dancheny. Mogil'nik cherniakhovskoi kul'tury III—IV vv. n. e. (Dancheny. a Cemetery of Chernyakhov Culture from 3rd—4th Centuries AD)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Rusnak, V.V. 2020. In Lyubychev, M., Myzgin, K. (eds.). *Mizh Skhodom ta Zakhodom (Inter Orientem et Occidentem)*. Ostrogothica-Serie: Bände. Bd. 3. Kharkiv: Kharkov National University named after V.N. Karazin, 80—108 (in Russian).

Rusnak, V.V., Filatov, D.A. 2019. In Petrauskas, O.V., Hopkalo, O.V., Horbanenko, S.A. (eds.). *Starozhytnosti varvars'kykh plemen u pershij polovyni I tys.n. e. (Antiquities of Barbarian Tribes in First Half of the 1st Millennium AD).* Series: Oium 6. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 181—204 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1988. In Kropotkin, V.V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Burial Grounds of Chernyakhov Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143—163 (in Russian).

Symonovich, E.A., Kravchenko, N.M. 1983. *Pogrebal'nye obriady plemen cherniakhovskoi kul'tury (Burial Rites of Cerneahov Culture Tribes).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—22. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov, G.B. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 234—243 (in Russian).

Khavlyuk, P.I. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 14, 62—72 (in Ukrainian).

Schultze, E., Liubichev, M.V. 2018. In Liubichev, M.V., Myzgin, K.V. (eds.). *Khronologiia i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (Chronology and Coin Finds of the Late Roman Time and Great Migration Period: Current Archaeological Studies in Central and Eastern Europe).* Series: Ostrogothica-Serie: Hefte. Issue 3. Kharkov: "Vodnyi spektr Dzhi-Em-Pi" Publ., 121—145 (in Russian).

Caselitz, P. 1981. Zur Sitte der Mehrfachbestattung in der Römischen Kaiserzeit. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* VIII, 173—200.

Diaconu, Gh. 1965. *Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV e.n.* Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen bei dem „Gorodok Nikolajewka" am Dnepr, Gouv. Cherson. *Praehistorische Zeitschrift* 1—2, 80—113.

Hegewisch, M. 2018. Tierdarstellungen auf germanischer Keramik. Eine kurze Besprechung abgebildeter Tierarten. V: Liubichev, M.V., Myzgin, K.V. (eds.). *Khronologiia i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (Chronology and Coin Finds of the Late Roman Time and Great Migration Period: Current Archaeological Studies in Central and Eastern Europe).* Series: Ostrogothica-Serie: Hefte. Issue 3. Kharkov: "Vodnyi spektr Dzhi-Em-Pi" Publ., 146—181.

Ljubičev, M.V., Schultze, E. 2018. Zur einer Grupper ungewöhnlicher Gräberfelder der Černjachov-Kultur. In Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiewicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (red.). *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65.rocznice urodzin*. T. 1. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 512—534.

Mamalaucă, M. 2018. *Descoperiri din perioada antichității târzii în podişul Central Moldovenesc*. Iaşi: Casa Editorială Demiurg.

Niculescu Ch. Al. 1993. The Cremation Graves from the cemetery of Tirgşor. *Dacia* XXXVII, 197—220.

Nowakowski W. 2011. Das „Doppelgrab" aus Płociczno bei Suwałki. Ein erster Analyseversuch. *Światowit* 2009—2010 VIII (XLIX)/B, 101—118, pl. 40—48.

Palade V. 2004. *Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă*. Bucureşti: Editura ARC 2000.

Pietrzak M., Rożnowski F., Cymek L. 2008. Doppelkörpergräber in der Wielbark-Kultur am Beispiel des Gräberfeldes in Pruszcz Gdański, Fdst. 5. In Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Łuczkiewicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 241—253.

Schultze E., Strocen' B. 2008. Keramik mit ovalen Facetten. Eine Untersuchung zur Chronologie der Černjachov-Kultur. *Eurasia antiqua* 14, 267—332.

Schultze E., Lyubichev, M.V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. In Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (eds.). *Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasica*, Vol.1. *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013*. Warsaw: Institute of Archaeology, University of Warsaw, 277—294.

Schultze E., Daszkiewicz M., Schneider G., Schweigart F. 2021. Production and Distribution of Wheelmade Pottery in the Chernyakhov Culture: The Example of the Region around Voitenki. In Meyer M. (ed.). *Approaching Economic Spaces. Methods and Interpretation in Archeometric Ceramic Analysis*. Berlin: Edition Topoi, 201—223.

Schulze M. 1977. *Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2).* Antiquitas 3. Bd. 19. Bonn: Habelt.

Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Universitetsforlaget.

Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In Godłowski K., Madyda-Legutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, 227—248.

Статья поступила в сборник 1 июня 2022 г.

Mihail Lyubichev (Kharkiv, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. V. N. Karazin Kharkiv National University [1].

Любичев Михаил Васильевич (Харьков, Украина). Доктор исторических наук. Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.

E-mail: gsae@karazin.ua

Erdmute Schultze (Berlin, Germany). Doctor. Eurasian Department of the Germany Archaeological Institut [2].

Шультце Эрдмуте (Берлин, Германия). Доктор. Евразийский отдел Германского археологического института.

E-mail: Erdmute.Schultze@dainst.de

Addresses: [1] Svobody Place, 6, Kharkiv, 61022, Ukraine; [2] Im Dol 2-6, 14195, Berlin, Germany

Б. В. Магомедов

Гребни черняховской культуры: магическая функция

Keywords: late Roman period, Goths, amulets, images, antler

Ключевые слова: позднеримский период, готы, амулеты, изображения, олений рог

B. V. Magomedov

Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function

For the Germans of the Roman period, and especially for the Chernyakhov Goths, metal and antler combs had a sacral and magical significance. The "cult of combs" among the Goths went through several stages of development, gradually intensifying in its material manifestation. From the second half of the 3rd century from Northern Europe, iron combs-amulets penetrate into the Chernyakhov culture. In the middle of the 4th century, they were replaced by miniature horn amulets. At the same time, images of combs appear on ceramics. In the last quarter of the 4th century combs with drawings of animals (mythological characters) appear.

Б. В. Магомедов

Гребни черняховской культуры: магическая функция

Гребни из металла и оленьего рога имели для германцев римского периода, особенно для черняховских готов, сакрально-магическое значение. У готов «культ гребней» прошел несколько этапов развития, постепенно усиливаясь в своем материальном проявлении. Со второй половины III в. из Северной Европы в черняховскую культуру проникают железные гребни-амулеты. В середине IV в. их вытеснили миниатюрные роговые амулеты. В это же время изображения гребней появляются на керамике. В последней четверти IV в. появляются гребни с рисунками животных (мифологических персонажей).

Известно, что древние народы придавали волосам человека магическое (сакральное) значение. Вспомним библейского героя Самсона, сила которого заключалась в его длинных волосах. Прическа много значила и для германцев римского периода, в том числе для готов (Щукин 2005: 173—177). М. Б. Щукин приводит подтверждение этому из несколько более позднего времени: в Вестготском королевстве VI—VII веков строгим наказанием было публичное обрезание волос. Для готского мужчины традиционной прической считаются гладко расчесанные волосы до плеч. Вероятно, гребень, как основное орудие ухода за волосами, воспринимали как предмет, также обладающий магическими свойствами. Рассмотрим этот вопрос на археологическом материале черняховской культуры, основным населением которой были германцы-готы.

Черняховская культура (иначе: культура Черняхов — Сынтана де Муреш) во второй трети III — первой трети V в. охватывала большие пространства лесостепной и степной Украины, Молдовы и Румынии, также части Курской и Белгородской областей Российской Федерации. На ее памятниках встречаются находки гребней, изготовленых из оленьего рога и из металла. Для ухода за волосами использовались роговые гребни. За редким исключением, черняховские изделия относятся к группе трехслойных, односторонних. Они набраны из нескольких пластин с зубцами, закрепленных бронзовыми или железными заклепками между двумя роговыми пластинами-накладками. Обычная ширина гребней от 8 до 13 см. Такие сложные в производстве изделия стоили достаточно дорого. Крупные мастерские по изготовлению гребней исследованы на поселениях Великая Снитинка и Бырлад (Bîrlad) (Магомедов 1992; Palade 2004: 44—84).

Подобные трехслойные гребни были характерны также для германских культур Северной и Центральной Европы (где они пришли на смену более простым однослойным изделиям), а позже вместе с населением распространились на черняховскую территорию. Универсальная классификация

© Б. В. Магомедов, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22281293

гребней из оленьего рога на европейском материале разработана Зигрид Томас (Thomas 1960). На основе этой системы Г. Ф. Никитина создала типологию черняховских гребней (Никитина 1969). Позже Р. Г. Шишкин предложил более подробную систему (Шишкин 1999; 2002). По традиционной схеме трехслойные гребни по форме спинки делят на три типа, в каждом из которых выделено по несколько вариантов. Для задач настоящей статьи достаточно упрощенного описания типов. Хронологические рамки их бытования уточнены по материалам погребальных комплексов (Гороховский 1988).

Тип I. Гребни с полукруглой или подтреугольной спинкой. Варианты со спинкой низких пропорций или подтреугольной формы характерны для времени между 230—380 гг.; вариант с высокой спинкой в виде полукруга (тип Никитина I/1) использовался между 350—400 гг.

Тип II. В классификации З. Томас представлен гребнями с треугольной спинкой[1], у Г. Ф. Никитиной — гребнями со спинкой в виде трапеции (датируются второй третью III — второй третью IV в.), у Р. Г. Шишкина представлен вариантом типа I.

Тип III. Спинка имеет выступающую среднюю часть (головка). Тип появляется в середине IV в. Вероятно, до конца этого столетия бытуют гребни с невысокой головкой (тип Никитина III/1). К поздним вариантам (последняя четверть IV — первая треть V в.) относятся экземпляры с высокой головкой (тип Никитина III/1а), к этому признаку иногда добавляются вырезы на плечиках (тип Никитина III/2б) или составные боковые пластины, разделенные на плечики и головку. В Европе наибольшая концентрация находок гребней типа III приходится на черняховскую территорию, где эта форма и появилась, а позже она маркирует продвижение готов в Центральную и Западную Европу (Thomas 1960: 113—114; Kazanski, Lapart 1995: 197, fig. 1).

Металлические гребни встречаются в разных регионах черняховской культуры, кроме Севрного Причерноморья, и опубликовано их около 30 экземпляров (Левада 1999). В большинстве они изготовлены из цельных железных пластин, единично встречаются бронзовые изделия. Форма обычно соответствует типу I роговых гребней с полукруглой и подтреугольной спинкой. Как правило, их ширина составляет 7—11 см, а в спинке имеются отверстия. Как и роговые, железные гребни известны в германских культурах Центральной и (особенно) Северной Европы, где появляются со II в. н. э. Черняховские находки можно датировать в пределах середины III — середины IV в. Наиболее поздним (середины IV в.) можно считать единственный пока экземпляр, близкий к типу III, из поселения Шершни первой половины IV в. (Магомедов, Гудим-Левкович 1991: 101, рис. 2: 9). Существуют мнения, что металлические гребни использовались как наделенные магической силой амулеты, а также что они применялись в домашнем производстве — для расчесывания шерстяной пряжи (Werner 1988: 281; 1990; Ilkjær 1998: 45). Нам представляется, что нет противоречия в двояком, утилитарном и сакрально-магическом, значении этих вещей. Однако, по крайней мере для черняховского населения, использование железных гребней в качестве рабочих инструментов сомнительно. Они исчезают в середине IV в. и вряд ли это можно объяснить резким изменением в технологии расчесывания шерсти. Полагаю, что железные амулеты-гребни были вытеснены более удобными роговыми изделиями (см. ниже). Сторонников использования металлических гребней как амулетов смущает почти полное их отсутствие в инвентаре черняховских могильников[2]. Но то же самое можно сказать о находках железного оружия. Вероятно, использование в погребальном обряде определенных железных предметов (оружие, гребни) противоречило обычаям готов.

Для роговых гребней предположение об их магической функции подтверждают археологические находки: подвески в виде гребней, керамическая посуда с изображениями гребней, изображения на самих гребнях.

Подвески

Подвески из оленьего рога в виде гребней — это довольно редкий, но характерный для черняховской культуры вид аксессуаров костюма (Магомедов 2001: 73). Они представляют собой уменьшенные (ширина 4,5—5,7 см) копии обычных гребней.

[1] Гребень с треугольной спинкой из погр. Данчены 356 является уникальным для черняховской культуры (Рафалович 1986: табл. LI: 19); такие находки обычны для памятников IV века Центральной и Северной Европы.

[2] Редкий случай — железный гребень из могильника Легедзино (Магомедов, Диденко 2013: 241, рис. 4: 23), не вошедший в сводку М. Е. Левады (1999).

Как правило, целые экземпляры этих подвесок имеют отверстие в спинке для проволочного кольца; все сохранившиеся кольца — бронзовые. Учитывая малую вероятность использования таких миниатюрных гребешков для ухода за прической, исследователи причисляют их к амулетам. Приводим описание находок[3].

• Бырлад-Валя Сякэ (Bîrlad-Valea Seacă), могильник, погр. 408 (Palade 2004: 134, fig. 242: 2) (рис. 1: 6). По инвентарю (пряжка и миска с фасетированным ребром) дата — не ранее середины IV в.

• Бырлад-Валя Сякэ, могильник, погр. 519, ребенок 6—7 лет (Palade 2004: 143, fig. 276: 4) (рис. 1: 1).

• Журавка, могильник, погр. 1 (Сымонович 1959: 46, табл. XVIII: 7) (рис. 1: 4). По инвентарю (пряжка с загнутым концом язычка и миска с каннелюрами по ребру) дата — не ранее середины IV в.

• Каховский район Херсонской области, курган. Подвеска ошибочно отнесена к скифскому времени (Лесков 1972: 55, илл. 27) (рис. 1: 9). Вероятно, она находилась в разрушенном сармато-аланском погребении, но изготовлена определенно в черняховской мастерской.

• Киев (Старокиевская гора), могильник, погр. 4/1937, женское. Однослойный гребень, найден с бронзовым кольцом, продетым в отверстие в спинке (Самойловський 1952: 154, рис. 3: 1)[4] (рис. 1: 12). Дату определяет фибула с ромбической ножкой варианта IБА по А.К. Амброзу: последняя четверть IV — первая треть V в. (Гороховский 1988: 45, рис.: 80).

• Киевская область. Незаконная находка «поисковиков»[5] (Гребень ЧК 2016) (рис. 1: 7).

• Легедзине, могильник, погр. 68, детское. (Магомедов, Милашевский 2017: 275—276, рис. 3: 12) (рис. 1: 2). Дата по инвентарю, включая фибулу варианта Гороховский Б1в: последняя четверть IV — начало V в. (Гороховский 1988: 45).

• Маслово, могильник, погр. 89 (Петров 1964: 152, рис. 13: 32) (рис. 1: 5). Амулет найден вместе с гребнем типа Никитина I/1 (350—400 гг.).

• Петроаселе (Pietroasele), могильник №1 (Diaconu et al. 1977: fig. 20: 5) (рис. 1: 10).

• Петроаселе, поселение (Diaconu et al. 1977: fig. 20: 9) (рис. 1: 11).

• Черкассы-Центр, могильник, погр. 69 (Куштан, Петраускас 2011: 196, рис. 19: 7) (рис. 1: 3). По пряжке и амфоре типа Шелов F датируется около 360—380 г.

• Черняхов или Ромашки, могильник (Сымонович 1993: табл. LXIII: 16) (рис. 1: 8). Из коллекции В.В. Хвойки.

Почти все подвески, кроме экземпляра из поселения Петроаселе, происходят из погребальных памятников. Большинство найдено в Среднем Поднепровье (Журавка, Киев и Киевская область, Легедзине, Маслово, Черкассы, Черняхов-Ромашки), четыре находки — на территории Румынии (Бырлад и Петроаселе) и одна — в Нижнем Поднепровье (Каховский район). Последняя, очень вероятно, попала в курганное захоронение из Среднего Поднепровья.

Среди известных нам подвесок этого вида почти все повторяют конструкцию трехслойных гребней. Однослойный экземпляр из Киева является упрощенной имитацией трехслойного изделия. Форма подвесок-амулетов соответствует типам гребней черняховской культуры. Один из миниатюрных гребешков из могильника Бырлад, погр. 519 относится к типу Никитина I/1 (350—400 гг.) (рис. 1: 1). Остальные представлены вариантами типа III. Экземпляры с невысокой головкой можно отнести к типу III/1 второй половины IV в.: Бырлад, погр. 408; Журавка, Легедзине, Маслово, Черкассы (рис. 1: 2—6). Гребешок из Киевской области с высокой головкой (тип III/1а, рис. 1: 7), а также остальные пять гребешков с высокой головкой, выделенной вырезами в плечиках (тип III/2б, рис. 1: 8—12), относятся к последней четверти IV — первой трети V в. Общая датировка всех подвесок укладывается в период второй половины IV — первой трети V в., что вполне совпадает с наблюдениями Р.Г. Шишкина (2002: 245—246) и с датировками приведенных выше погребальных комплексов.

С небольшой группой черняховского населения, которая после прихода гуннов мигрировала на Верхний Дон, связаны находки однослойных подвесок на полиэтничных

[3] К категории подвесок были также отнесены обломки гребня из могильника Дидов Шпиль (Терпиловский, Петраускас 2005: 66, рис. 4: 5). Такое определение находки представляется нам неубедительным. Во-первых, отверстие в спинке было предназначено, скорее, не для подвешивания, а для заклепки; во-вторых, реконструируемая ширина гребня (около 8 см) в полтора раза превышает размеры остальных подвесок, приближаясь к размерам обычных гребней.

[4] Ранее был опубликован недостоверный рисунок этой подвески, вероятно, сделанный по фотографии недостаточно расчищенной находки (Каргер 1948: 250, рис. 5).

[5] Опубликовано на сайте аукциона Violity, ассортимент предложений которого показывает огромный масштаб грабежа памятников черняховской культуры.

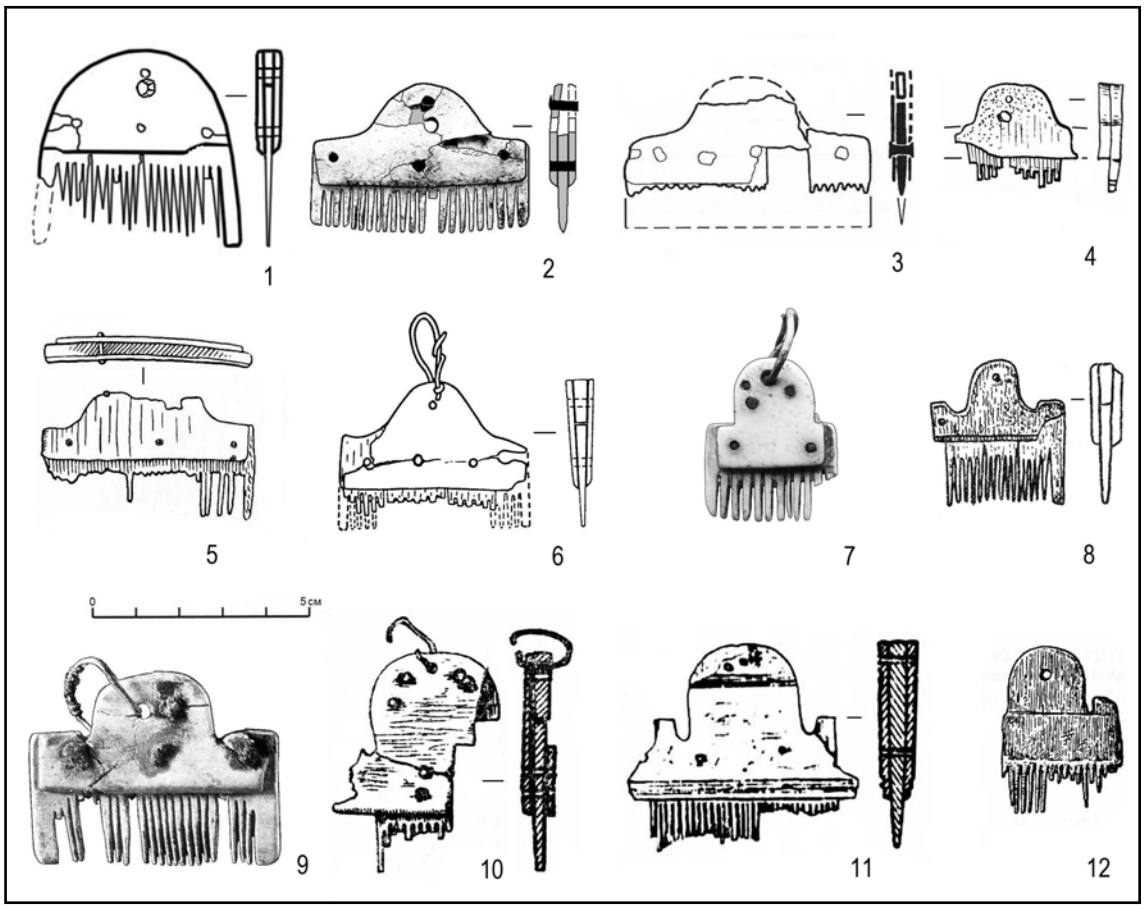

Рис. 1. Черняховские подвески-амулеты в виде гребня. 1 — Бырлад-Валя Сякэ, погр. 519; 2 — Легедзине; 3 — Черкассы-Центр; 4 — Журавка; 5 — Маслово (без масштаба); 6 — Бырлад-Валя Сякэ, погр. 408; 7 — Киевская область; 8 — Черняхов-Ромашки; 9 — Каховский район; 10 — Петроаселе, могильник; 11 — Петроаселе, поселение; 12 — Киев. (1, 6 — по Palade 2004: fig. 276: 4; 242: 2; 2 — по Магомедов, Милашевский 2017: рис. 3: 12; 3 — по Куштан, Петраускас 2011: рис. 19: 7; 4 — по Сымонович 1959: табл. XVIII: 7; 5 — по Петров 1964: рис. 13: 32; 8 — по Сымонович 1993: табл. LXIII: 16; 9 — по Лесков 1972: илл. 27; 10, 11 — по Diaconu et al. 1977: fig. 20: 5, 9; 12 — по Самойловський 1952: рис. 3: 1).

Fig. 1. Chernyakhov's amulet-pendants in the form of comb. 1 — Bârlad-Valea Seacă, grave 519; 2 — Legedzine; 3 — Cherkassy-Center; 4 — Zhuravka; 5 — Maslovo (out of scale); 6 — Bârlad-Valea Seacă, grave 408; 7 — Kiev oblast; 8 — Chernyakhov-Romashki; 9 — Kakhovka district; 10 — Pietroasele, cemetery; 11 — Pietroasele, settlement; 12 — Kiev (1, 6 — after Palade 2004: fig. 276: 4; 242: 2; 2 — after Магомедов, Милашевский 2017: рис. 3: 12; 3 — after Куштан, Петраускас 2011: рис. 19: 7; 4 — after Сымонович 1959: табл. XVIII: 7; 5 — after Петров 1964: рис. 13: 32; 7 — after Гребень ЧК 2016; 8 — after Сымонович 1993: табл. LXIII: 16; 9 — after Лесков 1972: илл. 27; 10, 11 — after Diaconu et al. 1977: fig. 20: 5, 9; 12 — after Самойловський 1952: рис. 3: 1).

памятниках типа Чертовицкое-Замятино (конец IV—V в.) (Обломский 2015: 58, рис. 91: 1; 308: 8, 10). Эти находки из могильника Ксизово-17Б и поселения Ксизово-19 соответствуют типу гребней III/2б и очень похожи на подвеску из Киева (рис. 1: 12).

Традиция использования амулетов-гребней, возникшая у готов черняховской культуры, сохранилась как пережиток языческих обычаев у христианского населения Вестготского королевства (Испания). Такая подвеска найдена в могильнике Дуратон, погр. 526 конца V — начала VI в. (Molinero Pérez 1971: 47; Бірбрауер 1995: рис. 10: 1). Миниатюрный однослойный гребень имеет отверстие для кольца, хотя его форма (треугольная) отличается от черняховских изделий.

Подобные амулеты-гребни нам неизвестны в других германских сообществах римского и раннесредневекового времени и, вероятно, являются особенностью черняховской культуры и ее ближайших наследников. Отдаленные аналогии имеются у балтийских племен на территории Литвы. Здесь в могильниках VI—VIII вв. найдены амулеты в виде гребешков из янтаря и из бронзовых пластин (Bliujiene 2011: 272—278, fig. 102, 103, 104: 2, 105: 6, 106).

Изображения гребней на посуде

Все рисунки сделаны на поверхности столовых серо- или чернолощеных гончарных сосудов тупым, вероятно, костяным стержнем по сырой глине в той же технике, что и другие пролощенные орнаменты.

• Беленькое, могильник, погр. 199. Трехручная ваза, на круговой плоскости Т-образного венчика изображены десять гребней (Росохацкий 1991: рис. 30: 1)[6] (рис. 2: 2, 2А). Пара фибул, бусы и пряслице в инвентаре говорят в пользу женского пола погребенной. Инвентарь позволяет датировать комплекс первой половиной — серединой IV в.

• Луговое, поселение. Фрагмент трехручной (?) вазы (Магомедов, Гудим-Левкович 2003: рис. 8: 3) (рис. 2: 4). Исследованная часть памятника датируется последней четвертью IV — первой третью V в.

• Обухов 1, поселение, объект №7. Фрагмент вазы (Кравченко и др. 2007: 178, рис. 20: 1) (рис. 2: 5).

• Обухов 1а, могильник, погр. 33. Фрагментированная ваза (Кравченко и др. 2007: 383, рис. 17: 1—3 (рис. 2: 8, 8А). Ваза украшена каннелюрами по ребру; инвентарь кремации включал набор 14-гранных сердоликовых бус[7]. Это позволяет датировать комплекс второй половиной IV в.

• Ольвия, город, черняховский слой в Цитадели. Фрагменты трехручной вазы (Магомедов 2020: рис. 2: 1) (рис. 2: 1). Слой датируется преимущественно последней четвертью IV — первой третью V в.

• Острив 1, поселение, культурный слой. Фрагмент вазы, вероятно, одноручной; изображение гребня и животного (Івакін, Баранов, Милашевський та ін. 2018: рис. 21)[8] (рис. 2: 3).

• Ромашки, могильник. Кувшин, изображение гребня и животного. Случайная находка начала 1960-х гг. на известном некрополе (Кравченко, Бугай, Магомедов 1972: 344, рис. 1; Магомедов, Абашина, Солтис 2003: рис. 14) (рис. 2: 7, 7А).

• Тира, античный город, черняховский слой. Фрагмент кувшина (?) (Кравченко, Корпусова 1975: рис. 10) (рис. 2: 6).

Рисунки гребней нанесены на разные формы ваз и кувшинов. Эти виды посуды нередко украшались сложными композициями из символических знаков (календари?) и, вероятно, использовались в религиозных или магических обрядах. Например, это известные вазы из Лепесовки и Войскового, кувшин из Ромашек (Рыбаков 1987: 164—180, рис. 30—32, 34).

Большинство сосудов из нашей выборки можно приблизительно датировать в пределах середины IV — первой трети V в. На это указывают не только хронологические позиции комплексов, но и типологические особенности керамики. В двух случаях (Ольвия и Луговое) представлены вазы «ольвийского» типа финального периода черняховской культуры (Магомедов 2001: 49). Они, а также вазы из пунктов Обухов 1а и Острив 1, украшены по ребру бочка каннелюрами, а этот декор начал широко применяться не ранее середины IV в.

На всех представленных рисунках легко узнать гребни типа I. Это можно объяснить тем, что типы II и III изобразить на сырой глине несколько труднее и именно такой упрощенный рисунок служил символом (пиктограммой) понятия «гребень», а также какого-то более сложного понятия. Несмотря на фрагментарность материала, заметно, что повторяющиеся изображения гребней часто образуют орнаментальные композиции на боковой поверхности сосуда или на плоском венчике. На некоторых сосудах (Острив 1 и Ромашки — рис. 2: 3, 7) мы видим сюжетные изображения «гребень и животное», но смысл сюжета и вид животного разгадать трудно, возможны разные варианты[9].

Отметим, что места находок рисунков образуют на территории черняховской культуры две группы. Одна группа (Обухов 1 и 1а, Острив 1, Ромашки) обнаружена в Среднем Поднепровье, на юге Киевской области, расстояние между пунктами не превышает 50 км[10]. Остальные пункты расположена вдоль побережья Черного моря. Ольвия и Лу-

[6] Благодарю автора раскопок А. А. Росохацкого за разрешение использовать неопубликованный материал.

[7] Ожерелья, включающие много (до 20) таких бус, являются признаком «предфинального» этапа черняховской культуры (Гопкало 2008: 74—75).

[8] Благодарю авторов отчета, особенно А. С. Милашевского, за предоставленный материал.

[9] Для композиции на кувшине из Ромашек мы предлагали интерпретацию «гребень и мышь» (учитывая соразмерность фигур), а Э. А. Сымонович предпочел другой вариант — «стог и бык» (Кравченко, Бугай, Магомедов 1972: 344; Сымонович 1983: 134—135).

[10] Краткие сведения о памятниках см.: Магомедов, Абашина, Солтис 2003: карты 4, 7; пункты 176, 177, 288, 291.

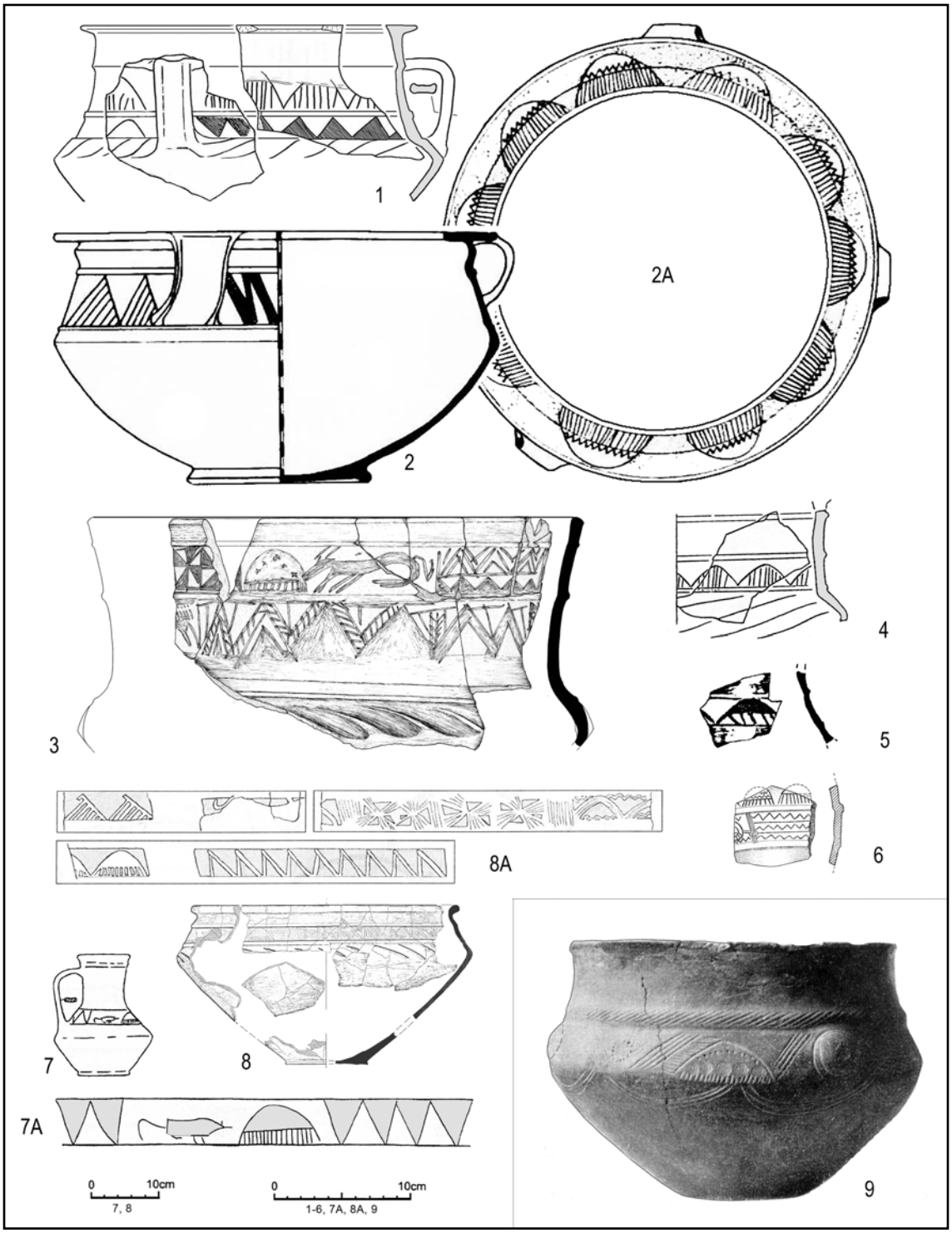

Рис. 2. Изображения гребней на глиняной посуде черняховской культуры (1—8) и эльбских германцев (9). 1 — Ольвия; 2, 2А — Беленькое; 3 — Острив 1; 4 — Луговое; 5 — Обухов 1; 6 — Тира; 7, 7А — Ромашки; 8, 8А — Обухов 1а; 9 — Кляйн-Пашлебен. (1 — по Магомедов 2020: рис. 2: 1; 2, 2А — по Росохацкий 1991: рис. 30: 1; 3 — по Івакін, Баранов, Милашевський та ін. 2018: рис. 21; 4 — по Магомедов, Гудим-Левкович 2003: рис. 8: 3; 5, 8, 8А — по Кравченко и др. 2007: 242, рис. 20: 1; 409, рис. 17: 1—3; 6 — по Кравченко, Корпусова 1975: рис. 10; 7, 7А — по Магомедов, Абашина, Солтис 2003: рис. 14; 9 — по Thomas 1960: Abb. 36).

Fig. 2. Images of combs on pottery of the Chernyakhov culture (1—8) and Elbe Germans (9). 1 — Olbia; 2, 2A — Belen'koye; 3 — Ostriv 1; 4 — Lugovoye; 5 — Obukhov 1; 6 — Tyra; 7, 7A — Romashki; 8, 8A — Obukhov 1a; 9 — Klein-Paschleben (1 — after Магомедов 2020: рис. 2: 1; 2, 2A — after Росохацкий 1991: рис. 30: 1; 3 — after Івакін, Баранов, Милашевський та ін. 2018: рис. 21; 4 — after Магомедов, Гудим-Левкович 2003: рис. 8: 3; 5, 8, 8A — after Кравченко и др. 2007: 242, рис. 20: 1; 409, рис. 17: 1—3; 6 — after Кравченко, Корпусова 1975: рис. 10; 7, 7A — after Магомедов, Абашина, Солтис 2003: рис. 14; 9 — after Thomas 1960: Abb. 36).

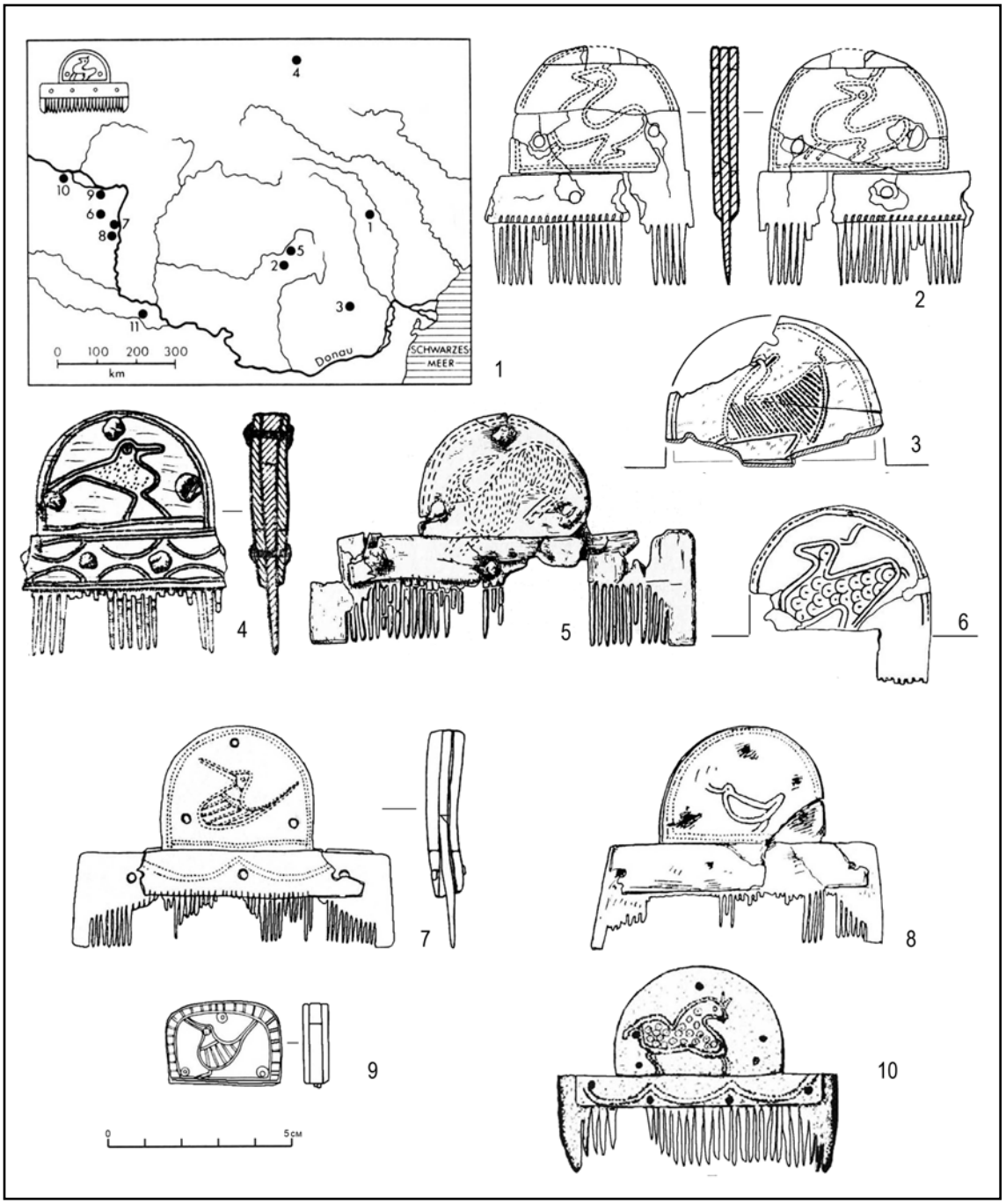

Рис. 3. Изображения животных на гребнях черняховской культуры. 1 — карта находок гребней: на черняховских памятниках (1 — Лецкань; 2 — Медиаш; 3 — Петроаселе; 4 — Ромош; 5 — Тыргу-Муреш), на Дунайском лимесе (6 — Чаквар; 7, 8 — Интерциса; 9 — Бригецио; 10 — Карнунтум; 11 — Гомолава); 2—6 — гребни из черняховских памятников: 2 — Лецкань; 3 — Ромош; 4 — Петроаселе; 5 — Тыргу-Муреш; 6 — Медиаш (без масштаба). 7—10 — гребни из римских памятников Дунайского лимеса: 7 — Гомолава; 8 — Чаквар; 9 — Карнунтум; 10 — Интерциса (без масштаба) (1 — по Werner 1988: Abb. 22; 2 — по Bloşiu 1975: fig. 6: 1; 3 — по Кропоткин 1974; 4 — по Diaconu et al. 1977: fig. 20: 1; по 5 — Kovacs 1915: fig. 37; 6 — по Horedt 1982: Abb. 46: 1; 7—9 — по Werner 1988: Abb. 23: 4—6; 10 — по Tica 2018: fig. 12: 7).

Fig. 3. Images of animals on the combs of the Chernyakhov culture. 1 — map of comb finds: on Chernyakhov sites (1 — Leţcani; 2 — Mediaş; 3 — Pietroasele; 4 — Romosh; 5 — Tîrgu-Mureş), on the Danube Limes (6 — Csákvár; 7, 8 — Intercisa; 9 — Brigetio; 10 — Carnuntum; 11 — Gomolava). 2—6 — combs from Chernyakhov sites: 2 — Leţcani; 3 — Romosh; 4 — Pietroasele; 5 — Tîrgu-Mureş; 6 — Mediaş (out of scale). 7—10 — combs from the Roman sites of the Danube Limes: 7 — Gomolava; 8 — Csákvár; 9 — Carnuntum; 10 — Intercisa (out of scale) (1 — after Werner 1988: Abb. 22; 2 — after Bloşiu 1975: fig. 6: 1; 3 — after Кропоткин 1974; 4 — after Diaconu et al. 1977: fig. 20: 1; after 5 — Kovacs 1915: fig. 37; 6 — after Horedt 1982: Abb. 46: 1; 7—9 — after Werner 1988: Abb. 23: 4—6; 10 — after Tica 2018: fig. 12: 7).

говое находятся в Николаевской области, Тира и Беленькое — в Одесской области, на западной стороне Днестровского лимана[11]. В начале гуннского времени в городе Ольвия и его окрестностях резко возросла численность черняховского населения (Магомедов 2020: 224). Возможно, это были переселенцы из Среднего Поднепровья, которые и принесли на юг традицию изображения гребней на посуде.

Изображения гребней на вазе-урне, как редкий случай, известно также у германцев на Эльбе в могильнике Кляйн-Пашлебен (Klein-Paschleben) (Thomas 1960: 84, Abb. 36) (рис. 2: 9).

Гребни с изображениями животных

Большинство черняховских гребней из оленьего рога имеет гладкие боковые пластины-накладки без орнамента, не считая металлических заклепок. У меньшей части пластины украшены гравированными (прочерченными) изображениями. Обычно это простые орнаменты, выполненные преимущественно из «циркульных» кружков, иногда дополненные сплошными или пунктирными линиями. Кроме того, на черняховских памятниках известно несколько гребней типа III с гравированными рисунками животных на боковых накладках:

• Лецкань (Leţcani), могильник, погр. 1. Плечики гребня обломаны (Bloşiu 1975: fig. 6: 1) (рис. 3: 2).

• Медиаш (Mediaş), могильник, случайно открытое погребение. Фрагмент накладки (Horedt 1982: Abb. 46: 1) (рис. 3: 6).

• Петроаселе, поселение. Плечики гребня обломаны (Diaconu et al. 1977: Fig. 20: 1) (рис. 3: 4).

• Ромош, могильник (?) случайная находка. Фрагмент накладки (Кропоткин 1973: рис. 40, 51: 4; 1974) (рис. 3: 3).

• Тыргу-Муреш (Tîrgu-Mureş), могильник, погр. II (Kovacs 1915: fig. 37) (рис. 3: 5).

Находки с черняховских пунктов концентрируются в основном на территории Румынии и лишь поселение Ромош расположено в Западной Украине (рис. 3: 1). Несколько подобных находок конца IV — начала IV вв., которые связывают с готскими федератами на римской службе, происходят с римского правого берега Среднего Дуная (Паннония): некрополь Чаквар (Csákvár), города и укрепления Интерциса (*Intercisa*), Бригецио (*Brigetio*), Карнунтум (*Carnuntum*), поселение Гомолава (Horedt 1982: 140; Werner 1988: 285, Abb. 23: 4—6; Бугарски, Иванишевич 2012: 491) (рис. 3: 7—10). Эти гребни, как изделия готских ремесленников, можно поставить в один ряд с описанными выше. Логично предположить, что на Паннонском лимесе служили воины из ближних юго-западных регионов черняховской культуры, среди которых были мастера-гребенщики. Пока трудно выяснить, где раньше возникла традиция наносить на гребни рисунки животных, в исходных местах обитания мастеров или в месте их службы (под влиянием провинциального художественного ремесла). Но в дальнейшем эта традиция развивалась обособленно: в одном регионе преобладают рисунки четвероногого животного, в другом — рисунки птицы, отличается также стиль изображений.

Большинство гребней, включая экземпляры из римских памятников, относятся к варианту типа III с боковыми накладками, разделенными на плечики и головку (последняя четверть IV — первая треть V в.). Обломок из Медиаш (рис. 3: 6) является частью цельной (неразделенной) накладки от гребня типа Никитина III/1а.

Типологически более ранние гребни с гравированными рисунками животных известны у германцев Центральной Европы. Это единичные находки в вельбаркской культуре[12], а также на территории современной Германии, в бассейне р. Эльбы и в Баварии (Фрейбург (Freyburg), Альтендорф (Altendorf): Thomas 1960: Abb. 31; Tica 2018: fig. 16) (рис. 4). По стилю рисунков эти гребни вряд ли можно признать прямыми предшественниками черняховских изделий.

Изображенные на черняховских гребнях четвероногие животные и птицы с трудом поддаются видовому определению (как и на керамике). Прыгающую фигуру на экземпляре из Тыргу-Муреш Зигрид Томас интерпретирует как лошадь (Thomas 1960: 110, Abb. 58), что достаточно сомнительно. Возможно, ключом к решению вопроса является гребень

[11] Тиру и Беленькое (в отличие от остальных черняховских пунктов междуречья Днестра-Дуная) сближает с Ольвийским регионом еще один важный признак — принадлежность к «восточной» зоне распространения краснолаковой керамики (Магомедов, Диденко 2009: 341—345, рис. 1; Magomedov, Didenko 2012: 184—187, Fig. 1).

[12] Вельбаркский гребень найден на могильнике богачевской культуры Папротки-Колония (Paprotki Kolonia) 1, погр. 171 (Karczewska, Karczewski 2007: rys. 1: 8).

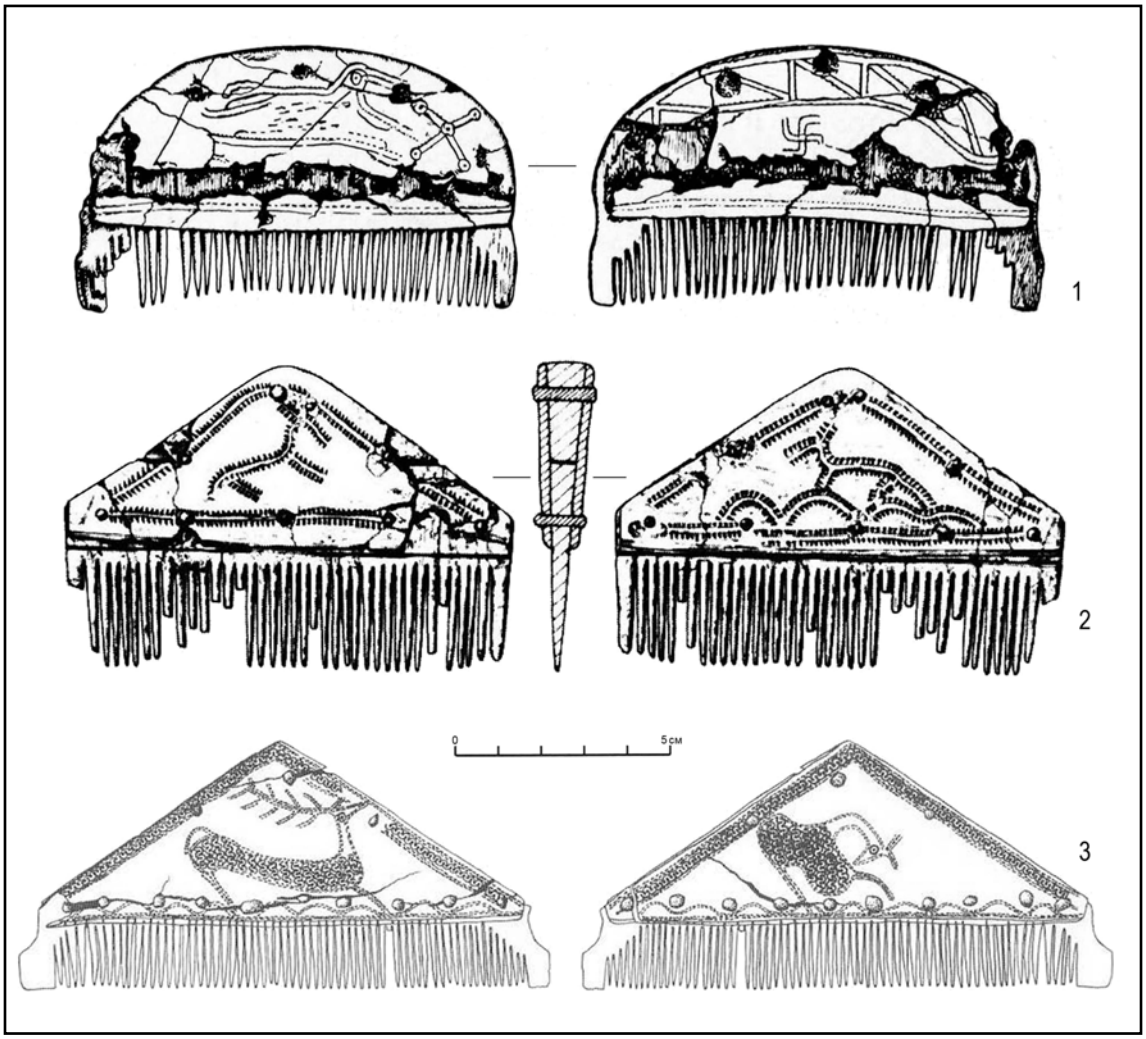

Рис. 4. Изображения животных на гребнях германских культур Центральной Европы. 1 — Фрейбург, бассейн Эльбы; 2 — Папротки-Колония 1, вельбаркская культура; 3 — Альтендорф, Бавария (без масштаба) (1 — по Thomas 1960: Abb. 31; 2 — по Karczewska, Karczewski 2007: rys. 1: 8; 3 — по Tica 2018: fig. 16).

Fig. 4. Images of animals on the combs of the Germanic cultures of Central Europe. 1 — Freyburg, Elbe basin; 2 — Paprotki-Kolonia 1, Wielbark culture; 3 — Altendorf, Bavaria (out of scale) (1 — after Thomas 1960: Abb. 31; 2 — after Karczewska, Karczewski 2007: rys. 1: 8; 3 — after Tica 2018: fig. 16).

из Альтендорфа (рис. 4: 3). На одной его стороне помещен хорошо узнаваемый рисунок оленя-самца с ветвистыми рогами, а на другой — рисунок самки оленя без рогов (правда, в сложной позе). По моему мнению, четвероногие фигуры на черняховских гребнях также могут изображать оленей, в одних случаях — самцов с рогами (рис. 3: 2 справа, 5, 6), в других случаях — безрогих самок (рис. 3: 2 слева, 3, 10). О сакрально-магической роли оленя и предметов из оленьего рога у германцев мне уже приходилось писать (Магомедов 2018; Magomedov 2018). Фигуры птиц на гребнях более всего похожи на болотных куликов (рис. 3: 4, 7—9). Вероятно, все эти животные представляют мифологических персонажей, связанных с символом гребня.

* * *

Из собранных материалов следует, что сакрально-магическое значение гребням придавали разные германские племена. С этим согласуются изображения свастики и солнца с лучами на находках из Центральной и Северной Европы (Thomas 1960: Abb. 31, 33—35; Ilkjær 1993: Taf. 257: ERB; 269: MVA; 289: RTG; 305: WTO) (рис. 4: 1). Как известно, свастика является древним символом солнца и благополучия. Вероятно, гребень в своем обычном виде (тем более с магическими изображениями) или в виде подвески-амулета должен был приносить владельцу удачу и служить оберегом от злых сил. Такое же значение имели и рисунки на посуде. Вазы и кувшины с изображениями гребней и животных

использовались в обрядах, призванных обеспечить благополучие роду и общине.

Для готов черняховской культуры «культ гребней» имел бóльшее значение, чем для других германцев, вероятно, благодаря мужской «национальной» прическе, требовавшей регулярного ухода. Этот культ прошел несколько этапов развития, постепенно усиливаясь в своем материальном проявлении. В ранний период (вторая половина III — первая половина IV в.) под влиянием контактов с Северной Европой почти на всей черняховской территории распространяются железные гребни-амулеты. В середине IV в. металлические гребни выходят из употребления, но в Среднем Поднепровье, а также на землях современной Румынии входят в быт более удобные миниатюрные роговые амулеты. В это же время в Среднем Поднепровье и затем в Северном Причерноморье «культ гребней» распространяется на керамику. В финальной фазе черняховской культуры (последняя четверть IV — первая треть V в.), то есть в гуннский период, в ее юго-западном регионе появляются гребни с рисунками животных. Именно в этот период «культ гребней» достигает апогея, т. к. тогда же было изготовлено большинство гребней-амулетов, а на культовую посуду наносились соответствующие изображения.

После переселения всех готских племен на Запад в конце первой трети V в. и принятия ими христианства языческие амулеты в виде гребней постепенно исчезают. Самые поздние гребни типа III встречаются до середины V века в Западной Европе, в том числе на территории готских государственных образований, но уже без явных культовых изображений: несколько экземпляров в Толозанском королевстве в Южной Галлии и единично в Вестготском королевстве в Испании (Boube 2019, fig. 4; Kazanski 2020, fig. 25.5: 3—6, 16).

Литература

Бірбрауер Ф. 1995. Готи в I—VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами. *Археологія* (2), 32—51.

Бугарски И., Иванишевич В. 2012. Пограничье Римской империи и варваров: система обороны империи от Куция до Ледераты. В: Воронцов А. М., Гавритухин И. О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 3. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 482—511.

Гопкало О. В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев: ИА НАНУ.

Гороховский Е. Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. В: Баран В. Д. (ред.). *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев: Наукова думка, 34—46.

Гребень ЧК 2016: Гребень ЧК. Киевская обл. Available at: https://violity.com/auction/27-metalloplastika-antichnosti-i-rannego-srednevekovya (дата обращения 11.10.2016).

Івакін В. Г., Баранов В. І., Милашевський О. С. та ін. 2018. *Звіт про археологічні дослідження комплексу різночасових археологічних пам'яток у с. Острів та в урочищі Старі Сухоліси Рокитнянського р-ну Київської обл. у 2017—2018 рр.* НА ИА НАНУ.

Каргер М. К. 1948. К вопросу о древнейшей истории Киева. *СА* X, 233—254.

Кравченко Н. М., Бугай А. С., Магомедов Б. В. 1972. Розвідки на Київщині. *АДУ в 1969 р.* IV, 341—347.

Кравченко Н. М., Корпусова В. М. 1975. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри. *Археологія* 18, 20—42.

Кравченко и др. 2007: Кравченко Н. М., Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Петраускас А. В. 2007. *Памятники археологии позднеримского времени Правобережной Киевщины*. Киев: КНТ.

Кропоткин В. В. 1973. *Отчет об археологических раскопках поселения и могильника позднеримского времени у с. Ромош Сокальского р-на Львовской обл. в 1973 г.* НА ИА НАНУ, 1973/104.

Кропоткин В. В. 1974. Раскопки поселения у с. Ромош (Львовской обл.). В: Рыбаков Б. А. (ред.). *АО 1973 года*. Москва: Наука, 294—295.

Куштан Д. П., Петраускас О. В. 2011. Могильник черняхівської культури Черкаси-Центр (за матеріалами розкопок 2000—2003 рр.). *Oium* 1, 178—230.

Левада М. Е. 1999. Металлические гребни позднего римского времени в Юго-Восточной Европе. В: Левада М. Є. (ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Бібліотека Vita Antiqua. Киев: Товариство Археології та Антропології, 112—125.

Лесков А. 1972. *Новые сокровища курганов Украины*. Ленинград: Аврора.

Магомедов Б. В. 1992. Велика Снітинка 2 — поселення гребінників III—IV ст. н. е. В: Паньков С. В. (ред.). *Стародавнє виробництво на території України*. Київ: Наукова думка, 94—116.

Магомедов Б. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: UMCS.

Магомедов Б. В. 2018. Черняховские подвески из оленьего рога. В: Любичев М. В., Мызгин К. В. (ред.). *Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе*. Ostrogothica-Serie. Hefte 3. Харьков, 209—224.

Магомедов Б. В. 2020. Город Ольвия: черняховский горизонт. Керамика из фондов Института археологии НАНУ. *Stratum plus* (4), 219—226.

Магомедов Б. В., Абашина Н. С., Солтис О. Б. 2003. *Пам'ятки черняхівської культури в Київській області. Археологічна карта*. Київ: Академперіодика.

Магомедов Б. В., Гудим-Левкович А. Н. 1991. Черняховские поселения Шершни и Курники на Южном Буге. В: Бырня П. П. (ред.). *Древности Юго-Запада СССР*. Кишинёв: Штиинца, 84—106.

Магомедов Б. В., Гудим-Левкович А. Н. 2003. Поселение IV—V вв. у с. Луговое в Николаевской области. В: Гудим-Левкович О. М., Серов О. В. (ред.).

Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. Київ: Видавництво ім. О. Теліги, 32—44.

Магомедов Б.В., Диденко С.В. 2009. Краснолаковая керамика в черняховской культуре. *Боспорские исследования* 21, 320—349.

Магомедов Б.В., Диденко С.В. 2013. Исследования могильника черняховской культуры у с. Легедзино в 2008—2011 гг. *Stratum plus* (4), 235—243.

Магомедов Б.В., Милашевский А.С. 2017. Погребение 68 черняховского могильника Легедзине в Черкасской области. *РСМ* 19, 273—284.

Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры. *СА* (1), 147—159.

Обломский А.М. (отв. ред.). 2015. *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V вв.)*. РСМ 16. Москва: ИА РАН.

Петров В.П. 1964. Масловский могильник на р. Товмач. *МИА* 116, 118—167.

Рафалович И.А. 1986. *Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э.* Кишинев: Штиинца.

Росохацкий А.А. 1991. *Отчет о полевых исследованиях Шаболатского отряда Одесского охранного археологического центра в 1991 г.* НА ИА НАНУ, 1991/237.

Рыбаков Б.А. 1987. *Язычество древней Руси*. Москва: Наука.

Самойловський І.М. 1952. Пам'ятки культури полів поховань у Києві. *Археологія* VII, 153—157.

Сымонович Э.А. 1959. *Отчет о работах Средне-Днепровсокой экспедиции в 1959 г.* НА ИА НАНУ, 1959/7-а.

Сымонович Э.А. 1983. Сюжетные изображения на черняховской керамике. *СА* (4), 132—141.

Сымонович Э.А. 1993. Черняховская культура. Вещевые находки. В: Русанова И.П., Сымонович Э.А. (ред.). *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.* Археология СССР 13. Москва: Наука, 143—146.

Терпиловський Р.В., Петраускас О.В. 2005. Черняхівські поховання могильника Дідів Шпиль на Канівщині. *Археологія* (1), 58—69.

Шишкин Р.Г. 1999. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры. В: *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару*. Київ, 43—48.

Шишкин Р.Г. 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры. В: Крыжицький С.Д. (ред.). *Сучасні проблеми археології*. Київ, 244—246.

Щукин М.Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Bliujiene A. 2011. *Northern gold: amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200)*. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450; vol. 18. Leiden; Boston: Brill.

Bloşiu C. 1975. Necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Leţcani (jud. Iaşi). *Arheolologia Moldovei* VIII, 203—280.

Boube E. 2019. Deux peignes inédits de la culture de Černjahov conservés au musée Saint-Raymond de Toulouse. In: Boube E., Corrochano A., Hernandez J. (eds.). *Du Royaume goth au Midi mérovingien*. Actes des XXXIVe Journées d'Archéologie Mérovingienne de Toulouse, Novembre 2013. Bordeaux: Ausonius, 297—304.

Diaconu et al. 1977: Diaconu Gh., Tzoni M., Constantinescu M., Drambocianu V. 1977. L'ensemble archeologique de Pietroasele. *Dacia* 21, 199—220.

Horedt K. 1982. *Siebenbürgen in spätrömischer Zeit*. Bukarest: Kriterion.

Ilkjær J. 1993. *Illerup Ådal 4. Die Gürtel. Bestendteile und Zubehör* (Tafelband). Jutland Archaeoligical Society Publications XXV: 4. Aarhus: Aarhus University Press.

Ilkjær J. 1998. Zwischen Blindheim, Jabara und Manastirea — Zu eisernen Kämmen der römischen Kaiserzeit im Barbaricum. In Ilkjær J., Kokowski A. (eds.). *20 lat archeologii w Maslomęczu* II. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 43—54.

Karczewska M., Karczewski M. 2007. „Obcy" w grupie. Relacje międzykulturowe na przykładzie pochówków o cechach „wielbarskich" z cmentarzysk kultury bogaczewskiej. In Fudziński M., Paner H. (eds.). *Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 627—642.

Kazanski M. 2020. East Germanic and Alano-Sarmatian Finds of the Early Migration Period in the Roman West. In Bursche A., Hines J., Zapolska A. (eds.). *The Migration Period between the Oder and the Vistula*, vol. 2. Leiden, Boston: Brill, 830—852.

Kazanski M., Lapart J. 1995. Quelques documents du Ve siècle ap. J.-C. attribués aux Wisigoths decouverts en Aquitaine. *Aquitania* XIII, 193—202.

Kovács I. 1915. A Maroszvasarhelyi oskori telep, skytha esnapvandorlaskori temeto. *Dolgozatok* VI-2, 278—299, 317—325.

Magomedov B. 2018. Pendants from antler rosette in Chernyakhov culture. In: Nagy M.L., Szőlősi K.L. (eds.). *„To make a fairy's whistle from a briar rose". Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday*. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum, 353—366.

Magomedov B., Didenko S. 2012. Red Slip Ware in Chernyakhov culture. In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. BAR IS 2432. Oxford: BAR, 171—190.

Molinero Pérez A. 1971. *Aportaciones de las excavaciones y hallazgos casuales (1941—1959) al Museo Arqueológico de Segovia*. Madrid: Servicio de Publicaciones del Ministerio de Educación y Ciencia; Dirección General de Bellas Artes; Comisaría General de Excavaciones Arqueológicas.

Palade V. 2004. *Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă (sfârşitul sec. al III-lea — a doua jumătate a sec. al V-lea)*. Bucureşti: ARC 2000.

Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege* 8, 54—215.

Tica G. 2018. The First Late Antique Composite Combs in Western Illyricum: Roman or Barbarian? In: Janežic M. (ed.). *Nova odkritja med Alpami in Črnim morjem. Rezultati raziskav rimskodobnih najdišč v obdobju med leti 2005 in 2015*. Zbornik 1. mednarodnega arheološkega simpozija, Ptuj, 8. in 9. oktober 2015. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije, 401—426.

Werner J. 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den "Reichtumzentren" auf Fünen. *Bonner Jahrbücher* 188, 241—286.

Werner J. 1990. Eiserne Wollkämme der jungeren Kaiserzeit aus freien Germanien. *Germania* 68 (2), 608—611.

References

Birbrauer, F. 1995. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 32—51 (in Ukrainian).

Bugarski, I., Ivanišević, V. 2012. In Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods)* 3. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 482—511 (in Russian).

Gopkalo, O.V. 2008. *Busy i podveski cherniakhovskoi kul'tury (Beads and Pendants of Chernyakhov Culture)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Gorokhovskii, E.L. 1988. In Baran, V.D. (ed.). *Trudy Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings of the 5th International Congress of Slavicist Archaeologists)* 4. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 34—46 (in Russian).

Greben' ChK. Kievskaia obl. (Comb of the Chernyakhov Culture from the Kyiv Oblast). 2016. Available at: https://violity.com/auction/27-metalloplastika-antichnosti-i-rannego-srednevekovya (accessed 11.10.2016) (in Russian).

Ivakin, V.H., Baranov, V.I., Mylashevs'kyj, O.S., et al. 2018. *Zvit pro arkheolohichni doslidzhennya kompleksu riznochasovykh arkheolohichnykh pam'yatok u s. Ostriv ta v urochyshchi Stari Sukholisy Rokytnyans'koho r-nu Kyïvs'koï obl. u 2017—2018 rr. (Report on Archaeological Research of a Assemblage of Archaeological Sites of Various Periods near the Ostriv Village and Stari Sukholisy Tract, Rokytne District, Kyiv Oblast in 2017—2018).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Karger, M.K. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* X, 233—254 (in Russian).

Kravchenko, N.M., Buhaj, A.S., Mahomedov, B.V. 1972. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni v 1969 r. (Archaeological Investigations in Ukraine n 1969)* IV, 341—347 (in Ukrainian).

Kravchenko, N.M., Korpusova, V.M. 1975. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 18, 20—42 (in Ukrainian).

Kravchenko, N.M., Petrauskas, O.V., Shishkin, R.G., Petrauskas, A.V. 2007. *Pamiatniki arkheologii pozdnerimskogo vremeni pravoberezhnoi Kievshchiny (Archaeological Sites from Late Roman Period in the Kiev Region on the Right Bank of Dnieper)*. Kyiv: "KNT" Publ. (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1973. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh poseleniia i mogil'nika pozdnerimskogo vremeni u s. Romosh Sokal'skogo r-na L'vovskoi obl. v 1973 g. (Report on Archaeological Excavations of the Settlement and Burial Ground of the Late Roman Time near the Romosh Village, Sokal District, Lviv Oblast in 1973).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 1973/104 (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1974. In Rybakov, B.A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda (Archaeological Discoveries in 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 294—295 (in Russian).

Kushtan, D.P., Petrauskas, O.V. 2011. In *Oium* 1, 178—230 (in Ukrainian).

Levada, M.E. 1999. In Levada, M.E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoi kul'ture (One Hundred Years of Chernyakhov Culture)*. Series: Vita Antiqua Library. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 112—125 (in Russian).

Leskov, A.M. 1972. *Novye sokrovishcha kurganov Ukrainy (Recently Discovered Treasures from the Barrows of Ukraine)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Mahomedov, B.V. 1992. In Pan'kov, S.V. (ed.). *Starodavnye vyrobnytstvo na terytorii Ukraïny (Ancient Manufacturing of the Territory of Ukraine)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 94—116 (in Ukrainian).

Magomedov, B.V. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa (Chernyakhov Culture. The Problem of Ethnos)*. Series: Monumenta studia Gothica I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).

Magomedov, B.V. 2018. In Liubichev, M.V., Myzgin, K.V. (eds.). *Khronologiia i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (Chronology and Coin Finds of the Late Roman Time and Great Migration Period: Current Archaeological Studies in Central and Eastern Europe).* Ostrogothica-Serie. Hefte 3. Kharkov, 209—224 (in Russian).

Magomedov, B.V. 2020. In. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 219—226 (in Russian).

Mahomedov, B.V., Abashyna, N.S., Soltys, O.B. 2003. *Pam'yatky chernyakhivs'koï kul'tury v Kyïvs'kij oblasti. Arkheolohichna karta (Sites of the Chernyakhov Culture in the Kiev Oblast: Archaeological Map)*. Kyiv: "Akademperiodyka" Publ. (in Ukrainian).

Magomedov, B.V., Gudim-Levkovich, A.N. 1991. In Bârnea, P.P. (ed.). *Drevnosti Iugo-zapada SSSR (I — seredina II tysiacheletiia n.e.) (Antiquities of South-West of the USSR: I — Mid-II Millennia AD)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 84—106 (in Russian).

Magomedov, B.V., Gudym-Levkovych, A.N. 2003. In Gudym-Levkovych, O.M., Serov, O.V. (eds.). *Doslidzhennya z arkheolohiï, istoriï, etnohrafiï: pam'yati N.M. Kravchenko (Research in Archaeology, History, Ethnography: Ad Memoriam N.M. Kravchenko)*. Kyiv: "Vydavnitstvo im. O. Telihy" Publ., 32—44 (in Russian).

Magomedov, B.V., Didenko, S.V. 2009. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporos Studies)* 21, 320—349 (in Russian).

Magomedov, B.V., Didenko, S.V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 235—243 (in Russian).

Magomedov, B.V., Milashevskii, A.S. 2017. In *Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 19, 273—284 (in Russian).

Nikitina, G.F. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 147—159 (in Russian).

Oblomskii, A.M. (ed.). 2015. *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamiatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV—V vv.) (Ostraya Luka of the Don River in Antiquity: Archaeological Complex of the Hun Period near the Ksizovo Village, Late 4th — 5th Centuries)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Petrov, V.P. 1964. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 116, 118—167 (in Russian).

Rafalovich, I.A. 1986. *Dancheny. Mogil'nik cherniakhovskoi kul'tury III—IV vv. n.e. (Dănceni. a Cemetery of Cerneahov Culture from 3rd—4th Centuries AD).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Rosokhatskii, A.A. 1991. *Otchet o polevykh issledovaniiakh Shabolatskogo otriada Odesskogo okhrannogo arkheologicheskogo tsentra v 1991 g. (Report on Field Investigations of the Shabolat Detachment, Odessa Rescue Archaeological Center, in 1991).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 1991/237 (in Russian).

Rybakov, B.A. 1987. *Iazychestvo Drevnei Rusi (Paganism of Ancient Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Samojlovs'kyj, I.M. 1952. In *Arkheolohiya (Archaeology)* VII, 153—157 (in Ukrainian).

Symonovich, E.A. 1959. *Otchet o rabotakh Sredne-Dneprovsokoi ekspeditsii v 1959 g. (Report on Fieldworks of the Middle Dnieper Expedition in 1959).* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 1959/7-a (in Russian).

Symonovich, E.A. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 132—141 (in Russian).

Symonovich, E.A. In Rusanova, I.P., Symonovich, E.A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletiia do n.e. —*

pervoi polovine I tysiacheletiia n.e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD). Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: "Nauka" Publ., 143—146 (in Russian).

Terpylovs'kyj, R.V., Petrauskas, O.V. 2005. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 58—69 (in Ukrainian).

Shishkin, R.G. 1999. In *Sto rokiv vyvchennya kul'tur poliv pokhovan' na Ukraïni. Tezy dopovidej seminaru (A Hundred Years of Studying the Burial Fields Cultures in Ukraine: Abstracts)*. Kyiv, 43—48 (in Russian).

Shishkin, R.G. 2002. In Kryzhits'kii, S.D. (ed.). *Suchasni problemy arkheolohiï (Current Issues in Archaeology)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Akademperiodyka" Publ., 244—246 (in Russian).

Shchukin, M.B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sîntana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).

Bliujiene, A. 2011. *Northern gold: amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200)*. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450; vol. 18. Leiden; Boston: Brill.

Bloşiu, C. 1975. Necropola din secolul al IV-lea, e.n. de la Leţcani (jud. Iaşi). *Arheolologia Moldovei* VIII, 203—280.

Boube, E. 2019. Deux peignes inédits de la culture de Černjahov conservés au musée Saint-Raymond de Toulouse. In Boube, E., Corrochano, A., Hernandez, J. (eds.). *Du Royaume goth au Midi mérovingien*. Actes des XXXIVe Journées d'Archéologie Mérovingienne de Toulouse, Novembre 2013. Bordeaux: Ausonius, 297—304.

Diaconu, Gh., Tzoni, M., Constantinescu, M., Drambocianu, V. 1977. L'ensemble archeologique de Pietroasele. *Dacia* 21, 199—220.

Horedt, K. 1982. *Siebenbürgen in spätrömischer Zeit*. Bukarest: Kriterion.

Ilkjær, J. 1993. *Illerup Ådal 4. Die Gürtel. Bestendteile und Zubehör* (Tafelband). Jutland Archaeoligical Society Publications XXV: 4. Aarhus: Aarhus University Press.

Ilkjær, J. 1998. Zwischen Blindheim, Jabara und Manastirea — Zu eisernen Kämmen der römischen Kaiserzeit im Barbaricum. In Ilkjær, J., Kokowski, A. (eds.). *20 lat archeologii w Maslomęczu* II. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 43—54.

Karczewska, M., Karczewski, M. 2007. „Obcy" w grupie. Relacje międzykulturowe na przykładzie pochówków o cechach „wielbarskich" z cmentarzysk kultury bogaczewskiej. In Fudziński, M., Paner, H. (eds.). *Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 627—642.

Kazanski, M. 2020. East Germanic and Alano-Sarmatian Finds of the Early Migration Period in the Roman West. In Bursche, A., Hines, J., Zapolska, A. (eds.). *The Migration Period between the Oder and the Vistula*, vol. 2. Leiden, Boston: Brill, 830—852.

Kazanski, M., Lapart, J. 1995. Quelques documents du Ve siècle ap.J.-C. attribués aux Wisigoths decouverts en Aquitaine. *Aquitania* XIII, 193—202.

Kovács, I. 1915. A Maroszvasarhelyi oskori telep, skytha esnapvandorlaskori temeto. *Dolgozatok* VI-2, 278—299, 317—325.

Magomedov, B. 2018. Pendants from antler rosette in Chernyakhov culture. In Nagy, M.L., Szőlősi, K.L. (eds.). *„To make a fairy's whistle from a briar rose". Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday*. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum, 353—366.

Magomedov, B., Didenko, S. 2012. Red Slip Ware in Chernyakhov culture. In Tsetskhladze, G.R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. BAR IS 2432. Oxford: BAR, 171—190.

Molinero Pérez, A. 1971. *Aportaciones de las excavaciones y hallazgos casuales (1941—1959) al Museo Arqueológico de Segovia*. Madrid: Servicio de Publicaciones del Ministerio de Educación y Ciencia; Dirección General de Bellas Artes; Comisaría General de Excavaciones Arqueológicas.

Palade, V. 2004. *Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă (sfârşitul sec. al III-lea — a doua jumătate a sec. al V-lea)*. Bucureşti: ARC 2000.

Thomas, S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege* 8, 54—215.

Tica, G. 2018. The First Late Antique Composite Combs in Western Illyricum: Roman or Barbarian? In: Janežic, M. (ed.). *Nova odkritja med Alpami in Črnim morjem. Rezultati raziskav rimskodobnih najdišč v obdobju med leti 2005 in 2015*. Zbornik 1. mednarodnega arheološkega simpozija, Ptuj, 8. in 9. oktober 2015. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije, 401—426.

Werner, J. 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den "Reichtumzentren" auf Fünen. *Bonner Jahrbücher* 188, 241—286.

Werner, J. 1990. Eiserne Wollkämme der jungeren Kaiserzeit aus freien Germanien. *Germania* 68 (2), 608—611.

Статья поступила в сборник 26 июня 2022 г.

Boris Magomedov (Kyiv, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archeology, National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Магомедов Борис Викторович (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: bmagomedov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2079-6782

Address: [1] Heroiv Stalingradu Ave.,12, Kyiv, 04210, Ukraine

Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова

Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда

Keywords: Crimea, Great Hungarian Plain, Sarmatians, Roman Age, costume, brooches

Ключевые слова: Крым, Венгерская низменность, сарматы, римское время, костюм, фибулы

E. Istvánovits, V Kulcsár, A. A. Stoianova

Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain

The article analyzes the methods of use of brooches by the population of two faraway regions of the Sarmatian culture: Crimean Piedmont and Great Hungarian Plain. The study focuses on the types of brooches, their amount and situation in the burials of different age-sex groups. We succeeded in determining common consistent patterns and special features in the use of brooches by the inhabitants of the two regions, where brooches of different constructive types were in fashion. In the course of the Roman Age, the predominant costume included one brooch that fastened humeral outwear, most probably, a jacket or a robe. Despite of the significant similarity in the traditions of applying the brooches, it is doubtful whether we can speak about direct contracts or mutual influences of the populations of the two distant regions, because this costume model dominated on the whole territory of the Sarmatian world.

Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова

Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда

Исследование посвящено анализу способов использования фибул жителями двух удаленных друг от друга регионов распространения сарматской культуры — предгорного Крыма и Венгерской низменности. Основное внимание в статье уделено типам застежек, их количеству в комплексах, расположению в захоронениях разных половозрастных групп. Выявлены общие закономерности и особенности использования фибул в костюме населением Крыма и Альфёльда. Установлено, что в этих регионах бытовали конструктивно разные фибулы, при этом доминирующим в течение всего римского времени оставался однофибульный костюм, в котором застежкой скреплялась верхняя плечевая одежда, скорее всего — куртка или распашной халат. При этом, несмотря на значительное сходство традиций использования фибул в костюме, вряд ли можно говорить о прямых контактах или взаимовлиянии населения двух отдаленных регионов, поскольку такая модель костюма преобладала на территории всего сарматского мира.

Типичными аксессуарами костюма сарматской эпохи на обширных территориях от Южного Урала до среднего Дуная являются фибулы. Их число и расположение в погребениях выступают одной из общепринятых основ реконструкции моделей костюма и, как следствие, определения характера межэтнических и межкультурных взаимодействий. Целью данной работы является сравнительная характеристика костюма жителей двух удаленных друг от друга регионов распространения сарматской культуры — Крыма и Венгерской низменности (рис. 1) — с точки зрения способов ношения

The study was implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research, "Population of Mountain Crimea and Hungarian Depression in the Roman Time: migration and contacts" Project, grant No. 19-59-23001; and the Hungarian National Research, Development and Innovation Office (NKFIH), "Online Publication of Graves dated by the Roman Time and the Early Migration Period in the Carpathian Barbaricum» Project, grant No. 124944 ■ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты», грант № 19-59-23001; Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH), проект «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна», грант № 124944

© Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова, 2022.

DOI: https://doi.org/10.55086/SL22295322

Рис. 1. Окраины сарматского мира — предгорный Крым и Альфёльд.

Fig. 1. Peripheries of the Sarmatian world — Crimean Piedmont and Great Hungarian Plain.

фибул, выделение общих и особенных черт их использования различными половозрастными группами населения[1].

Крым

У населения крымских предгорий фибулы появляются во второй половине или конце II в. до н. э. Распространение традиции использования застежек в костюме исследователи связывают с влиянием латенской культуры (Амброз 1966: 92—93; Хелльстрем 2017: 374), но вопрос о происхождении застежек, найденных в крымских комплексах II—I вв. до н. э., остается пока дискуссионным (Михлин 1980: 211; Нефедова, 1991: 203; Трейстер 1992: 43—45; Пуздровский 2007: 76; Кропотов 2014: 115—166). Использование фибул в этот период не было массовым, застежки встречаются в погребениях довольно редко (Сымонович 1963: 140; Высотская 1994: 95; Зайцев 1997; Храпунов и др. 2001: 133, рис. 12: 15; Храпунов, Мульд 2004: 255; Пуздровский 2007: 76; Мордвинцева, Зайцев 2003; Зайцев, Шкрибляк 2017: 148, рис. 38: 2; Зайцев 2018: 297, рис. 6: 10). Типологически фибулы II—I вв. до н. э. достаточно однородны — это преимущественно гладкопроволочные застежки среднелатенской схемы «неапольского» (в предгорном Крыму) и «беляусского» (на северо-западе полуострова) вариантов (рис. 2: 1) (Сымонович 1963: 140; Михлин 1980: 200—201; Пуздровский 2007: 76; Кропотов 2010: 340). По наблюдениям Э. А. Сымоновича, в Восточном некрополе Неаполя Скифского найдено 11 фибул среднелатенской конструкции, т. е. всего 11% от общего количества (всего в некрополе обнаружено около сотни застежек) (Сымонович 1963: 140). В Беляусском могильнике к этому времени можно отнести около 40% застежек, при том, что по количеству экземпляров коллекции фибул из Беляуса и Неаполя почти одинаковы (Михлин 1980: 197—200, 209).

Почти все фибулы этого времени происходят из склепов с коллективными погребениями, зачастую — ограбленных, поэтому судить о расположении застежек на костяках затруднительно. Б. Ю. Михлин, проанализировав расположение фибул в Беляусском могильнике, отметил, что чаще всего фибулы располагаются на правом или левом плече погребенных, несколько реже — на груди, остальные случаи единичны (на тазовых костях, у черепа, у бедра) (Михлин 1980: 210). По наблюдениям К. Хелльстрем, в Крыму в этот период преобладал способ ношения фибул справа на груди или на правом плече (Хелльстрем 2017: 374). Немногочисленные данные из предгорной части полуострова свидетельствуют о том, что фибулы носились и с левой стороны груди или на левом плече (табл. 1). Эти предметы использовались преимущественно взрослым населением, как мужчинами, так и женщинами; в детских могилах фибулы встречаются редко (Михлин 1980: 209). Впрочем, малочисленность половозрастных определений погребенных и в целом непотревоженных комплексов с фибулами II—I вв. до н. э. делают наши выводы довольно шаткими.

Период массового распространения фибул в крымских предгорьях приходится на I — первую половину III в. н. э. Увеличивается не только их количество, но и разнообразие типов. В это время наиболее популярными у жителей региона становятся одночленные лучковые подвязные застежки группы 15[2] (рис. 2: 8—11), пружинные с пластинчатым приемником групп 12 и 13 (рис. 2: 7), сильнопрофилированные северопричерноморского типа группы 11 (рис. 2: 5), фибулы смычковой конструкции группы 14 (рис. 2: 6), а также разнообразные фибулы-броши (рис. 2: 2, 3) и шарнирные (рис. 2: 4) провинциально-римских типов (Khrapunov, Stoyanova 2018: 467—468; Гавритухин и др. 2020: 101; Стоя-

[1] Статья продолжает серию работ, целью которых является систематическое сравнение наиболее характерных типов вещей сармат Крыма и Альфёльда (Храпунов и др. 2019; 2020; Кульчар и др. 2020; Иштванович и др. 2020).

[2] Здесь и далее типы фибул указываются по классификации А. К. Амброза (Амброз 1966).

Таблица 1.

Расположение фибул в погребениях предгорного Крыма II—I вв. до н. э.*

Могильник/могила/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Ссылка на публикацию
Левадки, м.18, северная камера	1	На груди	Ж (?)	Храпунов, Мульд 2004: 255
Неаполь, Восточный некрополь, м. 4, п. 2	1	Рядом с левым плечом	М	Сымонович 1983: 31
Неаполь, Восточный некрополь, м. 4, п. 4	1	У левого плеча	—	
Неаполь, Восточный некрополь, м. 17, п. 1	2	На плече слева и на груди	М, 25—35 лет	Сымонович 1983: 36
Неаполь, Восточный некрополь, м. 21	1	У правого плеча	Ж	Зайцев 2003: 27, рис. 95: 5
Неаполь, мавзолей, ящик X, п. 53	2	У правого плеча	—	Амброз 1966: 22
Битак, склеп 124, последнее погребение	1	Слева на груди	—	Мордвинцева, Зайцев 2003: рис. 2: 9
Дмитрово, склеп 4	1	Предположительно в левой части груди	—	Мордвинцева, Зайцев 2003: рис. 6: 8
Кольчугино, курган 4, п. 9	1	У правого плеча	—	Мордвинцева, Зайцев 2003: рис. 10: 1

* Здесь и далее в таблицах: М — мужчина, Ж — женщина, П —— подросток, Д — детское, прочерк — определить пол затруднительно.

нова 2021: табл. 1). Эти детали костюма становятся стандартными находками в могильниках и позднескифской, и нейзацкой культур, тем не менее наблюдаются некоторые особенности в распространении фибул в погребальных сооружениях разных групп полиэтничного населения региона.

Значительное число фибул происходит из позднескифских склепов, однако, учитывая коллективность погребений в них, нельзя сказать, что для хоронивших в этих склепах людей фибулы были неотъемлемой частью костюма (Стоянова 2021: 29). Например, в опушкинском склепе №42 найдено только 6 фибул, хотя количество погребенных в нем — около 130 человек. Причем все фибулы относятся к поздним погребениям (Храпунов и др. 2009: 11—12, 33). В каменном склепе №250 из Опушкинского могильника на более чем 130 погребенных приходится всего 7 застежек (Храпунов, Стоянова 2020: 76, 108). В склепе №10 Кольчугинского могильника фибула сопровождала только одно из 16 погребений (Храпунов и др. 1996: 84, 86), а в склепе №155 из Битакского некрополя с 27 захоронениями найдено 4 застежки (Пуздровский 2002: 162, 169). В некоторых, в том числе богатых, склепах с коллективными погребениями из Усть-Альминского могильника фибулы вообще отсутствовали: например, в склепе 777, в котором были похоронены 6 мужчин с оружием, золотыми погребальными венками и лицевыми пластинами (Пуздровский, Труфанов 2017: 45), или в склепе 1031 I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. с 10 погребенными (Пуздровский, Труфанов 2016: 60—63). Эти примеры позволяют говорить о том, что в позднескифской среде преобладал «бесфибульный», по выражению М. Б. Щукина, костюм, и традиция скреплять одежду металлическими застежками, а не, например, поясом, только начала распространяться — либо под сарматским влиянием, особенно ощутимым с середины I в. н. э., либо благодаря началу массового поступления этих деталей костюма из античных центров, в которых с I в. н. э. начинается интенсивное производство фибул (Амброз 1966: 94). Наиболее крупные коллекции застежек зафиксированы в неразграбленных склепах 640 и 944 Усть-Альминского некрополя и в склепе №3 могильника Опушки. Последний содержал не менее 38 костяков, лежавших ярусами друг на друге так, что за редким исключением проблематично соотнести инвентарь с конкретными погребениями. Из склепа происходит 26 фибул разнообразных типов, они достаточно равномерно сопровождали погребенных всех ярусах[3]. В склепах Усть-Альминского некрополя по-

[3] К анализу привлечен неопубликованный материал из могильников Нейзац и Опушки. Благодарим руководителя раскопок этих памятников И. Н. Храпунова за возможность работать с полевой документацией и отчетами.

гребенных укладывали не так плотно, между ярусами присутствуют земляные прослойки, что позволяет фиксировать большую часть инвентаря *in situ*. В склепе 944 с 24 погребенными, уложенными в шесть ярусов, найдено около 30 фибул, которые достаточно равномерно распределены между погребениями всех ярусов, отсутствуя только у двух самых ранних костяков, лежавших на полу камеры (Пуздровский, Труфанов 2017: 89—94).

В тех случаях, где фибулы на костяках удалось зафиксировать *in situ*, наблюдается следующая картина (табл. 2). Застежки присутствуют и в женских, и в мужских погребениях, редко, но встречаются у детей и подростков. Большинство погребений сопровождаются одной фибулой, которая чаще всего располагается в левой части грудной клетки, реже — справа или в центре. В пределах груди расположение фибул неустойчивое — застежки лежат у самых ключиц или чуть ниже, нередко — на уровне локтей, т. е. почти у пояса. Вариативно и положение фибул вне зависимости от пола умершего — приемником вправо или влево, горизонтально или вертикально. По сравнению с более ранним временем чаще фиксируется убор с двумя фибулами, который почти в равной степени характерен и для мужчин, и для женщин. Застежки в паре обычно разных типов, размещены на груди в различных комбинациях: вертикально с одной стороны груди (рис. 3: 1б), с обеих сторон грудной клетки (рис. 3: 1а, 2), горизонтально или по диагонали. Фиксируются на костяках и по три фибулы. Так, у погребенных 5 и 21 в склепе 944 из Усть-Альмы по одной застежке располагалось стандартно на груди. Еще по две фибулы у каждого из этих погребенных обнаружены среди компактно лежащих предметов — зеркал, подвесок и бус — у плечевых костей (рис. 3: 3). По всей видимости, с помощью фибул к одежде прикреплялись низки с этими предметами, или небольшие мешочки, в которые мелкие артефакты были сложены (Пуздровский, Труфанов 2017: 86—96). Подобная ситуация зафиксирована и у погребенного 9 в склепе 977, которое также сопровождалось тремя фибулами, одна из которых — среди связанных с помощью кожаного ремешка бронзовых подвески и двух колец, лежавших у локтя левой руки (Пуздровский, Труфанов 2016: 21—22, 27, рис. 25б).

Значительно чаще, чем в позднескифских склепах, фибулы встречаются в подбойных и грунтовых могилах с индивидуальными погребениями, которые появляются в грунтовых некрополях крымских предгорий в первой половине I в. н. э. и становятся массовыми в последующие два столетия. В этом контексте показательны данные из позднескифского могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму, в котором пока не выявлены склепы с коллективными погребениями. Здесь застежки (всего около 240 экз.) обнаружены в 56 % комплексов, т. е. каждый второй умерший был облачен в костюм с фибулой. Любопытна статистика находок фибул в разрезе хронологии погребений. Среди наиболее ранних комплексов середины — второй половины I в. н. э. 26 фибул найдены в 21 погребении (6,25 % от общего количества раскопанных могил); 63 фибулы обнаружено в 50 комплексах конца I — начала II в. (14,9 %); в погребениях, совершенных в течение II в. н. э., найдено 120 фибул (96 могил, 28,6 %). К началу III в. количество комплексов в Бельбекском некрополе существенно сокращается, а вместе с этим уменьшается и число фибул. 77 % погребений с фибулами содержали одну застежку, 20 % — две. Лишь в шести могилах обнаружено по три фибулы, причем все захоронения женские и, кроме одного, датируются в диапазоне от середины II до первой половины III в. н. э. Около половины всех обнаруженных в могильнике фибул связано с женскими погребениями, 8 застежек — с мужскими[4], 21 — с детскими[5].

Чаще всего, вне зависимости от времени комплекса и половой принадлежности погребенных фибулы располагаются на груди в разных вариациях (слева, справа, ближе к плечу или в центре грудной клетки), только в четырех могилах конца I — первой половины II в. н. э. застежки зафиксированы на правом или левом плече. В трех могилах второй половины II в. н. э. фибулы обнаружены у черепа погребенных, в одном случае — возле ног. Иногда застежки располагались вместе с другими мелкими предметами в районе груд-

[4] Судя по публикации материалов могильника Бельбек IV (Гущина, Журавлев 2016: прил. 1), пол погребенных определялся на основании набора инвентаря, поэтому для значительной части погребений, не содержавших вещи, обычные для женских могил, пол не указан. Возможно, именно это обстоятельство объясняет столь небольшое число мужских захоронений с фибулами.

[5] Из-за плохой сохранности детских костяков в памятниках предгорного Крыма не всегда можно судить о месте фибул в детском костюме и трудно реконструировать убор детей разных возрастных групп. В этой связи интересные наблюдения удалось сделать при изучении фибул Опушкинского могильника: в трех могилах, содержавших фибулы, антропологи установили возраст детей — 1 год, 2—3 года и 8—12 лет (Стоянова 2021: 31). Эти данные свидетельствуют о том, что фибулы в детском костюме могли использоваться на протяжении всей жизни ребенка, начиная с младенчества.

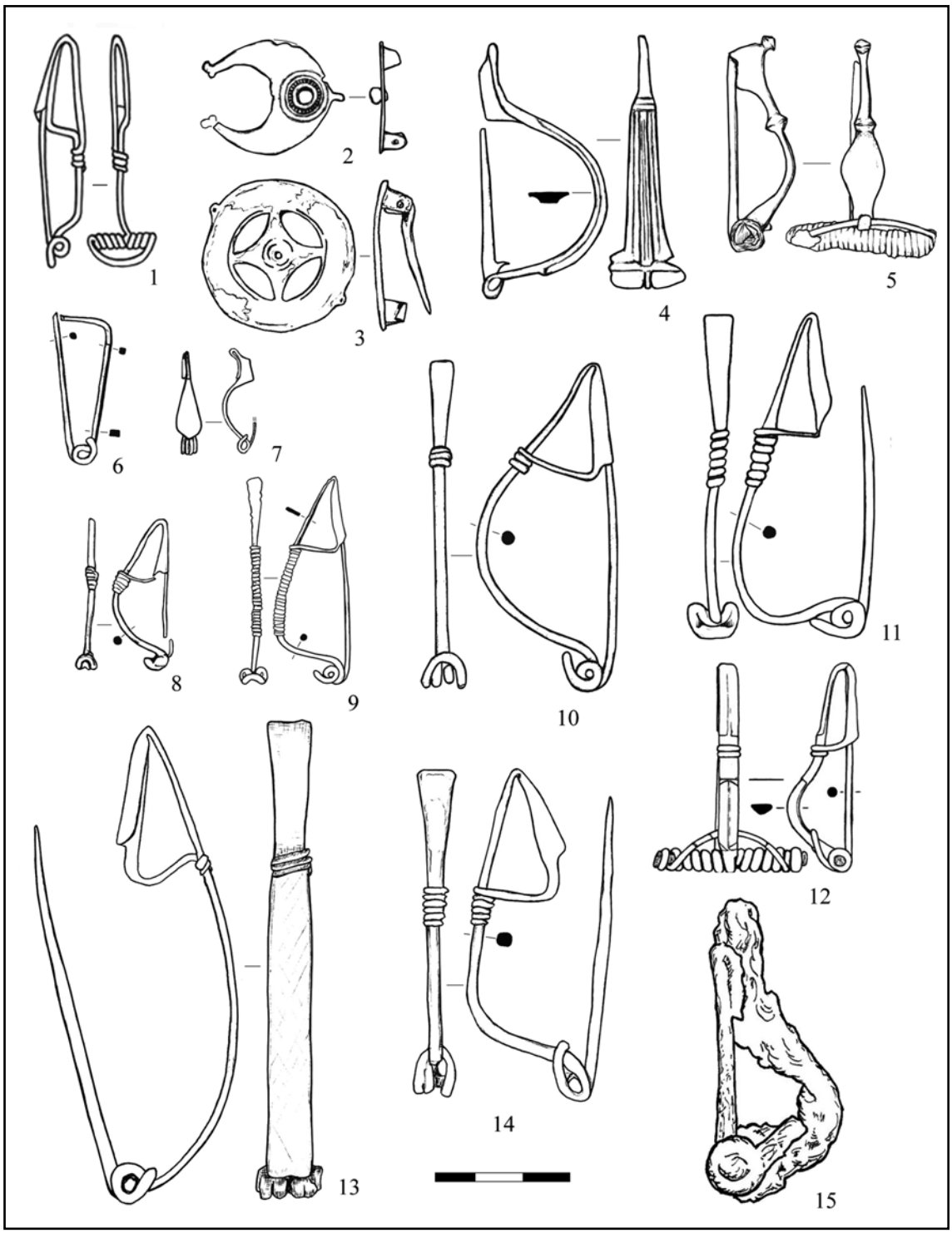

Рис. 2. Фибулы из памятников предгорного Крыма.

Fig. 2. Brooches from the sites of Crimean Piedmont.

ной клетки или руки, и, как и в позднескифских склепах, могли служить креплением к одежде мешочка или низки украшений.

С середины II в. н. э. «ассортимент» типов застежек сокращается, доминирующими становятся лучковые подвязные фибулы 4—5 вариантов (рис. 2: 11) и «инкерманской» (рис. 2: 13) серии, продолжают использоваться смычковые фибулы (Высотская 1994: 102—103; Стоянова 2011: 116—117; 2021: 30—31; Khrapunov, Stoyanova 2018: 468), но ситуация с расположением фибул в погребениях не меняется. Анализ 70 женских (по определению антрополога) погребений с сохранившимся

Таблица 2.

Расположение фибул в позднескифских склепах I—II вв. н. э. *

Могильник/могила/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Ссылка на публикацию
Усть-Альма, м. 640, п. 1	1	На груди слева	М	Пуздровский и др. 2021: 25
Усть-Альма, м. 640, п. 2	2	В верхней части груди слева, одна над другой, парные	М	Пуздровский и др. 2021: 25
Усть-Альма, м. 640, п. 3	2	На груди справа и слева по диагонали, не парные	Ж	Пуздровский и др. 2021: 25
Усть-Альма, м. 640, п. 4	1	В районе пояса, слева, с двумя кольцами с шишечками»	Д	Пуздровский и др. 2021: 26
Усть-Альма, м. 640, п. 7	2	На груди, не парные	М	Пуздровский и др. 2021: 26
Усть-Альма, м. 640, п. 5	2	На груди слева одна под другой, не парные	Ж	Пуздровский и др. 2021: 27
Усть-Альма, м. 640, п. 8	2	На груди в центре, рядом, парные	М	Пуздровский и др. 2021: 27
Усть-Альма, м. 640, п. 9	2	На груди справа, одна под другой, парные	Ж	Пуздровский и др. 2021: 28
Усть-Альма, м. 640, п. 12	1	В верхней части груди слева	Ж	Пуздровский и др. 2021: 30
Усть-Альма, м. 640, п. 13	1	На груди слева	Д	Пуздровский и др. 2021: 30
Усть-Альма, м. 640, п. 14	1	На груди слева	М ?	Пуздровский и др. 2021: 30
Усть-Альма, м. 703, п. 3	2	В центре груди рядом, парные	М	Пуздровский и др. 2021: 213
Усть-Альма, м. 944, п. 17	2	На груди слева, не парные	Д	Пуздровский и др. 2021: 31
Усть-Альма, м. 944, п. 18	1	На груди справа	—	Пуздровский и др. 2021: 31
Усть-Альма, м. 944, п. 22	2	1 — на шее, 1 — на груди в центре, не парные	—	Пуздровский и др. 2021: 32
Усть-Альма, м. 944, п. 25	1	На груди слева	—	Пуздровский и др. 2021: 33
Усть-Альма, м. 944, п. 1	2	1 — у правого локтя в скоплении предметов 1 — рядом с правым бедром, сбоку от костяка	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 87
Усть-Альма, м. 944, п. 4	1	В нижней части груди	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 89
Усть-Альма, м. 944, п. 5	3	1 — на груди справа, 2 — у правого локтя в скоплении предметов	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 89
Усть-Альма, м. 944, п. 9	1	У щиколоток	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 90—91
Усть-Альма, м. 944, п. 10	1	На шее	—	Пуздровский, Труфанов 2017: 91, рис. 190
Усть-Альма, м. 944, п. 15	1	У левого плеча	М	Пуздровский, Труфанов 2017: 92
Усть-Альма, м. 944, п. 16	3	1 — на левом плече 1 — на груди слева 1 — на груди справа, ближе к руке	М	Пуздровский, Труфанов 2017: 92
Усть-Альма, м.944, п. 21	3	1 — на груди справа 2 — на груди слева	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 93—94
Усть-Альма, м. 750, п. 1	1	Под левой ключицей	М	Пуздровский, Труфанов 2017: 19
Усть-Альма, м. 974, п. 6	1	В центре груди	П, 15—18 лет	Пуздровский, Труфанов 2016: 15
Усть-Альма, м. 977, п. 1	1	На груди слева	М	Пуздровский, Труфанов 2016: 19
Усть-Альма, м. 977, п. 3	1	У правой плечевой кости	Ж, 35—45 лет	Пуздровский, Труфанов 2016: 20

Таблица 2 (окончание).

Могильник/могила/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Ссылка на публикацию
Усть-Альма, м. 977, п. 7	1	На груди слева	М, 40—50 лет	Пуздровский, Труфанов 2016: 21
Усть-Альма, м. 977, п. 9	3	2 — на шее, рядом, броши 1 — у локтя левой руки в скоплении предметов	—	Пуздровский, Труфанов 2016: 21
Усть-Альма, м. 1070, п. 5	1	На правом плече	—	Пуздровский, Труфанов 2016: 97
Опушки, м. 42, входная яма, п. 16	1	В центре груди	М, 25—30 лет	Храпунов и др. 2009: рис. 11: 33
Опушки, м. 42, входная яма, п. 2	2	В центре груди и у правого локтя	Ж, 30 лет	Храпунов и др. 2009: рис. 11: 33
Опушки, м. 3, п. 4	2	У правой ключицы и ниже на груди справа	—	Комплекс не опубликован, раскопки И.Н. Храпунова
Опушки, м. 3, п. 11	3	1 — под правой ключицей, 2 — на груди слева в ряд	—	
Опушки, м. 3, п. 12	2	1 — на груди справа, 1 — на тазовых костях	—	

* Представлены погребения, сохранившиеся *in situ*.

in situ инвентарем из Нейзацкого могильника демонстрирует следующую картину. Фибулы сопровождали 58% погребенных, причем в подавляющем большинстве они встречены по одному экземпляру, в семи случаях на костяке было зафиксировано по две фибулы (рис. 4: 3), в одном случае — четыре (Храпунов 2007: 34). В 63% захоронений фибулы располагались на груди, с левой стороны или в центре (рис. 4: 1, 2). Судя по направлению приемников, фибулы на груди застегивали как справа налево, так и слева направо, последний вариант несколько превалирует. С правой стороны груди фибулы зафиксированы только у четырех погребенных. В шести захоронениях фибулы лежали в районе плеча (рис. 5: 2, 4). Все они располагались вертикально или слегка под наклоном, в подавляющем большинстве случаев приемником вверх — такая позиция фибул вызвана, вероятно, удобством скалывания краев одежды снизу вверх. Какой-либо четко выраженной зависимости расположения фибул от их типов не выявлено, только местонахождение смычковых фибул со щитком свидетельствует о том, что чаще всего их использовали для скрепления одежды в области живота и нижней части груди. В одной из могил две обычные смычковые фибулы (без щитков), расположенные вертикально, были расчищены в районе шеи вместе с бусами и могли входить в состав ожерелья (Стоянова 2011: 137—140, табл. 1—3).

Картина, продемонстрированная на материалах могильников Бельбек IV и Нейзац, принадлежавшим двум разным культурам, типична для погребений середины I — середины III вв. н.э. других некрополей крымских предгорий. Исключением являются несколько погребений из могильников Заветное и Скалистое III, в которых отмечены необычно многочисленные наборы смычковых фибул (до 20 экз.), сконцентрированных преимущественно в районе груди (Зайцев и др. 2007: 251, 254, 356, рис. 6: 16) или у черепа (Богданова и др. 1976: 143). Авторы публикаций отмечают, что такие фибулы были снабжены щитками, некоторые — с позолотой (Зайцев и др. 2007: 251). Возможно, в таких случаях фибулы выполняли декоративную функцию, дополняя ожерелья из бус. Преобладание смычковых фибул отмечено в могильниках Фронтовое 3 (Гавритухин и др. 2020: 101) и Совхоз 10. В последнем смычковые фибулы не составляли крупных наборов, встречаясь в некоторых погребениях по 5—6 экземпляров (Стржелецкий и др. 2003—2004: 163).

С III в. н.э. в предгорном Крыму появляются склепы с короткими дромосами, в которых, в отличие от позднескифских, умерших хоронили, как правило, в один ряд на полу камеры (подробнее о них и дискуссии об их культурной идентификации см.: Храпунов 2018; Волошинов, Масякин 2021). Большинство таких погребальных сооружений относятся к IV в. н.э., но в Опушкинском и Нейзацком могильниках открыто несколько комплексов первой половины III в. н.э. В этих ранних склепах ситуация с фибулами не отличается

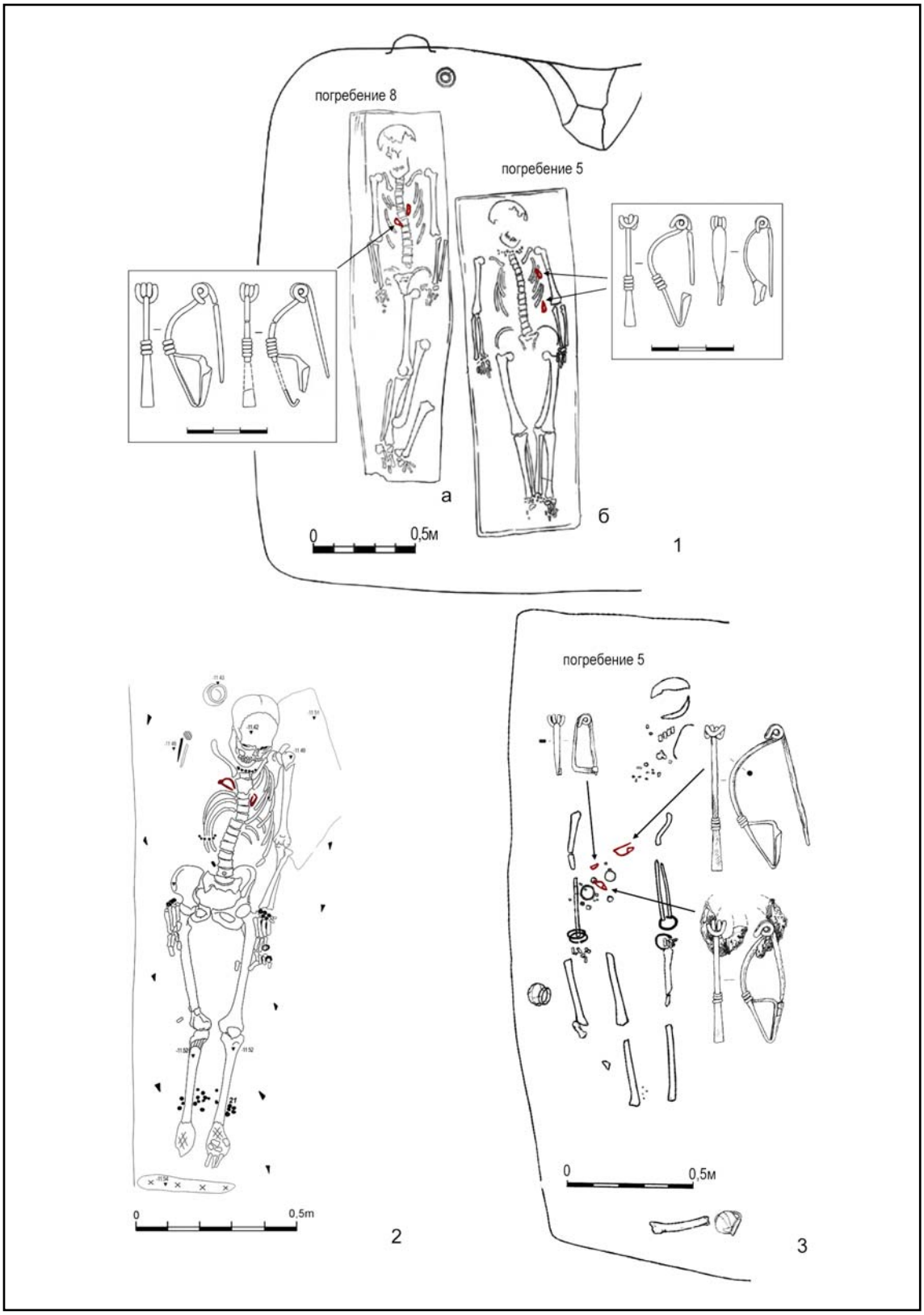

Рис. 3. Расположение фибул на погребенных в позднескифских склепах: 1 — Усть-Альма, склеп 640 (по Пуздровский и др. 2021: рис. 47, 52); 2 — Опушки, мог. 322 (комплекс не опубликован); 3 — Усть-Альма, склеп 944 (по Пуздровский, Труфанов 2017: рис. 190, 197).

Fig. 3. Situation of the brooches on the dead in Late Scythian chamber graves: 1 — Ust'-Al'ma, chamber grave 640 (after Пуздровский и др. 2021: рис. 47, 52); 2 — Opushki, grave 322 (unpublished assemblage); 3 — Ust'-Al'ma, chamber grave 944 (after Пуздровский, Труфанов 2017: рис. 190, 197).

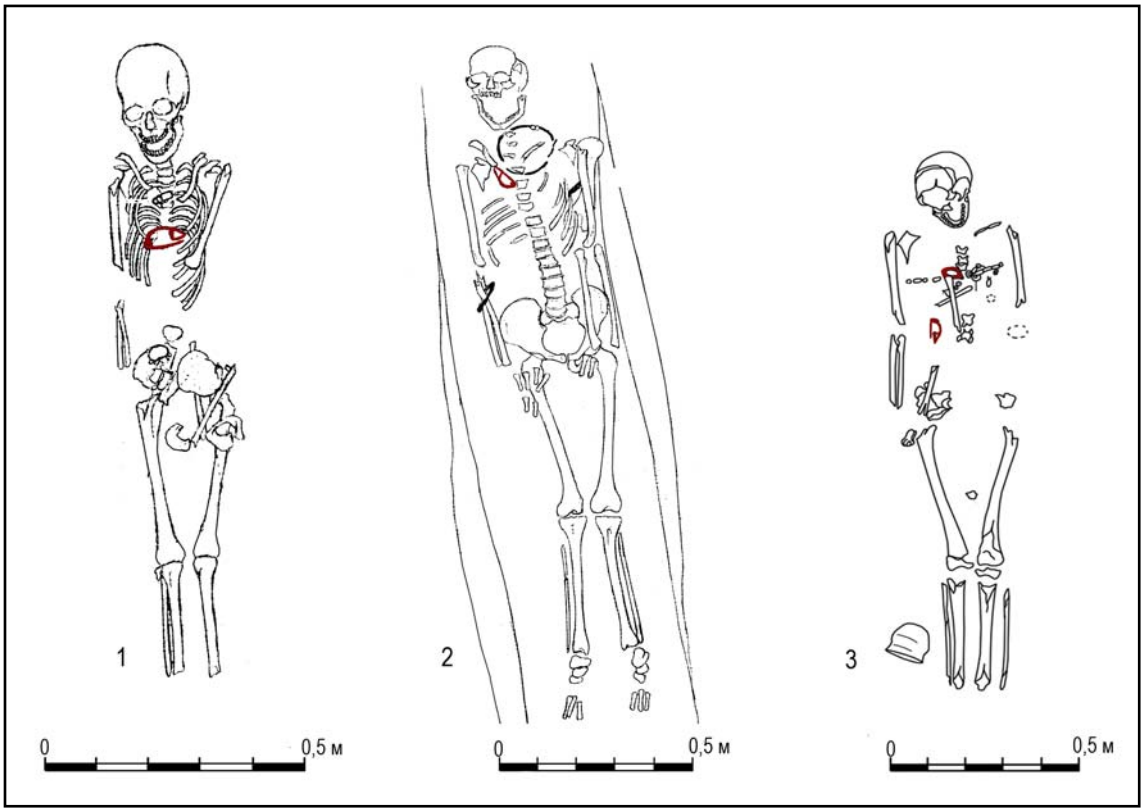

Рис. 4. Расположение фибул в индивидуальных женских погребениях могильника Нейзац: 1 — мог. 165; 2 — мог. 172; 3 — мог. 76.

Fig. 4. Situation of brooches in individual femail burials of the Neyzats cemetery: 1 — grave 165; 2 — grave 172; 3 — grave 76.

кардинально от синхронных погребений в грунтовых и подбойных могилах (табл. 3): застежки в равной степени характерны для погребенных обоих полов[6], преобладает одна фибула на костяке, расположенная на груди слева или в центре[7], сохраняется вариативность положения фибул, по две застежки встречаются редко, случаев с бóльшим числом фибул в одном погребении не зафиксировано. Но есть и особенности: фибулы в этих склепах встречаются значительно реже, чем в синхронных грунтовых и подбойных могилах, а застежки во многих случаях отличаются массивностью (чаще всего это крупные лучковые фибулы «инкерманской» серии).

Со второй половины III в. н. э. и, особенно, в IV в. число фибул во всех типах погребальных сооружений существенно уменьшается. Например, из 220 застежек, найденных в Нейзацком могильнике, в комплексах этого периода найдено только 36 штук (Khrapunov, Stoyanova 2018: 468). В могильнике Дружное, большинство погребений которого относятся к IV в. н. э., обнаружено всего 20 фибул (Храпунов 2002: 53—55). Анализ женских погребений из обоих памятников показал, что в IV в. фибулы сопровождали только 16% захоронений, тогда как во II — первой половине III в. н. э. они встречены в каждом втором (Стоянова, 2019: 543—544). В погребениях мужчин фибул также мало, особенно в сравнении с пряжками, которые, по всей видимости, становятся главным аксессуаром одежды. Обращает внимание почти полное отсутствие фибул у детей, хотя следует отметить, что в рассматриваемый период в целом по непонятным пока причинам сокращается число детских погребений. Меняются и типы фибул, при этом разнообразия в конструкциях застежек не наблюдается: после середины III в. почти единственный вид застежек — это двучленные лучковые подвязные (рис. 2: 14), а в IV в. преобладающими становятся прогнутые подвязные фибулы (рис. 2: 12) и т. н. «воинские», изготовленные из железа (рис. 2: 15).

[6] Фибулы сопровождали и детские погребения, но из-за крайне неудовлетворительной сохранности костей проследить расположение застежек на костяках проблематично.

[7] В двух случаях фибулы расчищены на костях ног или рядом.

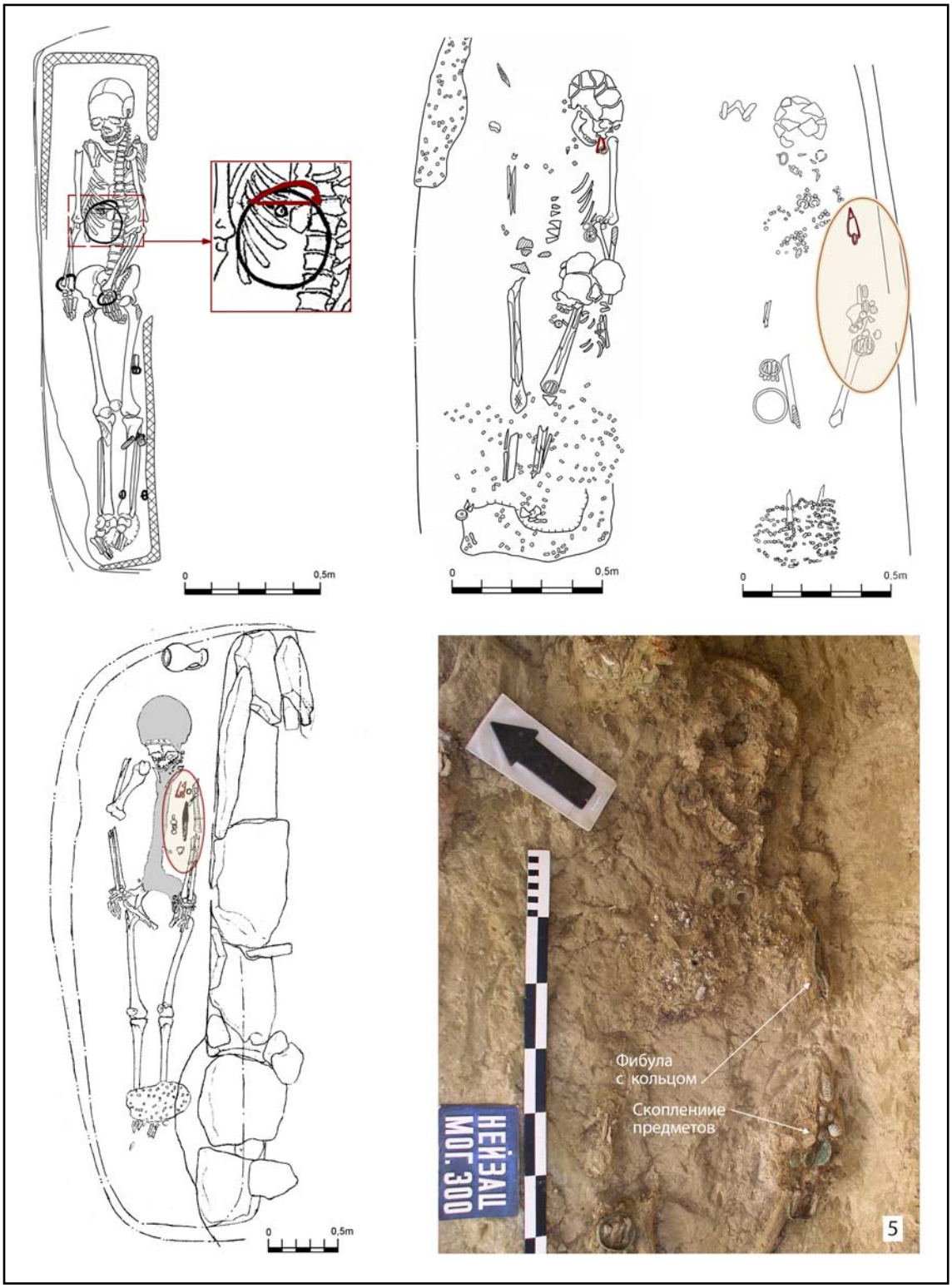

Рис. 5. Фибулы с надетыми предметами и их расположение на костяках, могильник Нейзац: 1 — мог. 576; 2 — мог. 417; 3, 5 — мог. 300; 4 — мог. 170.

Fig. 5. Brooches with objects attached to them and their situation on the skeletons, Neyzats cemetery: 1 — grave 576; 2 — grave 417; 3, 5 — grave 300; 4 — grave 170.

Таблица 3.

Расположение фибул в склепах III в. могильника Опушки

№ могилы/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Публикация
38, п. IV	1	В центре груди, горизонтально спинкой вверх, приемником вправо	М, 20 лет	Комплекс не опубликован
38, п. VII	1	В верхней части груди слева, спинкой вверх, приемником вправо	—	
75, п. III	2	1 — на груди слева, приемником вверх, спинкой влево, 1 — на правой берцовой кости, приемником вниз	—	Комплекс не опубликован
77, п. I	1	На груди слева, приемником вниз, спинкой влево	Ж ?	Комплекс не опубликован
77, п. IV	1	На груди, в верхней части по центру, диагонально, приемником вправо, спинкой вниз	—	
77, п. VI	1	На груди, в центре, горизонтально, спинкой вверх, приемником влево	Ж	
134, п. I	1	На левом плече, вертикально, приемником вверх, спинкой влево	Ж	Комплекс не опубликован
134, п. IV	2	На груди в центре, рядом. 1 — приемником вверх, спинкой вправо, 1 — приемником влево, спинкой вверх. Парные, бронзовая и железная	М?	
158, п. III	1	На груди в центре, приемником вниз, спинкой влево	Ж	Храпунов, Стоянова 2021: 219, рис. 2: 25
310, п. 1	1	На груди в центре, приемником влево, спинкой вниз	М	Комплекс не опубликован
322	2	В верхней части груди, с двух сторон от позвоночника. Правая фибула — приемником влево, дужкой вверх, левая — приемником вверх, дужкой влево. Не парные	Ж ?	Комплекс не опубликован
325, п. III	1	На груди слева, приемником влево, спинкой вниз	М ?	Комплекс не опубликован

Последние представляют собой местный тип, не имеющий аналогов за пределами крымских предгорий (Храпунов 2002: 55). Почти во всех случаях в погребениях фибулы встречены по одному экземпляру, две фибулы зафиксированы только у одного мужчины, похороненного в склепе №4 Нейзацкого могильника (табл. 4). Как и в более ранний период, основное местоположение фибул — на груди, горизонтально или по диагонали, чаще всего — приемником влево. Направление приемника, по всей видимости, обусловлено удобством застегивания фибулы правой рукой справа налево. Таким образом, несмотря на сохранившуюся после середины III в. н.э. традицию скреплять на груди плечевую одежду одной фибулой, преобладающим становится бесфибульный убор. Увеличение числа пряжек в погребениях этого периода, причем не только в мужских, но и в женских, свидетельствует о том, что именно этот аксессуар становится основным «фиксатором» в костюме.

В завершение обзора роли фибул в костюме населения крымских предгорий обратим внимание на некоторые особенности их использования. Наиболее ярким феноменом можно считать обычай надевать на фибулы разнообразные предметы (рис. 6). Чаще всего это были железные или бронзовые кольца разных размеров, реже — небольшие, вероятно детские, браслеты, серьги, перстни (Сымонович1983: 90; Храпунов и др. 2001: рис. 17: 41; Храпунов 2002: рис. 108: 10; Стржелецкий и др. 2003—2004: 162; Гущина, Журавлев 2016а: 82). В нескольких погребениях Нейзацкого могильника чуть ниже фибул с надетыми кольцом и браслетом располагались зеркала-подвески, один раз — вместе с низкой бус (рис. 5: 2—5). Возможно, зеркала с бусами тканевыми или кожаными шнурками подвешивались с помощью кольца к спинке фибулы. Пожалуй, самым необычным случаем и пока единственным является «украшение» фибулы гривной (рис. 5: 1) (Храпунов, Стоя-

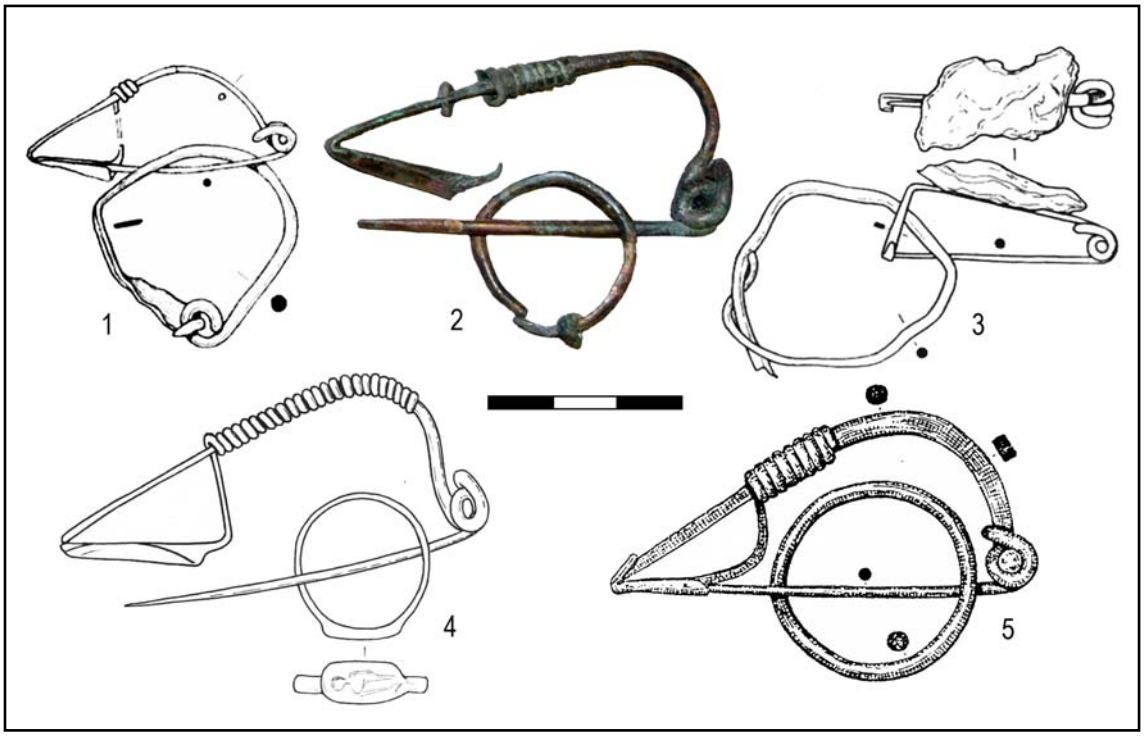

Рис. 6. Фибулы с надетыми на них предметами из могильников предгорного Крыма: 1—4 — могильник Нейзац (1 — мог. 90, 2 — мог. 87, 3 — мог. 92, 4 — мог. 170), 5 — могильник Дружное, мог. 24.

Fig. 6. Brooches with objects attached to them from the cemeteries of Crimean Piedmont: 1—4 — Neyzats cemetery (1 — grave 90, 2 — grave 87, 3 — grave 92, 4 — grave 170), 5 — Druzhnoe cemetery, grave 24.

нова 2018: рис. 3). Чаще всего дополнительные предметы надевались на лучковые подвязные фибулы, реже — на смычковые. Обычай этот появился у жителей Крыма, скорее всего, не ранее середины I в. н. э. и фиксируется в погребениях до второй половины III столетия включительно. В единичных случаях к фибулам присоединяли цепи — прикипевшие к застежкам остатки звеньев железных цепей известны в Дружном в склепе IV в. (Айбабин 1995: 89) и в склепе I — первой половины II в. н. э. Опушкинского могильника (Стоянова 2021: 26, рис. 1: 20).

В могильнике Нейзац найдено несколько фрагментов фибул. Из части фибулы типа *Almgren* 83 или 84 была сделана подвеска для ребенка, возможно, входившая в состав ожерелья (Храпунов 2006: 173, рис. 39: 9). В качестве подвески, возможно, использовался и фрагмент массивной перекладчатой фибулы (Храпунов 2017: рис. 5). В могиле №73 обнаружена двупластинчатая фибула с утраченным в древности игольным аппаратом, лежавшая у костей ног на уровне колен. Во всех трех случаях фибулы необычны для предгорного Крыма и, очевидно, попали к местным жителям из других регионов, что, по всей видимости, придавало этим вещам особую ценность. Невозможно сказать, в какой момент целые застежки превратились в нефункциональные фрагменты, но и в таком виде для своих владельцев они были достойны того, чтобы сопроводить их в мир иной.

Альфёльд

Одной из характерных черт сарматских погребений Карпатского бассейна является высокая степень ограбленности. По-видимому с этим связано и то обстоятельство, что относительно мало работ посвящены костюму населения этого региона. В исследованиях анализируются, в основном, отдельные детали убора — женские и мужские пояса, расшивка краев платья или шаровар, сумок[8], в то время как специалисты по другим территориям европейского Барбарикума позднеримского времени и ранней фазы эпохи переселения народов обращали особое внимание на костюм как единый комплекс. Последние подчеркивали, что костюм, являясь этническим

[8] Обобщающая статья: Istvánovits, Kulcsár 2001. Обобщающая работа по текстильным находкам: Komlósi 2021.

Таблица 4.

Расположение фибул в погребениях предгорного Крыма второй половины III—IV вв.

Могильник/ № могилы/погр.	Кол-во фибул	Расположение	Пол, возраст	Ссылка на публикацию
Нейзац, м. 4, п. I	2	В нижней части груди слева	М	Храпунов 2008: 358
Нейзац, м. 4, п. III	1	На левом плече, горизонтально, приемником вправо*	М	Храпунов 2008: 360
Нейзац, м. 54, северный подбой во входной яме	1	На груди слева	Ж, 22—23 года	Не опубликована
Нейзац, м. 60, п. V	1	В верхней части груди, по центру, приемником вниз	М	Не опубликована
Нейзац, м. 220, п. II	1	На тазовых костях слева, по диагонали, приемников вверх влево	М?	Не опубликована
Нейзац, м. 238, северный подбой, п. 1	1	В центре груди, приемником влево	Ж?	Не опубликована
Нейзац, м. 275, п. II	1	На правом плече	М	Khrapunov 2008: 192
Нейзац, м. 275, п. VI	1	На груди слева, вертикально приемником вверх*	М	Khrapunov 2008: 195
Нейзац, м. 115, п. 1	1	В верхней части груди справа, по диагонали, приемником вверх влево	—	Храпунов 2005: рис. 6: 6
Нейзац, м. 125	1	В верхней части груди в центре, приемником вниз влево, спинкой вверх	М	Не опубликована
Нейзац, м. 485, п. IV	1	На груди в центре, по диагонали, приемником вниз вправо, спинкой вверх	Ж?	Не опубликована
Нейзац, м. 305, п. III	1	На груди в центре	Ж, 35—45 лет	Не опубликована
Нейзац, м. 307, п. III	1	На груди в центре, диагонально, приемником вниз влево*	М	Храпунов 2014: 80, рис. 4
Нейзац, м. 503	1	В верхней части груди, справа, по диагонали, приемником вниз вправо, спинкой вниз	Ж, 22—23 года	Не опубликована
Дружное, м.1/1984, п. 1	1	На левом плече	М?	Айбабин 1995: 89
Дружное, м.1/1984, п. 8	1	В верхней части груди	М?	Айбабин 1995: 91
Дружное, м.1/1984, п. 9	1	На груди в центре	М	
Дружное, м. 21, п. A	1	На правом плече	М	Храпунов 2002: 20, рис. 18
Дружное, м. 21, п. G	1	На груди в центре	Ж?	
Дружное, м. 21, п. H	1	На груди слева приемником влево, спинкой вверх	М?	
Дружное, м. 78, п. A	1	На груди справа, приемником вниз	М	Храпунов 2002: 33
Дружное, м. 78, п. D	1	На правом плече	Ж	Храпунов 2002: 34, рис. 58
Суворово, м. 51, п. II	1	В верхней части груди справа	Ж	Зайцев, Мордвинцева 2003: 58, рис. 1
Черная речка, м. 3	1	На груди слева	Ж	Бабенчиков 1963: 92—93
Дружное, м. 24		На левом предплечье	Ж	Храпунов 2002: 22, рис. 21
Дружное, м. 20, п. C	1	На груди справа, приемником вниз влево	Д	Храпунов 2002: 19, рис. 17
Дружное, м. 20, п. B	1	На груди справа, горизонтально, приемником влево, спинкой вверх	Ж	Храпунов 2002: рис. 17
Опушки, м. 133, п. IV	1	На груди	М	Храпунов 2020: 249
Опушки, м. 290	1	На груди справа, горизонтально, приемником влево, спинкой вверх	М	Не опубликована

* Положение фибулы уточнено по отчетной документации.

маркером, достаточно консервативен, поэтому его изучение играет выдающуюся роль в определении этноса, в социологических анализах, чувствительно реагирует на межэтнические связи и т. д. (см., например: Мастыкова 2017: 76). Обобщающая работа по современному состоянию исследований в этой сфере, их значимости и с библиографией освобождает нас от необходимости детальной оценки предшествующих публикаций (Гопкало, Шульце 2014).

В данной работе из категорий, обрисованных М. Темпельман-Мончиньской (Tempelmann-Mączyńska 1989), «костюм» / «Tracht», «убор» / «Trachtzubehör» и их комбинаций мы занимаемся последними, а в частности, методом ношения фибул. Мы снова должны подчеркнуть, что и в этом случае у сармат Альфёльда самую серьезную проблему представляет ограбленность могил, которая сильно ограничивает возможности настоящего анализа.

Фибулы являются одним из наиважнейших элементов костюма алфёльдских сармат: они найдены в более чем половине памятников и сопровождают более трети всех погребений (Kulcsár 1998: 52) [9].

Большинство фибул, используемых алфёльдскими сарматами, представлены римскими типами. Тут сразу нужно оговориться, что наиболее многочисленные подвязные застежки (табл. 5), во всяком случае отчасти, вероятно, производились самими сарматами (типология и хронология этих застежек плохо разработана, и делать пока обоснованные выводы по этому поводу рано). По крайней мере о собственно сарматском производстве фибул свидетельствуют остатки мастерской, открытой в могильнике Тисафёльдвар-Кирпичный завод / Tiszaföldvár-téglagyár (Vaday 2005), а также литейные формочки для отлива фибул из сарматского поселения Эчер 7 / Ecser 7 (Istvánovits, Kulcsár 2018: 288). По всей видимости, сарматы делали застежки отчасти по римскому образцу, в частности, занимались изготовлением брошей разных форм со вставками из стекла, янтаря и полудрагоценных камней. Так или иначе, с самого раннего

Таблица 5.

Главные типы фибул у сармат Альфёльда *

Тип	Кол-во	Погребений с фибулами	% от всех фибул
Всего	1111	939	
Подвязные	544	504	49%
Сильнопрофилированные	28	27	2,5%
Эмалевые	88	82	8%
Фибулы-броши	80	71	7%
Арбалетовидные	54	50	5%
Коленчатые	103	97	9%
Фибулы редких типов	58	54	5%

* Тип 6,5 % всех экземпляров неопределим.

времени присутствия язигов на Венгерской низменности, они и последующие волны ираноязычных переселенцев пользовались в большинстве своем римскими типами фибул. Экземпляров же, явно привнесенных с востока, почти не наблюдается. К раннему времени (I — начало II вв. н. э.) относятся шарнирные и относительно часто встречающиеся сильнопрофилированные фибулы.

Наиболее распространенными являются подвязные фибулы различных вариантов (одно- и двучленные с подогнутой ножкой и отогнутым приемником) (рис. 7: 12—14). Они появляются в материале Альфёльда не раньше III в. н. э. и составляют примерно половину всех известных нам экземпляров (табл. 5). Следует отметить, что в III—IV вв. население Карпатского бассейна, а вместе с тем и число погребений, увеличиваются в разы по сравнению с раннеримским временем, то есть такое обилие фибул с подвязной ножкой может объясняться просто количественным сдвигом находок вообще.

Вторые по численности провинциальные коленчатые фибулы (рис. 7: 7, 8; табл. 5), также известные во множестве вариантов, характеризуют средний период алфёльдских сармат (начало II — начало IV вв.) [10]. За ними следуют арбалетовидные фибулы т. н. алфёльдского типа (*Almgren* VII.1, рис. 7: 6), которые были популярны с середины II — первой половины III в. В отличие от подвязных и коленчатых фибул, встречающихся с почти одинаковой частотой и у женщин, и у муж-

[9] Статистика на основе компьютерной базы данных по сарматским погребениям Альфёльда, составленной Э. Иштванович и В. Кульчар с целью уточнить внутреннюю хронологию сарматского времени при помощи сериации датирующих вещей в комплексах, подтверждает результаты, изложенные в этой работе: из 2772 погребений в 902-х были найдены фибулы, всего 1045 шт. Приводимые здесь данные отражают состояние базы на 2021 г.

[10] При указании хронологии фибул Альфёльда использованы каталоги фибул римских провинций и германского Барбарикума, в частности: Peškař 1972; Ettlinger 1973; Jobst 1975.

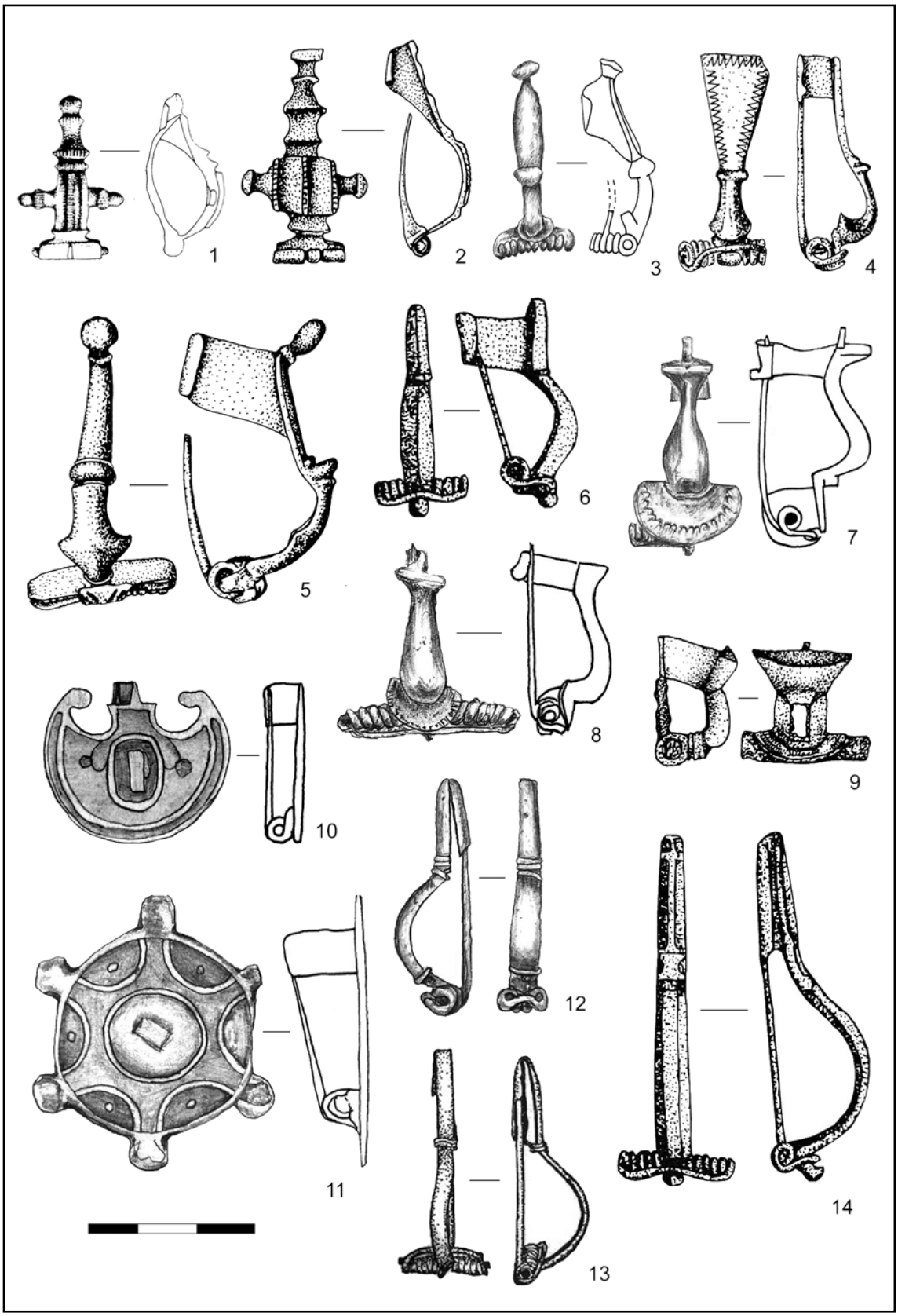

Рис. 7. Фибулы из сарматских памятников Альфёльда.

Fig. 7. Brooches from the Sarmatian sites of the Great Hungarian Plain.

чин, эти застежки чаще зафиксированы в женских погребениях. То же самое можно сказать о редких типах (римские броши в форме фигурок животных, клещевидные, якоревидные, фибулы с луковичными кнопками), которым сарматские женщины отдавали предпочтение. Единственный тип застежек, которые носили почти исключительно женщины, иногда дети, — это различные броши с эмалью или вставками (рис. 7: 10, 11). Шарнирные фибулы, украшенные эмалью на спинке, появляются уже на рубеже I—II вв., а собственно броши — с середины II в., но главный их наплыв наблюдается после Маркоманнских войн. В моде они остаются в течение всего III в. (Vaday 1989: 81—86). Дисковидные фибулы и броши других форм (овальные, прямоугольные) сделаны из двух пластин, скрепленных в большинстве случаев оловянно-свинцовой массой, верхняя пластина украшалась вставкой из стекла, янтаря или полудрагоценных камней. Предполагается, что они изготавливались в сарматских мастерских: все они индивидуальны, что говорит об отсутствии серийного производства, характерного для провинциальных римских мастерских (Istvánovits, Kulcsár 2022).

В сарматских погребениях Альфёльда изредка встречаются германские типы фибул (их меньше десятка), поступавших от носителей пшеворской культуры или из квадской среды (рис. 7: 9). Но их небольшое количество не позволяет говорить ни о сознательном импорте этих застежек, ни о серьезном германском влиянии на сарматский костюм. За одним исключением (Хевиздьёрк / Hévízgyörk, погр. 28, в котором германские вещи чередуются с редкими, типично степными находками), все они найдены в женских могилах. При наличии более репрезентативного количества, возможно, будут основания предполагать, что речь идет о женах германского происхождения.

Начало использования фибул у сармат Альфёльда

Наиболее ранний период расселения сармат в Карпатском бассейне, т. н. «золотой горизонт», относится к концу I — началу II вв. Хронология этой фазы дискуссионна. С точки зрения нашей темы примечательно, что Андраш Мочи предложил выделять ранний этап на основании отсутствия фибул в погребениях. Он считал, что сарматы, прибывшие в долину Тисы, будучи кочевниками, не пользовались этим элементом костюма, и в то же время еще не получали римских импортных вещей (Mócsy 1954: 115). Сегодня мы знаем, что мнение А. Мочи не подкрепляется фактами. Известно три погребения, надежно датирующихся этим временем, в которых были найдены фибулы [11]. Из них происходят две шарнирные застежки (Мезёчат-Хёрчёгёш / Mezőcsát-Hörcsögös, погр. 63 и Уйсильваш-Гойяйараш / Újszilvás-Gólyajárás) (рис. 7: 1, 2), и одна фрагментированная сильнопрофилированная (рис. 7: 3) (Фюзешабонь-Каштей-дюлё / Füzesabony-Kastély-dűlő, погр. 140) (Istvánovits, Kulcsár 2017: Fig. 3). Пока нерешенным остается вопрос о том, принесли ли мигранты с собой в Альфёльд сами вещи или только обычай их ношения. Для решения этой проблемы необходим детальный анализ типов [12]. По крайней мере, типологически три альфёльдские фибулы находят соответствия в восточном степном материале.

В этой связи нужно упомянуть еще два комплекса. Один из них был открыт на квадо-сарматском пограничье, в Хурбаново / Hurbanovo (Словакия), и представляет собой типичный комплекс «золотого горизонта» язигов. Он включает в себя две шарнирные фибулы — в виде ромба и в виде лунницы (Rajtár 2013: 137—138). Аналогичная фибула-лунница происходит из погребения с дискуссионной, но по нашему мнению также ранней датировкой из могильника Будапешт-Х. Керестури ут 162 / Budapest-X. Keresztúri út 162 (Istvánovits, Kulcsár 2017: 208—210, Fig. 160; Istvánovits, Kulcsár 2018: 212, 213). Эти фибулы являются наиболее ранними во всем алфёльдском материале. Такие типы встречаются на всей территории Римской империи, но не слишком часто. Их датируют в первую очередь эпохой Клавдия, но они продолжают бытовать и во времена Флавиев, то есть ими пользуются вплоть до конца I в. н. э. (Riha 1979: 181—183, типы 7.4 и 7.5). Встречаются такие застежки и в степном материале, а также в Крыму [13].

[11] Еще в двух случаях присутствие в комплексах фибул латенской схемы объясняется смешением материала.

[12] Ранее мы уже обращались к этой теме, см. обобщающую работу: Istvánovits, Kulcsár 2017: 197.

[13] А. К. Амброз отметил присутствие фибул с ромбическим щитком в первую очередь в Крыму (Амброз 1966: 33, табл. 15: 5). Они соответствуют типам 13: 3 (ромбическая) и 13: 6 (в виде лунницы) В. В. Кропотова. К сожалению, в монографии В. В. Кропотова нет данных по ареалам конкретных подвидов, но главным центром распространения шарнирных фибул попрежнему считается Крым, в первую очередь — юго-западная часть полуострова (Кропотов 2010: 302—305, рис. 91).

Но даже с учетом этих данных все же не ясно, принесли ли сарматы эти вещи в Карпатский бассейн с собой или уже приобрели их на новой родине. Естественно, пяти находок недостаточно для далеко идущих выводов, но нужно отметить, что подавляющее большинство погребений, причисленных к ранней эпохе, принадлежит женщинам. Только одно погребение с фибулой принадлежало мужчине-воину. В трех случаях в могилах обнаружено по одной фибуле на грудной клетке: у женщин — в центре, у мужчины — на правой стороне[14]. Пол хурбановского погребенного не установлен, две фибулы были найдены в районе шеи. Расположение будапештской фибулы не ясно, костные остатки Иштван Кисели определил как мужские (Nagy 2007: 95—96).

Как уже упоминалось, исследователи считают наиболее ранним периодом в Альфёльде т.н. «золотой горизонт». Датировка этих комплексов основывается на данных письменных источников. Анализируя вещи из погребений, мы вынуждены констатировать, что сами по себе на основании археологических методов они датируются не ранее конца I в. н. э. — рубежа I—II вв.[15] Однако на рубеже веков уже появляются погребения, которые совсем не содержат или содержат только в малом количестве (по одной бусине) находки, характерные для «золотого горизонта». К таковым принадлежит погребение из Калло / Kálló, где были найдены две сильнопрофилированные фибулы (Vaday 2016).

Широкое рапространение фибул у альфёльдских сармат

К середине II в. — учитывая относительно небольшое число погребений этого времени — фибулы получают широкое распространение. Так же, как и в более ранний период, это главным образом римские типы. За исключением нескольких серебряных экземпляров большинство фибул этого времени изготовлены из бронзы. Как и раньше, в костюме присутствует по одной фибуле, в редких случаях — по две.

Из-за сильной ограбленности могил, а также трудностей, связанных с двойной, а то и тройной датировкой[16], в дальнейшем при анализе способа ношения и материала застежек мы не будем выделять узких хронологических периодов от времени широкого распространения фибул до конца сарматской эпохи, отдельные изменения проявляются только в некоторых случаях. Мы также не будем рассматривать вопрос о том, откуда (Паннония, Дакия, Мёзия, германские территории, контакты со степными сарматами) и каким образом (торговля, трофеи и т.д.) отдельные застежки попадали в Альфёльд. В данном случае нас интересует только способ ношения фибул. Отдельный вопрос — могут ли фибулы считаться неотъемлемым элементом костюма, и повсеместно ли они распространены у сармат Альфёльда, а также связано ли это с чьим-то влиянием. При анализе материала мы опирались, главным образом, на находки из крупных могильников, серьезной основой послужила также база данных погребений алфёльдских сармат (см. сноску 9). Поскольку каждое третье, фигурирующее в базе данных захоронение сопровождалось фибулой, можно с полным правом считать этот тип вещей обычным элементом сарматского костюма Карпатского бассейна.

Распределение фибул по полу

Как уже отмечалось, в раннем периоде фибулы обнаружены в первую очередь как элементы женского костюма, хотя в виде исключения они зафиксированы и в мужских могилах. Если принимать во внимание всю сарматскую эпоху, можно сказать, что застежки были характерны как для женского, так и для мужского костюма (Kulcsár 1998: 52). Наименьшее количество фибул находят в детских могилах. Распределение фибул по погребениям с антропологически установленным полом умерших отражено в табл. 6[17].

Однако, нельзя упускать из виду, что эту картину основательно искажают ограбленные могилы (малочисленные сохранившиеся в них кости не пригодны для антропологического анализа). По нашим наблюдениям, женские могилы — явно из-за присутствия украшений из драгоценных металлов — грабили чаще, чем мужские. В то же время мы долж-

[14] Мезёчат (женщина) (Vaday 1984: 170), Фюзешабонь (женщина) (Farkas 2000: 17), Уйсильваш (мужчина) (Tari 1994: 259).

[15] Андреа Вадаи называет этот период второй фазой, когда сарматы попали в поле зрения римлян (Vaday 1989: 75—76).

[16] Время производства и использования фибулы на территории изготовления, попадания к сарматам Карпатского бассейна, попадания в погребение.

[17] Здесь мы можем принять во внимание только те погребения, которые были определены антропологически, а это меньше, чем половина комплексов с фибулами.

ны отметить, что определение пола на основании археологических находок «сдвигает» статистику в женскую сторону, так как часто район ног с рядами бус, украшавших подол платья, штаны или обувь, сохраняется *in situ* и после ограбления, поэтому половая принадлежность таких погребений очевидна. С учетом этого факта в таблице 7 приведены данные по материалам могильника Ньиредьхаза-Дьебраш-танья / Nyíregyháza-Gyebrás-tanya [18] в соответствии с определением пола погребенных по инвентарю, но для наглядности в скобках приводим и статистику антропологов.

Наиболее существенная разница наблюдается в случае детских погребений, обусловленная плохой сохранностью костяков. Антропологически они не выявляются, и мы их определяем на основании размеров могильных ям. Судя по антропологическим данным, фибулы одинаково характерны для мужчин и женщин, но исходя из археологических реалий, женских захоронений с фибулами на 3% больше, а у мужчин и детей количество фибул одинаково. Эти данные показывают, что нужно быть осторожными в анализе такого рода. В любом случае очевидно, что фибулы типичны для костюма женщин, мужчин и детей, существенная разница есть только в количестве этих аксессуаров.

В Ньиредьхазском могильнике (Nyíregyháza-Gyebrás-tanya) в 49 погребениях, содержавших застежки, в шести или семи случаях [19] были найдены по две фибулы, в двух случаях — по три. Это означает, что самым распространенным было ношение одной фибулы. Две фибулы зафиксированы в трех или четырех случаях у женщин, в двух случаях у детей и только один раз в мужском погребении (погр. 297). Правда, в последнем у черепа расчищено 27 бусин, что вызывает сомнения в правильности антропологического определения. Одно из погребений с тремя фибулами принадлежало ребенку (*juvenis*?) [20], остальные два — женщинам, то есть у мужчин этот способ использования фибул пока не наблюдается. Фибулы не парные, часто одна из них или обе — броши, эмалевая или дисковидная. Вероятно поэтому не случайно, что эти более декоративные вещи отсутствуют у мужчин.

Если принять во внимание другие памятники, вырисовывается немного иная картина. Например, в крупнейшем опубликованном могильнике Мадараш / Madaras, где хоронили с рубежа II—III вв. до рубежа IV—V вв., 49% женщин носили фибулу, что в целом соответствует альфёльдской традиции. Но в отличие от общей картины (37%) здесь только 28% мужских погребений с фибулами, а детских — почти половина, что необычайно много (Kőhegyi, Vörös 2011: 264, 279, 297). В Ньиредьхазском некрополе (большинство погребений относятся ко II — концу III в.) пропорции иные. Здесь из 140 исследованных могил только в 50 были фибулы (36%), что более или менее соответствует обычной пропорции $^{1}/_{3}$. Но из них 22 погребения принадлежали женщинам (44% «фибульных» погребений), 12 — мужчинам (24%), и только 13 — детям или подросткам (26%) (еще в трех случаях пол не определен). Но в обоих приведенных примерах видно, что у детей фибулы присутствовали чаще, чем у мужчин. В четырех случаях застежки из мужских погребений изготовлены из железа, две железные фибулы встречены в женских погребениях, у детей таких не зафиксировано.

Приведем еще статистику из более позднего некрополя Юллё 5 / Üllő 5 [21], в котором открыто 94 комплекса. В 35 из них найдено 40 фибул, то есть эти вещи сопровождали 37% всех погребений. В данном случае распределение фибул по половому признаку соответствует общей картине, но по материалу застежек наблюдается существенное преобладание железных изделий у мужчин (табл. 8).

В крупном могильнике Будапешт-Пецели ут / Budapest-Péceli út (Nagy 2018) из 244 погребений фибулы были найдены в 63, т. е. в 26% изученных комплексов (табл. 9). Как видно из таблицы, у всех погребенных доминируют изделия из бронзы. Но у мужчин гораздо чаще, чем у женщин и детей, встречаются железные фибулы, при этом у них нет застежек из серебра. Вероятно, такая ситуация связана с тем, что в позднеримское время мужчины отдавали предпочтение железным аксессуарам костюма (например: Istvánovits, 1993: 116).

[18] Неопубликованные раскопки Э. Иштванович.

[19] Определение железного фрагмента как фибулы, из ограбленного погребения дискуссионное.

[20] Публикация и анализ погребения: Istvánovits, Merczi 2020.

[21] Неопубликованные раскопки Валерии Кульчар и сотрудников.

Таблица 6.

Распределение фибул в зависимости от пола и возраста погребенного

Пол	Всего погребений с антропологическим определением	Погребения с фибулами	Кол-во фибул	Материал фибул*			
				Au	Ag	Бронза	Fe
Женщина	610	207 (34%)	265	1	45	190	28
Мужчина	449	155 (34%)	165	—	10	85	69
Ребенок	320	57 (18%)	63	—	10	40	9
Всего	**1379**	**419 (30%)**	**493**	**1**	**65**	**315**	**106**

* Материал недостающих фибул неизвестен.

Таблица 7.

Распределение фибул в погребениях могильника Ньиредьхаза-Дьебраш-танья

Пол	Все погребения	Погребения с фибулами*	Кол-во фибул	Материал фибул **			
				Au	Ag	Бронза	Fe
Женщина	48 (31)	20 (14) — 42 (45)%	25 или 26	—	4	13+7 эмалевых	1 или 2
Мужчина	36 (38)	14 (17) — 39 (45)%	15	—	1	9	5
Ребенок	39 (16)	15 (13) — 38,5 (94)%	19	—	4	11+3 эмалевых	1
Не определен	27	—	—	—	-	—	—
Всего	**152 (85)**	**49 (44) — 32 (29)%**	**59 или 60**		**9**	**33+10 эмалевых**	**7 или 8**

* Первое данное (цифра и процент) обозначает женский пол, определенный на основании находок; второе обозначает число и процентное соотношение женских погребений, определенных антропологом. То же самое в следующем столбце.

** Материал недостающих экземпляров неизвестен.

Таблица 8.

Материал фибул из могильника Юллё 5

Пол	Все погребения	Погребения с фибулой	Кол-во фибул	Ag	Бронза	Fe
Женщина	34	9 (26%)	17	5	11	1
Мужчина	29	5 (17%)	11	—	1	10
Ребенок	15	3 (20%)	4	—	2	2
Не определен	11	6	6	1	—	5

* Материал недостающих экземпляров неизвестен.

Таблица 9.

Материал фибул из могильника Будапешт-Пецели ут

Пол	Все погребения	Погребения с фибулой	Кол-во фибул	Ag	Бронза	Fe
Женщина	81	23	32	5	23	3
Мужчина	67	29	30	—	18	12
Ребенок	68	11	12	1	8	3
Не определен	65	—	—	—	—	—
Всего	**281***	**63**	**74**	**6**	**49**	**18**

* Несоответствие числа погребений и индивидов происходит за счет того, что ряд погребений содержал несколько скелетов.

Способ ношения

Для алфёльдских сармат изначально характерен костюм с одной фибулой. Но уже с середины II в. появляются — хотя и в небольшом количестве — погребения с непарными фибулами разных типов. К таковым относятся, например, погр. 2 из могильника Калло, погр. 31 (Vaday 2016: 761); Мезёкёвешд-Патакра йаро дюлё / Mezőkövesd-Patakra járó dűlő (фибулы лежали на правом плече и шее) (Patay 2003: 136), погребения 71 (застежки располагались с двух сторон от шейных позвонков) и 369 (на шее рядом друг с другом) Ньиредьхазского некрополя. Этот вопрос заслуживает более детального изучения. Согласно общепринятому мнению, в раннюю эпоху переселения народов пара фибул на плечах является признаком характерного германского костюма. Застежки служат для скрепления пеплоса, а корни такого способа ношения уходят к носителям вельбаркской и черняховской культур (Мастыкова 2011: 342). Однако использование двух фибул не чуждо и сарматам. Раннее появление этого обычая в Альфёльде показывает, что в данном случае о вельбаркском или черняховском влиянии речи идти не может. В то же время в степном костюме этот элемент редок, и в тех случаях, где такая ситуация фиксируется, застежки принадлежат к верхней и нижней одежде, а не к пеплосу. Рассмотрим, что нам известно в этом отношении о костюме алфёльдских сармат [22].

Прежде всего нужно отметить случаи, когда фибула не скрепляла одежду. Например, в пружине фибулы из могильника Тисадоб / Tiszadob найдена нить, при помощи которой вещь пришивалась к одежде (Istvánovits 1993: 38). Поскольку до реставрации находки недостаточно детально изучаются, неизвестно, насколько широко был распространен такой способ ношения фибул. В качестве броши, пришитой к одежде, могли пользоваться фибулой из Эгерлёвё / Egerlövő: на иглу были нанизаны бусы [23], что исключало возможность применять застежку по прямому назначению. Здесь можно упомянуть и те экземпляры, которые попали в погребение уже без игольной конструкции, то есть явно не могли скреплять одежду (например, погр. 102 из Ньиредьхаза-Дьебраш-таньа, погр. 848 из Деречке-Дарабош-дюлё / Derecske-Darabos-dűlő [24], погр. 187 из Будапешт-Пецели ут, погр. 8 из Хунедоара-Тимишана / Hunedoara-Timişană, погр. 56 из Мезёсемере-Кишмари-фенек / Mezőszemere-Kismari-fenék) [25]. К этому же кругу относятся неограбленные могилы из могильника Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát (VI/1, VI/8 и XI/22), где кроме целой фибулы нашли по фибульной пружине. В двух случаях пружины были найдены у шеи между бусами и на груди, в одном случае точное расположение неизвестно. Хотя из трех погребений одно принадлежало мужчине, возможно эти части фибул использовались вторично как элемент костюма (украшение шеи, низка бус).

Как уже отмечалось, из-за ограблений способ ношения часто невозможно определить, но в течение всего сарматского времени в алфёльдской моде самым распространенным остается костюм с одной фибулой. У погребенных обоих полов она находится чаще всего на груди или под подбородком. У мужчин немного больше случаев нахождения у плеча, соотношение расположения у плеча и груди примерно одинаковое, у женщин минимально преобладает область груди. Женщины и мужчины носили фибулы на правой и на левой стороне почти в одинаковой мере (Kulcsár 1998: 52). Использование нескольких фибул типично скорее для женщин, в мужских и детских захоронениях они встречаются намного реже. Например, в некрополе Мадараш по две фибулы расчищено в восьми женских погребениях и только в одном детском, а у мужчин не обнаружено вовсе (Kőhegyi, Vörös 2011: 297). Две фибулы встречаются редко в течение всего сарматского времени, а три и больше — только в исключительных случаях. Это относится ко всем половозрастным группам.

Иногда в могилах фибула располагается в районе бедра, таза, запястья или руки умершего. В погр. 102 могильника Ньиредьхаза-Дьебраш-танья с захоронением юноши 14—16 лет застежка явно скрепляла сумку. Вероятно, то же самое мы видим в мужском погр. 1 из Сольнок-Сандасёлёш / Szolnok-

[22] Тем более, что сарматы несомненно продолжали свое алфёльдское существование и в гуннский период. Поскольку данной деталью сарматского костюма этого времени пока никто не занимался, остается вопросом их возможная роль в формировании костюма ранней эпохи переселения народов.

[23] Устное сообщение автора раскопок Эмеше Ловас.

[24] Неопубликованные раскопки Э. Иштванович.

[25] Часто ситуация не однозначна, так как для того, чтобы точно определить, попал ли предмет в могилу уже обломком, нужны очень внимательные полевые наблюдения.

Szandaszőlős, где железная фибула лежала вместе с бронзовой монетой Максимиана, железным кольцом, ножом и другими железными фрагментами рядом с кистью руки (Vaday 1989: 270). По одной фибуле у таза или между бедренными костями отмечено у детей (Дьял 7/b/Gyál 7/b, погр. 678 — у правого бедра), у мужчин (Ньиредьхаза-Рожрет / Nyíregyháza-Rozsrét, погр. 364 — под правым бедром; Юллё 5, погр. 4913 — между бедрами с поясным набором) и женщин (чаще всего в некрополе Будапешт-Пецели ут: погр. 220 — молодая девушка, правое бедро, погр. 186 —— левое бедро; Сольнок-Санда-Нетовабб чарда / Szolnok-Szanda-Netovább csárda погр. 3 — правое бедро, Сентеш-Киштёке / Szentes-Kistőke погр. 111 — между бедрами). У этих фибул могла быть и другая функция. Например, в погр. 10 некрополя Будапешт-Пецели ут, принадлежавшем девушке 15—19 лет, декоративная застежка лежала под правой лобковой костью. Возможно, она украшала или скрепляла платье. В погр. 7 ребенка 4—5 лет могильника Хунедоара фибула располагалась на тазовых костях между бусами: возможно, ею прикрепляли к платью пояс или фартук, украшенный бусами. В погр. 285 могильника Мадараш (женщина 29—30 лет) на левом запястье расчищены бусы, а рядом с ними фибула, которая могла скреплять вышитую этими бусами манжету. В погр. 627 могильника Деречке-Дарабош-дюлё (по антропологическому определению мужчина 23—40 лет) одна фибула найдена под подбородком, вторая — между ключиц, и третья — эмалевая, без пружины и иглы — с внешней стороны левого запястья. Фибулы у таза, запястья или кисти руки встречаются начиная со II в. (например, Калло, погр. 2) вплоть до начала V в. (например, Апатфальва / Apátfalva, погр. 146 или Ньиредьхаза-Рожрет, погр. 449).

В отдельных случаях фибулы встречаются у ног погребенных. В погр. 361 могильника Мадараш найдены три фибулы, в частности две дисковидные броши, вместе с другими вещами помещенные в шкатулку (Kőhegyi, Vörös 2011: 114—115). В мужском погр. 404 из Ньиредьхаза-Рожрет с внешней стороны правой голени расчищено большое скопление бус, рядом с ними — две фибулы и гвоздик с полусферической шляпкой. Мы предполагаем, что здесь разместили в мешке женский костюм: судя по положению бус, они могли быть нашиты на одежду [26].

* * *

Фибулы активно использовались населением обоих регионов, причем как во взрослом, так и в детском костюме. В Крыму этот аксессуар появляется примерно на два столетия раньше, чем на территории Карпатского бассейна, но вплоть до середины I в. н.э. преобладал, по всей видимости, бесфибульный костюм; доминирует эта модель костюма и во второй половине III—IV вв. В ранних сарматских комплексах Альфёльда фибулы встречаются чрезвычайно редко, но уже с середины II в. и до конца сарматской эпохи застежки присутствуют повсеместно.

В Крыму и в Карпатском бассейне использовались конструктивно разные фибулы, но в обоих регионах были распространены застежки римских типов. Особенно они характерны для сармат Альфёльда, окруженных римскими провинциями. В крымских предгорьях римские фибулы типичны для первых двух столетий нашей эры, но в течение всего римского периода преобладают фибулы местного, северопричерноморского, производства. Интересно, что и в Альфёльде, и в предгорьях Крыма римские фибулы-броши использовались в основном в женском костюме, выполняя не только утилитарную, но и декоративную функцию.

Подавляющее большинство фибул в комплексах двух регионов найдено в районе груди или шеи, по одному экземпляру, что свидетельствует о доминировании однофибульного костюма, в котором застежкой скреплялась верхняя плечевая одежда, скорее всего — куртка или распашной халат. Для альфёльдских сармат двухфибульный костюм («пеплос») редок, а три фибулы и более — явления спорадические (но об этом можно судить осторожно из-за высокого процента ограбленности могил). В Крыму по две-три застежки в погребении встречаются чаще, а жители юго-западной части полуострова иногда украшали свой костюм десятками маленьких смычковых фибул, которые, скорее всего, носили декоративную функцию. Примечательно, что в обоих регионах зафиксирована традиция использовать фибулы не только для соединения краев одежды или ее декора (когда фибулы пришивались к материалу): с помощью застежек, найденных в скоплениях предметов возле рук или в районе таза, вероятно, крепились к верхней одежде сумки или мешочки, или отдельные предметы (например, зеркала в Крыму), а поломанные фибулы выполняли в погребении совершенно иную, непонятную нам роль, не связанную с прямым назначением этих изделий.

[26] Неопубликованные раскопки Марты Л. Надь.

Несмотря на значительное сходство традиций использования фибул в костюме, вряд ли можно говорить о прямых контактах или взаимовлиянии населения двух отдаленных регионов. Фибулы являлись атрибутом, характерным для всего сарматского, и не только сарматского, мира, а однофибульный костюм преобладал в римский период на обширной территории от Волги до Дуная (Хелльстрем 2017: 379). Более надежным маркером контактов жителей крымских предгорий и Карпатского бассейна может, вероятно, выступать обычай надевать на фибулу различные предметы — кольца, перстни, бусы и т. д. В Крыму этот феномен был широко распространен с середины I до середины III в. н. э., а в Альфёльде встречается крайне редко, что позволяет говорить о том, что для альфёльдских сармат этот обычай чужд и был привнесен извне. Кроме крымских предгорий, фибулы с надетыми дополнительными аксессуарами известны в I в. н. э. в некрополях оседлого населения Нижнего Дона (Косяненко 2008: 107), в женских погребениях III—IV вв. н. э. Цебельдинских могильников Абхазии (Воронов, Юшин 1979: 197—198), в Среднем Поднепровье (Калитинский 1927: 194). Две золотые фибулы, украшенные кольцами, найдены в германских погребениях середины — второй трети I в. н. э. в Северной Европе (Schuster 2013: 154—155). Однако для этих территорий такие находки единичны, в отличие от Крыма, а для германцев так же чужды, как и для альфёльдских сармат. Учитывая присутствие в сарматских памятниках Венгерской низменности некоторых типично крымских вещей или близких к ним аналогов (Храпунов и др. 2019: 21; Иштванович и др. 2020; Istvánovits, Kulcsár 2011; Иштванович, Кульчар 2019), с большой долей вероятности можно предположить, что украшенные дополнительными предметами фибулы были привнесены в Альфёльд выходцами именно из крымских предгорий.

Литература

Айбабин А. И. 1995. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году. *МАИЭТ* IV, 89—131.

Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. Москва: Наука.

Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник. *АП УРСР* XIII, 94—141.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. 1976. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I—III вв.). *СА* (4), 121—151.

Волошинов А. А., Масякин В. В. 2021. Склепы особой конструкции как индикатор связей населения юго-западного Крыма и Боспора в IV—V вв. н. э. В: Зинько В. Н., Зинько Е. А. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты*. XXII Боспорские чтения. Симферополь, Керчь: б. и., 76—85.

Высотская Т. Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в юго-западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* (2), 91—110.

Гопкало О. В., Шультце Э. 2014. Современные тенденции изучения костюма народов европейского Барбарикума периода поздней античности. *АДІУ* 3 (13), 120—140.

Гущина, И. И., Журавлев, Д. В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. В 2-х кн. Москва: ГИМ.

Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнельт Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермн) 1—3 вв. н. э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. В: Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 249—290.

Зайцев Ю. П. 1997. Склеп №390 Усть-Альминского позднескифского некрополя. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник* I. Симферополь: Таврия, 156—166.

Зайцев Ю. П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.

Зайцев Ю. П. 2018. Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая / Вишенное в Крыму. В: Синика В. С., Рабинович Р. А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Тирасполь; Кишинев: Stratum plus, 289—318.

Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. 2017. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма (первые результаты исследований). В: Зайцев Ю. П. (ред.). *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований*. Симферополь: Тарпан, 139—154.

Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. 2020. Бусы в костюме предгорного Крыма и Альфёльда в римское время. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. VI. Симферополь: «Фирма «Салта» ЛТД», 10—43.

Косяненко В. М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: АИАПМЗ.

Кропотов В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кропотов В. В. 2014. Экономические связи населения юга Восточной Европы в сарматское время (по материалам металлических застежек-фибул). *Культура народов Причерноморья* 267, 114—122.

Кульчар В., Иштванович Э., Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2020. Зеркала сарматского времени в Крыму и в Альфёльде. *Stratum plus* (4), 205—217.

Мастыкова А. В. 2011. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами. В: Шаров О. В. (ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Кишинев: Stratum plus, 341—365.

Мастыкова А. В. 2017. Броши средиземноморской тра-

диции в костюме аланского населения Северного Кавказа эпохи переселения народов. В: Алексеенко Н. А. (сост.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис*. Материалы научной конференции. IX Международный Византийский семинар. Севастополь: Институт Археологии Крыма РАН, 76—82.

Михлин Б. Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника. *СА* (3), 194—213.

Мочи А. К. 1954. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* IV, 115—128.

Мордвинцева В. И., Зайцев Ю. П. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода. *РА* (3), 135—154.

Нефедова Е. С. 1991. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма. В: Щапова Ю. Л., Яценко И. В. (ред.). *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. Москва: МГУ, 196—206.

Пуздровский А. Е. 2002. Грунтовый склеп рубежа н. э. из окрестностей Неаполя скифского. В: Толочко П. П. (ред.). *Северное Причерноморье в античное время*. Киев: Наукова думка, 162—172.

Пуздровский А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. 2021. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997—1999 годах*. Симферополь: типография Мандарин.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. 2016. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008—2014 гг.* Симферополь: ИП Бровко А. А.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. 2017. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000—2003 гг.* Симферополь: ИП Зуева Т. В.

Стоянова А. А. 2011. Аксессуары женского костюма II — первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь: Доля, 115—152.

Стоянова А. А. 2019. Некоторые итоги изучения женского костюма варварского населения Крыма римского времени. В: Зинько В. Н., Зинько Е. А. (ред.). *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь, Керчь: б. и., 542—548.

Стоянова А. А. 2021. Фибулы Опушкинского могильника и их роль в костюме (по материалам раскопок 2003—2020 гг.). *МАИЭТ* XXVI, 22—39.

Стржелецкий и др. 2003—2004: Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003—2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* (4), 27—277.

Сымонович Э. А. 1963. Фибулы Неаполя Скифского. *СА* (4), 139—152.

Сымонович Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.

Трейстер М. Ю. 1992. Кельти у Північному Причорномор'ї. *Археологія* (2), 37—50.

Хелльстрем К. 2017. К вопросу о костюме с использованием фибул на территории между Карпатами и дельтой Дона во II в. до н. э. — III в. н. э. В: Иванчик А. И., Мордвинцева В. И. (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.)*. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 371—379.

Храпунов И. Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры)*. Lublin: Wydawnictvo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Храпунов И. Н. 2005. Последние погребения в могильнике Нейзац. *МАИЭТ* XI, 169—191.

Храпунов И. Н. 2006. Погребения детей в могильнике Нейзац. *МАИЭТ* XII (1), 161—250.

Храпунов И. Н. 2007. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац. *МАИЭТ* XIII, 31—55.

Храпунов И. Н. 2008. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац. *ПИФК* XXI, 356—392.

Храпунов І. М. 2014. Підбійна могила з похованнями III—IV ст. з могильника Нейзац. *Археологія* (2), 80—91.

Храпунов И. Н. 2017. Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур*. Москва: ИА РАН, 262—272.

Храпунов И. Н. 2018. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)* IV. Симферополь: ИП Бровко А. А., 133—145.

Храпунов И. Н. 2020. Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 19 (2), 247—272.

Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А. 2019. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и Альфёльде. *МАИЭТ* XXIV, 12—34.

Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А. 2020. Оружие сарматского времени в Крыму и Альфёльде. *МАИЭТ* XXV, 5—24.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник* I. Симферополь: Таврия, 76—155.

Храпунов И. Н., Мульд С. А. 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры. *ПИФК* XIV, 239—269.

Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. 2009. *Позднескифский склеп из могильника Опушки*. Симферополь: Доля.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2018. Погребение с гривной из могильника Нейзац. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)* IV. Симферополь: ИП Бровко А. А., 102—115.

Храпунов И. Н, Стоянова А. А. 2020. Каменный склеп из могильника Опушки. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)* VI. Симферополь: «Фирма «Салта» ЛТД», 66—112.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2021. Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 20 (1), 217—250.

Ettlinger E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke.

Farkas Cs. 2000. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony-Kastély dűlő I.). In: Petercsák T., Váradi A. (Szerk.). *A népvándorláskor fiatal kutatóinak*

kilencedik konferenciája. Eger: Dobó István Vármúzeum, 15—50.

Jobst W. 1975. *Die römischen Fibeln aus Lauriacum. Forschungen in Lauriacum* 10. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum.

Istvánovits E. 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 45, 91—141.

Istvánovits E., Kulcsár V. 2001. Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior. In: Istvánovits E., Kulcsár V. (eds.). *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st—5th centuries A.D.* Múzeumi Füzetek (Aszód) 51. — Jósa András Múzeum Kiadványai 47. Aszód; Nyíregyháza: Jósa András Museum; Osváth Gedeon Museum Foundation, 139—169.

Istvánovits E., Kulcsár V. 2017. *Sarmatians — History and Archaeology of a Forgotten People*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Istvánovits E., Kulcsár V. 2018. *„… aligha állhat nekik bármely csatarend ellent": Egy elfelejtett nép, a szarmaták*. Nyíregyháza; Szeged: Jósa András Múzeum.

Istvánovits E., Kulcsár V. 2022. Egy újabb fibulavariáns az alföldi szarmatáknál [A new brooch variant in the material of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain]. *Antaeus* (in print).

Istvánovits E., Merczi M. 2020. Egy ritka Kárpát-medencei szarmata női viseleti elem [A rare Sarmatian female costume element from the Carpathian Basin]. In: Bíró Gy., Felföldi Sz., Pintér-Nagy K., Szebenyi T. (eds.). *Új nemzedék: a szegedi Régészeti Tanszék tehetséggondozásának elmúlt évtizedei*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 75—87.

Khrapunov I.N. 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Łuczkiewicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: Wydawnictvo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 189—217.

Khrapunov I., Stoyanova A. 2018. Fibulae in the cemetery of Nejzac. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiewicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (eds.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin: Wydawnictvo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 456—479.

Kőhegyi M., Vörös G. 2011. *Madaras-Halmok. Kr.u. 2—5. századi szarmata temető. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 1*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke.

Komlósi J. 2021. Textilmaradványok Magyarország területén a római korban. BA szakdolgozat, Szeged: Szegedi Tudományegyetem (дипломная работа бакалавра, Университет Сегеда).

Kulcsár V. 1998. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai [The burial rite of the Sarmatians of the Carpathian Basin]. *Múzeumi Füzetek* 49, 153.

Nagy M. 2007. Kora népvándorláskori sírleletek Budapest területéről [Grabfunde aus der Völkerwanderungszeit im Gebiet von Budapest]. *Budapest Régiségei* 40, 95—155.

Nagy M. 2018. *A Budapest XVII. Rákoscsaba, Péceli úti császárkori barbár temető (Kr.u. 2—4. század)* [Das barbarische Gräberfeld Budapest XVII. Bezirk, Rákoscsaba, Péceli Straße aus der jüngeren Kaiserzeit (2—4. Jahrhundert n. Chr.)] I—II. Budapest: magánkiadás.

Patay R. 2003. Korai szarmata sír Mezőkövesdről. Előzetes jelentés a Patakra-járó-dűlőben feltárt szarmata temetkezésekről [Ein frühsarmatisches Grab in Mezőkövesd (Vorbericht über die in Mezőkövesd, Patakra járó-Flurfreigelegten sarmatischen Bestattungen)]. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* IX, 135—144.

Peškař I. 1972. *Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren*. Praha: Academia.

Rajtár J. 2013. Das Gold bei den Quaden [Gold and the Quadi]. In: Hardt M., Heinrich-Tamáska O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 125—150.

Riha E. 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst* 3.

Schuster J. 2013. Byrsted — Lübsow — Mušov: Der Gebrauch von Edelmetall in germanischen Fürstengräbern der älteren Römischen Kaiserzeit. In: Hardt M., Heinrich-Tamáska O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 151 –170.

Tari E. 1994. Tari Edit: Korai szarmata sír Újszilváson [Early Sarmatian grave from Újszilvás]. In: Lőrinczy G. (Szerk.). *A kőkortól a középkorig* [Von der Steinzeit bis zum Mittelalter]. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok Igazgatósága, 259—261.

Tempelmann-Mączyńska M. 1989. *Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit*. Kraków: Jagiellonen-Universität.

Vaday A. 1984. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát-Hörcsögös. *Mitteilungen des Archäologischen Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 12—13, 167—188.

Vaday A. 1989. *Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums*. Budapest.

Vaday A. 2005. Adatok a szarmaták fémművességéhez (Tiszaföldvár-Téglagyár) = Angaben zur Metallurgie der Sarmaten (Tiszaföldvár-Téglagyár/Ziegelei). *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve* 7, 151—197.

Vaday A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén [Am Grenzgebiet des sarmatischen Barbaricums]. In: Csécs T., Takács M. (Szerk.). *Beatus homo qui invenit sapientiam*. Győr: Lekri Group Kft, 757—788.

References

Aibabin, A.I. 1995. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV, 89—131 (in Russian).

Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Corpus of Archaeological Sources D1—30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Babenchykov, V.P. 1963. In *Arkheolohichni pam'yatky URSR (Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)* XIII, 94—141 (in Ukrainian).

Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I., Loboda, I.I. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 121—151 (in Russian).

Voloshinov, A.A., Masiakin, V.V. 2021. In Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period*

antichnosti i srednevekov'ia. Novye otkrytiia, novye proekty (Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Recent Discoveries, New Projects). Series: Bosporan Readings XXII. Simferopol, Kerch: s. ed., 76—85 (in Russian).

Vysotskaia, T.N. 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' (Ust'-Alma Fortified Site and Necropolis)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Iazikov, S.V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 91—110 (in Russian).

Gopkalo, O.V., Schultze, E. 2014. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 3 (13), 120—140 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu (Belbek IV, the Roman Time Necropolis in Southwestern Crimea)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 205. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Voloshinov, A.A., Kühnelt, E., Masiakin, V.V., Mordvintseva, V.I., Firsov, K.B., Fless, F. 2007. In Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Drevniaia Tavrika (Ancient Taurica)*. Simferopol: "Universum" Publ., 249—290 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 1997. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Papers)* I. Simferopol: "Tavriia" Publ., 156—166 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. — III v.n. e.) (Scythian Neapolis (2nd Century BC — 3rd Century AD))*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Zaytsev, Yu.P. 2018. In Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letiia N.P. Tel'nova (Antiquities. Studies. Issues. Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday)*. Series: Stratum Library. Kishinev; Tiraspol: "Stratum Plus" Publ., 289—318 (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Shkribliak, I.I. 2017. In Zaytsev, Yu.P. (ed.). *Krym v epokhu ellinizma. Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveishikh arkheologicheskikh issledovanii (The Crimea in the Hellenistic Time. Cross-cultural Processes According to the Newest Archaeological Researches)*. Simferopol: Simferopol: "Tarpan" Publ., 139—154 (in Russian).

Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A. 2020. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VI. Simferopol: "Salta" Ltd., 10—43 (in Russian).

Kosianenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobiakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of Kobyakovo Fortified Site (Basing on the Materials of the Excavations in 1956—1962))*. Series: Antiquities of the Don 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Kropotov, V.V. 2014. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ia (Culture of Peoples of the Pontic Region)* 267, 114—122 (in Russian).

Kulcsár, V., Istvánovits, E., Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 205—217 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2011. In Sharov, O.V. (ed.). *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark)*. Series: Stratum plus Library. Saint Petersburg; Kishinev: High Anthropological School University; Stratum Plus P.P., 341—365 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2017. In Alekseenko, N.A. (comp.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis» (ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: "Empire" and "Polis")*. Sevastopol: "SPD Aref'ev" Publ., 76—82 (in Russian).

Mikhlin, B. Yu. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 194—213 (in Russian).

Mocsi, A.K. 1954. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* IV, 115—128 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Zaytsev, Yu.P. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 135—154 (in Russian).

Nefedova, E.S. 1991. In Shchapova, Yu.L., Iatsenko, I.V. (eds.). *Pamiatniki zheleznogo veka v okrestnostiakh Evpatorii (Iron Age Sites in the Outskirts of Yevpatoria)*. Moscow: Moscow State University, 196—206 (in Russian).

Puzdrovskii, A.E. 2002. In Tolochko, P.P. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia (North Black Sea Area in Classical Period)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 162—172 (in Russian).

Puzdrovskii, A.E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. — III v.n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia into the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Puzdrovskii, A.E., Trufanov, A.A., Zaytsev, Yu.P., Nenevolia, I.I. 2021. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 1997—1999 godakh (Field Investigations on the Ust'Alma Necropolis in 1997—1999)*. Simferopol: "Mandarin" Publ. (in Russian).

Puzdrovskii, A.E., Trufanov, A.A. 2016. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2008—2014 gg. (Field Investigations on the Ust'Alma Necropolis in 2008—2014)*. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ. (in Russian).

Puzdrovskii, A.E., Trufanov, A.A. 2017. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2000—2004 gg. (Field Investigations on the Ust'Alma Necropolis in 2000—2004)*. Simferopol; Moscow: "Zueva T.V." Publ. (in Russian).

Stoianova, A.A. 2011. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Issledovaniia mogil'nika Neizats (Research of the Neusatz Necropolis)*. Simferopol: "Dolia" Publ., 115—152 (in Russian).

Stoianova, A.A. 2019. In Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (ed.). *XX Bosporskie Chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanii (20th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages: Main Results and Perspectives of Research)*. Simferopol, Kerch: s. ed., 542—548 (in Russian).

Stoianova, A.A. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXVI, 22—39 (in Russian).

Strzheletskii, S.F., Vysotskaia, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I., 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 27—277 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 139—152 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolia Skifskogo) (Population of the Capital of Late-Scythian Kingdom (Basing on the Materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapolis))*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Treister, M. Yu. 1992. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 37—50 (in Ukrainian).

Hellström, K. 2017. In Ivanchik, A.I., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Krymskaia Skifiia v sisteme kul'turnykh sviazei mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. — VII v.n. e.) (The Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West: 3rd Century BC — 7th Century AD)*. Simferopol: "Zueva T.V." Publ., 371—379 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv.n. e.) (Druzhnoe Burial Ground (3rd—4th Centuries AD))*. Series: Kokowski, A. (ed.). Monumenta Studia Gothica II. Lublin: Wydawnictvo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2005. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XI, 169—191 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2006. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XII (1), 161—250 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2007. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIII, 31—55 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2008. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* XXI, 356—392 (in Russian).

Khrapunov, I.M. 2014. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 80—91 (in Ukrainian).

Khrapunov, I.N. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S.

(eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 262—272 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* IV. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ., 133—145 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (2), 247—272 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A.A. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXIV, 12—34 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A.A. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 5—24 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Masiakin, V.V., Mul'd, S.A. 1997. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Papers)* I. Simferopol: Tavriia, 76—155 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* XIV, 239—269 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A., Stoianova, A.A. 2009. *Pozdneskifskii sklep iz mogil'nika Opushki (Late Scythian Crypt from the Opushki Burial Ground)*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* IV. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ., 102—115 (in Russian).

Khrapunov I. N, Stoianova, A.A. 2020. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VI. Simferopol: "Salta" Ltd Publ., 66—112 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (1), 217—250 (in Russian).

Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke.

Farkas, Cs. 2000. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony-Kastély dűlő I.). In Petercsák, T., Váradi, A. (Szerk.). *A népvándorláskor fiatal kutatóinak kilencedik konferenciája*. Eger: Dobó István Vármúzeum, 15—50.

Jobst, W. 1975. *Die römischen Fibeln aus Lauriacum. Forschungen in Lauriacum* 10. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum.

Istvánovits, E. 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 45, 91—141.

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2001. Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior. In Istvánovits, E., Kulcsár, V. (eds.). *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st—5th centuries A.D.* Múzeumi Füzetek (Aszód) 51. — Jósa András Múzeum Kiadványai 47. Aszód; Nyíregyháza: Jósa András Museum; Osváth Gedeon Museum Foundation, 139—169.

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2017. *Sarmatians — History and Archaeology of a Forgotten People*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2018. *„… aligha állhat nekik bármely csatarend ellent": Egy elfelejtett nép, a szarmaták*. Nyíregyháza; Szeged: Jósa András Múzeum.

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2022. Egy újabb fibulavariáns az alföldi szarmatáknál [A new brooch variant in the material of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain]. *Antaeus* (in print).

Istvánovits, E., Merczi, M. 2020. Egy ritka Kárpát-medencei szarmata női viseleti elem [A rare Sarmatian female costume element from the Carpathian Basin]. In Bíró, Gy., Felföldi, Sz., Pintér-Nagy, K., Szebenyi, T. (eds.). *Új nemzedék: a szegedi Régészeti Tanszék tehetséggondozásának elmúlt évtizedei*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 75—87.

Khrapunov, I.N. 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In Niezabitowska-Wiśniewska, B., Juściński, M., Łuczkiewicz, P., Sadowski, S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: Wydawnictvo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 189—217.

Khrapunov, I., Stoyanova, A. 2018. Fibulae in the cemetery of Nejzac. In Niezabitowska-Wiśniewska, B., Łuczkiewicz, P., Sadowski, S., Stasiak-Cyran, M., Erdrich, M. (eds.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin: Wydawnictvo Universytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 456—479.

Kőhegyi, M., Vörös, G. 2011. *Madaras-Halmok. Kr.u. 2—5. századi szarmata temető. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 1*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke.

Komlósi, J. 2021. Textilmaradványok Magyarország területén a római korban. BA szakdolgozat, Szeged: Szegedi Tudományegyetem.

Kulcsár, V. 1998. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai [The burial rite of the Sarmatians of the Carpathian Basin]. *Múzeumi Füzetek* 49, 153.

Nagy, M. 2007. Kora népvándorláskori sírleletek Budapest területéről [Grabfunde aus der Völkerwanderungszeit im Gebiet von Budapest]. *Budapest Régiségei* 40, 95—155.

Nagy, M. 2018. *A Budapest XVII. Rákoscsaba, Péceli úti császárkori barbár temető (Kr.u. 2—4. század)* [Das barbarische Gräberfeld Budapest XVII. Bezirk, Rákoscsaba, Péceli Straße aus der jüngeren Kaiserzeit (2—4. Jahrhundert n. Chr.)] I—II. Budapest: magánkiadás.

Patay, R. 2003. Korai szarmata sír Mezőkövesdről. Előzetes jelentés a Patakra-járó-dűlőben feltárt szarmata temetkezésekről [Ein frühsarmatisches Grab in Mezőkövesd (Vorbericht über die in Mezőkövesd, Patakra járó-Flurfreigelegten sarmatischen Bestattungen)]. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* IX, 135—144.

Peškař, I. 1972. *Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren*. Praha: Academia.

Rajtár, J. 2013. Das Gold bei den Quaden [Gold and the Quadi]. In Hardt, M., Heinrich-Tamáska, O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 125—150.

Riha, E. 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst* 3.

Schuster, J. 2013. Byrsted — Lübsow — Мильов: Der Gebrauch von Edelmetall in germanischen Fürstengräbern der älteren Römischen Kaiserzeit. In Hardt, M., Heinrich-Tamáska, O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 151—170.

Tari, E. 1994. Tari Edit: Korai szarmata sír Újszilváson [Early Sarmatian grave from Újszilvás]. In Lőrinczy, G. (Szerk.). *A kőkortól a középkorig* [Von der Steinzeit bis zum Mittelalter]. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok Igazgatósága, 259—261.

Tempelmann-Mączyńska, M. 1989. *Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit*. Kraków: Jagiellonen-Universität.

Vaday, A. 1984. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát-Hörcsögös. *Mitteilungen des Archäologischen Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 12—13, 167—188.

Vaday, A. 1989. *Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums*. Budapest.

Vaday, A. 2005. Adatok a szarmaták fémművességéhez (Tiszaföldvár-Téglagyár) = Angaben zur Metallurgie der Sarmaten (Tiszaföldvár-Téglagyár/Ziegelei). *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve* 7, 151—197.

Vaday, A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén [Am Grenzgebiet des sarmatischen Barbaricums]. In Csécs, T., Takács, M. (Szerk.). *Beatus homo qui invenit sapientiam*. Győr: Lekri Group Kft, 757—788.

Статья поступила в сборник 31 мая 2022 г.

Eszter Istvánovits (Nyíregyháza, Hungary). Doctor. Jósa András Museum [1].
Иштванович Эстер (Ньиредьхаза, Венгрия). Доктор. Музей им. Андраша Йожа.
E-mail: istvanov@josamuzeum.hu
ORCID: 0000-0002-8979-4622

Valéria Kulcsár (Szeged, Hungary). Doctor. University of Szeged [2].
Кульчар Валерия (Сегед, Венгрия). Доктор. Сегедский университет.
E-mail: vkulcsar58@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4351-9227

Anastasia Stoianova (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences [3].
Стоянова Анастасия Анзоровна (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Институт археологии Крыма Российской Академии наук.
E-mail: ancient2008@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8364-6135

Addresses: [1] Benczúr tér, 21, Nyíregyháza, 4400, Hungary; [2] Egyetem St., 2, Szeged, 6722, Hungary; [3] Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму

Keywords: Crimea, Great Migration Period, Alans, burial ground near the village Luchistoe

Ключевые слова: Крым, эпоха Великого переселения народов, аланы, могильник у села Лучистое

A. I. Aibabin, E. A. Khairedinova

Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea

The article publishes vault 197 excavated in 2002 with burials from the end of the 4th — the first half of the 5th century from the burial ground at Luchistoe. The design of crypt 197, the elements of the funerary rite recorded in it, the details of the costume and decorations are typical for the Alanian population of the Southwestern Crimea. A burial of a warrior with the tip of a spear or a dart was found in the crypt. The warriors buried at the burial ground near Luchistoe were armed with swords (short or long), or stabbing weapons. Judging by the accompanying grave goods, the warriors armed with swords belonged to the elite, while the spearmen were ordinary members of the community.

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму

В статье публикуется раскопанный в 2002 г. склеп 197 с погребениями конца IV — первой половины V в. из могильника у с. Лучистое. Конструкция склепа 197, зафиксированные в нем элементы погребального обряда, детали костюма и украшения характерны для аланского населения Юго-Западного Крыма. В склепе выявлено погребение воина с наконечником копья или дротика. Воины, похороненные на могильнике у с. Лучистое, были вооружены мечами (короткими или длинными), либо древковым колющим оружием. Судя по сопровождающему погребальному инвентарю, вооруженные мечами воины принадлежали элите, тогда как копьеносцы являлись рядовыми представителями общины.

Могильник у села Лучистое (рис. 1: 22) начал функционировать в конце IV в. после того, как крымские равнины и предгорья были захвачены гуннами, и обитавшие там аланы переселились вглубь горного региона (Айбабин, Хайрединова 2017: 103—104). На территории могильника открыто 33 погребальных сооружения, относящихся к эпохе Великого переселения народов. Все они расположены на северо-западном склоне холма, занимаемого некрополем (Айбабин, Хайрединова 1998; 2001). В предлагаемой работе в научный оборот вводится новый комплекс начального этапа существования могильника у с. Лучистое.

Склеп 197 раскопан в 2002 г. на глубине 0,8—2,4 м от современной дневной поверхности. В результате геологических процессов часть дромоса не сохранилась, а верхняя часть коридорчика и свод камеры обрушились. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с юга на север, с небольшим отклонением к юго-востоку — северо-западу (рис. 2). С севера к камере склепа примыкает трапециевидный в плане дромос (сохранившаяся длина 1,15 м; ширина 0,8—0,95 м; стенки прослежены на высоту 0,8 м). Северный и западный борта дромоса разрушены, дно его изрезано поперечной трещиной и большей частью просело на 0,8 м. Дромос соединен с камерой склепа небольшим коридорчиком (длина 0,2 м; ширина 0,55 м), на полу которого лежат две закладные плиты размером 0,44 × 0,52 и 0,48 × 0,6 м. Одна из плит раскололась на несколько частей. Почти прямоугольная в плане, с закругленными углами камера склепа (длина 2,4—2,45; ширина 2,05—2,2 м; стенки прослежены на высоту 0,25—0,45 м) ориентирована длинной осью с юга на север. Пол ниже уровня дна дромоса на 0,3 м и разрушен несколькими поперечными трещинами, а отдельные его участки просели на 0,1—0,3 м. На полу зачищены остатки погребений женщины 20 лет (костяк 1), девушки-подростка 15 лет (костяк 2) и муж-

© А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова, 2022.
DOI: https://doi.org/10.55086/SL22323333

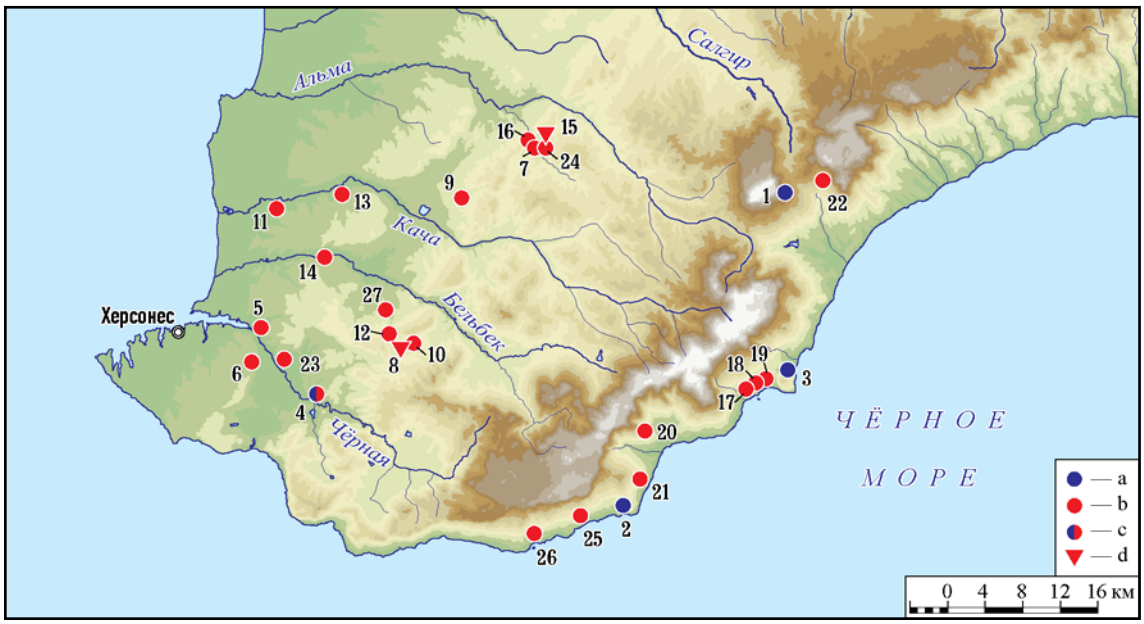

Рис. 1. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов: а — могильники с кремациями; б — могильники с ингумациями; в — биритуальный могильник; г — поселения на плато; 1 — Чатыр-Даг; 2 — Харакс; 3 — Партенит; 4 — Черная Речка; 5 — Инкерман; 6 — Килен-Балка; 7 — Озерное; 8 — Мангуп; 9 — Сувлу-Кая; 10 — Алмалык-Дере; 11 — Суворово; 12 — Карализ; 13 — Красная Заря; 14 — Карши-Баир; 15 — Бакла; 16 — Скалистое; 17 — Гурзуф; 18 — Суук-Су; 19 — Артек; 20 — Алония; 21 — Ореанда; 22 — Лучистое; 23 — Сахарная Головка; 24 — Баклинский Овраг; 25 — Кореиз; 26 — Симеиз; 27 — Красный Мак.

Fig. 1. Map. South-Western Crimea in Great Migration Period: a — burial grounds with cremations; b — burial grounds with inhumations; c — biological burial ground; d — settlements on the plateau; 1 — Chatyr-Dag, 2 — Charax, 3 — Partenit, 4 — Chernaya rechka (Black River), 5 — Inkerman, 6 — Kilen-Balka, 7 — Ozernoe, 8 — Mangup, 9 — Suvlu-Kaya, 10 — Almalyk — Dere, 11 — Suvorovo, 12 — Karalez, 13 — Krasnaya Zorya, 14 — Karshi-Bair, 15 — Bakla, 16 — Skalistoe, 17 — Gurzuf, 18 — Suuk-Su, 19 Artek, 20 — Aloniya, 21 — Oreanda, 22 — Luchistoe, 23 — Sakharnaya Golovka, 24 — Baklinsky Ovrag, 25 — Koreiz, 26 — Simeiz, 27 — Krasny Mak.

чины 35—40 лет[1] (костяк 3), похороненных вытянуто на спине, головами на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками. Все скелеты плохой сохранности — кости раздавлены грунтом обрушенного свода и частично истлели. Около левого плечевого сустава и левого тазобедренного сустава костяка девушки-подростка лежали крупные камни, которыми, скорее всего, при совершении захоронения огородили завернутое в саван тело умершей. Небольшое камни так же были подложены под правую руку (под плечо и локоть) и под правое бедро при погребении тела мужчины.

В захоронении женщины (костяк 1) около правой локтевой кости лежали бронзовая двучленная фибула из узкой пластины с прогнутой спинкой и короткой ножкой со сплошным пластинчатым приемником (длина 5,2; ширина пружины 2,8 см; рис. 3: 1), бронзовая квадратная пластинчатая подвеска с вытисненными параллельными полосами вдоль краев и пробитым круглым отверстием для подвешивания (размер 2,4×2,4 см; рис. 3: 2), а также стеклянная эллипсовидная уплощенная бусина из темно-синего полупрозрачного стекла (длина 1,1 см; рис. 3: 2).

В погребении девушки-подростка (костяк 2) обнаружены: справа у нижней челюсти — 14-гранная бусина из синего глухого стекла (длина 0,7 см; рис. 4: 1); на фалангах пальцев правой руки — бронзовое кольцо из узкой тонкой пластины с заходящими друг за друга концами (диаметр 2,0 см; рис. 4: 2); около левой пяточной кости — разломанный на 4 части и фрагментированный железный однолезвийный нож с прямой спинкой и остатками дерева на лезвии и черенке (длина 8,7 см; рис. 4: 4); около левого коленного сустава — лежавшие среди темно-коричневого органического тлена украшения: шаровидная бусина из глухого красного стекла (диаметр 0,5 см; рис. 4: 3а); бусина в форме прямоугольного парал-

[1] Возраст и пол погребенных определен В. Ю. Радочиным, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

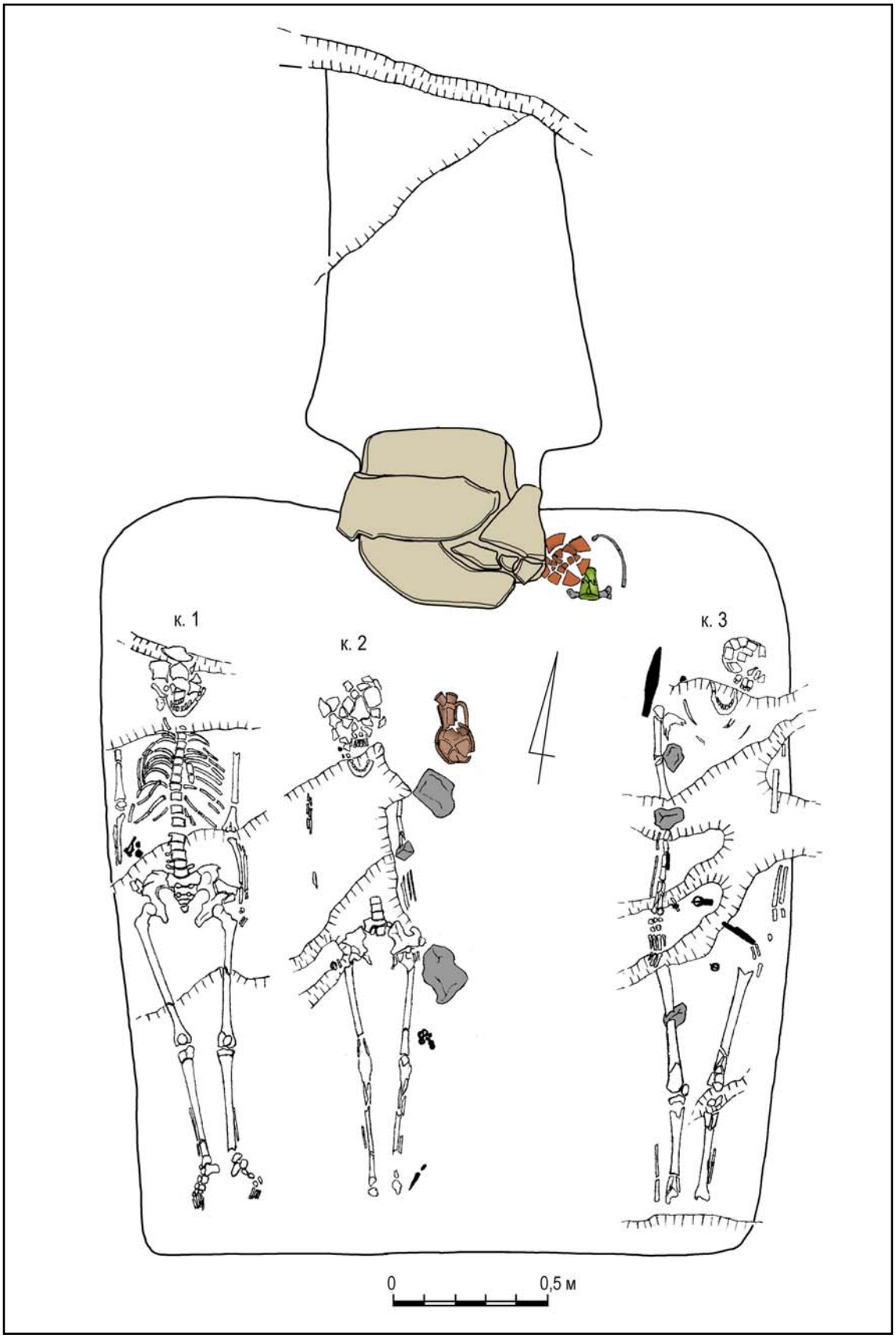

Рис. 2. Могильник у с. Лучистое. Склеп 197. Общий план.

Fig. 2. Burial ground at Luchistoe. Vault 197. General plan.

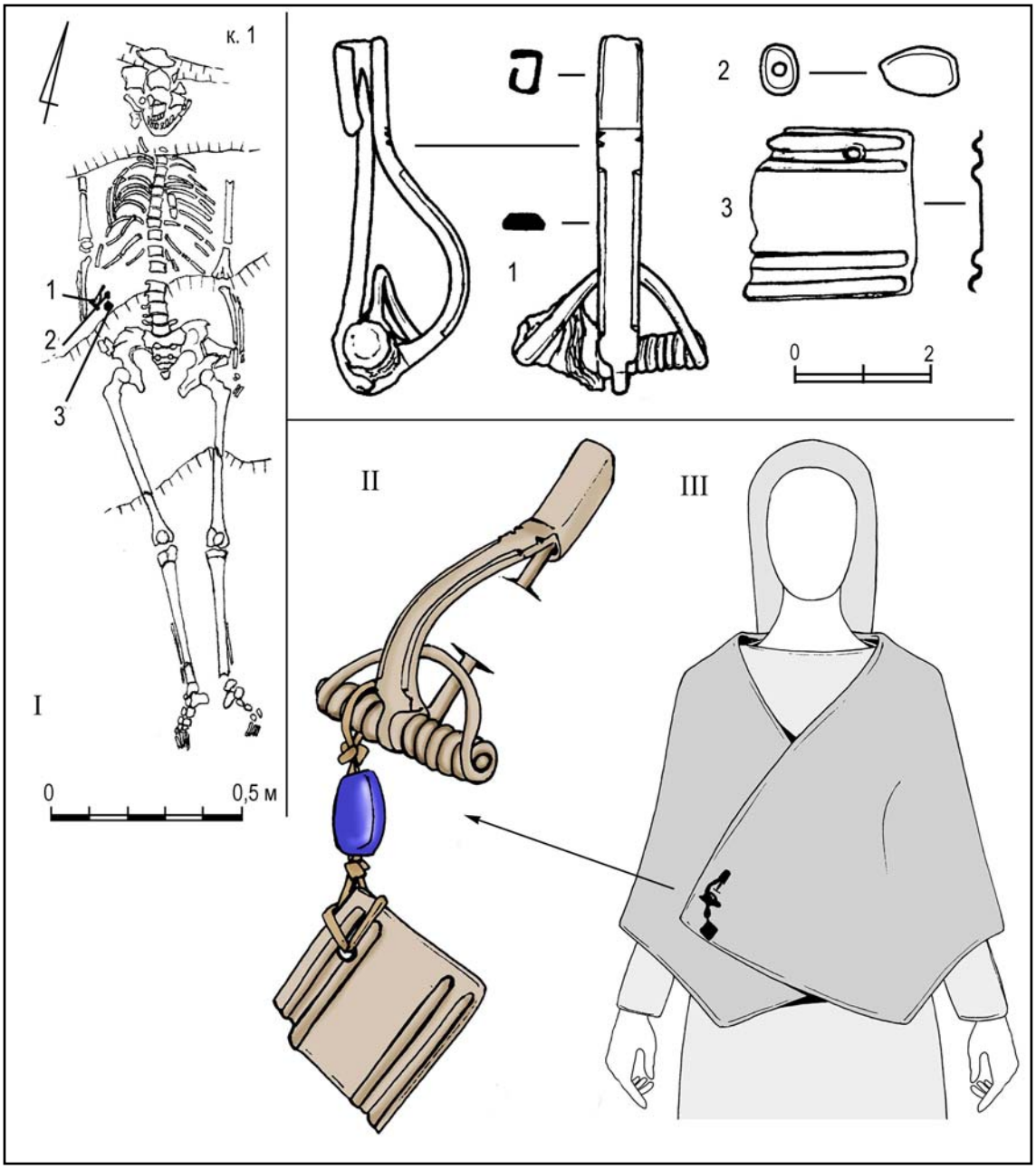

Рис. 3. Могильник у с. Лучистое. Склеп 197. Погребение 1: 1 — бронзовая фибула; 2 — стеклянная бусина; 3 — бронзовая пластина; II — реконструкция фибулы с подвесками; III — схема расположения фибулы в костюме погребенной.

Fig. 3. Burial ground at Luchistoe. Vault 197. Burial 1: 1 — bronze fibula; 2 — glass bead; 3 — bronze plate; II — reconstruction of a fibula with pendants; III — layout of the fibula in the costume of the buried.

лелепипеда из глухого красного стекла (длина 1,2 см; рис. 4: 3б); две 14-гранные бусины из синего глухого стекла (длина 0,7 см; рис. 4: 3в) и из желтого прозрачного стекла (длина 1,2 см; рис. 4: 3г); две вытянутые эллипсовидные бусины из янтаря (длина 0,9 и 2,0 см; рис. 4: 3д, е); янтарная бусина дисковидной формы (диаметр 1,4 см; рис. 4: 3ж); янтарная грибовидная подвеска (высота 2,0 см, ширина 1,6 см; рис. 4: 3к); 14-гранная пронизь из сердолика (длина 1,0 см; рис. 4: 3и); шаровидная бронзовая литая бусина (диаметр 0,7 см; рис. 4: 3з); полая шаровидная бронзовая бусина, состоящая из двух полусферических частей, отлитых с валиком вокруг широкого круглого отверстия (диаметр 2,4 см, длина 2,0; рис. 4: 3л, м) и половина аналогичной бусины (диаметр 2,4 см; рис. 4: 3н). Слева от чере-

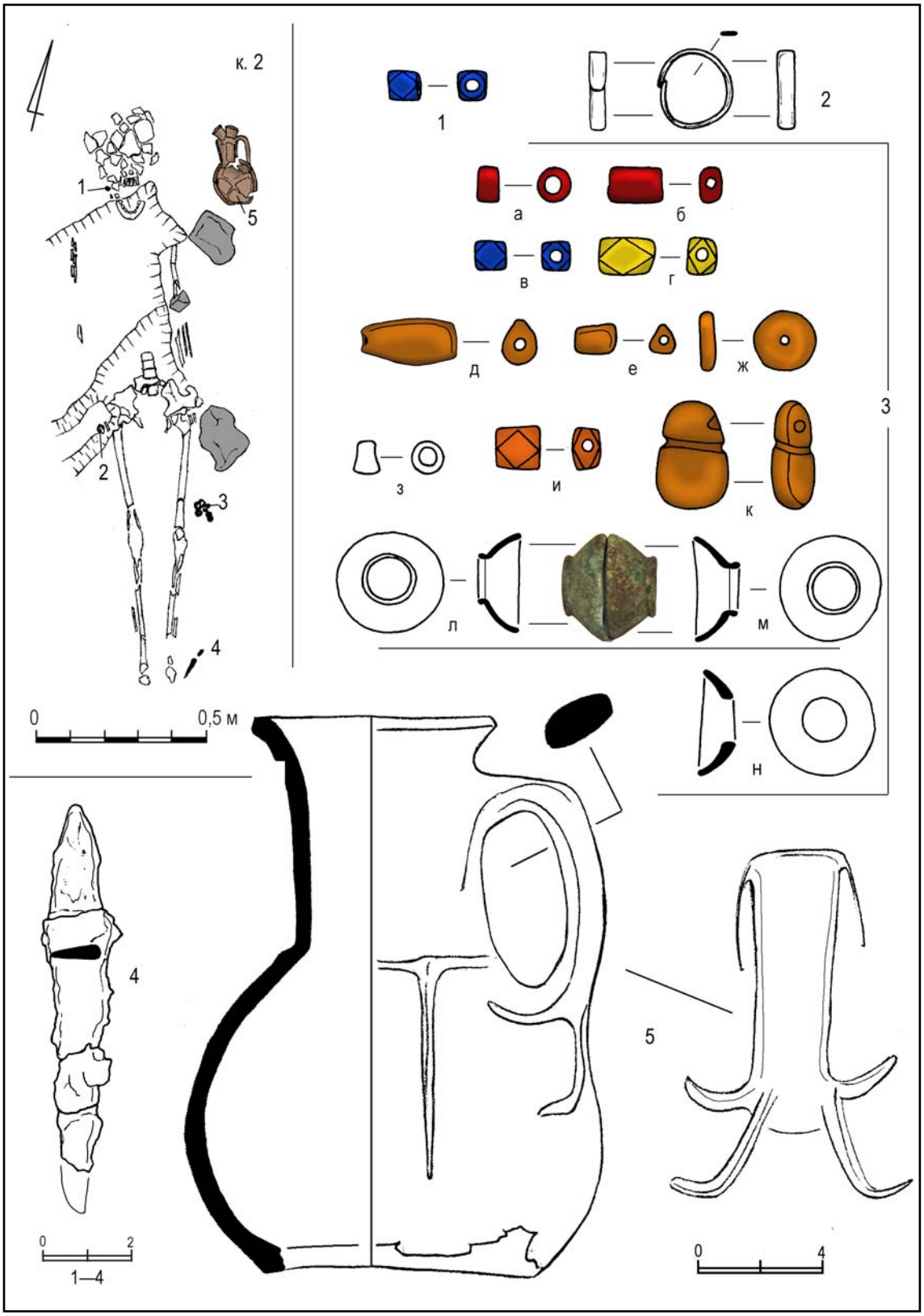

Рис. 4. Могильник у с. Лучистое. Склеп 197. Находки из погребения 2: 1, 3а–г — стеклянные бусы; 2 — бронзовое кольцо; 3д–ж, к — янтарные бусы; 3з, л–н — бронзовые бусины; 3и — сердоликовая бусина; 4 — железный нож; 5 — лепной кувшин.

Fig. 4. Burial ground at Luchistoe. Vault 197. Finds from burial 2: 1, 3а–г — glass beads; 2 — bronze ring; 3д–ж, к — amber beads; 3з, л–н — bronze beads; 3и — carnelian bead; 4 — iron knife; 5 — stucco jug.

па погребенной лежал раздавленный лепной одноручный кувшин с высоким цилиндрическим горлом с отогнутым венчиком с плоскосрезанным верхним краем, сферическим туловом и плоским дном (высота 18,5 см, диаметр венчика 7,8 см; дна — 8,5 см; рис. 4: 5). Место соединения горла и тулова украшено треугольным в сечении рельефным валиком. От него, вниз по тулову, на равном расстоянии друг от друга вертикально налеплено четыре треугольных в сечении рельефных валика с заострением на завершении. Вертикальная, овальная в сечении ручка прикреплена под венчиком и в верхней части тулова. Места прилепа ручки декорированы треугольными в сечении «усовидными» рельефными валиками.

У входа в камеру, в изголовье погребенного мужчины (костяк 3) стояли краснолаковая миска с полусферическим туловом на невысоком кольцевом поддоне (высота 4,7 см; диаметр верхнего края 14,4 см, дна — 6,4 см; рис. 5: 7) и стакан из стекла оливкового цвета с усечено-коническим туловом типа Сорокина II (Сорокина 1971: 87, рис. 1, 8; 3: 2,3) с обрезанным и зашлифованным верхним краем, со слегка вогнутым дном без следов понтии, украшенный по центру пояском из капель синего стекла (высота 10,3 см; диаметр венчика 7,5 см, дна — 4,0 см; рис. 5: 9). Рядом, на полу камеры склепа лежали кости молодой домашней свиньи: 2 ребра и плечевая кость [2].

В погребении мужчины найдены: вдоль правой плечевой кости — железный наконечник дротика или копья вытянутой листовидной формы с линзовидным поперечным сечением и короткой цилиндрической втулкой (длина 25,7 см, диаметр втулки 2,2 см; рис. 5: 1), в области правого плеча — фрагменты железной фибулы с прогнутой спинкой и короткой ножкой со сплошным приемником (длина 2,4 и 3,0 см; рис. 5: 2), около правого локтевого сустава — железное черешковое шило из круглого в сечении стержня с остатками деревянной рукояти (длина 5,5 см; рис. 5: 8), на фалангах пальцев правой руки — фрагментированное бронзовое кольцо из узкой тонкой пластины (размер 1,7×1,9 см; рис. 5: 3), в области пояса — серебряная пряжка с круглой рамкой, подвижным круглым в сечении хоботковидным язычком, ступенчато срезанным и вытянутым прямоугольным щитком из согнутой пополам пластины, скрепленной по центру двумя заклепками (длина 6,0 см, ширина рамки 3,0 см; рис. 5: 4), между бедренными костями — железная пряжка с круглой рамкой и подвижным, загнутым в передней части язычком (длина 2,4 см; ширина 2,2 см; рис. 5: 6), около левого тазобедренного сустава — железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой и остатками дерева на черенке (длина 16,7 см; рис. 5: 5).

Найденный в склепе инвентарь позволяет датировать совершенные в нем погребения концом IV — первой половиной V в. Стеклянный стакан типа Сорокина II, стоявший у входа в камеру склепа (рис. 5: 9), подобен сосудам формы 13d из Средиземноморья, зафиксированным в слоях V в. (Foy 1995: 200, pl. 9: 80—83; Голофаст 2001: 128). В Юго-Западном Крыму сосуды этого типа найдены в комплексах первой половины V в. из Харакса (Айбабин 1999: табл. XXI: 10; XXVII: 88), Красного Мака (Лобода 2005: 241, рис. 15: 7) и Алмалык-Дере (Mączyńska et al. 2016: Taf. 40; 1; 224: 4).

Лепной одноручный кувшин из погребения 2, по форме и декору идентичен лепной керамике, происходящей из других комплексов раннего горизонта могильника у с. Лучистое (рис. 4: 5). Сосуды вылеплены тщательно, у них ровные и тонкие стенки, а поверхность хорошо залощена. У всех изделий, независимо от формы, верхний край плоско срезан. Декоративные элементы в виде горизонтальных валиков по тулову и «усовидных» рельефных валиков около прилепов ручки характерны для лепных кувшинов и кружек, найденных в погребениях алан IV — первой половины V в. из Юго-Западного Крыма (Лобода 2005: рис. 2: 1,2; 9: 2; Айбабин, Хайрединова 2017: 46, 105—106; Mączyńska et al. 2016: Taf. 281: 3; 331: 2).

Серебряная пряжка с круглой рамкой и длинным хоботковидным язычком (рис. 5: 4) и железная пряжка аналогичной формы (рис. 5: 6) из мужского погребения относится к 3 варианту поясных застежек, распространенных в Крыму в последней четверти IV—V в. (Айбабин 1990: 28, рис. 2: 26). Особой популярностью они пользовались в первой половине V в. Крупные пряжки с прямоугольным щитком, аналогичные публикуемой серебряной застежке, были принадлежностью мужского воинского костюма и носились на поясном ремне (Айбабин, Хайрединова 2017: 109, 140, рис. 83: 7—9). Пряжки меньших размеров использовались для застегивания узких ремешков от ножен, портупеи или обуви.

[2] Остеологический материал определен О. П. Журавлевым, старшим научным сотрудником Института археологии Национальной Академии наук Украины.

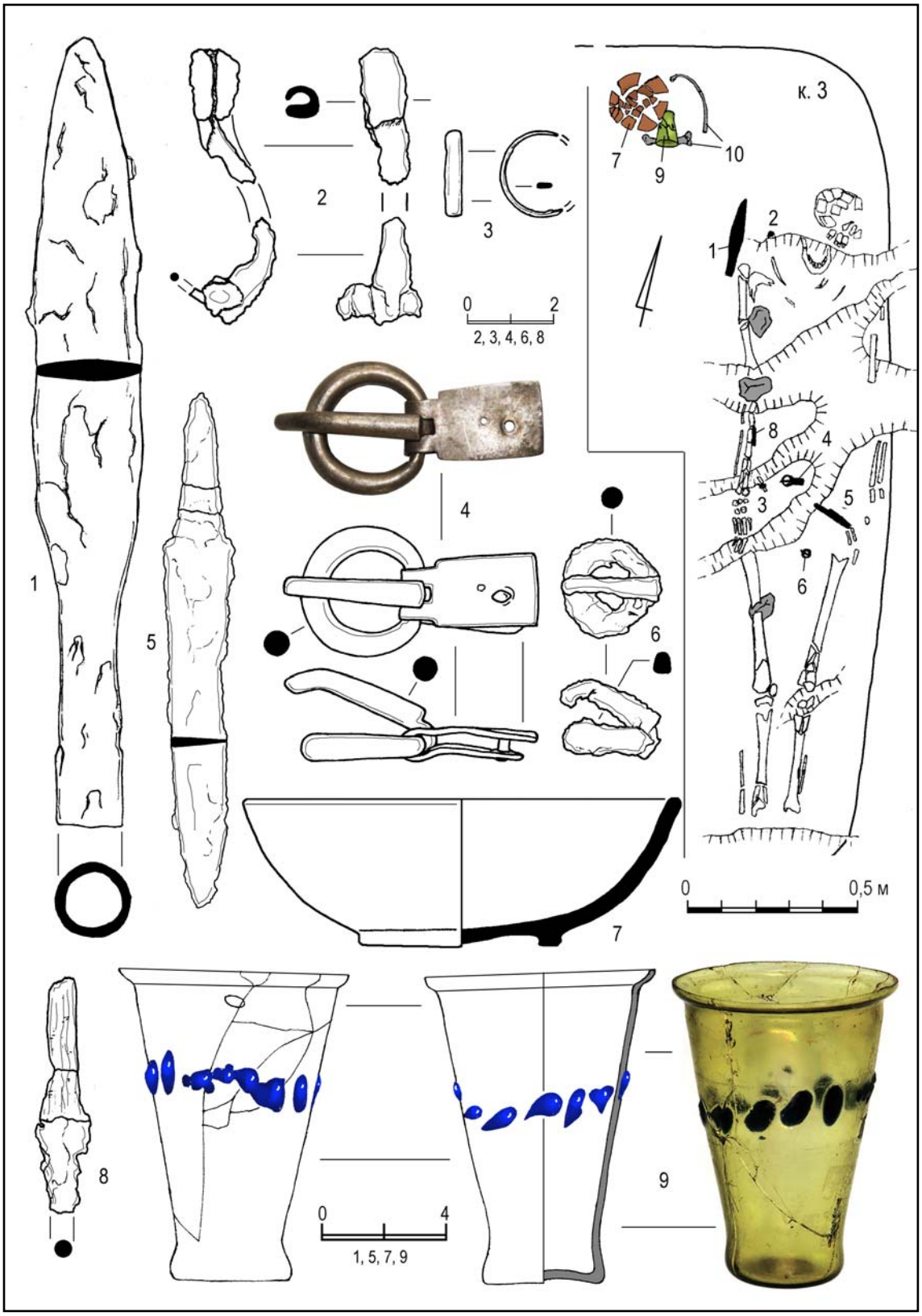

Рис. 5. Могильник у с. Лучистое. Склеп 197. Находки из погребения 3: 1 — железный наконечник дротика; 2 — железная фибула; 3 — бронзовое кольцо; 4 — серебряная пряжка; 5 — железный нож; 6 — железная пряжка; 7 — краснолаковая миска; 8 — железное шило; 9 — стеклянный стакан.

Fig. 5. Burial ground at Luchistoe. Vault 197. Finds from burial 3: 1 — iron dart tip; 2 — iron fibula; 3 — bronze ring; 4 — silver buckle; 5 — iron knife; 6 — iron buckle; 7 — red-glazed bowl; 8 — iron awl; 9 — glass cup.

Бронзовая двучленная прогнутая фибула из погребения 1 с равной по ширине корпусу ножкой со сплошным пластинчатым приемником, относится к группе застежек, пользовавшихся популярностью в Юго-Западном Крыму и на Боспоре в эпоху Великого переселения народов. Аналогичные фибулы найдены вместе с относящемся к этому периоду инвентарем в Лучистом — в склепах 58 и 195 (Айбабин, Хайрединова 2017: 123, рис. 66: 8), в Алмалык-Дере — в склепе 189/2007 (Mączyńska et al. 2016: Taf. 316: 5), в Баклинском Овраге — в склепе 6б (Айбабин 1999: 62, рис. 20: 1) и на городище Зенонов Херсонес на мысе Зюк (Масленников 1992: 152, 167, рис. 17: 16). У перечисленных фибул гладкая, либо фасетированная и украшенная врезными линиями дуговидная спинка завершается тонкой пластинкой с отверстием для крепления пружины. К этой же группе фибул следует отнести железную застежку из погребения 3 публикуемого склепа: ее ножка со сплошным приемником равна по ширине спинке (рис. 5: 2). Отметим, что аналогичные железные фибулы известны в Танаисе, в погребениях последней четверти IV в. — первой половины V в. (Казакова, Каменецкий 1974: 142, табл. III: 2. Арсеньева и др. 2001: табл. 10: 128; 13: 196).

Описанные фибулы носили и мужчины, и женщины. В погребении воина из склепа 197 железная фибула найдена в области правого плеча (рис. 5: 2) — видимо ею застегивалась верхняя одежда типа плаща или накидки. В публикуемом женском погребении бронзовая фибула лежала около правой локтевой кости (рис. 3: 1). Такое расположение застежек отмечено еще в четырех женских погребениях первой половины V в. из Лучистого (склепы 126, 174 и 282) (Айбабин, Хайрединова 2021: 92, рис. 9: а1) и Алонии (подбойная могила 1) (Турова, Черныш 2015: 139, 164, рис. 17: 76). При помощи этих фибул женщины скрепляли полы наплечной накидки в области локтя правой руки (рис. 3: III). Рядом с фибулой в склепе 197 лежали пластинчатая подвеска и стеклянная бусина, служившие единым подвесным украшением, собранным на кожаный шнурок и подвешенным к пружине застежки (рис. 3: II). Остатки кожаного шнурка сохранились и на пружине фибулы, и в круглом отверстии подвески. Отметим, что обычай украшения фибул составными подвесками зафиксирован и в других погребениях первой половины V в. из Юго-Западного Крыма (Хайрединова 2002: 68). В качестве примера приведем находки из склепа 100 могильника у с. Лучистое. В женском погребении 12 из этого склепа рядом с двупластинчатой фибулой зачищены бронзовые 4 трубочки, полусферические подвески — колокольчики и две стеклянные синие призматическая и 14-гранная бусины. Одна из бусин находилась под полусферической подвеской. В центральной части спинки и у ее основания, а также на головке фибулы сохранились остатки нити, к которой и были нанизаны лежавшие рядом подвески и бусы, образуя, таким образом, единое украшение (Хайрединова 2002: 103, рис. 9: II, 3В).

Бронзовые кольца, скрученные из узкой и тонкой пластины с сомкнутыми или заходящими концами, выявленные в погребениях 2 и 3 из склепа 197 (рис. 4: 2; 5: 3), характерны для первой половины V в. (Хайрединова 2002: с. 64, 100, рис. 6: 1—3; Mączyńska et al. 2016: Taf. 316: 3). Судя по публикуемым находкам, такие кольца носили и женщины, и мужчины, причем одинаково — по одному на правой руке.

Набор бус, уложенный в мешочке около левого колена девушки — подростка (рис. 4: 3), в целом, типичен для женских погребений первой половины V в. из Юго-Западного Крыма (Хайрединова 2002: 64—65). В нем сочетаются стеклянные одноцветные и янтарные изделия. Отдельно отметим 14-гранную пронизь из сердолика (рис. 4: 3и), янтарную грибовидную подвеску (рис. 4: 3к) и шаровидную бронзовую бусину с валиком вокруг широкого круглого отверстия (рис. 4: 3м). В римское время сердоликовые 14-гранные пронизи были распространены на широкой территории от Волги до Рейна. Они массово встречаются на памятниках вельбарской и черняховской культур (Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006: 67—68, type 17). В Крыму этот тип украшений появляется около середины III в. (Хайрединова 1995: 77, тип 113; Стоянова 2004: 291—292, тип 6) и бытует вплоть до конца VI в. (Айбабин, Хайрединова 2014: 343, табл. 195: 20).

Янтарные грибовидные подвески пользовались популярностью в римское время как в европейском Барбарикуме, включая юг Восточной Европы, так и на территории Римской империи. Их появление на юге Восточной Европы связывают с миграцией готов и их союзников из Центральной Европы к Черному морю (Кропоткин 1978: 151—152), либо с производственной деятельностью мастерских мастерских Аквилеи на Адриатике, из которых «модные» изделия распространялись в среднеевропейском Барбарикуме, в том числе и по трассе Янтарного пути и поступали к понтийским и кавказ-

ским варварам (Мастыкова 2016: 175—184). Появившись в Крыму около середины III в., янтарные грибовидные подвески становятся особенно популярными в IV в. у варварского населения Юго-Западного региона — зачастую их носили наборами из нескольких экземпляров (Хайрединова 1995: 75—76, 82, тип 108; Стоянова 2004: 292—293, группа II, тип 3, табл. VI: 25—27; IX: 2,5). К концу IV в. украшение этого типа практически выходит из моды. Самые поздние находки янтарных грибовидных подвесок относятся к первой половине V в. и происходят из публикуемого склепа 197 (рис. 4: 3к) и из склепа 434 могильника Скалистое (Веймарн, Айбабин 1993: 106, рис. 76: 30).

Шаровидная составная бронзовая бусина с валиками вокруг широкого отверстия подобна массивной цельнолитой бусине, найденной в Лучистом, в могиле 168 первой половины V в. (Айбабин 2002: 51—52, рис. 6: 2; 7: 1; Хайрединова 2002: 101, рис. 7: 13). Бронзовые бусины из Лучистого являются более дешевыми вариантами полых золотых украшений, которые, судя по находками из могильника Дружное, бытовали в IV в. (Храпунов 2002: 221, рис. 121: 7,8).

Короткий втульчатый наконечник дротика листовидной формы из погребения 3 (рис. 5: 1) аналогичен находкам древкового колющего оружия второй половины IV в. из могильника Дружное (Храпунов 2002: 244, рис. 144: 9) и конца IV — первой половины V в. из Лучистого (Айбабин, Хайрединова 2001: 83, рис. 3: 8). Помимо публикуемого, наконечники копий или дротиков в могильнике у с. Лучистое выявлены еще в шести погребениях из склепов 52, 100 (костяки 14 и 16), 109, 154 и из могилы 289 (Айбабин, Хайрединова 2001: рис. 3: 8; 4: 18,26; 7: 6,7; 9, 1). Чаще всего копье укладывалось вдоль тела умершего: слева (склепы 100 — к.16, 109 — к. 2, 152 — к. 2; могила 289), реже — справа (склепы 100 — к. 14, 197 — к.3; рис. 5). При этом наконечник копья размещался около головы погребенного, острием — на север или северо-запад. Только в одном случае, в склепе 52 копье было уложено отдельно — вдоль длинной стены камеры склепа, под углом в 45° к погребенному (Айбабин, Хайрединова 2014: табл. 44: 5).

Конструкция склепа 197, зафиксированные в нем элементы погребального обряда, детали костюма и украшения характерны для аланского населения Юго-Западного Крыма конца IV — первой половины V в. В склепе выявлено погребение воина с наконечником копья или дротика. Воины, похороненные на могильнике у с. Лучистое, были вооружены мечами (короткими или длинными), либо древковым колющим оружием. Судя по сопровождающему погребальному инвентарю, вооруженные мечами воины принадлежали элите, тогда как копьеносцы являлись рядовыми представителями общины.

Литература

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* 1, 3—86, 175—241.

Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: Дар.

Айбабин А.И. 2002. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого. *МАИЭТ* 9, 37—52.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2001. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму. *МАИЭТ* 8, 74—90.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2014. *Могильник у с. Лучистое*. Том II. *Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993—1995 гг.* Симферополь, Керчь: Крымское отделение Института востоковедения; Центр археологических исследований БФ «Деметра».

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2017. *Крымские готы страны Дори (середина III—VII в.)*. Симферополь: Антиква.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2021. Погребения с напутственной пищей эпохи Великого переселения народов из могильника у с. Лучистое (Юго-Западный Крым). *Stratum plus* (4), 79—94.

Арсеньева и др. 2001: Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг.* Москва: Палеограф.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.

Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ* 8, 97—260.

Казакова Л.М., Каменецкий И.С. 1974. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 году. В: Мошкова М.Г., Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Археологические памятники Нижнего Подонья* II. Москва: Наука, 139—150.

Кропоткин В.В. 1978. Черняховская культура и Северное Причерноморье. В: Кропоткин В.В., Матюшин Г.Н., Петерс Б.Г. (ред.). *Проблемы советской археологии*. Москва: Наука, 147—163.

Лобода И.И. 2005. Раскопки Красномакского могильника в 1983—1984 гг. *МАИЭТ* 11, 192—251.

Масленников А.А. 1992. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде. В: Кошеленко Г.А. (отв. ред.). *Очерки археологии и истории Боспора*. Москва: Наука, 120—173.

Мастыкова А.В. 2016. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе. *Stratum plus* (4), 173—189.

Сорокина Н.П. 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. *СА* (4), 85—101.

Стоянова А. А. 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996—2001 гг.). *Боспорские исследования* 5, 263—319.

Турова Н. П., Черныш С. А. 2015. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.). *МАИЭТ* 20, 133—184.

Хайрединова Э. А. 1995. Бусы из могильника Дружное. В: Могаричев Ю. М., Храпунов И. Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 59—87.

Хайрединова Э. А. 2002. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V — первой половине VI вв. *МАИЭТ* 9, 53—118.

Храпунов И. Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. н. э.)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej.

Foy D. 1995. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècles en France Méditerranéenne (premier essai du typo-chronologie). In: Foy D. (dir.). *Le verre de l'Antiquité tardive au Moyen Age (IV—VIII siècles): typologie — chronologie — diffusion*. Guiry-en-Vexin: Musée archéologique départementale du Val-d'Oise, 187—242.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations*. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance.

Mączyńska et al. 2016: Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. 2016. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim*. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 115. Mainz: RGZM.

References

Aibabin, A. I. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 1, 3—86, 175—241 (in Russian).

Aibabin, A. I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnic history of the Early Byzantine Crimea)*. Simferopol: "Dar" Publ. (in Russian).

Aibabin, A. I. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 9, 37—52 (in Russian).

Aibabin, A. I., Khairedinova, E. A. 2001. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 8, 74—90 (in Russian).

Aibabin, A. I., Khairedinova, E. A. 2014. *Mogil'nik u sela Luchistoe (Necropolis near Luchistoe Village)* II. *Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993—1995 godov (Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993—1995)*. Simferopol; Kerch: Institute of Oriental Studies, Crimean Branch; "Demetra" Publ. (in Russian).

Aibabin, A. I., Khairedinova, E. A. 2017. *Krymskie goty strany Dori (seredina III—VII v.) (Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century))*. Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).

Aibabin, A. I., Khairedinova, E. A. 2021. In *Stratum plus* (4), 79—94 (in Russian).

Arsen'eva, T. M., Bezuglov, S. I., Tolochko, I. V. 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. Excavations of 1981—1995)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Veimarn, E. V., Aibabin, A. I. 1993. *Skalistinskii mogil'nik (Necropolis near Skalistoye Village)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Golofast, L. A. 2001. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 8, 97—260 (in Russian).

Kazakova, L. M., Kameneckij, I. S. 1974. In Moshkova, M. G., Shelov, D. B. (eds.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Podon'ia (Archaeological Sites of the Lower Don Basin)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 139—150 (in Russian).

Kropotkin V. V. 1978. In Kropotkin, V. V., Matyushin, G. N., Peters, B. G. (eds.). *Problemy sovetskoi arkheologii (Problems of Sovietic Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 147—163 (in Russian).

Loboda, I. I. 2005. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 11, 192—251 (in Russian).

Maslennikov, A. A. 1992. In: Koshelenko, G. A. (ed.). *Ocherki arheologii i istorii Bospora (Ocherki arkheologii i istorii Bospora (Essays on the Archaeology and History of Bosporus))*. Moscow: "Nauka" Publ., 120—173 (in Russian).

Mastykova, A. V. 2016. In *Stratum plus* (4), 173—189 (in Russian).

Sorokina, N. P. 1971. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 85—101 (in Russian).

Stojanova, A. A. 2004. In *Bosporskie issledovanija (Bosporos Studies)* 5, 263—319. (in Russian)

Turova, N. P., Chernysh, S. A. 2015. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 20, 133—184 (in Russian).

Khairedinova, E. A. 1995. In Mogarychev, Yu. N., Khrapunov, I. N. (eds.). *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma (Problems of Archaeology of Ancient and Medieval Crimea)*. Simferopol: "Tavria" Publ., 59—87. (in Russian)

Khairedinova, E. A. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 9, 53—118 (in Russian).

Khrapunov, I. N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv. n. e.) (Druzhnoe Necropolis (3rd—4th centuries AD)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej (in Russian).

Foy D. 1995. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècles en France Méditerranéenne (premier essai du typo-chronologie). In Foy D. (ed.). *Le verre de l'Antiquité tardive au Moyen Age (IV—VIII siècles): typologie — chronologie — diffusion*. Guiry-en-Vexin: Musée archéologique départementale du Val-d'Oise, 187—242.

Ivanišević, V., Kazanski, M., Mastykova, A. 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance.

Mączyńska et al. 2016: Mączyńska, M., Gercen, A., Ivanova, O., Černyš, S., Lukin, S., Urbaniak, A., Bemmann, J., Schneider, K., Jakubczyk, I. 2016. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim*. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 115. Mainz: RGZM.

Статья поступила в сборник 13 июля 2022 г.

Aleksandr Aibabin (Simferopol, Crimea). Doctor of Historical Sciences. V.I. Vernadsky Crimean Federal University[1].

Айбабин Александр Ильич (Симферополь, Крым). Доктор исторических наук. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.

E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4116-8198

Elzara Khairedinova (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences[2].

Хайрединова Эльзара Айдеровна (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Институт археологии Крыма Российской Академии наук.

E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-1362-757X

Addresses: [1] Academician Vernadsky Ave., 4, Simferopol, 295007, Crimea; [2] Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea

J. Pinar Gil

Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area

Keywords: Italy, Alps, Adriatic, Migration Period, clothing, fibulae, insignia, society, politics

Ключевые слова: Италия, Альпы, Адриатика, период Великого переселения народов, одежда, фибулы, инсигнии, общество, политика

J. Pinar Gil

Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area

From the second quarter of the 5th century, a number of crossbow and bow brooches produced in north-eastern Italy (probably in or around Ravenna) substituted the classical *Zwiebelknopffibeln* as official insignia for Roman officers. Throughout the 5th century, these objects became fashionable items and were accordingly imitated by a number of secondary producers; at the same time, their modalities of use changed, eventually distancing themselves from their original, official use. However, some types of brooches kept their original meaning, being used as signs of office and also as insignia for client rulers by both the Late Roman administration and its "barbarian" successors.

Ж. Пинар Жиль

Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: о некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе

Со второй четверти V века некоторые арбалетные фибулы, произведенные в северо-восточной Италии (вероятно, в Равенне или в ее регионе), заменили классические *Zwiebelknopffibeln* в качестве служебных инсигний римских чиновников и служащих. На протяжении V века эти предметы стали модными и, соответственно, им подражали многие вторичные производители; в то же время модальности их использования изменились, в конечном итоге отдалившись от их первоначального, официального использования. Однако некоторые типы фибул сохранили свое знаковое значение, использовавшись в качестве служебных инсигний, а также в качестве знаков отличия правителей — «клиентов» Империи, как позднеримской администрацией, так и ее «варварскими» преемниками.

1. A 5th century deposit in the agora of Argos

The archaeological fieldwork carried out at the Argos agora in 1990 unveiled, among other structures, a masonry pit. The stratigraphy of the area and the materials recorded on its bottom layer date its construction in the late 4th or in the early 5th century (Ivantchik 2002: 331—334). The abundant material retrieved from the well suggest that it was filled and sealed rather quickly, especially with regard to a compact layer located at a depth between 0,15 and 6,50 m ("deposit 2"). This material included, among other finds, imported and local pottery, glassware and metal artefacts.

Two coins (Valentinian II and Arcadius, the latter providing a likely tpq in 404 CE) and some African red slip ware fragments have been used as the main chronological indexes to attribute the "deposit 2" to the first quarter of the 5th century (Ivantchik 2002: 338). In my view, the proposed time span can be slightly delayed to the second quarter or to the mid 5th century in view of more recent observations on the chronology of Hayes' 61B and 75—76 forms and A-III decorations, as well as on the start of the production of Atlante X A lamps (Bonifay 2004: 167—171, 192, 199—201, 371—390).

Such a framework fits well with the filling of the upper layer ("deposit 3"), which delivered

SV project "Upgrading the archaeology of the Odoacrian/Ostrogothic kingdom: archaeometry, bioarchaeology and context analysis" ■ «Обновление археологии королевства Одоакра/остроготов: археометрия, биоархеология и анализ контекста»

© J. Pinar Gil, 2022
DOI: https://doi.org/10.55086/SL22335344

African pottery from the late 5th century (Ivantchik 2002: 339—340). Dating "deposit 2" in the two central quarters of the 5th century, moreover, suits better the morphology of the bronze objects retrieved in it (fig. 1): a hammered jug and a bow brooch (Ivantchik 2002: 404). The former finds good counterparts south of the Alps, for instance in a deposit of 5th and 6th century metalware found in Milano-San Raffaele (Castoldi 1989: 84—86) and in the second hoard from Polhov Gradec in Slovenia, attributed to the early 5th century (Božič 2005: 322, 354, 360). As for the brooch, it finds a close counterpart at Iuenna/Globasnitz, grave 16, where it occurred together with a necklace consisting of miniature glass beads and of melon-shaped beads, closed by a bronze composite clasp (Pollak 2021: 77—79). The combination of beads and the archaizing features of the clasp suggest that the burial may have been performed not later than the first decades of the second half of the 5th century.

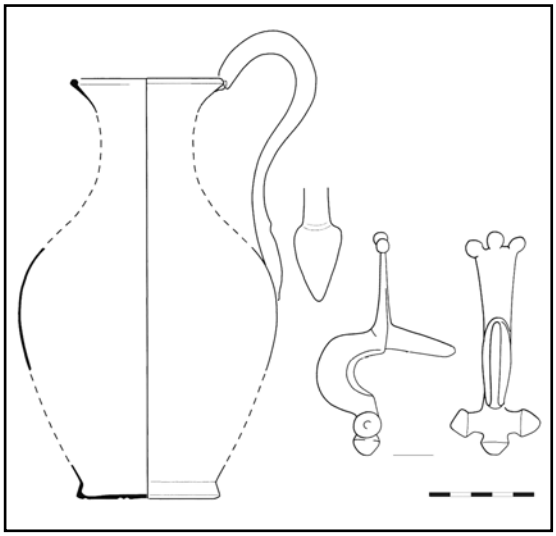

Fig. 1. Argos, agora. Selection of metal objects from the Late Antique well (after Ivantchik 2002).

Рис. 1. Аргос, агора. Выборка металлических предметов из позднеантичного колодца (по Ivantchik 2002).

2. Brooches of the mid and late 5th century in the Adriatic

The brooches from Argos and Globasnitz belong to a rather uncommon group (fig. 2: 7—9), mainly clustered in the eastern Alps, as finds such as Globasnitz itself, Jadersdorf-Kapelle, Schiefling-Kathreinkogel and Burghöfe show (Pollak 2021: 77—79; Gleirscher 2021: 25—26). Some years ago, I proposed that this group might be regarded as a local, eastern Alpine variant of the Italian brooches of type Tác (Pinar 2018: 149—150). Since then, the publication of a silver brooch from a private collection in Munich, displaying mixed features of the "Argos-Globasnitz" group (Eger 2017: 302—303), the new examination of the Globasnitz context (Pollak 2021: 77—79) and the evidence from Argos add further shades of meaning to this hypothesis.

The geographical distribution of the group outlines a very similar picture than a number of broadly coeval crossbow and bow brooches (figs. 2—3). About the central third of the 5th century can be dated the first examples of the Desana and the Tác types (Schulze-Dörrlamm 1986: 657—659; 2000: 605—607; Pinar 2010: 235—239; 2018: 145—146) and shortly afterwards, the "Reggio"-Aquileia group which, as said, should be regarded as an evolution of the latter (Pinar 2018: 145—146, 149—150). Slightly later, between the second half of the 5th and the first half of the 6th century, should be dated the crossbow brooches of the Gurina, Siscia, Grepault, Passau, Lauriacum and Invillino types (Schulze-Dörrlamm 1986: 635—641, 663—668; Milavec 2009: 226—232). The pin catch of the specimen from Martigny (Grepault type) opened to the left in its position of use (fig. 2: 22) is an early typological feature present in the Tác and Desana type brooches that is to be observed in some Gurina specimens as well (fig. 2: 26). The brooch recorded at Mautern-Burggartengasse, gr. 205 (Wewerka 2004: 416), showing a morphology halfway between the Desana and Gurina types, may help to identify the Gurina type as a relatively early derivate from the Desana brooches.

The list may be completed by at least two types of luxury brooches: a group of solidus brooches with no mount, occurring in contexts ranging between the second quarter of the 5th century and the early 6th century (Manzelli, Pinar 2017: 117—119), and the "Pistoia" type bow brooches, decorated with gold-and-garnet cloisonné and attested between the second third of the 5th century and the first decades of the 6th century (Bierbrauer 1975: 344). A rather heterogeneous, and yet interrelated group formed by the crossbow brooches from Blučina-Cezavy, Brescia and "Split" (Tíhelka 1963; De Marchi 1999: 321—322; Riegl 1901: 151; Vinski 1967: 7—15), should be included in the list as well (fig. 2: 15—17). According to the Blučina context and to typological criteria (the pin catch opens to the left), it may be attributed to the second half of the 5th century.

The geographical dissemination of all these types reveals a very consistent pattern, showing a major clustering in the eastern Alps and around

the northern Adriatic, completed by more or less occasional occurrences north of the Alps and in the southern Adriatic-Ionic area (fig. 3). Assuming that the finds north of the Alps may be slightly overrepresented due to the wider use of burying the dead clothed with metal accessories in comparison with southernmost territories, the picture clearly points out the eastern Alps and the northern Adriatic area as the most likely territory where these brooches were originally produced and used. The remarkably high amount of finds in Emilia Romagna, Veneto and Friuli regions, in which "clothed inhumations" are relatively rare in this period, could be a hint that this might be the area hosting the main production centre (s) of such objects.

This seems to be particularly accurate when examining the distribution of the earliest types considered, namely the Tác, Argos-Globasnitz, Desana and Grepault types and, possibly, the "Reggio"-Aquileia and Blučina-Brescia groups: as far as the territories south of the Alps are concerned, a significant amount of finds have been recorded in north-eastern Italy. That suggests that significant productive and distributive centres in the area may have been involved in the popularization of these brooches. Central places such as Ravenna or Aquileia may thus come into play.

3. Italian "post-Zwiebelknopffibeln"

Which central places and how, that is something that can be better established by examining some details in the typological evolution of some of these brooches. In this context, the specimen from Argos is of particular relevance, as it shows a specific relationship with the Alpine brooches of its same group: it is much bigger, the appendices of the headplate are onion-shaped and the bow's centre part has a middle flat rib. These features bring it closer to the latest variants of the bronze Zwiebelknopffibeln (Pröttel 1988); in addition, the relative proportions of head and footplate, and the form of the latter, are similar to 5th century Pröttel 6 and 7 specimens.

This observation enables to identify the specimen from Argos, belonging to the earliest range of its own group, as likely deriving from Zwiebelknopf-brooches. The case bears an extent of parallelism to the "Reggio"-Aquileia group and its typological relationship with the brooches of Tác type: the former appears as a simplified, mould-cast derivation of the technologically more complex and more lavishly decorated brooches of type Tác. Much like the Argos specimen, moreover, the "Reggio Emilia" brooch has some details reminiscent of the Zwiebelknopffibeln, namely the form of the headplate appendices (fig. 2: 4). The already mentioned silver brooch from Munich (Eger 2017, 302—303) displays a form related to both the Argos-Globasnitz and the "Reggio"-Aquileia group, and can be regarded of a further evidence of the shared origin and mutual permeability among many of the early Alpine-Adriatic brooches. Its nielloed decoration and its long pin catch opened to the left further support this impression, as they are close to some Tác and Blučina-Brescia specimens.

The Tác type brooches and the Zwiebelknöpffibel shared one major detail: they were conceived to be worn on the right shoulder, a standard position for Roman civil and military officers. Accordingly, the pin catches of all these objects were open to the left in the position of use of the brooch. As said, this is a feature shared by the earliest types of Alpine-Adriatic brooches discussed so far: the specimens from Blučina and Brescia were intended to be worn on the right, at least some examples of the Desana group show the same purpose. Interestingly enough, the bigger specimen in the Desana treasure (fig. 2: 18), reaching up to 10,8 cm long, has its catch opened to the left, whereas its smaller counterpart from the same assemblage (fig. 2: 20) has its catch open to the right (Aimone 2010). The difference could mirror that the first one was actually intended to fasten a man's cloak on his right shoulder. It the hypothesis is to be accepted, then the brooch from the Argos agora, much bigger than any of its counterparts (11,1 cm long), could be interpreted in the same way. The Desana type brooch from the male inhumation 11 at Globasnitz (fig. 5: 2), as well as the Tác brooch from Óbuda (fig. 2: 3), have comparable sizes.

The fastening mechanism conveys important information about the origin of the early "post-Zwiebelknopffibeln". Since Pröttel 6 and 7 brooches had a completely different fastening mechanism, the affinities between the Tác, Blučina-Brescia, Argos-Globasnitz and Desana brooches, on the one hand, and the Zwiebelknopffibeln, on the other, should be traced back to Pröttel 3/4 and 5 types. Since both types were in use until the beginning of the 5th century, this observation provides a chronological framework that corresponds well with the data of the earliest depositions of Italian "post-Zwiebelknopffibeln", dating approximately to the second quarter of the 5th century. Interestingly enough, the 5th century Keller/Pröttel 6 Zwiebelknopffibeln display, in the Alpine-Adriatic and Danubian regions, a similar pattern than the broadly co-

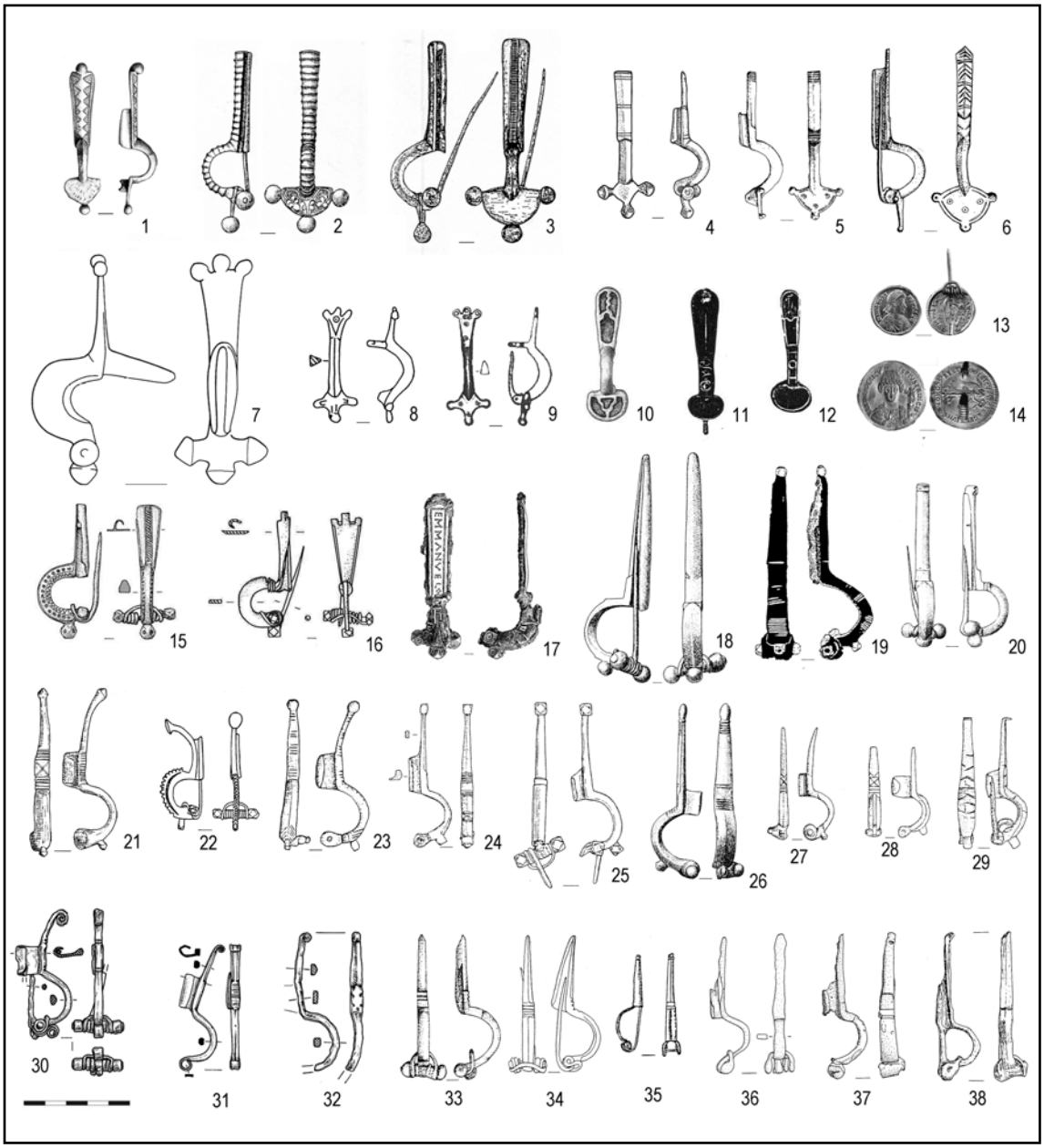

Fig. 2. Alpine-Adriatic brooches of the mid and late 5th centuries (after Riegl 1901; Schulze-Dörrlamm 1986, 2000; De Marchi 1999; Ivantchik 2002; Milavec 2009; Pinar 2010, 2018; Manzelli, Pinar 2017; Gleirscher 2021). **Tác Type:** 1 — Basel-Kleinhüningen, 2 — Tác-Margittelep, 3 — Óbuda-Föld utca; **"Reggio"-Aquileia group:** 4 — "Reggio Emilia", 5 — Invillino, 6 — Aquileia; **Argos-Globasnitz group:** 7 — Argos, 8 — Jadensdorf-Kappelle, 9 — Schiefling-Kathreinkogel, **"Pistoia"-Carthage group:** 10 — Khanguet si-Mohamed Tahar, 11 — "Pistoia", 12 — Barbing-Irlmauth; ***Solidus* brooches:** 13 — Prague-Zličín, 14 — Morro d'Alba; **Brescia-Blučina group:** 15 — Blučina-Cezavy, 16 — Brescia-Santa Giulia, 17 — "Split"; **Desana type:** 18, 20 — Desana, 19 — Erding-Altenerding; **Grepault type:** 21 — Grepault, 22 — Martigny, 23 — Pustertal; **Gurina type:** 24 — Invillino, 25 — Gurina, 26 — Somma Prada; **Altenerding type:** 27 — Neumarkt-Laag, 28 — Algund, 29 — Säben/Sabiona; **Lauriacum type:** 30 — Sv. Lovrenc nad Zabreznico, 31 — Sv. Lambert nad Pristavo pri Stični, 32 — Tonovcov Grad; **Siscia type:** 33 — Bozen/Bolzano, 34 — Siscia, 35 — Teurnia, **Invillino type:** 36 — Lauriacum, 37—38 — Invillino.

Рис. 2. Альпийско-адриатические фибулы середины и конца V в. (по Riegl 1901; Schulze-Dörrlamm 1986, 2000; De Marchi 1999; Ivantchik 2002; Milavec 2009; Pinar 2010, 2018; Pinar, Manzelli 2017; Gleirscher 2021). **Тип Тач:** 1 — Базель-Кляйнхюнинген, 2 — Тач-Маргиттелеп, 3 — улица Обуда-Фёльд; **Группа «Реджо»-Аквилея:** 4 — «Реджо-Эмилия», 5 — Инвиллино, 6 — Аквилея; **Группа Аргос-Глобасниц:** 7 — Аргос, 8 — Яденсдорф-Каппелле, 9 — Шифлинг-Катрайнкогель; **Группа «Пистойя»-Карфаген:** 10 — Хангет Си-Мохамед Тахар, 11 — «Пистойя», 12 — Барбинг-Ирлмаут; **Фибулы *Solidus*:** 13 — Прага-Зличин, 14 — Морро д'Альба; **Группа Брешиа-Блучина:** 15 — Блучина-Чезавы, 16 — Брешиа-Санта Джулия, 17 — «Сплит»; **Тип Десана:** 18, 20 — Десана, 19 — Эрдинг-

Альтенердинг; **Тип Грепо:** 21 — Грепо, 22 — Мартиньи, 23 — Пустерталь; **Тип Гурина:** 24 — Инвиллино, 25 — Гурина, 26 — Сомма Прада; **Альтернативный тип:** 27 — Ноймаркт-Лааг, 28 — Алгунд, 29 — Себен/Сабиона; **Тип Лауриакум:** 30 — Св. Ловренц-над-Забрезнико, 31 — Св. Ламберт-над-Приставо-при-Стични, 32 — Тоновцов Град. **Тип Сисция:** 33 — Бозен/Больцано, 34 — Сисция, 35 — Терния; **Тип Инвиллино:** 36 — Лауриакум, 37—38 — Инвиллино.

eval early "post-Zwiebelknopffibeln", yet with different clustering areas (fig. 4): Keller/Pröttel 6 brooches are far more numerous in the Danubian lands and, in northern Italy, they are clustered in Aquileia and almost missing in Emilia-Romagna (Buora 1997: 2013). This phenomenon may suggest that the earliest specimens of the Tác, Desana and Argos groups were produced in or around Ravenna. As a matter of fact, the three types are missing in Aquileia, where Keller/Pröttel 6 brooches are widely attested; in all likelihood, later variants of the Italian brooches ("Reggio"-Aquileia group and its derivates) reached Aquileian territory somewhat later, in the last decades of the 5th century.

All these data bring together the following picture: about the second quarter of the 5th century, somewhere in north-eastern Italy started a production of silver and bronze derivates of the traditional *Zwiebelknopffibeln* used by the late Roman administration (Pröttel 3/4 and 5 types). The first examples were bow brooches with either semicircular (Tác type) or vaguely cross-shaped headplates (Argos group), as well as crossbow brooches (Desana type and, probably, Blučina-Brescia group). They had in common their long pin catch opened to the left and the presence of three appendixes on top of the bow or on the headplate, being more of less reminiscent of the bulb-shaped appendices that give the *Zwiebelknopffibeln* their name.

Considering the time and place where this production started, it seems likely that the new "post-Zwiebelknopffibeln" were started to be produced in north-eastern Italy by administration-commissioned workshops (in Ravenna?), and that they were intended, just as the Zwiebelknopffibel, as insignia for imperial officers. The new brooches, bringing together classical "Roman" and "Germanic" technological traditions (Schulze-Dörrlamm 2000), replaced the old Pröttel 3/4 and 5 brooches and were concurrent to broadly coeval Pröttel 6 *Zwiebelknopffibeln*. During the following decades, in the Alpine-Adriatic area, a continuity in the production and use of different local and regional derivates of the early "post-Zwiebelknopffibeln" can be identified at least up to the end of the 5th century.

4. Fashion trends, office holders and foreign affairs

As a newer version of Zwiebelknopffibel, early "post-Zwiebelknopffibeln" may have been a prerogative of civilian and/or military officers. As a consequence, they can be regarded as evidence for the administrative geography and of the geopolitics between the times of the Theodosians and those of Theodoric. Their emergence is connected in time with the rule of the Western Theodosians (Honorius, Galla Placidia and Valentinian III) in Ravenna. Since the Italian types, exception made for the Argos brooch, find no direct counterparts within "Byzantine" territories, the production of these brooches can be seen as an early material evidence of the political split of the Roman state after Theodosius I.

The brooches from Aquincum and Gorsium (Nagy 1993: 370; Fitz 1970: 41—46) might mirror the arrival of new Western Roman functionaries in Valeria. The brooches, as said, may date from the years immediately after the reintegration of the province into the Empire in the times of Aetius and Galla Placidia. It is therefore likely that both brooches, as well as their counterparts from Basel and Schützen am Gebirge (Giesler-Müller 1992, 99—100; Mitscha-Märheim 1971, 194), may be regarded as evidence for the restructuring of the Danube-Rhine defence line in Pannonia Prima, Valeria and Sequania, taking place in the late 420s and early 430s. The tight spatial correlation between these brooches and the central places in all these regions (the cities of Aquincum, Gorsium, Scarbantia and Augusta Raurica) seems to support this hypothesis. Much closer to the alleged metropolis, the hoard found at Rimini (Maioli 1992) should belong to the same kind of social group, corresponding to relatively high-status state officers. The silver crossbow brooches from Desana and Brescia (located in or next to significant cities) must have been connected to similar milieus.

Judging by the recorded contexts of use, the original "official" function of the Italian brooches faded away over time: as soon as the second half of the 5th century, women were starting to wear derivates of these brooches, apparently on the middle of their chests (Pollak 2021: 59), where-

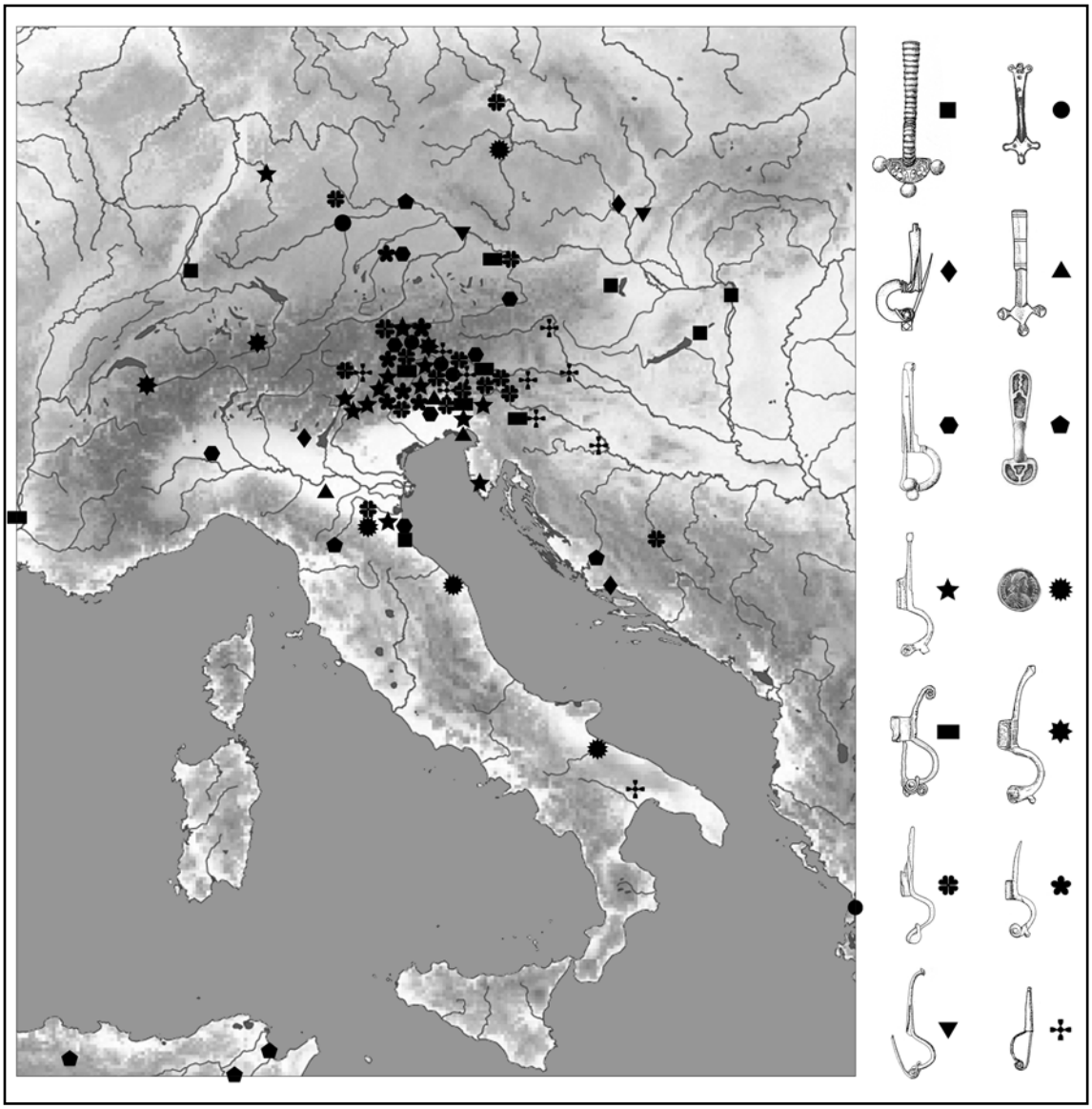

Fig. 3. Geographical distribution of brooches in the Alpine-Adriatic area and in the neighbouring regions (J. Pinar). Sources: Vinski 1967; Bierbrauer 1975; Schulze-Dörrlamm 1986, 2000; Wewerka 2004; Milavec 2009; Pinar 2010; 2018; Grabherr-Kainrath 2011; Bierbrauer, Nothdurfter 2015; Manzelli, Pinar 2017; Pollak 2021; Gleirscher 2021.

Рис. 3. Географическое распространение фибул в Альпийско-Адриатическом ареале и в соседних регионах (по J. Pinar). *Источники*: Vinski 1967; Bierbrauer 1975; Schulze-Dörrlamm 1986, 2000; Wewerka 2004; Milavec 2009; Pinar 2010, 2018; Grabherr-Kainrath 2011; Bierbrauer, Nothdurfter 2015; Manzelli, Pinar 2017; Pollack 2021; Gleirscher 2021.

as men were wearing them on their left shoulders: even some brooches produced to be worn to the right were instead worn on the opposite side (Giesler-Müller 1992: 99—100; Tíhelka 1963). The brooches retrieved from women's graves were apparently produced to be worn to the left, even the early ones, such as in Globasnitz 16. About 500 CE, apparently, late variants of crossbow and bow brooches were only used by women, either as a single brooch or in combinations of two or more brooches (Pinar 2018: 151—153). This is the only context of use recorded so far for many of the late crossbow brooches of the group. The use of the Adriatic solidus brooches of the same time shows a very similar trend (Manzelli, Pinar 2017: 117—119).

The original function of the "post-Zwiebelknopffibeln" however, was never entirely forgotten. In all likelihood, the context at Globasnitz grave 11 is that of a state officer, as some scholars suggested (Glaser 2003; Pollak 2020; Gleirscher 2021: 37—38). I am inclined to consider that he

Fig. 4. Geographical distribution of Keller/Pröttel 6 Zwiebelknopffibeln (after Buora 2013).

Рис. 4. Географическое распространение Т-образных фибул типа Келлер/Прёттель 6 (по Buora 2013).

was equipped from an Italian rather than from a Gallic centre, and that his made-in-Italy office insignia were both the composite cloisonné belt set and the damascened Desana brooch (fig. 5: 1—2). The Emmanuel brooch from an imprecise location in the Split area, as well as the iron belt buckle from Sirmione-S. Pietro in Mavinas (Breda et al. 2011: 51) display the same ornamental technique as in Globasnitz and are, quite probably, related to the same social and institutional context as well: they thus support the northern Adriatic origin of this group of late 5th century metalwork. Damascened iron insignia may have come into use by state officers in Odoacer's and/or Theodoric's kingdom not later than 470 CE. Judging by the Globasnitz example, by that time the officers fastened their cloaks with brooches worn on the left shoulder, against the tradition represented by the Zwiebelknopffibeln.

The Italian "post-Zwiebelknopffibeln", much like their predecessors, may have played a role in geopolitics, as diplomatic gifts or, rather, as insignia representing and sealing political alliances. In this context, the famous grave at Blučina-Cezavy in southern Moravia is of the uttermost importance. Generally speaking, the assemblage of objects deposited in the grave can be regarded as a more modest version of the splendorous treasures recorded in the kingly graves of the Apahida-Tournai group. In particular, the clothing accessories may have had a quite different provenance (fig. 5: 3—4): in view of the examined evidence, there is little doubt that the silver, nielloed brooch was produced in north-eastern Italy, as probably was the belt-buckle, technologically identical to Tortona-type iron buckles decorated with garnet cloisonné on gold foil (Giostra 2008). The combination of crossbow brooch and composite cloisonné belt buckle (the same elements recorded at Globasnitz!) may be thus regarded as actual insignia sent from Italy to a client or allied ruler. The Blučina burial is the most reliable evidence to frame this diplomatic event: in my view, the combination of brooch and belt buck-

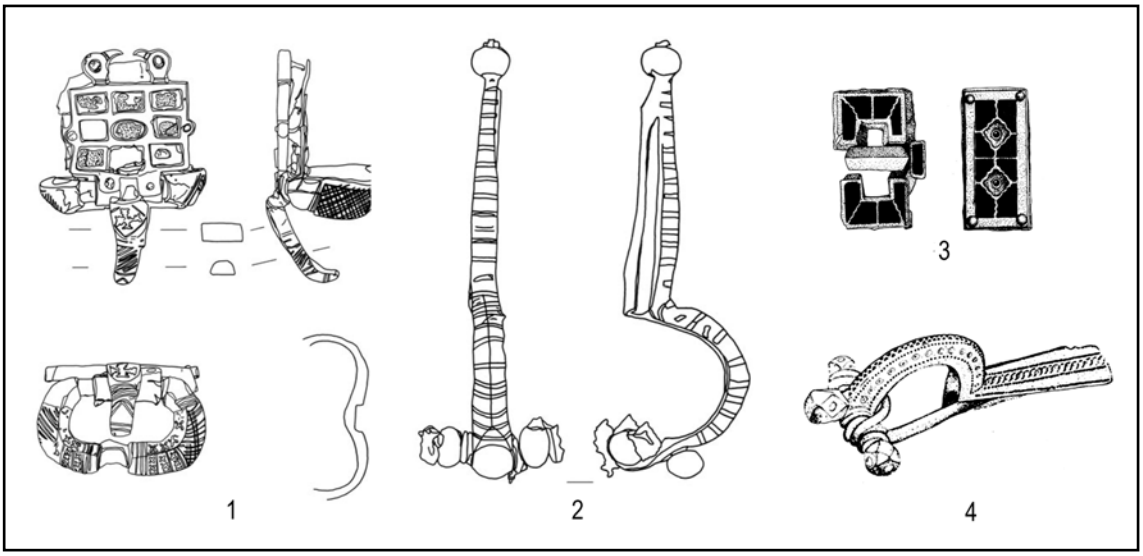

Fig. 5. Combinations of made-in-Italy brooches and buckles from male graves. Different scales (after Pollak 2017; Menghin 1983). 1—2 — Globasnitz, gr. 11; 3—4 — Blučina-Cezavy.

Рис. 5. Комбинации фибул и пряжек италийского производства из мужских могил (по Pollak 2017; Menghin 1983). 1—2: Глобасниц, гр. 11; 3—4: Блучина-Чезавы (см. выше). Масштаб различен.

le, on the one hand, and the features of the sword gear, on the other, bear witness of a chronology broadly coeval with the Flonheim-Gültlingen horizon (about 470—510 CE), that in Italian political history corresponds to the times of Odoacer and the early reign of Theodoric. That would imply that "Ravenna's friend" in Blučina may have been a Herul or Rugian ruler.

The long continuity in the typology of the new insignia should not be surprising: Odoacer's Ravenna relied on late Roman symbols when it came to the distribution of honours, as the Reggio Emilia treasure suggests (Pinar forthcoming), and this was probably the case in Theodoric's times as well. The continuity, under different administrations, in the diplomatic insignia used by Ravenna is suggested by the distribution of luxury brooches, such as the solidus brooches and the "Pistoia" bow brooches: the available contexts suggest a continuity of production and distribution from the mid 5th century to the early 6th century, this is, between the Theodosians and the Amals.

5. Conclusion

The times of Galla Placidia and Valentinian III brought a partial renovation in the typology of the insignia of office in the Western Roman Empire. A number of crossbow and bow brooches produced in north-eastern Italy (probably in or around Ravenna) substituted the classical *Zwiebelknopffibeln* as official emblem of civilian and/or military officers. The evolution of the typology of these objects up to the early 6th century shows that they became a fashionable item and, accordingly, were imitated by a number of secondary producers; during that time, their modalities of use changed, eventually distancing themselves from their official use (fastening a mantle on a man's right shoulder) and becoming a usual accessory of female clothing. Throughout most of their history, however, some types of brooches kept their original meaning, being used as signs of office and also as insignia given to client rulers by both the Late Roman administration and its "barbarian" successors.

References

Aimone, M. 2010. *I tesoro di Desana. Una fonte per lo studio della società romano-ostrogota in Italia*. BAR International Series 2127. Oxford: B.A.R.

Bierbrauer, V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien.* Biblioteca degli Studi Medievali VII. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo.

Bierbrauer, V., Nothdurfter, H. (Hrsg.). 2015. *Die Ausgrabungen im spätantik-frühmittelalterlichen Bischofssitz Sabiona-Säben in Südtirol* (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte). München: Kommisionsverlage CHB.

Bonifay, M. 2004. *Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique*. BAR International Series 1301. Oxford: B.A.R.

Božič, D. 2005. Die spätrömischen Hortfunde von der Gora oberhalb von Polhov Gradec. *Arheološki Vestnik* 56, 293—368.

Breda, A., Canci, A., Crosato, A., Fiorin, E., Ibsen, M., Possenti, E. 2011. San Pietro in Mavinas a Sirmione. In G.P. Bro-

giolo (ed.). *Nuove ricerche sulle chiese altomedievali del Garda*. Documenti di Archeologia 50. Mantova: SAP, 33—64.

Buora, M. 1997. "Zwiebelknopffibeln" del tipo Keller 6 da Aquileia. *Arheološki Vestnik* 48, 247—260

Buora, M. 2013. Zwiebelknopffibeln des Typs Keller 6: zur Verbreitung und status quaestionis. In Grabherr, G., Kainrath, B., Schierl, T. (eds.). *Relations abroad. Brooches and other elements of dress as sources for reconstructing interregional movement and group boundaries from the Punic Wars to the decline of the Western Roman Empire*. Ikarus 8. Innsbruck: Innsbruck University Press, 427—446.

Castoldi, M. 1989. Recipienti di bronzo tardo romani da Milano. *Rassegna di studi del Civico museo archeologico e del Civico gabinetto numismatico di Milano* 43—44, 61—90.

De Marchi, M. 1999. Reperti metallici e miscellanea. In G.P. Brogiolo (ed.). *S. Giulia di Brescia: gli scavi dal 1980 al 1992. Reperti preromani, romani e alto medievali*. Firenze: All'Insegna dell Giglio, 315—331.

Eger, C. 2017. Between amuletic ornament and sign of authority: Christian symbols on Mediterranean dress accessoires of the fourth to sixth centuries. In Garispzanov, I., Goodson, C., Maguire, H. (eds.). *Graphic signs of identity, faith and power in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Turnhout: Brepols, 281—324.

Fitz, J. 1970. *Gorsium. A Táci római kori ásatások*. Székesfehérvár: István Király Múzeum.

Giesler-Müller, U. 1992. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen*. Basler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte 11. Derendingen-Solothurn: Habegger Verlag.

Giostra, C. 2008. The ostrogothic buckle with cloisonné decoration from Tortona (Italy). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 38, 577—596.

Glaser, F. 2003. *Ostgotisches Militär in Kärnten. Erste Funde aus der Zeit des Königs Theoderich des Großen (493—526)*. Klagenfurt: Landesmuseum für Kärnte.

Gleirscher, P. 2021. Ostgoten in Norikum? Zum Gang und Stand der Diskussion. *Rudolfinum* 2020, 17—51.

Ivantchik, A.I. 2002. Un puits d'époque paléochrétienne sur l'agora d'Argos. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 126, 331—404.

Maioli, M.G. 1992. Il tesoretto di piazza Cavour (scavo 1961). In Turchini, A. (ed.). *Rimini medievale. Contributi per la storia della città*. Rimini: Ghigi Bruno Editore, 237—304.

Manzelli, V., Pinar Gil, J. 2017. La tomba 185 del cimitero di Villa Clelia ad Imola: elementi di cronologia relativa e assoluta. In Pinar Gil, J. (ed.): *Small finds e cronologia: esempi, metodi e risultati*. Roma: BraDypUS Communicating Cultural Heritage, 89—135.

Menghin, W. 1983. *Das Schwert im frühen Mittelalter*. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag.

Milavec, T. 2009. Crossbow fibulae of the 5th and 6th centuries in the south-eastern Alps. *Arheološki Vestnik* 59, 223—248.

Mitscha-Märheim, H. 1971. Frühgeschichtliche Kleinfunde aus Ostösterreich in verschiedenen Sammlungen. *Archaeologia Austriaca* 50, 185—196.

Nagy, M. 1993. Óbuda a népvándorlás korban. *Budapest Régiségei* XXX, 353—395.

Pinar Gil, J. 2010. Chlamys e cingulum nel tardo V secolo: tre rinvenimenti dall'Emilia Romagna. In Baldini, I., Morelli, A.L. (eds.). *L'oreficeria in Emilia Romagna dall'età romana al medioevo*. Ornamenta II. Bologna: Ante Quem, 229—256.

Pinar Gil, J. 2018. Contributo alla storia dell'abbigliamento del V secolo in Emilia Romagna: a proposito di alcuni tipi di fibule poco frequenti. In Vingo, P. de (ed.): *Le archeologie di Marilli*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 143—156.

Pinar Gil, J. forthcoming. Childeric, Odoacer… and Bohemia? In: Jiřík, J. (ed.). *Royal Insignia of the Late Antiquity from Mšec and Řevničov, Bohemia*. Písek.

Pollak, M. 2017. Spätantike und Merowingerzeit in den beiden norischen Provinzen. Ein erster Blick auf den ostgotenzeitlichen Friedhof von Globasnitz/Globasnica, Kärnten. In Dörfler, I., Gleirscher, P., Ladstätter, S., Pucker, I. (Hrsg.). *Ad amussim. Festschrift zum 65. Geburtstag von Franz Glaser*. Klagenfurt am Wörthersee, Wien: Verlag des Landesmuseums für Kärnten; Österreichisches Archäologisches Institut an der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 249—278.

Pollak, M. 2020. Ein gallo-römischer Offizer im Alpenraum? Neues zum Amstrträger der Strassenstation Iuenna/Globasnitz. *Carinthia* 210, 91—119.

Pollak, M. 2021. Überregionale Beziehungen im ostgotenzeitlichen Friedhof von Globasnitz. *Carinthia* 211, 49—91.

Pröttel, P. 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibel. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 35, 347—372.

Riegl, A. 1901. *Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn im Zusammenhange mit der Gesamtentwicklung der Bildenden Künste bei den Mittelmeervölkern*. Wien: Staatsdruckerei.

Schulze-Dörrlamm, M. 1986. Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts nach Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 33, 593—720.

Schulze-Dörrlamm, M. 2000. Germanische Spiralplatten oder romanische Bügelfibeln? Zu den Vorbildern elbgermanisch-fränkischer Bügelfibeln der protomerowingischer Zeit. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 30, 599—613.

Tíhelka, K. 1963. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov. *Památky Archeologické* 54, 467—498.

Vinski, Z. 1967. Kasnoanticki starosjedioci u Salonitanskoj regij prema arheoloskoj ostavstini predslavenskog supstrata. *Vjesnik za Arheologiju i Historiju Dalmatinsku* 69, 5—98.

Wewerka, B. 2004. Spätantike Gräber im Bereich der Burggartengasse in Mautern a.d. Donau: ein Vorbericht. In Friesinger, H., Stuppner, A. (Hrsg.). *Zentrum und Peripherie: Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte*. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission 57. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 411—430.

Статья поступила в сборник 17 августа 2022 г.

Joan Pinar Gil (Hradec Králové, Czech Republic). PhD. University of Hradec Králové, Department of Archaeology[1].

Пинар Жиль Жуан (Градец-Кралове, Чехия). PhD. Университет Градец-Кралове, отделение археологии.

E-mail: joan.pinargil@uhk.cz

ORCID: 0000-0003-0398-129X

Address: [1] Rokitanského 62, Hradec Králové, 500 03, Czech Republic

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БСЭ²	— Большая советская энциклопедия, 2-е издание. 51 т. Москва: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1950—1960.
БФ	— благотворительный фонд.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборник. Мінск.
ГИАМЗ ХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный Музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК КФУ	— Институт археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии Наук.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИЭ	— Советская историческая энциклопедия. 16 т. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Історико-культурний заповідник «Більськ». Котельва.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. Краснодар.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
кол. вкл.	— кольорова вклейка.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург.
КСТ	— Культовое святилище Таракташ.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МФТИ	— Московсский физико-технический институт. Москва.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАН — Национальная Академия наук.
НАО — Научное археологическое общество.
НАО — научно-архивный отдел.
НИЦИАК КФУ — Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ОАК — Отчет Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ОКН — объект культурного наследия.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА — Российская археология. Москва.
РАЕ — Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН — Российская Академия наук. Москва.
РСМ — Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ — Саратовский государственный университет. Саратов.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАР — Синьцзян-Уйгурский автономный район.
СЭ — Советская этнография. Москва.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОВ — Товариство з обмеженою відповідальністю.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХГУ — Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ — Центр археологических исследований Благотворительного фонда.
ЦП НАНУ і УТОПІК — Центр пам’яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам’яток історії та культури. Київ.
ЮНЦ — Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
BAR IS — British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
DictMidAges — Strayer J. (ed.). Dictionary of the Middle Ages. NY: Charles Scribner’s Sons, 1982—1989. Vol. 1—13.
DNP — Cancik H., Schneider H., Egger B., Derlien J. und andere (Hrsg.). Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. 16 Bände (in 19 Teilbänden sowie 6 Supplementbänden). Stuttgart/Weimar: Metzler, 1996—2010.
KlP — Ziegler K., Sontheimer W. (Hrg.): Der Kleine Pauly, Lexikon der Antike (in 5 Bänden) auf der Grundlage von Pauly’s Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter. München: dtv, 1979.
LAW — Lexikon der alten Welt. Zürich, Stuttgart: Artemis, 1965.
LexMA — Lexikon des Mittelalters. 10 Bände. Artemis, München/Zürich/Lachen am Zürichsee). 1977—1999; Neudruck (in 9 Bänden): Stuttgart/Weimar 1999.
ODByz — Kazhdan A. (ed.) The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 3 vol.
RE — Ziegler K. (Hrsg.): Pauly’s Real-Encylopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus. Stuttgart 1894—1963 (1. Reihe I—XXIX), 1914—1972 (2. Reihe I—X) und 1912—1978 (Supplementbände), Register von H. Gärtner und A. Wünsch. München 1980.
RGA — Jankuhn H., Beck H., Kuhn H., Ranke K., Wenskus R. (Hrsg.). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 35 Bände. Berlin; New York: De Gruyter, 1968—2007.
RGZM — Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SH — The State Hermitage museum. Saint Petersburg.
SMP TC — The State museum-preserve “Tauric Chersonesus”. Sevastopol.
UMCS — Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.

Друзей медлительный уход ...
Памяти Олега Шарова

2022. — 348 стр.

Подписано к печати 16.11.2022 г.

Университет «Высшая антропологическая школа»,
«Stratum plus» Р. Р.
Адрес: ул. Йорга, 5, Кишинев, MD-2009,
Республика Молдова

Формат 60×84$^{1}/_{8}$. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 100 экз.
Отпечатано в Г.П. ИПФ «Центральная типография»:
Адрес: ул. Флорилор 1, Кишинев, MD-2068,
Республика Молдова

The footsteps of my friends leaving ...
Ad memoriam Oleg Sharov

2022. — 348 pp..

Endorsed for print November 16, 2022.

High Anthropological School University,
"Stratum plus" Journal:
Address: Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009,
Republic of Moldova

Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper no. 1. Offset print.
Font "Liberation". 100 copies.
Printed by State Owned Publisher "Tipografia Centrala":
Address: Florilor St., 1, Kishinev, MD-2068,
Republic of Moldova